

ИВАН ПРЫЖОВ

**ОЧЕРКИ
РУССКОГО БЫТА**

РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Серия главных книг самых выдающихся русских этнографов и знатоков народного быта, языка и фольклора, заложивших основы отечественного народоведения. Книги отражают главные вехи в развитии русского образа жизни – понятий, обычаев, труда, быта, жилища, одежды – воплощенного в материальных памятниках, искусстве, праве, языке и фольклоре:

Ярослав Мудрый	Глинка Г.	Орлов А. С.
Нестор Летописец	Громыко М. М.	Пассек В. В.
Владимир Мономах	Даль В. И.	Потебня А. А.
Русская Правда	Державин Н. С.	Пропп В. Я.
Нил Сорский	Драгоманов М. П.	Прыжов И. Г.
Иосиф Волоцкий	Ермолов А. С.	Риттих А. Ф.
Иван Грозный	Ефименко А. Я.	Ровинский Д. А.
Стоглав	Ефименко П. С.	Рыбников П. Н.
Домострой	Забелин И. Е.	Садовников Д. Н.
Соборное Уложение	Забылин М.	Сахаров И. П.
Азадовский М. К.	Зеленин Д. К.	Снегирев И. М.
Аничков Е. В.	Кайсаров А. С.	Срезневский И. И.
Антоновский М. И.	Калачов Н. В.	Сумцов Н. Ф.
Анучин Д. Н.	Калинский И. П.	Терещенко А. В.
Афанасьев А. Н.	Киреевский П. В.	Токарев С. А.
Барсов Е. В.	Коринфский А. А.	Толстой Н. И.
Батюшков П. Н.	Костомаров Н. И.	Фаминцын А. С.
Безсонов П. А.	Кулиш П. А.	Флоринский Т. Д.
Богданович А. Е.	Ламанский В. И.	Худяков И. А.
Бодянский О. М.	Максимов С. В.	Чулков М. Д.
Болотов А. Т.	Максимович М. А.	Шангина И. И.
Будилович А. С.	Мельников П. И.	Шейн П. В.
Бурцев А. Е.	Метлинский А. Л.	Шергин Б. В.
Буслаев Ф. И.	Миллер В. Ф.	Ядринцев Н. М.
Веселовский А. Н.	Миллер О. Ф.	Якушкин Е. И.
Гальковский Н. М.	Надеждин Н. И.	Якушкин П. И.
Гильфердинг А. Ф.	Нидерле Л.	

ИВАН ПРЫЖОВ

**ОЧЕРКИ
РУССКОГО БЫТА**

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2017

УДК 39
ББК 63.5
П 85

Прыжов И. Г.

П 85 Очерки русского быта / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.:
Институт русской цивилизации, 2017. — 640 с.

В книге русского историка, этнографа и публициста Ивана Гавриловича Прыжова (1827–1885) рассматриваются важные страницы истории народного быта Великороссии и Малороссии. В работе «История кабаков в России в связи с историей русского народа» на богатом фактическом материале показан процесс спаивания простых людей еврейскими арендаторами кабаков. В работе «Нищие на святой Руси» раскрывается духовно-нравственный характер нищенства в России.

ISBN 978-5-4261-0159-3

© Институт русской цивилизации, 2017

ЮРОДИВЫЕ И КЛИКУШИ

26 МОСКОВСКИХ ПРОРОКОВ, ЮРОДИВЫХ, ДУР И ДУРАКОВ

ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ

Иван Яковлевич, из смоленских священнических детей¹, учился в духовной академии, жил в Смоленске, занимаясь управлением чего-то, что-то наделал и ушел в лес, решившись юродствовать. Крестьяне нашли его в лесу копающим палкой землю, без шапки и без всякого имущества; они построили ему избушку, стали к нему ходить, и скоро имя Ивана Яковлевича сделалось известным во всей окрестности. Такое начало подвижнической жизни Ивана Яковлевича было чисто в древнерусском духе. Тогда обыкновенно все старцы и старицы уходили в лес, в пустынные места, в особенности на север Новгородской области: у них скоро являлась хижина, иначе келия; проходила по окрестности молва о совершавшихся там явлениях, в келий собиралось общество и т. д. Но хижине Ивана Яковлевича не суждено было никакого дальнейшего развития. Сорок три года тому назад жила в Смоленске одна богатая и знатная барыня; у ней была дочь-невеста, сговоренная за одного из военных, отличившихся

¹ Брат его, Илья Яковлевич, был в военной службе, достиг степени капитана, вышел в отставку и был где-то смотрителем. Живет он в Москве.

в войне 1812 года. Свадьба уже была назначена, но невесте вздумалось съездить к Ивану Яковлевичу. Вот мать и дочь, взяв с собой няньку и девку, садятся в карету, запряженную в шестерик, едут в лес, входят в хижину Ивана Яковлевича и спрашивают у него: счастлива ли будет замужем такая-то раба Божия? Иван Яковлевич, вместо ответа, вскакивает с места, где сидел, стучит кулаками о стол и кричит: «Разбойники! Воры! Бей! Бей!» Воротившись домой, невеста объявила матери, что она замуж за своего жениха не пойдет, потому что Иван Яковлевич назвал его разбойником. Услышав про неожиданный отказ, жених стал выпытывать у людей невесты причину и узнал, что его невеста была у Ивана Яковлевича и он сказал ей что-то очень дурное про ее жениха. Жених, это был Э-ъ¹, тотчас же отправился к Ивану Яковлевичу и, рассказывали мне, переломал ему ноги, а потом просил смоленского губернатора избавить общество от этого изувера, который расстраивает семейные дела. В Смоленске, разрушенном войною, не было тогда дома умалишенных, поэтому тамошний губернатор переписался с московским губернатором (эта переписка, вероятно, цела, – издать бы ее), и вот Иван Яковлевич посажен в московский «безумный дом». Невеста Э–а замуж не выходила, а пошла в монастырь, была игуменьей и вела переписку с Иваном Яковлевичем. Ехал Иван Яковлевич в Москву, а слава его бежала впереди и распространяла слух, что едет пророк, чудесно все угадывающий и предсказывающий, и сорок три года прошло уж, как этот Иван Яковлевич, почитаемый

¹ Рассказывают еще, что женихом был не Э., а К., который впоследствии действительно оказался вором. Неужели в целом Смоленске не найдется ни одного человека, который собрал бы там все рассказы про Ивана Яковлевича и восстановил их в настоящем виде!

равно москвитянками и смольнянками, предсказывает им о женихах, о выздоровлениях, исцеляет больных, пророчествует о морозах, о засухе, о бурях, о холере, о войне и т. п. Ему приносят дары, «с упованием некия пользы», но он, как некий идол, сам ничем не пользуется (т. е. не наживается), а все раздает окружающим его. Кроме того, при «безумном доме» в честь Ивана Яковлевича устроена «кружка», куда доброхотные даятели влагают свои лепты, куда идут и несчастный грош бедной бабы, и алая бумажка богатой купчихи... Приносимые же ему дары состоят, обыкновенно, в калачах, яблоках и нюхательном табаке. Принятые Иваном Яковлевичем, они освящаются в его руках и потом раздаются всем приходящим к нему и производят мнимые чудеса. Одна барыня, приехавшая к Ивану Яковлевичу из Смоленска, услышав однажды голос неверия, сочла своим долгом обратить неверующего на истинный путь и рассказывала, как Иван Яковлевич исцелил ей палец, который медики единогласно приговорили отрезать. Медики объявили ей, что если она не отрежет пальца, то скоро нужно будет резать ей всю руку. Несколько дней продолжалась ужасная боль в ее пальце, и не знала она, что ей делать и куда деваться, и вдруг вспомнила, что у ней в комодке лежит сверток табаку, подаренного ей Иваном Яковлевичем, с надписью: «Табак от Ивана Яковлевича». Она велела подать себе этот табак, посыпала им палец, и – чудо! – палец тотчас же перестал болеть и скоро зажил. «Таким образом, все наши медики, – продолжала она, – шарлатаны, а Иван Яковлевич – святой человек». Кроме нюхательного табаку, другим, так сказать, символом нездешнего духа Ивана Яковлевича служат записочки, которые он раздает приходящим. Записочки Ивана

Яковлевича носят на кресте; они исцеляют от зубной боли, но главное, по смыслу написанного в них угадывается судьба. Пишет Иван Яковлевич очень хорошо, но нарочно делает каракульки вместо слов, чтобы в его писании было больше чудесного. С этой же целью употребляются им греческие и латинские слова. Предсказания его и записочки всегда загадочны до отсутствия всякого смысла; в них можно видеть все и ничего не видеть, а потому, объясняемые с известною целью, они постоянно сбываются. Вот пункт, на котором никак не собьешь его поклонниц. Но говорят, что Иван Яковлевич в последнее время редко писал эти записки и что писанием их занимался бывавший ежедневно у него богаделенный дьякон, который и собирал материалы для жития Ивана Яковлевича. Из других способов, которыми передается врачующая сила Ивана Яковлевича, замечательны следующие: девушек он сажает к себе на колени и вертит их; пожилых женщин он обливает и обмазывает разными мерзостями, заворачивает им платье, дерется и ругается, без сомнения придавая тому и другому символическое значение. Княгиня В-ая умирала, и лекаря отказались ее лечить. Она велела везти себя к Ивану Яковлевичу; вошла к нему, поддерживаемая двумя лакеями, и спрашивает о своем здоровье. В это время у Ивана Яковлевича были в руках два больших яблока. Ничего не говоря, он ударил княгиню этими яблоками по животу, с ней сделалось дурно, и она упала: еле-еле довели ее домой, и – чудо! – на другой день она была здорова.

В его палате стены уставлены множеством икон, словно часовня какая. На полу перед образами стоит большой высеребренный подсвечник с местной свечой, в подсвечник «ставят» свечи. Налево низко молится

странник с растрепанными волосами и в порыжелом от солнца кафтане. Направо, в углу, еще ниже молится баба. Прямо на диване сидит молоденькая девушка, на полу возле *него* известная купчиха 3-ая. Увидав вошедших людей, она встала, опустила на юбку свое платье, поднятое кверху, чтоб не замарать его на полу, подвела к *нему* под благословение своего ребенка, потом сама подошла, потом поцеловала его руку и лоб, перекрестила его и вышла.

Направо в углу, на полу, лежит Иван Яковлевич, закрытый до половины одеялом. Он может ходить, но несколько лет уж предпочитает лежать. На всех других больных надето белье из полотна, а у Ивана Яковлевича и рубашка, и одеяло, и наволочка из темноватого ситца. И этот темный цвет белья, и обычай Ивана Яковлевича совершать на постели все отправления, как-то: обеды и ужины (он все ест руками – будь это щи или каша) и о себя обтираться, – все это делает из его постели какую-то темно-грязную массу, к которой трудно и подойти. Лежит он на спине, сложив на груди жилистые руки. Ему около 80 лет. Лоб высокий, голова лысая, лицо какое-то придавленное. Он молчит или почти не отвечает на все предлагаемые ему вопросы. Сторож ему и говорит: «Иван Яковлевич, что же вы не скажете ничего господам? Скажите что-нибудь им». – «Я устал», – ответил он, но потом сказал кое-что очень обыкновенное. Иван Яковлевич лет по десяти не говорит. Явление понятное. По великим постам он велит приносить себе постные и скоромные кушанья (и ему приносят!), мешает их вместе, и сам ест, и других кормит. И ханжи, которые дома не обходятся без постного сахару, едят у Ивана Яковлевича скоромные щи, веруя, что это богоугодное дело. Вообще же мешанье куша-

ньев имеет в глазах Ивана Яковлевич какое-то мистическое значение. Принесут ему кочанной капусты с луком и вареного гороху; оторвет он капустный лист, обмакнет его в сок и положит его к себе на плешь, и сок течет с его головы; остальную же капусту смешает с горячим горохом, ест и других кормит: скверно кушанье, а все едят. За обедом и ужином не запрещена Ивану Яковлевичу и водочка.

Из почитателей Ивана Яковлевича известны: упомянутая выше купчиха З-ая и ее муж и г-жа Г-ая. Говорят, что у Ивана Яковлевича часто бывал покойный гофмаршал Олсуфьев, и когда он приезжал, то к Ивану Яковлевичу никого больше не пускали. Г-жа Г-ая имела в Москве судебное дело, в котором отказано ей было во всех инстанциях. Подавала она несколько просьб начальству, и кончилось тем, что ее обязали подпиской не беспокоить более начальства. Что ей делать? Она бросилась к Ивану Яковлевичу. Он ей сказал: «Не бойся! ступай в Питер и проси священника Александра». Она поехала в Петербург, говела там, исповедовалась нарочно у священника Александра – и выиграла дело. У нее же за долги было назначено в продажу имение. Завтра аукцион: что ей делать? Она – к Ивану Яковлевичу. «Не бойся, – говорит он ей на своем мистическом языке, – все будет хорошо». Она, грешная, не верит, идет домой, и что ж: ей дают займы денег, она платит, и именье остается за нею! Но не ко всем добр Иван Яковлевич. Настоящих дураков и он даже гоняет от себя, особенно когда они обращаются к нему с нелепыми вопросами. Приезжают раз к нему три жирные такие купчихи в тысячных салопах, и одна из них, беременная, спрашивает, кого она родит: мальчика или девочку. Иван Яковлевич выгнал их всех и не стал с ними го-

ворить. Приехала к нему известная некогда красавица, купчиха Ш–а, и спрашивает его о чем-то, а он сказал, подняв ей подол: «Все растрясла, поди прочь!» В числе почитателей Ивана Яковлевича считается одно известное лицо, которое по его записочкам, написанным на клочках серой бумаги, оказывает покровительство его родственникам. Так, например, племянник Ивана Яковлевича был переведен из села Петровского в село Черкизово. И потом эти черкизовские родственники и хлопотали, как бы взять Ивана Яковлевича к себе и, таким образом, открыть у себя торговлю. Им помогал некто В–н. Говорят, что он прежде был дьяконом, потом женился на купчихе, был учителем, по ходатайству одного лица перед князем С. М. Голицыным поступил в совет, где по милости же князя дослужился до коллежского асессора, потом поступил в монахи, а теперь опять сделался светским. Он подавал уже прошение, чтобы позволили взять Ивана Яковлевича из «безумного дома», но ему отказали.

Вот тридцать шесть подлинных писем Ивана Яковлевича, из которых тридцать три были писаны им к одной даме, имеющей с ним сношение со времени ее выхода из Екатерининского института, в продолжение более двадцати лет. Она или сама к нему ездила за ответами, или посылала к нему девушку с записочкою. Каждый шаг ее жизни, вся участь ее детей – все это предварительно подвергалось обсуждению Ивана Яковлевича. Задумает она, например, что-нибудь о своем сыне и пишет Ивану Яковлевичу записочку: будет ли счастлив такой-то мой сын? И он на той же самой записочке и ответит ей: «Счастлив будет!» Она и верит, и поступает, как следует. И все эти ответы хранились у нее бережно.

- 1) Что ожидает Петра: женитьба или монастырь? О чем думает Петр? *Ответ.* Я не думала и не гадала ни о чем во свете тужить. А когда пришло временичко, взяла грудь тамить. Несте под лексом (*законом*), но под благодатию.
- 2) Идти ли ей в монастырь? *Ответ.* Цорная риза не спасает, а альпа (*белая*) риза у ереси не уходит. Будьте мудри, яко ехидны, и цели, яко колюмпы (*голубки*) и нетленен яко арпорс (*деревья*) кипариси, и певки и кедри... 183д рока, мензис (*месяц*) иулия XXII. Студент холодных вод Иоанну с Ияковлев.
- 3) Скоро ли получит место раб Божий Николай (семинарист)? *Ответ.* Во вселия (*т. е. в селы*), господи во места света и прохлады и нетления и без вреждэн и без худых волей.
- 1) Женится ли X?¹ *Ответ.* Без працы не бенды кололацы (*Sic*).
- 2) Выйду ли я замуж? *Ответ.* Это хитрая штука в своей силе, что в рот носили.
- 3) Когда А. поедет в Петербург? *Ответ.* А. (*имя*) дух сокрушенный во храме Соломона молитвы дед.
- 4) Продадут ли деревню? *Ответ.* Не продадут.
- 5) Скоро ли X. разбогатеет? *Ответ.* Не скоро, а животи здорово!
- 6) Продастся ли деревня? *Ответ.* Никогда.
- 7) Любит ли А—у Н—й? *Ответ.* Н—й любит Екатерину.
- 8) Что мое дело? *Ответ.* Воды льются всюду, но не равны все сосуды.
- 9) Богато ли будет жить раба А.? *Ответ.* Бог богат, надо думать, что будет богата и Клеменция (*Clementia*).

¹ Все следующие письма принадлежат даме, которая ведет переписку с Иваном Яковлевичем со времени своего выхода из Екатерининского института.

- 10) Ехать ли А—у этою зимою в Петербург? *Ответ.* Как вам угодно.
- 11) Скоро ли А. получит должность? *Ответ.* Не скоро, а животу здорово.
- 12) Будут ли мне рады в Петербурге? *Ответ.* Бог лучше радуется о спасении брэнного человека, нежели 9–10 праведных соспасенных (*Sic*).
- 13) За кого выйдет девица А. замуж? *Ответ.* За Иосифа.
- 14) Будет ли счастлива и богата? *Ответ.* Благополучен.
- 15) Поправятся ли мои дела? *Ответ.* Господи, аще путь беззакония отврати от его, а настави на путь нетленного живота.
- 16) Что ожидает рабу А.? *Ответ.* Мир нетления.
- 17) Чем кончится в сенате у рабе А? (*Sic*). *Ответ.* Кто больше знает, подавай тому свет Вивлае (*Библии*). Во Хирас. 1854 рока а мца Сентиу.
- 18) Не продадут ли деревню у рабе А., при ней ли останется? *Ответ.* Нет.
- 19) Счастлив ли будет сын А., Александр-старший, и кто он будет? *Ответ.* Пока счастье прозябает, полна друзей бывает, а когда счастье проходит, тогда zde един друг не приходит (*Должно заметить, что московский оракул пишет вместо «б» – «т», а потому вместо бывает – у него: пывает*).
- 20) Счастлива ли будет дочь ее Анна и кто она будет? *Ответ.* Щастьлива.
- 21) Счастлив ли будет Сергей и кто он будет? *Ответ.* Счастлив.
- 22) Счастлив ли будет Владимир и кто он будет? *Ответ.* Щастьлив.

- 23) Счастлив ли будет Николаи и кто он будет? *Ответ.* Щастълив, а чин его архи-
диакон.
- 24) Батюшка, Иван Яковле- *Ответ.* Половину дела той мает,
вич! Скажи в пользу ли рабы кто доброй начал обретаает (*Sic*).
А. кончится дело в сенате?
- 25) Как раба А. будет жить *Ответ.* Мирно и враждебно и
счастлива ли и богато ли? спасительно будет жить.
- 26) Что ожидает рабу А.? *Ответ.* Дух Агиос.
- 27) Поправятся ли дела А.? *Ответ.* Поправятся.
- 28) Поправятся ли дела *Ответ.* Поправятся.
рабы А.?
- 29) Велят ли выдать мне *Ответ.* В мефу дать аргент (*сере-*
проценты? *бро*) боится.
- 30) Что случится с рабом *Ответ.* Александрос Львос Фи-
Александром? липпа Висилавсу Македону урб-
(Sic).
- 31) Поправятся ли дела *Ответ.* Господи аще путь безза-
Александра? кония отврати от его, а настави на
путь нетления.
- 32) Что случится с рабом *Ответ.* Житие, а не роскошная
Константином? Масленица.
- 33) Что случится с рабою *Ответ.* Также. 1854 рока. А мца
Екатериной? Январия V дня.

Упомянем еще о некоторых мнимых чудесах покойного пророка, записанных в «Органоне» князя Долгорукого. «Я наблюдал, – говорит князь А. Долгоруков¹, – за Иваном Яковлевичем в Москве, в доме умалишенных; вот один случай, который убедил меня в его прозерцании. Я любил одну А. А. А., которая, следуя в то время общей московской доверенности к Ивану Яковлевичу, отправилась к нему для того, не предскажет ли ей чего-нибудь нового; возвратившись оттуда,

¹ «Органон животного месмеризма». Сочинение князя Алексея Долгорукого. Спб., 1860. С. 301–303.

между прочим, рассказала мне, что она целовала его руки, которые он давал, и пила грязную воду, которую он мешал пальцами; я крепко рассердился и объявил ей формально, что если еще раз поцелует она его руку или напьется этой гадости, то я до нее дотрагиваться не буду. Между тем спустя недели три она отправилась вторично к нему, и когда он, по обыкновению, собравшимся у него дамам стал по очереди давать целовать свою руку и поить помянутой водою, то, дойдя до нее, отскочил, прокричав три раза: “Алексей не велел!”; узнав это, я решился к нему поехать и понаблюдать за ним; первая встреча моя была с ним: как только я вошел, он отвернулся к стене и начал громко про себя говорить: “Алексей на горе стоит, Алексей по тропинке идет узенькой, узенькой; холодно, холодно, холодно, у Алексея не будет ни раба, ни рабыни, ноги распухнут; Алексей, помогай бедным, бедным, бедным. Да, когда будет Алексей Божий человек, да... когда с гор вода потечет, тогда на Алексее будет крест”. Признаться сказать, эти слова во мне запечатлелись, и после этого я выучился трем мастерствам; хотя мне и объясняли эти слова ясновидящие и высокие, но, однако, день Алексея Божия человека я равнодушно встречаю. Из наблюдений над ним, я утром более находил в нем созерцания, и многие такие откровенные вещи он открывал, что самому высокому ясновидцу только можно прозерцать; в других же иногда целыми днями он пустяки городил. Говорил он всегда иносказаниями»¹.

¹ Он прежде никогда не говел; один купец, мне знакомый, имеющий пять человек детей, каждый пост ездил его уговаривать и всегда получал ответ: «У тебя буду говеть». В холеру разом купец потерял жену и детей и с горя постригся в монахи; на другой день после посвящения его в иеромонахи Иван Яковлевич вдруг стал плакать и просить привести из такого-то монастыря такого-то. Мы все в нем узнали бывшего купца, и он у него исповедался и приобщался. – *Прим. князя Долгорукого.*

Незадолго до своей смерти Иван Яковлевич написал к одному лицу в Москву следующее письмо, которое издается здесь с необходимыми пропусками:

«...Иоанн Яковлевич оттенок нетленного света тышет к лучю нетленного света бессмертного луча и света... на бренной земле... свет миру, а луч православный на земли и на водах ей витайствует дух, да почиет свет от трудов своих; не приветствуя Вас... как всегда готового для всемирной славы, тако мир благовествую. Более горздо квадратных лет ради Бога с его народами тружусь у печки на двух квадратных сажнях. Кто ищет царствие небесное, нудится, а нуждницы восхищают. Благодарю Создателю моему, что Он меня, пораженного болезнями, не отринул, послал исцеление. Ты, Господи, вся стихиею сотворил еси; души праведных в руке Божий, от нетленного света бренный свет питается... обратите милостивое ваше внимание на Ивана Яковлевича, исходатайствуйте ему свободу из больницы на чистый прохладный безболезненный воздух к родной племяннице моей диаконнице Марии в село Петровское, за таковое ваше милосердие воздаст вам Бог и Господь и Дух Святый воздаяние во Единой Троицы славимый? Аминь».

Действительно, по этому письму хотели Ивана Яковлевича выпустить из «безумного дома», но когда ему объявили это, то он сказал, что итти никуда не хочет, а тем более в ад.

«Находившийся в Преображенской больнице Иван Яковлевич Корейша, сего сентября 6-го числа в четвертом часу пополудни, скончался; отпевание тела имеет быть в Воскресенье 10-го числа, в 10-м часу утра, в приходской, что в Екатерининском Богаделенном доме, церкви, а погребение в Покровском монастыре» – таково было известие, которое в одно утро Москва прочла в «Полицейских ведомостях». Иван Яковлевич умирал.

Недели за три до смерти уста его смолкли для пытливых посетителей, которые уже бесплатно входили к нему в комнату, наблюдали за его предсмертными вздохами и выходили от него с грудой нерешенных вопросов. Из его предсмертных особенных действий известно, что за восемь дней до смерти он приказал купить восемь окуней и сварить ушку. Покушав немного рыбки, он дальнейшее истребление ухи отложил до утра; потом, раз ночью, выдвинулся он на середину комнаты и лег ногами к образам, как прилично покойнику, но внимательными заботами проснувшегося сторожа положен был на прежнее место, в угол к печке. Наконец стукнул роковой час, и Ивана Яковлевича не стало. Скорбная весть о смерти его быстро пронеслась по всем концам Москвы; множество поклонников спешило к нему из-за Яузы, из Таганки, из Замоскворечья, и все несли ему уксусу, спирту, духов, масел для умащения его тела. Два дня стоял он в своей комнате, и масса народа не отходила от него, прикладывалась к нему и помазывала его для уничтожения появившегося зловония. Благоразумные же поклонники, опасаясь, что от усердного натирания труп окончательно испортится, сочли нужным вынести его в часовню. Назначено было его хоронить в воскресенье, как и объявлено было в «Полицейских ведомостях», и в этот день, чуть свет, стали стекаться к нему почитатели; но погребение не состоялось за возникшим спором, где именно его хоронить. Говорят, что чуть не дошло до драки, а брань уж была и порядочная. Одни хотели везти его в Смоленск, на место его родины; другие хлопотали, чтоб он был похоронен в мужском Покровском монастыре, где даже вырыта была для него могила под церковью; третьи умиленно просили отдать его прах в женский Алексеевский монастырь, а четвертые, уцепившись за гроб, тащили его в село Черкизово, где у покойного осталась племянница в замуже-

стве за диаконом, который поэтому и нажил себе благодетелей. На последней стороне больше всего было силы, и она одолела. Из опасения, чтоб не украли тело Ивана Яковлевича, стоявшее в часовне, сначала приставили к нему сторожа, а потом внесли в церковь, откуда уже никак нельзя было его украсть. Во все это время шли дожди и была везде страшная грязь, но, несмотря на то, во время перенесения тела из квартиры в часовню, из часовни в церковь, из церкви на кладбище женщины, девушки, барышни в кринолинах падали ниц, ползали под гробом, ложились по дороге, чтоб над ними пронесли гроб. Принесли его в церковь. Три кружки, стоящие зачем-то у гроба, быстро наполнились деньгами, и затем деньги посыпались в гроб. Немало было явлений. На другой день после смерти Ивана Яковлевича явился живописец (называют одного профессора живописи) снять с покойника портрет, но только что он хотел приняться за работу, как у покойного тотчас начали вспухать глаза, губы стали вздуться, и все решили, что Ивану Яковлевичу, вероятно, неудобно, чтоб с него снимали портрет, и портрет так и не снимали. Умер он от водяной, но совершенно не это было причиной того, что его разнесло и из гроба текло. Вот отчего это сделалось, как рассказывают: какой-то католик, лекарь, прикоснулся рукой к голове Ивана Яковлевича, и это так оскорбило покойника, что он, не желая вновь испытать какое-нибудь нечистое прикосновение, решил лучше испортиться. Еще при жизни Ивана Яковлевича, когда он лежал недвижим, а из-под него текло, служителям велено было посыпать пол песком. Этот-то песок, намоченный из-под Ивана Яковлевича, поклонницы его собирали и уносили домой, и *песочек от Ивана Яковлевича* стал оказывать врачебную силу. Когда же умер он, то многие приходили издалека и покупали песочек у сторожей. Песочек стал истощаться, а

цена ему возросла, и вот прозорливые сторожа носили песок со двора, мочили его уж из-под себя и продавали, но, несмотря на все это, сила в *песочке* оставалась та же самая. Одна из таких-то поклонниц, купившая *песочек*, вылечила им своего сына, ребенка. Разболелся у ребенка животик, мать и дала ему в кашке пол ложечки *песочку*, и ребенок выздоровел. Вату, которой заткнуты были у покойника нос, уши, после отпевания делили на мелкие кусочки. Наконец, многие приходили к гробу с пузырьками и собирали в них ту влагу, которая текла из гроба. Должно думать, что и эта влага будет оказывать целебное действие на детей. Срачицу, в которой умер Иван Яковлевич, разорвали на кусочки. Пришли солдаты его обмывать, но женщины вытолкали солдат вон как недостойных, и сами его обмыли, и ту воду, которой обмывали, тут же выпили. Поэтому-то у пишущего сии строки есть и *песочек*, и *кусочек срачицы*, но воды нет. Во все время, пока тело стояло, ежеминутно служили панихиды. На могиле в день похорон, говорят, было отслужено до семидесяти панихид, за что причетчики получили до 400 рублей, – неизвестно только, ассигнациями или серебром. По отпевании прикладывались только к рукам покойника, которые были спущены из гроба, сам же он был весь закрыт, и прикладывались так долго, так усердно, что, казалось, конца не будет. Гроб до самой могилы несли мужчины и женщины. Хоронили его за счет г. Заливского, хотя он и католического вероисповедания (см. в «Северной пчеле» о похоронах Ивана Яковлевича). Этот же самый г. Заливский хоронил и Семена Митрича. Ко времени выноса из церкви собрались *уроды*, *юроды*, *ханжи*, *странники*, *странницы*. В церковь они не входили, за теснотой, и стояли на улице. И тут-то среди белого дня, среди собравшейся толпы, делались народу поучения, совершались будто бы явления и видения, изрека-

лись мнимые пророчества, хулы, собирались деньги, издавались зловещие рыкания и пр. и пр.¹

Неутешная толпа прямо с похорон пошла в «безумный дом» и венчала там на место Ивана Яковлевича нового юродивого, который уже лежал на его месте, испив малую толику от заупокойной чаши.

Новый юродивый, еще при жизни Ивана Яковлевича писавший записочки, сгоряча говорит не уставая, говорит много, но совершенно безотносительно к нуждам посетителей, и все больше о политических неурядицах, до которых никому дела нет. И поклонники умершего пророка, скорбя о невозвратимой их потере, никак не могут забыть старого пророка. Московские купчихи завертывают в дорогие турецкие шали свечи и ладон, едут на могилу Ивана Яковлевича и, отдавая там свои дары, говорят: «Свечи и ладон *нашему батюшке*, а шаль – священнику».

Стих

на похороны Ивана Яковлевича

Какое торжество готовит *Желтый дом*?
Зачем текут туда народы волны
В телегах и в ландо, на дрожках и пешком,
И все сердца тревоги мрачной полны?

¹ Г. Сжавронский в «Очерках Москвы» указывает еще несколько особенностей погребения Ивана Яковлевича: «В продолжение пяти дней его стояния отслужено более двухсот панихид; псалтырь читали монашенки, и от усердия некоторые дамы покойника беспрестанно обкладывали ватой и брали ее назад с чувством благоговения; вату эту даже продавали; овес играл такую же роль; цветы, которыми был убран гроб, расхватаны вмиг; некоторые изуверы, по уверению многих, отгрызали даже щепки от гроба. Бабы провожали гроб воем и причитаниями: «На кого ты нас, батюшко Иван Яковлевич, оставил, покинул сироти-нушек (это слово пелось и тянулось таким тоном, что звенело в ушах), *кто нас без тебя от всяких бед спасет, кто на ум-разум наставит, ба-тю-шка-а-а?*» Многие ночевали около церкви. Могила выслана камнем, наподобие пещеры... Долгое время на могиле служили до двадцати панихид в день» («Очерки Москвы». С. 212).

От Пресни, от Щипка, к Сокольникам стремясь,
По улицам великия столицы,
Бегут, подняв хвосты, разбрызгивая грязь,
Всех кумушек московских вереницы.
И слышится меж них порою смутный глас,
Исполненный сердечной, тяжелой боли:
«Иван Иаковлич безвременно угас!
Угас пророк, достойный лучшей доли!»
О, бедные! мне ваш понятен вопль и стон:
Кто будет вас трепать невымытой дланью?
Кто будет мило так дурачить вас, как он,
И услаждать ваш слух своею бранью?
Кто будет вас кормить бурдою с табаком
Из грязного, вонючего сосуда,
И лакомить подчас засохшим крендельком,
Иль кашицей с засаленного блюда?
Ах, этих прелестей вам больше не видать!
Его уж нет! и с горькими слезами
Спешите вы ему последний долг отдать
Со всех концов Москвы несметными толпами...
Того уж нет, к кому полвека напролет
Питали вы в душе благоговенье,
И, в слепоте, всему, что сдуру не совет,
Давали вы глубокое значенье.
Да, плачьте, бедные, о том, кого уж нет,
Кто дорог был равно для малых и великих;
Но плачьте и о том, что просвещения свет
Еще не озарил понятий ваших диких!

СЕМЕН МИТРИЧ

Сравнивая Семена Митрича с Иваном Яковлеви-
чем, мы находим в последнем великого древнерусско-
го философа и мыслителя, не имеющего, по-видимому,

ничего общего с первым; но они родные друг другу, и только Семен Митрич несколько пооткровеннее Ивана Яковлевича. Если Иван Яковлевич валяется на полу в пыли, в грязи, в сале, то Семен Митрич – это просто масса живой грязи, в которой даже не различишь, человеческий ли это образ или животный. Было в Москве одно купеческое семейство, состоявшее из отца и сыновей; жили они хорошо, но по смерти отца сыновья поссорились, разделились; при разделе один обманул другого, и вот начали жить они отдельно, проклиная друг друга. Один из братьев скоро умер, успев отдать свою дочь в Никитский монастырь, где она жила до последнего времени, а другой весь прожился, стал юродствовать и, наконец, сделался *Семеном Митричем*. В славу он вошел в Смоленском рынке пятьдесят лет тому назад. Прежде он все зимой бегал на реку умываться, бегал босой и в одной рубашке, потом засел дома и начал предсказывать. Последние двадцать пять лет жил он постоянно на одной квартире у Николы на Щепках, в доме купца Чамова, где и умер. Идя к нему, надо было, войдя в ворота, пройти через грязный переулок на заднем дворе, спуститься в подzemелье, и тут направо была кухня, где он жил. Кухня – вроде подвала со сводом; прямо – русская печь; направо – окно и стена, уставленная образами с горящими лампадами; налево в углу лежит на кровати Семен Митрич; возле него – лохань; в подвале мрак, грязь, сырость, вонь... Он прежде все лежал на печи, потом лег на постель, с которой ни разу не вставал в продолжение последних нескольких лет. Тут, лежа на постели, совершал он все отправления; прислуживавшая ему женщина одевала и раздевала его, иногда раза по два мыла его и переменяла у него белье. «Если же не доглядишь, – рассказывала она, – так он и лежит...» – «А то, – прибавляла другая, – ручку, бывало, замара-

ет: ты пойдешь к нему, а он тебя и перекрестит». Вот это-то и было у Семена Митрича *великим подвигом*, поэтому-то и он считался *великим подвижником!* Церкви, по обыкновению, он не знал: «Богу не знамо когда молился», – говорили мне у него. Вот Иван Яковлевич – тот великий философ. Он, бывало, и *от писаний* скажет, и эллинской премудрости научит, и табачок освятит, а Семен Митрич ничего этого не знал. Во-первых, он не любил, чтоб его спрашивали о чем-нибудь. Спроси его кто-нибудь о женихе, или о пропаже, или как одна барыня спросила, *куда убежала ее девка*, он или обольет помоями, или какую нечистью обдаст. Для получения от него ответа *нужно было только подумать*, а он и скажет. «Святой был человек!» – прибавляла рассказчица. Да и говорил он не ухищряясь, как велемудрый Иван Яковлевич, а просто, что ему взбредет на ум: «доска», «полено», «воняет», «вши» и т. п., а почитательницы-то его над каждым таким словом и ломают голову, отыскивая его таинственное значение. Богатая купчиха из Рогожской выдавала дочь замуж и приехала спросить у Семена Митрича: что жених, выдавать ли дочь и т. п. Вошла и села, а он и говорит: «Доски». – «Что это за доски? – спрашивает купчиха. – Какие у меня доски! у меня все сундуки, набитые шелком да бархатом». – «А мы отвечаем ей, – говорила мне рассказчица, – что не знаем, а сами думаем: как не знать, известно, что значит “доска” – гроб. Так ведь и сделалось: дочь-то у купчихи умерла... Стал он – Семен Митрич – приближаться к кончине. Исповедался, причастился и маслом особоровался и за день до Нового года (1861) преставился». – «Хорошо он умер?» – спрашиваю я. «Ах, так-то хорошо! так-то хорошо! Да кому ж и умирать так, как не великим подвижникам!» Еще во время болезни навещали его купчихи, барыни, княгини, графини. Которая

сама не приедет, та девку или лакея пришлет: «Что, как Семен Митрич?» Больше всего бывали у него штабс-капитан 3-ий да его супруга, из купеческого рода: то один приедет, то другая. Хоронил его г. 3-ий. Положили его в дорогой гроб, за который дали двадцать восемь рублей. Пока еще стояло тело, панихиды не прекращались с утра до ночи: отслужили одну, сейчас же просят другую. Обедню во время отпевания служили соборые: протоиерей, два священника, три дьякона, и пел хор певчих. Говорили, будто *один человек* очень сердился, что ему не сказали про смерть Семена Митрича: тогда, говорила рассказчица, не столько было бы духовенства! Другие же, как только узнали про его смерть, тотчас начали стекаться из разных мест. Стечение народа было страшное! Двор постоянно был полон; где лежало тело, туда уже нельзя было и пролезть. Все имущество Семена Митрича растащили на память и из почтения и теперь берегут где-нибудь... Один тащил его подушку, другой – какую-нибудь его тряпицу, третий – ложку, которою он ел, четвертый – его опорки... и т. д. Все обрза взял, с разрешения священника, Иван Степанович, живущий на Пахре, о котором мы ниже будем говорить. Хоронили его на четвертый день, но многие сердились, зачем так скоро его хоронят. Переулки, примыкавшие к дому, где жил Семен Митрич, церковь – все это захлебнулось народом. В церкви, во время обедни, у гроба его стояла стена народу; все лезли: кто – приложиться, кто – только чтоб до него дотронуться... И эти стены народа, окружавшие гроб, по окончании отпевания сдвинулись и подняли гроб и понесли его на Ваганьково кладбище. Впереди всей процессии скакал *неизвестный никому* юродивый, босиком и в черной рубашечке. Скачет, скачет, остановится, три раза поклонится гробу и снова скачет. Потом несли образ, шли певчие, духо-

венство, плотная масса народа *на головах* несла гроб; следовали другие массы народа; ехали экипажи... На кладбище *ревнителями* было устроено обильное угощение. Разошлись поздно.

ДАНИЛУШКА КОЛОМЕНСКИЙ

Он из крестьян. История его жизни печальна и трогательна, – это история того, как у нас падают и замирают сильные натуры.

Данила Иванович, или, попросту, Данилушка – уроженец Московской губернии, Коломенского уезда, села Лыкова, принадлежавшего Б. Он – сын лыковского крестьянина Ивана Ефремова, мужика богатого и закоренелого раскольника, который считался первым начетчиком и исполнителем разных обрядов, имел у себя *моленную*, где попом была его жена, мать Данилушки. Она постоянно пребывала в моленной, собрав около себя старух, читала им писания и толковала и за то всеми была уважаема. Село Лыково разделялось на две слободы, и обе слободы ходили молиться к Ивану Ефремову; ему же отцы поручали своих детей, товарищей Данилушки. Но эти товарищи ему не нравились, как, вероятно, не нравился и тот мрачный дух, который господствовал в доме его отца, и Данилушка выросал одиноко. Никогда он не играл с детьми из своей слободы, а лет с десяти стал ходить в другую слободу, называемую Бутырки, где не было *ни одного раскольника*, и охотно играл с тамошними мальчиками. Игра деревенских мальчиков – обыкновенно бабки. Данилушка, наиграв у мальчиков бабок, им же их потом и продавал; играл же он лучше всех, несмотря на то, что был очень близорук. Когда ему было лет двенадцать, искусство

его играть в бабки дошло до чрезвычайности: он один всех обыгрывал, и мальчики покупали бабки не иначе, как у него. Таким образом оборот маленького капитала Данилушки шел быстро: у него в неделю скопилось до тридцати копеек серебром; но эти деньги он никогда не носил домой, а отдавал их на сбережение бутырскому мужику Герасиму, церковному старосте. Герасим любил мальчика за сиротливость, давал ему ужинать, оставлял его у себя ночевать; и мальчик полюбил его и просился у него жить, потому что дома ему приходилось плохо: отец больно бил его за нехождение в молельню. И Герасим, наконец, взял к себе Данилушку, стал *приучать* его к церкви, то есть брать постоянно с собой, заставлял его в свободное время становиться на клиросе и петь по слуху, потому что, как мы уже сказали, Данилушка был близорук и не мог учиться грамоте. Мало-помалу Данилушка привык к церкви, в продолжение каких-нибудь восьми или десяти месяцев выучил несколько тропарей и, прислушиваясь, подпевал дьячку. Между тем отец Данилушки сердился, ходил браниться с Герасимом и жаловался на него барину, что он держит его сына. Герасим спрятал мальчика, сказав, что он ушел неизвестно куда; а барин, как только узнал, что это мальчик смиренный и добрый, взял его к себе в дом. С этого времени Данилушка окончательно возненавидел своего отца и уж больше у него не жил. Барин сделал Данилушку слугою, стал его одевать, обучать и хотел даже снова начать учить его грамоте. И вот, в будни Данилушка служил в барском доме, а по праздникам продолжал ходить на клирос и служить в алтаре. Но ему скоро надоело ходить обутым в сапоги. С неделю походил он в барской одежде и сапогах, а потом и то и другое скинул и принес барину, сказав, что ходить в этом не может, потому что все падает. Убежденный откровенным призна-

нием Данилушки, барин позволил ему не носить сапог, кроме воскресных дней; но для него и это было тяжело. В первое же воскресенье он поднес барину, в церкви, сапоги и сказал: «Как хотите, а сапог не надену».

С этих пор Данилушка уж больше никогда не носил сапог, а потом освободился и от барской службы. В праздник и в будни он постоянно пребывал в церкви, а когда не бывало службы в селе Лыкове, то бегал в соседние села, за две, за три и за пять верст. На дворе, бывало, темно еще, а Данилушка бежит куда-нибудь к заутрени, и как бы рано она ни началась, а он уж, верно, поспеет к самому началу. И не останавливал его никакой мороз, хоть бы в тридцать градусов: решительно в одной рубашке, по колена в снегу, по оврагам и полям бежит он к заутрени, в село Новое или Семеновское. Сначала Данилушка больше всего ходил в село Новое: оно от Лыкова на расстоянии версты, не более. Потому ли он ходил в новинскую церковь, что близко, или ему нравилась тамошняя служба – Бог его знает, но только там постоянно его видали, и раньше всех. Если, случалось, придет он раньше благовеста, то пойдет в ближайшую крестьянскую горенку и там дожидается, пока заблаговестят. А заходил он больше всего к старику-скотнику Герасиму, который с девяти лет постоянно состоял при храме Божиим и знал отлично весь порядок службы. Как скоро ударят в колокол, сейчас Данилушка и начнет надоедать дяде Герасиму, чтоб шел скорее в церковь, и когда они придут и станут на клирос, *дядя Герасим* дает Данилушке тон, как петь, и Данилушка, прислушиваясь к нему, подтягивает. Так несколько времени ходил он в эту церковь, и вдруг что-то ему не понравилось, и он начал ходить в другое село – Шкин, в четырех верстах от Лыкова. Шкинский церковный староста, человек с состоянием и благочестивый, увидел в Данилушке осо-

бую ревность к церкви, пригласил его к себе жить; а у него, на то время, умер барин, отец же от него отступился, так что он был вполне свободен. Оставшись у шкинского старосты, Данилушка получал от него красные рубашки, постоянно ходил в церковь, и еще усерднее обыгрывал в бабки мальчиков, и больше носил домой денег. Мы видели выше, как Данилушка с раннего детства искал нравственной свободы и простора жизни. И вот, теперь он был вполне свободен, но выхода, как и прежде, у него никуда не было, и он стал снова тяготиться своей свободой, снова бежал чего-то искать, но дух его не был уж чист, как прежде: он много потерял с того времени, как десятилетним мальчиком в первый раз убежал играть в чужую слободу... он уже становился юродивым. Около четырех лет он прожил у шкинского старосты и потом ушел в Коломну, где его приняли как настоящего юродивого. Так ходил он по улицам, по церквям; ему давали денег, он деньги брал, опускал их за пазуху и вечером относил в свою квартиру, которая прежде была в доме почетного гражданина К., а потом у Ш. По прошествии недели навещал его шкинский староста, обирал у него деньги и увозил к себе в церковь, где в непродолжительное время накопились целые кучи медных денег. А Данилушка продолжал ходить по городу, собирать деньги да шутить с купцами. Если кто был толст, то Данилушка, потрепав его по плечу, говорил: «Эй ты, кошелка!» Одного он называл *синим*, другого *звонким*. Если они, наоборот, смеясь, говорили ему: «Данила ноги-то отморозил», то он отвечал: «Сам отморозил», и, заложив руки за спину – его обыкновенная походка, – продолжал идти далее и напевать про себя: «*О всепетая мати*» или «*Милосердия двери отверзи*». Так, живя несколько лет в Коломне, он успел столько собрать денег, что выстроил в Шкини колокольню, са-

мую церковь расписал внутри и снаружи, слил туда два колокола, один в триста слишком пудов, а другой – в сто пятьдесят. Воспитание Данилушки, совершавшееся в среде купцов и благочестивых купчих, шло вперед – и вот он начал предсказывать. Рассказывают, будто Данилушка три раза предсказывал пожар в Лыкове, а в третий раз сказал, что Лыково сгорит *в великую субботу*, а вместе сгорит его отец, что и сбылось. В селе был огромный пожар, и отец Данилушки, увидя, что горит его дом, побежал взять деньги в светелке, но пламя его охватило, и он сгорел. Не жилось в Коломне Данилушке, и он ходил в Москву и жил здесь, без сомнения, в Замоскворечье, где и получил окончательное воспитание в домах богатых купцов. Но в Москве Данилушке почему-то не пожилось, и он опять ушел в Коломну, к любезным ему почетным гражданам его приснопамятного города. И коломенские купцы так любят Данилушку, что за счастье всякий из них считает подать ему копейку-две, даже гривну, потому что, как они говорят, *«торговли нет*, если кто не успеет подать ему утром, на почине». Калашники, выйдя утром на рынок, не продают свой товар до тех пор, пока не пройдет Данилушка. Вот проходит мимо Данилушка и берет у кого-нибудь калач, – и тот купец, у которого был взят калач, считается счастливым, и покупатели рекомендуют его друг другу, говоря, что «нельзя не взять калача, сам Данилушка взял – стало быть, калачи хороши, да и продает их человек благочестивый, потому что к неблагочестивому Данилушка не пойдет». Так, ходя по городу, из дома в дом, из улицы в улицу и потакая всяческим вожелениям жителей, Данилушка набирает множество денег, с целью, как говорят, построения церквей. Умер в Москве юродивый Семен Митрич, и Данилушка был на его похоронах и плясал в церкви.

МАКАРЬЕВНА

Она из иногородных мещанок, жила прежде в Зарядье, а потом на Солодовке и теперь также пребывает где-то в Замоскворечье, где так много пустосвятов и ханжей. Это баба лет сорока пяти, толстая, хорошо сложенная, лицо ее так и светится покоем и беззаботностью. Называет она себя *вдовицей*, *странницей*, рассказывает, что обошла все пустыни и монастыри и всю Палестину, и о том, какие ей бывали видения. Ходит в черном суконном шушуне с широкими рукавами, подпоясана ремненным поясом; на голове у ней черная бархатная шапочка, но случается, что она распустит по плечам косу, так и ходит. В руках у ней огромная палка, которую она называет *жезлом иерусалимским*, или пучок свечей, а на шее у ней надеты четки с большим крестом. Говорит иносказательно, благословляет и дает целовать свои руки. Ее очень часто можно встретить в рядах, где молодые приказчики, от нечего делать, обыкновенно перекидываются бранью и остротами с чиновниками, офицерами и разными ханжами, собирающими подаяние, в том числе и с матерью Ольгой. Очень не любит она, если кто-нибудь ей скажет: «Шла бы ты, Ольга Макарьевна, в сиделки в больницу или на фабрику, в артель в кухарки: ведь труды-то Бог любит». На эти слова она непременно ответит такой бранью, что зажимай уши. А сама себя она называет *птицей небесной*, *голубицей оливаной* и пользуется великим уважением между купчихами Таганки и Замоскворечья. Она – необходимая принадлежность похорон, поминок, именин, свадеб, отпуска невест под венец и т. п. На похоронах и на поминках она играет роль утешительницы, надевает на плачущих четки и крест с себя, говорит разные подходящие тексты из Св. Писания; за столом садится всег-

да на первом месте, между духовенством, о рае и аде толкует, и так положительно, как будто она там была. Часто замоскворецкая купчиха, перед свадьбой своей дочери, призывает Ольгу Макарьевну и дает ей десять рублей, прося ее помолиться: «У меня, Ольга Макарьевна, дело идет с женихом: завтра Дунюшку будет жених смотреть, – помолися, матушка!» – «Помолюсь, – отвечает мать Ольга, – помолюсь; всю ночь буду на молитве стоять. Коли хороший человек – так будет дело, а коли не хороший – так не будет». На девешниках она благословляет сундуки, куда будут класть приданое, и кладет туда кусочек хлеба с солью или крендельки, в каждый угол по одному, а также серебряные пяточки. При отпуске невесты она собственноручно подвязывает ей *известный карман* с разным снадобьем, собираемым по различным рецептам. Один из главных рецептов – так называемый *мячкинской*, по имени знаменитой лекарки *Мячкинской*, собиравшей его в свое время. По этому рецепту кладут в карман: четверговую соль, богоявленскую свечку, свечку от Гурия, Самона и Авивы, корень Петрова креста, деревянную палочку с двенадцатью зарубками, маковую головку, кусочек хлеба, булавку, иголку, розовую шелковинку и какое-то писаное заклинание от порчи. Многие до того в нее веруют, что считают ее способной исцелять болезни. Приезжает одна купчиха навестить другую, которая долго была больна, говорит ей: «Брось ты, матушка, лечиться у лекарей-то, съезди-ка ты с матушкой Ольгой Макарьевной в баню помыться; она тебя потрет да почитает над тобой, так, смотри-ка, и будешь на другой день встрепанная. Вот Афимью Ивановну лечили-лечили, а толку ничего не было, а как съездила с матушкой, да потеряла она ее руками, так смотри, как оздоровела». Особенно вдовы и молодые жены, вдовицы и молодые мужья очень любят

посещать ее квартиру и говорят, что очень приятно слушать ее поучение, что столько у ней образов и столько у ней бывает разных странников и странниц!.. Круг действий матери Ольги не ограничивается одной Москвой – она посещает и Нижегородскую ярмарку, и Ростовскую, и Полтавскую. Живет она подчас весело; вечером любит кататься на извозчике-лихаче и выбирает для этого который помоложе и подюжее. Несколько лет тому назад она держала при себе девушку. Одним она выдавала ее за дочь, а другим – за воспитанницу, т. е. тем за дочь, которые знали ее за вдовицу, а тем за воспитанницу, которые считали ее голубицей. Девушку эту она выдала замуж в Петербург и дала за ней тысяч на шесть серебром. И теперь, когда мать Ольга отъезжает в Петербург, она шапочку меняет на чепчик, шушун – на салоп; живет в Петербурге припеваючи, и – когда порастрясет свои капиталы, возвращается в Москву, снова облекается в шушун и шапочку и отправляется на подвиг спасения замоскворецких купчих.

МАНДРЫГА

Уже несколько лет живет в Москве какой-то испанец, человек неизвестно какой религии; называется он Мандри, или, как его обыкновенно зовут, *Мандрыга*. Он занимается предсказаниями, угадыванием воров, говорит назидательные поучения и успел уже нажить себе хорошенький домик. За Донским монастырем стоит в поле этот странный, одинокий домик, где живет Мандрыга. У ворот стоят экипажи, а в комнатах сидят дамы и дожидаются, когда выйдет гадатель. Комната украшена образами, перед которыми на столике лежит священная книга, чуть ли не Евангелие, и здесь в известные

дни происходит молебствие. Николай Иванович Мандрыга служит и читает, как священник; все допускаемые к этому, обыкновенно исключительные личности, очень близкие к хозяину, умиленно слушают чтения и молятся. Комната сияет в образах, горят свечи, как в церкви, Николай Иванович кадит... Он на вид сухощав, не великого роста, с бледным лицом, черноглазый, черноволосый, какими бывают очень часто итальянские фокусники. Многие барыни совершенно им очарованы, они жертвы его, и он делает из них, что хочет.

НИКОЛАША-ДУРАЧОК

Мало известна нам история этого несчастного. Отец его, мужичок, был отдан под *красную шапку*. Он имел жену, которая, без сомнения, слыла солдаткой, и вот родился у них сын. Сидя двое, отец и мать, думали, как бы им назвать сына, и решились назвать его Николашей. И отец, услышавший первый крик своего ребенка, и эта мать, которая кормила его своею грудью, знали ли они, что их Николашу сделают дурачком, что он будет потехой честному люду? Иль, может быть, на Николаше отозвалась горькая участь беременной им матери, когда его отца отдавали в рекруты, а мать, как безумная, билась на улице... Но какие бы обстоятельства ни сделали солдатского сына дураком – это были злые обстоятельства, они сделали свое дело: с нас этого довольно. Дурачка Николашу приютила некая богадельня, слыvuщая под именем Екатерининской и Матросской, известная в истории соседством Ивана Яковлевича, жившего тут же возле, в так называемом «*безумном доме*», хотя самый дом, сколько нам известно, совсем не безумный, а только битком набит безумными. Но Мат-

росская богадельня, совершенно напротив, набита очень умными людьми, которые не только приютили Николашу, но еще дают ему все средства бегать по улицам и юродствовать, сколько ему угодно. Поистине богоугодное заведение! По милости его Николаша служит потехой всей этой обширной стороны, которая известна под именем Преображенского и Покровского. И, подумаешь, как это не стыдно живущему там купечеству взвалить все свои наслаждения, удовольствия и потехи на одного только Николашу! Известно, что в этой дальней, глухой и темной, хотя и очень промышленной стороне нет ни театров, ни балаганов, ни разных других удовольствий, которыми, по выражению одной книги, дьявол пробавляет людей в центре города, и на всю эту сторону теперь, после Ивана Яковлевича, только и остается одно удовольствие – один Николаша юродивый!.. Да туда б надо согнать с целого мира тысячи юродивых, чтоб они на всех распутиях, рынках и площадях вереницами б и толпами, словно черти перед заутреней, плясали б, скакали, выли и стонали, а благодетельное купечество, глядя на них, надрывало б свои животики... Но Николаша один, и его просто заездили. На рынках знают его все – от мала до велика, все – от последнего замаранного и забитого мальчишки с фабрики до любого его степенства на паре жирных рысаков. Полунагой мальчик, посланный по делу, как ни дрожит от холоду, а непременно остановится и подразнит Николашу; и в то же время его степенство, воротившись от *ранней* и распивая чаек с супружницей, непременно расскажет, как нынче в церкви его разутешил Николаша. Но кто лучше всех, так это торговцы на Преображенском рынке. Они выучили Николашу петь отвратительные песни и, нарядив его в шутовской костюм, например, лакеем, заставляют его петь, хохочут над ним, дразнят

его, словно собаку. А то заставят его чихнуть раз пятьдесят, зевнуть раз сто, – он зевает и чихает до пота, до изнеможения, а они-то, несчастные, хохочут, хохочут, а после подадут ему копеечку. Таким образом, Николаша знаменит не столько по своему юродству, сколько по юродству окружающих его существ, тоже называемых людьми. Сам он лично – очень простое, доброе и слабое существо, великий охотник до репы и, к несчастью или, может быть, к счастью, до вина, питью которого научили его те же рыночные благодетели.

МАТЮША

Матюша тоже из крестьян, да еще из господских. И, странное дело, наши барыни так любят и почитают юродивых и дурачков, а между тем ни одного из них нет, который вышел бы из господ, – все-то из мужичков, как будто они для этого только рождаются... Он лет сорока, невысок ростом, русский, с небольшой бородкой. С тех пор как он вышел на общественную деятельность, на общественное служение, он был нищим в городских рядах и для удовольствия именитого купечества кувыркался и дурачился за копеечку серебром. Иль уж ему наскучила эта наука и захотелось отдохнуть, или же просто вышел случай, только он поступил в монастырь, но его оттуда скоро удалили за хитростное пронесение в монастырь водки. Снова он явился в Москве, но уж в ином виде, преображенный, – в послушническом платье, и снова стал ходить по купцам и поздравлять, кого с праздником, кого с ангелом, да собирать на скиты и монастыри и все собранное проживать в переулках на Самотеке. Особенно он сделался известен со времени своего участия в знаменитом ки-

евском походе, совершенном три года назад *матушкой Матреной Макарьевной*. Собравшись в Киев, Матрена Макарьевна набрала с собой для пушего подвижничества целую толпу различных юродивых, странников и странниц, богаделенок и приживалок, человек до ста, и с этой ватагой начала свое шествие. Увлекая за собой по дороге все сподручное, Матрена Макарьевна привела в Киев уж человек с триста. Зрелище шествия этой оравы было необыкновенно, это была какая-то оживотворенная картина из «Тысячи и одной ночи». Должно заметить, что все это сонмище продовольствовалось на счет Матрены Макарьевны, но, кроме того, всякий имел собственные у себя деньги, да еще по дороге собирали подаяния, а потому, можете представить, какая всем была раздольная жизнь. Растянувшись по дороге длинной вереницей самых разнообразных личностей, шедших попарно и кучками, под вечер вся эта орда стягивалась где-нибудь у леса и раскладывала стан, чисто цыганский. Чего только тут не было! И брань, и драка, и слезы, и лобзания, и песни разгульные, стихи умильные – словом, тут все было. Чем свет орда уж подымалась с ночлега и продолжала свое шествие. Когда же это страшное и дикое сонмище, вооруженное клюками и палками, вступало в города, то власти спешили выслать к нему стражу, кроткую и вежливую, только бы подобру-поздорову спровадить сонмище из городских пределов. Здесь был и Матюша. Будь он не из крестьян, будь не простой юродивый, а пройдоха, он пошел бы далеко; но ему не удалось еще окончательно изуродовать свою душу, окончательно оподлеть, и теперь, не пользуясь никакой особенной известностью, он снова нищенствует, и единственное наслаждение его – осушить, при случае, часика в два, большой, что называется купеческий самовар, чашек в шестьдесят.

ЕВДОКИЯ ТАМБОВСКАЯ

Женщина лет пятидесяти, в черном коленкоровом платье, повязанная черным платком, сухая, бледная и вечно босая. Ее всегда вы можете видеть в Рогожской, в Таганке, в Покровском – в этих парниках, где произрастает всякое юродство и ханжество, в этой яме, где скопляются всякий сор и нечистота. Она останавливает на улице всякого проходящего и просит у него: «Миленький братец, или миленькая сестрица, благослови на копеечку!» И если дадут ей желанную копеечку, то она начнет крестить миленького братца или миленькую сестрицу, а если не дали, то она страшит их адом и геенскими муками, а вы знаете, как этих вещей боются в Замоскворечье, – вот все и дают, дают... Когда пригласят ее в дом, она войдет и сядет на пол и начнет разводить рассказы о разных явлениях и видениях, еще бывающих на свете, а потом попросит и водочки. И если при этом спросят ее: «Да разве тебе, матушка, можно пить водку-то?», то она отвечает: «Водку-то? А водку можно, поелику мы люди такие, что водку просим, а воду пьем, воды просим – водку пьем!» Позабывая таким образом долгое время над матушкой Москвой, матушка Евдокия отправилась недавно в другие города и веси, чтоб и там прославить свое имя и спасти род людской от дьявольских искушений.

КСЕНОФОНТ ПЕХОРСКИЙ

Ксенофонт Пехорский – это один из свежих плодов юродственной пропаганды славного Ивана Степаныча Пехорского (с реки Пахры). Он был крестьянин,

жил работником на постоялом дворе и, соблазненный примером Ивана Степаныча, променял труды, хотя тяжелые и неприбыльные, но честные, на легкое и выгодное, но подлое добывание денег юродством. Сметливый мужик, он понял, как и чем можно действовать на людей. Здоровый человек лет тридцати, он вдруг представился болящим, постыщимся, стал ходить босиком, с большой палкой в руках, с непокрытою головой, и начал говорить темные речи, вполне уверенный, что на его век станет дураков, которых бы он руководствовал на пути к спасению. Из деревни он пришел в Москву, а тогда было холерное время, в которое чернь особенно падка на таких юродивых. И начал он юродствовать. Водки не пил, по ночам читал книги и в речи свои вставлял тексты из Писания; чаю пил мало, да и то не иначе, как с деревянным маслицем от лампадки; смотрел вниз, вздыхал и с горничными не заигрывал, как обычно делают это все юродивые, – одним словом, выдержал себя, как следует быть смиренному человеку. Раза три в год он ходил на богомолье, собрав предварительно деньги на вспоможение скитам и монастырям; но так как у него, по случаю, карманы были очень длинны, то и неудивительно, что набранные деньги и оставались там навсегда... Промыкав такую жизни года с три и видя, что холера прошла и доходов становится все меньше и меньше, отче Ксенофонт решился раз пересчитать свою казну, нашел в ней тыщёнку-другую и, подумав маленько, в одно прекрасное утро скинул с себя послушническое платье и оделся опять мужиком. Теперь он – прасол, женился и поживает припеваючи, рассказывая, под веселую руку, о своих похождениях между московскими купчихами и барынями, величая каждую по имени, отчеству и прозвианию.

ФЕОДОСИЙ

Он из крестьян Дмитровского уезда Московской губернии; проживал прежде на Девичьем поле, на фабрике купцов Ганешиных, а потом, найдя, что юродство очень выгодно, принялся юродствовать и теперь пребывает в Хамовниках. Хамовники в последнее время сделались приютом для всевозможных ханжей, зане там живет некий купец, главный их покровитель. Феодосий ходит босиком, носит железные вериги и пророчествует. Это – здоровый мужик лет сорока, с окладистой бородой, плешивый. На родине у него есть семейство, и дочь его, молодая девушка, время от времени приходит к нему и отбирает у него деньги, собираемые ей на приданое.

ПЕТР УСТЮЖСКИЙ

Человек небольшого роста, лет тридцать пять, с русой бородкой, по плечам длинные волосы. Он – в послушническом полукафтаны, подпоясан ремнем. Его можно встретить на московских улицах, по которым он всегда ходит вприпрыжку, отчего среди ханжей он и известен под именем бегунка. Проживает он у известного купца, любителя всяких пророков и пророчиц. Петруша особенно любит хорошие соты, сдобные, сладкие пироги, цветочный чай, моченые яблоки, варенье всех сортов, зернистую икру, блины, яичницу и молодых горничных, которых называет вербочками, малиновками, пеночками, кинаречками, лапушками. В доме, куда ходит Петруша, если есть горничная, то она носит одно из помянутых названий, и верующие ставят ему это в юродство. Одна из особенностей его – та, что он может зараз съесть целый арбуз, как бы он ни был велик. При виде подобного арбу-

за он начинает кричать: «Искушение, искушение! Великое искушение!» И затем берет арбуз в коленки, а ножик в руки, и работает до тех пор, пока от арбуза останутся одни корочки. То же бывает и при виде бурака с зернистой икрой. «Искушение, – кричит он, – искушение! Душа требует, душа желает!» – и берет бурак в коленки и ест икру до тех пор, пока ее не останется ни зернышка.

ОТЕЦ ГАВРИИЛ АФОНСКИЙ

Лет двадцать тому назад появился в Москве сей отец Гавриил и произвел великий фурор между московскими ханжами. Все с наслаждением упивались слушанием его рассказов об Афоне и раскупали по дорогой цене принесенные им откуда-то разные безделушки. Родом он из молдаван, хоть он сам говорит, что он из албанцев и перешел в православную веру вследствие бывшего с ним чуда, но это не больше, как сказка. Пожив в Москве с год и набрав не одну тысячу рублей, он, к великому огорчению почитательниц, возымел желание снова отправиться на Афон. Стали его уговаривать всеми силами, чтоб он остался в Москве; но он отказывался, говоря, что уставы московских монастырей слишком слабы для подвижников, что он дал обещание жить на Афоне и т. п., но, поломавшись довольно, он решился остаться и поселился в одном из приютов около Москвы, где ему выстроили келью за оградой, как он этого сам пожелал, *ради уединения*. Пожив немного в своей келье и, вероятно, соскучившись, он опять явился в Москве, к неописанной радости его почитателей. Он им рассказывал, что ему там не давали покоя разные демонские искушения. Демоны в разных видах не оставляли его ни днем, ни ночью. Днем он все видел около своей кельи молодых крестьянок, со-

бирающих будто бы ягоды, и они то манили его к себе, то водили на его глазах хороводы, то пели песни. По ночам же к нему являлись разные чудовища: то слышался вой волков, то будто бы разбойники пришли его убить и топорами стучатся в его двери, то появлялись молодые нагие красавицы и обнимали его. Отец Гавриил видел будто бы в этих явлениях перст, указывающий ему возвратиться на Афон. Снова пожалели о нем его доброхоты, снова собрали ему на путь большую сумму денег, распрощались с ним и проводили; но не прошло и года, как он опять появился в Москве. Он рассказывал новую басню о том, как был застигнут болезнью в городе Одессе, проболел полгода и потом два раза собирался на Афон и два раза заболел и что в этом он также видит особый перст, указующий ему жить в Москве. Этот чудесный случай усугубил еще больше уважение к отцу Гавриилу, как будто видимо ознаменованному благодатью, и один из его поклонников, богатый купец из Замоскворечья, устроил ему в саду у себя келью. И отец Гавриил, поселившись на весях замоскворецких, к великой радости его почитателей, стал поживать; но не прошло и года, как маска с него спала и все его узнали.

Дело в том, что он начал мешаться во все семейные дела. У купца, где он жил, была большая семья, и дошло до того, что, по милости нового жильца, им пришлось хоть разъехаться. Стали думать, отчего бы это доселе жили все мирно, а теперь явилась такая неурядица; думали-думали и догадались, что все это по милости отца Гавриила, и вот выгнали его из дому, и все пришло в старый порядок. После этой истории слава афонца немного упала, и он ушел в один скит близ Москвы: но, пожив в скиту год, он и там не мог ужиться и опять появился в Москве, опять стал собираться на Афон, стал опять собирать на окончательное возвращение и, собрав опять значительную сумму,

все-таки остался в Москве, объявляя, что собранных им денег мало, потому что на Афоне даром не принимают и требуют великих вкладов. И вот он остался и снова зажил в Москве, весело и жирно. Зная, где и когда он будет, его ждут, выходят встречать за ворота. Введя его в дом, сажают на первое место, угощают стерляжьей ухой, до которой он великий охотник, кланяются ему в ноги целуют ему руки и приказывают прислуге делать то же самое. Лакей из дворовых людей, живший у купца, никак не решился целовать руки у ханжи и кланяться ему в ноги и за это был разочтен, как безбожник, и изгнан. Хотели даже высечь его за это в части, но только полиция, при всем уважении к купцу, не нашла для этого достаточных оснований. Для выездов по монастырям отцу Гавриилу всегда был готов экипаж. Ему были открыты у всех и сердце, и душа, и кошелек, и жил он, как говорится, припеваючи. Но в последнее время слава сего отца значительно упала, и имя его из передовых ханжей отошло на задний план. Живет он и теперь еще в Москве у одного ханжи-купца, который раз уж заплатил за рубль тридцать копеек, но по-прежнему продолжает содержать у себя не один десяток пустосвятов для спасения своей души. Ходит он по Кремлю и по московским монастырям; по старой памяти заходит к своим старым знакомым с книжками и просвирками. Это – худощавый старик среднего роста, с небольшой седой бородой. Ему лет под шестьдесят, и он известен теперь уже не под именем отца Гавриила Афонского, а просто *Гавриила Федоровича*.

МАША БУСИНСКАЯ

Лет тридцать пять тому назад в одном из московских женских монастырей, у одной из матушек, пригасивала

крестьянская девочка лет пятнадцати, сирота, по имени Мария; матушке она приходилась дальней родственницей. Это была хорошенькая девочка, с светлыми глазами, веселая, незастенчивая. Прошло несколько времени, и пронесся слух, что в двенадцати верстах от Москвы, в селе Бусине, появилась какая-то неизвестная девица, которая роет там пещеру. Говорили, что роет она по ночам, и в это время все кругом нее освещается необыкновенным светом, а роет она по-особенному, бывшему ей гласу, что она должна тут вырыть икону. Москва, услышав про явление в селе Бусине, бросилась туда сломя голову. Дворянки, купчихи, мещанки, чиновницы, старухи и молодые, богатые и бедные, все шли и ехали в село Бусино увидеть молодую труженицу.

Пещера, где она жила, была не что иное, как огромная, глубокая яма; на стене висела икона с горевшей перед ней лампадой; на полу лежала ветхая одежда труженицы, и она сама, с заступом в руках, босиком, в одной рубашке и с распущенными волосами, распевала звонким голосом духовные песни. Это была наша Маша, доведенная до этого состояния своими родственниками, видевшими в ней средство наживы! Приходившие к ней предлагали ей разные вопросы, но она на них почти не отвечала, опускали ей в яму сдобные пироги, калачи, сайки и деньги, а взамен этого брали из ямы песочек и щепочки, выкапываемые будто бы Машею. Для крестьян села Бусина это просто было счастьем, упавшим с неба, потому что от нахлынувшей массы богомольцев они получали большие выгоды. Многие приходили с вечера и останавливались у крестьян ночевать за очень высокую цену и, кроме того, платили деньги за молоко, за самовары. А впоследствии времени поставлена была кружка для сбора в пользу труженицы; доход был хороший, и промышленники-родственники делились им

с кем нужно. Около ямы стали появляться больные, приходившие за получением исцеления, слепые, хромые и порченые, выкликавшие на разные голоса. Нищие и сборщики и сборщицы на разные вещи промышляли здесь вместе с другими. Слава о Маше Бусинской разносилась быстро, и село Бусино очень скоро прославилось и стало любимым праздничным гуляньем москвичей. Толпами валил туда народ посмотреть на хорошенькую копательницу. Молодые купчики и офицерство, на лихих извозчиках, с кулечками винца, отправлялись туда на целую ночь, и село, доселе свежее и чистое, заметно стало развращаться. Так как лето приходило к концу, а ожидаемая икона не выкапывалась, то и начали делать приготовления; чтобы пещера на зиму была теплая и чтоб устроить туда правильный ход, а над пещерой устроить часовню, – словом, все как следует. Но среди этих распоряжений в одну ночь нагрянуло земское начальство, и все должно было прекратиться. Машу взяли и отвезли в Москву, где на допросе она показала, что была научена, и сказала, кем именно, что никакого гласа она никогда не слыхивала, что ей очень наскучило сидеть в яме, и она хотела оттуда бежать, а обещанных денег ей никогда не давали и пользовались ими только те, которые ее научили.

Кончилось тем, что Маша отдана была на покаяние в один из женских монастырей, а лица, учившие ее юродству, успели как-то отделаться от всякого суда и следствия. После покаяния Маша жила в селе Свиблове, на суконной фабрике Кожевникова, в суконщицах, и какая была дальнейшая судьба этой девочки, нам неизвестно. Осталась ли она честной крестьянкой, вышла ли замуж и была доброй матерью или, развившись среди ханжества и обмана, сама сделалась ханжой или странницей? Где она теперь?

ОТЕЦ АНДРЕЙ

Под именем *отца Андрея* известен в Москве некий петербургский уроженец. Учился он, по его собственным рассказам, в С.-Петербургской академии, но был оттуда уволен до окончания учения; потом жил по разным монастырям, в том числе и в московских, за разные проделки попался под следствие и содержался в остроге. Пройдя таким образом, как говорится, огонь и воду и медные трубы, он принялся юродствовать. Прежде он все ходил босиком и в белой шляпе; а разживясь немного, он завел себе разные костюмы для разных случаев. В дом богатой купчихи и на храмовые праздники он является в одежде послушника, подпоясан ремнем, на голове скуфейка; в дом богатой барыни он приходит в сюртуке и шляпе и даже с лорнеткой, а на гуляньях он бывает одет купцом или крестьянином. Отцу Андрею лет около сорока; он хорошо сложен, у него правильные черты лица, не очень длинные, но вьющиеся светлорусые волосы и красивая окладистая борода. Хотя обращение и все манеры его грубы и угловаты, но он умеет говорить по-французски, да еще таким мягким и вкрадчивым голосом, что так и влезет тебе в душу, а потом и в карман. Придя в общество ханжей, старух и старых девок, он начинает толковать о смерти и аде, о своих великих согрешениях и называет себя великим грешником. Идя же в дом еще более благочестивый, он надевает на себя вериги, зная, что его оставят там ночевать, и устроит так искусно, что непременно кто-нибудь увидит его вериги. Приготовят ему мягкую и чистую постель, но он никак не ляжет на нее, а ляжет на голом полу. «Поспишь здесь на жестком, – говорит он, – на том свете уснешь на мягком». На этом же основании он прикидывается великим

постником и в доме ханжей съедает только два грибка да соленький огурчик. Явившись в дом богатой барыни-ханжи, рассказывает, что он дворянин, знатной фамилии, что он до сих пор еще ведет переписку с знатными лицами, духовными и светскими, – рассказывает, что он оставил родительский дом и отказался от имени *бога ради*, с малолетства возымев желание спасти свою душу, что он не случайный какой-нибудь, а добровольный, ради Христа нищенствующий великий подвижник. Но когда ему случится попасть в круг молодых купчиков и приказчиков, то картина переменится. Тут отец Андрей делается душою компаний, рассказывает уж не о рае и аде, но о разных своих похождениях, и рассказы его, один другого скандальнее, текут непрерывно и неистощимо, возбуждая в слушателях смех, хохот и рукоплесканья. Подадут водочки, он выпьет и споет разухабистую песенку, а если есть гитара, то давай и гитару, и вся честная компания гуляет: шум, крик, песни, пляска. Один *благочестивый* купец, зайдя раз нечаянно к своим приказчикам, застал там столь почитаемого им отца Андрея среди полного разгула, да еще в пятницу, а приказчики еще нарочно поставили перед ним тарелку с колбасой.

– Что ты это делаешь, отец Андрей? – вопрошает изумленный почитатель юродивого пройдохи.

Отец Андрей, нисколько не сконфузясь, отвечает:

– А разве ты не читал в Прологе, что угодники Божии тоже ели колбасу?

В другой раз одна барыня застала его с своей горничной в очень интимном положении.

– Что ты, батюшка, озорничаешь? – сказала она, всплеснув руками.

– Нет, матушка Матрена Ивановна, – отвечал пройдоха, – не озорничаю, а искушаю...

Его часто можно было видеть на Тверском бульваре, в Александровском саду, и особенно под вечер. В числе посещаемых им домов известен один, принадлежащий некоторой девице***, принимающей у себя всевозможных юродов, старцев и стариц, богомольцев и богомолков и пр. и пр. Но где истинно веруют в отца Андрея, где пред ним какой-то волшебной силой отворяются все двери, куда бы они ни вели, даже в спальню; где отец Андрей блаженствует, доставляя настоящее блаженство другим, – это в Замоскворечье. Он очень любит толковать про Палестину и старается всегда узнать, кто что думает, и, вот таким образом потолковав немного, он так хитро обернет дело, что, не прося ничего, получает щедрую подачу. Для него ничего не жалко: «Батюшка, отец Андрей, только бери!»

ИВАН СТЕПАНЫЧ

Иван Степаныч, мужик лет пятидесяти, плешивый, с бородой, одет наподобие монастырского служки, говорит сладко и красноречиво. Он из крестьян, был прежде извозчиком-лихачом и стоял у Ермолая на Садовой, что возле Козихи, – на самом, то есть, распрекрасном месте. По случаю какого-то происшествия он оставил извозничество и отправился странствовать, потом явился опять в Москве, но уже юродивым, ходил босиком, пророчествовал и привлек к себе много почитателей. Тут поймала его полиция и, разыскав, признала его за бродягу, и он был посажен в острог. Выйдя из острога, он уже стал ходить в сапогах, юродство уже оставил и стал являться в разные дома как *наставник в благочестии*, успел в скором времени собрать много денег, а еще больше благодетелей и почитателей, и основал на реке Пахре какой-то приют.

Особенным расположением пользуется он в Замоскворечье и на Самотеке, преимущественно у богатых купцов и купчих, которые считают его посещение за благодать. Придет Иван Степаныч невесел, и все знают уж, что быть беде. Захворай кто-нибудь после его посещения хоть через месяц: «Ну вот, говорят, Иван-то Степаныч был невесел, вот и захворала Акулина Михайловна». Умри кто-нибудь через полгода: «Вот, – скажут, – Иван Степаныч-то все хмурился, – вот оно к чему!»

Он очень любит читать людям поучения и очень недоволен современной жизнью, что люди мало подают от своих богатств, на что, впрочем, ему жаловаться нельзя. У него на каждом шагу такие благодетели, которые валият в него тысячами и сами не понимают цели своей необыкновенной щедрости. Тут нет даже и ложного понятия о благочестии, нет и обольстительной мысли о самоспасении посредством денег, тут одно крайнее тупоумие: Иван Степаныч блаженный – ну так и вали ему деньги! Купец бьет своего *мальчика* за лишней съеденный им кусок хлеба, мальчик этот в лавке мерзнет, не имея калош, а часто и шубы; мальчик этот с трудом выпросит у хозяина гривну, чтоб сходить в баню; мальчик этот и в воскресенье целый день на работе да на побегушках, и, сохрани боже, если он вздумает пойти в воскресную школу, – забьют! Между тем приди Иван Степаныч, и этот же несчастный мальчик бежит, по приказу хозяина, и за мягкими калачами, и за красным дорогим винцом, и за икрой. Большая часть тысяч, которые купцы наживают, обмеривая и обвешивая по эту сторону реки, на той стороне, в Замоскворечье, идет на Ивана Степаныча, на ханжей и на подобные дела благочестия.

Вот живут в Москве две богатейшие купчихи; мать-вдова тратит ежегодно по несколько тысяч на

старцев и стариц; не отстает от нее и дочка, которая, кроме того, платит ежегодно по пять тысяч рублей серебром французу-парикмахеру за уборку головы каждый день, а спросите у них, дали ли они что-нибудь для воскресных школ, были ли они хоть в одной такой школе, – ничего никогда! Только и слышишь от них, что жалобы на полицию, отчего она не ловит воров, отчего везде страшное воровство и т. п. Да помилуйте, что может сделать самая лучшая полиция, когда вы, вы все, составляющие общество, только и делаете, что воспитываете воров! Вот ряды глухих бедных переулков, где толпы детей, оборванных и босоногих, воспитываются тем только, что дает им улица, где они бегают с утра до ночи. Вот *Ножевая линия*, где возле каждой лавки толчется два или три *мальчика*, все учение которых состоит в неистовом зазывании в лавку да в присматривании, как хозяин обмеривает, как запрашивает втридорога. Вот, наконец, в Москве вырастают толпы извозчиков, которые обыкновенно начинают свое ремесло мальчиками лет девяти и десяти. Ну скажите, что ж вы сделали для этих бедных? Ничего, ровно ничего! Ну, так и не жалуйтесь на воров, и молчите.

Но возвратимся к Ивану Степанычу. Есть у него свой скотный двор, и из своего скотного двора он посылает своим благодетелям разные дары: кур, телят, яйца, творог, сметану, и такой благодетель, получив, например, горшок сметаны, сначала отдаривает за нее золотом, а потом с благоговением кушает эту сметану с жирными щами со свининкой и, поглаживая брюшко, строго-строго наказывает оборванной и грязной кухарке, чтоб она хорошенько покрывала эту сметану да как можно бы берегла ее: «Она ведь от Ивана Степаныча!»

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВНА БОСОНОЖКА И ФИЛИППУШКА

В сороковых годах на московских улицах появилась молодая девица, лет двадцати, недурная собой, стройная; распущенные ее волосы были покрыты черным платком, а ноги босы. В это же время бегал в Москве известный Филиппушка, с огромной палкой, на которой сидел литой медный голубь, самая же палка была весом около пуда; в другой руке у него был колокольчик, и он в него звонил. Одежда у него была полумонашеская. За Филиппушкой постоянно бежала толпа женщин и мальчишек; первым он говорил разные непонятные речи, а вторым кидал деньги и пряники и всех поздравлял с ангелом. Прибежит он, бывало, на площадь к Спасским воротам, раздастся звон колокольчика, и выбегают толпы рядских торговцев, окружают Филиппушку и внимают его вещим речам. Прибежит он в трактир, и появление его приведет всех в ужас, и никто не знает, что сказать ему, что делать. Теперь уж он не бегает по Москве, хотя часто бывает в ней; живет он теперь в одной из московских пустынь, и палка у него тяжелая, как прежде, но уж без голубя. Единовременное появление этих двух юродивых нарушило безмятежную жизнь Москвы; Замоскворечье, Рогожская и другие богатые слободы встрепенулись, и пошли везде толки, что быть чему-то недоброму. Только и говорили везде, что о двух новоявленных юродивых.

– Видели ли вы, матушка, Филиппушку? – спрашивает одна купчиха другую.

– Нет, матушка, не видала еще.

– Да не грех ли это вам!

– Да где ж его увидеть-то, матушка?

– Как где? Захотите – так увидите. Я три дня за ним ездила, и только на третий день привел Бог найти его в Новой слободе.

Одни говорили, что быть голоду в Москве, другие – что придет холера, третьи ждали комету, от которой должна была провалиться земля. А дряхлые старушки, помнившие еще чуму, говорили, что будет непременно чума, потому что и перед первой чумой являлись разные предзнаменования. Толковали везде: на рынках, в трактирах и банях. Московские вестовщицы сбились с ног, бегая по своим благотельницам и передавая собранные сведения о том, где и как живут новоявленные личности, наделавшие столько шума. Филиппушка не имел постоянного дома, живя нынче здесь, завтра там; он был из крестьянских детей и занимался прежде извозничеством.

Юродивая девушка называлась сначала Татьяной, а потом Татьяной Степановной Босоножкой. Она была из купеческого рода, сирота, жила в одном дворянском доме, получила там порядочное воспитание; было у ней какое-то неудачное любовное дельце, заставившее ее оставить дворянский дом; она ушла, познакомилась с ханжами и принялась юродствовать.

Проживала она на Плющихе, в своем доме; с ней вместе жили ее сестры. Принимая к себе посетителей, она сначала не брала никаких предлагаемых ей даяний, но потом, понаторев в своем ремесле, сама стала изыскивать для поживы разные средства.

Она сначала все отчитывала порченных и больных, потом распустила слух, что явилась у ней в доме чудотворная икона, и толпы народа осаждали ее с утра и до ночи. Она продавала свечки, которые усердствующие ставили перед иконой, раздавала за деньги пузырьки

с маслом от иконы и даже поставила кружку для сбора приношений. О себе она говорила всем, что будто ей в сновидениях бывают разные гласы и явления, и посещавшим ее предсказывала будущее. Старухи-ханжи, старые девки и несчастные молодые девушки, которые по советам Босоножки отказывались выходить замуж, жили у ней с утра и до ночи, а иные даже оставались ночевать. Эти постоянные собрания у Босоножки, недоказанные чудеса от иконы и разные неблаговидные сцены, бывавшие тайно по ночам, – все это обратило на себя внимание начальства, и икона была взята в один из московских монастырей, а Босоножке приказано было прекратить всякие денные и ночные сборища. После этого Татьяна Степановна собиралась выйти замуж. Удалось ли это ей или нет, мы не знаем. Она давно уже утратила свою молодость и поустарела и теперь занимается сватовством и другими подходящими к этому делами. Постоянные посетительницы ее дома – старые девки с болонками и никогда не увядаемые вдовицы с моськами. Преобладающий запах в ее комнатах – запах белил, румян и тому подобных снадобий: только отворишь дверь, так тебя и обдаст.

МАРЬЯ ИВАНОВНА СКАЧКОВА,

лечившая водой

В тридцатах годах, в одной из московских богаделен, проживала бедная девушка из купеческого рода Скачковых, кинутая своими родными на произвол судьбы и, кроме того, обиженная природой: она была хрома, кривобока и едва двигалась. Сорок лет жила в этой тьме Марья Ивановна и вдруг начала рассказывать другим богаделенкам, что она во сне слышала голос, говоривший

ей: «Мария, благословляй воду на исцеление других!» Видение это повторялось несколько раз. И вот однажды приходит в богадельню какой-то мужик и спрашивает Марью Ивановну, объясняя, что ему был сон, в котором он видел, что шел в Москву в такую-то богадельню, спросил такую-то и попросил ее благословить воду для исцеления своей жены. Марья Ивановна исполнила просьбу мужика и благословила воду. Спустя несколько времени после этого приходила в богадельню какая-то барыня и тоже отыскивала Марью Ивановну по сонному видению для благословения воды. Слава о Марье Ивановне росла, к ней съезжались московские барыни и купчихи; наконец она исцелила одного богатого откупщика и этим приобрела еще большую славу. Откупщик взял ее из богадельни и поместил в Мещанской улице в отлично обставленной квартире. Марья Ивановна вдруг произведена была в барыню, чудесную целительницу; взяла она себе в компаньонки одну девушку, бедную дворянку, для которой она впоследствии купила тот дом, где теперь жила; у нее был и повар, и карета, и пара лошадей, на которых она разъезжала по монастырям и по знакомству. А знакомство у ней образовалось большое, все это были люди знатные и богатые; все они глубоко веровали в Марью Ивановну, имевшую на них чрезвычайное влияние, и беспрекословно исполняли малейшую ее волю. Отовсюду ей везли и несли, что только захочется ее душеньке, и целый дом наполнен был различными безделушками, — и чего-чего ей не дарили! И табакерки с музыкой, и поющих птичек, и священные книги, и шитые ковры, и дорожные подушки, и всякие лакомства, и чего только у ней не было! Особенно богач-откупщик считал святым делом исполнить всякую ее прихоть. Раз, уезжая в Петербург, он просил у ней благословения и спрашивает, какого бы ей оттуда привезти гостинцу. «Привези мне, — говорит

Марья Ивановна, – орган, который бы играл обедню». Как ни трудно было отыскать такой орган, но откупщик его отыскал, и у ней был орган, который играл обедню. Боготворил ее также один генерал, занимавший очень видное место. Он, бывало, приедет, соберутся двое-трое важных стариков, ее усердных поклонников, запрягутся все они в колясочку на рессорах и катают Марью Ивановну по саду. Знатные московские барыни и всякие богатые люди считали за честь быть знакомыми с Марьей Ивановной, и каждый день около ее дома стояли десятки экипажей. Одни посещали ее из благоговения, другие – потому, что знакомство с ней считалось в то время такою же модой, как и посещение находившегося тогда на Тверской *Изидина храма*, где также предлагались вопросы о будущем и невидимый голос давал ответы. На основании того, что Марья Ивановна была необыкновенная женщина, не похожая на остальных смертных, она обращалась с своими знакомыми свысока, даже грубо, что еще выше поднимало ее в общем мнении. Всех, без различия звания и пола, она называла одними только именами: Иван, Степан, Ольга, Катерина, Анна и т. п., хотя эти Иваны и Степаны, послушные ей как овечки, считались в мире самыми сильными людьми. В ее гостиной решались разные общественные и домашние дела; тут восстанавливался мир между мужем и женой, отцом и сыном, и примиренные всегда считали долгом принести виновнице этого какую-нибудь жертву. Через нее получались выгодные места. Всякий, обратившийся к Марье Ивановне и успевший заслужить ее расположение, получал всегда отличное место, потому что стоило сказать ей: «Иван, дай место Петру», и место давалось беспрекословно. Или: «Григорий, определи такого-то», и такого-то сейчас определяли. Иногда же Марья Ивановна не обращалась прямо к Ивану или Григорию, а

действовала через посредство барынь. «Лизавета, – говорила она какой-нибудь графине, – помести Андрея». – «Слушаю-с», – был ответ. И когда нужно было, Марья Ивановна умела настоять на своем. «Елена, – говорила она, – определи Михаилу». – «Да это, матушка, не от меня зависит». – «Знаю, что не от тебя, да ты попроси: ты ведь знаешь, кого попросить». – «Слушаю-с». – «Ну, так не огорчи же меня».

В ее доме писались и подписывались духовные такими людьми, которым в другом месте и помянуть об этом не смели. Но если Марья Ивановна заговаривала об этом, то они уж молча покорялись, и всякий думал про себя: «Ну, верно, скоро умирать, коли Марья Ивановна велела писать духовную!» У ней заключались браки; все новости текущей жизни Москвы и Петербурга ей были известны, и слава ее не только не уменьшалась, но еще больше увеличивалась. Ходила она в черном, волосы стригла по-мужски и голову иногда покрывала шапочкой. С собой была худоцава, мала ростом, имела пронизательные глаза и резкий голос. При ее выездах огромные лакеи брали ее на руки и носили в карету и из кареты. Вся сила ее, по преимуществу, состояла в том, что она благословляла воду, получавшую от этого целительное свойство. Но в последние годы, как мы уже отчасти видели, к ней многие ездили не за водой уже, а за другими вещами. Слава о Марье Ивановне достигла северной Пальмиры, и тамошние знакомые московской знати стали подзывать туда Марью Ивановну. Сначала она отказывалась ехать, как будто предчувствуя что-то недоброе, но самолюбие, что она взойдет еще ступенью выше, превозмогло, и она отправилась. В Петербурге была для нее приготовлена роскошная квартира. Выехала она благополучно, но на дороге почувствовала себя больной, в Торжке скончалась и там была погребена с необыкновенным великолепием.

Все имение ее досталось бывшей ее компаньонке Катерине. Катерина впоследствии поступила в монастырь и умерла постриженною.

АГАША

Агаша – это пятидесятилетняя, низенькая старушка-юродивая, с бледным лицом, в заячьей шубке, в черном платье и с белым платком на голове. Она, без сомнения, из крестьянок, потому что из барынь никогда не выходили юродивые: барыни умеют только спастись посредством юродивых! Ее приютили прежде в Алексеевском монастыре, но когда его упразднили для построения на месте его храма Спасителю, она переехала в Вознесенский монастырь. Сюда-то долгое время собирались к Агаше барыни и купчихи узнать у ней о будущем, спросить о покраже – словом, отвести себе душу в беседе с существом, которое они считали несравненно высшим себя.

Винить ли за это барынь и купчих? Эти барыни и купчихи, во всяком случае, живые люди, – во всяком случае, их сердце и душа требуют более возвышенной и духовной пищи, чем забота о модных шляпах или жирной рыбице, – и что ж прикажете делать, когда вне беседы с юродивыми они не знают ничего, что могло бы нравственно возвысить человека! Для здорового крестьянина такая духовная пища – в песне, старинной отцовской песне, много говорящей неиспорченному сердцу; для ученого – в науке; для молодости – в романтизме надежд и стремлений; для гражданина и гражданки (если таковые обретаются) – в высоком служении отчизне, но для московской купчихи или барыни ничего подобного не существует. Весь их идеальный мир не идет дальше рыби-

цы, да здоровнейшего кучера, да толстейшей лошади и непременно какого-нибудь юридика. И юродивые, понимая очень хорошо свое высокое общественное значение, и держат себя как можно выше и величественнее. Сколько барынь, которые, изгоняемые покойным Юпитером, глаголемым «Иван Яковлевич», бежали от него смиренные, покорные его всемогущему приговору, – бежали, лобызая прах его логовища... Это понимала и Агаша. Былая в церкви, она нисколько не церемонилась: была как дома, разговаривала громко и, когда нужно, смеялась. Ходя по церкви и ставя свечи перед иконами (все обыкновенно ей давали ставить свечки), она подходила к той или другой иконе и говорила: «Это тебе, Иванушка!», «Это тебе, Николаша, – одна от меня, а другая от рабы Божьей Дарьи». А раба Божья Дарья слышит и начинает усиленно кланяться и молиться. Агаша умерла. Прости, страдалица, что потревожили мы убогую могилку, где твое крестьянское Горе-Злосчастье успокоилось наконец от всевозможного юродства!

МАРФА ГЕРАСИМОВНА

Марфа Герасимовна – тоже из крестьянок, как будто специально созданных для юродства. Прозывалась она *Хотьковской* и была затворницей. В затворе пребывала она лет тридцать и чрезвычайно редко, в несколько лет раз, решалась выходить на божий свет. Каждый выход ее из затвора принимался за предзнаменование какого-нибудь великого несчастья, возбуждал говор, наводил на всех ужас, и начинали являться разные видения... «Гляди-ка, матушка, – говорили, – мать Марфа Герасимовна вчера из затвора выходила, – быть беде, быть беде!» Неслось повсюду слово «беда», и вот одна слышала звон на ко-

локолье в полночь, другая сказала, что идет антихрист, пышет пламя из него и все-то пополяет. В воздухе и на земле чудились страшила. Дети, толпами живущие поблизости, плакали и по вечерам боялись выйти на двор. Даже кошки и коты, не знавшие никаких страхов, и те, встречаясь нечаянно с своими перепуганными хозяйками, сами пугались и бросались в сторону и тем наводили еще пущий страх. Но Марфа Герасимовна снова вошла в затвор, снова начала плесть кружева, высовываться из своего окошечка и изрекать оттуда кару или спасение, смотря по тому, как ей вздумается. Снова толпы купчих и барынь теснятся у ее окошечка, ожидая ее по часу или по два. Пришли и приехали они к ней попросить благословения на брак дочери и получить знамение, то есть кружевца. Подойдут к окошечку, благословятся, просунут туда калач или сайку и деньги, чтоб задобрить и склонить к себе идола, и скажут: «Пожалуйста, матушка, кружевца – дочку замуж отдаю!» Дала кружево – целуют и прячут; не дала или отказала – это великое несчастье. «Нет, – скажет Марфа Герасимовна, – не наплела еще», – и это уж наверно значит, что не выйдет судьба ее детищу: или муж пьяница, или сама умрет, пожалуй, и вот идет и плачется несчастная маменька. А кого она удостоит кружевцем, то все начинают расспрашивать, в чем Марфа Герасимовна подходила к окошечку, скоро дала или нет, длинное дало кружево или короткое, широкое или узкое, – и, смотря по ответу, делают приличные гадания. Вот подошла к окошку старушка-мещанка и причитает умильным голосом: «Дай ты, матушка, Марфа Герасимовна, дай ты, матушка, детище-то моему, Насте, благословеньице-то». Сайка сунута, сунут и двугривенный, но Марфе Герасимовне больно надоели, она подошла к решетке, зарычала и ушла, а бедная мещанка столичного города Москвы начинает выть и голосить, что и

великая-то она грешница, которой Марфа Герасимовна и кружевца-то не пожаловала, и как ей быть теперь, бедной, куда деваться и что соорудить с детищем... Получаемые от затворницы кружева матери отдают дочерям вместе с приданым; дочки берегут, чтоб в свою очередь передать в наследство своим деточкам. Деньги же, которые давали Марфе Герасимовне, она все копила, копила, и после смерти нашли у нее целые кучи медных и серебряных монет и бумажек, успевших подвергнуться тлению.

ИВАН СТЕПАНЫЧ,

киновиарх и блюститель женской Пехорской кинонии

Иван Степанович – родом с Пахры, из крестьян. Переехав из деревни в Москву, он редко пользуется случаем побывать на родине и ожить немного в отцовской семье от угара городской цивилизации, а поэтому Москва наложила на него всю тяжелую руку свою. С малолетства он занимался извозничеством и, подобно большей части своих товарищей по ремеслу, очень рано сделался замечательным плутом. Он знал подробно все пути наживы, знал все бани и все заведения. Бойкий мальчик, он лихо катал гуляк, охотников в солдаты да жуликов; лихо умел подкатить к барышне, подхватить ее и прогулять с ней двадцать рублей где-нибудь на *Волчьей долине*, иль на *Балкане*, иль где-нибудь в захолустье. Сделался он *лихачом* и стоял близ Козиhi, у гостиницы «Полтава», но судьба ему не повезла. На постоялом дворе, где он жил, случилась какая-то значительная пропажа, пало подозрение на Ивана Степаныча; он заперся и забожился. Дали ему присягу, он присягу принял, и хоть был оправдан судьями, но уж с тех пор ни один хозяин не брал его в работники. Иван Степаныч стал бродяжничать, года два

где-то пропал, потом вдруг явился в Москве босым, в виде юрода и блаженного, и тут случилась ему неудача. Попался он в полицию за то, что не имел паспорта, да еще был замечен в каких-то грешках. Его взяли и посадили в острог. Будь это другой кто-нибудь, ему не спастись бы от *Владимирки*, но Иван Степаныч, опираясь уже на свою юродственную знаменитость, вздумал обратиться к Ивану Яковлевичу. Иван Яковлевич пишет о нем одному влиятельному лицу, влиятельное лицо хлопочет об освобождении Ивана Степаныча, и его освобождают, обязав подпиской не бродить. Выпущенный на волю, он идет к Ивану Яковлевичу, благодарит его и просит у него благословения на основание молитвенного дома на Пахре. Иван Яковлевич благословляет его и приказывает всем московским ханжам, чтоб шли они на жительство с Иваном Степанычем. Начинают собираться к нему вдовы, купчихи, странницы и все засидевшиеся в девках и приносят с собою большие деньги. Купечество, лишь узнало об этом, жертвует Ивану Степанычу капиталы. Вдовы купцы ездят к нему на богомолье и проживают у него дня по два, по три. Никто не уезжает без вклада. Один жертвует деньгами по три тысячи в год, другой дарит сестриц миткалем и ситчиком. Иван Степаныч выстроил обширное здание для сестер, завел скотный двор и снабжает своих благодетелей творожком и молочком, и молочко от Ивана Степаныча пьют только натошак, как лекарство. Посещая Москву, он является в церквях и во время служб обличает людей, которые крест кладут не истинно (т. е. по-староверчески), не так, как православные, обличает и тех, которые нищим милостыни не подают, а сами курят и нюхают зелие скверное, из утробы блудницы происшедшее. Ходя по купечеству, он собирает пожертвования, строит на Пахре храм, и на освящение его съезжается чуть не вся Москва.

КИРЮША

Кирюша – из крестьян Тульской губернии. Первоначальная история его жизни неизвестна, – знаем, что долгое время проживал по разным монастырям и, отовсюду изгнанный, как он выражается, *за благочестие*, прибыл в столичный город Москву в чине наставника и учителя, и, узрев воочию присно пребывающую в сем граде простоту души и доверие, он явился прорицателем судеб и поселился на Зацепе. Это был мужик благообразный с виду, лет сорока, немного сухощавый, бледный, с небольшою светлорусою бородою, блестящею проседью, начитанный и красноречивый. На вопросы, отовсюду обращавшиеся к нему, что он и кто он, у него был один ответ, смиренный и кроткий: *«Аз есмь раб Божий Кирюша»*. Носил он спереди сумку, и ее никогда не снимал. Действуя себе на уме, он сначала ни к кому не ходил, и его трудно было зазвать в гости. «Батюшка, Кирюшенька, – упрашивали его купчихи, – зайди чайку откушать». – «Не пойду, не пойду, – отвечал он, – рад бы, знаете, да святые не велят». Такие темные намеки еще более раздражали любопытство, и понятно, какова была радость, когда одной мушничихе, известной в Замоскворечье, удалось залучить его к себе. Войдя на двор, он начал креститься, но, дойдя до крыльца, закричал благим матом: «Полы не мыты, полы не мыты! Псы были, псы были!», и ушел. Купчиха уразумела, что это означало, и рассказывала, что вчера был у дочери ее учитель, и вот батюшка-то угадал, что она пустила в дом бусурмана. Учителя прогнали, вымыли полы, окна и двери, весь дом окропили святой водой и послали за Кирюшей, пригласив предварительно всех родных и знакомых прийти посмотреть, как Кирюша будет показывать свою святость. Собрались и Марья Климовна,

и Дарья Ефимовна, и Федосья Ивановна, и Аграфена Тимофеевна. Разговаривая шепотом, они рассказывали о том, какой это великий провидец Кирюша, охали и ахали, но вот вбегают в комнату кучер и девка и кричат: «Идет!» Тихой поступью, склоняя немного голову, как будто думая о чем-то, шел Кирюша. Войдя в квартиру, поклонился на все стороны, потребовал стол и чистую скатерть, велел зажечь восковые свечи, снял сумочку и, обращаясь к собранным женам, спрашивал их: «Мужатицы вы или вдовицы?» Когда последовал единогласный ответ, что все мужатицы, т. е. замужние, то он спросил еще: «Чисты вы или нет? Коль не чисты, то не приступайте, иначе обличены будете». Последовал робкий ответ, что все чисты, и тогда он приказал всем кланяться до земли, а сам, став на колени перед столом, начал вынимать из сумки разные вещи. «Вот, – говорит он, – покажу Вам прежде воду-тьму египетскую, что напущена на фараона», и показывает какую-то скляночку, к которой все прикладываются. «А вот, – говорит, – часть младенца, убитого Иродом; а это – камень, взятый Моисеем при переходе через Чермное море, а это – кость из того кита, в котором пребывал пророк Иона, а это – копыто Валаамской ослицы», и пр. и пр. Из того, что было здесь показано, многое было продано, и за большие деньги; остальное пораскупили все знакомые мушничихи.

Кирюша вошел в славу. Он отчитывал больных, лечил детей от бессонницы, но, несмотря на все свое благочестие, не мог спастись от сетей лукавого, который хочет уловить всякого блаженного человека. Посещая одну набожную портниху, Кирюша влюбился в ее мастерицу. Денег у него было много, он взял ее от хозяйки и открыл ей магазин; но она, как только выманила у него весь капитал, тотчас выгнала его вон, а сама вышла замуж. Репутация Кирюши была потеряна; он стал загуливать, но

потом снова поправился и теперь, говорят, он один из известных в Москве старьевщиков-кулаков.

НИКАНОР

Отпущенник помещика Викулина, по имени *Никанор*, ловкий малый, жил себе уединенно в Воронеже на Богоявленской горе. Присмотревшись к толпам ото всюду стекавшихся богомольцев для поклонения вновь открытым мощам св. Митрофания и крепко соблазнившись возможностью набрать трудовых чужих грошей, Никанор облачается в черную власяницу, отращивает себе бороду и волосы и превращается таким образом в *отца Никанора*. В этом новом чине он сначала терся около простосердечных пришельцев – мужичков и баб; потом, приискав себе ловких *пидбрихачей*, вдруг скрылся; затем разнесся слух, что Никанор *затворился* и жаждущим прорицает будущее. Для этой новой профессии он придумал следующую приличную обстановку: избрал себе тесную келью, в которой устроил уставленную сверху донизу иконами божницу с неугасимыми лампадами и свечами, а посреди комнаты поставил черный гроб, вмещавший в себе последние атрибуты жизни – покрывало, свечи и ладон. В этой-то светлице – конечно, только лишь в присутствии посторонних – падал он ниц и молился. Усердные глашатаи зазывали богомольцев – удостоиться чести побывать у затворника Никанора. Толпами валил *темный и невидущий* люд в открытую западню с посильными приношениями. Никанор, ничего не стесняясь, *благословлял* посетителей и врал все, что мог. Удавшаяся спекуляция и жажда славы, соединенной с богатыми дарами, довели его вот до чего: в келье, посредством проверченной в потолок

дыры, стал слышаться *глас свыше*, отпускающий грехи лежащим на полу в покаянном смирении бабам. Но, к счастью, *глас* этот, при всей своей мягкости, достиг до слуха полиции, и отец Никанор, изгнанный из затвора, женился на дочери лесного сторожа в даче купца А—на. Дальнейшая судьба этого проказника окончилась ссылкой в Сибирь за какие-то новые деяния.

АНТОНУШКА

Небольшого роста, с редкой седенькой бородкой, в серой свитке, пожилых лет, от природы не имевший рассудка, простой мужик одной из близлежащих к Задонску деревень *Антонушка* имел постоянное пребывание в этом городе и славился там как юродивый, прорицатель и чудотворец. Многие приходили и приезжали к Антонушке в Задонск из других уездов с больными детьми просить исцеления. Так, Успенского уезда, села Чамлыка мещанка, Елена Васильевна Солодовникова, у малолетнего сына которой поражены были неизлечимым недугом ноги, ходила с ним в Задонск к Антонушке. Пришедши к нему в комнату, мать больного поднесла ребенка и просила совета, чем лечить его. Антонушка поплевал на ноги больного, потер их своими слюнями и сказал: «Теперь будет здоров». Разумеется, предсказание не исполнилось. Из всех городов Воронежской губернии ни один не находится в таком близком общении с губернским, как Задонск. Жители Воронежа всех сословий, полов и возрастов, часто посещая Задонский монастырь, сведали и об Антонушке. По свойству ли человеческой природы, жаждущей узнать о своей будущей судьбе, или просто вследствие особенного сочувствия в некоторых личностях к

пустосвятству, – бессвязным и бессмысленным лаконическим фразам Антонушки общество, преимущественно женщин, придало таинственный, духовный смысл пророчества. Антонушка до того пошел в ход, что в Воронеже ощущалась потребность его на продолжительное время. Одна сметливая ханжа взялась доставлять по временам обществу это духовное наслаждение: она дала у себя в доме постоянный приют приезжавшему из Задонска Антонушке, развозила его повсюду, принимала посетителей и, собирая обильную дань во имя Антонушки, поделялась кое-чем с приезжавшими в Воронеж его родными. Худощавый и слабосильный от природы, Антонушка был совершенный ребенок; при полном отсутствии рассудка он редко говорил; если же проговаривал иногда два-три слова, то уж твердил их несколько раз безостановочно. Вот образчик пророчеств Антонушки, сообщенный одним из членов семейства, в котором совершались следующие факты. В 183... году семейство богатого и уважаемого в городе купца Н. И. С–ва пожелало благодатного присутствия Антонушки, за которым послали экипаж. Молодые члены семейства и особенно сыновья г. С–ва, учившиеся в то время в гимназии, желали видеть Антонушку просто из любопытства; но старички и старушки ждали его с полным убеждением в его святости, и потому некоторые из них во все время ожидания, затворившись, усердно клали земные поклоны, прося Господа о том, чтобы он сподобил достойно встретить пророка. После этого, когда раздался крик: «Едет, едет!», все вышли на крыльцо, ссадили желанного гостя с пролеток, как дитя, и с благоговением ввели его под руки в комнату. Антонушка был в старом армяке, в шапке и рукавицах. Посредине комнаты встретила его почтенная старушка, глава семейства; она с подобающею честью протянула

к нему сложенные одна на другую руки, приклонила голову и сказала: «Благословите, Антонушка!» Между тем Антонушка, едва переступив порог, начал повторять: «*Чи собаки брешуть? Чи собаки брешуть?*» Просившую благословения старушку, не снимая рукавиц, он слегка ударил по щеке; сконфуженная неожиданной выходкой дурачка, она отвернулась в сторону, потеряла щеку и в утешение себе сказала: «*Хорошо, что еще не дерется*». Затем посадили Антонушку на переднее место под образа. Члены семейства, желая каждый услышать предсказание о будущем, выходили поодиночке из другой комнаты и показывались Антонушке. При входе одного из сыновей г. С–ва он начал повторять: «*Паромы плывуть... Паромы плывуть...*» Вышла девушка, Антон заговорил: «*Чи дивка без котов пришла? Чи дивка без котов пришла?*» При появлении другой он сказал: «*Вари кулешу, вари кулешу*». Купцу Ш–ну, родственнику А–ва, Антон прорек: «*Чи мене на поселенье сошлють? Чи мене на поселенье сошлють?*» Антонушку почествовали, чем Бог послал, и отвезли восвояси. Вот полный акт его предсказания, приезда и отъезда, сопровождавшихся толпою народа, собравшегося у ворот С–ва. В другой раз, едва привезли Антонушку на двор, он расплакался как дитя и не хотел сойти с пролеток; его насильно втащили в комнату, но он вырвался и побежал к воротам, которые оказались затворенными; он бросился в подворотню, но один из сыновей г. С–ва схватил его за ноги и втащил обратно на двор. Начали ублажать Антонушку как ребенка: уговаривали, катали по двору на пролетке, но ничто не помогало: он рвался и плакал. Послали наконец за его опекушкой, которая, покатавшись с ним по двору, взошла в комнату и с таинственным благоговением объявила, что Антонушка не расположен сегодня *говорить*; с тем и увезли его до-

мой. Мы сами, в ранние годы нашей юности, видали его в Задонском монастыре.

Как теперь, представляется нам фигура этого старичка с включенными волосами, в сером, низко подпоясанном кафтанишке, с камнями и всякой дрянью за пазухой. Вот он сходит с церковной паперти, его окружает толпа женщин и детей всех сословий и с благоговением целует его грязные руки. Антонушка умер в Задонске и погребен в тамошнем монастыре. Рассказывают, что в день погребения в руках его – неизвестно откуда – явился запечатанный пакет с надписью: «*на погребение Антонушки*»; в пакете найдено триста рублей. Ловкие люди обратили и этот простой случай в чудо, вероятно для того, чтобы пробавляться кое-чем в память Антонушки.

КИРЮША [ВТОРОЙ]

Крестьянин одного из торговых сел Борисоглебского уезда, в полном уме и здравой памяти, сбросил с головы шапку, разулся, остригся гладко под гребенку, обрил бороду, нарядился в демикотоновое черное полукафтанье, опоясался ремнем и в таком виде явился в стогнах города Воронежа. Это был пророк двух губернских городов – Воронежа и Тулы, знаменитый *блаженный Кирюша*. Остриженный и обритый, он во всякое время года ходил босой, без шапки, в легком полукафтанье; в правой руке его постоянно имелся жезл с привязанным на конце букетом свежих цветов; палка эта была внутри пустая, наполненная свинцом, что придавало ей особенную тяжесть; букет цветов имел он постоянно свежий, даже и зимою, чем, конечно, обязан был своим почитателям прекрасного пола. Свежее, румяное лицо

Кирюши цело здоровьем; чтобы искуснее обморочить почтенную публику, он притворился немым и при появлении в Воронеже более года не говорил ни слова. Но когда, по соображению его, настало время окончательно дурачить суеверов, то он заговорил. Конечно, эта выходка всех поразила: заговорил, так уж неспроста! Кирюша, в свою очередь, тоже смекнул, чего от него ожидают. Несколько удачно сказанных по известным обстоятельствам фраз доставили Кирюше громкую славу пророка и открыли ему двери богатых домов Воронежа, где он пользовался всевозможными даяниями и разъезжал в богатых экипажах. Преимущественно баловало Кирюшу купечество. Одно время жил он с год в доме почетных граждан А-х; в нижнем этаже ему была отведена особая комната. Зная, что все домашние, от прислуги до хозяев, жадно следят за каждым его движением, Кирюша вел себя осторожно. Каждый вечер он затворялся в комнате и усердно клал земные поклоны. Любопытные с самого начала вечера смотрели на его занятия в дверную скважину, и блаженный, чтобы отвязаться от докучливого любопытства, поражал иногда следующим нечаянным возгласом: «Знаю, знаю, что вы на меня смотрите!..» Публика, внутренно укоряя себя в грешном любопытстве, крестилась и со страхом расходилась по своим местам. Один только человек в доме А-х не стеснялся пророческими возгласами, прилежней и дольше всех наблюдал за Кирюшей по ночам и не остался от того в накладе. Это был кучер Николай. Вероятно, подсмотрев когда-нибудь попоздней, что Кирюша после богомолья имел привычку пересчитать свою выручку, он добрался как-то до нее и потянул весь капитал пророка. В одну полночь, когда кучер Николай не находил уже ничего любопытного в надзоре за Кирюшей, последний поднял страшный

гвалт в доме; все проснулись и сбежались на крик. Кирюша бесновался и чуть не лез на стену, но о деньгах ни полслова. «Пустите меня вон отсюда! – кричал он неистово. – Не хочу больше здесь оставаться...» После уже узнали от него же о проделке кучера Николая.

Нередко, соскучившись о Воронеже, Кирюша отправлялся в Тулу, где и имел постоянное пребывание в доме богатого купца Д–на; там отводилась ему особая комната, которая и носила название Кирюшиной. В Туле он пользовался не меньшею популярностью, как и в Воронеже. В тот год, когда в Туле был большой пожар, Кирюша, перед отходом своим в Воронеж, был в доме известного купца М–ва: посмотревши в окна, он указал на город и проговорил: *«Скоро, скоро будет большая суета... все будет чисто...»* Спустя немного времени по уходе Кирюши из Тулы город сгорел; слава пророка утвердилась еще прочнее. Но не одна Тула платила дань суеверного поклонения воронежскому пророку: Москва также почтила его в лице богатой княгини Н. Приезжая в Воронеж на богомолье, г-жа Н познакомилась с пророком и уже не могла с ним расстаться, она увезла его с собою в Москву, отвела ему в своем доме особую комнату, которая постоянно вся была убрана цветами. По воле Кирюши всякая отцветшая плошка тотчас же выносилась садовником вон и заменялась новою, цветущею. Так блаженствовал Кирюша целый год. Наконец совесть заговорила в нем; постыдное ремесло пророка надоело ему; и вот он, превратившись опять в крестьянина, обулся, отпустил волосы и бороду, надел серый армяк и шапку и отправился на родину. Теперь живет он в одном из торговых сел Борисоглебского уезда, где сделал на свой счет иконостас для сельской церкви; имеет свой дом с хорошим садом и занимается хозяйством. 29 октября 1860 года Кирилл, проездом

через Воронеж в Тулу, по старой памяти, был в гостях у почетного гражданина А-ва, где когда-то он постоянно жил. За чаем на вопрос хозяина – приходит ли ему когда-нибудь охота блажить по-прежнему – он просто-душно отвечал: «Нет. Подурачился, да и будет...» Замечательно, что, по словам А-ва, из бывшего пророка вышел хороший цветовод.

ФЕДОР

В пригородной слободе при даче проживал фабричный крестьянин Федор, имевший двух малолетних сыновей. Из желания сколотить себе и детям легкими средствами капиталец, он начал юродствовать, чем и промышлял до самой смерти. Дети его выросли, начали торговать, имели уже достаточные средства к жизни и, видя всю нелепость шарлатанства отца своего, употребляли все зависящие от них меры – усадить его дома или заставить взяться за дело; но *блаженное* состояние так глубоко пустило свои корни, вошло в плоть и кровь Федора, что даже влияние полиции оказалось над ним безуспешным, и она махнула на него рукой. Юродствовавший отнюдь не притворялся дурачком, но корчил из себя *облагодатствованного* человека. Он ходил в черном засаленном полукафтаны, с длинными волосами, без шапки и босой во всякое время года. На голове у него был какой-то обруч, обернутый черною сальною тряпицею, с нашитым на ней позументным крестиком; носил он длинную палку с железным на нижнем конце острием, на верхнем же сделан был крест, обшитый шелковыми тряпочками, на которых развешены были металлические и стеклянные образки. В таком виде ходил он свободно

по улицам, площадям, церквям и монастырям города, громко распевая духовные псалмы. Нередко случалось, что пением своим нарушал он порядок церковной службы и с желавшими воздержать его вступал в громогласный спор. Обыкновенным местом пребывания его была монастырская галерея, в известные времена года битком набитая богомольцами из сел и деревень. Иногда он громко пел, а иногда молча молился Богу, делая размашистые кресты с сильными ударами по голове, груди и плечам; земные поклоны его сопровождалось сильным стуканьем лбом об пол. Около него группировались толпы любопытных богомольцев и наделяли его милостынею, приговаривая: «Помяни за упокой или за здравие такого-то»; Федор молча брал деньги и громко творил поминовение. По окончании церковной службы, когда весь народ скопился около монастыря, он становился среди монастырской площади, отставлял одну руку с жезлом для целования креста в тряпицах, где, по словам его, зашиты были частицы мощей, а другую протягивал для сбора денег. Каждый богомolec подходил, прикладывался к образам на палке и давал грош. Бесперывный перечень душ, которых он обязывался помнить, надоедал ему; и вот, едва крестьянин или крестьянка откроет рот и успеет вымолвить: «Помяни...», святоша прерывает начатую фразу лаконическими возгласами, с киваньем головой: *«Знаю! знаю кого!.. Знаю...»* Удивленные богомольцы благоговейно крестятся и шепчутся между собой: *«Вот уж подлинно-то святая душенька! Ты только рот разинешь, а уже он и знает, кого нужно помянуть...»* Этот потаскушка слыл за предсказателя только у одних приезжих господ, которые нередко посылавали за ним экипажи; в глазах же коренных жителей Воронежа он не имел ровно никакого значения.

ОТЕЦ СЕРАФИМ

Последнее нашествие блаженного фокусника на Воронеж было в 1859 году. Государственный крестьянин Нижнедевицкого уезда, села Везноватки, Ермил Сидоров, бросив жену и семейство, преобразовался в какого-то *отца Серафима* и пошел таскаться сначала по деревням и уездным городам, а потом пожаловал на вакантное место в Воронеж. Хорошо обутый, одетый в суконное полукафтанье, с монашеской скуфейкой на голове, скоро втерся он в несколько купеческих домов, где и пророчествовал, как только доставало умения. Одна почтенная старушка, купеческая вдова В–ва, имея собственный каменный дом, приютила у себя отца Серафима. При доме ее был сад, в котором находился флигелек в одну комнату; в нем-то и поселился Серафим. С В–вою жил ее сын, холостой человек, да приказчик, племянничек ее Григорий К–н. Каждую ночь сын В–вой, после ужина, прощаясь на сон грядущий с матерью, обращался к ней с вопросом: «Маменька, позвольте мне пойти к отцу Серафиму помолиться Богу?» «Ну что ж, ступай, Христос с тобой!» – было обычным ответом. В один вечер сын ранее обыкновенного обратился к матери с подобною просьбою. Мать хотя и благословила его, но подушка, которую он держал в своих руках и которую никогда не брал с собою прежде, поселила в ней какое-то безотчетное подозрение. Спустя часа два, мучимая разными предположениями и сомнениями (сын любил немного покутить), старушка позвала к себе приказчика. «Гриша, а Гриша! поди, батюшка, посмотри – что мой Ваня делает у отца Серафима». Гриша, мужчина лет сорока семи, тотчас же отправился по поручению в сад, где, подойдя к дверям кельи, по обычаю монастырскому пренаивно проговорил нараспев входную фразу:

«Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй нас». «Аминь», – отвечал голос за дверью. Гриша взошел и остолбенел от удивления: на столе был штоф водки и осетрина, а за столом сидела мертвецки пьяная женщина; Ваня был не в лучшем положении; Серафим, однако ж, не был пьян. Все виденное Гришей было передано старушке В–вой, и Серафима прогнали вон.

Из дома одного чиновника, где было нашел пристанище отец Серафим, выгнали его за то, что он, несмотря на тяжесть носимых им вериг, слишком уже наглядно начал ухаживать за хозяйкою в отсутствие ее мужа. Молоденькая купеческая жена О. Е. Ф–ва, кончившая курс в одном из частных пансионов, но сильно зараженная пустосвятством, очень ласково принимала Серафима и благоговейно выслушивала всю чушь, которую он говорил ей. Вот что рассказывала о пророчестве Серафима молодая дама А–ва, хорошая знакомая Ф–вой. У мужа А–вой пропали из комнаты деньги; пока производился розыск их полицией, А–ва с своей сестрою-девушкою, зная, что у Ф–вой будет Серафим, отправилась туда из любопытства испытать его пророчество. При входе А–вой с сестрою Серафима поили чаем, и он, обращаясь к хозяйке, говорил: «Ты мне послаже, послаже налей; положи побольше сахара, да варенья; не жалея! не жалея...» Потом, не обращая внимания на вошедших, он сказал: «Вот пришли. Они думают, что я цыган, буду им ворожить о деньгах. Деньги украла рыжая девка!» Но эта меткая фраза не одурачила г-жи А–вой: она сейчас же догадалась, что плут Серафим уже слышал о пропаже денег из разговоров сестры ее, часто бывающей у Ф–вой, и потому не обратила особенного внимания ни на пророка, ни на пророчество. Серафим показывал приехавшим свою скуфейку и говорил, что она не обыкновенная, а железная; показывал также вериги; на-

зывал сестру А–вой своею невестою, становился с нею перед образами и, снявши с ее пальца золотой перстень, надел его себе и сказал, что теперь уже они обручены друг другу. Перстень он унес с собою и не отдал назад. Удивительно, откуда мог достать полную одежду схимника. Особенность покроя и все малейшие подробности ее не могли быть известны обыкновенному портному, тем более что, сколько мы знаем Воронеж и его монастыри, никто из монашествующих не принимал на себя схимнического сана. Схимну надевал на себя Серафим только лишь в келье, во время богомолья. Недолго, однако ж, пошатался по Воронежу этот обманщик; вероятно, он увидел, что проделки его с каждым годом будут все более и более терять свою цену, а потому покинул Воронеж и, как говорят, отправился в Москву.

БОРОДАТЫЙ МУЖИК

Одно время в Воронеже мрак суеверия до такой степени распространился, что даже сама полиция прибегала к его помощи. В 18.. году у полковника Л–го была украдена шкатулка с драгоценными вещами. Л–й на другой день обратился с просьбою о розыске вещей прямо к губернатору, который тотчас же приказал полиции принять все меры к отысканию. Должность полицеймейстера временно исправлял в то время состоявший при губернаторе для особых поручений подполковник В. А. П–в. Ревностное желание угодить начальнику, блеснуть перед обществом своими юридическими знаниями и полицейским соображением подвинули П–ва принять живейшее участие в розыске. Он сбил с ног всю полицию, измучился и сам, но вещи как в воду канули, даже следа не открыли. П–в стал в тупик. Думал, думал

он и наконец попал на счастливую мысль: пригородные слободы Воронежа богаты знаменитыми ворожеями и знахарями, которые многим угадывают о пропажах; будем и мы гадать. «Идет!» – воскликнул П–в, и лицо его просияло надеждой. Выписан был известнейший по этой части знахарь, бородатый мужик в смуром армяке. Привезли его прямо в одну из городских частей и поместили в канцелярии; мужик объявил, что гаданье должно быть *на тощее сердце*. Наутро подполковник П–в, ратман полиции, купец А., частный пристав, квартальные и канцелярские служители собрались в канцелярии части и с покорностью ожидали вещей слов мага. Бородатый плут потребовал миску чистой воды, поставил ее на стол под образами и начал что-то нашептывать. Окончив свои заклинания, он отступил шага на три от стола с мискою, обратился к присутствующим и с суровой таинственностью сказал: «Молитесь все до единого в землю!» Чудная была картина: здоровый мужичище делал размашистые кресты и стучал лбом об пол; за ним, с благоговейным смирением, усердно клали земные поклоны подполковник П–в, частный пристав, ратман и все предстоящие. Когда окончилась молитва, знахарь взял миску и стал смотреть в воду. П–в, наострив уши, весь превратился во внимание. Знахарь описал приметы вора, объявил признаки места его жительства и, сказав о том, где спрятаны вещи, распустил честную компанию. П–в, раскинувшись умом-разумом и посоветовавшись, с кем нужно, приискал вора по приметам и сейчас же нагрнулся на какой-то домишко. Всполошив всех соседей, перепугали хозяев дома, перевернули все вверх дном, но не только вещей, даже и следов подозрения не отыскивали. Поехал П–в, понунив голову и чуть не плача, но знахаря, говорят, маленько посекали да и отпустили восвояси.

УГЛИЦКИЕ ЮРОДИВЫЕ И ПРЕДСКАЗАТЕЛИ

...В каждом человеческом обществе, будь оно английское или японское, всегда найдется особого рода черты и явления, которые весьма ясно будут говорить вам о взглядах, понятиях и верованиях этого общества, а следовательно, и о степени его развития. У нас на Руси к числу таких характеристичных явлений, бесспорно, принадлежат, между прочим, и разные святоши, предсказыватели и вообще юродивые. Недавно в Москве появилась книжка, в которой рассказываются биографии 26 подобных личностей, подвизавшихся в первопрестольной столице русского царства. В относительном размере, здешняя местность наделена этим добром не менее Москвы. Еще не так давно отошли к праотцам появлявшиеся от времени до времени в Угличе Ионушка и Василис (правильнее: Василиск) Макарыч и куда-то исчез Андрей или Андрюшка. Ионушка был существо толстое, плешивое, сопящее, с несвязною речью и замашками юродивого, а Василис Макарыч, напротив, смотрел не только приличным, но даже и благообразным старцем. Не слышно, чтоб к ним обращались за предсказаниями; но за всем тем, если Ионушка, на основании некоторых его поступков, действительно не мог быть причислен к разряду обыкновенных смертных, то мы весьма удивляемся, на каком основании мнение народа ставило на одну доску с ним и Василиса Макарыча... Что касается до того, как он держал себя, то некоторые из его поступков были весьма разумны. Так, например, слышали мы, что, сидя в своей келье в селе Архангельском, в одиннадцати верстах от Углича, где было постоянное его местопребывание, Василис

Макарыч занимался чуть ли не бесплатным обучением славянской грамоте тамошних крестьянских ребятишек. А народ все-таки считал этого старика каким-то блаженным! Что же касается до Андрея, то этот ни-сколько не походил ни на Ионушку, ни на Василиса Макарыча. Молодой высокий парень, в костюме монастырского послушника, с сумою за плечами и четками в руках, – вообще порядочная прогарь, как говорят, – он водил знакомство преимущественно с барынями подходящего ему развития, носил им просвирки, попивал у них чаек и пленял их рассказами о своих странствованиях по белу свету. Он был из крестьян; его ловили и даже секли, но отучить от бродяжничества не могли: Андрей все-таки оставался Андреем. Однажды его заперли по какому-то случаю в амбар или сарай; Андрею не понравилось, – он сделал отверстие в кровле своей тюрьмы и вылез на волю...

– Зачем ты разломал кровлю? – спрашивают его.

– Я не ломал, – отвечает Андрей.

– Да как же это случилось, что на кровле дыра и ты на свободе?

– Я только помолился, – говорит он, – «Милосердия двери отверзи нам!» – кровля-то и отверзлась, я и вылез...

В настоящее время у нас существует отец Петр и так называемый Иванушка Тульский, хотя мы и не знаем наверно, действительно ли он из Тулы. Иванушка живет где-то около Углича и посещает город тоже периодически. Он лишен употребления ног, а потому и разъезжает: летом – на небольшой тележке, а зимою – на санках. Экипажи его обыкновенно возят какие-нибудь усердствующие бабы, в числе двух или трех. Если их две, то одна из них идет в корню, а другая поддерживает тележку или сани сзади; если же три, то уж в корень закладываются две. Эти же бабы вытаскивают Иванушку из экипажа

и вносят его куда нужно – в дом или в церковь. Иванушка тоже, кажется, не пророчествует, а только дает благословение и советы. Как предсказатель, наиболее гремит отец Петр, жительствующий весьма недалеко от Углича, в слободе, называемой Иерусалимской, где он в прежние времена был священником. Мы не знаем отца Петра лично, но, судя по рассказам тех, кто имел с ним дело, он говорит весьма неясно. Иногда отец Петр употребляет даже какие-нибудь знаки и действия для изображения того или другого обстоятельства. Поэтому под руками у него всегда находится порядочный запас камешков, щепок, бумажек и т. п. Свернет отец Петр из тряпки или хлопка что-нибудь вроде человеческого подобия и положит эту штуку в коробочку, – значит, смотря по обстоятельствам вопрошающей стороны, быть покойнику или новорожденному и пр. Отец Петр известен не только в Угличе и его уезде, но и в некоторых других городах здешней губернии, известен даже и за чертою губернии. Народу у него бывает много, в особенности из женщин.

**«ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ МОСКОВСКИХ
ЮРОДИВЫХ, ПРОРОКОВ, ДУР
И ДУРАКОВ». – Москва, 1865, 158 с.
[Авторецензия]**

Толкование этой книги, на которое мы покушаемся, начнем нежной прелюдией. Вот идет барыня. Из-под шубки черного соболя спускается, колыхаясь приятными волнами, дорогое платье, ловко сшитое мозолистыми руками портнихи. Барыня держит себя так бойко, говорит так умно и, зайдя в лавку, покупает какую-то книжку. Словом, видя перед собою прекрасный, колыхающийся сзади кринолин барыни, думаешь, что и образ,

носимый ею спереди, тоже недурен: разумеет лицо, иначе образ Божий и подобие. Тут, как насмех, подсказывает нечистый и, злобно скаля зубы, предлагает познакомить нас с этой милой барыней. «Умница необыкновенная, – расхваливает ее нечистый, – и то подтвердят вам все брамины и халдеи». А мы в это время были настроены чрезвычайно глупо. Мы шли и сами не знали куда и зачем, и вместо человеческих лиц нам все казались звериные морды. Предложение нечистого было для нас, как нельзя больше, приятно: взнуздав его, через минуту мы уж неслись с ним по воздуху, пропитанному самыми злыми миазмами. Нечистый, чтоб не заразиться тифом, все нюхал какую-то стлянку с спиртом. Проскользнув в трубу, мы спускаемся в гостиную, и нечистый со свойственной ему бесцеремонностью объявляет: «Гостиная купчихи Аршинниковой; восемь домов, четыре амбара, денег – уу! Два поклонника, жрет белорыбицу...» От слов нечистого понесло вонюю, и мы попросили у него стляночку со спиртом. Позвонили у дверей; госпожа с колыхающимся кринолином вошла в гостиную, отдала дорогую шубку оборванной кухарчонке, поспешно села за стол и вынула какую-то книжку. Мы с лукавым отходим в сторону и ждем, что будет. Положила она эдак перед собою книгу и с какою-то ехидною жадностью начинает читать ее заглавие; но – увы! – никак не прочтет заглавия. Нечистый инда фыркнул от удовольствия. Дело в том, что первая строка заглавия начинается не буквою какою-нибудь, а цифрою 26. Барыня в дорогой шубке, непривычная к такого рода хитростям, чтоб книжка начиналась с цифры, и уверенная вполне, что это совсем не цыфирь, а буквы «земля» да «веди», начинает читать: «*Земля, веди – зве...* Нет, – говорит она, – это, кажись, не земля и веди, а глаголь и ерь» – и опять читает, но ничего не выходит... Нечистый, по обыкно-

вению всегда приличный, тут не утерпел и, зажав рот от смеха, уткнулся носом в лежанку. «Эге, – подумали мы, – да барыня-то дура безграмотная!» Побившись довольно над цифирью, барыня читает дальше: «Мыслете, он – мо; слово, како – он-ко-ско, – мо-ско-вских ю-роди-вых...» И поверьте, читатель, до сих пор еще милая барыня, необыкновенно жадная до юродивых, сидит, разбирая книжку, потея, ругаясь так хорошо и ничего не понимая. Нечистый хохочет; он рад, он счастлив, он в восторге, но мы – не черти: нам жалка эта несчастная баба, и мы решаемся растолковать ей и другим, что это за курьезная книжка, которую даже Аршинникова купила, – Аршинникова, никогда ничего не покупавшая, кроме постного сахара и рыбыцы.

В нашем обществе встречаются люди двух сортов, из которых одни – поистине юродивые и веруют в юродивых, но держат себя деликатно, в хорошем теле, и ходят в атласе да бархате. Другие, напротив, нисколько не юродивые, но юродствуют, делают всякие безобразия и ходят в рубище.

К первым принадлежат люди общества, которые, сбросив с себя кафтан и порты, словно они были зачумленные, украли у Запада костюм, а ума-то набраться не успели; а ко вторым – мужики, которые, не расставаясь с шкурой своих отцов, ходят по старине в кафтане и портах. Любая юбка на модной пружине не прочь обозвать человека мужиком, – *до уважения человека в человеке они не доросли!* – не прочь дать целый полтинник, чтоб только не сидеть с мужичьем в одном вагоне, и тот же самый мужик, только лишь прикинись ханжой, только начни юродствовать, блажить, морочить людей, и та же самая юбка почтит его несказанно, сделает его своим Юпитером, будет егозить перед ним, раскормит его и обогатит... Читая книжку о 26 юродивых, вы

увидите там, что княгиня N держит у себя юродивого мужика, великого плута, убрав его комнату цветами и деревьями (с. 75).

К почитателям юродивых принадлежат люди всех классов, названные в книге, которую мы толкуем, или прямо по имени, или начальной буквой фамилии. Мы находим здесь и г. О. (с. 36), и князя Долгорукого (с. 39–40), и барышню А. А. А., которую он любил (там же), и княгиню В–ую (с. 35), и воспитанниц Екатерининского института (с. 37), и затем все купечество и мещанство. Чтоб не тратить слов на определение характера этих людей, приведем здесь одно место из статьи г. Н., помещенной в духовном журнале, называемом «Дух христианина». Н. рассказывает, что «одна барыня, считающая себя образованною (еще бы!), готовила пищу в постный день (еще бы!); когда же все было сделано, она вспомнила, что поутру мазала голову помадой и, не вымывши рук, выжимала морс из клюквы. Из опасения оскоромиться самой и других ввести в грех, она вылила вон приготовленную пищу, и, с досады на неудачу и оплошность, она нашла случай заметить мнимую неисправность в своей прислуге и сильно избила ее (еще бы!!)».

Юродивые, как мы сказали, все – из мужиков. Это или полоумные по природе, или доведенные до безумия жестокой судьбою, как, например, Данилушка (с. 46–49), или же плуты-промышленники и фанатики-изуверы. Все они прикидываются дурачками, но вообще несравненно умнее тех, которые в них веруют. На что уж был юродивый Иван Яковлевич, но и тот, возмущенный иногда бессмыслием приходивших к нему баб, гнал их от себя в шею (с. 36). А, например, углецкий юродивый Василис Макарыч, тот удрал штуку, которая и в голову не придет барыне: он завел воскресную школу для ребятишек, да и учит их грамоте («Спб. ведомости». 1865. № 34).

Положим, однако, что все это – безумные, но вот верующие в них, те ведь не считают себя безумными, даже называют себя христианками, а когда вы немного пораскопаете их, вы увидите, что это – самые злые язычники. Книжка, на которую мы теперь пишем толкование, разоблачает перед нами подвиги, не уступающие подвигам суздальских волхвов, описанных Нестером. В Суздале был голод, и распространился суеверный слух, что будто бы женщины держат за спиной жито и рожь, и вот волхвы ходили по городу, резали богатых женщин и будто бы вынимали у них из спины жито и рожь. То были волхвы, но вот перед нами люди, которые называются христианами. Книжка о 26 юродивых представляет самые мерзкие факты, до которых когда-нибудь доходило тупоумное ханжество, и не верится, чтобы это могло быть, а между тем все это – печальная правда. На странице 42 рассказывается, что «многие приходили к гробу Ивана Яковлевича с пузырьками и собирали в них ядовитую материю, которая текла из гроба¹... Должно думать, что этой материей будут лечить детей. Пришли солдаты обмывать Ивана Яковлевича, но женщины вытолкали их вон, сами его обмыли, и ту воду, которой обмывали, тут же выпили». Многие, пожалуй, готовы сказать, что это вздор, что человеку невозможно унизиться до такого скотства, а между тем эти самые суеверия распространены по всей Руси. Шпилевский в своем сочинении о Белоруссии говорит, что там, по суеверному обычаю, покойника обмывают не мужчины, а непременно женщины, которые и называются *мертвечихами*, – что они очень веруют в воду, которой обмывали покойника, и хоть не пьют ее, как у нас в Москве, но льют ее в могилу или

¹ Если при анатомировании трупа в порезанный палец попадет капля такой материи, то скорее отрезают палец, отрезают всю руку – иначе человек погиб.

окропляют ее могилу. Точно так же веруют в материю, которая течет из покойника, и чуть она показалась, родные стараются скорей обтереть *ее, чтоб мертвечихи не собрали ее в стклянки и не сделали из нее какого-нибудь чародейского употребления* (Шпилевский. Белорусские родины и крестины. С. 15–17).

Вера в юродство, относительно настоящих юродивых, доходит до зверства, – нет, она хуже всякого зверства! В Воронеже живет Антонушка, человек с крайне слабым рассудком, дошедший до степени ребячества. Он ничего не понимает, он боится людей, но бабы силой тащат его колдовать: колдуй, да и все тут! Он плачет, кричит и рвется, думая, что его ссылают на каторгу, а его все тащат, крестясь на него и молясь. Его привели на двор С–ва, он расплакался как дитя и не хотел сойти с пролетки, но его насильно втащили в комнату, он вырвался и побежал к воротам, которые оказались затворенными; он бросился в подворотню, но один из сыновей г. С–ва схватил его за ноги и втащил обратно на двор (с. 73). В селе Бусине, около Москвы, ханжи отыскивали бедную и, вероятно, нервную молодую девушку, сказали ей, что будет такое-то явление, заперли ее в яму и морили ее в этой яме, сбирая за нее большие деньги, пока не освободила ее полиция. «На допросе она показала, что была научена, и сказала, кем именно, что никакого гласа она никогда не слыхивала, что ей очень наскучило сидеть в яме, и она хотела оттуда бежать, а обещанных денег ей никогда не давали и пользовались ею только те, которые ее научили» (с. 59). Скажут, что и это небылица, или даже ничего не скажут: какое кому дело, что там в яме гибнет замурованная девушка?! Но вот, милые мои, в деревне Кишкиной, Поле-Березовской волости, Солигалицкого уезда, живет юродивый *Козьма Ларионов*, и родные его, чтоб он не ушел, чтоб не вырвался

как-нибудь из их рук да не лишил бы их большого дохода, да чтоб еще сильнее подействовать на воображение верующих, взяли да и *приковали его на цепь*. Приходили к нему люди, и он робко, боязливо умолял этих людей спустить его с цепи, но его держали, держали на цепи *целых пятнадцать лет*, пока не узнала об этом полиция («Костромские губернские ведомости», 1884. Перепечатано в «Русских ведомостях»). Подслеповатые невежды, не видящие дальше своего носа, а тоже фарисействующие, заметят лукаво, что это один лишь случай. Нет, это далеко не случай (см. «Историю России» Соловьева, т. XIII, с. 213). Пусть вспомнят, что повсюду юродство бесконечное, что в одной Москве 26 юродивых, что Воронеж и Углич ими переполнены («Спб. ведомости», 1865, № 35), что всей Тверью, славной некогда в истории, ворочает теперь *Лешка* юродивый и что, наверно, до сих пор еще по разным углам матушки Руси продолжают замуровывать людей и сажать их на цепь, и тихо, спокойно, под наружностью самую благовидную, кишат преступления... Что ж вы скажете на это, милые друзья наши, – вы, во-первых, обскуранты, под кровом разума кующие ковы здравому смыслу, – вы, мрачная изгарь, потаковщики всякому оскорблению человеческого достоинства, вы – Аскоченские в юбках, самоедки в гарибальдинках, пьющие воду с *Ивана Яковлевича*? Что ж вы скажете? Умашайте ж скорее власы на главах своих, ликуйте, ибо на вашей улице праздник... Но не спасут вас целые армии самоедов. Прошедшее для вас темно.

Скажем несколько слов о самой книге, которую мы толковали. До 1860 года о существовании юродства и разных, подобных ему, так называемых в «Московских ведомостях» *подземных мерзостей* знали одни лишь специалисты. В этом году кто-то сообщил в «Московские ведомости», что вот в «безумном доме» живет Иван

Яковлевич и – о ужас! – благословляет... Дальше шли точки. Тогда появляется человек, не сгубивший еще живой души, и, не стыдясь прикоснуться к мерзости, не боясь замараться в грязи, спускается на самое дно нечистых побуждений и печатает *«Житие Ивана Яковлевича»*. Автор *«Жития»* поставил себе целью *высказать все, что накопилось у него на душе* (с. 1), а потому понятно, что его книга скорее была похожа на крик ужаса, чем на исследование. «Каким вздором занимаются, какая глупая книжка, какое кощунство!» – кричат дикари, а между тем сами же начинают честить друга друга юродивыми: слова *юродивый, юродивец* делаются самой модной бранью. В 1862 году появляется *«Сказание о кончине»* двух московских юродивых, избличающее самым бесцеремонным образом известные стороны русской жизни, – и вот через три года пред нами снова лежат целых 26 юродивых. Кто автор этой книги – на книге не означено; но интересно сравнить ее с *«Житием Ивана Яковлевича»*. Житие писано было человеком, который с горячностью юноши, не ведающего, что он творит, спешил все высказать и с наивностью, достойной ребенка, думал, что все так и обратят внимание на его книгу (с. 25).

Плачась на человека, он с детской верой призывал на помощь ему, на спасение его – знание и науку: *«...воскресных школ, – говорил он, – Бога ради, воскресных школ на каждом углу!»* (с. 25). Книга о 26 юродивых писана совершенно другим человеком. Не бойся, читатель-обскурант, тебя не оскорбит уже больше преступное воззвание к школам, и в книге ты не найдешь ничего кроме фактов.

Мы говорили доселе о содержании книги, видели в ней много гадко-юродственного; но и самое издание книги не лучше. Впрочем, тут дело не в плохом издании, – это у нас не редкость, – а в некоторых относя-

щихся сюда посторонних обстоятельствах. Вот что мы слышали и за что отвечаем. Автор этой книги или тот, кому она принадлежит,

в минуту жизни трудную

пошел на Никольскую, чтоб там продать рукопись; он просил за нее от 8 до 10 рублей, но никто из книгопродавцев не пожелал приобрести ее. Узнав, что в одной из нескольких книжных лавок есть торговец, носящий фамилию Баркова, известного врага ханжей, он взял да и подарил ему эту книжку. Новый Барков этим не удовольствовался, а попросил расписку, что книга *действительно подарена ему*. И вот она издана, напечатана в нескольких заводах, и за плохое издание в пол-листа назначена цена рубль серебром, тогда как автор прямо говорил, чтоб книгу продавать никак не дороже тридцати–пятидесяти копеек. Кажется, не нужно прибавлять более никаких объяснений: дело говорит само за себя, само себя называет должным именем, – рисует нам положение русских писателей и аферистов-издателей.

РУССКИЕ КЛИКУШИ

Женщина-кликуша была знакома всем векам и всем народам; но только в самое близкое к нам время начали устанавливаться более правильные взгляды на нее как на известное патологическое явление в общественной жизни, порождаемое иногда теми условиями, под гнетом которых надламывается женская натура.

Признать болезненное состояние женщины за влияние дьявольской силы и таким образом обезобразить женщину – это немисливо было для древнего грека. Бе-

шенство и безумство не могли, конечно, не возбуждать в греке суеверного страха и удивления, но никогда не служили предметом боготворения и почитания; древний грек обоготворял мир светлый, человеческий. Женщина того времени хотя и болела, страдала теми же болезнями, какие испытывает и теперь, но все симптомы ее расстроенного организма принимались в глазах верующей массы за действие «демона» (*δαίμων*) – светлого гения, присущего всякому человеку и говорившего его устами! Медики, как Гиппократ, объясняли это явление совершенно естественными причинами; напротив, школа Платона продолжала утверждать их неестественное значение, – а между тем с Востока шло новое учение о людях, одержимых *демоном* уже в значении злой, нечистой силы. Аполлоний Тианский, живший в I веке по Р. Х., посмотрел внимательно на демона, поселившегося в юноше, и демон завыл печально, дав обещание выйти из своей жертвы и больше уж ни в кого не входить. Под восточным влиянием (магов, халдеев) в последние минуты греко-римского мира появляется колдовство, или тайное знание, заставляющее богов служить человеку, и халдей становится идолом, перед которым пресмыкается теперь римская женщина, красноречиво описанная Ювеналом. Мрачные суеверия Востока переходили в Европу через Африку, Рим и Византию, и так мало-помалу слагался чудовищный период средневекового колдовства.

Типом женщины в древней Германии, как и в древней Греции, служила прекрасная валькирия, светлая дева Одина (*Wunschmädchen*, *wälschelweib*, скандинавск. – *ôskmeyar*); в ней почитали «нечто святое»; но, вступив в период колдовства, германская женщина должна была пожертвовать всем, что в ней было чистого и святого, и пасть в объятия мерзостного козла. Еще в первые века христианства болезнь считалась де-

лом злого духа. Григорий Богослов рассказывает, что какой-то страж начал раз бить благочестивого человека Исаака, жившего близ Сполето. Вдруг напал на стража злой дух, поверг его к ногам угодника Божия и устами его начал кричать: «Исаак изгонит меня»¹. Имя Исаака до того времени никому не было известно, и таким образом злой дух, кричавший, что Исаак может изгнать его, ясно обнаружил способность предвещения. С XIII века начинает развиваться понятие о «дьявольском шабаше» (*synagoga diabolica*) и доходит до полного торжества в XV веке во время появления Шпренгера «Млата на колдуний». Женщина, получившая злое значение, в течение долгого времени носила название немилостивой, Ингольды (*Unholdin*), и слово «колдунья» (*Hexe*) встречалось редко; но в XVI–XVII веках оно приобретает всеобщую известность, и тогда наступает знаменитая эпоха сожжения колдуний. Еще с IV века медики (Посидоний) начали утверждать, что вселение дьявола в человека есть мечта, обман, но, несмотря на это, в течение ряда веков если не в каждом доме, то в каждом местечке, в каждом городке можно было услышать sacramентальные слова: «*Exite, immundi spiritus, quicunq̄ue estis, aut unus, aut plures!*»² Помещенная в церкви, у церковных дверей, на коленях, с связанными руками и ногами, с концом одежды патера, накинутой на шею, несчастная больная, вопрошаемая грозными словами, относящимися к демону, и кропимая святой водой, «отчитывается» – вот судьба средневековой девушки, одержимой нечистым духом. Ни одна женщина, ни одна девушка не могла быть уверена ни на один час, что она не будет объявлена колдуньей. В 1491 году монахини в Камбре подверглись беснованию,

¹ Обыкновенная формула, произносимая русскими кликушами.

² Изыдите, нечистые духи, сколько б вас ни было, один или множество.

мучившему их более четырех лет. Один из бесов, изгнанных монахами, объявил, что он вместе со своими товарищами послан был в монастырь монахиней Жанною Потвер, которую он посетил 434 раза, и несчастная монахиня должна была умереть под пыткой. Беснование монахинь святой Бригитты, начавшееся от одной молодой девушки, постригшейся от несчастной любви, продолжалось десять лет. Прошло шестьдесят лет, и в 1613 году бесы снова овладели монастырем святой Бригитты. В 1552 году бесновались монахини Клиторнского монастыря близ Страсбурга и в бешенстве кусали друг друга. В 1554 году восемьдесят еврейских девушек, обращенных в христианство и живших в одном из римских монастырей, вдруг оказались бесноватыми. В 1560 году взбесновались монахини Назаретского монастыря в Кельне и объявили, что имели ночное посещение дьявола. То же самое делалось с *детьми*, жившими в приютах и институтах в Мелле, в Риме и т. д.

Вместе с католическим ханжеством беснование перешло и к западным славянам. В курантах 1665 года записано, что «недавно здесь (в Моравии) старую польскую женщину беснующую привели до костела к Богородице, надеясь, что она от бесов освобождена будет, а как образ над нею подняли и бесы в ней зарычали, как бык, страшным голосом, а ныне уж в третье около ее духовенство ходят и хотят бесов из нее выгнать латынским языком, только они отвечают из нее польским языком и дают на всякое слово подлинный ответ и сказывают, что от ней прежде выступить не хотят, покаместа им укажут иное жилище в человеческом теле. А вчерась они воопче просили, чтоб им позволили опять пребывать здешнего города в некоей сапожной жене, которой имени не сказали, или некоторого господина в слуге, и они отстанут, также просили для своего выходу некоторого окна в пределе

Святой Богородицы, а сказывали, что то окно так истолкут, что ни которой ремесленник не может его починить, только священник, который смиренной и благочестивой человек, не позволит им ничего и отсылал бы их, именем Христовым во ад, где назначенное их жилище; – вчерась один бес из нее говорил и клялся луцыфером, что они беснующую того дни покинуть хотят, только тотчас иной бес именем Щкабан при многих людях сказал, что тот священник ныне ничего не сделает, напрасно он их молитвою и клятвою своею труждает, потому что он их всех не выгонит, и с великим подавлением слышет, как те проклятые духи забраняются в ад итти, хотят всегда в ином жилище пребывать, а как им того не позволяют, и они кричат и рычат великим и страшным гласом, и тогда над беснующею держат потир, и они шатаются в ней и называют тот потир силою Вышнего, а как вчерась священник их выгонял, и они сказывали, что сего дни выходить хотели, чтоб он им дал одпочинуть, потому что они прошлой ночью на свадьбе были в чужом жилище и гораздо утомились, – та беснующая мало ест и только воду пьет, а была-де она взята в полон в Татарех и с мужем своим, с одним робенком, а муж-де ее в полону умер, а робенок ножом зарезался до смерти, *и она-де от тоски своей* клялась многими дьяволами, и от того Бог на нее и напустил, а по счету как сами себя именами разными называются, их в ней четырнадцать, – а уж тому девять лет, как те бесы в нее вселились»¹. Корб в 1699 году в Польше у чудотворного креста святого Карла Боромейского, оказывающего большое исцеление беснующим, встретил бесноватую женщину, которая издавала ужасный рев во время обедни. В 1625 году появилась книга Ноде, написанная в защиту людей, обвиненных в колдовстве: книга появилась в Париже, но перепечатывать ее во Франции

¹ Буслаев. Историческая хрестоматия. С. 1144.

было запрещено... Последний смертный приговор за колдовство был произнесен в Бордо только в 1718 году...

Так, завоеывая себе каждый шаг, шло вперед немолчное движение истории, и труженики науки, проводившие в жизнь знание и смысл, рассеивали мрак средневекового колдовства, нависший над землею. Но и до сих пор еще не редкость столкнуться с каким-нибудь обломком средневекового мира, а подчас услышать даже с кафедр проповедуемую *Demonologie der Unvernunft*¹. Таков был мистицизм, возникший в XVIII веке с расчетом на невежество, таковы и другие болезненные явления древней Европы, вроде спиритизма.

II

...Русские бесноватые женщины делаются известными с XI века. Феодосий Печерский в «Слове о тропарях» говорил: «Бесны страждет неволею – пришед бо иерей к бесному, створить молитву, проженеть беса». Но бесноватый XI века был еще явлением редким, так что слова Феодосия кажутся переводом из какой-нибудь восточной книги. Вера в бесовство тогда еще не успела укорениться в народе; народная жизнь текла еще широко, нося в себе зачатки и христианского просвещения, и развития народности, сказавшегося в эпосе... К XV веку готова уже была русская легенда о женщине, сделавшейся бесноватою за то, что она вошла в церковь в нечистом виде: «Некая жена именем Матрена – плотною похотию с своим мужем смесися, на оутрия же – на обновление церкви прииде – Божья соуда не оубояся и пристоупи к мощем святого Савостиана, и се внезапно дух порази ю пред всеми людьми, и створи беситися, церкви же тоя пресвитер от олтаря плащеницю взем по-

¹ Демонология безумства.

кры ю; в том часе нань бес нападе, да повыкнет своим стоуженьем и оуразумеют людие же тоу соущие». Ее лечили «многими волшьбами» и водой, но ничто не помогало, потому что «боле же легиона бесов вниде в ню, и зле нача трясеньем лютым плоть ее сокрушат яся». От XVI века дошла легенда о бесноватом в Ростове. Привели его к гробу святого Леонтия. «Железы оковного по роуку и ногоу», он страшно кричал, глаза налились кровью: «сего ради странен и страшен позор всем бяше, и в церкви оубо пенью не слышатися от его кричанья и вопля и лаяния». В течение нескольких дней он был привязан веревкою к церкви, против гроба святого Леонтия, и не давал покоя сторожам, и тогда его привязали к колокольне. Стоглавый собор 1551 года выводит на свет уже целые стаи бесноватых, которые трясутся и убиваются: «да по погостом и по селом ходят лживые пророки, мужики и женки, и девки, и старые бабы, наги и босы, и волосы отростив и распустя, трясутся и убиваются»¹. К половине XVI века делается известным кличанье как дело Святого Духа, вселившегося в человека. В апокрифическом сборнике XVII века, принадлежащем соловецкой библиотеке, записана следующая молитва: «Златоустого молитва Господу нашему Иисусу Христу. Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного. Аще кто молитву сию требуя ея глаголет, яко из ноздри дыхание по первом лете вселится в него Христос Сын Божий, во втором лете внидет в него Дух Святой, по третьем лете приидет к *лещ* Отец, и, *вшед в него*, обитель в нем сотворит, и пожрет молитва сердце, а сердце пожрет молитву, и начнет *кликати* беспрестанно молитву сию день и ночь»². Молитва эта была известна в XVI веке и внесена была в «Домострой» бла-

¹ «Стоглав», изд. Кожанчикова. С. 138.

² *Щапов*. Русский раскол старообрядства. С. 151.

говещенского попа Сильвестра как необходимая для всякого христианина¹. Дожив до XVII века, московская Русь представила миру крайнее развитие суеверий. В это время – особая космогония, с особой суеверной моралью, с особым волшебством; образовалась целая система колдовства, захватившая себе не только крестьян, но и все сословия, всех людей, от дворца и до хижины. Нагой просил у Горсея лекарства для царицы Марфы, которая, по его словам, была «испорчена», хотя она просто поражена была смертью своего сына. Так все человеческое, все самые естественные радости и страдания человека, все это отошло на задний план, заставленное демонским наваждением, и демонизированная женщина стала *кликушей*. Первое известие о кликушах, которые появились в Перми под именем «икотниц», дошло до нас от 1606 года².

Первоначальное понятие о кликушестве мы находим в словах *клектати*, *клект*, *клечътание*, выражавших действие, свойственное мифическим существам. В «Слове о полку Игореве» див (литовское *deiwys*, *déwié* – идол, ночное чудовище) «*кличет* врѣху, велит послушати земли незнаеме». Предметы, посвященные русалкам, назывались *клечальными*. В Верхотурьи то место, где лешачиха по утрам расчесывает волосы, известно под именем *кликуна*³. Клечать значило пророчествовать, вещать, предвещать... Отсюда же выражения «кликать многолетие», «кликать вечную память». Следовательно, *кличать*, *кликать* значило то же, что *вещать*, – действие, свойственное мифической *вещей* деде – деде, хранительнице человека⁴, славянской валькирии. Древнее высокое

¹ «Домострой», изд. Кожанчикова. С. 31.

² «Исторические акты». II. С. 66.

³ «Известия Географического общества». 1854. I, 47.

⁴ «Вестник Карелии». I, 80.

значение вещей девы спускалось все ниже и ниже: место ее занимали *старая чадь бабы, лихия бабы-чародейки, ведьмы, колдуньи, яги-бабы*. Самое слово «кликать» получило дьявольское значение, и в XVII веке «страждущие люди, от нечистых духов *кликанные, стали кликать* в порчах на разных людей». Нет сомнения, что вместе с этим кликушу создавала и социальная жизнь народа, упавшая очень низко. Женщина XVII века была обращена в «злую жену», «покоище змиино, дьявол увет»; но не лучше была участь «доброй жены», которая обязана была любить смирение и молчание, песен пустошных удаляться и, ревнуя святым женам, носить черное платье. В общественной жизни она не пользовалась ни малейшим юридическим обеспечением: это была «кость мужа», его «петый кус», и он бил ее к обеду, а к ужину опять. Таким образом, от упадка верований, дошедших до самого дикого колдовства, от нравственных страданий, проявившихся у женщины в XVII веке в болезнях сердца¹, создается во второй половине этого века страшный образ кликуши, доживший до наших дней.

К 1661 году, как говорит легенда, относится изображение бесноватой, сохранившееся в рукописи XVII века Императорской Публичной библиотеки и в списке того же века, принадлежащем г. Буслаеву. В 1661 году за четырнадцать поприщ от Устюга, вверх по Сухоне, в волости Ерогодской, у священника тамошней церкви была дочь Соломония, и ее отдали замуж за некоего земледельца Матфея, «иже бе пастух скотский». Ночью, после брака, муж ее вышел вон «телесная ради нужды», а в это время дьявол вошел и вселился в Соломонию. «Прииде на нее трясение и великий лютый озноб, и в третий день она очюти у себя в утробе демона люта. С девятого дня окаянные демоны почали приходити к

¹ «Сердцем больна». *Забелин*. Сыскные дела о колдуньях. С. 177.

ней, кроме великих праздников, по пяти и по шести, в виде прекрасных юношей, и жили с ней блудно. Муж отвез ее к отцу и оставил там. И в дом отца ее также стали ходить демоны, уносили ее к себе в воду, и она жила у них дня по три, а наконец они совсем ее унесли и отдали жившей у них девке-ярославке. Соломония от демонов зачала и носила полтора года. Когда пришло время родить, она выслала отца своего из дому вон, сказав, что она хочет родить чертей и что они могут его убить. И родила она их шесть, видом они были сини, и взяла их бабка, присланная демоном. И паки зачала во утробе от насилия дьявольского и родила двух демонов в дому же отца своего, и невидимо унесоша их от нея. Но Господь Бог ее спас, хотяше чудесно прославити и возвеличити Пресвятую Богородицу и угодников Божиих, Христа ради юродивых устюжских, Прокопия и Иоанна. Началось тем, что отец ее стал в алтаре проклинать демонов, потом явилась к Соломонии святая Феодора и велела ей жить в Устюге и к отцу никогда не ходить; стали ее водить по церквам, и демоны начата утробу ее рвати, бросали ее на помост церковный, яко свиния визжаще и стонуще. Одиннадцать лет больна была Соломония, потом Христа ради юродивые, Прокопий и Иоанн, разрежали ей утробу, вытаскивали оттуда бесов и убивали их кочергами на церковном помосте. Какой-то благочестивый человек слышал повесть об этом чуде *зело душеполезну* от самой Соломонии при свидетелях, отце ее духовном и отце ее родном, и записал ее в память будущим родам¹. Соломония объясняла свою болезнь, по откровению, бывшему от святой Феодоры, тем, что ее «поп пьян крестил и половины святого крещения не исполнил»; но, по смыслу легенды, нет сомнения, что болезнь ее началась от несогласия с мужем, от посторонних любовных свя-

¹ «Памятники старинной русской литературы». I, 154–164.

зей и т. д. Недаром говорила ей святая Феодора: «К отцу своему не ходи, а живи в Устюге», а святые Прокопий и Иоанн обещали ей исцеление с условием, чтоб она к прежнему своему мужу не ходила. Вот она стала пропадать из дому, не раз уже родила; но постоянная боязнь за себя и за других и какие-то побои, и раны, и суеверное настроение духа – все это гнетет ее, и она делается больной. Тогда-то, в страшной нравственной глуши Устюга, выходит на свет весь мир колдовства XVII века, оживают все местные суеверия¹, начинается запрещенное Церковью отчитывание, и слагается легенда о Соломонии «зело душеполезна». В то время самое имя Соломонии способно было создать какое-нибудь суеверие. По словам Иосифа Флавия, в его «Древностях» некий Елеazar исцелял страждущих злым духом, прикладывая к ноздрям беснующегося перстень, в печати которого была вделана часть корня, Соломоном показанного, и через обоняние одного извлекал из ноздрей беса. Соломон средних веков считался за магика и колдуна², а в русских заговорах от грыжи обращались к бабе Соломонии³.

В Шуе, с апреля 1666 года, на посаде, в церкви Воскресения Христова, начали делаться чудеса и исцеления от новописаной иконы Пресвятой Богородицы Смоленской. Совершилось сто три чуда, и почти все из исцеленных были одержимы бесами. Какой-то мальчик Иаков, идя от обедни, поднял дорогой платок, в котором был завернут калачик, съел этот калачик, и в это время вселился в него злой дух, – «прииде на него великая *икота*». «И тако смущая нечистый дух отрока по вся церковныя службы, паче же во святую литоргию, – паче же егда нач-

¹ *Щапов*. Исторические очерки народного мирозерцания и суеверия / Собр. соч. Т. II, 46.

² *Maur*y. De l'astrologue et de la magie. 20. «Rev. Arch.».XV.

³ Памятная книжка Архангельской губернии. 1864. С. 19.

нут пети святую херувимскую песнь». Жена некоего Ивана Ожималова, Марфа, совершила грех, и за день перед праздником Шуйской иконы Богородицы нечистый дух «напусти на ню тоску люту, яко в той лютой тоске нача метатися семо и овамо». Анна, жена Максима Филиппова, Суздальского уезда, села Зилянок, жила в деревне Елизабрихе, и «прииде на нее тоска, и нача у нее нутр болети, потом же нача беспрестанно *икати*, также нача кричати птицею кокушкою». Федосья, жена Петра Михайлова, идя за водой, нашла «плат завязан», толкнула его ногой и пошла прочь, но «дома на нее напала *тоска вельми люта*, посем же наведе на ню враг икоту, потом же нача кричати в ней нечистый злой дух, ово зверем, ово птицею». У Дарьи, жены Ивана Семенова, сердце и живот заболели, «и прииде на ню тоска зело люта, и бысть вся обладаема нечистым, нача бегати, и вся неистовая десяти, овогда убо бегаючи по улицам, иногда к реце, к лесу, и людей реющи и биющи, путы убо и железы облагающе ю, и тако держаше ю». Вдова Федосья Данилова испорчена была перед Петровым днем, и «нача у нее живот рости, и тосковала, токмо *не кликала*»¹. В Шуе началась невыносимая жизнь: нельзя было выйти на улицу или дотронуться до чего-нибудь без того, чтоб не сделаться бесноватым, и в 1669 году шуйский земский староста от имени всех посадских людей бил челом царю, что «волею Божию и за умножение грехов ради наших, в Шуе на посаде объявляются грешные люди, порченые мужеска и женска полу, различными всякими совестью мучимы бывают, иные на свадьбах, а иные неведомою статьею, и мучатся многое время, *и от чего какие в ражие совести чинятца и то нам, сиротам, неведомо*»². В том же 1669 году зем-

¹ Описание шуйского Воскресенского собора. М., 1812.

² «Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских». 1860. III, «Смесь». С. 21; Гарелин. Акты города Шуи. С. 193.

ский староста с посадскими людьми еще раз бил челом царю, что «у шуянина Ивашки Обросимова жена Оринка порченная, а в порче кликала на шуянина Якимова, вследствие чего Якимов, по твоему великого государя указу, отослан в Суздаль к воеводе, а после того Оринка в порче кличет на Онтонидку Якимову, будто она, Онтонидка, ее портила»¹. В 1670 году, по указу царя и по наказу суздальского воеводы, велено было произвести следствие. На съезжий двор собрались земский староста и земские целовальники и сказали, что «в Шую со многих городов приезжают разные люди молиться образу Пресвятой Богородицы Смоленския и привозят скорбных, одержимых от нечистых духов, и живут те скорбные у Воскресенского пономаря Ивашки Тимофеева многое время, от пяти до десяти недель и больше, и что Оринка действительно кликала на Федьку Якимова, а ныне Оринка и на уездные иногородные скорбные стала кликать, а что кличут, того они не ведают, да еще в нынешнем году посадской человек Телегин подал в земской избе явку, что-де страждущие люди, от нечистых духов *кликанья*, стали кликать в порчах на него, и ту явку земские люди заявили воеводе Боркову, чтоб им всем шуяном, посадским людишкам, в том не погибнуть, и в пене, и в ответе не быть; а хто тех скорбных людей портит, про то мы не ведаем»². В явочной челобитной шуяне прибавляли, что тот Федька Якимов, взятый в Суздаль, «*кончился злою смертию*», т. е. от пыток³. Прошел год, и шуяне опять вынуждены были писать челобитную к царю, что «была-де у них свадьба, и на той свадьбе мать и сноха стали кликать в порче, *а отпускат-де ту свадьбу от всякого лиха* посадский человек Панин, а на другой день пришел в дом шуйской тю-

¹ Гарелин. Акты города Шуи. С. 198.

² Борисов Владимир. Описание города Шуи. С. 337.

³ Там же. С. 340.

ремной сторож Оська Григорьев Палатов, и взял посуду десять алтын четыре деньги, да шапку мужскую, да два перстня, да ширинку, да плат миткалевый, и рекся мать их и сноху от той скорби отходить, и поставить в целе уме и разуме, но в целе уме и разуме не поставил»¹.

К концу XVII века масса московских суеверий, легковерно принятая за народную старину, за старую народную веру, успела сложиться в *раскол*, и явились раскольницы кликуши-пророчицы. В Тюмени в 1677 году в соборной церкви трое мужчин и одна монахиня, во время херувимской, закричали: «Православные христиане, не кланяйтесь: несут мертвое тело, а на просвирах печатают крыжом, антихристовую печатью!» Их всех взяли в приказную избу, нещадно били кнутом и садили в земляную тюрьму. Монах Даниил, в Тобольском уезде, на речке Березовке, завел пустынь, поставил часовню и кельи, где пели вечерни и пр. В этой пустыни старицы и девки бились о землю и кричали, что видят Пресвятую Богородицу, а небо отверзто, ангелы венцы держат тем людям, которые в той пустыни постригаются². Протопоп Аввакум, живший в это время, с величайшим добродушием рассказывал повесть о девушке, которую он исцелил, выгнав из нее беса. Эта страдальца-девушка кого-то любила, потом попала к раскольникам, вышла, наконец, замуж за любимого человека, но счастья не нашла, стала кликушей и умерла монахиней-раскольницей. «А еще сказать ли тебе, старец, повесть? – пишет Аввакум в своей автобиографии. – Блазновито кажется, да было так. В Тобольске была у меня девица, Анною звали: дочь моя духовная, гораздо о правиле прилежала и всего мира сего красоту вознебрегла. Позавиде дьявол добродетели ее, наведе ей печаль о первом хозяине своем, Елизаре,

¹ Там же. С. 456.

² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. XIII. С. 310.

у него же возросла, привезена из полону, из кумыков, чистотою девство соблюла, и, егда исполнилася плодов благих (?), диавол окрал: захотела от меня отъйти и за первого хозяина замуж пойти, и плакать стала всегда, — о поклонах не стала радеть: егда станем правило говорить, она на месте станет, да так и простоит. Виде Бог противление ее, послал беса на нее: в правиле стоящу ей, да и взбесится, и мне, бедному, жаль: крестом благословлю и водою покроплю, так отступит от нее бес. Егда меня сослали из Тобольска, и я оставил ее у сына духовного, — пошла за Елизара замуж и деток прижила, — и как замужем была, по временам Бог наказывал, бес мучил ее. Егда же аз в Тобольск приехал, за месяц до меня постриглася, и принесла ко мне детища, и, положи предо мною робятишек, плакала и рыдала, кающесея, бесстыдно порицая себя. В обедню за мною в церковь вышла, и нападе на нее бес, во время переноса учала кричать и вопить, собакою лаять, и козою блекотать, и кукушкою куковать; аз же сжалился над ней, покиня херувимскую песень, взявши от престола крест, и на крылос взошел, закричал: “Запрещаю ти, именем господним, полно тебе, бес, мучить ее!” Бес же изыде из нея, и бысть здрава душею и телом, со мною и на Русь выехала. И как меня стригли, в том году страдала с детьми моими от Павла митрополита на патриархове дворе, веры ради и правости закона. Довольно волочили и мучили ее»¹.

На рубеже московской Руси, создавшей кликуш, и новой Руси стоит истинная дочь своего времени, царица Софья, окруженная кликушами. Сохранилось предание, что Мстиславский, чтоб утвердить Софью на престоле, уговорил обещаниями нескольких кликуш, а в числе их и одну знатного отца дочь, вклепать на себя беснование, и когда она закликала в Успенском

¹ Летопись русской литературы и древностей. VI. С. 170.

соборе, то Софья стала молиться перед Владимирской, и по молитве ее дьявол вышел из кликуши¹. Далее рассказывается, по словам самовидца, Ив. Мих. Головина, что Софья долго содержала на жалованье многих таких кликуш, и накануне выезда своего в Девичий монастырь одну или двух из них повелела приводить к себе, и наставляла, как им поступать во время ее проезда мимо их; потом кликуш вывозили на Девичье поле и полагали при дороге к монастырю, и Софья, проезжая мимо, силою молитвы исцеляла беснующихся. В это же время дворянка Кутузова, имевшая дом в Москве, близ Петровского монастыря, пользуясь легковерием народа, ославила бывший у нее образ Богоматери и, чтоб более уверить в том народ, содержала у себя несколько подобных плутовок (?), то есть кликуш, из которых перед образом молитвами и заклинаниями своими изгоняла мнимых нечистых духов. Петр, узнав про это, повелел всех сих мнимо бесноватых, при собрании народном у дома Кутузовой, наказать плетью². В слове «плутовка», которым несчастная кликуша окрещена вместо Софьи или Кутузовой, сказался вполне взгляд XVIII века на кликуш. По мнению его, это были бабы-обманщицы, выходившие из «подлого народа». «Между множеством обманов, – говорит издатель приведенных сейчас рассказов, – не последним было притворное беснование, вводимое на себя подлыми бабами и девками, которые у нас известны под именем кликуш».

Ошеломленный передрягами, закончившими московскую Русь, народ бежал в пустыни северного Поморья и населял их, основывая скиты и пустыни. В Выговской пустыни в течение нескольких лет случались частые

¹ *Татищев*. Географический и исторический лексикон. III. С. 212.

² *Голиков И.* Анекдоты, касающиеся до государя императора Петра Великого. М., 1793. II.

зябели, хлеб не поспевал, и сделался голод. Пустынники секли ржаную солому, толкли ее в муку и из соломенной муки пекли хлебы, но хлебы в куче не держались, помелом из печи пахали влостяжные бураки и коробки и такой-то хлеб ели. В это-то страшное время нравственные страдания замученных и суеверных разразились кликушеством. Выговский летописец рассказывает, что «матери, вследствие бесовского научения, начали детей своих тайно кормить без благословения и хлеб красти, и того ради бысть на них поущение Божие, прием диавол область, нача тех мучити и на время церковного пения в часовне и по обедне, и чиниша мятеж тем велий, биша бо их о землю, а бывше крик от того неподобен, неподобными бо гласы кричаху...»¹ Те же суеверия и те же жестокие нравственные страдания женщины, идя об руку, творили кликуш по всем концам государства. В 1715 году великий государь указал: «Ежели где явятся мужеска и женска пола кликуши, то, сих имая, приводить в приказы, и *розыскивать* (пытать пыткой), для того, что в прошлом 1714 году, мая 7 и 8, в церкви святого Исаакия Далматского во время святой литургии плотничья жена, Варвара Логинова, кричала, будто испорчена, а на допросе (под пыткой) сказала, что она не испорчена, а кричала притворством, для того чтоб отмстить плотнику Григорию, который бил ее деверя. После этой драки она кричала дома по дважды и по трижды, а потом начала кричать и по церквам»². По поводу кликуш, которые кликали у Исаакия, великий государь публиковал указы, «и от того времени, – писал Татищев, – так оное пресекольсь, что уже нигде таких дьяволов не осталось»³. Но дьяволы не слышали разглагольствий историка и продолжали

¹ *Филлипов*. История Выговской пустыни.

² Полное собрание законов. № 2906.

³ *Голиков И.* Анекдоты... С. 23.

по-прежнему выть и кричать: их плодило теперь развивавшееся крепостное право.

В 1716 году строжайше велено было от архиереев, при посвящении их, брать обещание: «притворных, беснующих, в колтунах, босых и в рубашках ходящих, не точно наказывать, но и гражданскому суду отсылать»¹. В 1718 году в Рождественском девичьем монастыре (у Сретенских ворот) накануне храмового праздника в церкви, перед выносом Евангелия, закликала кликуша. Казначая монастыря велела выбросить ее за монастырские ворота, но за нее заступилась монахиня Досифея и взяла ее в свою келью. Кликуша называлась Марьей Босой. Тому было лет тридцать; идучи от заутрени, она почувствовала скорбь и исступление ума. После того ее брали по неправому извету в Преображенский приказ, сослали в вологодский Горицкий монастырь *под начал*, где она прожила три года и затем бежала. К Марье Босой, оставшейся жить у Досифеи, через год присоединилась другая кликуша, Пелагея Ефимова, и старица Евпраксия. Все эти кликуши были в то же время и раскольницами. Летом 1720 года Марья Босая отправилась на богомолье в Воскресенский монастырь и оттуда в село Козьмодемьяновское, где жил князь Мещерский. Князь встретил кликуш радушно и привел их в свою молельню; три раза ударил в стеклянный колокол, висевший среди молельни, и начал служить утреню. Первая застонала Ирина *верижница*. Ее корчило, вскинуло вверх и ударило оземь: *невидимая сила* приподнимала ее и била. Подойдя к кликуше, князь грозно взглянул на нее и замахнулся на нее четками, – она закричала еще громче; князь ударил ее четками по голове, по плечам, по груди, приговаривая при всяком ударе: «Изыди, нечистый дух, изыди!» Спустя год все эти кликуши, по доносу, попали в тай-

¹ Полное собрание законов. № 2985.

ную канцелярию, были подвергнуты пыткам и потом разосланы по монастырям в тюрьмы¹. В августе того же 1720 года вице-губернатор Воейков выслал из Москвы в Петербург трех кликуш: дочь харчевника Авдотью Яковлеву, тихвинской Суцевской богадельни слепую девку Арину Иванову и мещанской слободы купеческую жену Авдотью Акимову. Все они кликали по разным московским церквям и монастырям и в том кликаньи взяты под караул. Привели их в губернскую канцелярию и стали расспрашивать. Акимова показала, что она точно в большом Успенском соборе кричала нелепым голосом, лаяла собакою. Авдотья Яковлева показала, что кликала в храме Положения ризы Богородицы, идеже лежат мощи Иоанна Блаженного, да у Козьмы и Демьяна в Нижних Садовниках. Слепая девка Иванова каялась, что кликала по разным церквям и что скорбь сия слывет «тихая и родимец». Кликуш стали пытать. По несколько раз всех вздергивали на дыбу, вывертывали им руки, били их кнутом и потом Яковлеву освободили, а остальных сослали на прядильный двор². Духовный регламент, изданный в 1721 году, наказывал епископу «смотреть о кликушах» (с. 22 по 1-му изд.): епископ, посещавший епархию, обязан был спрашивать, не обретаются ли где кликуши³. Кликуши обретались по всем городам целыми стаями. В 1729 году сотский и десятский Юромской волости, препроводя в мезенскую канцелярию скованного «икотника» Салмина, похвалявшегося над многими людьми недобрым делом, писали следующее: «В нынешнем 1729 году сего февраля нижеписанного числа в нашей Юромской волости явилось многое число женска полу людей в икоте; в том числе в бугаевской деревне на Оли-

¹ *Есипов*. Раскольничьи дела. II. С. 189.

² «Светоч». 1861. Кн. IV. С. 24.

³ Там же. С. 38.

саве, Григорьевой дочери, а Василья Кукина жене, и оная Олисава *говорит икотою* и называет *батюшкой* тяж волости Никифора Кириллова Салмина: “Он на меня напустил икоту в Верхнеконском ручье, у Чушева бани, а в то время он ехал с сыном”. Да оная же Олисава говорит икотою, что-де он же Никифор икоту напустил на Прокопья Чубарева, на жену его Феклу, Васильеву дочь, да на Матвея Меншикова, на жену его Феклу, Григорьеву дочь, да на Феофана Удина, на жену его Евлампию, икоту ж с грыжею, и вышеписанных Олисава называет *сестрицами своими*, что-де у них у всех один *батюшко*, Никифор Салмин. Да оная же Олисава говорит, что я по братчине, в доме у Ермолы Ларюкова, оной же Никифор икоты напустил на Анфима Глотова да на Деяна Салмина, и по горкам икот многое число, сказывает, есть насажено, и многие после того икоты заговорят; и сказывает оная Олисава, и на Иване Парыгине есть-де икота, весьма тяжко, болезненно мучит бес престанно; жена Чубарева в своем доме связана, и кричит всячески по обычаю, и оного Никифора имать и вязать и вельми его искать не велит. И вышеписанного Салмина сыскали в Защеньской деревне, и свели в дом его свой, и отдали за десятских за мирской караул, и связали, и говорил оной Никифор, что-де вы меня вяжете, и меня-де вязки держать не будут, и в вязках оной Никифор опростался, и ножом сам себя по горлу резал, а у караульщиков у десятских руки в кровь подрезал, а сам говорит: “Высеките и меня спустите, а на муку меня на слободу не возите, там мне смерть будет”. Да оная же Олисава говорила икотою: “*Батюшко-де мой Никифор Кириллов* ходит в Кокоры, и велит матушку мою заморить, чтоб икота не говорила, а икота говорит: меня-де не заморишь, разве-де матушку мою заморишь; а *батюшко мой* ныне каецца, не так было сделать, да пособить и сам не может; а я при *батюшке* говорить

не могу про батюшку, понеже горло завязывает и затькает”. Никифора заковали в кандалы и выслали за караулом в мезенскую канцелярию, для объявления воеводе Тимашеву. В то же время священники выборные и мирские люди Юромской волости послали новое донесение, что невестка священника Феодора, Агриппина, которая имеет за собою икотную тяжкую напущенную болезнь, *батюшком* называет другого икотника Осипа Салмина, Кириллова брата, а крестьянская жена Евдокия Окулова называет своею *матушкою* Софью Сергееву, жену Никифора Салмина, понеже оная Софья икоту напускать умеет; девочка Татьяна Салмина говорила: пришла она в Великий пост на первой недели в дом к Осипу Салмину по дерево, на котором правят скотинные сырые тяжи, и оная Татьяна говорила: “Где-де Давыдко? Надобно-де отцу моему тюневое дерево”. И он, Осип, в то время ее бранил всячески, и проикал на ней изо рта своего водою, а после того и достальную остаточную воду вылил на ней наотмаш, и с того времени у ней, девки, появилась напущенная от него, Осипа, болезнь». Далее икотницы рассказывали, что еще наметано и насажено икотных болезней по улицам и по дорогам «в каждых местах, тако ж и по деревням и по пряслам многое число». А поэтому челобитчики и просили: «Дабы Ее Импер. Велич. указом и по соборному уложению оным икотникам Салминым, и Никифора жене Софии, повелено было указ учинить, чего они достойны, понеже оные икотники явились к нам нижеименованным и по всему миру страшнее и злее воров и разбойников, которые мужеска и женска полу людей изгубили уже семьдесят четыре человека». Обвиненные Салмины посажены были в тюрьму; но, пользуясь темнотою ночи, бежали и не были отысканы.

В следующем, 1730 году, по словам «икотниц-говорух», обвинены были в икотном деле новые лица

Юромской же волости и также отосланы на Мезень. В том же году вновь заболело икотою 158 человек; следовательно, всего с прежними больных икотою считалось 232 человека. Между ними: *замужних женщин* – 116, вдов – 5, *малолетних* и взрослых девушек – 26, женатых мужчин и мальчиков – 84¹. То же было и по другим городам всей Северо-Восточной России. «Может-де понятно быть, – говорит указ 1737 года, – какие в прошедших годах являлись кликуши, и что против них изданы указы, да и в Духовном регламенте о них велено было смотреть епископам, которые должны были дважды в год доносить начальству, все ли у них добре; но если бы они известили, что все добре, а между тем оказались бы суеверия, то епископа звать в суд и подвергать наказанию. Но ныне Ее Императорское Величество сомнение имеет, едва ли те указы и регламент надежным образом исполняются, ибо здесь известно учинилось, что в Москве являются по церквам и монастырям кликуши, которым в той притворной шалости свобода дается, *а сверх того над ними и молитвы отправляются*. А по тому Ее Императорское Величество рассудила духовному Синоду накрепчайше подтвердить о предупреждении таких суеверий, и если являются где кликуши и притворноюродцы и босые, также и с колтунами, и прочее, то об них узнавать и доносить архиереям, а архиереи и прочие власти должны без всякого отлагательства отсылать этих людей в светские команды, а которые не донесут, извергать сана непременно»².

Итак, вся ответственность за кликуш возлагалась на Синод и духовенство; но в 1765 году Синод передавал эту ответственность Сенату и просил у него распоряжений о неослабном наблюдении за клику-

¹ Дела Архангельской губернской канцелярии. № 623.

² Полное собрание законов. № 7490.

шами. В 1762 году кликуши появляются в Ростове; в 1769 году – в Переяславле-Залесском¹. В указе 1766 года мы узнаем, что, кроме прежде присланных в переяславскую провинциальную канцелярию двух женок, выкликавших на ямшикову жену Федору Иванову, в это время в Переяславле-Залесском было десять ямщицких жен, которые в церкви кликали, и за это были высечены плетьюми. Указ 1770 года рассказывает, что в Яренском уезде несколько беспутных девок, притворясь испорченными, выкликали на восемь мужчин и женщин Печерской и Устиенской волостей, называя мужчин *батюшками*, а женщин *матушками*. Соседи, услыша о том, собрались и приступили к обвиненным в порче девушек с угрозами, чтобы признались добровольно, потом пришли сотские, *стали сечь их и мучать*. И сии, совсем невинные, не стерпя побой, а притом опасаясь не только горшего себе жребия, но и самой пытки в городе, которую им угрожали, объявили себя чародеями. Несмотря на признание, они все-таки представлены были в город и там под плетьюми были допрашиваемы, и, убоясь от разноречия конечной себе гибели, прежние свои признания подтвердили. Дело об них сначала производилось в яренской воеводской канцелярии, а потом перешло в великоустюжскую духовную консисторию, и оба эти судилища обвинили судимых крестьян «в чародействе и посредством оногo в порче людей». Дело дошло до Сената. «С сожалением выслушав» это дело, Сенат нашел: 1) что подсудимые были подвергнуты напрасному истязанию, ибо их признание в чародействе было вынуждено плетьюми и страхом; 2) невежество судей, которые поверили чудовищному народному преданию, якобы порча людей производится посредством пускаемых на ветер, даваемых якобы от диавола чер-

¹ Полное собрание законов. № 11618.

вяков и что оные на ветер пушаемые червяки входят в тело тех, которые из двора выходили, не помолясь Богу и не проговоря Иисусовой молитвы (молитва эта приведена выше); 3) дьявольские червяки, присланные за казенною печатью (!), оказались обыкновенными мухами, которых одна из подсудимых наловила и высушила, чтобы удовлетворить судей, а себя избавить от истязания. Поэтому Сенат определил: обвиненных отпустить, воеводу отрешить, сотских и десятских наказать батожем, а кликуш высечь плетью. Положено ли было какое наказание на духовную консисторию, того из указа не видно¹. Но в 1774 году снова приказывали сотским и десятским наблюдать, чтоб в селениях не были терпимы кликуши и волшебники². В 1785 году Вениамин, епископ Архангельский и Холмогорский, доносил в архангельское наместническое правление, что, вследствие указа 1737 года, доставлена священниками из Пинегского округа ведомость о кликушах, коих оказалось 19 человек, и под их именами подписано, что именно и как кричат и кликушество свое производят: «Оные именованные женщины кричат необычно во время хождения со крестом, и со святыми водами, а наипаче во время хождения, и в прочия времена, когда оные кликуши начнут мучить, иногда иные бывают без памяти, и ударяют сами себя, и за волосы терзают, и сквернословятся всячески». Этот рапорт священников доставлен был синоду с уведомлением, что и в других приходах в том же Пинегском и Мезенском округах имеются кликуши. Синод на это донесение отвечал, «что как по высочайшему о губерниях 1775 года ноября 7-го дня учреждению, 399 статьи, таковые дела относятся к рассмотрению совестного суда, то на основа-

¹ Там же. № 13497.

² Там же. № 14221, 2.

нии сего и сообщить из консистории в Архангельское наместническое правление о поступлении с ними по законам». Но, передавая это дело к наместнику, Вениамин прибавлял, что он много рассуждал о кликушах, и оказалось, что «сие кликушество есть икота, тако ж и стрелы есть не колдовство, но натуральная болезнь, и происходит не от воды ли, в самом деле нечистой и производящей в человеке червя? И потому не подлежит ли сим людям, икотою и стрелами страдающим, изобрев истинную причину, подать прежде средств к избежанию и излечению тех болезней, нежели издать их, как преступников»¹.

Может быть, только и был один Вениамин, который так думал, а потому и наступивший XIX век продолжал плодить кликуш по-прежнему. К началу этого века относится одно подробнейшее из всех дошедших до нас описаний кликуш. Мы не раз встречали кликуш, живших тогда среди раскольников и являвшихся защитницами раскола, его пророчицами; теперь же, среди православного населения, кликуши являются врагами раскола, существами, призванными на посрамление раскольников. Воскресенского Горицкого девичьего монастыря игуменья Маврикия доносила, от 3 октября 1815 года, благочинному отцу игумену Феофану о совершившемся в ее монастыре исцелении послушницы Матроны. Из донесения видно, что в монастыре жили две порченые: жена штатного служителя Ксения, мучимая бесом, и послушница Матрона из Череповца, порченая. Для Ксении, по приказанию игумений, муж ее принес земли из монастырской часовни. Только что он вошел с землею, больная точно кем была сброшена на пол и говорила, что она лежала на могилах. Как только заговорили, что ей надобно жить в монастыре, она

¹ Памятная книжка Архангельской канцелярии. 1867. С. 83–84.

вдруг укусила у себя руки до крови и начала лаять по-собачьи и кричать: «Нет, не пойду! На смерть дано!» Монахини твердят ей: «Да возьмут, будешь жить». Она: «Нет, нет!» На другой день Ксения кричала в херувимскую. На третий день пошли все в часовню служить панихиду, и когда дьякон стал читать о прощении грехов, Матрона вскрикнула: «Чего уж! и так все святые!» Ксении стали подносить кутью, и эта закричала, и едва как пропустить могла, а Матрона, лежа на полу, стала кричать: «Прославятся преподобные, прославятся! Улияния, Улия, Анна, Анна! На посрамление раскольников! Прославятся Анна и Улия!» Монахини допрашивают: «Да кто ж они были?» Она отвечает: «Послушницы, послушницы!» Монахини на коленях, со слезами просят Бога, чтоб им было извещение (от дьявола?), а Матрона, кружась, стелая и визжа, рассказывает, что это были утопшие, а утопил их царь Иван Грозный, и положены они одна под полом, а другая подале, под дверьми, и что на этом месте церковь будет во имя Святыя Троицы, и много будет исцелений, и не этакая обитель будет, а большая, большая. Одна из монахинь спрашивает ее: «Парасковию перестанет ли враг на меня смущать?» Она отвечает: «Дура, без этого обитель не стоит!» Далее, вынуждаемая допросами монахинь, кликуша рассказывает, что преподобных звали: Рождественскую – Улией, а Никольскую – Анной, что потоплены мая в последнее число, явились на третий день, когда принесло их с перевозу, в руках у них горели свечи: Улия 25-ти лет, исчерна, волосы длинные; у Анны, 30-ти лет, волосы побелее и короче; обе белицы скончались 20 лет назад, а потоплены были Грозным за то, что не отдали ему подобающей чести, – штатный подвел! Обоих кликуш оставляют на ночь в часовне. Матрона признается, что у нее обещание было каждый день служить молебен

с акафистом, а она «маленький» отслужила. На четвертый день, за обедней, ее ломает; пять человек несут ее в часовню, а она бьется и, отвечая на вопросы, дает новые свидетельства об открытии мощей. На пятый день монахини «стыдят дьявола», а она все кричит да рвет волосы и в такое содрогание приводит всех, что дьякон от слез не может говорить ектению, а крылосские иные петь не в силах. Кормят ее антидором, поят и кропят святой водой, несут опять в часовню: а у ней страшно растворяется рот, она харкает, как будто понуждаемая к рвоте, дважды плюет, и, прибавляет донесение, «видели многие наподобие пара к полу изо рта вышедший дымок» (т. е. дьявола), и затем кликуша исцелела¹. В 1815 году в Поморье одного крестьянина за напускание икот наказывают пятьюдесятью пятью ударами кнута и отдают церковному публичному покаянию². Из сведений, собранных в «Истории Министерства внутренних дел», видно, что в 1823 году в Орловской губернии тридцать три человека обоего пола, одержимые истерическими припадками, рвали на себе в беспамятстве платье, кричали с плачем и делали усиленные движения. Местный врач приписывал эти припадки купанью в реке, в которую нанесено было ветром много извести, и известь, входя при купанье во всасывающие сосуды, производила сильную боль; но медицинский совет отверг эту причину³. В 1827 году в одной деревне Рязанской губернии открыто 60 человек кликуш, из которых многие страдали 10, 15 и 20 лет. Член местной управы признал припадки эти притворными⁴. В 1843 году появились кликуши в Подольском уезде Московской

¹ «Маяк». 1845. № 22.

² Памятная книжка Архангельской губернии. 1864. С. 87.

³ [Варадинов]. «История министерства внутренних дел». С. 104.

⁴ Там же. С. 161.

губернии. Министерство, считая беснование кликуш притворством и обманом, предписало принимать против них полицейские меры, подвергая их негласно легкому телесному наказанию или содержанию непродолжительное время под стражею¹. К истории кликуш 40-х годов историк вынужден отнести издававшийся тогда «Маяк», журнал современного просвещения, в «духе русской народности». Журнал этот, собрав около себя все, что только было «нечистого», таившегося в известных слоях русского общества, защищал западный XV век, сжигавший ведьм, которые, по его словам, «имели преступное сообщение с духами»², учил, «что есть злые люди, которые, предавши себя сатане, могут причинять людям ужасные бедствия – могут *портить* людей», и что «удивительно ли, что живая непоколебимая вера наших простолюдинов, делая их крепкими со стороны нравственной, заставляет искусителя преимущественно обращать внимание на их физическую сторону»³; что «при разрозненности фактов, проявляемых бесами, достаточно одной самой пошлой, но ловкой насмешки, чтоб ею многих отвратить от справедливой веры в бытие бесов, а через то и от веры в Бога»⁴, и что, наконец, «слуги и советники князя сатаны, мыслители и поэты, право, стоят всякого колдуна»⁵. Наследником и проповедником подобных учений явился в 50-х годах новый журнал – «Домашняя беседа», наживший, как говорят, большие деньги за рассказ о бесах и кликушах. Оба эти журнала радостно вносили на свои страницы целые ряды известий о кликушах 1840–1860 годов,

¹ Там же. С. 101.

² «Маяк». Кн. XXXV. V. 68.

³ Там же. Кн. XXXV. III. 22–25.

⁴ Там же. Кн. XXXV. V. 84.

⁵ Там же. Кн. XXXI. III. 25.

о кликушах, знаменующих якобы продолжающееся еще «спасение человека».

12 апреля 1861 года однодворцы букреевского хутора со старостой подали в Павлоградский земский суд объявление, что у них в хуторе, на людях, с недавнего времени появилась болезнь, от которой заболевающие падают без чувств на землю, хохочут, плачут, лают по-собачьи, кукукают по-птичьи, и они просили сделать распоряжение об открытии болезни и тем успокоить их, ибо они подозревают в порче людей проживающую в их хуторе женщину Федосью Букрееву. Объявление вместо неграмотных однодворцев подписал духовный их отец, священник Венедикт Донцов. Началось следствие, и, по требованию Екатеринославской уголовной палаты, врачебная управа дала следующее заключение: 1) припадки, замеченные в больных, называемых кликушами, есть следствие истерической болезни; 2) подвергаются истерике женщины полнокровные, страстные, нервного темперамента, к чему способствует также наследственное расположение от матери, и что взгляд на больных истерических возбуждает и в других здоровых женщинах приступ истерических припадков. Екатеринославская уголовная палата в качестве совестного суда определила: «Все обвиненные подлежат не наказанию за свои заблуждения, а надлежащему вразумлению, могущему рассеять эти заблуждения». Можно было думать, что это были последние известия о кликушах, но в Уложении о наказаниях оставалась еще 937 статья, и вот, на основании ее совершается теперь нечто неслыханное со времен Петра: кликуш судят в залах нового суда! К ужасу нашему, мы встречаем здесь волостного старшину, который, одержимый яростью преследования пороков, тащит кликуш в полицию, видим врачей, которые раздевают и осматривают этих баб, и приходят

к тому, что они находятся в «нормальном положении» и не больше не меньше, как обманщицы, и затем товарищ прокурора доказывает, что эти бабы – «злонамеренные», и суд, обвинив их виновными в «злостном обмане», присуждает к заключению в смирительном доме... Вот это дикое дело, как будто вновь вышедшее из могил XVI–XVII веков!.. Так как изложение этого дела есть исторический документ, объясняющий уровень понятий нашего времени, то мы и приведем из него извлечение. В № 100 газеты «Москва» помещено следующее описание заседания окружного суда.

31 июля в Московском окружном суде рассматривалось дело о кликушах, привлекшее в зал заседания многочисленную публику. Приступив к рассмотрению этого дела, суд не мог продолжать заседание, так как с одной из подсудимых, Ириной Васильевой, сделался припадок кликушества, и она удалена была из залы заседания до тех пор, пока успокоилась, после чего прерванное заседание продолжалось вновь.

Сущность обвинительного акта заключается в следующем: 19 мая 1867 года астафьевский волостной старшина донес Подольскому уездному полицейскому управлению, что в деревне Бяконтовой, Подольского уезда, появились так называемые кликуши из крестьянок той деревни: Ирина Васильева, Дарья Федорова, Федосья Федорова и, деревни Сыровой, Матрена Уварова, которые во время припадков указывают, что их испортил односельный крестьянин Родион Алексеев, и этим наводят страх на всех крестьян деревни Бяконтовой.

Обвиняемые при дознании и предварительном следствии объяснили, что они уверены, что их испортил Родион Алексеев, потому что когда они увидят его или он находится вблизи их, то с ними делается дурно и они начинают кричать: «Родька проклятый, мучитель!»

Дарья Федорова показала, что ей снился сон, будто кто-то говорил ей: «Надо выгнать из селения Родиона Алексеева, потом принести из села Стрелкова икону чудотворца Николая, отслужить ему с водосвятием молебен, обойти с иконами вокруг деревни, а потом всем жителям деревни Бяконтовой, вместе с детьми, выкупаться в реке; тогда все нечистое в деревне прекратится». По словам Матрены Уваровой, ей представляются черти, когда она видит Родиона Алексеева, который один раз на дороге выпускал из своего рта чертей, и черти заграждали ей дорогу. Обвиняемые с Алексеевым никогда в ссоре не были. Припадки бывают с ними не произвольно и не из притворства. Два врача, свидетельствовавшие обвиняемых, не нашли в их организмах таких болезненных уклонений, с которыми можно было бы поставить в прямую связь те припадки, коими будто бы они страдают; врачи признали припадки эти притворными.

На основании сего товарищ прокурора обвинял подсудимых в кликушестве, в преступлении, предусмотренном 937 статьей Уложения о наказаниях.

Ответ подсудимых на вопрос председателя о виновности их был: «Мы сами не знаем, что над нами случается».

По окончании прений суд постановил четыре одинаковых вопроса: виновна ли подсудимая, называемая кликушей, в том, что сделала, с целью злостного обмана, извет на крестьянина Родиона Алексеева, будто бы он посредством чародейства причинил ей, Васильевой, зло?

После непродолжительного совещания суд объявил следующую резолюцию: подсудимых, называемых кликушами, Ирину Васильеву, 50 лет, Дарью Федорову, 49 лет, Федосью Федорову, 27 лет, и Матрену Уварову, 25 лет, признав виновными в том, что сделали, с целью злостного обмана, извет на крестьянина Родиона Алек-

сеева, будто бы он посредством чародейства причинил им зло, на основании 135 и 937 статей Уложения о наказаниях заключить в смирительный дом на два месяца.

В настоящие минуты, переживаемые русским народом, кликушество распространено в России следующим образом. В Малороссии его нет, его и не знают, и если оно является там, например в Киеве, то заносное с северо-востока. Так, в Курске в девятую пятницу приводят множество кликуш, которые кричат неистовыми голосами¹. То же в Воронеже, в праздник святого Митрофания. Затем по всему северо-востоку кликуш встретишь во всех монастырях и церквях, где есть особенная святыня, мощи или чудотворная икона. Порченных множество в Тверской губернии, в уездах Калязинском, Старицком, Ржевском и Весьегонском, а также в некоторых уездах губерний Ярославской и Владимирской². Наконец, женское население громадного пространства земли, прилегающей к северному Поморью, почти все заражено «икотой»³.

«— Отчего ты такой бледный, хозяин? — спрашивают у крестьянина на Мезени.

— Икота долит.

— И у вас она водится, как на Пинеге?

— В каком месте *злого человека* нету, сам рассуди!

Нагонит он на тебя скорбь какую, и ведайся с ней, и долит она тебя и мучает. Вот подойдет она к сердечушку-то и начнет глотать его, что и свет-от в глазах помутится. Ругаешься на ту пору самыми негодными словами, и всякими звериными голосами заговорит в тебе нечистой...»

«В избе слышится то лай собаки, то плач грудного младенца, то густой хриплый бас, то глубокие-глубокие

¹ Авдеева. Записки. С. 65.

² «Новгородские губернские ведомости». 1861. № 6.

³ Харитонов. Этнографические очерки Чердыни. С. 50.

вздохи, сопровождаемые судорожной сильной икотой, – то девка-икотница: сто бесов у ней животы гложут. Возили ее к отцу Андрею, что отчитывает, – не помог. Зовут ее Аннушкой. Аннушка любила Петра, и хорошо им было жить, пока не вмешался в их любовь Борька. Явилась разладица, нравственные страдания; между тем *девку постегали*, а милый ушел.

Девку-то мы постегали. Я уж про это и сказывать не стану: нехорошо. Собрались к ней в избу бабы, стали выть, а того не знают, что Анютке-то все это крепко на руку. Молчит она в углу, трепаная такая, волосьев не прибирает и сидит под образом...

– Что-де, мол, родненькая наша? больно? которые, мол, стегали-то? Ты, мол, Аннушка, наплюй, коли сможешь. Ишь дело какое – девку сечь задумали, – это и бабе нейдет.

Так на слова-то на эти в горлышке-то у ней, сердобольной, ино крякнуло, что и грудь ходуном начала ходить, заревела, что прыснула, и закликала...»¹

Крестьянин Пинежского уезда рассказывал: «В нашей деревне 46 дворов; икота есть почти у всех женок; у двух мужиков была и у двух девок, у мальчиков не видали ни у кого. У снохи, у сватьи, у матери, у каждой жонки есть; меня только сердце заедает, ажно мне тошно, грызмя грызет, терпленья нет, как она там грызет его; ходит в руку или в ногу или в колено и бьется, как рыбка (*boule hysterique*); **сама, как горбышок, синя; захватишь, так и бьется...**» Крестьянин Вашкарской волости, находящейся в четырех верстах от Холмогор, говорил: «Лет двадцать тому назад у нас ее (икоты) вовсе не было, а теперь с каждым днем увеличивается: теперь больных в нашей волости тридцать человек – перешла от мезенцев...»

¹ Максимов. Год на Севере. С. 6, 488 и др.

IV

Что ж такое кликуша? Покойный Шевырев, внося кликуш в свою «Историю русской словесности», объяснял их нравственные пытки «приливом религиозного чувства». Другие объясняют их тем, что это – обдуманый обман, что женщина, не находя себе веры в грубом обществе, должна завоевывать себе лучшую долю, пугая и суеверного мужа, и суеверное общество¹.

Кликуши выходят из крестьянок, слишком редко из мещан и никогда из других сословий. Грубее ли крестьянка другой женщины? Больше ли в ней изуверства, чем, например, в купчихе или купчихе-раскольнице? Мы думаем, что она менее груба и совсем лишена изуверства (особливо в молодости) и становится кликушей оттого, что она «здоровая» душой и сердцем, оттого, что способна глубоко чувствовать нравственные страдания. Не в силах будучи перенести нравственные оскорбления, она надламывается, и среди окружающих ее диких суеверий становится кликушей. Жить бы ей да жить, да родить здоровых граждан русской земли, а она кличет, а болезнь эта, по свидетельству медицины, отзывается на дальних поколениях². Прекрасная перспектива будущего!..

Кликушество поэтому является, прежде всего, выражением нравственных страданий, преследующих здоровую природу русской крестьянки.

Кликушами очень редко бывают старухи, редко девицы, все больше молодые женщины. В свадебных пес-

¹ *Ив. Некрасов*. Филологические записки. 1864. III. С. 109.

² «Истерика матерей, с одной стороны, переходит на их детей, а с другой – соединяясь с расстройством интеллектуальной сферы и переходя иногда в тупоумие, передает новой генерации эти психические недостатки» («Московская медицинская газета». 1860. № 25–32).

нях, носящих красноречивое имя *заплачек*, постоянно поется о горе, затаенном, глубоко разрывающем душу:

Горе ли ты мое, горе,
Горюшко великое,
Никому ты, мое горе,
Никому не известно,
Призакрыто мое горе
Белой моей грудью.
Запечатано мое горе
Все кровями¹.

Муж деревенской женщины, если жизнь его надломлена, это зверь и тиран. Жена терпит от него страшно, – терпит даже от мертвого, если он колдовал. Чуть настанет ночь, он и лезет к ней, пока не приколят его в могиле. Даже те люди, которые лечат от кликушества розгами, и те согласны, что болезнь эта таится в горькой участи женщины. «Иная молодая бабенка, – говорят они, – живет в совершенном загоне, муж бьет, никто ее в доме не любит, за всякую малость все ее только ругают и колотят, нигде бедняжке ни сесть, ни лечь, и она, рыдая, рыдая, начинает кликать»². Это-то горе, «призакрытое грудью», эти-то страдания сердца высказывались в тех причитаньях или заговорах, которыми женщина думала улучшить свою участь. Здесь вы сыщете заговоры на укрощение гнева родимой матушки, на укрощение злобных сердец, заговор родимой матушки в наносной тоске, красной девицы от тоски, заговор на остуду между молодцем и девицей и т. д. Вторая причина кликушества – колдовство, т. е. отравы, данная женщине. С упадком социальной жизни народа

¹ Пермский сборник. II.

² «Тульские губернские ведомости». 1841. № 41 и 42.

исковеркались в ней и все лучшие человеческие отношения. Любовь человека к человеку явилась опутанной отвратительным колдовством, совершенным во имя сатаны, почитаемого, величаемого почтенным именем Сатаны Сатановича. Так, в Перми любовь бывает двоякая: *сглядная и притяжная*. Первая – это любовь взаимная, вторая – невольная, навязываемая наговорами, от которых молодец или девушка начинают тосковать *тоской по сердцу, глухой тоской*.

В 1750 году сержант Тулубьев, желая привлечь к себе дочь разночинки, Ирину Тверитину, жившую в Тюмени, «обрезав, взял хлеба печеного ломоть и увел ее с собою одно в баню, и, совокупя к тому хлебу воск, печину, соль, волосов по части и обтирая себя тем хлебом в бане пот таким образом: наперво с правой руки, а потом с левой ноги, и скоблил с ног своих ножом кожу, и взял с парного веника три листа, и снимал тот хлеб в одно место с печиною, воском, солью, волосами, со скобленною с ног кожею и с парного веника листьем, и сделал колобок, и после того в той же бане из нее же женки Ирины таким же образом пот особливым хлебом отирал, и снимал по вышеписанному, и вышел из бани, на оные колобки смотря в имевшуюся у него книгу, которую носил при себе сокровенно, неведомо, что шептал, а куды оные с волшебством хлебные колобки употребил, того она, Ирина, не знает»¹. В книге он, без сомнения, читал заговор, как приворожить девку, вроде следующего, записанного в одной из позднейших рукописей: «Истопи баню жарко и взойди в нее; когда взопреешь, возьми чистую тряпицу, сотри пот и выжми тряпицу на пряник. Когда станешь пот стирать, тогда глаголи трижды сей заговор: “На море на киане, на острове на Буяне, стояло древо, на том древе сидело семдесят как одна птица, эти птицы

¹ Этнографический сборник. Вып. VI. С. 141.

щипали вети, эти вети бросали на землю, эти вети подбирали беси, а приносили к Сатане Сатановичу. Уж ты, худ бес! И кланяюсь я тебе и поклоняюсь, – сослужи ты мне службу и сделай дружбу: зажги сердце (имя-рек) по мне (имя-рек) и зажги все печени, и легкое, и все суставы по мне (имя-рек). Будь мое слово крепко, крепче всех булатов во веки! Вели пряник съесть»¹.

Из дела с.-петербургской канцелярии тайных и розыскных дел видно, что в заговоре на разожжение сердца у девицы обращались «к толстой бабе, к сатаниной угоднице»: «Встану *не* благословясь, пойду *не* перекрестясь в чистое поле. В чистом поле стоит тернов куст, а в том кусте сидит толстая баба, сатанина угодница. Поклонюсь я тебе, толстой бабе, сатаниной угоднице, и отступлюсь от отца и матери, от роду и племени. Поди, толстая баба, разожги у красной девицы сердце по мне, рабе – имя-рек»². Все это заговоры позднейшие, так сказать, выдохшиеся; но чтоб представить себе заговор во всей его колдовской силе, нужно перенестись в XVII–XVIII век, в самый разгар колдовства, и прочесть хоть любовное заклятие, взятое из следственного дела 1769 года³. Подобные заговоры и заклинания с целью привлечь любовь называются *отсушками*, отвлечь от любви – *отстудою*, *отворотом*⁴. Кроме заклинаний, прибегают к силе корней и трав, хорошо известных всякому сельскому жителю, а тем паче специалистам этого дела. Для испытания верности жены нужно найти траву, которая называется *ряска*, растет кустиками, маленька, синенька, по земле расстилается. Нашедши этой травы, положить стебель ее жене в головы, и жена все скажет, что бывало, с кем жила и

¹ Летопись русской литературы. Т. IV. С. 75.

² Памятная книжка Архангельской губернии. 1864. С. 17.

³ Летопись русской литературы. Т. VI. С. 59–60.

⁴ Гуляев. Этнографические очерки Сибири. С. 70.

с кем мыслит, а положи не просто¹. В другом травнике записано: «Есть трава *кукуша*, растет по берегам, сама синя; а оная трава в перст, а листочки долгонькие, что язычки, а корень на двое, один муж, а другой жена. Когда муж жену не любит, дай пить женочке, а жена мужа не любит – дай пить мужичку, станет любить женочка. Женочка (корень) смугла, а мужичок (корень) бел»². Но вот любовь кое-как сладилась, началась свадьба, и опять впутывается колдовство и отравляет последние остатки человеческого чувства. В селах Шенкурского уезда живут нередко по два, по три колдуна в каждом, и все они в равной степени домогаются мест дружки на свадьбах – мест выгодных, ибо дружка, в продолжение службы своей на свадьбе, сыт, пьян и, в придачу, наделен всячиной. Колдовство, среди которого вертится народ, и нравственный разврат колдунов дошли до того, что все три колдуна, услышав про свадьбу, заранее рассчитывают, на чей пай выпадет счастливая, выгодная роль дружки. Вот отправился свадебный поезд, и началась дьявольская борьба между колдуном, провожающим свадьбу, и другими, которые остались без дела: иногда все сойдет хорошо, а в другом случае – испортят свадьбу³. Сибирские кликуши так и называются – *порчеными*. Портят еще посредством тенет, которые запекают в пирог, и при лечении порча выходит из желудка больной в виде слизистого одушевленного вещества, которое нужно тотчас сжечь, иначе болезнь воротится. Учатся портить на редьке: почернеет вся редька – значит, лекарство действует⁴. По словам народа, порча производится посредством ветра («на ветер пушают»), выемки следа, через подкидывание разных ве-

¹ Харитонов. Этнографические очерки Чердыни. С. 153.

² Врачевания и забавы Шенкурского уезда. С. 15.

³ Там же. С. 20.

⁴ Этнографический сборник. Вып. VI. С. 130.

щей и от *залому*. Колдуны делают во ржи заломы (пучки, хитро связанные из нескольких соломин на корню, колосьями внутрь самого пучка) или закрутни, и от прикосновения к ним женщина поражается болезнью и умирает в жестоких муках¹. От ужаса, охватывающего женщину при одной мысли о колдовстве, женщина начинает кликать, по-видимому, от самых пустых вещей; например, в Новгородской губернии «над дверьми ввернуто было петушьё перо, а в полу гвоздем были заколочены волосья, уголь и соль»². Собственно для напускания кликушества существуют особые порчельники. Один крестьянин, напускавший икоту, для привлечения дьявола держал крест в сапоге под пятой в течение половины месяца и приговаривал: «Отрекаюсь от Бога и животворящего креста, отдаю себя в руки дьяволов», и к нему являлись дьяволы, требовавшие занятий. В Холмогорах, рассказывал крестьянин, была девка, все лбом глядит, так она икоту насаживала, — ее выгнали из города³.

Таким образом, источником истерических припадков женщины служат: нравственные страдания, жестокая жизнь, порча и вера в колдовство. Как исключение, встречаются ханжи-кликуши, которые кличут притворно, собирая на «убожество болезное», и из кликушества делают промысел⁴.

Обычные симптомы истерики: зевота во время прекращения приступа — это дьявол выходит вон; во время приступа — вздутие живота — это дьявол мечется в утробе. Кликуша одержима дьяволом, а потому в церкви она не может слышать херувимской, запаха ладану, Евангелия, а у раскольников — табаку. Шевырев поэтому думал

¹ «Тульские губернские ведомости». 1861. № 41.

² Якутские путевые письма. С. 121.

³ Памятная книжка Архангельской губернии. 1849. С. 74–93.

⁴ «Сем. свет». 1864. 4.

объяснять кликуш приливом религиозного чувства. «Во время херувимской, – говорит он, – каким-то трепетом бьется сердце благочестивого русского, и здесь надобно искать объяснения тому психологическому явлению, которое известно в нашем простом народе между женщинами под именем кликуш»¹. Кликуша «лает по-собачьи», потому что в период колдовства *собака* обратилась в *пса* – образ дьявола, и дьявол, сидящий в человеке, только и может, что «лаять по-собачьи». Одержимая дьяволом, кликуша колдует, говоря от *его* имени и *его* языком, а потому, спрашивая кликушу, обращаются не к ней, а к *нему*. Если у мужика что-нибудь пропало, а близко есть кликуша, то он говорит: «Надо съездить к кликуше, что она скажет?» Отправляясь к ней, мужик везет ей что-нибудь за работу и верует всему, что она выкличет. В Архангельской губернии желающий получить предсказание от икотницы приглашает ее к себе и старается задобрить ее таким угощением, которое она особенно любит, потом уже начинает ее спрашивать. Тогда с кликушей начинаются муки: глаза расширяются, руки и ноги судорожно вытягиваются, больная рвет на себе волосы, разрывает на себе одежду и падает на пол; грудь и особенно живот неестественно возвышаются, и сквозь болезненные стоны слышится голос икотницы, делающий предсказания. Затем ее отводят домой, потому что сама она не в силах идти².

Природа крайнего севера, располагающая, по словам Кастрена, к нервному состоянию, помогает существованию особого рода кликуш, называемых икотницами. Причиной истерической икоты бывают: поражение половых органов, неправильность пищеварения, дурная пища, состоящая из гнилой, зловонной рыбы, гни-

¹ Шевырев. История русской словесности. III. С. 108, 156.

² Карманная книга для любителей земледения. С. 316.

лая болотная почва, а особенно психические явления, происходящие от гнева семейного и общественного. Сначала больная чувствует сильную головную боль, теряет аппетит, организм ее слабеет, «икота спускается от головы к сердцу», является болезнь сердца, и спазматическое сокращение брюшной преграды, – она кричит, смеется, плачет. При самом сильном развитии припадка больная лишается языка (немая икота), а только издает глубокие отрывистые звуки; при менее сильной икоте больная говорит (говоруха), но не отвечает на предлагаемые вопросы, и, наконец, третий вид болезни, когда икотница приходит в экстаз и делается способной для предсказаний. Икоте надо потешать, баловать, – иначе она замучает человека. Крестьянин Пинежского уезда рассказывал: «К нам сюда ходит *молодая жонка*, здоровенна, хороша, красна да бела, тоже икотница. Она рассказывает: когда чего захочу, вина ли, изюму ли, или там чего, то сейчас покупаю; наемся и отпустит (икота), и хорошо, а как не потешу (икоте), не куплю, то все волосы оборву у себя и руки сломаю». – «Икота робенка в брюхе съедат, – вот те Христос! съедат; довольно ребят заедают. Одна жонка ее не правила, не тешила, чего захочет не покупала, так она у робенка уши, да затылок, да пальцы у рук съела». – «Сватья Марья, старушонка, не любит парня черного, гоняется за ним, палку возьмет и побежит; додразнят до того, что она упадет, да почнет сама на себе волосы драть да кричать: раздует всю, шея раздуется, сама покраснеет, жилье напрягется». – «Мужики узнают, чего не любят икоты, и нарочно дразнят. У сватьи – парня не любит, у невестки – табаку; где курят табак, она зайдет и упадет и закричит; или когда чего захочет, повалится и ревет: дай, да и только». – «Никакого стыда в ту пору жонка не имеет: матюгается, изорвет все платье, рубаху – какая же бы

неволя притворяться!» – «У меня мать усю раздует, по полу лежит сутки, как мертва, даже головы не поднимет, языка захватит, зажмет горло. Мы не по-однажды по матери плакали: как мертва лежит; *с молодых лет у ней две насажено*: первая – вина не пила, все сладости ела, а вторая – вино стала пить; матка другое сто живет, а все болет; на девках у нас было на двух; одна девка так и осталась девкою, а сватали: «Куда я пойду с этим нездоровьем чужого веку заедать!...»¹ Мужчины-икотники встречаются не в одном Поморье, а в Тверской губернии, в Иркутске и т. д.²

Чем же лечат кликуш? Лечение от кликушества и икоты выходит из того же самого колдовства, которое создало кликушу. Известно, что еще в арийскую эпоху индоевропейского племени священная песнь, гимн (*mantra*) или молитва перешла уже в заклятие и заговор, и олицетворение молитвы (*gâyatri*) заступило место Индры, и подобно ему поражало демонов. С этой ранней поры *заговор, слово* получают возможность распоряжаться нечистою силою, возбуждать любовь и ненависть, насыпать болезни и исцелять от них. Такой колдовской смысл имеет и *отчитыванье* кликуш. В Орловской губернии для изгнания из кликуши нечистого духа обыкновенно нанимают какого-нибудь старика-грамотея, который и должен читать над больной по зарям различные молитвы. Нанятый старик является в дом, становится перед божницею, очерчивает вокруг себя углем три раза, чтоб за эту черту не перешел нечистый, и начинает отчитывать, растягивая слова. В других местах отчитывают по монастырям или монахов приглашают на дом. Доктор Любимов рассказывал о столетней старухе, раскольнице беспоповщинской секты, которая вместе с своими до-

¹ Памятная книжка Архангельской губернии. 1864. С. 87–93.

² «Маяк». XXXV. V. С. 78.

черьми отчитывала кликуш в течение 20 лет¹. Вместе с молитвами употребляются особые заговоры от «кликуши»: «На алионской горе и на абрааминской горе Пречистая Владычица Мать Богородица, как породила Христа Единого Господа – при том деле не было ни колдуна, ни еретицы, ни с мужского полу, ни с женского полу, ни с ребячого полу и ни из девичьего, – не испортить и не сглазить, ни чернцу, ни ченцу, ни попу, ни дьячку, ни великому грамотнику. Огради его, Господи, силою Честного Креста, рожденного, молитвенного, крещеного, исповеданного, причащенного, венчанного (если женат) раба Божия имя-рек»². Иногда прибегают к силе трав, именно к траве, называемой «белой», похожей на стебель лебеды, а под осень и внизу на земле листья зеленые, а сверх беловатые, «а вкус у корня похож на инбирь, а когда во рту подержишь подоле, и будет сладок»³. Путаясь в безвыходном положении при появлении кликуши и не зная, чем помочь, в Вятской губернии во время пароксизма надевают на больную хомут с потной лошади⁴. Между тем, собственно, есть одно только лекарство – это поднятие низко упавшего уровня народной жизни, ведущее за собой просвещение и всеобщее благосостояние.

¹ «Московская медицинская газета». 1860. С. 25–32.

² Памятники старинной русской литературы. III. С. 168.

³ Этнографический сборник. Вып. II. С. 131.

⁴ «Современник». 1856. XI. «Смесь». С. 3.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ НИЩЕНСТВА

НИЩИЕ НА СВЯТОЙ РУСИ

*Материалы для истории общественного
и народного быта в России*

Древняя Русь неразрывно соединена с нашим настоящим и будущим, соединена тою живою связью, какую соединен корень с ветвями дерева.

Иные скажут: «Древняя Русь отжила свой век, прошла». – Нет, если бы это было так, то это значило бы, что Россия отжила свой век.

«Но отбросила свой прежний путь, путь древней Руси. Итак, древняя Русь прошла», – повторят нам.

Нет, не прошла древняя Русь и путь прежний не брошен.

Иван Аксаков. «Молва».

1857. № 7. С. 157.

I

Появление нищих в Европе. Нищие
в России. Сочинения о нищенстве

Нищими на Святой Руси называется сословие людей, ничего не делающих и промышляющих сбором

подаяний Христа ради. Бедность всегда жила рядом с богатством; бедность покуда составляет необходимую принадлежность всякого человеческого общества; но нищих, существование которых обуславливается известною ступенью верований, в древнем мире не было: нищие – средневековое явление.

В лучшие времена греческой жизни, среди изящного античного мира, нищий, т. е. существо, одетое в рубище и почитаемое за что-то, был немислим; его существование было противно самой организации тогдашнего общества. «В лучшие времена Афин, – свидетельствует Бек (Воеск), – имущество так было разделено, что большая часть граждан имела только необходимое; ни одного не было столь бедного, чтоб он позорил город сбором подаяний» («*Staatshaushaltung der Athener*». II. С. 19). Но в эпоху падения древнего мира и в Греции даже стали являться нищие, жившие подаяниями во имя божества. По городам, селам и деревням Греции, говорит в известном сочинении Чирнер (Tzchirner), блуждали люди, которые ничем не занимались («*keinem Stützpunkt in der bürgerlichen Gesellschaft hatten*»), жили одной милостыней. Они носили с собой изображения сирийской богини, давали представления и собирали за них оболы и драхмы, фиги, сыр и другие подаяния (I, с. 113).

С переходом христианства в Европу явилось и учение о нищих; явились тунеядцы-нищие, и стали они требовать себе, во имя Христа, подаяний. Едва успела возникнуть Византия, как уже все ее улицы были наполнены нищими. И когда, с одной стороны, Феодосий и Юстиниан бичевали их декретами, в то время, с другой, они делались *res divina*, и номоканоны определяли, что «богатым серебро дарует Бог нищих ради». Скоро Византии потребовалось такое количество милостыни, что она стала ездить за ней на Русь, породнившуюся с

нею духовным родством. Уже с этих пор понятие о милостыне окружается религиозным ореолом, становится делом братства о Христе Иисусе. Хождения греческих клериков для сбора милостыни и жертвоприношений особенно усиливаются со времен взятия Константинополя турками. При учреждении патриаршества в России константинопольский патриарх между условиями поставил и то, что русский патриарх в известные сроки будет высылать ему 500 червонцев («Архив» Калачова. Т. 2. Ч. 1. С. 23). «Греческим властем, – пишет Котошихин, – патриархом, митрополитом, епископом, архимандритом и игуменом и келарем и простым чернцом, которые приезжают для милостыни, дается на церковное строение» (гл. VI, с. 60). И на Западе также нищенство одних скоро обратилось в средство для спасения других, и папа Лев XII приказывал иметь некоторое число нищих для того, чтоб люди не позабыли заповеди о милостыни. Нашлись такие благочестивые, которые целью своей жизни сделали нищенство, побирушество; из них образовалось общество нищенствующих монахов (*mendicanti*); положение их было утверждено церковными постановлениями. Нищенствующие монахи не должны были иметь никакой собственности, жили добровольными подаяниями, за сбором которых они ходили по городам, селам и деревням. В XIII веке они организовались в нищенские монашеские ордена (*Bettelorden*), и благодатный юг Европы надолго сделался страной нищих. До Гарибальди у римского папы в числе 60 000 духовных лиц считалось 25 000 нищенствующей братии, которая ежегодно собирала с римского народа до 1 825 000 скудий. Но в том мире, где развивалось просвещение, такое положение дел давно уже сделалось преступным, и одним из криков возникавшего протестантизма было: «*plus de moines mendicants!*» (L. Bl., I, с. 22).

Нищенство на Руси было одной из сил, разъедавших народный организм, было одним из диких явлений, получивших жизнь еще при начале нашего государства¹.

¹ По странному невниманию нашей так называемой исторической литературы к народному и общественному быту России, до сих пор не нашлось еще ни одного исследователя, который бы удостоил своим вниманием нищих. Многие, кажется, не подозревали и самого существования нищих в русской истории. В Ключе к «Истории государства Российского» вы найдете чуть не весь русский словарь, исключая слово «нищий»: его у Карамзина будто не оказалось. (См. Ключ к «Истории государства Российского» Строева. М., 1836; и исправления к изданию Эйнерлинга. Спб., 1844). Журнальная литература последнего времени первая подает голос о нищих и бьется над разрешением трудного вопроса о них, которого иначе разрешить нельзя, как на исторической почве. Укажем на более замечательные статьи по этому предмету.

«О нищенстве» *Н. И. Костомарова* // «Архив» Калачова. Кн. 4. III. С. 34–38; и его сочинение «О нравах и обычаях великорусского народа». Спб., 1861. С. 208–210.

«О нищенстве и разных видах благотворительности» *Н. И. Бочечкарова* // «Архив» Калачова. 1859. Кн. 3, V.

«Пристанодержательство, передержательство, укрывательство и водворение» *П. А. Муллова* // Там же.

«Мысли об общественной благотворительности» *А. Забелина* // «Журнал землевладельцев». Август 1858. № 8.

Несколько слов об уменьшении нищенства // «Рассвет». 1860. № 17.

О нищенстве // «Русский дневник». 1859. № 123.

Образчик современного благотворения // «С.-Петербургские ведомости». 1859. № 178.

Нищенство и благотворительность в провинции // «Московские ведомости». 1860. № 2, 4 и 26.

«Нищенство и благотворительность» *М. Курбановского* // «Современник». 1860. IX. С. 249–304.

Об истреблении в Москве нищих // «Чтения Общества истории и древностей». 1861. II. Отд. V.

Общие отметки по Сретенской части в Москве касательно бедных // «Чтения Общества истории и древностей». 1861. I. Отд. V.

Проект положения о нищих, написанный по поручению Министерства внутренних дел в 1829 году // «Чтения Общества истории и древностей». 1860. № 3.

«Об уменьшении нищих в России» соч. В. М. // Там же.

Нищие // «Оберточный листок». 1860. № 45.

II

Нищие певцы. Их народное значение. Народные певцы у кельтов, скандинавов, у южных славян и в Украине. О народных певцах в северной России. Белорусские волоочовники. Нищие слепцы. Калики переходжие. Стихи калик. Сказки о нищих слепцах. Нищенство как ступень народной чистоты

Русские нищие разделяются на несколько классов, имеют несколько подразделений. Чтоб рассмотреть их и понять, мы для этого обратимся к древнейшему понятию народа о нищих, посмотрим на древний образ нищего, именно на нищего певца, и отсюда будем спускаться все ниже и ниже, к каликам переходжим, к обыкновенным нищим и так далее. Калики были нищими высшего разряда, и на них-то мы по преимуществу остановимся.

Остановимся на каликах, чтобы посмотреть, сколько в них истинно народного, потому что, выросши на народной почве, они необходимо должны были унести в свой мир некоторые народные черты.

Природа, творя человека, творила цельное существо, способное развиваться всеми своими сторонами. И вот, на основании такого закона, мы при входе в историю встречаем человеческую личность именно в таком полном и цельном образе, и притом со стороны самой светлой, в образе поэтическом. Общество тогда еще не было разделено на классы, где, например, одному назначено заниматься литературой, а другому – пахать землю на литераторов, – тогда всякий человек, чем бы он ни занимался, любил поэзию и был поэтом только в силу своего человеческого достоинства. Поэтические песни сопровождали человека на каждом шагу его жизни и особенно во время отдыха от трудов и во время религиозных и народных торжеств. Так, мы знаем, на древних пирах индусов певались великолепные стихи Рамаяны и Магабгараты. И наши предки,

выйдя из своей арийской прародины, вынесли с собою запас поэтических воспоминаний и поэтов, которые с тех пор сделались существенной принадлежностью каждого из европейских народов, к какому бы племени он ни принадлежал, к кельтскому ли, раньше других пришедшему в Европу, или к позднейшим германским и славянским племенам. История застаёт эти племена еще в ту эпоху, когда весь мир, окружавший человека, являлся в обожествленном виде, и в центре этого мира стояли певцы как глашатаи божественных словес, посредники между божеством и человеком. Отсюда и *вещие* певцы, которых *вещие персты* бегают по *живым струнам*, и живые струны рокочат *вещую правду*. Народный певец, таким образом, осенялся в понятии народа высшей благодатью и окружался светлым мифическим ореолом: «Певца доброго милуют боги», – говорит краледворская рукопись. Таким мифическим характером отличались древние барды кельтов. Мы встречаем в них главные, типические черты позднейших германских и славянских певцов, черты, сохранившиеся, например, в Украине до нашего времени. Вместе с слабыми остатками кельтского племени, уцелевшего на двух клочках Англии и Франции, дожили до нашего времени и древние барды. Так, на празднике, данном в 1839 году французскими кельтами своим валлийским братьям, присутствовал слепой бард, импровизировавший стихи в честь великого кельтского племени («Русский вестник». 1857. Т. XI; «Современная летопись». № 89; «Contes Bret». Villemarqué, t. I, 2-e ed., préface). Эти барды, как и славяно-германские певцы, были хранителями основных народных верований, и путем литературных памятников дошли до нас **песни и изречения бардов о разных нравственных и религиозных вопросах** (*Pictet*. «Les mystères des Bards», 1858; «Les poèmes des Bardes» Villemarqué, 1860). Барды были любимыми детьми своего народа.

Так, бретонцы, обращаясь к слепым нищим, расточают им самые нежнейшие названия: это для них *друзья* и *божьи братья*, это *pauvresche-ris* народа («*Chants populaires de la Bretagne*»). В скандинавских и древнегреческих певцах мы встречаем уже мифическую личность певца в полном и законченном развитии, находим ее в связи с самыми основными космогоническими верованиями германцев. В скандинавских сагах упоминаются два таких певца: *Браги* и *Квасир*, два вещие мужа, *ходившие* по свету для проповедования мудрости. Браги происходил от божественных *асов* и также считался сыном Одина, как *Сага*, богиня поэзии, считалась его дочерью. Полнее гораздо образ Квасира, созданного из слюней асов и ванов (т. е. германцев и славян) и **убитого злыми карлами, которые сделали из его крови божественный напиток, способный вдохновлять поэтов.** Мифические черты этих вещей людей перешли потом на бесчисленных скандинавских скальдов, **являвшихся на пирах, в общественных и частных собраниях.** Как поэзия, по народным верованиям, шла от богов, так и самые певцы получали божественное происхождение. Такому светлому понятию о певцах не мешала **и самая слепота некоторых из них. Слепота** ничего не имела в себе страшного и мрачного, как и самый их бог Один, имевший один только глаз. Поэтому народные певцы считались не только глашатаями вещих словес, провозвестниками счастья, но и служителями богов, и если, с одной стороны, их окружали любовь и сочувствие народа, с другой – **сопутствовали им почтение и уважение** (*Grimm*. «*Deutsche Mythologie*». С. 861). Скальды играли на арфах и пели о подвигах героев, но, кроме них, пели **и гости, потому пение всякому было почетно, всякому** доступно. То *запевала дева, словно лебедь белоснежный* (*Gunnarslagr*, с. 3), то сам король брал у певца арфу и пел. По скудным известиям о жизни разных скальдов

можно догадываться, что они состояли при королях как должностные лица и, следовательно, были певцами княжескими. Так, в одном месте упоминается о двенадцати певцах, служивших у короля. Другие же певцы ходили с места на место, посещали далекие страны. Певцы считались равными героям, были людьми благородными (*edel Spielmann*), на королевском пиру занимали одно из почетных мест и пользовались всеобщим уважением. Так, говорит сага, одному певцу, Изунгу, король подарил свой золотой перстень, полученный от матери, да еще одежду из пурпура с золотом – свое королевское платье, да еще каждый из гостей дал певцу по марке или по две (*Rasz. «Heldensage»*. С. 445). К переходим певцам принадлежали слепцы, слепые уличные певцы, которые также рассказывали народу о делах его предков (*Grimm. «Heldensage»*. С. 376, 399, 475). Здесь не место распространяться о связи скандинавских преданий о Браги и Квасире с подобными преданиями славянскими, но заметим, что у обоих этих племен существовали одни и те же верования, и личность славянского певца окружена была тем же самым мифическим светом, как и у скандинавов. Вещие певцы жили у князей, если только в древности были князья, и бродили по жилищам, вдохновляя народ на великие подвиги. По всем вероятностям, они были известны и другим народам, и поэтому к одному месту из сатир Ювенала (сатира XVI, строка 3), где говорится о бардах и друидах, Схолиаст прибавляет: «друиды, т. е. славяне – *Druidae i Slavi*» (*Dyff. «Orig. Europ»*. С. 246). Таковы-то были три славянских певца, которые в 590 году с гуслями в руках зашли во Фракию к императору Маврикию (*Theophil. «Historia»*. VI, II). Народные певцы представляли собой видимую духовную связь между различными славянскими племенами, жившими около тихого Дуная, и тем более что тогда певцы и песни разных племен имели мно-

го общего между собой, родного, пели, может быть, об одних и тех же предметах (см. «Исторические очерки» Буслаева, т. I, с. 390). Здесь, на славянском юге, и потом у южно-руссос развивалась до высокой степени совершенства славянская поэзия. Еще в кочевом быту южный славянин не мог обойтись без песни, и бандура и кобза были принадлежностью всякого человека, жившего на коне, отчего в одной песне и называются они *подорожными*. В украинских песнях сохранился нам следующий образ кочевника-певца, казака-бандуриста:

Ой на Татарских полях,
На козацьких шляхах,
Не вовки-сіроманці квилять-проквиляють,
Не орли-чернокрильці клеочуть и під небесами лігають:
То сидить на могилі козак старесенький,
Як глибонько сивесенький,
У козбу грае-вигравае,
Голосно спивае...

.....
Будут мене вовки-сіроманці зустрівати,
Будут дідом за обідом коня мого заидати.
Кобзо ж моя, дружино вірная,
Бандуро моя малеваная!
Де ж міни тебе діти?
А чи у чистому степу спалити?
И попілець по вітру пустити?
А чи на могилі положити?
Нехай буйний вітер по степах пролітае,
Струни твої зачіпае,
Смутнесенько, жалібнесенько грае-вигравае.
(Кулиш. *Записки о Южной Руси*. Т. I. С. 187)

И эта бандура, сопровождавшая еще кельтов на длинном их переходе из Азии через всю Европу («Chants

populaires de la Bretagne», XXXIV), сохранилась до сих пор, кроме Украины, еще у болгар под именем *гуслы*.

Народные певцы у болгар и сербов – *нищие слепцы*, как и в Украине. В Болгарии ими населены город Битола в Македонии и село *Балдево* в Тракии, в Филиппольском округе. Отсюда и названия *балдевский просек*, *битольский просек*, и пословица: «зачервил са като балдевски просек», т. е. покраснел, как балдевский нищий. Промышляя пением, они ходят по селам и городам, поют и собирают милостыню. Они поют народу о Марке Кралевиче, болгарском народном герое, о его войнах с турками, венгерцами, дукатинцами и гатинцами; они поют народу о прошедших его судьбах, как сербские певцы о *Косовской битве*. И, слушая их, старушки плачут, дети воспитываются, а старики почесывают чубы, заряжают винтовки и идут в горы. Очень редко встречаются у них духовные стихи, и новейший издатель этих стихов, г. Бессонов, напрасно старается обратить сербских и болгарских кобзарей в калик переходящих.

Южнорусская песня развивалась на братских, народных пирах, сохранившихся в великорусских *беседах*, а потом на княжеских пирах. На этих пирах, по словам былин, раздавались звончаты гусли гусяров, играли и пели скоморохи, гудошники и слепцы, бывшие еще тогда певцами народной славы. Начинал, говорит былина, гусли по струнам похаживать и голосом поваживать, все примолкали и слушали; окончилась песня:

Нацяли гудосьников удобривать,
И вином-то их стали попаивать.

Из этих певцов южно-русского племени вышел в XI веке знаменитый певец Боян, память о котором сохранило нам «*Слово о полку Игореве*». Боян – певец

княжий – Святослава и его детей Романа и Олега (1076–1115) – был представителем *старых словес* (т. е. преданий; славянского племени, был *соловьём старого времени*, как его называет певец «Слова о полку Игореве», достойный преемник Бояна. Боян, говорит Буслаев, был житель лучшей, образованнейшей страны, именно Южной Руси. Вместе с особенностями южной речи и поэзии, на нем отразилась и ранняя образованность той страны; и в то время как на Волге, на Шексне и на Белоозере кудесники творили разные чудеса, а в Новгороде волхв собирал около себя народ против князя и епископа, наш южнорусский певец был уже другом князей, и не только прославлял их подвиги, но и осуждал усобицы (Буслаев. Исторические очерки. Т. I. С. 399).

Певец Игоря (1185–1186), переносящий свои думы на историческую почву, и Нестор, вносящий в летопись поэтические предания народа, были лучшими представителями просвещения Южной Руси до конца XII века и указывали на прекрасное будущее впереди. Но с передвижением истории на север перешли туда и киевские поэтические предания. В северной жизни народ разошелся с остальным обществом, старинная песня замерла, но и сам народ не мог сохранить вполне свою первоначальную чистоту и вместо народного певца выслал из среды себя калику переходящего. Киевская Русь разошлась по областям и потом перешла в Москву и затем, в лице староверов, в болота и леса Олонецкой губернии. И подобно тому как на берегах Северного моря находят остовы допотопных мамонтов, спасавшихся от всеобщей гибели, так в Олонецкой губернии открывают теперь окаменевшие киевские былины, унесенные народом от *древнерусского* разгрома. Южная Русь, напротив, продолжала свою народную жизнь, развивала далее древние поэтические предания и во всей целостности сохранила

до наших дней старинный образ народного певца. В нынешних украинских *слепцах-старцах* мы находим все черты древних славянских и германских певцов, и эти черты мы проследим по драгоценным заметкам, изданным Кулишом в «Записках о Южной Руси».

Украинские слепцы-старцы – это или неспособные к земледелию работники, или нищие, сохраняющие из поколения в поколение народные думы и предания. Они певцы и вместе музыканты. Призываемые народом, они ходят по хатам и поют, получают за это плату и часто, нажив деньгу, сами покупают хату с огородом, обзаводятся женою и детьми и платят подати наравне с другими крестьянами. Песня и музыка не мешают им заниматься ремеслами, например, вить веревки, вязать крестьянскую упряжь и т. д. Некоторые же, приобретя хату, заводят школу певцов. Такие хозяева старческих ватаг носили прежде названия *старческих королей*. Главная принадлежность украинского слепца – это его музыкальные инструменты, редко – *лира*, род скрипки, а чаще всего *кобза* или *бандура*, отчего они и называются кобзарями и бандуристами. Это не мертвые и часто тупые фигуры великорусских калик, поющих о том, чего они не понимают, – нет, это живые люди, с живою душою, болеющие и страдающие, страдающие до того, что плачут, когда поют. Певец дум, говорит Кулиш, часто бывает растроган содержанием песни; его голос дрожит более и более, и, наконец, рыдания прерывают на несколько минут и пение, и музыку. Песни и думы его – его драгоценность. Всякого встречного певец угостит семинарским псалмом или чечеточною (Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 100) и только с приятелем и близким человеком поделится старинной, дорогой ему думой. Поэтому кобзарь поет не оттого, что песни – его промысел, а в силу своей поэтической природы: он не может не петь, он в

песне отводит свою душу. «Іноді і в ночі встану, граю собі, граю...» – рассказывал один из кобзарей. Малороссийские нищие, говорит Кулиш, занимают первое место по развитию поэтических и философских способностей. (Ср. «Chants populaires de la Bretagne». Villemarqué. 3-e ed., t. 1-er, XXXII). Они почти все слепы. Немногие из них поступают в разряд нищих, т. е. собирателей милостыни по какому-нибудь калечеству (в Великороссии – решительно все); еще меньше – по лукавству и охоте к праздничатательству. Лучшие из них живут в деревнях, где их все знают. Города решительно портят нравственность нищих (Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 43). Это – передовые люди своего сословия, прибавляет Жемчужников. Они принадлежат к тем честным беднякам, которые, несмотря на свою нищету и безграмотность, бодры духом, свежи чувством и разумом, которые трудом заработанный грош тратят не на облегчение вопиющей своей бедности, но отдают его на обучение грамоте какого-нибудь близкого («Основа». 1861. VIII, XVII, 2). Кроме того, это все люди глубоко религиозные, чуждые суеверий, преданные Церкви (Записки о Южной Руси. Т. 1. С. 46–50), чего и тени нет у северного калики переходжего. Душа их исполнена глубокой нежности, и лучшая отрада для них – ласкать детей и играть с ними (Там же. Т. 1. С. 66). С Киевской Русью, предвинувшейся на север, ушли туда и киевские былины, и в памяти украинского певца сохранились только те, которые ближе были к жизни, как, например, предания о *Золотых воротах в Киеве, о морских походах Руси* под Византию, об Олеше Поповиче. Но зато вся последующая история юга, со всеми ее радостями и страданиями, жива в украинских песнях, часто имеющих цену летописи. Дух же, проникающий все эти думы и песни, – это любовь к *матери Сечи* (Січь мати) и к *отчизне Украине*, которую певец любит больше всего,

и любит наравне с последней украинкой, которая также в своих песнях поет о милой Украине. И если после песни украинскому певцу остается что-нибудь еще дорого – так это его бандура, неразлучная его спутница, поверенная его дум, его вздохов, – бандура, разгоняющая всеобщую тугу и сопровождаемая всеобщими благословениями. Так плачет бандурист, принужденный расстаться со своей бандурой: «Ти ж була моею втіхою, тиж розважала мене у всякий пригоді. Багато людей вельможних, багато лицарства славного и всякого народу православного слухали твоїх пісень! Де ти не бувала, якої при годи не дознала? Чи раз же ти мою голову из шинку визволяла? Чи раз же ты в заставі лежала, той нігде ж ти не застряла! А тепер довелось міні с тобою разлучатись, за чотири карбовані рублі тебе в чужі руки оддавати, то й по вік вішний, може, тебе не видати!..» (Там же. Т. 1. С. 199).

На севере, куда мы теперь переходим, народ сохранил древние киевские былины и побывальщины почти в том виде, как они создались, и только на мотивы их он пел о Гришке, о Грозном, о страдалицах-царицах и царевнах и т. п. С большей жизнью сохранились песни обрядные и праздничные, для пения которых певец-народ принимал характер древнеславянских певцов. Таковы, например, песни (колядки), распеваемые во время коляды. Лица, поющие колядки, называются в Белоруссии *волочобниками* от слова «волочиться», т. е. ходить с места на место с пением, иначе – переходжими. Волочобники – это певцы, которые ходят с пением по деревням в ночь с воскресенья на понедельник Пасхи (ср. Памятники народного быта болгар. Т. I. С. 210. Л. 216;). Они приносят мир и счастье дому, и хозяева ждут их как благословенных гостей. Певцы набираются из крестьян, ходят партиями (ватагами) от 8 до 20 человек. Глава партии – *починальник* – мужик зажиточный и богатый, и он начинает песнь, а *подхват-*

ники подхватывают; он же получает и подаяние, которое собирает особое лицо, называемое *мехоношей*. Вместе с певцами ходят и музыканты, одна или две скрипки и дударь. Как странствующие певцы бретонцев, подойдя к двору, стучатся и посылают хозяину благословение, и если отворят им, то входят, иначе проходят мимо («Chants populaires de la Bretagne». XXXIV), так и волочобники, подойдя к дому, стучатся в окно, приветствуют хозяина и становятся в полукруг; в середине – починальник, и он затягивает первый стих, а подхватники припевают, затем поется второй стих и т. д. Во время пения подхватники хлопают в ладоши, а запевала сопровождает свои слова приличными телодвижениями. По окончании пения из среды певцов выделяется один и говорит хозяину приветствие («Пантеон». Т. III; «Русский дневник». 1859. № 101). Эти волочобники и другие праздничные певцы представляют теперь последние следы народных певцов в северной России; народный же певец как самостоятельный деятель здесь совершенно утратился, так что история не помнит ни об одном из них, и *Кирша Данилов*, если он только принадлежал средней или северной России, кажется каким-то случайным, исключительным явлением. Но с замиранием личности народного певца и с происходящим от этого замиранием народной жизни в то же самое время под влиянием книжным, под влиянием грамотника Древней Руси, преимущественно Московской, возникает на поверхности русской жизни мрачный образ *калики перехожего*. На нищих перешли черты древних мифических лиц, и поэтому сами нищие явились хранителями некоторых вещей словес древнего времени. В преданиях всех индоевропейских племен мы встречаемся с богами, которые путешествуют и странствуют по земле. Так, в песнях «Эдды» ходят по земле Один, Гони́р (Hoenir) и Локи и принимают на себя раз-

личные образы. В позднейших преданиях эти древние странствующие существа принимают христианские названия и обращаются уже прямо в нищих. Это последнее предание составляет существенную сторону русских народных легенд, а иногда и сказок. Так, например, в одной украинской сказке *Иван Голик*, владеющий нездешней силой, братается с нищим и делается каликой (*Кулиш*. Записки о Южной Руси. Т. 2. С. 76). И на том же самом основании, как *небесные силы*, с которыми бьются богатыри и погибают, как эпитеты *святая Русь*, *святорусская земля* и пр. (*Буслаев*. Русский вестник. Т. XXXVIII. № 3. С. 49, 51) означают не христианские, а древнемифические понятия, так точно и нищий – как святой, имеющий *святое* происхождение (см. ниже), должен быть понят в древнейшем мифическом смысле, как и понимает его народ. На основании мифического происхождения получают значение и все принадлежности нищего: *сума Лазаря* – *святой кошель* (*Bettelsack*), *милостыня Лазарю* – *святая милостыня*, *палка Лазаря* – *нищенский посох* (*Bettelstab*), *который, однако, у нищих часто бывает набит деньгами* (*Афанасьев*. Сказки. Вып. 6. С. 122). Наконец, можно думать, что на образ нищего прямо перешло какое-нибудь древнее мифическое существо, и поэтому в настоящее время видимое сострадание к нищему часто не что иное, как тайное сочувствие к забытому по имени богу (ср. *Grimm*. Mythologie. С. 862. Прим. 2). Таким образом, калики переходящие как древние мифические лица и как певцы вещей глаголов сохранили до наших дней, донесли *по памяти*, как они сами говорят («Песни» *Киреевского*. Вып. 2. С. 275), древнейшие космогонические предания о сотворении мира и сохранили даже самую древнюю форму предания, именно загадку, которая составляется из вопросов и ответов. В каликах переходящих сохранились некоторые черты древних славянских пев-

цов, которые мы легко заметим, освободив их от древнерусской отделки.

Старинная песня о сорока каликах с каликой, записанная Киршей Даниловым, говорит, что калики выходили из Ефимьевой пустыни, из монастыря Боголюбова, но это известие должно понимать гораздо общее, т. е. что калики жили преимущественно около монастырей и у монастырских ворот было главное поприще их деятельности. Ходили они артелями *по сорока калик с каликой*; во главе артели (ватаги) стоял атаман, которого выбирали *в кругу*. На каликах надеты были сумки и *подсумки*, в руках у них были клюки. Придя на место, они становились в круг, клюки-посохи в землю втыкали и на них вешали сумочки. В этих наружных признаках калик перехожих мы находим, без сомнения, черты древних славянских певцов, и точно такие же намеки на старинную нравственную чистоту певцов мы можем видеть в названии калик *удальми* и *дородными молодцами* и в том, что у них очень строго наказывались грехи. Калики перехожие, продолжает песня Кирши Данилова, были *удальми* и *дородными молодцами*, и водились за ними грехи – воровство и женский блуд (рассказывается в духе Древней Руси), а потому в каличьей артели был положен устав:

Кто украдет, или кто солжет,
Али кто пустится на женской блуд,
Не скажет большому атаману,
Атаман про то дело проведает, –
Едина оставит в чистом поле
И окопать по шею в сыру землю.

Ходили они по селам и деревням, по городам и пригородам и собирали милостыню, чем бы, по словам пес-

ни, *молодцам души спасти*. Вещий голос древнего певца слышится в зычном крике калик. Этот крик, которым они прошают милостыни, так силен, что от него

С теремов верхи повалялися,
А с горниц охлопья попадали,
В погребях питья всколебалися.

(Бессонов. *Калеки переходжие*. Вып. 1. С. 10)

Брали они милостыню не рублем, не полтиной, а целыми тысячами. Заходя в боярские и княжеские терема, садились за стол, им подавали вино и сладкие кушанья, они *ели, пили, потешалися*. Таковы древние черты общего наружного вида калик, указывающие на то, что в древности они были истинными народными певцами. Но этим и ограничивается их родство с народом, и во всем остальном, т. е. в личности калик, в духе, проникающем их песни, и в том, как народ понимает калик, они – чистейшее произведение *Древней Руси*, где мифические верования получили мрачный, дьявольский характер, где в слепоте видели связь с нечистыми силами и самые певцы сделались представителями нечистой силы.

Как из *уродов*, на основании народных поверий, выходили *юроды, юродивые*, так из *калек* – *калики переходжие*. На основании довольно темных для нас древних верований, когда слово *бог* имело более частное значение, всякий человек, лишившийся зрения, языка, членов тела, переходил поэтому в ведомство бога, ему благоприятствовали вышние силы, он делался убогим (*чешск.*: *ubozatko, nebozatko, nebozak, nebozez, nebozka*; *укр.*: *небога, неборак, небожник*; *русск.*: *небога*). Но когда народ стал видеть в калечестве присутствие враждебной силы, когда стали делать заговоры от *слепого знахаря* («Архив историко-юридических сведений» Калачова. II,

VI. С. 1–7), то и самое слово *убогий* было перенесено на дьявола. Прежние слепцы с их вещим значением обратились в *провидош*, как называются лазари в Каргополе («Олонецкие губернские ведомости». 1857. № 26–27) и в Вологодской губернии, просить милостыни – то же, что кликать. («Опыт областного великорусского словаря»). Отсюда – нищие, получающие силу отыскивать некоторые травы, например, траву *нечуй-ветер*; а встреча с нищим слепцом, или, как сказано в одной рукописи, кто *слепца стрячет*, считалась дурным предзнаменованием (Щапов. «О расколе». С. 750). Эти-то мрачные, слепые нищие, жившие только для сбора милостыни, которую они собирали, распевая лазаря, сами стали называться *лазарями*. Отсюда переносное значение, по которому лазарями называются все, надоедающие своими просьбами, канючащие, притворщики: «полно лазаря-то петь», говорят. Лазари не знают ни песен, ни исторических былин, поют одни *стихи*. Стихи калик изданы недавно г. Бессоновым, который почему-то назвал каликов калекками (Калеки переходные. Сб. стихов и исследование П. Бессонова. Ч. I. Вып. 1, 2 и 3). Бессонов преклоняется перед каликами с каким-то благоговением. Для него ничего не существует выше калики. Он видит каличьи черты в позднейших преданиях об Илье Муромце, а Илья Муромец у него – представитель народа, поэтому каличий характер, каличий дух есть, по Бессонову, ступень народного развития. По-нашему, если это ступень, то ступень самая низкая, на которой народный дух, народные предания являются, как мы сейчас увидим, в самом искалеченном виде. На этой ступени калики сходятся с *морельщиками*, *скопцами* и *самосожигателями* (см. «Сборник русских духовных стихов», составленный Варенцовым), но, несмотря на все это, Бессонов любит их с какой-то врожденной страстью: «С ранних лет, – говорит он, – останавливал я внимание

на этих лицах». Собрание стихов калик переходящих у Бессонова, по его словам, превосходит тысячу, и все они, по большей части, принадлежат средней и северной России, на которой Древняя Русь оставила такие твердые следы. Напротив, в Украине, где, как мы видели, сохранился во всей чистоте древний образ народного певца, калики почти неизвестны, а если бывают там, так это заходящие с севера. Бессонов сожалеет о большом недостатке у него каличьих песен из Малороссии и думает, что при обилии этих песен *для прочих ветвей Руси и всего православного славянства было бы горько и досадно только здесь* (т. е. в Украине) *остаться в нищете*, и призывает к содействию всех молодых (?) украинцев. Но, во-первых, кого ни призывайте, г. Бессонов, никто никогда не пришлет вам украинских каличьих стихов по тому самому, что они не существуют. Во-вторых, все, которые не считают каличьих стихи за *своеобразные и самобытные произведения народного творчества* (Бессонов. Калек переходящие. Вып. I. С. 1), искренно возрадуются, узнав, что украинский народ до того умел сберечь себя, что у него нет ни калик, ни каличьих песен, а есть благоуханные женские песни, есть исторические думы да еще чистые народные певцы, подобные сербским старцам-кобзарям, поющим о Косовской битве, и болгарским старцам-гусярам, рассказывающим о Марке Кралевиче.

Стиль каличьих духовных стихов, говорит профессор Буслаев, упорно остановился на романской варварской эпохе и только закоснел, будучи скован теологическим началом, которому Византия строго подчинила поэзию и искусство («Русская речь». 1861. № 26). В них место былевого творчества заменило книжное предание, а древние верования получили мрачный, дьявольский характер. Что же касается до художественного значения каличьих песен, то об этом лучше всего говорят сами

песни, перешедшие мало-помалу в грубые вирши, даже неспособные к чтению.

Вместо светлого содержания народных песен в стихах калик преобладает сила злая, сила змея, змеища, змея Горынища, *муки змишные*, что далее развивается в антихриста, приближение которого ожидается ежеминутно:

Скоро нам будет тое времячко злаго антихриста,
Время на три года будет и на шесть месяцев.

Человек на каждом шагу видит *прелестного врага и диявола*, и злой враг орудует всей человеческой жизнью, он даже уничтожает самодержцев:

А злый ненавистник враг,
Властолюбец богомерзкий,
Не может зрети самодержцов:
Вложи в зависть Святополка
Убить Бориса и Глеба.
(*Калеки перехожие. Вып. 3. С. 666*)

Вечная борьба с нечистыми силами далее переходит во вражду ко всему, что только возбуждало неудовольствие древнерусского грамотника, но о чем народ иногда и не слышал. Мифическое предание о земле, принимающей кровь, обращается в *землю, пожирающую кровь жидовскую*, а отсюда *ироды, силы жидовские, бусурманские, проклятые жида* и пр., от чего надо очищать землю святорусскую (Там же. Вып. 3. С. 543).

В том же духе идет плач о народах, захваченных дикими людьми и заключенных в темницах, и проклинаются Мамай и т. п.

О злодей, собака, неверный Мамай-царь!

За Мамаем-царем той же участи подвергаются Диоклитианы, *безбожни Еллини* и далее *раскольники поганы*, чего уж никто не сыщет в чисто народной литературе:

О Русь, о Русь, прекрасная страна,
В тебе живут татары злые,
Ругаются святыне раскольники поганы.

Отсюда же, как необходимое следствие, и *скрежет зубовный*, и песни *гробам*:

Вы, гробы ли, гробы,
Привечные нам дома.
(Сборник русских духовных стихов. С. 25, 42 56, 57)

Но, проповедуя народу вражду к раскольникам, калики перехожие сами держались многих раскольничьих учений. Так, например, они поучали о спасении в пустыне. Бегство из городов и сел и блуждание по свету, обуславливаемые то нуждами земли, то известными гражданскими обстоятельствами, представляют одну из замечательных сторон Древней Руси. Бегство народа прежде было или простым передвижением с места на место, или молчаливым протестом, но с конца XVII века оно стало обращаться в аскетическое учение о пустыне. При посредстве различных писаний возник в обществе образ пустыни, влекущей к себе всякого живого человека. У раскольников появилась секта *странников*, главным догматом которой было бегство от антихристового владычества, удаление от семейства и *странствование* в лесах и пустынях (Макарий. История раскола. С. 306). Дух же этой секты, существовавшей задолго до расколов, проникал

всех, и раскольников, и нераскольников. Пойти в пустыню, *где наши отцы угодили Богу* (Бессонов. Калекки переходные. Вып. I. С. 256), сыскать там старца, сделаться от него светозарным, и, оставив той злобный мир, стать дивным зверем и тем спасти свою душу – таков был идеал Древней Руси, воплотившийся у калекки в образ Иоасафа-царевича.

В дальней долине стоит *прекрасная пустыня*, и некий Иоасаф-царевич оставляет свой богатый дворец, отца, мать и бежит в пустыню *в младых летах потрудиться* и тем подражать Христу:

Тебе, Христе, подражаю,
Нищ и бос хочу быти,
Да с тобою могу жити.
(Там же. Вып. I. С. 260)

И вот говорит он мрачной пустыне:

На царския вси палаты златы
Не хочу взирати;
Покоев светлых, чертогов
Славы и чести премной
Бегал, аки от змия:
Пустыня моя, приими мя
От суетна прелестнаго
Века мало времянаго;
В своя младыя лета
Отвращуся от света.
Буду аки зверь дивий,
Един в пустыни бегая,
Во дни и в ночи работая.
Пустыня моя, приими мя
От суетнаго, прелестнаго
Века маловремянаго,

Да во своя младыя лета
Отвращуся сего света.

Сего ради в тя прибегаю,
От антихриста убегаю.
Не знаю себе что и быти,
Да где мне главы подклонити.
Понеже антихриста дети
Всюду простерты имуть сети;
Хотят оне нас уловити,
К антихристу покорити;
Своим ересем осквернити,
А душу мою погубити;
И пивом своим напоити,
А веру Христову потребити.

Объяснив пустыне, что враги хотят погубить его душу
и пр., млад-юноша просит пустыню взять его к себе:

Любезная моя мати,
Прекрасная моя пустыня!
Приемли меня в пустыню
От юности прелестныя,
Укрой меня, мать-пустыня,
В темныя те ночи,
Научи меня, мать-пустыня,
Как Божью волю творити.
Есть гнилую колоду:
Гнилая колода
Лучше царского яства;
Испивать болотную водицу
Лучше царского пойла.

Но пустыня не верит ему; она указывает ему на все
соблазны свои во время весны:

Как придет весна красная,
Все луга, болота разольются,
Древьы листом оденутся,
На деревьях запоет птица райская
Архангельскими голосами:
Но ты из пустыни вон изойдешь,
Меня мать прекрасную пустыню позабудешь.

Нет, отвечает юноша, я ведь не даром же вырос в ма-
тушке Москве, я умер давно для всего живого и светлого:

Не прельщусь я на все благовонны цветы,
Оброшу я свои власы
По могучия плечи,
Отпущу свою бороду
По белья груди,
Я не дам своим вочам
От себе далече зрители.
Я не дам своим ушам
От себе далече слышать.

Я, продолжает он, буду жить в пустыне, невзирая на
вольное царство, и тебя, мать моя прекрасная, не покину
(Калеки перехожие. Вып. I. С. 217):

Про тебя, мать пустыня,
И сам Господь знает;
Тебя, мать пустыня,
Все архангелы хвалят,
И преподобные прославляют, и пр. и пр.

Эти последние стихи прямо указывают нам на книж-
ное влияние. Тому же книжному влиянию и тому же
аскетическому духу обязаны своим происхождением
стихи о Лазаре и об Алексее Божьем человеке. Алексей

Божий человек также оставляет в свадебную ночь свою молодую княгиню и отходит в иную землю за бабюшкины грехи помолиться, за матушкины труды потрудиться и делается убогим: влас долги́й,

Красота в лице его потребишася,
Очи его погубишася,
А зрение помрачишася.

Тем же самым странническим и плачевным характером отличаются и стихи об *Иосифе Прекрасном*. Гораздо важнее для нас, посторонних исследователей, а не для народа, который тут ничего не находит, древнейшие космогонические предания славян, сохранные каликами в стихах о *Голубиной книге*. На лица же св. Егория и св. Николы народ перенес какие-то древние мифические лица, точно так же, как и на св. Дмитрия Солунского перенес он какое-то лицо героического периода. Но стоит лишь сравнить хоть предания о *Голубиной книге*, сохранные каликами, с подобными преданиями германцев, то легко увидеть, сколько в последних сохранилось жизни, свежести и величайшей художественности и как первые отупели среди византизма.

Таким образом, стихи калик, проникнутые книжным древнерусским духом, навевали на народ одну тоску, не принося ему ни нравственной энергии, ни какой-либо отрады в будущем. Поэтому в народе к каликам прислушивались только одни нравственно больные, только одни совершенно разбитые сердца; здоровые же отвращались от них, гоняли их от себя. И кажется, что это отвращение чувствовалось не только людьми, но и самыми деревенскими собаками – злейшими врагами калик. С одного конца вошли в деревню калики, а

на другом – собаки уж подняли головы, и сбегаются, и страшным лаем провожают калик до другого конца деревни, и долго еще потом ворчат, хотя калики давно скрылись из виду.

Тупое повторение заученных фраз, соединенное с попрошайством, губительно действовало и на калик, и из них вырабатывались самые грубые личности со всевозможными пороками. Великорусский народ иначе не понимает блуждающих нищих, как ворами и мошенниками. Приводим здесь сказку, которую рассказывает народ про *слепцов*: «В Москве белокаменной жил один парень в работниках; вздумал на лето в деревню итти и стал просить у хозяина расчета. Только немного пришлось ему получить денег – всего-навсего один полтинник. Взял он этот полтинник и пошел за калужскую заставу; смотрит – сидит на валу слепой нищий и просит Христовым именем подаяния. Мужик подумал-подумал и сжалился; подал ему полтинник и сказал: “Это, старичок, полтинник; прими из него Христа ради семитку, а сорок восемь копеек дай мне сдачи”. Слепой положил полтинник в свою кошину и снова затянул: “Православные христиане, подайте Христа ради слепому невидущему!” – “Что ж ты, старик, подавай мне сдачу”. А он будто не слышит: “Ничего, родимой! еще солнышко высоко, успею до двора помаленьку добрести”. – “Оглох, что ли? мне самому итти добрых сорок верст, деньги в дороге-то надобны!” Взяло мужика горе пуще острого ножа: “Эй, – говорит, – старый черт! подавай сдачу; не то я с тобой разделаюсь по-своему!” И начал поворачивать во все стороны. Слепой во всю глотку закричал: “Батюшки, грабят! караул, караул!” Побоялся мужик беды нажить, бросил слепого. “Лучше, – думает про себя, – от греха уйти; а то неровен час – прибегут карательные, да еще в город поведут”. Отошед шагов с деся-

ток или больше, остановился на дороге и все глядит на нищего: жалко ведь своих трудовых денег! А тот слепой на двух костылях ходил, и оба костыля при нем лежали: один – с правого боку, другой – с левого. Разгорелось у мужика сердце, рад всякое зло ему сделать: “Постой же, хоть костыль унесу, да посмотрю, как-то ты домой поплетешься!” Вот подобрался потихонечку и унес один костыль. Слепой же встал и поплелся на одном костыле; следом за ним поплелся и мужик. Шли-шли; недалече от деревни, у самого-таки перелеска стоят две старых избушки. Подошел слепой к одной избушке, распоясался, снял с пояса ключ и отпер свою келью; только он отворил дверь настежь, – а мужик поскорей туда, забрался наперед его, сел на лавку и дух притаил: “Посмотрю, – думает, – что дальше будет?” Вот слепой вошел в избушку, наложил на дверь изнутри крючок, оборотился к переднему углу и помолился на святые иконы; опосля бросил кушак с шапкою на прилавок и полез под печку, – так и загремели сковородки и ухваты. Маленько погода, тащит оттудова бочонок; вытащил, поставил на стол и начал вытряхивать из мошны набранные деньги да в бочонок класть: у того бочонка сбоку горлышко было малое – так чтоб медному пятаку пролезть. Покидал туда деньги, а сам таково слово вымолвил: “Слава Богу! насилу пятьсот доровнял; да спасибо и тому молодцу, что полтинник дал: кабы не он под руку попался, еще дня три просидел бы на дороге”». Сказка оканчивается тем, что мужик взял эти пятьсот рублей себе да еще у другого старца нашел пятьсот рублей и ушел (*Афанасьев*. Сказки. Вып. 6. С. 130). Нищий старец, поселившись близ народа, вносил в жизнь одни раздоры, делался общественной болячкой. «Некий старец *просец*, – рассказывает Филиппов в “Истории Выговской пустыни”, – попрося пришед в Суземок, ходя по скитам,

милостыни прося, смиренным плачевным образом скитался по-сиротски и поселился в Пельяской скит, купи себе кельишко у некакой сироты, и ту водворяясь самовольно, а для его нищеты никто его сиротства ради не гонил вон. Но по Суземку хождаше, а овое и по волостям, прошая, и по кабакам скиташеся и вино пияше. А егда в Суземок приидет, являясь в Суземском согласи, а в мир исходя с мирскими соглашашеся, и после к себе и посестрию свою тут же приведе, и она с ним прошаше и кормяшеся: и начаше оного старца добром вон высылати. Он же не слушает никого; и его выгнали, и он за это подал на Суземок *донос*» (Филиппов. История Выговской пустыни. С. 426). В этих последних личностях, воссозданных народом в сказках, калики-слепцы переходят уже в обыкновенных нищих. Но обратимся еще раз к каликам. Говоря о народных певцах и о каликах, мы не имели ни малейшего намерения проследить историю народного певца; такая задача не по силам нашим. Мы ничего не сказали ни об индивидуальных отличиях народных певцов по племенам, ни об отличии княжеских певцов от народных; мы не указали на то, о чем именно пели певцы у различных племен и в различные периоды истории. Наконец, мы не видели различия певцов по характеру их быта, например, что школы, где воспитывались калики перехожие, очень мало имели общего с средневековыми школами духовных певцов из сирот, о чем говорится у Дюканжа под словом *cantores*, и что те и другие школы совершенно не были похожи на украинские школы кобзарей. Но если бы и захотели мы проследить все эти и подобные им вопросы, то должны были бы отказаться, за недостатком сведений и материалов. История русского народа – *terra incognita*, древний быт славян – тоже, некоторые славянские племена, как, например, болгар, мы знаем только по имени, – и при

таким положении науки многого не сделаешь. Поэтому в нашем труде мы ограничились указанием самых простых фактов. Мы указали, например, что народные певцы проходят с народом через всю его историю, и там, где они сохранили свое народное значение, там цела, чиста и свежа самая народность и светла ее будущность. Там только могут совершаться такие явления, что народный kobзарь, как Шевченко, в одно и то же время и полный представитель народа, и вождь его на пути добра, и лучший поэт просвещенного общества. Но там, где народные певцы изменили народному духу, вместе с певцами искалечиваются и общество, и народ. Тут уж великое счастье, если явится и Кольцов, оплакивающий свою печальную участь, и известный поэтом только на городских площадях, но совершенно чуждый народу. Не слыша песней, трогающих сердце и пробуждающих дух, народ опускается ниже и ниже. Так, известно, что русский народ вообще враг нищенства и побирушества, что это вообще здоровый, честный и гордый народ, но зато – в частности – в Украине очень редкий решится нищенствовать, а в Великороссии во многих местах нищенство обращается в привычку, в болезнь. В деревнях и селах около матушки-Москвы ни один, кажется, мужик не откажется выманить Христа ради гривенник. В Кунцове летом по воскресеньям мальчишки и девчонки, дети зажиточных мужиков, ходят толпами и не стыдятся собирать по копейкам. Не лучше и самое общество. Есть множество таких диких господ, которые потешаются на дачах деревенскими ребятами, собирая их и заставляя за копейку ходить на голове, купаться в одежде, драться, бегать и т. п. Обращаясь к русскому нищенству, преимущественно великорусскому, мы увидим, что если непривлекательно положение народа, то положение общества еще хуже.

III

Нищий по древнерусским понятиям. Происхождение нищих. Разные роды нищих. Нищие как орудие для спасения. Смысл древнерусского благочестия. Милостыня и совершенное отсутствие милосердия. Нищие богаделенные, кладбищенские, дворцовые, дворовые, патриаршие, соборные, монастырские, церковные, гулящие, леженки

Переходя от «лазарей» к нищим, мы должны прежде всего объяснить слово «нищий». Древние святые люди, отрекшись от богатств сего мира, запирались в монастырях и делались нищими, а на этом основании в Древней Руси все наше благочестивое духовенство и монашество, как истинные наследники древнего благочестия, считались за нищих и в самом деле жили милостыней доброхотных дателей. До сих пор еще у часовни Иверской Божией Матери стоят ряды монахинь и монахов, кто с книжкой, завернутой в пелену, кто с тарелкой. Точно то же, что и в Древней Руси: «с пеленами на сооружение просят», – говорит «Стоглав». Во всякой монашеской келье вы найдете известную лубочную картину, изображающую монаха, распятого на кресте, и испещренную различными символическими объяснениями, и, между прочим, ноги монаха прикованы к камени с надписью «нищета». За этим естественным положением человека, усвоившего себе идею отречения от мира, следовали все праздношатающиеся, которые занимались *нищенским подвигоположничеством*.

К ним принадлежали *вольные нищие, отрекающиеся от своей собственности и в Бога богатеющие, неся крест смирения и терпения* (Снегирев¹). Было много таких, которые, «раздав имение родителей своих нищим», нищали («Памятники», изданные Костомаровым. Вып. I.

¹ «Московские нищие», сочинение И. Снегирева // «Московские полицейские ведомости».

С. 263), подобно блаженной Ульянии, которая, «милостыню безмерну творя, ревнуя прежним женам», сама обнищала (Там же. Вып. I. С. 215). В рукописях Румянцевского музея (№ 437) находится слово: «О некоем милостивом человеке, како продаде себе Христа ради и в милостыню отдаде». Наконец, идут настоящие нищие. Это – неимущие, захребетники, бобыли, беглые, погорелые, ослепшие, спившиеся; идут они перед нами, и масса их постоянно увеличивается от отсутствия в жизни всяких человеколюбивых начал, от постоянных разгромов, пожаров, ежегодно истреблявших целые города, моровых поветрий, голодных времен, рабства и пр. и пр. Костомаров говорит: «Все обстоятельства тогдашней жизни так слагались, чтобы плодить нищую братию: их плодили и воеводы, и дьяки, и приказчики, и помещики, и ратные люди, и татары. Как набежит нагайская орда из степи да пожжет хлеб на полях, а в селениях избы, – жители, успев спастись от татарского аркана в болотах и лесах и очутившись без крова и без хлеба, расходились по Руси просить милостыни» («Архив» Калачова. Кн. 4. III. С. 35). Злочастье своей жизни так описывал русский народ:

И за то¹ Господь Бог на них прогневался:
Положил их в напасти великия,
Попустил на них скорби великия
И срамныя позоры немерныя,
Безживотие злое, сопостатные находы,
Злую, непомерную наготу и босоту
И бесконечную нищету,
И недостатки последние...

(«Горе-злочастье». Памятники, изданные Костомаровым. Вып. I. С. 1. Ср. «Современник». 1860. № 9. С. 263 – о корках хлеба, покупаемых теперь народом у нищих).

¹ То есть за грехи русского народа, – так учили в матушке древней Руси.

В огрубелой массе нищих вырабатывались жестокие натуры, личности дикие и злобные. Возвысившись над своими собратиями, они делались атаманами, старостами, начальниками и давали нищенству дальнейшее развитие. На свете постоянно жило много таких благочестивых, которые для спасения своего чувствовали нужду в нищих, и вот, вследствие этого запроса на нищих явилось и производство их. Атаманы нищих собирали детей. Одни из этих детей были несчастными порождениями бедности и разврата, другие – краденные у матери, третьи – сманенные нищими или отданные им на воспитание. «Вот они видят ребенка на завалинке, выпрашивающего мирское подаяние, – ребенка, обезображенного в утробе матери, оборванного, грязного, возбуждающего и жалость, и отвращение; того только и нужно хитрому старику или старухе: ребенка сманивают, уносят силой или выпрашивают у бедных родителей, у вдовы-матери, обремененной семейством. Обливаясь слезами или обрадовавшись случаю избавиться от выродка, она сама отдает его добрым людям на попечение, причитает над ним, как над покойником, но успокаивает свою совесть тем, что благо (мол) его кормят, а (может быть) и святой будет, за нас грешных молить станет!» (*Бочечкаров*. «О воспитании нищих» // «Архив» Калачова. Кн. 3. V. С. 52). Нищие за наем взятых ими детей платили по 80 копеек ассигнациями и по рублю в день, а за уродливых – и по 2 рубля («Чтения Общества истории и древностей». 1861. Кн. I). Можно представить после этого сумму, которую ежедневно добывали нищие! Несчастные дети, вырастая на морозе, в голоде и в вечных побоях, скоро привыкают к своему быту. Девочка едва начала говорить, а уж повторяет известные формулы просьбы: «будьте отцы милостивы», «сотворите святую милостыньку», «помина-

ючи родителей во Царствии Небесном»; или: «подайты копеечку, подайты Христа ради»... И проходят мимо них миллионы благочестивых, подающих им копеечки, и вырастают они, и производят новые поколения нищих.

Вся эта лестница нищей братии поддерживается известным учением, которое отвергнуто духовным регламентом. Подачей милостыни выражалось у древнерусского человека чувство милосердия и сострадания. Если б не было нищих, благочестивый человек не мог бы утешить своей совестью: подать нищему значило проложить себе путь к прощению от Бога («Архив» Калачова. Кн. 4. III. С. 35). А потому и говорили, что «в рай входят святой милостыней» (Летопись русской литературы. Ч. 2. С. XXIII), говорили, что

Нищий богатым питается.

А богатый нищего молитвой спасается.

(Румянцевский музей. № 365)

Поэтому же нищие считались *красой церковной, Христовой братией, церковными людьми, богомольцами за мир*, как говорит г. Снегирев, прибавляя при этом, что самое богатство церковное, по правилам св. апостолов, было (?) богатством убогих (Снегирев. «Московские нищие» в «Московских полицейских ведомостях»). Написано было об этом много «слов» и «поучений». Так, например, в рукописях Румянцевского музея находятся: поучение некоего отца духовного – «как подобает милостыню творити» (№ 182, по рукописи XVI века); «о управлении души и о рассмотрении милостыни» (№ 359, по рукописи XVI века); «начало пути жизненному, еже поучатися Божественному Писанию и жити в нищете» (№ 361, по рукописи XVI века). Старец Павел Высокий оставил *слово* ко всему миру: «О холодности

к нищим», начинающееся так: «Почто затворяете врата от нищих?» Слово, как увидим, относилось прямо к народу (рукопись XIV века – обзор духовной литературы). Один, например, так поучал в XV веке: «Милостыня дерзновение имеет ко Владыце невозбранно о душах грешных и от уз тяжких разрешает, к Богу на небеса возводит: творяй бо милостыню, той друг Божий наречется и в страшный он грозный день великаго Божия неумолимаго суда Христа умилоstitит и добре свободит душу от вечных мук» (Снегирев. Там же.). Живет человек долгое время, а все грабит, да распутствует, да пьет, да ест, как вдруг приходит смерть. И боится человек умереть без покаяния, боится Страшного Суда Божия и так молит смерть, обещая ей загладить свои грехи разными *добрыми делами*:

Я поеду в дом свой, побываю,
И много у меня в дому житья-бытья,
Много злата и серебра:
Я расточу свою казну
По церквам, по монастырям
И по нищее братие.
Хочу своей душе пользы получитьи
На втором суду, по прошествии.
(Сборник русских духовных стихов. С. 129)

Поработать своему спасению значило раздать нищим имение. Стих «О Михаиле Архангеле» начинается так:

Еще знал бы человек житие веку себе,
Своей бы силы поработал,
Разное свое житье-бытье бы пораздовал,
На нишую на братию на убогую.
(Там же. С. 137)

В стихе о спасении души говорится:

Да тихомирная милостыня
Введет в Царство Небесное,
В житье вековечное.

(Там же. С. 158)

Такова была общая норма спасения! Кроме того, сильным побуждением к пропитанию нищих была милостыня в виде эпитимии, налагаемой духовным отцом на кающихся грешников, потом поминовения усопших в третины, девятины, полусорочины, сорочины и годовщины, которые точнее и неупустительнее соблюдались в старину, чем ныне. И вот вам картина древнерусских поминок, созданная Костомаровым в его повести из времен XVII века «Сын». Христовы слова «нищие всегда имате» запечатлелись над всей историей России. Казалось, откуда бы взяться такому обилию нищих в стране, такой девственной и мало населенной? А между тем, где только отправлялось поминовение по усопшем, являлось их чрезвычайное множество. Как вороны на добычу, стекались они на эти грустные пиры. Когда хозяин, священники и причет проходили из церкви в дом с кутьей, нищая братия *поднимала* нестройный вой и плач, смешение всевозможнейших звуков. Иные просили милостыни, затягивая самым плачевным напевом: «Побейте меня да покормите! Руки-ноги поломайте да милостыньки Христовой подайте!» Женщины заводили всеми родами пискливых дискантов, в которых нельзя было разобрать ни одного слова, а так называемые божии старцы, полунищие, полумонахи, обрекавшие себя, как они говорили, на странническое житие, не просили, а пели нравоучительные стихи о кратковременности человеческой жизни и о превосходстве монастырского жития пред мирским (С. 35).

Благочестие, вызывавшее милостыню, было сильно, но оно далеко не достигало своей цели – оно замерло при самом своем начале. При полном отсутствии в жизни нравственных начал, как мы уже заметили, дела милосердия и любви остановились на одной форменной стороне милостыни, на признании только одного акта милостыни, и отсюда произошла так называемая *копеечная подача*, которая, в свою очередь, выработала себе новую форму *сороковой милостыни*. Верование в число 40 есть остаток древних мифов, удержавшийся в жизни под другим смыслом. В «Повести о Щиле» (по рукописи XIV века в «Памятниках», изданных *Костомаровым*, № 2) архиепископ Иван велит сыну Щила молиться за погибшего отца: «и повеле на 40 дней у 40 церквей сорокоусты дати священником с причетниками *довольно*, да поют в те дни по 40 панихид и литургии неизменно, а в ту 40 дний милостыню беспрестанно творить», и продолжать это до тех пор, пока отец Щила совсем выйдет из ада. «И, в самом деле, прежде Щилова голова высунулась из ада, потом он сам до пояса, а потом и весь вышел». Во время беременности, говорит Авдеева, когда женщина не имеет аппетита, берут у нищих 40 милостынь, т. е. 40 кусков хлеба, и она ест их («Записки о старом и новом быте»). Движимые благочестием богомолки ходят по монастырям и подают милостыню. Что же они делают? Они покупают связку крошечных баранок (величиною в полкопейки), которые *нарочно* для сего пекутся, и продаются связками по 40 штук, и разделяют их на каждого нищего по одной бараночке, что называется сороковой милостыней, имеющей особенное свойство спасать душу. Таким образом, из обширного развития древнерусской милостыни не вышло ничего, кроме копеечной милостыни и множества нищих, ничего, кроме легкой возможности старой девке замолить грехи своей

молодости, купцу прикрыть во зле нажитое богатство, подъячему успокоить свою нечистую совесть, и все это за поданную ими копеечку, как будто этим они сделали какое-нибудь доброе дело. Смысл благотворительности, а следовательно и размер ее идут параллельно с народным развитием. У нас народу дают копейку, чтобы он не умер с голоду, а в древних Афинах бедным платили деньги, чтоб они могли наслаждаться театральными представлениями. Что, кажется, хуже римской черни, но и это была классическая чернь, требовавшая, кроме рапем, еще *circenses* (хлеба и игр). Милостыня, обращаясь в пустую форму помощи, в дело лицемерия и освящаясь в этом виде привычкой и потворством, вытесняла из народного сознания настоящее понятие о благотворительности, уничтожала в зародыше малейший порыв к доброму делу. «Гибнут, – говорит г. Курбановский, – целые семейства от неимения средств выйти из случайной беды, а между тем щедрая благотворительность неразборчиво распространяется на зрячих слепых и хромым, способным бегать» («Современник». 1860. IX. С. 260). И из этой древнерусской бесчувственности, породившей пословицу, что на Руси «никто с голоду не умирал», происходило и то, что плохо действовали многочисленные указы, направленные против нищих; что напш попечительные комитеты о нищих, составленные (по 427-й ст. Свода законов, т. XIV, о содержащихся под стражею, 33–38) из местных архиереев и начальников губерний, так мало приносили пользы. В 1854 году губернские и уездные комитеты 17 губерний доносили, что распоряжения о приведении в исполнение высочайшей воли касательно искоренения нищенства сделаны; но действий по сему предмету не было вследствие непредставления полициями нищих, хотя таковые и имеются в городах. На этом основании в 1855 году из 63 губернских ко-

митетов, кроме столичных, действовали только 12, из 360 уездных – 7! (Там же).

Эти-то спасающие грешников нищие разделялись на *богаделенных, кладбищенских, дворцовых, дворовых, патриарших, соборных, монастырских, церковных, гулящих и леженок*. Нищие, имевшие пристанище в избушках, назывались богаделенными. «Они, – говорит Снегирев, – имели ночлег и пристанище в укромных избушках, кельях и клетях, кои рассеяны были по улицам, переулкам в Кремле и Китае, Белом и Земляном городах, при церквях, часовнях и монастырях». Каменные богадельни стали строить со времен Елисаветы Петровны. Множество богаделен, упоминаемых в XVII веке, никакой не приносили пользы для призрения бедных. Если кому и удавалось жить там и получать содержание, то это были случайные люди, дармоеды. Царь Иван Васильевич Грозный восстал против них на Стоглавом соборе и велел всех их повыгнать из богаделен. Все же остальные, находившие в богадельнях кров, были обыкновенными нищими, которые только назывались богадельными. До сих пор существуют богадельни при кладбищах; живут там нищие старухи, и всякий раз, когда кого-нибудь хоронят, богаделенки не дадут спокойно зарыть могилу и требуют милостыни. При царском дворце, в Кремле, существовали нищие под именем *богомольцев верховых*, которые от царя получали не только пищу, но даже и жалованье, и *форменную одежду*. Они дожили до Петра и раз просили у него *кормов и жалованья, какие они получали при его родителях* (Снегирев). Ко дворам, где хранились царские запасы, также приписаны были нищие, и были чем-то вроде служащих. Таковы были нищие *Аптекарского двора* (Записки Отделения русской и славянской археологии. Архив. II. С. 71). Были нищие, жившие при соборах, по свидетельству г. Снегирева, *вроде*

штатных. «Так, сидевшие при Успенском соборе убогие и калеки именовались успенскими», другие – архангельскими, васильевскими (Василия Блаженного) и чудовскими. «Успенских нищих было 12, вероятно, по числу 12 апостолов» (Снегирев. Там же. С. 25). Были, вероятно, нищие и при областных соборах, как видно из писцовых книг города Муром 1637 года: «В осыпи ж позади церкви Николы, что за Хлебным рядом, место дворовое соборного протопопа Федора, а ныне на том месте двор соборного пономаря Васьки Тимофеева да четыре кельи, а в них живут нищие, *платят* соборному протопопу Федору с братиею на год с кельи по гривне, итого 12 алтын, 2 денги» («Владимирские губернские ведомости». 1853. № 45). Известны патриаршие богадельни, называвшиеся *домовыми* или *келейными*. Для содержания патриарших нищих собирались пошрины с церковей, по 3 алтына с каждой, и пошрины собирали десятники, недельщики, наместники. При монастырях состояли целые слободы нищих, как, например, при Новгородско-Хутынском и Троице-Сергиевом (История российских иерархов. С. 2). *Для монастырских нищих выдавались от царей руги и милостыни* (Собор 1557 г.). В писцовых книгах города Муром значится: в городе четыре двора монастырских, «а в тех дворах 63 человека дворников – бродячих людей, тягла не тянут и никаких податей не делают, а люди бедные, *бродящие*, кормятся своей работой, а иные питаются Христовым именем» («Владимирские губернские ведомости». 1853. № 44). То же было и при церквях. Около каждой церкви была одна или несколько изб, где жили *церковные* нищие. Несчетное количество церковных нищих наполняло северную часть Новгородской области. Вслед за ханжами и раскольниками тянулись туда из Московского царства и толпы нищих, и там, в глуши и в неведомых заозерных пространствах, напол-

ненных церквами и монастырями, они селились целыми слободами. Вот несколько мест из новгородских писцовых книг XVI века: «Обонежской пятины, погост Имоченитской на Ояти а на погосте церкви... да 10 келей, а в них живут 12 братьев чернцов, да 5 келей, а в них живут нищие бельцы, старицы» (Неволин. О пятинах Новгородских. VI). «На Рождественском погосте 11 келей, а в них 14 стариц, да 15 келей, а в них живут нищие старцы и старицы» (Там же. С. 173). «Погост Покровский – на Вытегре за Онегом, а на погосте 20 келей, живут в них старцы» (Там же. С. 175) и т. д. По другим писцовым книгам видно, что в 1674 году «на Белоозере и на посаде посадских же людей старых и увечных, и которые бродят в мире – 112 дворов, а людей в них живут 189 человек» (Акты юридич. С. 256). В Муроме, например, в 1637 г. считалось «47 келей черных старцов и стариц, да 8 келей нищих, да на монастырских же церковных землях 104 дворишков бобыльских» («Владимирские губернские ведомости». 1853. № 49). Число нищих, живших при московских и новгородских церквах, было громадно. О церковных нищих до нас дошли два распоряжения. Судебником царя Ивана Васильевича (§ 91) велено было нищих от церкви удалять: «на монастырях быти нищим, которые питаются от церкви Божией», а патриарх Иоаким в 1678 году велел сломать нищенские избы, стоявшие по улицам, а нищим приказал жить у церквей, *где пристойно* (Литературный вечер. М., 1844. С. 21).

Наконец, калики и леженки, свидетельствует г. Снегирев, имели днем постоянное пребывание на мостах: Старом Каменном (Троицком), на Никольском, Спасском и Куретном, потом на Всесвятском, или Берсеневском, у Троицкого подворья в Кремле и на Варварском крестце, также на других крестцах. Там было сборное место нищих из разных сословий; там сходились удрученные

бедностью, старостью или недугами певцы Лазаря, по большей части слепые, жалобным, заунывным голосом испрашивавшие себе подаяние; там же выставлялись гробы для сбора в них милостыни, а божедомы вывозили из убогого дома в тележке подкидышей.

IV

История нищенства в России. Княжеские нищие. Благотворительность царей и цариц. Иоанн Грозный и его «Стоглав», не имевший никаких последствий. Нищие до Петра. Петр запрещает нищих и милостыню. Меры правительства для искоренения нищенства. Они вызывают или оппозицию, или безучастие. Монастыри, владеющие миллионом душ. Нищие после 12-го года

Все дошедшие до нас памятники доисторической жизни славян свидетельствуют, что в то время нищих не было, да и неоткуда было им взяться; народ жил замкнутыми родами, а земля была велика и обильна. Но при Владимире уже упоминается о баснословном числе нищих, а при Ярославе они получают юридическое положение в обществе, делаются *людьми церковными*. Как установилось тогда понятие о нищих, мы можем видеть из следующих летописных указаний. В 1113 году вдова Святополкова разделяет богатство свое «в монастыри, попам и убогим, яко дивитися всем человеком». В 1154 году Ростислав раздает монастырям, церквам и нищим порты, золото и серебро. В 1187 году Ярослав Галицкий раздает все имение монастырям и нищим. В 1194 году Святослав Всеволодович нищих милует. В 1195 году «Давыд, позва манастыре все на обед, был с ними весел, милостыню сильну раздава им и нищим, и отпусти я». Сплетая похвалы князьям,

книжники и грамотники не думали отыскивать в них каких-либо гражданских или военных добродетелей; они пели на все голоса об одном княжеском нищелюбии. Про Владимира говорили, что он роздал однажды нищим 300 гривен. Если то была новгородская гривна, то выходит, согласно Погодину, что он роздал 3000 рублей, а если киевская, то 2000 рублей серебром; сколько же было тогда нищих и откуда это они вдруг могли явиться, словно налетевшая на землю саранча?..

Много хвалят в 1212 году Всеволода Юрьевича и плачутся по нем как по *кормилице нищих*. Про одного князя говорят, что он «кормитель бяшетъ чернцом, чернецам и убогим и всякому чину, яко возлюбленный отец бяшетъ, паче милостынею бяше милостив», а про другого, что он утешал нищих (Полное собрание русских летописей. Т. II. С. 221, 390). Не будем снова повторять все эти похвалы, продолжающиеся от XII до XVIII века, а лучше обратим внимание на самый характер столь похвальной благодетельности. Русские цари перед наступлением Великого поста, на сырной неделе, раздавали обильную милостыню, а потом ездили по монастырям прощаться со старцами и оделяли их милостыней, а про царицу говорили, что она *ходила* (Забелин в «Московитянине». 1850. Кн. 5). Цари и царицы часто делали *походы* по монастырям; по дорогам, где ехал царский поезд, собранный с чисто азиатской роскошью (Котошихин, Забелин), выходили нищие и ложились, и подавалась *проезжая* милостыня нищим, леженкам, дряхлым старцам и всяким убогим и бедным людям. Из исследования Забелина «Троицкие походы» мы приведем несколько цифр, которые укажут читателю на размер и смысл царской милостыни. «В 1636 году, сентября 21, как царица Евдокия Лукьяновна пошла из Москвы в троицкий осенний объезд, и по ее государынину приказу на Москве и по дорогам

нищим и всяким бедным людям роздано на милостыню *рубль двенадцать алтын*. Того же дня государыня пришла в село Тонинское, и по ее государынину приказу села Пушкина *попу рубль* – подносил с попадьёю блинки. Октября 2, в Юрьеве-Польском, как государыня ходила молиться в собор, и за их государское здоровье нищим и всяким бедным людям милостыни 2 руб. 30 алтын. Октября 8, как государыня пошла из Александровы слободы и, идучи дорогою, пожаловала разных сел попом четверем человекам, да дьячку милостыни *рубль*, да черному старцу-пустыннику, да уродливому по 8 алтын по 2 деньги человеку, да нищим по рукам 18 алтын». Ко времени царского приезда в монастырь стекалось туда множество нищих, и нищим и монастырской братии цари раздавали щедрую милостыню. Несмотря на богатства Троице-Сергиевой лавры в XVII веке, цари и царицы в частые посещения Лавры удовлетворяли игумена с братиею милостынею и кормом (Троицкие походы. С. 5). В 1772 г., 15 генваря, в Саввине монастыре роздано: на молебен 30 рублей, в придел Саввы-чудотворца 10 рублей, ручные милостыни архимандриту да келарю 3 рубля, казначею да больничному строителю по 2 рубля, соборным старцам – двум человекам – 1½ рубля, 20 священникам по 40 алтын, 30 дьяконам по 30 алтын, гробовому ризничему, уставщику, головщикам – двум человекам – по 40 алтын, конархистам, крылошанам, пономарям, просвирному по 20 алтын по 4 денги, большим служебникам 14 человекам по 40 алтын, сенадищику 23 алтына, рядовой братии 63 человекам, больничным 37 – по 20 алтын, трем конархистам по 10 алтын, келейникам у архимандрита, и у келаря, и у казначея, и у больничной братии – 7 человекам по 2 гривны, пришлым старцам и потом дьячкам вдовым по гривне, *нищим и стрелецким женам на раздачу архимандриту 5 рублей*.

Разные были цели, с которыми подавалась в монастырь милостыня. Подавали ее для поминовения родителей, для того, чтоб молились о новорожденных и о больных; подавали ее и потому, что монахи просили о ней. В 1399 году чернец Белозерского монастыря Кирилл так писал великому князю: «Кирилл чернечище, грешный и непотребный с своею братицею, просит милостыни... а милостынку бы есте после давали: понеже, господине, поститесь не можете, а молитесь также, ино в то место, господине, вам милостыня, вам недостаток исполнит». Царская милостыня в монастыри была какой-то государственной обязанностью, чем-то вроде жалованья, как видно из следующих слов Котошихина: «Попов, и дьяконов, и служебников соборных церквей, и иных кормят на царском дворе не по один день, а иным есть и пить дают в дома; да им же дают денги, чтоб они за их государское здоровье молили Бога, по 10 и по 5 рублей и меньше, а меньшее самое по полтине, смотря по церквам, как кому годовое царское жалованье идет. А в города посылают царские грамоты, соборных и иных церквей попом и дьяконом велят давать молебные денги, против московских вполы *из городских доходов*. Да с Москвы ж в города по манастырем посылаются столники, стряпчие, жилцы, с милостынею и с молебными денгами и кормить чернцов – и дают денги по 5 рублей, и по 4, и по 3, и по 2, и по рублю и по полтине и меньше чернцу, смотря по человеку, да по полотенцу и по 2 платка. А по веселии его царском, пойдет царь с царицею по московским монастырем, и молебствует, и кормят чернцов, и дают милостыню: архимандритом, и игуменом, и келарем по 20, и по 15, и по 10 рублей человеку» (*Котошихин*. Изд. 1859 г. С. 11). Упоминаемые Котошихиным *кормления попов и диаконов* – это были так называемые *столы*. Эти столы, остаток древних

родовых обычаев угощать по праздникам своих ближних, неимущих, принадлежащих к роду, и пришельцев (странников), впоследствии устраивали с чисто религиозными целями. Столы бывали в больших монастырях и у патриархов. Так, при патриархе ежегодно учреждаемо было девять столов: «...семь во всю Светлую седмицу, осьмый в праздник успения Богоматери и девятый на Сырной неделе, на память святейших патриархов. Крупицами от сих трапез кормили убогих» (Литературный вечер. М., 1844. С. 26). Столы эти указом 1729 года уменьшены до трех, а теперь бывает только один в день Успения Богородицы, к которому в крестовую палату приглашаются все высшие военные и гражданские чины, а нищие уж более не приглашаются. Наконец, часто бывали царские столы для бояр и духовенства; к столам приглашались нищие и убогие. Так, в 1678 году у патриарха кормлено было нищих 2500 человек.

Во время свадеб, великих праздников и в поминальные дни царские покои наполнялись толпами нищих, обедавших за особыми столами. Особенно щедры были на эти угощения царица и царевны, жившие по «*Домострою*» попа Сильвестра, учившего: «нищих, и мало-можных, и скорбных, и странных пришельцев призывай в дом свой и, *по силе*, накорми и напои». Мы уже видели, что, по народным преданиям, жена князя Владимира угощала нищих заморскими винами; в ее покоях нищие *пили, ели, «потешались»*. То же самое и в XVII веке. У Марфы Матвеевны, например, на поминках по царе Федоре Алексеевиче в пять дней кормились 300 нищих, и каждому из них дано по чарке вина двойного и по кружке меда. У Прасковьи Феодоровны по царе Иване Алексеевиче кормились тоже 300 человек в 5 дней. У Татьяны Михайловны в 9 дней – 220 человек. У Евдокии Алексеевны, с сестрами, в 7 дней – 350. Мало было царицам

угостить нищих, им еще нужны были беседы с нищими, богоугодные с ними разговоры. В 1665 году, в неделю жен-мироносиц, в теремных покоях царя кормлено было 60 нищих. Вот накормили и напоили их, роздали им денег и отпустили бы их. Нет! нищая братия из покоев царя *взята* была в царицыны хоромы, где им роздано было еще семь рублей. В XVII веке нищие, юродивые и тому подобные люди поедали и выпивали большую часть царских запасов, а запасы эти были велики. Так, например, по свидетельству Туманского, «царице Марфе Матвеевне для тезоименитства ее было отпущено вина 20 ведер, 7 кружек, 8 чарок, да к святому патриарху романеи, бастра, нерского, всего четыре кружки с полкружкой». Если же царицы удалялись в монастырь, то и туда к ним собирались нищие, и туда отпускалось им такое же количество вина, как и в мире. «Иноке Сусанне (Софье) отпускалось по ведру пива приказного и пива мартовского, два ведра пива приказного хмельного и легкого, четыре бочки полубеременных ренского, бочка церковного, всего же 75 ведер, а кроме того: водки коричневой, анисовой и пр...» И вот, вследствие такого-то кормления и такого *выхования*, по выражению одного сборника XVI века, нищие откармливались и размножались. Воровство и грабеж, свидетельствует Флетчер, были часты от множества бродяг и нищих, которые, неотступно требуя милостыни, говорили всякому встречному: «Дай мне или убей меня!»

Обители, говорят отцы Стоглавого собора, богатые землями и доходами, не стыдятся требовать милостыни от государя: впредь да не стужают ему! И вот, по словам «Стоглава», чернцы и черницы, бабы и девки, мужи и женки, лживые пророки, волосатые и с бритыми макушками (гуменцо), то в рублище, то босые в одних рубашках, то совсем нагие; одержимые бесами и блажен-

ные, святоши и окаянные; лишенные разума, прокураты и целые строи калик и лазарей ходят, ползают, лежат, гремят веригами, трясутся, скитаются по улицам, и по селам, и по деревням, и в волостях. Одни собирают на церкви, другие пророчествуют об антихристе; эти поют стихи, а те показывают раны; все же они *«не Бога ради скитаются, свою волю делают»*. Ими наполнены княжеские и царские терема, торги, площади и крестцы; ими набиты все церкви, а церковей много. Во время служб, по словам патриарха Иоасафа, по церкви бегают шпыни человек по десяти и больше, с пеленами на блюдах, собирают на церковь, являются малоумными, в церкви смута, брань, драка, писк и визг, драка до крови и лай смрадный, ибо многие приносят в церковь палки с наконечниками... Всю эту картину видел Грозный. Она мучила его доброе и честное сердце, она раздражала его не меньше боярских козней. И вот благочестивый царь, возмущенный положением своего государства, сзывает собор святителей и, нарисовав пред изумленными глазами их картину окружающей их нищеты, просит у них содействия, грозит им Божиим судом. Он говорит: «Милостыня и корм головой, хлеб и соль, и деньги, и одежда, по богадельным, по избам, *по всем городам* даются из нашея казны, и христолюбцы милостыню дают же; а нищие, и клосные, и гнилые, и престарелые, в убожестве глад, и мраз, и зной, и наготу, и всякую скорбь терпят, не имеют где главы приклонити, по миру скитаются, везде их гнушаются (?), от глада и мраза в недозоре умирают, и без управы, и без покаяния, и без причастия, никем *не брегомы*. И о тех, что промыслите? Православным царем и князем и святителем достоин о них промыслити». Собор святителей на это отвечает, что *надо* всех нищих и больных *описать по всем градам*, что *надо* в коемждо граде *строить богадельни, а*

боголюбцы милостыню и вся потребная им принесут ради своего спасения (Стоглав. Гл. V, LXXII).

Голод при Борисе Годунове производит новые ряды нищих: «в то бо время без числа нищих бе» («Памятники», изданные *Костомаровым*. Вып. I. С. 5). Нищими занимается Собор 1681 года. Царь Феодор Алексеевич в указе 1682 года говорит, что по улицам бродят и лежат нищие; притворные воры, прося под окнами милостыни, подмечают, кто и как живет, чтоб после обокрасть; малых ребят с улиц крадут, и руки и ноги им ломают, и на улицы их кладут, чтоб люди, на них смотря, умилилися и больше им милостыни давали; сидят обезображенные болезнями, так что чреватые жоны их пугаются; великое число детей по улицам бродит, и ничему их не учат. Царь повелел, между прочим, нищих детей учить наукам и мастерствам («Царствование Феодора Алексеевича», сочинение Верха. Приложения. С. 86–100). Приближался XVIII век.

Первое сомнение во святости нищих, первые положительны́е меры против них принадлежат XVIII веку. В этот век является борьба государственного начала с нищенским, и совершается она в одно время во Франции и России. Но Петр, бывший у нас проводником этого нового движения, был в то время и сыном Древней Руси, а потому и меры, употребленные им против нищих, были отчасти круты и жестоки. Древнерусское общество, заступаясь за нищих, восстало против Петра, но не за жестокие его меры – они были в духе Древней Руси, а за неверие в нищих. «Неверие! – кричит один: кто теперь милостыню любви ради ко Христу подает неоскудно, про того говорят: не знает, куда имение свое употреблять, не к рукам досталось» (см. *Щапов*. Русский раскол старообрядства). В 1691 году велют забирать гулящих людей, которые, «подвязав руки, такожь

и ноги, а иные глаза завеса и зажмурия, и притворным лукавством просят на Христово имя», и рассылать их по месту жительства; а если они снова появятся, бить кнутом и ссылать в дальние сибирские города. Повторя этот указ в 1694 году, прибавляли: «безместных чернцов и черниц, попов и диаконов, чтобы они по улицам нигде не бродили и по кабакам не водились, приводить в Стрелецкий приказ» (Полное собрание законов. № 1489). Является неслыханная дотоле вещь: запрещают по улицам и в церквах подавать милостыню. Указ 25 февраля 1718 года велит неистовых монахов и нищих, которые являются на Москве и ходят по гостям, и по рядам, и по улицам, и сидят на перекрестках, и *жалованные* из богаделен: имая их, приводить в Монастырский приказ, а милостыни отнюдь им не подавать; а если кто похочет дать милостыню, то им отсылать ее в богадельню; а которые после этого будут подавать милостыню, то их также приводить в приказ и имать на них штраф: в первый раз по пяти, а в другой по десяти рублей, а для присмотру вышеупомянутых неистовых монахов и нищих и подавцев милостыни определить нарочных поимщиков. В том же году вышли указы: 25 мая – о нищих, 20 июня – № 3213 с замечанием, что нищих паки умножилось. Пойманных в первый раз, в последнем указе, велят бить батожем нещадно; буде в другой раз будут пойманы, бив на площади кнутом, посылать в каторжную работу, а баб – в шпингауз, а ребят – к мастерствам. Воеводам, по инструкции, данной им в 1719 году, поручено смотреть за гулящими и увечными людьми и иметь главный надзор за прядельными домами. Указом 1720 года подтверждено запрещение: по улицам и по церквам милостыни не просить и никому не давать. Староверы, без сомнения, недовольны были этим. Посошков о последнем указе отзывался, что

он «учинен не весьма здраво, и тем никогда не унять, да и невозможно унять, и то положение не без противности». Указом 1722 года велено имать штраф с тех, к кому нищие пристают (т. е. кто их держит). Новый взгляд на нищих развит с особенным вниманием в «Духовном регламенте», изданном Святейшим Синодом по повелению Петра Великого и остающимся во всей силе до настоящего времени. Восставая против бездельников, которые при полном здоровье по миру ходят бесстыдно, регламент говорит, между прочим, что «ленивии оные нахальники сочиняют некая безумная и душевредная пеня, и она с притворным стенанием пред народом поют, и простых невеж еще вящше обезумливают, приемля за то награждение себе. По дорогам где угодно грабят, разбивают, зажигатели суть, на шпионство от бунтовщиков наряжаются, самую власть зле обносят, в церковь входить не свое дело помышляют, только бы им пред церковию вопить непрестанно. Младенцем очи ослепляют, руки скорчивают, а иные члены развращают, чтоб были прямые нищие. Воистину нет беззаконнейшего чина людей». Регламент (уложение, которым доселе должна руководствоваться Церковь) уничтожает подачу милостыни по улицам и по церквам и велит обращать ее в монастырское управление и отсылать туда всех нищих; он в первый раз проводит в жизнь идею о благотворительности; идеей благотворительности руководится и правительство. Имея у себя в государстве 478 монастырей очень богатых, Петр думал при помощи милостынных денег завести при монастырях приюты, богадельни, школы, работные дома, прядильни и тем уничтожить нищих и насадить всеобщее довольство. Хотели привести в известность монастырские доходы, чтобы по расчету их можно было видеть, сколько нужно будет употребить на монахов и сколько можно

будет уделить на содержание училищ, а монастыри, надо заметить, имели тогда в своем владении до миллиона душ, кроме других недвижимых собственности. О заведении школ по монастырям думал еще царь Феодор Алексеевич (*Берх*. С. 94). И вот заведены были монастырские приюты; но монастыри, собирая подаяния, «нищих, увечных, инвалидных принимать к себе отказывались, *якобы за неимением праздных мест*; а потому эти несчастные, по утеснению от монастырских властей, снова принуждены были бродить по миру» (см. «Русский вестник». 1860. № 4). Из женских монастырей хотели сделать мастерские (шпингаузы) для женских работ, как-то: пряденья, шитья, тканья; выписаны были из-за границы (из Голландии) знающие этот порядок дел монахини, были собраны мастерицы и из русских. В 1722 году, сентября 7, прибыли в Княгинин Успенский монастырь мастерицы прядильного дела – Елена, Прасковья Козмины и Авдотья Андреева, а с ними присланы были и материалы: инструменты, гайки и щетки, льну чесального 12 золотников и сырцу 17 пудов. В продолжение года выучили они 12 монахинь: 6 прядилок и 6 чесальщиц («Архив» Калачова. 1859. IV). Но и эти прядильные мастерские с их гайками и щетками пошли туда же, куда и приюты, и от всех шпингаузов по монастырям остался один только Spinnhäuschen в Павловке, да и тот увеселительный. Синодский указ 14 августа 1731 года говорит, что паки нищих умножилось, а паче при церквах и в рядах, и, согласно доношению полицеймейстерской канцелярии и указа Сената 1731 года, мая 6, делает распоряжение «о недопущении священникам и прочим церковникам оных нищих просить при церквах милостыни, и о прилежном того смотреии». Но вот у г. Снегирева находится известие («Московские полицейские ведомости»), что указами 1731 года, авгу-

ста 14, и 1758 года, мая 25, согласно с древним правом убежища (*jus asyli*) не велено было брать и выводить нищих из дома Божия. Таких указов в Полном собрании законов мы не нашли, а потому и не знаем, откуда это взял Снегирев, что в конце прошлого века вновь появилось древнерусское *jus asyli*. Все распоряжения о нищих по-прежнему сопровождались рыканиями староверов. Чиновник берг-коллегии Аврамов, сосланный за фанатизм в Охотский острог, снова явился в 40-х годах, снова вооружился протестами за Древнюю Русь, и вот что он тогда предполагал сделать. «Паспортных листов, – говорил он, – многочисленно напечатав, разослать во все епархии ко архиереям и во все государство к приходским священникам. И егда в котором церковном приходе кто из дворовых всякого звания жителей объявит священнику желание свое к пострижению или ради Христа кто пожелает странствовать и милостынею питаться – и таковых в пострижение и на странствование желающих *обучать и наставлять по разуму закона Божия* и заповедей три месяца, и потом отпускать в таковой, Богом благословенный, спасающий божественный путь и всякого, благодаря Бога, радостию без задержания... От всея святые церкви о щедротах милостыни имеются узаконения, учения и повеления, а нигде о переборах и разборах, о бедных нищих людях, кто достоин милостыни, кто недостоин милостыни, кому давать милостыню, кому не давать милостыни, искони такового между православных христиан закону и учения нет и не бывало. А что приводят обучение апостольское, и оное обучение токмо принадлежит посполито на всех главнейших, и средних и меньших человек, в отвожде-ние всех от человеческой всякой лености, приводя в общее всех житие трудолюбное, всякому по своему званию. Ни мало же принадлежит оное апостольское обу-

чение в противность закону евангельскому о довольстве нищих – меньших братьев Христовых, наипаче же во оных самого Христа, для сущего ближайшего всех нас вечного спасения». Этих убеждений Авраамовых не могли поколебать ни ссылка, ни застенки; он снова говорил, и снова был судим, и снова терпел допросы и застенки (*Пекарский*. «Петербургская старина». Гл. 5. «Современник». 1860. X. С. 632). Опять идут указы о нищих, потом они прекращаются, но не прекращаются нищие, потому что нисколько не двигается народное просвещение. Вы слышали в эпитафии, что поет Иван Аксаков. Над новой Россией парит еще древнерусский противоисторический, противообщественный, враждебный народу дух, потворствующий нищенству, и нищие до сих пор сохраняют свой старинный характер.

После 12-го года, говорит Бочечкаров, Москва не вдруг отстроилась заново, а долго еще оставались целые пустыри, на которых жилья не было: там-то, в развалинах домов, был притон всякому непутному народу, в том числе и нищим. Мне рассказывали многие москвичи, что по ночам слышались из этих катакомб шум и гам страшные, доказывавшие, что нищенствующие артели, которым не для чего было отправляться на ночной промысл мазуриков, отдыхали от трудов лицемерия и наглости за веселым пиршеством («Архив» Калачова. III. V. С. 59). Многие помнят еще, как недавно на месте нынешнего Петровского парка, в ямах, где рыли глину, жили нищие, занимавшиеся самым безобразным развратом. А Макаров свидетельствует («Народные предания». М., 1840), что еще недавно не было той улицы, где бы ни стояли толпы нищих, что и теперь всякий может проверить своими собственными глазами, обойдя в воскресенье утром московские церкви.

V

О нищих в настоящее время. Московские нищие. Кладбища, рынки, церкви, часовня Иверской иконы Божией Матери, город как место нищенского промысла. Нищие в городских рядах. Разные роды их: нищие скоморохи, мошенники, подьячие, военные, духовные, толпы детей, барыни, бабы, нищие торговцы и промышленники. Общее понятие о нищих. С увеличением нищенства унижается и общество. Кто у нас благотворители? Купцы и купчихи, строящие монастыри. Благочестивые барыни и Шамиль

Нищих растил и воспитывал указанный нами древнерусский обычай, с виду такой благочестивый и патриархальный, а в сущности безжалостный и вредный. Древняя же Русь нигде так хорошо не сохранилась, как у купечества, а потому мы имеем право смотреть на него как на главного производителя нищих и нищенства. Это на первый раз кажется странным, но взгляните, и действительно так. Нищих плодит обычай вместо оказания какой-либо помощи подавать копеечку. Копеечная благотворительность обширна, и ею поддерживается громадное число нищих – этих несчастных существ, осужденных вечно получать копеечки, как ни велика была бы их бедность и как ни богат был бы человек, который им подает. С другой стороны, обычай подавать всякому, кто ни попросит копеечку, породил массу промышленников, людей, у которых нищенство есть верный доходный промысел, – и промысел этот так и переходит от одного поколения к другому. Чтоб лучше ознакомиться с этой стороной нищенства, войдемте в московский город, в московские городские ряды, старинный притон нищих. Ряды битком набиты нищими, которые с раннего утра до позднего вечера снуют там взад и вперед, не давая ни прохода, ни покоя ни покупателям, ни торговцам. Это

какая-то саранча, вылетающая ежедневно из разных дальних и ближних закоулков столицы и облипающая всякого встречного. Приступая к подробному обзору их, мы должны прежде всего отделить настоящих нищих от воров и промышленников. Истинные нищие набираются из разных людей, которые по старости и по болезням и по другим причинам не могут работать. Таковы многие старые солдаты, слепые, безрукие, уродцы, люди дряхлой старости, дети-сироты и пр. Они блуждают по церквям, по похоронам, по рядам, лавкам и магазинам, – блуждают, потеряв надежду приклонить когда-нибудь голову в богадельне или приюте, – эта роскошь не для них. Чтобы поступить в богадельню и т. п., надо иметь *случай*, потому что хотя и много богаделен в Москве и других городах, но право поступать туда дается не хромым, слепым, больным, а *случайным*. И вот случай часто падает на молодых, здоровых. Многие из них, поступив в богадельню, только считаются там, а сами проживают у знакомых и родных. Другие, поступив туда, томятся от скуки и при первом случае бегут вон, предпочитая нищенствовать. Иные же хотя и живут в богадельнях, но не перестают собирать милостыню, употребляя собранное или на водку, или же на свое содержание в богадельнях, которые дают им только квартиру да название *богаделенной, богаделенного*. Таковы все богадельни на кладбищах. Всякого покойника, привезенного на кладбище, сейчас же облепят кучи старух и здоровых баб и требуют подаяний. Дали мало – ругаются. Богадельни, где они живут, приносят хороший доход от отдачи внаймы комнат для похоронных обедов; богадельни эти часто каменные, двухэтажные, а богаделенки все-таки представляют оборванную, босую, покрытую рубищем, жалкую толпу, умоляющую о подаянии... Отчего это? Неужели этого никто не видит? Неужели и в этом находят что-либо бла-

гочестивое? Неужели нет ни одного истинно благочестивого человека, который бы вник в дело и дал бы этим богадельням порядочное устройство? А устроить их можно было бы отлично, потому что доходы кладбищенские громадны: сюда идет и высокая плата за могилы, за каждую от сотни рублей и до 1 рубля 50 копеек серебром; сюда идут деньги за право поставить камень, за право поставить решетку, за камни, за панихиды, поминки, упокойные обедни, за отдачу внаем для похоронных обедов богаделенных зал, за скошение отличной травы по могилам и на кладбищенских землях, за встречу священниками богатых покойников, – о богатых же вкладах на поминование и т. п. мы умалчиваем... Кому же все это идет, – неизвестно!

Но слава богу, если удастся кому-либо попасть и в кладбищенскую богадельню, – многие лишены и этого счастья. Вообще в богадельни попадают только те, за которых просят богатые барыни, у кого родственница какая-нибудь живет у богатой купчихи в няньках, за кого попросит батюшку какой-нибудь прихожанин. Больше же всего орудуют здесь барыни, известные своей неспособностью к чему-либо действительно полезному. Вот потому-то истинные нищие и блуждают по улицам, а дармоеды, способные работать, живут в богадельнях. Так, не очень давно в одной из московских богаделен был случай, что призреваемая вышла замуж за сторожа той богадельни, где ее призревали, и на свадьбе у них пили и плясали всю ночь пятьдесят человек.

И блуждают по городу толпы истинно неимущих, неспособных и непризренных – целая армия самых разнообразных бедняков, и тут же с ними под одним знаменем идут бесконечные толпы промышленников. Тут идут бабы с грудными детьми и с поленами вместо детей, идут погорелые, идут собирающие на некрута, идут *выпи-*

савшиеся из больницы, но наглее и нахальнее всех идут отставные чиновники и военные, красные от пьянства, в рубище, но часто с орденом в петличке или с пряжкой... Идут старухи, одни с горбами, другие с гробовыми крышками: они собирают *на похороны* (?), а за ними новые старухи собирают на приданое невестам. Тут идут мужики, просящие на угнанную лошадь, идут солдаты, собирающие на разбитое стекло в фонаре. Тут, растягиваясь в бесконечную черную вереницу, идут монахи и монахини, собирающие на построение обителей, бабы – на построение церквей, – и все они с кружками, с тарелками, с книгами, завернутыми в пелены, и т. п. Тут же идут странники и странницы, собирающие на дорогу ко Гробу Господню, к Соловецким, к Тихону Преподобному и пр. и пр. Но вот, держась друг за друга, бегут мальчики и девочки, бездомные сироты, выросшие на чердаках, на улицах, в подвалах, идут мальчики и девочки от пяти и шести лет и часто до пятнадцати и шестнадцати. Вот этим-то, в особенности, вы подайте по копеечке, – это ведь молодое поколение, носящее в себе семена будущего нищенства, подайте ж им по копеечке и поклонитесь, по обычаю благочестивых людей: они послужат спасением вашим детям, которые, в свою очередь, их детям подадут по копеечке... В этой массе нищих отстаивается вся наша грязь, не видная на поверхности жизни; здесь все злые соки, таящиеся в обществе, являются уже организирующими элементами; здесь поэтому вырабатываются самые представительные личности, и сюда, наконец, собирается все, чему в своекорыстном, тупеньком обществе не удалось найти ни цели, ни пути. Но независимо от общего уровня жизни, городские ряды представляют еще особый мир, с особенными людьми, с особенными понятиями и даже с особенными нищими. Для *города* главное дело, главная забота – это нищие, в них все – и

спасение, и кара Божия, и без них ничего. Поэтому из массы городских нищих должны были выдвинуться вперед такие личности, которые были бы представителями нравственных понятий города, которые раскрыли бы пред нами задушевный мир, – словом, должны были возникнуть нищие, писатели и художники как выражение городского духа, и они возникли. И в толпе нищих мы видим, во-первых, Ф.... Н.... Н....., московского мещанина, изобретателя вечного движения, – химика, производящего из капустных кочерыжек шампанское, и сочинителя книжки из *трех* страниц, с своеобразным заглавием: «Издание Ф. Н. Н.... изобретателя разных машин. М., 1861. В Тип. Серикова». Что это за человек, что за история его падения – мы не знаем, да и страшно иногда бывает заглянуть в такие истории. А может быть, эта история очень проста: скovyрнулся немного человек, и не жди, чтобы поддерживала тебя жизнь, чтоб ты нашел в ней какую-нибудь опору, – а иди прямо в нищие. Знаем про Ф.... Н.... одно, что, блуждая по рядам, он доставляет собой великое развлечение нашему именитому купечеству. Купцы потешаются им и за это кормят его, подавая ему копейчку или две. Мальчик, сегодня поступивший в лавку, завтра уже знает Ф.... Н....., нет никого в городе, кто бы его не знал, кто б не дразнил его какой-нибудь кличкой: бродяга, беспашпортный, проехавший верхом на кобыле и т. п. А один из таких шутников даже поместил объявление в «Полицейских ведомостях», что Ф.... Н....., отъезжая за границу, просит у фабрикантов поручений... За Ф.... Н.... тащится поэт-крестьянин С....., вечно пьяный и угощающий всех своими сочинениями. За ним идет лицо, называемое *Рассказ Петрович*; он собирает Христа ради и рассказывает при этом различные притчи, подделываясь, без сомнения, под гостинодворский дух. Любимое изречение его: «Жизнь

человеческая – сказка, гроб – коляска, ехать в ней не тряско». За ним плетется старик, называемый *Торцовым*. Забава над этим стариком состоит в следующем: он носит под мышкой палку, и эту палку у него постоянно отнимают, а он ругается, повторяя одно слово до десяти раз, и собравшаяся около него толпа довольна и смеется. Далее А..... И..... П..... Он прежде был приказчиком в одном из московских рядов, потом, волею Бахуса, поступил в хористы театра; спускаясь все ниже и ниже, он перешел в певческие хоры, но и это оказалось ему неудобным, и он сделался утехой и забавой городских рядов, где он за три копейки читает из «Аскольдовой могилы» и т. п. Раз он вздумал принять на себя образ странника, думая, что, мол, будет повыгоднее, но скоро оставил это и теперь по-прежнему служит рядским трубадуром. Он лет сорока, здоровый мужчина огромного роста, – его бы в лейб-гвардию! Остаток матушки Древней Руси и потом старинного барства – держать у себя для потехи юродивых и шутов – сохранился, между прочим, в городских рядах, где каждый ряд имеет своего собственного шута. Так, Ф..... Н..... принадлежит Ножевой линии; в нижнем Игольном ряду есть некий И..... С....., в Серебряном же – И..... К..... К ним должно отнести и здорового мужика, пребывающего в Гостином дворе, где он за две копейки лает собакой, кричит петухом, блеет, мычит и пр. И есть такие аматеры собачьего лая, которые приглашают этого мужика к себе на дом, для услаждения супружниц и домочадцев. Есть тут еще *слепой приказчик*, который, ходя по городу, кричит разными птичьими голосами. А то ходит тут еще какой-то идиот, кричащий павлином. Из этого простого перечисления разных лиц вы уже можете заметить, что страсть купцов к звериным голосам доходит до неистовства. Идет этот идиот, и кричат со всех сторон: «Прокричи павлинчиком! Прокричи пав-

линчиком!» Он кричит, и все выходят из-за прилавков и смеются, и смеются все проходящие. Получив несчастное подавание, идиот идет дальше. Вот остановился он и просит милостыни, а купец, подавая копейку, говорит ему на ухо: «Прими Христа ради, да поди покричи вон энтому над ухом павлинчиком». И тот, кому прокричали над ухом, – если случилось это под веселую руку, то также дает копеечку, иначе же выругает того, кто кричал, и того, кто научил. Но в итоге все довольны.

Но если одни нищие способны возбудить только веселие, то при приближении других веселье заменяется страхом. Из множества таких субъектов, возбуждающих страх и ужас, известнее всех мещанин С.... Это – детина лет тридцати пяти, в байковом зеленом халате и в студенческой фуражке, видом геркулес, и для суточной выпивки – он пьет день и ночь – нужно никак не менее штофа. Упившись, он идет на Ильинку, становится среди улицы нарочно в виду блюстителя благочиния, поднимает кверху кулаки и начинает петь: «Яко благ, яко наг, яко нет ничего», и сейчас же переходит в веселую: «Я – цыган-удалец». Или рассказывает разные притчи, приличные городу, например: «Вот так были чудеса, сотворены небеса, семь тысяч лет стоят, а ничего не говорят». Приближается вечер, и С.... отправляется в один из городских переулков, который глуше других, караулить свои жертвы, и горе тому, который ему здесь попадетсЯ. Над неосторожной жертвой поднимается мощный кулак, и тут скорей уже давай и часы, и серебро, а медными деньгами не отделаешься: это не днем-ста! – говорит С.... Но вот напирают новые ряды нищих, и каждый ряд с своим особенным представителем. Вот странник ростом в косую сажень, в скуфейке и с палкой, окованной на конце железом. Он с давних пор ежедневно обходит все ряды и все городские кабаки, – так в известное вре-

мя все его и ждут. Вот прогнанный с железной дороги кондуктор, в картузе с красным околышком, — он выдает себя за капитана в отставке и просит поэтому следующим образом: «Капитану, отечества защитнику, на семи сражениях бывшему, победоносным российским воинством управлявшему, пожалуйте на штоф пострижения, на кошку сооружения».

Здесь идут рядами подьячие, военные, блуждающие по миру. Зараза эта, должно полагать, началась с XVIII века, и вот что говорил о них неизвестный писатель в начале нынешнего столетия: «Есть класс людей, требующий также внимания, есть штаб- и обер-офицеры, исключенные из службы за дурное поведение, коих число также чрезвычайно умножается в Москве; ибо со всех сторон они стекаются в оную. Хотя таковым комитет (разумеется, благотворительный), по дурному их поведению и по молодости лет, не дает никакой помощи, но участь их также требует внимания, ибо таковых ни в казенную, ни в партикулярную службу не принимают; то они, будучи без всякого состояния и со всеми пороками, должны снискивать себе пропитание ничем другим, как воровством и грабительством, в чем они уже довольно искусны. Но когда общество их умножится, то должно будет ожидать гораздо худших последствий: развращение свое они приметным образом поселяют в вступающих в службу молодых людях, в молодых купеческих детях и господских людях» (Чтения Общества истории и древностей. 1861. II, V. С. 176). Не станем говорить здесь, насколько сбылись все эти ожидания, и обратимся к самой действительности. Вот ходит поручик в форменной фуражке, в сером пальто, с лентой в петлице, рожа красная. Небрежно подходит он и говорит: «Дане муа, маршан, две копейки серебром». И скорей ему дают, чтоб только Бог его пронес. За ним идет известный Н..... П.....,

которого почему-то называют Н.... Н.... Он где-то служил, но морозомхватило, и он был удален за какие-то неблагоприятные поступки и начал стоять у *Воскресенских ворот*, в этом старинном приюте и рассаднике крапивного и всякого другого мерзкого зелия. До конца XVIII века между *Воскресенскими воротами* и нынешними железными рядами текла грязная и вонючая речка Неглинная, через нее был устроен длинный деревянный мост. На этом мосту были поделаны лавочки и печуры, где торговали разным товаром, и тут же собирались разные нищие, о которых мы выше говорили. Здесь певцы пели лазаря, сюда божедомы вывозили с убогих домов гниющие мертвые тела для сбора на их погребение и для отыскания родных и знакомых, и здесь же, вероятно, старинные подьячие собирали милостыню. Многие помнят еще, как гораздо позднее у Воскресенских ворот, в доме присутственных мест, где ныне свечные лавки, был винный погреб в мрачном и длинном подвале, где решались всевозможные дела, платились деньги, писались просьбы и т. п. В погребе и около дверей его целый день толпились подьячие. По уничтожении погреба подьячие разместились от Воскресенских ворот до Казанской, отчего и получили оставшееся до сих пор за ними название «от Казанской». Несколько лет тому назад их и отсюда прогнали, их место заняли торговцы, и они перешли к трактирам, что против присутственных мест, к *маленькому Московскому* и *Егорову*. Здесь ежедневно в десять часов утра собираются они, выстраиваются в ряд по тротуару, совершают разные дела на улице, в трактирах и в низших присутственных местах и потом расходятся, кто на собрание милостыни, кто куда. Но возвратимся к Н.... И.... Он не причисляет себя к нищим и не просит, а подойдя, говорит: «Милка, душка, не откажите *благородному человеку*».

Все эти существа проходили перед нами поодиночке, по одному за раз, и это еще было сносно и купцам, платившим каждому по одной копейке, и проходящим, которые кое-как еще могли пролезть. Но вот несется целая тройка: майор, капитан и корнет. С утра они обходят все трактиры, потом берут друг друга под ручку и пускаются по городским рядам, зная, что им троим от казу не будет. Но если и нашелся бы такой, который бы им отказал, то, во-первых, они хором пропоют ему *вечную память*, а потом осрамят так, что он хоть в лавку не ходи. На святках они ходили с елкой, убранный цветной бумагой, и самый рослый из них пел басом: «Я – маленький хлопчик» и пр. Наделав всевозможных бесчинств, они набирают кучу денег и расходятся по домам, чтоб остальное время дня и ночи провести истинно по-барски, и наутро повторяется старая история.

За ними с привычной важностью выступает отставной блюститель порядка, в огромной папахе, выдающий себя за кавказского полковника и не принимающий иначе, как серебром. Дальше – офицер с ленточкой в петлице и кулаком на отвесе, имеющий, как он говорит, шестнадцать ран и вечно подбитые глаза.

За этими людьми плоти идут люди духа. Впереди всех идет расстриженный дьякон, с отеком лицом, и просит он басом: «Бывшему московскому дьякону для обогрения плоти и подкрепления духа». – «А за что уволили тебя?» – спрашивают. «За чрезмерное осушение стеклянной посуды». За ним служка, лет тридцати с чем-нибудь. Он четыре года уж все собирает, чтоб идти на Афон.

Переменилось действие, и являются женщины всех званий, всех возрастов. Идут безобразнейшие старухи, собирающие на приданое невестам, а за ними идут самые невесты, меняющиеся каждую неделю, а то на не-

деле два раза. Здесь хуже всего то, что, кроме взрослых девушек, старухи водят с собою девочек, которые скоро делаются жертвами разврата. Так, например, несколько лет тому назад ходила хорошенькая нищенка Феклуша, которая с помощью старух скоро сделалась известной городской камелией. Недавно ходила по рядам хорошенькая девочка Катя, продававшая на лоточке пряники и бывшая вечной мишенью плотских и грубых шуток рядской молодежи, но потом вдруг она куда-то пропала. А то два года назад там ходила сирота-девочка, продававшая дешевый хрусталь, но потом она очутилась в одном из общественных домов.

Но вот валят кучами от двух до пяти человек и более, держась друг за друга, бранясь между собой или тыкая друг друга в бока, мальчики и молоденькие девочки, просящие Христа ради со всевозможными причитаниями... Мы ни слова не скажем о них, чтобы не вызвать по поводу них какого-нибудь просвещенного мнения, какой-нибудь благодетельной меры, которые нанесли бы новое оскорбление этому несчастному племени, – пусть, прося именем Христа, вырастают они на беду просвещенному и благочестивому обществу!..

Идут барыни. В Древней Руси ходили по улицам боярские дети и просили у прохожих на выпивку, но барыни и чиновницы-нищие, кажется, явились только с половины прошлого века. Одной из главных причин этому было уничтожение права кормиться, как хочешь, которое предоставлялось старинным чиновникам. Кормление было уничтожено, и чиновник должен был получать плату за работу, и вот на бумаге он стал получать плату, [приблизительно] по 50 копеек серебром в месяц, как получают до этой минуты многие чиновники 2-й Московской гражданской палаты, а в сущности остался кормленщиком, за что его выгоняли из службы, и чиновницы

стали ходить по миру. Вот что говорили о них в прошлом веке: «Теперь многие офицерские жены с 12 и 14 лет дочерьми своими, которых не соглашаются (?) отдать ни в какое учение, присоединяются к нищим» (Чтения Общества истории и древностей. 1861. XI. С. 177). Проходит почти сто лет, и другое лицо в 1849 году доносит правительству следующее: «Масса, от титулярных советниц до губернских секретаршей, нисколько не отличается от солдаток и мещанок, тем более, что мужья были на службе, и жены, может быть, и до замужества жили в каморках, подобных тем, которые теперь служат им печальными приютами на старости. Они только возвратились в первобытное состояние, большею частию вовсе не знают грамоты. При этом полном недостатке всякого нравственного образования (?), к коему еще присоединяется и свычка с грубою нищетою (иная уже 30 лет, как титулярная советница по одному лишь имени), они, повторяю, нисколько не отличаются ни по потребностям своим, ни по своему званию, ни по занятиям от прочих... нищих» (Чтения Общества истории и древностей. 1861. I, V. С. 225). И вот ходит по городу титулярная советница, собирающая на бедность, а за ней ходит барыня, которую дразнят, что она курицу ukrала, потом – дама, лет пять собирающая на выезд с больным мужем в Пензенскую губернию, и еще дама, лет 25. Эта собирает для прокормления своих сирот, которым она единственная опора, или, одевшись в черное, она просит на похороны своей мамы; а то она раз явилась вся в лохмотьях и рассказывала, что ее обокрали и что у нее ничего краше нет, как только то, что на ней.

За барынями бегут просто бабы. Тут ежедневно увидите пьяную бабу, которую и в часть уже не берут, и еще бабенку лет 30, собирающую *по болезни*, и очень приятную рядским ребятам, которые с нее заигрывают. Раз эту

больную хотели взять в Юсупов дом, но два будочника и кавалер, как ни бились, никак не могли сладить с ней, так и отступились.

Появляется фаланга нищих торговцев всех наций, всех возрастов, всех званий. Несноснее же всего, безобразнее, тупее – это порождение Риги и Ревеля и т. п. приморских городов, толпы немецких нищих, приманенных в Москву русской щедрой милостыней. Вы увидите тут и с корзиночками, и с метелочками, и со стеклянными фигурками, и с статуэтками, и душат они вас своими немецкими причитаниями. Немцы и тут впереди, а глупые русские торговцы оттиснуты уже на задний план. Из этих виднее всех бабы, кричащие пронзительным голосом: «Ниточек, ниточек!», причем с визгом ударяется на букву «и». Далее кричат: «Шнурочков! Чулочков!», а между тем каждая из этих торговок только и глядит, где бы ей что стащить или у кого что-нибудь вытащить. Заметим из них одного 70-летнего кривого старика. Он в одно и то же время промышляет несколькими способами: продает светильни с лампадками, собирает милостыню и потом для ради удовольствия рассказывает сказки, пляшет и поет. К числу этих нищих-промышленников едва ли следует отнести некоторых собирающих на построение церквей. Их вы встретите везде: и в городе, и на рынках, на базарах, в вагонах железной дороги, у церквей, у соборов, и особенно у Иверской. Не желая беспокоить читателя собственными наблюдениями над этими людьми, мы укажем на свидетельство о них одного лица, писавшего в 1829 году, по поручению г. министра внутренних дел, следующее: «Один из источников происхождения нищих – [сбор] мирских подаваний, на бедных ли, на сооружение ли храмов, по подпискам или по книгам, выдаваемым от духовного начальства. Переход с таковыми книгами из города в город, из селения в селение монахов,

монахинь, церковнослужителей и крестьян не уменьшает, но увеличивает сословие нищих и праздношатающих; притом едва ли из собранных таким образом денег половина достигает своего назначения» (Чтения Общества истории и древностей. 1860. III, V. С. 205). Таковы-то городские нищие, но здесь далеко не все еще московские нищие. Городских нищих, по приблизительному расчету, должно положить до 10 000 человек. Кроме них, есть множество нищих, рассыпанных по всем частям города, стоящих у трактиров, у погребов, у бань, на площадях, на кладбищах и особенно по церквам. Во всех многочисленных московских церквах каждый раз к концу обедни нищие начинают выстраиваться у дверей в два ряда. Ряды начинаются в самой церкви, идут через паперть, а в богатых церквах, например в Рогожской, ряды выйдут даже на улицу. Православные христиане проходят, подают по копейке и крестятся. Таких рассеянных по разным частям нищих наберется до 30 000 человек, всего, следовательно, можно положить до 40 000 человек¹. Полагая затем, что каждый нищий круглым числом набирает ежедневно, по крайней мере, 25 копеек серебром, следовательно, все они в день собирают 10 000 рублей, в месяц 300 000 рублей, в год 3 600 000 рублей. Такая сумма собирается в одной Москве!

Три части этой суммы идут в ведомство московского откупа, отчего так и богаты московские откупщики, а четвертая часть употребляется на квартиру и пищу. Таким образом миллионы, раздаваемые на милостыню, только и делают, что плодят нищих. Затем нищих плодят всеобщая дороговизна и отсутствие в жизни всяких социальных отношений, как артели, общины и т. п. Плодит нищих крайняя безнравственность городов, где

¹ В полиции когда-то считалось их до 34 000 человек (см. «Чтения Общества истории и древностей». 1861. XI, V. С. 189).

для бедного народа нет всего того, что способно двигать человека вперед: ни воспитательных заведений для бедности, ходящей по улицам, ни мастерских для обучения мастерствам, ни всего того, наконец, что могло бы дать человеку нравственную силу для борьбы с нуждой. Вместо всего этого – разврат, с каждым днем принимающий большие размеры. Не место здесь указывать на подробности, да и незачем: глухому, что ни говори, он ничего не услышит, потому что глух. Довольно того, что нищета приводит к разврату; разврат должен привести к нищете простой класс (Чтения Общества истории и древностей. 1861. I, V. С. 228). Важно то, что нищих с каждым днем делается все больше и больше, а на них, несмотря ни на какие законы и предписания, никто не обращает внимания. Вот, например, каждый день выходит откуда-то и садится возле университета, под часами, убогая девушка, и сидит на льду и на грязи, и, раскачиваясь, просит милостыни. Неужели для нее нет другого места? Вот летом по всем решительно бульварам сидят, качаясь туловищем вперед и назад, безногие, безрукие, немые, показывающие на ногах раны. Ко всем этим существам присоединяются немецкие шарманщики, немки-песенницы и пр. и пр. И нищим нет конца!

Если мы оставим печальную действительность и заглянем в будущее, то и там, всматриваясь, мало найдем утешительного, так лучше опустим же завесу... и пойдем далее.

Говоря о нищих, мы имели в виду преимущественно Москву. То же самое встречается и в других городах, особенно больших или обильных святыней, как Киев и Воронеж, Петербург и Нижний Новгород и т. п. От городов не отстают и деревни. Каждый благочестивый москвич, отслушав вечерню в Хотькове и отправляясь в Троицкую лавру, наверно встречал по дороге между этими двумя

богатыми монастырями целые нищенствующие деревни и толпы ребятишек, бегущих за экипажем версту или две, и благочестивая рука богомольца наверно высовывалась из кареты и бросала копейку или две. Положение сельских нищих известно. Это действительно самые бедные люди, преимущественно матери с сиротами-детьми; сельский *мир* может им дать только кусок хлеба, мы же, общество, не можем подать им даже и куска хлеба. Но такова ли должна быть деревня, особенно русская, с ее общинным бытом, с честным и добрым характером русского мужика? Некоторые, может быть, думают, что всякая деревня есть не что иное, как собрание всего деревенского, т. е. всего, что грубо и жалко, бедно и нище, укажем поэтому на деревню в просвещенном государстве, например в Германии, и вообще на тамошнее нищенство. «Проезжая по Дании, – говорит один путешественник, – замечаете везде довольство, благоустроенное хозяйство, чистые, порядочные дома во всех деревнях, хорошо возделанную землю, народ здоровый и веселый, хотя не рослый и не красивый. Своим благосостоянием Дания обязана не столько плодородию почвы и климату, сколько преобразованиям правительства...»

Нечего также удивляться, прибавляет другой, «что мы поэтому не встретим в датской литературе того мрачного, полного злобы ропота нищеты, который составляет содержание многих литературных произведений других стран. *Нищенство в Дании запрещено*».

«Станным может показаться это выражение, которое напоминает действительно, что и у нас в некоторых городах запрещают нищенство... Но в Дании это не начальственное распоряжение. Там принимает в этом живейшее участие само общество. Почти три процента народонаселения получают пособие от частной благотворительности. На приходские общины возлагается

обязанность помогать нуждающимся, доставлять работу способным к работам и пр. В городах есть приюты и богадельни. Есть приют на день, куда можно придти с ручной работой на целый день. Города и деревни проценты со своих капиталов всегда употребляют на бедных. Взнос на бедных весьма разнообразен, потому что в разных местах, смотря по обстоятельствам, количество его определяет само общество...»¹ Но все это заморские новости, нам ненужные – мы проживем и с копеечной милостыней!

Копеечная милостыня гибельна как для нищих, так и для тех, кто ее подает. Редко человеческое достоинство унижается до такой степени, чтоб хладнокровно протягивалась рука за милостыней, чтоб, выпрашивая подаяние, человек не чувствовал мучительной боли унижения. Но какова же эта боль, когда нищий видит, что богач вместо оказания помощи подает копеечку! Но мало-помалу вечное моление, вечное выпрашивание, вечное поклонение обращаются в привычку, и наконец человек падает окончательно. В то же самое время милостыня не меньше унижает и самого подающего ее, – она, как крепостное право, есть меч обоюдоострый. А потому если человек легко может оподлеть в нищенстве, то еще легче подлеть люди среди ежедневной милостыни. Таков закон природы, что всякое насилие над человеком оплачивается на виновниках сторицей. Мы имеем в Москве несколько таких милостынераздателей, в которых древнерусские понятия о милостыне и милосердии истребили всякое человеческое достоинство.

Вот один известный купец ежедневно собирает около своего амбара толпы нищих и делит им милостыню

¹ Поэты всех времен и народов. М., 1862. Вып. 2. С. 159. Рекомендуем эту книгу всем любящим хорошее чтение, в особенности юному поколению обоего пола.

следующим образом: купец этот очень боится смерти, и вот когда он здоров, он оделяет нищих по копейке на двоих, а чуть лишь почувствовал себя нездоровым или увидел какое-нибудь предвещание, например, ночью собака выла, тогда нищие получают подачу – по две копейки на двоих. Все это знают, а потому, без всякого сомнения, нищие молят бога, чтоб этот купец почаще слышал собачий вой, видел страшные сны и т. п.

Есть богач-старовер, тоже милостынераздаватель. Этот подает одним женщинам, а мужчинам только тем, у кого небритая борода. Подходит к нему больной солдат и просит милостыни, а этот отвечает ему: «Пооди прежде бороду отрасти, а потом приходи». А когда случится ему подать солдату с отращенной бородой, то он непременно прибавит: *«Воин, прими Христа ради!»* От остальных же нищих требует, чтоб они, прося у него, говорили: *«Подайте, батюшка, Христа ради»*; он им подаст и прибавит: *«Прими Христа ради»*. И этот-то несчастный убежден, что он исполняет слово Христово во всей частоте! Еще есть в Москве купец, вечно окруженный нищими, ханжами и юродивыми. У него страсть уговаривать людей идти в монастырь или жениться. Спился у него приказчик, и он начинает его уговаривать, чтоб он женился, отыскивает ему девушку-сиротку, женит, и таких девушек – жертв дикой филантропии, выданных замуж, а потом пропитых, замученных и преждевременно сведенных в могилу, – считают сотнями. Ни одна ханжа, ни один странный не минует этого купца. Вот соберет он их, насажает к себе в экипаж и разъезжает с ними по своим знакомым для сбора им подаваний.

Вот княгиня. Она когда-то принадлежала к знаменитейшим в России фамилиям, блистала богатством и связями, а теперь доживает свой век в связях с ханжами, среди которых вырастают так называемые воспитанни-

цы княгини. Тут вы встретите приживалку, полудиота, полуннищего господина, настолько же, однако, умного, что он раз украл у вора краденую борзую собаку. Сестра этого господина – также идиотка. Тут вы встретите попову дочь, и барскую барыню, и чиновницу, и дворянку, тут жил, например, долгое время поп-расстрига с целым семейством. И дом княгини, где до сорока комнат, где живут, по-видимому, только две старухи, княгиня да княжна, – этот дом от массы приживалок оказывается тесным для житья. Каждое воскресенье – так уж заведено – у крыльца княгини раздают нищим по копейке три рубля серебром, и ко времени этой раздачи собираются из всей окрестности, из всех закоулков толпы нищих; в ожидании раздачи они дерутся и ругаются и, получив каждый по копейке, расходятся по соседним домам воровать. Так это уж знают все обыватели и, летом особенно, стараются к этому времени закрывать окна и припирать двери. В доме княгини своя церковь, и если княгиня переезжает на другую квартиру, то за нее перевозят и церковь. Каждую неделю у нее бывает три обедни, и говеет она каждый пост два раза. Разные барские барыни, жирные и здоровенные, получают от княгини ежемесячное вспоможение от рубля до пяти. Вот в день именин княгини и княжны толпы этих барынь и ханжей начали собираться с раннего утра. Каждая такая барыня приходит поздравлять непременно с просвиркой в руке, и в это утро темно еще было на дворе, не было еще и пяти часов, а у просвирни уж стучались за просвирами для княгини. Сколько нынешний год нанесено было княгине просвир, неизвестно еще, а в прошлом году, лакеи считали, было до четырехсот пятидесяти просвир... У княгини было огромное состояние, а теперь почти ничего не остается: все пошло на ханжей да на так называемые дела благочестия. На ханжество потреблялось все, что

ни привозилось из княжеских вотчин нищими мужиками, заложенными и перезаложенными.

Не будем здесь говорить и о тех наружно благочестивых людях, которые тратят по сотням тысяч на построение монастырей и т. п. Так, один богатый торговый дом истратил на построение монастыря до 500 000 рублей серебром, а, затем обанкрутившись, тысячи бедных людей пустил по миру. В эту минуту в Москве две купчихи строят два монастыря, один вновь, и на каждый назначили сотни тысяч серебром. Есть еще замоскворецкая богатая купчиха, построившая несколько монастырей. Она, говорят, юродивому Филиппушке выдала в самое непродолжительное время до 50 000 рублей серебром. И каких только нет благотворителей на русской земле! Есть, например, в городе чайный торговец, известный под именем *милейшего*. Он подает нищим только тогда, когда в лавке у него есть покупатели. Другой купец подает нищим все то, что нужно вывалить и выкинуть вон, например, испорченные огурцы, капусту, тухлую рыбу и т. п. А то есть барыня, которая подает нищим худые башмаки, распределяя пару башмаков на трех нищих, на том основании, что, делая так, все-таки она подает *не одному, а троим*. Есть и еще одна барыня. Сидит она летом на террасе своей богатой дачи; идет нищий и просит у нее милостыни. Барыня никогда не отказывает нищему. Она подзовет его к себе, расспросит всю его жизнь, справится – пьет он водку или нет, прочтет ему поучение, как надо в мире жить, и потом прикажет девке принести поминанье. Наденет она очки, возьмет поминанье и читает, а нищему велит повторять за нее имена о здравии и за упокой и класть поклоны. Долго читает она, потому что поминанье битком набито именами, да и читает-то она со всей важностью, приличной ее сану, и нищий, надеясь на вы-

ручку, терпеливо отвешивает земные поклоны, возбуждая удивление всех проходящих и проезжающих. По окончании этого чтения у нищего рубашка мокра и он ожидает двугривенного, но барыня снова зовет девку, приказывает подать две пустые бутылки и, отдавая их нищему, говорит: «Спасибо, милой, что усердно молился, – вот тебе за это две бутылки, продай их в лавочку, – там тебе дадут за них три копейки серебром; денег же теперь нет, а приди в другой раз». Некоторые нищие до того бывают поражены таким даянием, что у них руки не поднимаются взять бутылки. «Нет, уже, барыня, пускай уж лучше за тобой будет», – говорят они, и барыня, услышав это, нисколько не обижается. «Ну, хорошо, миленькой, – отвечает она, – прощай».

Таков, читатель, дух, живущий в древнерусском обычае подавать милостыню. Перед нами теперь лежит прошедшая история русского нищенства, и мы знаем, что всякая помощь, если не имеет социального, братского характера, – она только плодит нищих и с нищими унижает все общество и производит самые уродливые явления в жизни. С одной стороны, нищие плодят нищих, а с другой – постоянно встречаются нищие-капиталисты, имеющие иногда у себя до 200 000 рублей денег,

Так, например, один женился в Петербурге на нищенке с Митрофановского кладбища и взял за нее приданого на 20 000 рублей (Оберточный листок. 1860. № 45). Нищенство вошло мало-помалу в нашу жизнь и продолжает входить дальше и дальше, и стыдится нищенствовать только один честный русский мужик, да и то в Украине. В городах мы видим, что многие дети, собирающие милостыню, совсем не дети нищих, но отцы посылают, чтоб они не болтались дома: «Не сидеть же ребятам сложа руки, – говорят они, – авось что-нибудь и выпросят Христовым именем, – для дома все-таки пригодится».

Толкуют, что Россия очень похожа на Америку, что ту и другую ожидает новая жизнь, неизвестная старому миру. Но на плечах Америки не лежит ни Древней Руси, ни даже старой Европы, и действительно там должна развиваться новая цивилизация. Не то у нас. У нас темно и мрачно, тупо, безобразно. Мы считаемся просвещенными, наши барышни учатся по-французски и на фортепианах, но вот Шамиль, не имеющий никакого понятия о милостыни, а имеющий одно сердце, способное к благотворению, он дикарь и все-таки никак не может понять, чтоб человеку можно было подать копейку, и подает нищему по десяти рублей серебром.

VI

Заключение

На нищих до сих пор смотрят одни как на *предмет сам по себе незначительный*, другие как на лиц, *прикосновенных к вере христианской* (Снегирев // «Московские полицейские ведомости»); третьи же видят в них русский народный элемент.

Г-н Снегирев в 1844 году писал: «В сердце России, в древней ее столице, где слилось столько элементов русской народности, к коей, без сомнения, принадлежат и нищие...» (Литературный вечер. С. 18). Прошло более десятка лет, и тот же г. Снегирев снова повторяет: «Нищенство вступает в неразрывную связь с религиозной и народной жизнью русского человека» («Московские нищие в XVII веке» // «Московские полицейские ведомости»).

За безумцев сочли бы нас, если б мы вздумали доказывать г. Снегиреву с братией, что нищенство – совсем не элемент русского народа. Читатель видел, откуда выходили нищие, что плодило их, какое начало их поддер-

живало. Но мало было этому началу сделать из свежей и просторной русской земли мрачное логовище нищих: ему, видите, нужно еще было доказать, что нищенство есть народный элемент, т. е., сделав народу зло, на его же шею сложить всю вину, благо народная шея крепка – все снесет. Мы, в ответ г. Снегиреву, постараемся указать только на то, как русский народ понимает нищих. Как и во всей нашей статье, так и теперь пусть за нас говорят одни памятники.

Известно, что наш добрый народ готов поделиться с нищим последней крохой. Но ни врожденная народу доброта, ничто не удерживает наш народ от вражды к попрошайству, к нищенству. Нищих везде гоняют или кротким образом, как, например, «Бог подаст!», или же: «Ступай, ступай отселева с Богом! Много вас таскается, всех не накормишь!» «Проваливай, – говорит баба нищему, – мне не нужно твоей болтовни, и ты ничего не получишь!» То же говорит и мужик: «Что слоняетесь-то по чужим дворам? Только, чай, и умеете, а небось не работаете!» Привел парень на Светлой неделе к себе в дом *срамного нищего*, чтоб разговеться с ним. Как только мать этого парня увидела нищего, больно осерчала: «Лучше, – говорит, – со псом разговеться, чем с таким срамным стариком». Пастыри Церкви, мы видели, часто жаловались на *холодность* народа к нищим. Про убогого, например, говорят: «Не тот убогий, кто трошки мае (немного имеет), а тот, кто не зна: годи (довольно), та усе жадае (все жадничает)». Собираются раз вешать *старца* и говорят: «Этих старцев жалеть нечего: они не Богу молятся, а только норовят в клеть забраться». Нищий, по глупому народному разуму, самый негодный человек. В Литве говорят: «развращен, распутен, как нищенский бич». Невиданная вещь, чтобы крестьянин дельный, заботливый, домовитый пустился в нищенство или в дале-

кое странничество на богомолье («Московские ведомости». 1859. № 253). Что это правда, то можно видеть из следующей народной поговорки: «*Стыдно* калеке в мир пуститься, а *попустится* – не погинет» (Быт русского народа. П.Р.М. 1859. С. 16).

Итак, да будет известно г. Снегиреву, что в этой грубой и униженной среде, которую мы называем крестьянством, хранятся все силы и все надежды будущего России, что одна из этих великих сил, великих наших надежд заключается в отсутствии в русской природе малейших побуждений к «нищенству», к ханжеству и к другим болезненным положениям, от которых тщетно старается излечиться сама Западная Европа, и что, наконец, наше будущее нисколько не будет похоже на наше прошедшее, которое только и выработало, что нищенство и тому подобное.

О русском народе ходит много диких мнений; на него взведено много напраслины, в которой он неповинен, приписаны ему качества, которых он не имел честь заслужить. Надеемся когда-нибудь поговорить и об этом предмете. Вся же эту речь мы вели к тому, чтоб выставить яснее простую мысль: дайте поскорей просвещение русскому народу, и нищенство сделается преданием. Если общество не воспитало в себе уважения к человеку и не считает нужным сделать что-нибудь с нищими, то позаботьтесь, по крайней мере, о будущем. У нищих толпы детей; среди нищих живет множество девочек: спасите хоть этих несчастных! Или на это нет у вас никаких средств? Отчего не отогнать от церковных дверей дармоедов-нищих и не поставить на место них честного, известного в приходе человека с тарелкой в руке, который бы просил: «Для нищих детей, Христа ради! Для воспитания будущих поколений великого русского народа, вырастающего в нищенстве, Христа ради!»

НИЩЕНСТВО

В то время как в Украине совершенно неизвестно нищенство, – в Великороссии, напротив, нищенство имеет характер элемента общественной жизни. Здесь в иных местах много нищих, все готово нищенствовать. Крестьяне казенные и господские, как говорится, «из мира нейдут». Вот идет по деревне нищий и просит: «Дайте Христа ради!» А ему отвечают с привычной усмешкой над своей участью: «Сами семерых послали, не знаем, что принесут». Великорусских нищих плодили древнерусские учения, значения которых развиты в книге г. Прыжова о нищих («Нищие на святой Руси»); с другой стороны, когда случалось, иной разнежится и начнет оказывать благодеяния. Так у некоторых «добрых господ» было заведено, чтоб во время стола крестьянские дети собирались в барский дом для получения «подачек». «Как только господа сядут за стол, – рассказывает Селиванов, – так в залу набегут все дворовые ребяташки, босиком, в рубашечках, подчас в грязи, и станут около стенок, “всякий с чашечкой”. Когда покушают, например, горячее, прадедушка ваш (говорит лакей) и закричит дворецкому: “Дай им, братец, подачки”. Вот дворецкий нарежет ломтиками хлеба, положит по ломтику ветчины, да так и наделяет всех» («Русская беседа». 1856. «Смесь». С. 75). Совокупность множества условий для производства нищих, начиная от азиатских учений о нищете до нежного приучивания человека к подачке, существует во всей целостности до сих пор, хотя крепостное право отчасти и уничтожилось. Из всего этого мало-помалу произошло, что слово «нищенствовать» потеряло свое постыдное значение и сделалось самой обычной вещью, сделалось каким-то препровождением времени, забавой, промыслом.

Вот один из тысячи подобных случаев, всплывший недавно наружу. Арестанты, отправляемые из Москвы через рогожский этап, собирают подаяния, как обыкновенно это делалось в средних веках. Москва же – настоящий средневековый город, и поэтому каждый арестант, выходящий из Москвы, уносит с собой от 10 до 35 рублей серебром. Зная это, крестьяне, живущие по Рогожскому тракту, особенно из села Богородского, приходят в Москву и сказываются бродягами. Отцы учат детей пойти в Москву, попасться без паспорта и делать ложные показания. И вот из уездов приходят в город крестьяне, сказываются беспаспортными, бродягами и, потеряв стыд и совесть, нарочно делают так, чтоб их водили из части в часть и они могли бы по улицам собирать подаяния. Наконец их высылают из Москвы, и они, выйдя за заставу, сказывают уже настоящее свое звание, а между тем родные выходят к ним навстречу и отбирают у них набранные деньги. Из этих денег платится подушное, а все остальное проживается («Московские ведомости». 1862. № 141). В других же местностях великорусской земли нищенство сделалось какой-то родовой болезнью. Так, в Тверском уезде, Тверской губернии, есть деревня Лукина, 90 душ. С незапамятных времен эта деревня переполнена увечными разных родов и нищими. В последнее время в ней было трое слепых, трое хромых, двое кривых, одна глухонемая, один страждущий падучею болезнью и «малодушием», один грыжею и один каменной болезнью, остальные же все нищенствовали («Этнографический сборник». С. 1175).

Общество решительно ничего не сделало для уврачевания этого страшного зла, да, по правде, и сделать-то ничего не могло, потому что все сносил народ в его собственных силах, в его собственной самодеятельности без посторонней помощи. Не говорим о наших богатых

городах, о посадах, из которых иные, как, например, Троице-Сергиевский, богаче любого города; не говорим о Петербурге, залитом газом и одетом в гранит, но что сделали для народа наши так называемые передовые люди, у которых слово «народ» не сходит с уст, которые бредят им даже во сне, что они-то сделали? Перед нами «День», защищающий нищенство как догмат.

Передовая статья в 38-м номере «Дня» старается покрыть позором людей, отвергающих во имя народного спасения нищенство как догмат, и сравнивает их с Иудой-предателем, с практиком и политико-экономом Иудой Искарриотом. За этой выходкой идет поистине странная смесь понятий – понятий, которые бы страшно как хотелось навязать народу. «День» отыскивает нравственные начала, которые могли бы оживить и освежить дело благотворения, и находит их... в милостыне. Если исчезнет милостыня, говорит передовая статья, то уничтожится в народе благотворительность. Таким образом, милостыня, в том грубом и жалком виде, в каком мы ее знаем, относится к области нравственного мира *народа* и, наперекор здравому рассудку, мистически объясняется «какой-то процесс нравственных ощущений, переживаемый как дающим, так и принимающим даяние, – ощущений, благотворных для обоих, очищающих душу, хотя бы и на время, вводящих ее в соединение с вечной благодатью, зиждущей мир». Нанизывая эти пышные фразы, передовые люди в народности, кажется, и не подозревали той массы зла и разврата, которые произвело нищенство, взлелеянное милостыней: им до этого дела нет, им, видите, важна одна нравственная сторона дела. «Разумеется, – говорит “День”, – в этой нравственной стороне данного факта и заключается истинная польза: сумма такого рода фактов, таких явлений, где вещественное добро (да его ведь нет!) сопровождается добром нравственным,

создает в обществе нравственную атмосферу, возвышает дух, поддерживает в народе начало любви и правды». Собрав таким образом все блага любви и правды около нравственной стороны милостыни, «День» жестоко проваливается, потому что именно в милостыне-то, раздаваемой на улицах, и нет нравственной стороны, а есть мертвая догматическая форма. Потому-то и сумма фактов, из которых слагается русское нищенство, развившееся до крайних размеров в XVII веке и остающееся целым и нетронутым доселе, сумма таких фактов, таких явлений, где жалкое лицемерие, действовавшее под личиной вещественного добра, не сопровождалось никаким добром нравственным, создавала в обществе такого рода нравственную атмосферу, что в нее развращались наши города, уничтожалось и попиралось малейшее понятие о человеколюбии, порождались целые ряды поколений нищих, и обнищание народа, убивая народный дух, поддерживало в народе начало дармоедства, праздности и разврата физического и нравственного.

Стыдно, стыдно за людей, которые ввиду могучих, прирожденных народу нравственных сил решаются говорить о каком-то мрачном нищелюбии, о какой-то жалкой милостыне. Стыдно еще, что они примешивают сюда Евангелие. При мысли о нищих, о милостыне в Евангелии прежде всего может служить примером не Иуда, который был просто тать, и не практик, но сам Иисус Христос, никогда никому не подававший милостыни, но всем делавший добро. Но «День» не только не знал этого, он не знал даже и того, что у него говорится через страницу. В том же номере «Дня», где так бесцеремонно наука сравнивается с Иудой-предателем, помещена статья М. С. о нищих в Сибири, указывающая ясно, что народ, спасаясь от голодной смерти, совсем не прибегает к догмату о милостыне, а прибегает к своим собственным

нравственным силам, заключающимся в мире, братстве. Слона-то вы и не заметили!

Община с ее обширным разветвлением на мирские учреждения, артель, братчина, побратимство и посестримство, известные в России, но особенно развившиеся на Украине («Основа». 1861. 3 XI. С. 138) и у южных славян (Ранк. Ист. Серб. С. 13), есть одно из коренных народных учреждений, основанное на вечном законе природы о братской любви, на законе, что «веревка крепка с повивкой, а человек – с помощью». «Друг о друге, а Бог обо всех». Вникая в черты народного быта, мы видим, что братство уже в древнюю пору стояло у славян на высокой степени развития, как, например, в эпоху «Русской правды»¹. Потом, вследствие различной исторической участи разных племен, у одних община сохранилась в больших размерах, у других – в меньших, как, например, в Украине, и только в Великороссии она укрепилась до того, что стала главным национальным учреждением, дающим характер всей народной жизни. Что бы ни начал делать народ, у него везде общее мирское дело. Пословица говорит: «Народ глуп, все в кучу лезет». Проезжая по Великороссии, вы везде видите общинные владения. «Чья это земля?» – спрашиваете. «Никольская», – отвечают вам по названию деревни. Кроме земли, везде общее стадо, общие пастбища, общее поле ярового или озимого хлеба и т. д. Оставшись в Украине в виде «громады» как чисто гражданского учреждения, община в Великороссии разрослась в братчины, сынчины, в сельские миры, артели. Скажем несколько слов об «артели», а потом перейдем к «миру», который прямо подходит к вопросу о нищенстве.

¹ За подробностями отсылаем к лучшему сочинению о русской общине, к книге *Лешкова* «Русский народ и государство». Книга эта некогда была нагло охаяна одним ученым паяцом.

*Артелью*¹ называется братство, которое устроилось для какого-нибудь общего дела. Характер артели чисто семейный: «артель – своя семья». Вся ее сила заключается в общем согласии, в общем содействии: «артельная каша гуще живет», «одному и у каши не споро», «в семье и каша гуще». Отсюда уже всякая толпа получает смысл артели: «народ по улицам артелями бродит». И про большую семью говорят: «экая артель!» Следы артели видны еще в «Русской правде» и в известной общине XII века при новгородской церкви Иоанна Предтечи. Долго мы встречаем ее в разного рода «складчинах», и, наконец, в XVII веке является и самое слово «артель» («Акты юридического быта древней России»).

В истории народа остались известны следующие артели: 1) артели ярыжных (бурлацкие), 2) артели каменщиков, 3) артели плотничьи, 4) артели рыболовов, 5) артели барышников, 6) артели чернорабочих, 7) артели кортемщив, 8) ножевая артель (разбойников). В настоящее время остались: 1) артели общего продовольствия, 2) артели ходящих по найму, как то: крючников, бурлаков, плотников, каменщиков и горнозаводские артели, 3) биржевые артели в Петербурге (до 25) и в Москве, 4) промысловые артели (см. Якушкина: «Письма из Новгородской губернии»), 5) торговые артели, 6) ремесленные артели, как, например, столярная в Петербурге, 7) полковые артели и, как увидим далее, 8) нищенские артели. Каждая артель признает над собой начальника, атамана или старосту, которого она выбирает, а без старшины артели не бывает: «атаманом артель крепка». А крепка она до того, что «артелью города берут». Если *артель* есть случайное добровольное соединение людей в одно общество, то *сельский мир*, основанный на поземельной зависимости лица

¹ См. в V томе Энциклопедического словаря статью Калачова «Артель».

от общины, составляет норму, без которой неммыслима жизнь в Великороссии.

Мировые учреждения до XVIII века были более или менее органами государственной жизни; но с тех пор до нашего времени они живут только по милости крепкой привязанности к ним народа. *Мир*, по понятию народа, есть учреждение, основанное на братской любви и *круговой поруке* друг за друга. Мир – это как будто одна семья, поставившая себе законом: «деритесь, да не расходитесь», «все за одного, и один за всех», «вперед не забегай, от своих не отставай», «отстал – сиротой стал», «хоть назади, да в том же стаде». Но известно, что полного равенства нет нигде, даже и в стаде. В середине мирского собрания чаще всего стоят *мироеды*, *богачи*, а бедняки, голь стоят по концам, и эти-то концы, раздумавшись подчас о мирском деле, говорят, что «*середка сыта, да концы бунтуют*».

Мир слагается из отдельных личностей, словно по капельке море: «мир по слюнке плюнет – так море»; словно дорожка, по которой прошел один – помял траву, прошел другой – примял больше, и вот дорожка сделалась торной. Так и мир: «дорожка глохнет, так и мир сохнет». Сила, связующая мир, – общая выгода, общая беда: «люди – Иван, и я – Иван; люди в воду, и я в воду». А потому: «на людях и смерть красна». Отдельные личности, вступая в мир, отдают всецело его интересам, его судьбе: «где у мира рука, там моя голова», «к миру приложился – головой заложился», «с волками жить – по-волчьи и выть». Или в более грациозном виде, также подсмотренном у природы: «пошел в стадо – лай не лай, а хвостом виляй». Люди же бывалые к этому прибавляют: «а то заедят». Сложившись из народа, мир представляет известную сумму нравственных сил: «сто голов – сто умов». «Мир, – говорит народ, – велик человек», «мир –

великое дело». В преданности миру лежит залог народного счастья, народной безопасности, и тем более если в мире установилось полное согласие: «где мир да люди, там Божья благодать» («мир» и «мір» имели прежде одно значение, и в Остромировом Евангелии писались одинаково). Решение мира ненаруσιμο, как Божье слово: «глас народа – глас Божий» или «что мир порядил, то Бог рас судил», «что миром положено, так тому и быть», «на мир и суда нет», «мир один Бог судит», «мир с ума сойдет – на цепь не посадишь», «в миру виноватого нет», «в миру виноватого не сыщешь».

Мир силен. Ему нипочем никакое несчастье, никакая нищета: «вали на мир – все снесет!», «мир – золота гора», «с миром и беда не убыток». Мир силен и несокрушим: «с миром не поспоришь», – говорит народ и при этом гордо спрашивает: «Кто больше мира будет?» «Мир не перетянешь», «мир заревет, так леса стонут» (или: «так лес клонится»), «мирская слава звонка», «мир знает, так камень треснет», «собором и чорта поборем», потому что «одному страшно, а миру не страшно», «не то страх, что вместях, а сунься – на один». Вместе не страшно, думает народ и, зачиная какое-нибудь дело, сзывает общую силу: «Вали! галди!» «Вались народ от Яузских ворот», – говорят еще и теперь при случае, поминая какую-то катастрофу, бывшую у Яузских ворот. «Галдеть, так всем галдеть, а одному галдеть, так пропадешь», «пропадать, так всем пропадать». «Берись! – кричат бурлаки, вытягивая завязшую барку в 50 000 пудов, – берись дружно, не будет грузно», и, покорная силе братского единодушного напора, барка необычайной тяжести плывет, словно лодочка. Эта страшная сила, заключающаяся в братстве, развивается мало-помалу, словно хоровая песня. Скучно тянется беседа, а между тем у всякого на уме готова славная песня, хорошо бы спеть ее и отвести в ней на-

кипевшее на сердце горе, да вот беда – нет запевалы, потому что «был бы запевала, а подголоски найдутся». Но вот явился запевала и говорит: «Братцы, я затаю, только подхватывайте!» Вот он затаюл, залился славной песнью, двое-трое уже пристали к нему, и вдруг грянул могучий хор, и только трясутся хилые стены избушки.

Но, не ограничиваясь этим подобием песни, «мирное» согласие иногда прямо выражается в согласной песне, как, например, у всех тянущих лямку, у бурлаков, у набивающих сваи, отчего и говорится: «началом и сваи бьют». Раздался снизу призывный крик, и схватились за веревки один, двое, трое, потом схватились все и ждут. Вот двое-трое затаюли:

Ох, дубинушка, ухни,
Ох, зеленая, ухни.

Вся артель разом подхватила «ухни!» – глупая баба ударилась, и уж глубоко забита дубинушка. Мирская сила еще увеличивается сознанием этой силы. Зная, как на мире ездят, да никак его не заездят, хоть у него и хомут на шее, говорят: «мирская шея толста», «мирская шея туга», «мирская шея жилиста», «мир тонок, да долог», «у мира животы тонки, да долги». Иной бы, казалось, так и зарыл бы мир в землю, да жалко то, что «мир сразу не похоронишь». Поэтому все спасенье народа в мире. Только отдельный, не связанный с миром человек может сказать, что «до Бога высоко, до царя далеко», но целый мир говорит: «коли все миром вздохнут, так и до царя слухи дойдут», «как мир вздохнет, временщик издохнет», «мирские судибोगи (жалобы) далече слыхать». Мир не обманешь, от мира ничего не скроешь, он все знает, все ведает: «в народе, что в тучу, в грозу все наружу выйдет».

Мир силен своим согласием, но многие причины сделали то, что иногда и мир не стоит: «сходка – голдовня: дым коромыслом, пар столбом, а ни тепла, ни сугреву», «сошелся мир – хоть сейчас воевать, разошелся мир – на полатах лежат». Иногда случается, как ни силен мир, а стоит-стоит да видит, что ничего не поделаешь, и разойдется: «мир сутки стоял, небо подкоптил да и разошелся».

Мир, как живой организм, имеет у себя и голову: «и мир не без головы». Но и эта голова признает, что без остального тела она ничего не значит: «мир всех старше, а и в миру урядник есть». Эти урядники, по большей части, старики-отцы: «ведают то большие, у кого бороды пошире». Урядника-старосту часто боятся, часто лишний раз ему поклонятся, но на мир его никогда не променяют: «на старосту не челобитчик, а от миру не прочь!» Большие мирские общины часто распадаются на несколько отдельных союзов или миров под управлением одного общего старшины и в этом виде представляют уже наивысшую степень развития мира. Так, село Богородское (Нижегородской губернии, Горбатовского уезда) исстари разделяется на двадцать «десятков», из которых каждый выбирает себе старосту, называемого «думчим». Думчие раскладывают подати, бывают третейскими судьями; над думчими же начальствует староста или бурмистр, избираемый, подобно думчим, на один год.

Мир судит, рядит; решение его – мирской приговор, мирская воля, и нарушить эту волю нельзя. В его приговорах меньше всего эгоизма, больше всего доброты. Мир готов во всем принять участие, всякому подать руку помощи, на то он и мир: «никакой мирянин от миру не прочь», «никто от миру не прочь», «от миру прочь – не мирянин». Самая помощь, оказанная одним человеком другому, имеет мирской характер: «брось ка-

мень на лес, пойдешь – найдешь», «брось хлеб позади, очутится наперед». Убогий, по старинному понятию, Божий человек, которого нельзя не приютить. Всякая вдова, всякий сирота составляет заботу мира: «на вдовый двор хоть щепку брось – и то хорошо», «за сиротою Бог с калитою». И живя среди мира, не погибнет ни один нищий: *«стыдно калике в мир пуститься, а попустится – не погибнет»*. Поэтому мир кормит каждого бедного по пословице: «один мира не съест», а за одним кормит и всех. Толпы нищих составляют горе для мира, но несколько ему не тяжелы, и *«мироедами»* на мирском языке называются совсем не нищие, не бедняки, а богачи, коштаны, процентщики, дельцы и т. д. С другой стороны, и бедные, нищие, ходя за подаянием, за помощью, понимают их не иначе, как подаяние и помощь от мира, отсюда и выражение «по миру ходить». О людях, вечно ходящих по миру, говорят, что они «из мира нейдут». Собирая подаяние по миру, а не по людям, бедные знают сами, к кому они обращаются; они знают, что мир их никогда не кинет, и отсюда переносное выражение: «мир велик – подкормит». Мирская помощь, по большей части, ограничивается подачей бедным хлеба, пирога и т. д., потому что деревенский мир, несмотря на свою высшую человечность, не всегда имеет средства, да, надо признаться, не всегда настолько умен, чтобы не ограничиться одной подачею хлебца. Но, собрав хлеб, нищие тем не ограничивают свои связи с миром, а ведут их дальше. Набранный ими хлеб они продают другим людям, таким же нищим, как они, но стыдящимся ходить по миру, ибо, по понятию народа, слова «нищий», «попрошайка», «побираша» – все это слова бранные.

Кроме хлеба, у русского народа, преимущественно у людей состоятельных (купцов, мещан), принято раздавать бедным, при случае, различную одежду: варя-

ги, чулки, обувь и т. д. Кроме того, есть обычай, что ни одно общественное собрание, ни одно мирское дело не обходится без того, чтоб не подали бедным. Так, принято подавать бедным на похоронах, на поминках, после божественной службы, при начале торговли, – подавать бедным в самом месте их жительства, например в остроге, или призывать их к себе в дом и угощать наравне с любым гостем. Но обстоятельства сделали то, что все эти последние обычаи в настоящее время представляют не более, как слабые, иногда бессмысленные и тупые остатки тех славянских обычаев гостеприимства, о которых нам остались свидетельства в летописях и в народных преданиях (ср. «Нищие на святой Руси», с. 149 и др).

Руководимый высоким чувством братской любви, мир часто прилагает особые старания помочь бедняку и все готов для него сделать, только бы село или деревня не были опозорены нищенством. В Тверской губернии, Калязинского уезда, в деревне Матвейкове после холеры 1848 года остались две сиротки, и стали они нищенствовать. Узнал про это мир и, собравшись, постановил: «Нищих из нашей деревни не бывало, и этим сиротам нищенствовать не следует; поэтому полагаем: всей деревней (32 двора) выстроить им новую избу, обделывать их участок земли и по возрасту каждой сиротки устроить в замужество»; положение выполнено и исполняется свято («Московские ведомости». 1860. № 4). Но если народ старается извести нищих, то города, напротив, хлопчут, как бы их расплодить, и народ, с его благотворительными началами, поневоле становится в безвыходное положение. В одной из казенных деревень на двести с лишком крестьян было двое нищих: безродный старик да его помешанная дочь. И на упрек, что крестьяне срамят свою деревню, выпуская из нее своих нищих, они отвечали: «Да что станешь с ними делать? Набаловались

больно. Все в город да в город: там, видите, слаще. А то мы рады бы хоть по чередам» (одевать и кормить поочередно) («Московские ведомости». 1860. № 26).

Но, что особенно важно, независимо от мирской благотворительности сами нищие стараются улучшить свою участь посредством мирского дела. Так, для приобретения больших удобств в жизни они составляют между собой братства, артели, миры. В одной статье, помещенной в том номере «Дня», на который мы сочли долгом указать, М. С. свидетельствует, что ссыльные в Сибири нищенствуют «по несколько человек вдруг». Поправивши свое состояние посредством сборов, они покупают тощую клячку и ездят на ней по миру. Но, увы, тем дело и кончается. Люди, которые могли бы подать этой артели руку помощи и поддержать ее, вместо этого предпочитают подавать милостыню или излагать ученья о нищенстве, а нищие, продолжает М. С, при первой выпивке все набранное проматывают. Нам известны такие нищенские артели и в прежнее время (Нищие на святой Руси. С. 129), и теперь. В Москве эти артели живут в отдельных домах или в подвалах и чердаках домов, имеют общий стол и часто едва ли не жен. По милости ежедневных сборов, которые, по пословице, «досыта не накормят, а с голода не уморят», их жизнь более или менее обеспечена. У них есть чай, а придешь в гости – угостят и водочкой; у иных водятся и денежки. Артелью управляет избранный общим голосом староста. Доступ в артель имеют свои да знакомые, а чужого не пустят.

Таковы-то народные основы, залегающие в народном быту, сознание которых народом мы старались проследить по пословицам. Эти основы крепки и здоровы, и, развившись, они могли бы ниспровергнуть и раздавить не только нищенство, но и всякое другое зло. Но при всей этой живой, внутренней, деятельной силе народ ни-

чего не может сделать, потому что все его благотворное влияние на жизнь тотчас же парализуется, отравляется губительным влиянием городов. Поэтому мы думаем, если бы случилось так, что народность приобрела бы какую-нибудь опору для деятельности и пересилила бы влияние городов, то, может быть, и легко было бы уврачевать зло. Никакое зло, а тем более нищенство, не искоренишь без полного участия народа в государственной жизни: таков приговор истории, его же не преjdeши. Поэтому вместо всяких проектов для искоренения нищенства, вместо всяких учений о милостыне и о нищенстве, которые мы даже не смеем предлагать народу, ибо предлагать – значит навязывать, наконец, вместо гордого и самонадеянного желания, что вот я один помогу бедности, выстроив больницу для бедных или дом для вдов, или заведу приюты, вместо всего этого, если мы люди честные, мы должны соединиться с народом и попросить у него помощи в зле, которое недавно завелось.

Единственное спасение, единственный выход – в общине. Из сказанного выше о мире и о народе видно, что развитие народной благотворительности (а в ней-то и сила) должно идти рядом с развитием народного благосостояния, опирающегося на мирские учреждения, и потому первым делом будет дать миру средства к более свободной, полной и разумной жизни. Миру, братствам и артелям нужны сначала права и льготы. Между другими правами народу нужно возвращение права самосуда, чтобы народ не говорил: «мир не судим, а мирян бьют», чтоб слова «земский» и «давай скорей поборы» перестали быть синонимами, ибо, по пословице: «крестьянская сходка – земским водка». Потом нужно освобождение народа от «кабацкого просвещения», для чего предоставить народу право: а) иметь в селении кабак или не иметь; б) иметь надзор за кабаком, ибо это место раз-

врата, и с) оградить народ от откупщиков и кабаков самыми строгими законами. Взамен прав и льгот, полученных мирскими общинами и братскими учреждениями, обязать их завести школы. Каждый мир и каждая артель должны иметь свою школу для детей. Нищенствующие толпы детей немыслимы. Каждая школа после двухлетнего самостоятельного независимого существования получает ежегодное вспоможение от государства. Всякий приход есть церковная община, обязанная иметь школу и призирать бедных, убогих и сирот. Школа мирская и школа церковная могут, когда нужно, с мирского согласия, слиться в одну. Церковная община управляется выборными. Средства же образуются из церковных сборов и доходов, и потому все кружки, находящиеся в церкви, принадлежат общине. Всякий монастырь есть духовная община братьев и сестер, заключивших себя в стенах монастыря, пустыни или скита. Община выбирает себе архимандрита или игуменью и под их началом управляется выборными чинами. Община обязана иметь школу для мальчиков и девочек, которые могли бы случиться в монастыре. Все монастырские доходы принадлежат общине и имеют главным назначением дела благотворения. Монастырь, оказавший большие услуги народу в благотворительности, именуется *лаврой*, далее – *первоклассным*, а не оказавший никаких добрых дел нисходит на степень *заштатного*. Русским монашеским общинам могут служить примером подобные католические монашеские ассоциации, огромная сила которых известна всему миру. Будь эта сила обращена на путь благотворения, то, может, быть, человечество жило бы гораздо счастливее и покойнее. Вольная община, мирская ли то или артельная, церковная или монастырская, обязана оказывать и помощь, материальную или нравственную, всякому бедняку, убогому, сироте, нищему, который жи-

вет в общине или только приходит в нее. За каждого своего нищего или только собирающего в общине подаяние, взятого на месте преступления, община платит штраф, за детей – вдвое, за матерей с детьми – втрое. Штрафы обращаются на государственную благотворительность.

Таково, по нашему понятию, должно быть в настоящую минуту жизни человечества значение общины. История доказала хорошо, что одно государство решительно ничего не может сделать для уничтожения нищенства и бедности. Наполеоновские *depots de mendicite*, учрежденные в каждом департаменте, и наши 425 комитетов о просящих милостыни («Современник». 1860. IX, V. С. 249) едва пережили своих основателей и теперь прозябают среди полной неспособности к делу. Точно так же несостоятельной оказывается и личная, раздробленная благотворительность, известная под именем «милостыни» и имеющая религиозное значение. В средние века она зашла в Европу с Востока, где еще в древности в Иерусалимском храме собирали милостыню слепые и хромые иудеи. В классическом свежем европейском мире ее не знали, да мало того – она тогда была противна всей организации жизни. Плавт влагает в уста одного из своих лиц следующие поучительные для нас речи: «*de mendico male meretur qui ei dat quod edet aut quod bibat, nam et illud quod dat perditit et illi producit ad vitam malerimam*», т. е. **плохую услугу оказывают нищему, подавая ему кусок хлеба, потому что и те, что дают, теряют да и для нищего устраивают самую жалчайшую участь. Гораздо важнее Плавтова свидетельства то, что мы видим у себя перед глазами.**

Таким образом ни там, ни здесь нет выхода, нет спасения: остается одна община, остаются одни общие братские усилия, и к ним давно уж обратилась Западная Европа. Свободные, независимые французские общины,

подавленные сначала феодализмом, потом королевской властью и, наконец, поглощенные государственной цивилизацией, несмотря на все эти стеснения, остались живы как внутренняя народная сила и при первых шагах просвещения развились прекрасным цветом и обещают хорошую жатву. Они делаются тем необходимее, чем более сгущается население, чем шире идет жизнь и просвещение. Сильные общины в соединении с благотворительными, филантропическими (*compagnonnage*), социальными (*associations*) общинами и, наконец, наука, сознавшая эти учреждения как условие общественного благосостояния, – вот единственные опоры, спасающие западный мир и имеющие надежду спасти его совершенно.

Наше положение в настоящую минуту и лучше, и хуже в одно время. Хуже – потому, что нищенство и бедность развиваются, а общинное начало, ограничиваясь сельским населением, в обществе слабо и бледно, а еще слабее и бледнее наш гражданский смысл. Лучше – потому, что наша народность сохранилась чище и свежее, чем западная, и если мы протрем себе глаза и задумаемся, оглядимся, в какой ад мы идем, мы спасены, и светлее пойдет наше будущее, чем шло прошедшее Европы. Спасение – в общине, в братстве. Спасет нас одно: когда мы рассеем нищих и бедных по всем общинам, чтоб не соединились они в больших городах, чтоб не создали того страшного и отвратительного чудовища, известного под именем пауперизма, которое, ослабляясь на все принятые против него меры и усиливая, протягивает нам с Запада обе руки.

ИСТОРИЯ КАБАКОВ

ИСТОРИЯ КАБАКОВ В РОССИИ

в связи с историей русского народа

Господине, крестьяне ся
пропивают, а люди гибнут.

Кирилл Белозерский

Предисловие

Решаемся сказать несколько слов о том, что могут требовать от нас наши читатели. Первый том «Истории кабаков», первый посильный труд изучения питейного дела на Руси, был окончен еще в 1863 году и с тех пор более и более сокращался в объеме. Вслед за первым томом, так сказать официальной истории кабаков, были заготовлены материалы для двух следующих томов, именно исторический обзор кабацкого быта, происхождения и быта целовальников, городских пьяниц (кабацких ярыг) и неисчислимой голи кабацкой, то есть нищих, беглых, воров (бунтовщиков) и разбойников.

Целью нашей было изучить питейное дело со стороны той плодотворной жизни, на которой произрастали кабаки, сивуха, целовальники; взглянуть на него глазами миллионов людей, которые, не умудрившись в политической экономии, видели в пьянстве Божье

наказание и в то же время, испивая смертную чашу, протестовали этим против различных общественных «благ», иначе – пили с горя. Но второй и третий тома мы не сочли пока удобным выпустить на свет Божий, а ограничились только первым.

17 мая 1868 г.

И. Прыжов

Глава I

Черты старинной жизни русского народа

По свидетельству Начальной летописи, русская земля издавна имела свой наряд, жила по обычаям своим и по закону отцов своих, жила, как поет чешская песня XI века, «по правде и по закону святу, юже принесеху отци наши». Эта жизнь по правде, которую народ относит ко времени светлого князя Владимира, – подобно тому как кельты уносятся в своих воспоминаниях к королю Артуру или англосаксы к доброму королю Гродгару, – представляет нам первые твердые следы самобытного, свободного, исторически развившегося существования народа.

Ни мужиков, ни крестьян тогда еще не было, а были люди¹ – имя, которое доселе живет еще в южной Руси (люде – народ); был народ, владевший землей и состоявший из мужей и пахарей (ратай, оратай). Почтенный всеобщим уважением, ратай имел возможность мирно заниматься трудом, братски протягивая руку князю и князюму мужу, и вместе с ними устроая землю. Князья, «растя-матерея», вели друг с другом родовые счеты, сеяли землю крамолами; но пахарь дорого ценил свое мирное земское значение. И вот, склонившись перед

¹ «Ярополкъ княжа Кыевъ. Людье бо кыяне послаша по нь» (Лавр. 192).

мощью оратая, князь Вольга Святославович решается спросить его об имени-отчестве:

Ай же ты ратаю-ратаюшко!
Как-то тебя именем зовут,
Как величают по отчеству?

На это говорит ратай князю таковы слова:

Ай же Вольга Святославович!
А я ржи напашу, да во скирды сложу,
Во скирды складу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,
Драни надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, да и мужиков напою,
Станут мужички меня покликивати:
«Молодой Микулушка Селянинович!»

Лучшие мужи – «лепшие мужи» – держали землю, решали дела общей народной думой¹, и черты старого земского человека народ собрал в своем Илье Муромце, выразив в нем сознание всей полноты своей духовной и физической мощи. Во главе земского дела стояли совещательные собрания народа, сельские и племенные, миры, веча и сеймы. Старейшинами-вождями племен были князья, вскормленники Русской земли, обязанные блюсти ее покой. В 1097 году на Любечском сейме князья говорили: «Отъселе имеемся въ едино сердце и блюдем русские земли». В 1170 году на съезде в Киеве князья положили: «А нам дай Бог за крестьяны и за рускую землю головы свое сложите, и к мучеником причтеное быти». Об этом добром земском значении древнего князя, кроме

¹ «Деревляне собраша лучшіе мужи, иже деръжаху деревскую землю. – Сдумавше поляне и вдаша от дыма меч. – Сдумавше с князем своим Малом. – Ростовцы и суздальцы сдумавше вси».

свидетельства памятников, говорит и неподкупная народная память. И народ в своих былинах, и певец Игря в своем «Слове» одинаково уносятся воспоминанием к первым русским князьям...

Расселившись по земле и воде, весь народ с примыкавшими к нему инородцами составлял одну землю, жившую одним и тем же земским устроением, но сообразно с местными особенностями. Силой, которая тянула друг к другу отдельных членов общей русской семьи, было братство, сказавшееся особенно в Новгороде, в народоправном характере братчин, в южнорусском обычае побратимства и впоследствии в братствах юго-западной Руси. Братство, община, дело мирское, громадское составляли основу жизни; скоп был делом государственным с целью защиты земли. Всякий дом, носящий у скандинавов прекрасное название *manaheimr*, *minneheimr*¹, был местом радости и веселья; под кровом родного очага, обоготворенного человеком, братски сходились русский и славянин, свой родной и иноземец: «Ту немци и венедици, ту греци и морава поют славу Святъславлю!»

Строй земской жизни проявлялся в том веселом единении народа и князя-государя, которое мы встречаем на пирах Киевской Руси, древней Польши, еще жившей по-славянски, в чехах и так далее, во всей славянщине. Общины и миры, города и села сходились на игрища, собирались на братчины, пиры и беседы, которые, по старой памяти, доселе еще именуется у народа почетными и честными. На народный пир приглашали князя, на пир княжеский собирался народ. Народная память донесла до наших дней известие о пирах князя Владимира. Изяслав и сын его Ярослав осенью 1148 года давали пир Новгороду: «Посласта подвойскеи и бориче

¹ Или «мидгард» (древнесканд. *miðgarðr*), срединное огороженное место, земля внутри ограды:

по улицам кликати, зовучи к князю на обед от мала и до велика; и тако обедавшие, веселишася радостію великою и разъидошася в своя домаы». То же было в Киеве в 1152 году: «Вечъслав же уеха в Кіев, и еха к святее Софьи, и седе на столе деда своего и отца своего, и позва сына своего Изяслава на обед, и кіаны все». В общий строй жизни входила и Церковь, которая учила: «Егда творите пир, и зовете и братию и род и вельможи, или кто в вас возможет князя звати, и то все добро есть, то бо в свете сем чesътно. Призовите же паче всего оубо-гу братию, колико могуще по силе».

Всякое мирское дело непременно начиналось пиром или попойкой, и поэтому в социальной жизни народа напитки имели громадное культурное значение. То были старинные ячные и медвяные питья, которые славяне вынесли из своей арийской прародины и пили с тех пор в течение длинного ряда веков, вырабатывая свою культуру: брага (санск. *bgr, bhrj*; нем. *brauen, brüt* – варительница пива, потом невеста; фр. *brasser*), мед (санск. *madh, manth* – сбивать мутовкой, *madhu* – медвяный напиток; сканд. *mjodhr*), пиво (от славян. *numu*), эль (олуй, оловина) и квас – хмельной напиток, чисто славянский, обоготовренный у соседей-скандинавов в образе вещего Квасира¹. Брага называлась хмельной, пиво бархатным, меды стоялыми, квасы медвяными. Известия об этих питьях идут от самой ранней поры исторической жизни народа. «Се уже иду к вам, – говорит Ольга древлянам, – да пристроите меды многи во граде». Ольга пришла, совершила поминки по муже, и «седоша деревляне пити». Поставив церковь в Василеве, Владимир «створи праздник велик, варя 300 провар меду, и съзываше боляры своя, и посадники, старейшины по всем градом и люди многы».

¹ Подробнее в монографии «О напитках в древнейшем быту славянского племени».

По свидетельству Новгородской летописи под 1016 годом, дружина Ярослава так говорила князю: «Онъ си что ты тому велиши творити? Меду мало варено, а дружины много». Андрей Боголюбский «брашно свое и мед по улицам на возах слаше». Как увидим далее, питья эти, несмотря на порушенный уже строй жизни, продолжали славиться своей роскошью вплоть до XVIII века. «А нас, россиян, – писал Посошков, – благословляя благословил Бог хлебом и медом и всяких питей довольством; водок (настоек) у нас такое довольство, что и числа им нет; пива у нас предорогие (по качеству), и меды у нас преславные вареные, самые чистые, что ничем не хуже рейнского, а плохого рейнского и гораздо лучше». Было в употреблении и виноградное вино, известное на Руси еще в X веке и доступное даже простым людям¹.

Хмельные питья, пиво, брагу и мед, всякий варил про себя, сколько ему нужно было для обихода; в иных случаях варили питья семьями, миром, и то были мирская бражка, мирское пиво, как это делалось и у немцев, проживавших в Новгороде². У людей зажиточных заведены были медуши (погреба), где стояли бочки медов, пив и иностранных вин. В 1378 году за рекой Пьяной русские воины ездили беспечно, «а где наехаша в зажитиі мед и пиво, испиваху до пьяна без меры». В Москве при нашествии Тохтамыша «недобриі человеци начаша обходити по дворам, и износяще из погребов меды господскіе, и упивахуся до великаго пьяна». В 1146 году

¹ В Софийской летописи под 1476 годом записано: «И придоша к нему (к московскому царю) Никитины улицы два (старосты) Григоріи, Кипріянов сын, Арбузьев, да Василей Фомин, а явили от обоих улиц бочка вина краснаго». И далее: «Мнози житиі люди стрѣтоша его вси с вином». (П. С. Л. VI, 201.)

² В правилах немецкой конторы (XIV века) постановлено было: «Кто (из немцев) остается (в Новгороде) до времени варки меда, когда смешивается вода, мед и хмель, тот должен участвовать в общих издержках».

Изяслав «двор Святославль раздели на 4 части, и скотьнице, бретьянице (вместо бортьяница, или сербского бартъеница, как думали другие), и товар, иже бе не мочно двигнути, и в погребех было 500 берковьсков (берковцев) меду (около 5000 пудов), а вина 80 корчаг». В Слове XII века так описывалась старинная зажиточная жизнь: «Питіе же многое, мед и квас, вино, мед чистый пьпьярный, пьтя обнощная с гусльми и свирельми, веселіе многое». Как видно из Олеария (1639–1643), богатые погреба домашних питей существовали до второй половины XVII века. «Пиво, – говорит он, – сохраняется у русских в погребах, в которых сначала кладут снег и лед, потом ряд бочек, потом опять лед и опять бочки, и так далее; верх закрывается соломой и досками, так как подобные погреба открываются сверху. Устроив таким образом свои погреба, они опускают бочку за бочкою и пьют пиво ежедневно. Сохраняясь в подобных погребах, пиво в продолжение целого года остается холодным и притом не теряет вкуса». Поэтический образ таких погребов сохранился у народа в следующем прекрасном отрывке одной былины:

Как водочки сладкия, меды стоялые
Повешены в погреба глубокие в бочках-сороковках.
Бочки висят на цепях на железных,
Туда подведены ветры буйные;
Повеют ветры буйные в чистом поле,
Пойдут как воздухи по погребам, –
И загогочут бочки, как лебеди,
Как лебеди на тихих на заводях:
Так от того не затхнутся водочки сладкия,
Водочки сладкия, и меды стоялые;
Как чару пьешь – другой хочется,
Другую пьешь – по третьей душа горит.

Как всякого дорогого гостя, так и князя города встречали честью, «с хлебом и с вологою и с медом», или же, «наливши кубци и рога злещеныя с медом и вином», весь город своему гостю «честь творил вином и медом». На пирах князей, владык и бояр пили вина, пива и меды из драгоценных сосудов, серебряных и хрустальных.

При этом строе жизни пьянства в домосковской Руси не было, – не было его как порока, разъедающего народный организм. Питье составляло веселье, удовольствие, как это и видно из слов, вложенных древнерусским грамотником в уста Владимира: «Руси есть веселье пити, не можем без того быти». Но прошли века, совершилось многое, и ту же поговорку «ученые» стали приводить в пример пьянства, без которого будто бы «не можем быти...». Около питья братски сходился человек с человеком, сходились мужчины и женщины, и, скрепленная весельем и любовью, двигалась вперед социальная жизнь народа, возникали братчины (*нем.* *gilden*), и питейный дом (корчма) делался центром общественной жизни известного округа. Напитки, подкрепляя силы человека и собирая около себя людей, оказывали, по словам Бера, самое благодетельное влияние на физическую и духовную природу человека.

Глава II

Бортничество и пчеловодство

Переходя от общего очерка древнерусского быта к изучению его подробностей, именно к экономическому значению напитков, мы и здесь встретим следы самостоятельного, самобытного развития народной жизни.

Русская земля, в ту минуту как открывается ее история, представляется нам переполненной бортными леса-

ми (бортями), которые тогда заменяли пасеки и пчельники. Бортничество и пчеловодство были одним из путей колонизации земель, вновь занимаемых русским племенем, и, таким образом, вслед за сохой и топором, рядом с ухояями и угодьями различных названий появились и борти, возникали деревни-бортничихи, населенные пчеловодами. Бортничество было известно в областях Новгородской и Псковской, в Тверской, в землях Муромской и Рязанской, где особенно славился кадомский мед (Кадом известен с 1209 года). Вообще поволжские финны (мурома, вязьма, клязьма, Кострома) издавна были хорошими пчеловодами. Затем бортничеством занимались в Смоленске и Полоцке, в областях Киевской и Галицкой. Длугош говорит про Казимира, что он отнял у татар (1352) Подолию, богатую медом и скотом. Польские леса назывались медообильными (*silva melliflua*). Померания и Силезия считались странами медоносными.

Бортничество составляло одну из важнейших статей промышленности; бортъ была предметом ценным, и на бортных деревьях вырубали топором знамя – знак собственности; за снятие чужого знамени – «раззнаменить бортъ» – была установлена пеня. Законы о бортях вошли в «Русскую Правду». Бортные ухояья принадлежали народу, князьям и монастырям. «Княжи борти», упоминаемые в «Русской Правде», встречаются начиная с XII века во Владимире на Клязьме и Литве. В Московской области, как это видно из душевной грамоты Ивана Даниловича 1328 года, у князей были бортники, купленные и оброчные, которых князья с точностью разделяли между своими наследниками. На бортных землях, отдаваемых из-за оброка, приглашали желающих садиться на житье в лесу с платою определенного количества меду. В Московском уезде в XIV и XV веках из поселений в княжеских бортных ухояях и путях образовался целый борт-

ный стан. Радонежское село со всеми принадлежащими ему деревнями населено было бортниками; на старейшем пути московских князей стояло село Добрытинское «при добрытинской борти». Князья жаловали монастыри и духовенство бортями и свободой от бортных пошлин. До нас дошли подобные жалованные грамоты князей рязанских, Ростислава Мстиславича Смоленского, Всеволода Мстиславича, князей полоцких и так далее.

На дальнем севере пчеловодство завели, по преданию, святые Зосима и Савватий Соловецкие, и они признаны были распространителями и покровителями бортей и пчел по всей Русской земле. Подобным образом в муромской земле пчеловодство вошло в легенду о Петре и Февронии Муромских. Обширное занятие пчеловодством вызвало у народа особый молитвенник вроде целого молебна об изобилии и хранении пчел в ульях пчеловода и целый ряд поверий о святости пчелы, «божей пташки», и меда. Искусственное разведение пчел начинается с XIV века, когда в юго-западной Руси упоминаются *насики*, а в северо-восточной – *пчелы*, то есть ульи.

История русской торговли медом идет от глубокой старины. Скифские купцы, по свидетельству Геродота, еще до Рождества Христова высылали за границу мед и воск. На памяти истории, Русь сбывала мед в дунайский Переяславль, в Грецию, к хазарам и на дальний запад. Новгород вел обширную торговлю медом и воском, и при Ярославле был особый класс купцов, торговавших воском и называвшихся вощниками. Рыночная цена меду в 1170 году была 10 кун (куна равна $6\frac{2}{3}$ коп.), что считалось очень высокой ценой: «Бысть дорог в Новгороде». В перемирных грамотах Новгорода с лифляндским магистратом 1481 и 1493 годов указываются некоторые обычаи, соблюдавшиеся при торговле воском: «А на Ругодеве ругодньским весцом у купчин новгородских воску

не колупати, а хто с ним сторгуует, ино тому уколупити мало и вощано и вес капи спустити с новгородскими капами, а весити в рет по крестному целованию, а имати от въздыма от скалового как идут шкилики против трейде-ного». Но если немцы иногда колупали воск, то русские, со своей стороны, отпускали воск нечистый, ставили на нем фальшивые клейма. Псков также вел обширную торговлю медом и воском. В 1287 году псковичи отняли у иностранных купцов 63 капи воску, а капь равнялась 163 нынешним фунтам. В смоленском договоре 1229 года было поставлено, что немчин обязан был платить «от двою каплю воску весцю куна смоленская». Вес вощаной, доставлявший большие выгоды, Всеволодом (1126–1135) отдан был в Новгороде церкви Ивана на Опоках. «Даю, – говорил он, – светому великому Ивану от великоимения на строение церкви и в веки вес вощаный, а в Торжку (даю) пуд вощаной, а весити им в притворе светого Ивана». Из всего этого веса шел разным лицам громадный по тому времени доход, 78 гривен и 25 пудов меду, а всего с расходом на церковь – 95 гривен, что составляло пошлину с 23 750 пудов воска. По словам Шильдбергера, описавшего свое путешествие на восток в конце XIV и начале XV века, из южных пристаней русской земли воск шел в Венецию и Геную. По словам других иностранцев, весь северо-восток русской земли в XV и XVI веках изобиловал медом. Барбаро (1436) говорит, что рязанская земля была богата медом. «Московия, – пишет Кампензе (1537), – очень богата медом, который пчелы кладут на деревьях без всякого присмотра. Нередко в лесах попадаются целые рои сих полезных насекомых, сражающихся друг против друга на большом пространстве. Поселяне, которые держат домашних пчел близ своих жилищ и передают в виде наследства из рода в род, с трудом могут защищать их от нападения диких пчел. Сообразив это оби-

лие меду и лесов, неудивительно, что все то количество воска и жидкой и твердой смолы, которое употребляется в Европе, равно как и драгоценные меха, привозятся к нам через Ливонию из московских владений». То же повторил Павел Иовий (1537): «Самое важное произведение московской земли есть воск и мед. Вся страна изобилует плодоносными пчелами, которые кладут отличный мед не в искусственных крестьянских ульях, но в древесных дуплах. В дремучих лесах и рощах ветви деревьев часто бывают усеяны роями пчел, которых вовсе не нужно собирать звуками рожка. В дуплах нередко находят множество больших сотов старого меду, оставленного пчелами, и так как поселяне не успевают осмотреть каждое дерево, то весьма часто встречаются пни чрезвычайной толщины, наполненные медом. Веселый и остроумный посол Димитрий рассказывал нам для смеха, как крестьянин, опустившись в дупло огромного дерева, увяз в меду по самое горло. Тщетно ожидая помощи в уединенном лесу, он в продолжение двух дней питался медом и, наконец, удивительным образом выведен был из сего отчаянного положения медведем, который, подобно людям, будучи лаком до меду, спустился задними ногами в то же дупло. Поселянин схватил его руками сзади и закричал так громко, что испуганный медведь поспешно выскочил из дупла и вытащил его вместе с собою. Москвитяне отпускают в Европу множество воску».

По словам Флетчера (1588), мед в значительном количестве шел из мордвы и Кадома, близ земли черемис, также из областей Северной, Рязанской, Муромской, Казанской и Смоленской. Флетчер говорит, что в его время, за исключением внутреннего потребления воска, еще вывозили за границу до десяти тысяч пудов, а прежде гораздо больше – до пятидесяти тысяч пудов. По Олеарию (1639), воску вывозилось ежегодно более двадцати

центнеров. «Самый лучший мед, – прибавляет он, – идет через Псков». В 1476 году мед в Пскове продавали по 7 пудов за полтину; в 1486 году – по 11 пудов за полтину. В 1575 году в Москве стояли следующие цены на воск: «Воску берковеск по 70 ефимков, станет пуд по семи ефимков (2 рубля 10 алтын 2 деньги), в Брабанех пуд по 3 рубля, в Шпанской пуд по 6 рублей; делают в нем свечи, а с кем сговоришь, имайся за сто берковес: да спросити по колку пуд в круг делают; в Голандской земле воску фунт по 5 стювершей (1 алтын 4 деньги), пуд по 2 рубля; ныне за посмех дешев нет провоска».

Но к XVII веку, когда приготовление медов успело сделаться преступным корчемством, медовой промысел упал и северо-восточная Русь сама начала получать воск из-за границы. В 1692 году получено было через архангельский порт шесть тонн воска. В этом году в Рязани цены стояли следующие: в Богословском монастыре куплено муромских 200 легинов меду и шесть пудов патоки по 20 алтын; кадка меду готового в три пуда стоила 2 рубля; в Москве фунт меду стоил 4 деньги. Чем дальше шло время, тем более сокращался медовой промысел. Недавно еще в Чистопольском уезде Казанской губернии ульи считались тысячами, но медоварение уже было неизвестно. Вместо обычного приготовления старинных медов теперь из меда тянули водку, и только чувашаи, татары и мордва секретно упивались кислым медом из негодных вощин, называемым савраско или воронок. В Белоруссии до последнего времени оставались ценными бортные леса, многие уезды славилась пчеловодством и вели обширную торговлю медом. Еще недавно славился медами старинный город Игумен Минской губернии.

Чтобы обнять разом судьбы медового промысла и медоварения, стоит только обратить внимание на русское право, ибо в праве, как известно, все изменения народно-

го быта отлагаются, словно пласты. Законы о медовом промысле, развивавшиеся вместе с бытом народа, входят в «Русскую Правду», составленную в Новгороде отчасти при Ярославе (1016–1020), отчасти при его преемниках, и имевшую силу от XI до XV века. По «Русской Правде» за порчу бортного дерева полагалось взыскание: «А в княжи борти 3 гривне, любо пожгут любо изудрут; а в смерди – 2 гривне». – «Аще кто борть подьтнетъ, то 3 гривны продажи, а за дерево полгривне». Кроме порчи самого бортного дерева, взыскание налагалось за бортную межу, за пчел, за мед, за пчелиное гнездо, за уничтожение знака на борти: «Аже межю перетнет бортьную, то 12 гривне продаже». – «Аже пчелы выдерет кто – 3 гривне продаже, а за мед оже будут пчелы не вылажены (соты не будут подрезаны), то 10 кун; будет ли олек (гнездо, то есть молодые пчелки в сотах), то 5 кун». Касательно «выдранья пчел» иск имел место и в том случае, если ответчик был неизвестен или не был налицо: «Аще кто разламает борть или кто посечет древо на меже, то по верви (сельская община) искати татя в себе, а платит 12 гривен продажи». – «Аще кто рознаменае борть, то 12 гривен продажи, а за дерево полгривны». По делам о бортной земле установлены были следующие пошлины: «А се уроци судебнии от виры 9 кун, а метельнику 9 векош, а от бортьной земли 30 кун, а метельнику 12 векош. А се уроци ротънии от головы 30 кун, а от бортьной земли 30 кун». Мед был в числе товаров, которые ссужались для приращения приплодом. В «Русской Правде» это называлось «настав на мед»: «Аще кто дает настав на мед». Расчет процентов приплода был следующий: «А от двоих пчел на 12 лет приплода роев и с старыми пчелами 200 и 50 и 6 роев. А то кунами 100 гривен и 20 гривен и 4 гривны, а то чтено по полугривне рои и с медом, а приплода на лето по единому рою».

Установления эти переходили преемственно в статуты Вислицкий и Литовский. В Вислицком статуте 1347 года, составленном из статутов Великой и Малой Польши, определено было: «А кто кому дерево зрубит со пчелами, имеет заплатить гривну (1 рубль 76 копеек) тому, чьи пчелы, а другую – судове гривну; а кто бортное дерево зрубит без пчел, то полгривны (88 копеек) заплатить, а судове – другую полгривны». По Литовскому статуту, борти разделялись на господарские, панские и землянские. Бортники, посещая свои борти, имели право брать с собой только «секиру и пешню, чем борти рубити»; имели право надрать «лык на лазиво або лубя на лазын и на иные потребы бортьницкие». Если б дерево опалило огнем, то «было волно им улей з бортью выпусти, а верховье и корень того дерева оставити в пущы тому пану, чия пуща есть».

Владелец пущи, рубя лес, обязан был находящимся в пуще чужим «бортем, а дереву жадное шкоды вчинити». За порчу бортного дерева полагалась «копа грошей»; срубивший или испортивший сосну «пчолницу», хотя бы в то время пчел в нее не было, платил «полкопы грошей»; за порчу сосны или дуба бортного, в котором пчелы еще не бывали, или сосны «кремленной» платили 15 грошей. Статьи «Русской Правды» о «пчелах нелажонных» повторяются и в Статуте. Кто выдерет «нелажонных пчел», тот платит по Статуту 1529 года полукопу грошей, по Статуту 1588 года – по две копы грошей, а за лажонные – 15 грошей; по Статуту 1588 года, кто в пасеке или в лесу выдрал пчел или с ульем взял – платит 3 копы грошей; «если бы кого з лицом поймано, такового мают сказати яко злодея на горло; а хто бы свепет в чьем лесе умыслне порубал и мед выбрал, тот мает за то шесть рублей грошей заплат».

Московские Судебники 1427 и 1550 годов ни словом не упоминают о бортном и пчелином промысле; о нем упоминается только в прибавлениях к Судебнику 1550 года, заимствованных из Литовского статута. Справедливым оказывается Михалона свидетельство (1550), что москвичи даже хвастались, что они пользуются литовскими законами! В прибавлениях к Судебнику за порчу бортного дерева с пчелами велено брать 2 рубля, а без пчел – 25 алтын, а за неделное бортное дерево – 12 алтын 4 деньги. «А кто будет у кого пчелы выдрал неподлаживаючи, а дерево не портил, тому повинен будет платить за всякие пчолы по полутора рубля».

Уложение 1649 года, следовавшее за Судебниками, заимствовав из Литовского статута 56 статей, взяло в том числе и статьи о пчелах. По Уложению, за бортное дерево с пчелами положено 3 рубля, а без пчел, в котором дереве наперед того пчелы были, полтора рубля; а в котором дереве борть была сделана, а пчел не бывало, и за то 25 алтын; за кряж невыделанный по 12 алтын 3 деньги, сколько их ни испортит. Кто выдерет пчел, а бортей не испортит, на том доправить за всякие пчелы по полутора рубля; за покражу улья – по три рубля за улей, да еще бить его кнутом; а кто подсечет дерево с пчелами и мед из того дерева выдерет, на том доправить 6 рублей и отдать истцу.

Но с упадком медоварения, подорванного кабаками, законы о пчелах, заимствованные Уложением, не имели никакого значения, и пчеловодство упало больше и больше. Наконец, по Своду законов, составленному в текущем столетии, «усовершенствование пчеловодства принадлежит к ведомству Министерства государственных имуществ».

Глава III

Первое появление пошлыны с питей. Медовые дани. Подать с хмеля и солода

Повсеместное обилие меда и других продуктов, употреблявшихся для приготовления питей, вызвало установление пошлын – «как пошло исстари» – и мыта, которые собирались с меда, с хмеля, с солода, а также натурой – медом и хмелем. Медовые дани известны были во всем славянском мире. Дубровник приобретал земли «со всеми правими медами». Древляне в 946 году платили дань медом и скорою.

Мстислав в 1125 году установил собирать «со ста по две лукне меду». Владимирский князь Мстислав Данилович в 1289 году за крамолу жителей города Берестья (Брест-Литовска) наложил на них дань, в число которой шло, между прочим, «со ста по две лоукне меду». Дань эта впоследствии носила название медовой дани, медового, оброка медового, оброчного меда.

В Новгороде в договорах, по которым принимали князей, помещались и условия на право варить мед. По первой новгородской грамоте 1263 года князь посылал своего медовара в Ладогу: «А в Ладогу ти, княже, слати осетрник и медовара по грамоте отца своего Ярослава». Но при этом новгородцы прибавляли: «А ту грамоту, княже, отъял еси, а та грамота, княже, дата ти назад». То же повторялось в договорных грамотах 1309 года с князем Михаилом Ярославичем Тверским, 1326 года с князем Александром Михайловичем Тверским и даже в 1571 году с великим князем Иваном Василевичем, которому новгородцы говорили: «И в Ладогу вам слати осетрники и медовары по старым грамотам, по хрестным».

Дань ржовская с города Ржова, соседнего Ивангороду и принадлежавшего сначала Пскову, потом Новгороду, литовскому королю и, наконец, Москве, во время новгородского владения определялась так: «А люди на них варят дванадцать варов пива, а дванадцать ночей ночевати им у волости, и в осень дванадцать, и зиме дванадцать, — а Зенко Еховичь с своим племенем владыце дают чотыри пуды меду пресного, а великому князю московскому с тых двух третей ничего не давали, а владыце новгородскому и бояром новгородским большей того не хоживало ничего, как в списке стоит, как поведают старые люди». Так все велось до тех пор, когда царь взял Новгород, и «вечо им сказал», и началось то, чего прежде не бывало... «А того здавна не бывало, — продолжает записка о ржовской дани, — што владычним бояром ездити по тым жеребем, много нишли только одно поселник ездит по тым варом пивным, поки объедет пива, а объехавши пива прочь едет и прикажет ржовитину заведать от себе как вышей писано». — «То как вжо князь великий Новгород зневолил и вечо им сказал, — заключает записка, — то бояре новгородские живут на волости, судят и рядят и люди грабят, и берут што хотят, и мучат люди, а с москвовичы с Костентиновыми слугами посполу съезжаются — одна их вся дума». Но было время, когда этих вещей не делалось даже во владениях самого московского царя. Поместья раздавались еще «с тамгою и бортью», как потом стали раздавать их «с тамгою и кабаком». Оброчными варями княжескими заведовали волостели и даньщики: «А коли ны будеть слати своих даньщиков в город и на вари, и тебе слати с нашими данщики своего данщика, опричь Ростовця и Перемышля и Козлова броду, а что сберуть, а тому идти в мою казну».

Первые известия о хмеле встречаются на Западе, в северной Франции и Нидерландах с VIII века. На Руси

о хмеле упоминается в Начальной летописи; древний Новгород вместе с воском и медом отправлял за море и хмель, собираемый в земле Тверской и Суздальской. В договорной грамоте 1263 года Новгорода с князем Ярославом Тверским пошлина с хмеля определялась так: «А от новгородца и от новоторжца у мыта имати от воза на две векши, и от хмельна короба». В договоре 1309 года с князем Михаилом Тверским: «А что, княже, мыт по суздальской земли и в твоей волости, от воза имати по две векши, а от лодьи, и от хмельна короба». Наконец, в договоре 1571 года с князем Иваном Василичем: «А что мыт по суздальской земли в вашей волости, от воза имать по две векши, и от лодьи, и от хмельна короба».

В купчих XIV и XV веков упоминаются «хмельники» при селах: «На низу куплены три села – и ловищи тих сел, и хмельники тих сел, и подскотины». В летописях записано несколько случаев дороговизны хмелю. В 1466 году «хмель дорог бяше, по 100 и 20 денег (4 рубля 80 копеек) зобница». В 1467 году: «Бысть хмель дорог во Пскове, зобницу купиша по полтине и по 10 денег» (2 рубля 40 копеек). – «Толко бысть хмель силно, по 60 денег ползобие (2 рубля 40 копеек), толку того было не велико время, а опять в немнозе понакладали, а он ссел, и по 15 денег (60 копеек серебром) зобница хмелю доброго. Такожь и в Новегороде было». В том же в 1467 году в Твери «бысть хмелю оковь по рублю» (около 3 рублей серебром). В Муроме в 1692 году кипа хмелю весом 22 пуда стоила с провозом 7 рублей 21 алтын 4 деньги. В XVII веке хмель разводили в Шуе и выписывали из Литвы через Псков. При Михаиле Федоровиче послана была во Псков грамота с запрещением покупать у литовцев хмель, потому что посланные за рубеж лазутчики объявили, что есть на Литве баба-ведунья и наговаривает на хмель с целью навести на Русь моровое поветрие...

Подать с солода известна по памятникам с XI века. В «Русской Правде», в статье о вирах, установлено: «А се поклонны вирные были при великом князе Ярославe: вирнику взяти 7 ведер солоду на неделю». Мастеру того времени, укреплявшему город, кроме платы, кроме денег на корм и на питье (волога) и кормов, давали еще солоду, чтоб сварить пива: «А солоду единое ему дадут 10 лукон». Говоря об этих даянх, писцовые книги всегда прибавляли – «а се по старине», и, руководствуясь этим старинным правом, в начале XVI века, за пятьдесят лет до появления кабаков, жила вся русская земля. В писцовой книге Вотской пятины 1499–1500 годов при описании дохода в пользу землевладельца или кормов, следующих наместнику, упоминались следующие дани: «Борть со пчелами, что была богоявленская, а в медаж ездить подлащык из Новагорода, – великого князя борть дана на оброк Петрову Васкову сыну, а ходити ему борть себе, а великаго князя оброка давати за пуд меду полторы гривны новгородские, – да в том же ухожае борти ему себе и иные делати и кузовы ставити в тот же оброк, – из хмелю половье, – десять бочек хмелю, – из хлеба и из хмелю четверть, – ведро пива, – два ведра пива, – насадка пива, – ключнику насадка пива, – три насадки пива, – за три бочки пива три гривны, – бочка пива, – две бочки пива, – ведро меду красного, – солод». В писцовой книге Деревской пятины 1495 года исчислялись пошлины: «Двадцать саков хмелю, – полкоробьи хмелю, – три короба хмелю, – семь коробей хмелю, – четвертка хмелю; за перевару солоду 19 коробей без четки, а хмелю 9 коробей и полторы четки; да зо всее волости на Якима варим две перевары двадцать коробей солоду, а хмель шел их же; а коли Яким к ним в волость не приедет, они ему давали за те перевары и за поклонное по полтора рубля ноугородских, – три коробьи солоду ячного, – три коробьи солоду

овсянаго, – с польобжы из меду из улейнаго и из бортей половье, – три четверти солоду, – бочька перевары 20 ведер, – бочька перевары 15 ведер».

Переваром назывался крепкий напиток, приготовленный из пива и меда и похожий на взварец. В точно таких же отношениях находилась Новгородская область и к королю литовскому. В договорах Новгорода с Казимиром были установлены следующие дани: «А Петровщины рубль, а мед и пиво с перевары, а мед сытити по силе». Или: «А мед сытити по силе с перевары, а тивуну по переваром у пятнадцати человек». Переваром здесь называлось место, где на князя варили оброчные меды. Об этих даях не упоминалось только в договоре с Литвой 1470 года, составленном накануне падения новгородской свободы...

Рассматривая все эти пошлины, мы находим, что народ XIV и XV веков жил достаточно, разводил хмель, варил пива и меды – словом, жил так, как рассказывает указанная выше былина о Микуле Селяниновиче.

Следы древних пошлин с продуктов, из которых готовились питья, и питья натурой оставались кое-где и во второй половине XVI века. В уставной грамоте Ивана Васильевича двинским тиунам говорилось: «А у кого будет на погосте в волости пир или братчина, и он несет тиуну насадку питья ведро, какое питье у него лучится; а не люба будет насадка питья, и они дадут за питье деньгу». В таможенной грамоте на Белоозеро 1551 года померное велено брать и с хмелю; установлена дворовая пошлина с меду: с кади солоду от 7 до 10 пудов – по деньге; будет кадь меньше 7 пудов – и они берут по расчету; с круга воска – по четыре деньги. В 1564 году он же Иван Васильевич пожаловал мордвина Кельдяева именьями в Арзамасском уезде: бортный загон, платежа с него полтора фунта меду; он же Кельдяев обязан

был платить в казну по четыре рубля, а медом по пяти пуд. Подати медом и воском удержались кое-где даже в XVII веке, хотя тут же рядом с ними существовали и кабацкие откупы. В приходо-расходной книге Нижегородского уезда 1612 года значатся между прочим следующие сборы: «За кабацкіе суды, за кубы и за трубы, – и с пива и с медов провозных денег, – с кабака откupu по расчету и за балахонской за кабацкой воск, – и с бортных сел». В уставной грамоте городу Тотьме 1622 года: «А кто поедет к Тотьме, то с солода и со всякого хлеба имати с продавца померу с четверти по деньге, а с хмелю померу не имати, а имати с хмелю весчая рублевая пошлина».

Так до половины XVI века жила вся русская земля, свободно варя питья и платя за это пошлину с солода, с хмеля и меда, что и называлось «брашной пошлиной». Подать с солода (и с хмеля) известна была англосаксам и древним германцам, и до сих пор еще у англичан налог на солод занимает главное место в питейных сборах (речь Гладстона о налоге на солод).

Глава IV

Питейные дома на Западе. Корчма – древнеславянский общественный питейный дом

Заплатив пошлину за солод и хмель, народ спокойно варил себе питья и спокойно распивал их дома среди семьи, или на братчинах, или на братских попойках в корчмах. Один из главных признаков сложившейся народной жизни – это следы социального ее устройства, проявляющиеся в организации пировных общин, из которых потом вырастают могущественные городские общины (братчина – гильда, артель – цех), и в заведении

общественных питейных домов. Человеку, вышедшему из дикого состояния, немислимо, чтоб он дома у себя или в питейном доме один упивался пьяным питьем и чтоб, напиваясь поодиночке, упивались все... На основании простого физиологического закона, что посредством веселого возбуждения облегчается пищеварение, что среди людей легче естся и пьется, люди собирались пить вместе, и в дружеской беседе около вина, в братском столкновении человека с человеком завязывалась между людьми социальная жизнь.

Древние Афины наполнены были питейными домами, называемыми *καπηλεια* (капелеи) – от *κάοςπηλ*, лат. *сауро* (родственное с церковнослав. *куп-и-ти*, *коп-а*) – первоначально *лавка*, потом *питейный дом*. Здесь народ проводил время, распивая вино и слушая флейтщиц. В числе лиц, посещавших капелеи, мы встречаем Сократа. Римские питейные заведения известны под несколькими именами: *саура*, *саурона*, *ропина* (питейный дом) – от *pino* (пить), и *taberna* (мелочная лавка; питейный дом) – от *tabula* (стол). В этих домах, где кроме вина продавались и кушанья, мы встречаем в числе всего римского народа известных римских граждан: Овидия, Горация, Проперция, Тибула и Цицерона. К концу Римской империи в римском народе стали возникать социальные общины (*collegia*), составившиеся преимущественно из людей бедных, и местом их собраний (*schola collegii*) служили портики и таверны. Поэтому в одно время от Клавдия вышел приказ запретить все питейные дома.

Германские общественные питейные заведения идут от глубокой старины. Вописк сообщает известие от половины III века, что Диоклетиан, будучи в Галлии в стране тунгров, нашел там корчму, в которой хозяйкой была друидесса. Немецкие питейные дома назывались: *Herberge* (то есть *Heerberge*, wo das Heer geborgen, d.h.

aufgenommen wird), откуда фр. *auberge*, ит. *albergo* – постоянный двор, корчма; *Keller* (от лат. *cella*) – погреб; и *Krug* – корчма; *Nobiskrug* – не здешняя, чертова корчма. В этих домах собирались все, и светские, и духовные люди, и в королевских капитуляриях повторяется постоянно известное средневековое предостережение: *ut monachi et clerici tabernas non ingrediuntur edends vel bibendi caussa*. Итак, в то время питейные дома были вместе и съестными. В них пили пиво, эль, а с XV века виноградное вино. **Питейный дом был заведением общественным.** Там собирались мужчины и женщины; все граждане, начиная от самых почетнейших, сходились туда **совещаться об общественных делах; тут же собирались и земские суды (Landsgerichte).** Заведения эти отличались чисто семейным характером; посещавший их гость был так же свободен, как дома, между своими, и хозяин герберга, провожая гостя, звал свою дочь подать ему прощальную чашу. Кроме того, в больших торговых городах образовались так называемые **магистратские погреба (Rathskeller)**, куда каждый вечер собирались члены городского управления, часто с супругами и дочерьми. Погреба эти и их **хозяева (Rathskellermeister)** пользовались европейской известностью. В немецких питейных домах, начиная с Лютера, мы встречаем всех передовых людей Германии. Гете в погребе Ауербаха, в Лейпциге, написал несколько сцен из «Фауста». Гейне оставил знаменитое обращение к бременскому ратскеллермейстеру. В Англии при Елизавете **встречались корчмы, где триста человек с лошадьми могли быть приняты и угощены,** а в XVII веке в каждой деревне была корчма (*Gasthaus*), хорошо освещенная, с раздушенным бельем, с кружкой доброго эля и с обедом из форелей.

Питейный дом во Франции называется *cabaret*. Слово это, по-видимому, созвучное *кабаку*, происходит

от *cabare* вместо *cavare* (*fodere*), откуда *cave* и *cabaret* (погреб). Кабаре были, и отчасти остались, общественными домами, куда собиралось все народонаселение города, начиная от бедняков и до богатых людей. В кабаре можно было пить и есть, а потому человек, не имевший хозяйства, находил там приют, как будто в семье. Содержательница кабаре – всегда личность почтенная; память о ней редко умирает, оставаясь навеки за тем заведением, где эта женщина была хозяйкой. Поэтому Париж насчитывает у себя множество кабачков, носящих имя своей первой хозяйки и с тех пор приобретших историческую известность. *La veuve Bergin* содержала кабачок «Белый Барашек», который посещал Расин; *la mère Dinochau* была хозяйкой кабачка на улице Бреда, а сын ее в то время учился в коллегии в Блуа и, выучившись, сам сделался хозяином кабачка, куда собирались художники и публицисты. *Mère Cadet*, или *la mère de Cab*, хозяйка кабачка «Истинные друзья», носившая названия *brave femme*, *brave mère Cadet*, вскормила в своем кабачке целое поколение комиков французского театра. Кабачок *la mère Saguet* посещали Виктор Гюго, Беранже, Тьер, М. Фурнье, Арман Каррель – словом, все просвещенное общество тридцатых годов. Каждый из кабачков, где собирается так называемый простой народ, представляет обширную *mongeoire*. Так, в простом кабачке, называемом «Калифорнией», который содержит *Madame Cadet*, ежедневно выходит 5000 порций мяса, в год 1000 мер бобов, громадное количество картофеля, оливок, масла и так далее.

Древнеславянские общественные питейные заведения назывались корчмами. *Корчма* – вместо *кормча* от сербского *крма*, церковнославянского *крѣма*, русского *кормь* (ср. кашубское *харна*, сербское *крмача*, *крмача*). Мухлинский указывал первоначальное значение корчмы

в персидском *chordén* (есть), арабско-турецком *chorzama* (расход, издержки на провизию) от зендского корня *gar/hap* (*edere*), *qarena*, *charetha* (*nourriture*). Так далеко начинается родословное дерево корчмы – одного из учреждений, созданных славянским племенем!

От славян корчма перешла к венграм (*kortsma*) и к эстам (*körts*, *körtsmit*). Итак, корчмой называлось место, куда народ сходил для питья и еды, для бесед и попок с песнями и музыкой. Мартин Галл (начало XII века) записал в своей хронике, что когда умер Болеслав Храбрый, то в корчмах смолкли звуки цитры: «*nullus citharae sonus audiebatur in tabernis*». У западных славян в корчмах приставы передавали народу постановления правительства, судьи творили суд, разбирались дела между приезжими людьми, и корчмы долго заменяли ратуши и гостиные двory. Начиная с XI века мы встречаем следы корчем у южных славян, в Чехах, в Польше, в Жмуди, у славян прибалтийских и новгородских и на Руси Киевской. В древней Сербии продажа питей – вольная. Душан, подтверждая дубровницким купцам свободную продажу питей, говорит: «И крьчму да носе». Впоследствии, именно в наше время, уже корчма у сербов исчезает, вытесняемая немецкими обычаями. Но у болгар она еще цела и, сохраняя свое древнее социальное значение, отличается от механы (гостиница, питейный дом), заимствованной болгарами от турок или от венгров. В болгарской корчме торгует женщина или девушка, корчмарица, крьчмарка. В песнях южных славян корчмарка – постоянный друг и посестрима народных героев. В корчмах пьет вино знаменитый герой южнославянского эпоса Кралевич Марко; корчмарка Ангелина спасает его, своего побратима от Гина Арнаутина, или отправляется в Софию и сватает за Марка дочь болгарского царя Шишмана. Теперешняя болгарская корчма обыкновенно

состоит из одной комнаты; посреди комнаты – огнище, где пылает огонь, а в крыше отверстие для дыма. Вокруг огнища стоят столики и стулики, на которых сидят гости, именно старики, приходящие сюда для бесед, певцы, которые поют о старине, портной, обшивающий всю окрестность и знающий все новости, поп, дьячки и так далее. В углу корчмы – лавка, где продают веревки, орехи, фасоль, пшено и вместе с этим вино и ракию (водку). К бочке приделана канелка (втулка), заткнутая чепом, и из бочки вино наливают в жестяную кружку (ока) или в глиняный кувшин (пукал) и затем разливают в чаши. Древнеславянские напитки – квас, пиво и мед – совершенно исчезли у болгар, сменившись виноградным вином, доступным на юге всякому человеку, и водкой (ракией), употребляемой только людьми богатыми.

Корчмы западных славян известны мне с XIII века. В чешском словаре Вацерада 1202 года упомянуты *kr'cta* и *kr'ctar*. В Винодольском законе хорватов, известном по рукописи XIII века, упоминаются латинские названия *товерна* и *товернар*; но на полях рукописи для означения корчмы изображены стол, а на нем ведро, кружка и жмуль. В Померании корчма, находившаяся в зависимости от жупана, стояла непременно на каждом рынке и была центром финансового управления в округе, точно так же, как у других западных славян она была центром управления судебного. В Колобреге, при двух жупанах, было и две корчмы. И до сих пор у кашубов, вымиравших в западной Пруссии, поется в Иванов день песня, которая славит древнего корчмаря:

A vè lèdze ze vse,
Po co vè se tu zesze?
Ve njic nie póviece.
Jo viem, jo poviem.

Jo jem sin karczmariski,
 Kawaler dzirski.
 Mom trènki dvojàkewo rodè,
 Jedne dlo zdrowjo, drege dlo wóchodè.
 Chto te trenki zaživo,
 Ten bógactwo mievo.
 Jo je zaživaję
 J bógactwa miévaję.

(А вы люди из деревни, зачем вы здесь сошлись? Вы ничего не знаете, ничего не скажете. Я знаю, я скажу. Я сын корчмаря, храбрый кавалер. У меня напитки двоякого рода, одни для здоровья, другие для праздника. Кто употребляет эти напитки, тот бывает богат. Я их употребляю и имею богатства.)

Трогательно это воспоминание о корчме у народа, забывшего не только свою страну, но и свой старый язык! В Богемии и Польше начиная с XI века везде, на площади или рынке, стояла корчма. В иных городах было от двух до четырех корчем: *in Bitom targowe duae tabernae*, *in Siewor novum targowe una taberna*; *ad magnum sal quatuor tabernae*. Западные корчмы сначала были, как и везде, вольными учреждениями, куда народ спокойно собирался по торговым дням, потом делались княжескими, казенными или вместе с землей переходили в наследственную собственность арендаторов (шульцов), получавших право заводить *libera taberna*, или к духовенству, к епископам и монастырям, и тогда народ стал заводить себе тайные корчмы (***taberna occulta***), известные с XII века. Свободные корчмари подлежали ведомству и дворовому суду (*sigia*) того господина, на земле которого находилась корчма.

В юго-западной Руси доселе еще удержалась древнеславянская корчма, и в разных местах Белоруссии

встречаются остатки огромных корчем, превращенных теперь в заездные дома и составляющих как бы кварталы местечка. И если в Воронежской губернии народ по праздникам собирается уже около кабаков, то в Виленской губернии еще по-прежнему все общественные дела решаются в корчме, и во всей Белоруссии и Украине корчма служит обычным местом собраний для дел, бесед и гульбы. В Белоруссии бабку после крестин ведут в корчму. Еще недавно в некоторых уездах Витебской губернии, Динабургском, Режицком и Люценском, среди раскольников парни и девицы на Масленице собирались в корчму на праздник, называемый кирмаш, и парень, выбрав себе девицу, уходил с ней в лес и там венчался около дуба. Двор корчмы или стодола (сарай при корчме) служит местом собраний парней и дивчат, которые приходят сюда плясать под музыку. «Що Божої неділі, чи празника, після обіду, хлопці та дівчата сходютьця до корчми оттанцювать, а хозяйіни и жінкі збираютьця до їх подивитись, та побалакать де очім, а під час и чарку горілки выпить. От зібралось біля корчми людей вже чи мало, музики грають, парубок с дівкою танцюе, а старіиши, люльки запаливши, посадали соби на приспі тай балакають». – «Та не вси ж и п'яниці в шинку, – расказывает другой, – одні приходять сюда побачитись з добрыми людьми да побалакать, а другі – так, як оце й я, – чтоб послухать розумних людей и почуть що робитця у світі. Бачите, у нас на селі нікуди більш и збиратися». В праздник, когда нет дела, чоловік с утра уже идет в корчму и говорит жене: «Надо схаdziць на часок в карчму». Жена обыкновенно отвечает: «Пайдзешь на часок, а прасядзишь да начи; виць в карчмы смаляныи лавки: как сядзишь, так и паралипнешь».

Итак, корчма южной Руси, корчма вольная, является перед нами коренным народным учреждением. Тогда как

в других местах женщина стыдится войти в кабак или в трактир, а членами клубов – одни мужчины, в корчму входят все, и мужчины, и девушки. «В корчме и в бане уси ровные дворяне». Здесь-то, в корчме, гуляла прекрасная Бондарувна, жертва польских насилий и один из лучших женских образов украинской поэзии:

Ой у Луцку, в славнім місти, капелія грає,
Молодая Бондарувна у корчмі гуляє.

Но совсем уже не то местами, где корчма успела обратиться в кабак, зашедший из Москвы, или шинок (нем. *Schenke*), занесенный в Украину ляхами, куда теперь и *дівчата частують*. Дівчата, ночные собрания которых разгоняют *для порядку*, собираются в корчмы пить. И плачется мать на свою дочь, пьющую в корчме:

Моя дочка ледащица, не ночує дома,
Моя дочка ледащица, не хоче робити,
Да як прійде неділенька, иде в корчму пити.

Так как в корчмах, между прочим, продавались и питья, то отсюда и самое продажное питье получило название *корчма* (кръчьма), с каким оно постоянно встречается в памятниках Древней Руси. У сербов *prodaje na krcmu* значит продавать по мелочи. Слово *кръчьмница* мы находим в древнейшем переводе пророчеств Исайи. В древнеболгарском языке *кръчьмница* – *taberna*; *кръчьбьник* (вместо *кръчьмьник*) – *ка̀лп̀ло̀с*. И с тех пор, вслед за древнеболгарским языком, обратившимся в церковнославянский, во всех древнерусских сочинениях кабаки и питейные дома всегда называются корчемницами и как будто облагораживаются этим в сознании духовного писателя. «Приключися, – говорит одна легенда, – яко

нѣции челоуѣцы по мѣрскому въ корчемницѣ пѣяху, и глаголюще съ собою о разныхъ вещахъ». Но тот же древнерусский грамотник впоследствии говорил другое. В одном сборнике XVII века корчма толкуется как самое постыдное место: «Корчмы, сирѣчь кабаки, или аптеки, дома суть губительнии». Слово *корчмствовать* в значении мелкой, розничной продажи встречается в списке «Русской Правды» конца XIII века.

На северо-востоке Руси, где общественная жизнь развита была гораздо слабее, чем на юге, корчмы не имели никакого значения. Суздаль, Владимир, Москва совершенно не знают корчемной жизни; напротив того, в Киеве, удивлявшем в XI веке своим народонаселением, своими осмью рынками (Адам Бременский, Дитмар Межиборгский), в не менее богатом Новгороде, во Пскове и Смоленске, который в летописи под 863 годом назывался великим и богатым городом, корчмы, должно думать, составляли важное городское учреждение. В уставной грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича 1150 года упоминаются мыта и корчмити: «В Лучинѣ (княжеской дани)... гривны, а мыта и корчмити невѣдомо на что ся снидеть». — «На Прупои (княжеской дани)... гривен, а на корчмитѣхъ не вѣдити на что ся сойдеть». — «На Копысѣ (княжеской дани)... гривны... а корчмити невѣдомо, на что ся сойдеть». То есть: неведомо, сколько сойдет с приезжих торговцев и с содержателей корчем. В Новгороде и Пскове корчмы составляют собственность городских общин. Князь, на основании договора, по которому он принят, не имеет в корчмах никакой воли: «А свободѣ ти, ни мыть на новгородской волости не ставити». По псковской грамоте, составленной в 1397 году на псковском вече, запрещалось: «княжимъ людемъ по дворамъ корчмы не держать, ни во Псковѣ, ни на пригородѣ, ни ведра, ни корецъ, ни

бочкою меда не продавати». Купцы немецкие, а, может быть, прежде и голландские, имели право на продажу пива на своем дворе. Но в половине XIV века, когда голландский двор находился уже в руках купцов немецких, новгородцы никак не хотели дозволить продажу пива и на дворе святого Олафа. В новгородской скре 1350 года сказано, что в этом году в собрании общинных купцов в Новгороде состоялось постановление, чтобы, пока стоит двор святого Петра, под страхом взыскания десяти марок никто не осмеливался продавать пива на готском дворе. Казимир Великий в 1348 году отдал войту колочинскому Петру город Роги в завислоцкой Руси, придав к нему, между прочим, две корчмы: *duas tabernas, similiter duas mensas ranum*. Корчемники платили подати. В 1417 году псковские посадники «наймитовъ нанята и поставиша костер (башню) на Кромю отъ Псковы, а поимаша то серебро на корчмитѣхъ». В 1474 году князь-местер Ризский прислал посла к великому князю воеводе Даниле Дмитриевичу (Холмскому) и к князю псковскому Ярославу Васильевичу и говорил: «Азь князь великой Илифлямской и Ризской повѣствую, чтобы ми есте миръ дали, и язъ князь местерь съ воды и съ земли сступаюся дому святыя Троица и всего Пскова, моихъ сусѣдъ, да и за то имаюся, что ми къ вам во Псковъ изъ своей волости корчмы пива и меду не пуцати, – а колода отложите по всей моей державѣ, а на том пишу грамоту и крестъ цѣлую за всю свою державу и за вси города, а опроче пискупа юрьевского и всехъ юрьевцовъ». В том же году заключен был договор и с юрьевцами (Дерптом) на тридцать лет, по которому они обязались «во Псковъ корчмы не возити, ни торговати, ни колодѣ (заставы) у костра (башня или стрельница) не держати». В самом же договоре мы читаем: «А корчмою пивомъ нѣмецкому гостю во Псковѣ не торговати, а опричь корчмы и пива всякій

товаръ возити по старинѣ». В одном из списков Псковской летописи добавлено: «И оттолѣ преста корчма нѣмецкая». То же обязательство помещено в перемирном листе 1482 года между Новгородом и лифляндским магистром: «А пива и корчмы нѣмцомъ не продавати въ Новѣгородѣ, а ни по пригородамъ», и в новом перемирии 1493 года: «А корчомъ нѣмцомъ въ Новѣгородѣ не продавати ни по пригородомъ».

Не то было по городам, которыми владели князья. Облагая пошлинами напитки, заводя свои княжеские корчмы и преследуя вольное корчемство, князья вызвали этим появление тайных корчем. Звание корчемника унижалось, делалось преступным. В Паисиевском сборнике XIV века в исчислении запрещенных занятий, за которые отлучают от Церкви, рядом с чародеями и наузотворцами упоминается и корчемник (корчмить). В Никоновской летописи под 1399 годом говорится про Михаила Александровича Тверского: «Во дни убо княженія его разбойницы и тати и ябедники изчезоша, и мытари и корчемники (в княжеских корчмах), и торговыя злыя тамги истребишась». Кирилл Белозерский около 1408–1413 годов писал можайскому князю Андрею Дмитриевичу: «И ты, господине, внимай себе, чтобы корчмы (княжеской) в твоей отчине не было, занеже, господине, то велика пагуба душам, крестьяне ся, господине, пропивают, а души гибнуть». По словам Иоасафа Барбаро (1436), при Иване III право готовить питье принадлежало уже казне: «Он (Иван III) издал указ, воспреещающий кому бы то ни было варить мед и пиво и употреблять хмель». То же подтверждает Амвросий Контарини (1474–1477): «Напиток этот (мед с хмелем) очень не дурен, в особенности когда он стар. Впрочем, великий князь не всем позволяет варить его». Он же упоминает о существовании в Москве корчем, в которых ели и пили:

«poi ridursi nelle taverne á mangiare et bere, et passata la detta hora, non si puo haver da lor servitio alcuno». Алберт Кампензе (1523) прибавляет, что жителям Москвы разрешалось употреблять напитки только по праздникам: «Эта народная слабость (пьянство) принудила государя их запретить навсегда, под опасением строжайшего взыскания, употребление пива и другого рода хмельных напитков, исключая одни только праздничные дни. Повеление сие, несмотря на всю тягость оногo, исполняется москвитянами, как и все прочие, с необычайною покорностию». Герберштейн (1517, 1526) оставил известие, что еще Василий Иванович построил для своих слуг за Москвой-рекой какой-то дом или слободу, названные Наливками (теперешнее урочище у Спаса на Наливках), и позволил им пить там пиво и мед, запрещенные остальным жителям города: «porro non procul a civitate domunculae quaedam apparent, et trans fluvium villae, ubi non multis retroactis annis, Basilius princeps satellitibus suis novam Nali civitatem (quod eorum lingua *infunde* sonat) exaedificavit, propterea quod cum aliis Ruthenis medonem et cerevisiam bibere, exceptis paucis diebus in anno, prohibitum sit, iis solis bibendi potestas a Principe sit permissa. Atque eam ob rem ne caeteri illorum convictu corrumpentur, ab relinquentium consuetudine sunt sejuncti. То же известие, с незначительными дополнениями, повторяется у Гваньино, Михалона, Олеария и Флетчера. Гваньино (1560) в своем описании Московии, переделывая Герберштейна, говорил: «denique trans fluvium, Basilius, pater moderni principis, pro satellitibus suis, caeterisque extraneis, Polonis videlicet, Germanis et Lithuanis (qui a natura Bacchum sequuntur) oppidum Nalevki dictum, quod cognomen ab infundentis poculis habet, extruxit. Illic vero omnibus extraneis militibus et advenis, satellitibusque principis, inebriandi vario potus genere facultas concessa est, quod Moscovitis

gravi sub poena prohibetur». Место то читается несколько иначе в старинном русском переводе Гваньини: «Есть же в нем (в городе Москве) домов 41 500; к тому ж еще за рекою великий князь Василий, отец царя Иоана, ради Сепачов (?) своих, сиречь поллечников (?) инных людей общих (popleczników – сторонников) слободку, называемую Наливайки, создал». Литвин Михалон (1550) также слышал, что Иван III обратил свой народ к трезвости, запретив **везде питейные дома: «redacto populo ad sobrietatem cauponisque ubique interdictis»**. «Василий, – продолжал он, – увеличил свою столицу Москву, построив в нее слободу Налевки (Nalewki) руками наших наемных солдат и **дав ей это имя в укор нашему племени (иностранцам), склонному к пьянству, от слова *налей***». Слова Герберштейна, что «Наливки были построены *за рекою*», дополняются у Флетчера и Олеария тем, что они находились *на южной стороне города* и обращены были к татарской земле, и отсюда ясно, что они находились близ нынешнего **урочища Спаса на Наливках**. Флетчер говорит: «На южной стороне города царь Василий построил дома для солдат (satellitibus suis), позволив им пить вино в постные и заветные дни, когда другие русские должны были пить одну воду, и по этой причине (?) назвал новый город *Налей* (Naley), то есть *Наливайка*». Олеарий: «Четвертая часть города называется Стрелецкою слободою; лежит она в южной части города за речкою Московскою и обращена к татарской земле, *будучи окружена досчатым забором и деревянными бастионами*. Эта часть города выстроена была великим князем Василием, отцом Грозного, и назначена для поселения в нее иноземных солдат, и названа Налейки (Naleiki – **die Saufstadt**). У чехов *nali* значит *налей*. Это название произошло от того, что иностранцы, проживающие в Москве, гораздо больше предаются пьянству». Свидетельство иностранцев,

что еще при Иване III (1462–1505) закрыты были корчмы? и народу было запрещено употреблять напитки? и что при его преемнике, Василии (1505–1533), только слугам великого князя и иностранцам позволено было пить, и для их попок отведена слобода, огороженная забором, – показывает нам, что в Москве начиналось новое положение вещей, неизвестное остальной Руси. Первое широкое приложение к делу этого нового московского порядка должен был испытать Новгород Великий.

Князь в Новгороде был предводителем войска и исполнителем судебных решений, поставленных выборными судьями («князь казнит»), и за это шла ему половина судебных пошлин (казнь – казна). Кроме того, ему предоставлены были доходы от торговли, и, как мы видели, право медоварения по городам («слати медовара»). Князь не имел права приобретать земли в **Новгородской области** и мог торговать только через новгородцев. Основы старого новгородского порядка держались до самого падения Новгорода. Еще недавно (1469) вече объявляло, что великий князь (царя Новгород не знал, ни даже государя) не имеет права ни в земле, ни в воде; народ продолжал жить по-старому, спокойно собираясь в вольные корчмы и рассуждая о политических делах. Теперь же все это должно было рушиться. На место новгородских купцов, вывезенных вон и разосланных по городам, высланы были в Новгород купцы *московские*; имения боярские были разделены московским людям...¹

Новгород испытывал теперь всю тяжесть «пошлины низовской земли», как он сам выражался о Москве: «Великий Новгород низовской пошлины не знает, как

¹ В летописи под 1470 годом сказано, что весь Новгород всколыхался словно пьяный, а Беляев в своей «Истории Новгорода» переводит это место так: «Богатая молодежь выпустила пьяниц, собранных из кабаков». Заметим ему, что Новгород 1470 года совсем не знал, что такое кабаки...

наши государи держат там в низовской земле свое государство». Одной из низовских пошлин было запрещение свободного корчемства, и вот в Новгороде, опустошенном и ограбленном, Иван IV **начинает расставлять царские корчемные дворы**: «1543 года ноября 21 на Введенъев день прислал князь великий Иван Васильевич в Великий Новгород Ивана Дмитриевича Кривого, и он поставил в городе восемь корчемных дворов». В Новгороде появилось страшное пьянство, и новгородский владыка Феодосий **решился ходатайствовать за народ**. «Бога ради, государь, – писал он к царю, – потщися и помысли о своей отчине, о Великом Новгороде, что ся ныне в нее чинит. В корчмах беспрестанно души погибают без покаяния и причастий, в домех и на путех и торжищех убийства и грабления в граде и погостом великия учинилися, прохода и проезда нет». **27 января 1547 года были уничтожены** в Новгороде все царские корчмы: «Пожаловал царь и государь великий князь Иван Васильевич в своей отчине, в Великом Новгороде, отставил корчмы и питье кабацкое, давали по улицам старостам на тридцать человек две бочки пива, да шесть ведер меду, да вина горького полтора ведра на разруб». В Новгородской второй летописи дополнено: «В лето 7056 генваря в 10 день князь Иван Васильевич отставил в Новгороде корчмы, и дворы развозили». В городе появилась тайная продажа питей. «В лето 7079 месяца февраля 23 в пятоке на Масленой недели приехали в Новгород дьяки опришные, Семен Федоров сын Мишин да Алексей Михайлов Старой, да заповедали винщиком не торговати, да и сторожню уставили, на Великом мосту решотки; а поимають винщика с вином, или пьянаго человека, а ни (и они) велят бити кнутом, да и в воду мечют с Великаго мосту».

Московские питейные дома этого времени также назывались корчмами, хотя не имели никакого обще-

ственного значения. «В Московии, – писал Михалон в 1550 году, – нет шинков, и если у какого-нибудь домохозяина найдут хоть каплю вина, то весь дом его разоряется». Вольная корчма здесь была неизвестна; корчмы держали недельщики и десятники. По Судебнику 1550 года в поручных записях о недельщике говорилось, что ему «корчмы, б<лядей> и и всяких лихих людей не держать». Стоглавый собор 1551 года приказывал: «А корчем бы десятником не держати». По Домострою корчемный прикуп (прибыль) стоял рядом «с татьбою и кривым судом». Собираясь в корчмы, народ пил, не скидая шапок. «В церквах, – говорит Стоглав, – стоят в шапках, словно на торжищи или яко в корчемници». Пить и играть зернью в корчмах собирались бояре, монахи, попы и толпы холопов. Стоглав приказывал, чтоб «дети боярские, и люди боярские, и всякие бражники зернью не играли и по корчмам не пили». В выписи 1552 года, данной по приказу Ивана IV Андрею Берсеневу и Хованскому, велено им было беречи накрепко во всей Москве, чтоб «священнический и иноческий чины в корчмы не входили, в пьянстве не упивались, не празднословили и не лаяли». Сильвестр в своем Домострое давал боярам совет, чтоб они не держали у себя множества холопов, которые с горя пьянствуют по корчмам: «А держати людей у себя по силе, как мощно бы их пищею и одеянием удоволити; а толко людей у себя держати не по силе и не по добытку, и не удоволить их ествою и питьем и одеждою, или который слуга не рукоделен, собою не умеет промыслити; ино тем слугам, мужику, и жонке, и девке, у неволи плакав (вариант: заплакав), красти и лгати и блясти, а мужиком разбивати и красти, и в корчме пити и всякое зло чинити». По городам корчмы стали раздавать боярам. В 1548 году по жалованной грамоте царя город Шуя был отдан в кормление боярину Голохвастову «съ правдою, съ пятномъ и корчмою».

Важская уставная грамота 21 марта 1552 года запрещала посадским людям, и становым, и волостным крестьянам, живущим поблизости посадов, держать питья на продажу под опасением выемки оных и взыскания двух рублей пени на государя, а с питухов по полтине с человека. В уставной грамоте двинянам 1557 года сказано было, чтоб у них на Холмогорах на посаде, и в станах, и в волостях татей, и корчемников, и ябедников, и подписчиков, и всяких людей не было, — а коли у кого корчмы будут, они, того человека поймав, отдадут выборным своим судьям. Таким образом, корчмы закрывались везде, куда только хватала московская власть, и если оставались где еще, так это по дальним окраинам. Угличский житель, диакон Каменевич-Рвовский, рассказывал в 1669 году, что на устье реки Мологи (известной в 1137–1138 годах) в древности были торги великие, даже и до времени господаря Василия Васильевича Темного (1425–1462). Торги эти существовали и при Герберштейне (1517, 1527), который о них говорил: «При ея (Мологи) устьях стоит город с крепостью того же имени, а в двух милях от него стоит только церковь Холопьяго города. На этом месте бывает ярмонка, наиболее посещаемая во всем владении московского государя. Сюда стекаются, кроме шведов, ливонцев и московитов, еще татары и весьма многие другие народы из восточных и северных сторон»¹. Про ярмарку при устье Мологи близ Холопьяго городка (известного и в народных преданиях) Каменевич-Рвовский писал: «Река же та великая Молога полна судов была, в пристани своей на юстии широком и яко по судам тогда без перевозов и проходили все людие реку ту Мологу и реку Волгу на луг моложский, великий и прекрасный, иже имать величество свое. Луг той во округ семь верст. Сребро же то собирающееся пошлинное пудовое по 100 и по 80 пудов

¹ Герберштейн С. Записки. Спб., 1866. С. 119.

или по 70 000 денгами и больши собираху в казну великого князя теми деньгами, яко же бывший тогда в память свою нам о сем поведаша, я же от отец своих слышаша: тогда же на Мологе 70 кабаков винных и питей всяких было; торговали же без розъездов, по четыре месяцы, все купцы и гости; еже от древних слышаш и се в память по нас изоставшим родом всем восписах». Каменевич, говоря о семидесяти кабаках, выражался языком конца XVII века, потому что в XV и в начале XVI веков, в эпоху процветания Мологской ярмарки, кабаков еще не было, следовательно, на ярмарке стояло до семидесяти корчем.

Глава V

Москва. Появление кабака около 1555 года.

Корчемство становится контрабандой

Киевские князья ищут простора своей деятельности в дремучих лесах северо-востока. За князьями двигается народ, несет с собой киевский эпос, создает себе новый Киев – Владимир, строит в нем киевские церкви, киевские Золотые ворота, украшает новые места дорогими именами киевских урочищ, как, например, Печерский монастырь, река Лыбедь и так далее; но отросток южной жизни вырастает на чужой почве иным деревом. Князья, переселявшиеся на север, первым делом считали закрывать веча и «избивать вечников». Жизнь, заложенная на северо-востоке, всецело сказала в Москве...

Когда Киев и Новгород считали свою историю рядом столетий, Москвы еще не было, на месте Москвы жила чужд, но впоследствии поселилось здесь русское племя, которое окрепло среди жесточайших невзгод и стало потом центром всего русского мира. Возникновение Москвы, получившей свое имя от финского на-

звания Москва, то есть *мутная река*, по наивному замечанию летописца, совершилось так: «Діавол вложи в сердце князем татарским, сводиша братью, ркуше великому князю Юрью Даниловичу, оже ты даси выход больши князя Михаила тверского, а мы тебе княжеше великое дадим».

Побратавшись с татарами в тени этого «антинационального развития» (Буслаев), Москва начинает собирать около себя области Новгородскую, Псковскую, Тверскую, Рязанскую, Пермскую, Киевскую.

И здесь-то, в Москве, оторванной от южной Руси, возникает и крепнет московская жизнь. С XV столетия, когда все другие славянские народности оживают, когда у поляков, хорватов, хорутан, сербов (лазарица) и в южной Руси начинается зарождаться народная литература, в Москве открывается период окончательного упадка русской народности. К половине XVI века все уж было кончено. В двадцать каких-нибудь лет, от 1592 до 1611 года, невидимо выросло жесткое крепостное право. Не вчера началось так делаться, говорит неподкупная народная память, началось это с началом каменной Москвы:

В старые годы, прежние,
При зачине каменной Москвы,
Зачинался тут и грозный царь,
Грозный царь Иван сударь Васильевич.

Грамотность, просвещение, словесность, искусства, добрые международные отношения, возникшие некогда в Киеве в XII веке, в Москве погибли. К московской жизни вполне можно было приложить известные слова Геннадия: «Земля, господине, такова, не можемъ добыта, кто бы гораздъ грамотѣ!» Стоглавый собор 1551 года по поводу всеобщей безграмотности москов-

ского духовенства – учиться им негде! – с сожалением вспоминал о прежнем времени: «А прежде сего училища бывали въ российском царствіи на Москвѣ и въ Великом Новѣградѣ, и по инымъ градомъ многіе грамотѣ писати и пѣти и чести учили, потому тогда и грамотѣ гораздыхъ было много. Но писцы, и пѣвцы, и четцы славны были по всей земли и до днесь».

«Русская Правда», улетев на небеса, сменилась в Москве *Шемякиным судом* и *московской волокитой*. Мужички, княжеские думцы, перейдя в помещицки (с 1499), писались теперь *холопами*, а свое старинное имя мужей отдали всему народу, получившему имя *мужиков*...

До сих пор замечание Карамзина о явных следах татарщины в характере русского населения, в обычаях и языке стояло одиноко, и, мало того, наука даже отвергла возможность всякого (дурного) влияния татар. Но исследования памятников истории и языка, совершенные преимущественно трудами русской Академии наук, и затем некоторыми другими учеными¹, и, кроме ученых исследований, опыт жизни и достаточное развитие самопознания успели уже бросить свет на элементы, вошедшие в состав московской жизни. Стоит проследить день за днем возникновение и историческое развитие народных учреждений, как мы пытаемся сделать это на кабаке, и тогда откроется, что татарщина сказала у нас не в одном лишь случайном и легком заимствовании некоторых татарских слов, но и в заимствовании некоторой доли самой татарщины; что эти заимствованные слова были полным выражением того зверства диких татарских орд, которым сменилась правда, выработанная народом. Татарщина откроется, когда история расскажет

¹ Вельяминов-Зернов. Исследование о Касимовских царях и царевичах; Хартахай. Историческая судьба крымских татар; Савваитов. Описание старинных царских утварей; Muchlinski. Zródłostownik и др.

нам смену древней русской одежды на ту татарскую, которая покрывала наших предков с головы до ног: башмак, азым, армяк, зипун, чедыги, кафтан, учкур, шлык, башлык, колпак, клобук, тафья, темляк и так далее; когда увидим, как «правда по закону святу» вытесняется битьем и ругательствами, унаследованными от татар и живущими доселе в словах нам уже близких и родных: дурак, кулак, кулачное право, кандалы (кайданы), кат (палач), катувать, катать, бузовать, башка, карга и так далее; когда узнаем, как в русские обычаи входят: казна, казначей, караул, сундук, сарай, ям (откуда *ямщик*), харч (откуда *харчевня*); обращение права в правез, заимствованный от татар; установление тархан, ярлыков, чинов, чиновников¹, тамги (откуда *таможня*) и, наконец, кабака, сменившего корчму. Шевырев нашел, что от той же татарщины произошла даже известная господская игра, называемая *ералаш*.

Ошибкой было бы, если б мы все влияние монгольского востока ограничили одним лишь временем татарского ига. Влияние это началось в незапамятной старине и продолжалось в течение всего периода жесткой борьбы русского племени с дикими ордами, напиравшими с востока. В это время вошли в русскую жизнь кнут – орудие казни – и *ура*, что у монголов значит – *бей, колоти*, а у нас возглас народной радости. Затем наступило татарское иго. Не будем распространяться о насилиях и жестокостях татар, на которые плакался Серапион и о которых дошли до нас и предания и свидетельства памятников. В летописи под 1262 годом записано: «Въ лѣто 6770 бысть вѣчье на бесермены по всѣмъ градомъ русскимъ, и побита татаръ вездѣ, не терпяще насилія отъ нихъ, занеже умножишася татаровъ во всѣхъ градѣхъ русских, ясащики

¹ Китайское *чин*, перешедшее через монголов, случайно сходствует звуками с славянским *чин* (действие, *factum*).

живуще не выходя. Тогда жь и Зосиму убиша злаго преступника въ Ярославль; а на Устюжь городъ тогда былъ ясащикъ Буга богатырь, и взялъ у нѣкогого крестьянина дочь дѣвицу насиліемъ за ясакъ на постелю».

Новые волны насилия и жестокостей нахлынули на русскую землю в XVI веке с нашествием казанских, астраханских (Естер-хан) и сибирских царей, цариц и царевен, князей, князьков и царевичей, которые, предложив свою услугу Московскому царству и поженившись на русских боярышнях, сделались сберегателями русской земли, получили во владение города (Касимов, Звенигород, Каширу, Серпухов, Хотунь, Юрьев), множество сел и деревень, и один из них, Семион Бекбулатович, был даже великим князем «всѣя Руси», а другой, Годунов, царевубийцей и царем. Некрещеные мурзы безнаказанно владели крестьянами, и только два века спустя после так называемого освобождения от татар в 1682 году их заставили креститься. Перед татарщиной отступал даже обычай церкви. Бояре, приходя в церковь, стояли в татарских тафьях, и собор 1551 года по поводу вошедших в жизнь «преданий проклятого и безбожного Махмета» указывал, что «священныя правила возбраняють и не повелѣвають православнымъ поганскихъ обычаевъ вводить». Ясные следы злого татарского влияния проявились особенно тотчас же после взятия Казани: «И то приде грѣхъ ради нашихъ Богъ милосердіе свое показалъ надъ Казанью, а в насъ явились гордыя слова и учили мудры быть». В это время появился и кабак – место для продажи водки.

С XVI века на Руси делается известной водка, открытая арабами: арабские *alkohol*, *araku*; турецкое *raku* – водка; болгарское – *ракиш*; русское – *арак*. Рагез, родившийся в 860 году и бывший потом врачом большого госпиталя в Багдаде, первый указал способ приготовления алкоголя из очищенного от негашеной

известии винного спирта. В XIII веке водка является в Европе и до XVI века употребляется как лекарство или эссенция и продается по аптекам. В 1330 году она известна в южной Германии, в 1460 году в Швеции, в конце XIV века (1398) от генуэзцев, торговавших с Переяславом и Ромном, переходит в южную Русь и затем в первой половине XVI века распространяется по всему северо-востоку¹. Воротившись из-под Казани, Иван IV запретил в Москве продавать водку, позволив пить ее одним лишь опричникам, и для их попоек построил на Балчуге² особый дом, называемый по-татарски кабаком. У татар кабаком назывался постоянный двор, где продавались кушанья и напитки³. В 1545 году царское войско сожгло в Казани ханские кабаки, которые в летописи названы царскими: «И кабаки царевы пожгли». В самой Казани, во время взятия ее Грозным, стояли Кабацкие врата, находившиеся близ нынешней Засыпкиной улицы. Кабак, заведенный на Балчуге, полюбился царю, и из Москвы начали предписывать наместникам областей прекращать везде торговлю питьями, то есть корчму, корчемство, и заводить царевы кабаки, то есть места продажи напитков, казенной или откупной.

С появлением кабаков явился и откуп. Пример откупной системы мог быть заимствован из Византии, где

¹ Хлебное вино, при первом появлении своем в Европе, названо было *водою жизни*, *aqua vitae*, и с этим именем перешло в южную Русь: *оковита*. По способу приготовления водки ее называли на Украине *горилкой*; сербы и северо-восточная Русь прозвали ее *водой*: русское *водка*, сербское *водица* (Кар. В. Посл. 194).

² Балчуг – татарское слово, значит *топь, грязь*. Балчугом и теперь называется место между мостами Москворецким и Цепным.

³ О слове *кабак* см.: *Линде С. Б.* Материалы для сравнительного русского словаря. Варшава, 1845; *Новиков Н. И.* Древняя российская вивлиофика. Ч. 5. Спб., 1774. С. 7, 141, 143; *Татищев В. Н.* Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский. Спб., 1753.

издавна императоры отдавали напитки на откуп, или от татар. В Крыму при Шахан-Гирее мы встречаем, странным образом, русского откупщика из Калуги – Хохлова! Первые следы откупа мы находим еще в 1240 году в Галицкой области, когда боярин Доброслав, овладев Понизьем, отдал Коломью на откуп «двум беззаконникам от племени смердя». Откуп знала и Москва. В то время, как московский царь в Новгороде «вѣчо сказиль», то наместники его секли народ, грабили дома или брали откуп. И вот стали писать по городам, чтоб заводили кабаки. В книге сошного письма под 1579 годом сказано: «Въ Усольи на посадѣ держати намѣстнику кабакъ, а на кабакъ – вино, медь и пиво». – «А въ Чердынѣ на посадѣ держать намѣстнику кабакъ, а на кабакъ держать на продажу вино, медь и пиво». Мы знаем, что у греков и римлян, у германцев и даже у татар – везде питейные дома были в то же время и съестными домами. Такова была и древнеславянская корчма, где народ кормился. Теперь на Руси возникают дома, где можно только пить, а есть нельзя. Чудовищное появление таких *питейных домов* отзывается на всей последующей истории народа.

Глава VI

Новый характер питейного дела в отношении к духовенству, к боярам, к народу

В татарском кабаке, как в постоялом дворе, можно было есть и пить; в московском кабаке велено только пить, и пить одному народу, то есть крестьянам, посадским, ибо им одним запрещено было готовить домашние питья. Все же остальные люди пили напитки у себя дома и, кроме того, имели право владеть кабаками. Кроме царя, кабаками владели духовенство и бояре.

Западные монастыри, заводя общины и возделывая громадные пространства пустых земель, проводили в жизнь знание и цивилизацию. Культура винограда, получившая впоследствии громадное экономическое и социальное значение, обязана своим существованием монахам. Таким образом, западный монастырь призывал к труду целые массы народа, и примером монаха проводились в жизнь полезные знания и образование. Русские монастыри также владели землями.

Начиная с XI века русские церкви и монастыри получали от князей и бояр грады, села, деревни, земли, борти, в которых они, руководствуясь номоканонами, устанавливают подати и оброки. Во время татарского ига и потом при московских царях число монастырей и богатство их увеличились необычайно. К концу XVII века насчитывалось до тысячи монастырей, а число душ, которыми владели они, простиралось до миллиона. Одна Троицкая лавра в 1744 году имела до ста тысяч крестьян.

Подобно князьям, монастыри сначала собирали различные медовые дани. В пользу киевской Софийской митрополичьей вотчины по записи 1415 года шла дань медом, которая с разных людей определялась так: 2 колоды меда, 9 мер меду, 4 ведра меду, 2 караймона меду, ведро меду, караймон меду, ручку меду, постолопщина, с Подолешенской земли под Полозом 3 ведра меду «а ночь пити», 2 лукне пятипядных, а третье чотырпядное, 3 ручки меду. В юго-западной Руси, богатой медом, князья и бояре обыкновенно приносили в дар церкви медовую дань. В 1463 году княгиня Иулиания Мстиславская жалует Троицкому собору из своих доходов с имения 13 кадей меду, 8 бочек хмелю и при этом накардные гроши. В 1480 году князь Юрий Семенович Гольшанский подтверждает грамоту своего деда на дачу киевскому Печерскому монастырю земли с медовой данью – мера

меду и полмеры меду. Ту же медовую дань записывает Печерскому монастырю в 1486 году Юрий Зиновьевич. Князь Константин Острожский с женой своей записали в 1520 году в пользу Туровской епископской кафедры медовую дань у волости Смедынской – ведер двенадцать. Киевскому Михайловскому Злотоверховскому монастырю по записи короля Сигизмунда 1526 года дано селище Селивановское, а с него две кади меду, и разные другие села, с которых также шла медовая дань.

На северо-востоке монастыри собирали пошлину с пива и меда и, кроме того, с братчин, тогда как на юго-западе и неслыханно было, чтоб духовное лицо взяло что-нибудь с братства. В северо-восточных монастырях варили в обширных размерах квасы, пива и меда, для чего были заведены квасны с кадиями в сотни ведер, *квасоварные* и *пивные* палаты и *пивные дворы*. В 1609 году во время осады Троицкой лавры литовцы зажгли пивной двор, который еще недавно стоял против нынешних наместнических келий. Игумен монастыря, отправляясь в Москву, брал с собой из погреба «три мѣха квасу, мѣх квасу ячново с медвяннымъ смѣшень». Когда монастырские приказчики ехали с рыболовья с погонными на весну, то посылали на своз старцам «квасу медвяннаго по ведру, да насадка квасу ячново ведръ въ семь». Когда ехал старец в погоню, то ему давали «квасу медвяннаго яндову большую 10 чашь, мѣхъ квасу ячново, 4 мѣха квасу обышново, да ставецъ меду». Когда старцы отправлялись на ез, то им давали по 2 четверти солоду яшново, «по ставу по невеликому меду». Меду покупали для монастыря по 1200 пудов и больше. Особенно славились квасы монастырские, и при Михаиле Федоровиче в этом отношении пользовался особой известностью Сергиев монастырь возле Холмогор, куда государь посылал своих поваров

для ученья квасного варения. Все монастырские нужды касательно варения напитков исправлялись крестьянами, которые и солод на квас молотили, и пива варили, и с выти по три воза дров на квасы давали, и давали деньги на вино церковное. Монастырские погреба переполнены были бочками питей. У игумна один погреб был на монастыре, а другой – за городом. В наказе Гурию, посланному в 1555 году архиепископом в Казань, сказано было: «Меду и пива у себя на погребѣ не держать, – держать у себя на погребѣ квась, а вино, медь и пиво держать за городомъ на погребѣ». В Новодевичьем монастыре, когда жила в нем царица Евдокия, в погребах хранились вино венгерское, бургонское, французское, воложское, вино воложское, налитое на ликер венгерский, и другие вина целыми бочками; водки: тимонная, анисовая и другие, куфами, в том числе одна куфа, залитая сосновым побегом, а другая – ландышем; вишневки, пива, полпива и меды, тоже бочками; простого вина после царицы осталось 473 ведра.

Подобно государству, монастырь сбирал пошлины с питей, и «без явки» монастырскому приказчику крестьянин не смел сварить пива или поставить меду, даже для праздников, свадеб и поминок. В уставной грамоте Кирилло-Белозерского монастыря 1593 года за варение пива без явки на «томъ крестьянинѣ на монастырь пени гривна безъ отдачи». В наказе суздальского Покровского монастыря 1632 года явка положена с чети пива по деньге и с пива с пуда по деньге. Троицкий Ипацкий монастырь брал с пива явки по 7 денег, да кто в печь поставит пиво по одной деньге. Явку записывали в книги, и явленное питье позволялось пить только в известные дни. Иверский монастырь наказывал: «А который крестьянинъ явитца къ празднику сварить пива, и прикащику тѣхъ сель записывать, и велѣть ему дер-

жать пиво день или два, а большое у кого случится — три дня». Тихвинский монастырский собор постановил в 1666 году следующий приговор: «А у кого из посадских людей в посадѣ у десятника, въ чьей-нибудь десятнѣ, вымутъ продажное корчемное питье, вино или пиво, или табакъ, и квасъ дрожжанной, мимо десятского и монастырскихъ десятскихъ служекъ, то на тѣхъ на десятскихъ, приказныхъ служкахъ, и на тѣхъ, у кого то заповѣдное питье объявится, доправить пеню, и бить ихъ плетью нещадно, для того, чтобъ темъ служкам на тѣхъ людей, у кого корчемное продажное питье объявится, объявлять на монастырѣ напередъ монастырской выемки тотчасъ». Троицкий Ипацкий монастырь наказывал своему старцу-приказчику, что если кто «учнет вино или квас продавать, на том пени по пяти рублей на человека, а кто беден и нечего из него взять, того бить ботогами». Иверский монастырь наказывает своему приказчику смотреть накрепко, чтоб крестьяне отнюдь в лесах винных браг не варили. Соловецкий монастырь в грамотах 1540 и 1679 годов объявляет, чтоб людей, которые будут продавать вино в Ворме, и Шижме, и Сухом Наволоке, и в Слободке, нигде не пускать на подворье, а казакам и крестьянам вина у них не покупать, да и своего не курить. Если же у кого «выймут вино», то с того человека доправить пеню: на монастырь рубль, приказчику 20 алтын, а доводчику четыре гривны московские. В наказной памяти нижегородского Печерского монастыря 1658 года старцу Онуфрию сказано: «А кто станет покупать вино и привозить домой или кто станет пить на кабакѣхъ, и с тѣхъ имати пени по два рубля».

Винокурение запрещено было повсеместно; братчины облагались от монастыря пошлиной, и крестьяне не раз жаловались на игумена и монастырских приказчиков, «что приедут и учнут пить силою». Братчины

поэтому падали, и самый обычай собирать братчины получил преступное значение. В поучениях XV века предписывалось: «Не творить складов пировных и другим возбранять».

Монастырю, по-видимому, не прилично было заниматься сбором явочных пошлин с питья. Инок Василий говорил в 1551 году: «Отнюдь то есть царское небрежение и простота несказанная, а иноческая безконечная погибель, что иноком села и волости и Христианы владети, и мир судити, а от них по христианом пристовом ездити, и на поруки их давати, и пьянству в иноках быти, и мирскими слезами быти сытым. Таковое дело не богоугодно, что иноком из миру, аки царским мирским приказным, збирати себе всякие царские доходы». – «По достоянию, – продолжал он, – подобает пища и питья лучшая вся мирянам, а не нам, иноком, не нам, и паки речем – не нам». Но про самого этого Василиана монах Зиновий писал, что он, живя в Симонове, хлеба ржаного не ел и пива очистительного не пил, «яко сіе пиво монастырь отъ деревень имать, – пияше же нестяжатель сей романію, бастрь, мушкатель, ренское бѣлое вино».

Напротив, сами монастыри курили вино, торговали им и в течение долгого времени были совершенно избавлены от всякого государственного надзора. Монахи Илантова монастыря жаловались царю в 1574 году: «какъ деи они квасъ поставятъ, то воеводскіе у нихъ выймають, и на нихъ пени емлютъ». Царь на это писал воеводе: «Квасъ бы в монастырѣ велѣли имъ, для ихъ нужды, про себя держати: гдѣ то слыхано, что въ монастырѣ питье выимать? А толко въ которомъ монастырѣ учнуть не про себя питье держати, для продажнаго питья, и такихъ не заповѣдью надобно смирать, а кнутомъ прибить, который въ монастырѣ корчму держать учнетъ».

Но обычай корчму держать в монастырях продолжался и впоследствии. В 1623 году у Спаса на Прилуках в Никольском девичьем монастыре возникло следственное дело об убийстве крестьянина Окулова. Жаловался Пятунка Окулов и говорил: «Шли-де из города братья его, Пятункины, Сеня да Марко Окуловы, а как-де и будит в Никольском монастыре, против кельи старицы Марфы Бутаковы, а из кельи-де выскочила дочь ея, старица Олена, со многими неведомыми людьми и брата его, Марка, убили до смерти». Олена эта еще прежде известна была в корчемном питье, в келье-корчме вино и пиво на продажу держала, и к нее приходили разные люди. Грамота 1636 года извещала, что «в Соловецкий монастырь с берега привозят вино горячее, красное немецкое питье и мед красный, и держат это питье всякое старцы по кельям, а на погреб не ставят».

Вообще было правилом, что монахи и попы могли держать вино про себя, а не на продажу, и шел целый ряд запрещений, чтоб монастыри не держали корчмы. Федор Иванович дал в 1591 году новгородскому знаменскому попу жалованную грамоту держать вино на собственный обиход. Алексей Михайлович в 1660 году писал в Новгород: «А буде монастыри учнут торговать вином, то по сыску чинить наказание». Соборы 1667 и 1669 годов приказывали на основании Священного Писания, чтоб монастыри не держали корчем. В 1681 году патриарх вследствие указа царя предписывал архиереям, митрополитам, архиепископам, чтоб они учинили крепкий наказ протопопам, священникам, диаконам и всем церковным причетникам в домах своих вина не курить и кроме кружечных дворов вина нигде не покупать. И хотя в 1683 году царь и принужден был разрешить монастырям выкуривать на вино «по триста четвертей въ годъ», но в следующем году право это опять было отнято и ве-

лено было, чтоб в домовых властелинских приписных монастырях святейшего патриарха Адриана, и в Троице-Сергиевом, и в Савинском вина отнюдь бы не курили, а покупали б его с кружечных дворов.

Куря вино, монастыри торговали им и даже с согласия царя, и под его защитой. До нас дошли известия о кабаках Макарьева монастыря, и дошли потому, что дело о них по некоторым случайным обстоятельствам было в свое время гласно. На правом берегу реки Волги стояло богатое село Лысково, и лысковцы вместе с другими соседями враждовали с Макарьевым монастырем, который стоял на противоположном берегу реки, где собиралась известная Макарьевская ярмарка. Вражда эта тянулась издавна, и во время Стеньки Разина, с которым лысковцы очень ладили, они не раз разоряли Макарьев монастырь, знаменитое «царское богомолье». Дело шло из-за привилегий, которыми монахи пользовались на счет лысковцев, именно из-за перевозов через Волгу.

Должно знать, что подобные споры повторялись везде, где только под монастырем текла большая река. Так, в 1565 году костромской Ипатьевский монастырь просил, чтоб запретили костромичам перевозиться где-либо в другом месте, исключая монастырского перевоза. Просьба монастыря была уважена, и городские приказчики стали ходить по площадям и кликать, чтоб жители перевозились на монастырском перевозе. О том же шли споры между Святогорским монастырем на Донце и белгородскими приказными. То же теперь было между Макарьевым монастырем и селом Лысковом.

Макарьевская ярмарка происходила на обоих берегах Волги: и на левом монастырском, и на правом лысковском. Между обоими берегами был перевоз, и монахи, чтоб лишить лысковцев выгоды, доставляемой перевозом, на правом берегу построили церковь архидиакона

Стефана, а около нее – пустынь, нынешнее село Исады, и здесь устроили свой перевоз. Товары, привозимые на Макарьевскую ярмарку, приходили прежде всего в Лысково, потому переправлялись через монастырский перевоз и платили за это пошлину. Все пошлины с перевоза и с ярмарки шли на монастырь, а воевода уж и не вступался в управление ярмаркой, предоставляя ее монастырским властям. Не довольствуясь этим, монастырь завел по обоим берегам кабаки, оставил кабаками перевоз и ярмарку, собирал с них большие деньги, а сам ничего не платил. Лысковцы завели свои кабаки, да, кроме того, стали перевозить купцов и товары на своих лодках. Отсюда возник целый ряд столкновений, которые нередко оканчивались драками и «смертнымъ убійствомъ».

Монахи пожаловались в Москву. Царь Алексей Михайлович предписывает в 1676 и 1678 годах сломать лысковские кабаки, и их ломают, но на месте сломанных тотчас же возникают новые. Идут новые жалобы в Москву. В 1676–1681 годах, то есть почти в продолжение всего царствования Феодора Алексеевича, из Москвы все пишут, что лысковские таможенные и кабацкие верные головы «великого государя указу чинятся непослушны, с таможеню, с терязями (по-татарски значит *весы*), и с кабацким питьем, и с харчевнями насильно въезжают на монастырские земли, и от того кабацкого питья, и от пьяных людей старцам на перевозе обида большая, и у кабака близ монастырской часовни скоморохи с медведи, пляски и всякие бесовские игры чинятся». Лысковцы опять не послушались и на ярмарке 1681 года начали по-прежнему торговать питьем и, как видно из царской грамоты 1682 года, торговали даже с разрешения воеводы, взявшего за это большие поминки.

Из этой же грамоты видно, что, кроме лысковцев, на ярмарке промышляли и иных городов люди, которые

сидели в шалашах и всяким промыслом и харчем торговали. Но монахи напрасно жаловались на беспорядки в лысковских кабаках, ибо голь кабацкая, собиравшаяся в монастырские кабаки и доставлявшая этим монастырю большие выгоды, гуляла нисколько не скромнее. Обстоятельство это открылось из того, что во время ярмарки наехал воевода, стал ловить голь кабацкую, состоявшую преимущественно из беглых холопов, и этим лишил монастырские кабаки питухов. Монахи посылают в Москву новую жалобу (1682), что во время ярмарки присылают бояре, и воеводы, и окольнічие, и думные дворяне, и стольники, и сыщики, и приказные люди городничих и сотников со стрельцами, и подьячих, и приставов с наказными памятьми для поимки беглых, и от «тех присыльщиков на ярмонке бывает многое смятение, и торговым людям в торгу помеха, и великая обида и убытки, а ярморочному-де их таможенному пошлинному сбору бывает великое оскудение». По жалобе монахов на ярмарку приезжает дворянин Мостинин и приказывает лысковцам сойти с берега с продажным питьем, но лысковцы с питьем не сошли, а «учали» бить в барабан и послали в село за народом. Собрался народ с бердышами и топорами, с дубьем, ослонами и саблями, начали браниться неподобной бранью, осадили монастырское село Крестцы (теперь беднейший город Макарьев), ворвались в него и перебили монастырскую братию. Должно думать, что этим споры не кончились, потому что при царях Иване и Петре Алексеевичах и при Петре I были указы, чтоб воеводы не посылали на ярмарку стрельцов и сами б не ездили.

Точно такие же раздоры из-за питейной прибыли происходили в 1639 году под Пудожским монастырем, под Ипатьевским на Костроме и в кабацких шатрах близ Хутынъ монастыря. С наступлением XVIII века

все эти споры должны были прекратиться. В 1700 году велено было на торжках, которые в архиерейских, монастырских и помещичьих имениях на откупу или на оброках и владельцы их пошлины собирают на себя, – с тех торжков пошлину и питейную прибыль собирать в казну выборным бурмистрам. В 1705 и 1740 годах еще раз запрещали, чтоб монастыри не курили вина, а в 1732 году у Макарья и в селе Лыскове питейные сборы отданы были на откуп на 4 года купцам Расторгуевым с компанией с платежом трех сложных окладов по $329\frac{1}{4}$ руб. по 18 и по пятой восьмой доли копейки в год.

Но осталось свидетельство, что духовенство даже в начале текущего столетия ходатайствовало о праве держать кабаки. В 1819 году в Государственном совете рассматривалось представление министра духовных дел и народного просвещения о правах людей духовного звания на кабаки, и было заключено: «Так как 9-м правилом шестого Вселенского собора возбранено церковным причетникам иметь корчемницы и в них действовать, то из сего следует, что и всякому высшего чина духовному человеку, хотя бы он был и дворянского происхождения, еще менее прилично заниматься продажей вина и винокурением. Но дабы не лишить духовных из дворян принадлежащего им по происхождению права на владение недвижимыми имениями, предоставить таковым духовным отдавать питейные их дома и винокурни на откуп или в аренду». Вышедший поэтому указ озаглавлен был так: «Духовным из дворян, то есть церковным причетникам, иметь корчемницы и в них действовать (продавать вино), и всякаго высшаго чину духовному человеку, хотя бы он был и дворянского происхождения, возбранено, а предоставлено им отдавать питейные их дома и винокурни на откуп или в аренду».

Кроме того, что духовенство курило вино и торговало им, был еще обычай жаловать его выдачей казенного вина и возможными льготами при покупке его. Царица и царевны жаловали «греченомъ и греческимъ властѣмъ», патриарху и остальному духовенству разных родов пития: одним жаловали поденно, другим понедельно, а третьим помесечно. «Попов и диаконов, и служебников, и иных, – говорит Котошихин, – кормят на царском дворе не по один день, а иным есть и пить дают в дома». Это было заведено и по городам. В 1681 году велено было выдавать сибирскому архиепископу Киприану для его домашнего обихода ежегодно сто ведер вина из верхотурского кабака. В Тобольске, и на Верхотурье, и во всех сибирских городах на господские праздники до 1687 года архиепископам и протопопам выдавалось известное число чарок вина. В 1699 году велено было в Астрахани питье служилым людям на праздники, на государские ангелы и поденное питье духовным особам и присланным мурзам отпускать, как в Москве и иных городах, сообразно с прошлыми годами, но по листам из приказных палат. В 1744 году дозволено было Троице-Сергиевой лавре «для обительнаго содержания» вывозить из Малороссии ежегодно до 3000 ведер вина беспошлинно. Впоследствии монастырям, кроме курения вина, было запрещено и варить пива, но последнее опять было разрешено. Мнением Государственного совета 6 ноября 1866 года положено: «Вареніе пива, меда и браги въ корчагахъ и котлахъ исключительно для монастырскихъ нуждъ дозволяется производить безъ акциза всѣмъ монастырямъ».

Другим полномочным собственником кабака был боярин, кормившийся около царя. В числе разного рода кормлений упоминалось и «бражное». Вообще курение вина ставилось в число дохода, идущего с земли, и земли

отдавались с платой деньгами и вином. Боярское право курить вино имело свои ранги. Дети боярские знатные имели право курить вино, а незнатные этого права не имели. Хованский, назначенный воеводой в Новгород, возвращенный по Столбовскому миру 1617 года, получил наказ, чтобы дети боярские, «которым питье держать непригоже, те бы никак его не держали, а которым дворянам, детям боярским, приказным людям, гостям лучшим и торговым людям пригоже питье держать, те бы питье держали про себя, а не на продажу». Дети дворянские также имели право курить вино и держать его про себя. Указами 1681 и 1705 годов дозволено было помещикам и вотчинникам всяких чинов людям курить вино про себя, на своих поварнях или у себя на дворах, сколько кому на свои домовые расходы понадобится, но только не курить на дворах у крестьян и бобылей и кубов и котлов им не давать, а за своими людьми смотреть накрепко, чтобы от них на городских винокурнях вино не продавалось и не покупалось.

Обыкновенно делалось так, что всякий боярин XVII века, отправляясь из своей отчины в Москву, курил себе в запас вино, или, когда этот боярин занимал высокое место, то даром брал вино из кабака и, приехав в Москву, казенного вина не покупал, а пил свое. Поэтому указ о продаже питей 1681 года велит дворянам и детям боярским, которые привозят с собой в Москву вино и становятся в слободах на постоянных дворах, им то вино, против прежнего, являть, и записывать в Приказе большой казны, и иметь на то вино подписные челобитные за дьячими пометами. В 1695 году ямщикам Ямского приказа учинен заказ, чтоб они дворян и детей боярских и всяких чинов людей на дворы к себе с неявленным питьем не пускали, а для надзора за ними выбрали бы старост и десятских.

Куря вино, бояре ставили свои кабаки или получали их и кормление, ибо с легкой руки Ивана IV, подарившего опричникам кабак на Балчуге, вошло в обычай жаловать бояр тамгой и кабаком. Жаловали, как мы увидим, одинаково русских, немцев и татар. И, несмотря на все появлявшиеся потом запрещения не иметь кабаков, помещики до самого XVIII века продолжали ставить кабаки. «Помещики, – пишет Посошков, – не только сбору казны не помогают, но еще препятствие чинят: в коих пристойных местах его императорского величества указу повелено кабаки пристроить, и, где уж построены были, помещики разорили и сборы остановили. Построили в Болонецком погосте питейную стойку, но явился приказный человек помещика Василия Дмитриевича Корчмина, выгнал целовальника и стал в погребе продавать свое питье. И такое препятствие, – продолжает добродушный Посошков, – чинится в мелких помещиках, а о сильных лицах и спрашивать нечего. И в больших своих вотчинах построены у них свои кабаки, и называют их кваснями, а под именем квасни продают явно пиво, а вино потаенно». С 1732 года право винокурения предоставляется одним помещикам и винным поставщикам. В 1744 году помещикам и вотчинникам как для домашнего употребления, так и для отдачи на кабаки позволяют курить вино в незаклейменной посуде, платя с выкуренного вина определенную пошлину. Права эти подтверждались неоднократно. В 1751 году, подтвердив о праве курить вино в незаклейменных кубках и казанах, запрещали торговать вином как помещикам, так и не имеющим деревень, хотя б они и офицерские ранги имели, и священно- и церковнослужителям. В 1759 году дворянам предоставляли исключительное право курить вино. Купеческие винокуренные заводы велено уничтожить. Придворным гражданским чинам и

помещикам, не имеющим рангов, дозволено курить по домам известную пропорцию вина, равно как и смоленскому шляхетству, и придворным особам женского пола. В Уставе о винокурении 1765 года было определено ясно и окончательно: «Вино курить дозволяется всѣмъ дворянамъ, а прочимъ никому».

Городские жители также пользовались некоторой свободой в потреблении питей. Гостям и торговым людям давались государевы жалованные грамоты, чтобы питья у них не вынимать. Случалось, что торговые люди какой-нибудь области получали грамоту на свободное курение вина. Шуйский счел за нужное дать пермякам, лучшим торговым людям, грамоту на свободное курение вина. Иногда торговым людям дозволялось беспенно и безъявочно держать у себя вино, пиво и мед. В 1677 году московские торговые люди, тяглецы Семеновской слободы, Федор и Филипп Мокеевы получили подобную привилегию «за присовокупление к Семеновской слободе 27 тяглецов». В 1688 году дворцовым служителям позволено держать у себя питья «безпенно и безвыемочно». Из всего остального народа только некоторым позволялось варить пиво и мед, и то «смотря по людям». В Пермской уставной грамоте 1553 года говорится: «Да пермичи жь посадскіе люди мнѣ били челомъ о томъ, чтобъ мнѣ ихъ пожаловати освободити къ которому празднику помолитись, или родителей помянута канунъ доспѣти пивца сварити, или медку разсытити, и азъ царь и великій князь пермичь посадскихъ людей пожаловаль: велѣль есми кануны обѣтныи и родительскіе держати по старинѣ, а коли пермичину которому человекѣку лучится къ которому празднику, или по родителехъ канунъ доспѣть и медь разсытити, и они намѣстнику явять, а намѣстники наши пермичемъ кануны чинить ослобожаютъ, и явки намѣстникъ возметь съ пива съ сопца, и съ меду съ соп-

ца по 4 деньги». В 1608 году по указу Василия Шуйского позволено безвыемочно питье держать «нѣкоторымъ посадскимъ торговымъ людемъ, по государевѣ грамотѣ», — у всех же других питья выимать, отряжая для этого пушкарей и ходоков. Грамотой 1653 года посадским людям позволялось к празднику пиво и брагу варить, «платя явку с пуда меду и с чети пива по алтыну, а с браги пьяныя с чети по четыре деньги, а кто сварит тайно, у того брать заповедь по два рубля по четыре алтына по полторы деньги с человека».

Глава VII

Управление кабаками. Кабацкие головы, целовальники, откупщики

Когда жизнь шла еще по-старому, когда народ для того, чтоб «помянуть родителей» или «канунъ доспѣти», спокойно выкуривал себе известное количество вина и варил меды и пьяные браги, — вдруг в городе или в селе появлялся царев кабак, поставленный наместником. Запретили курить вино и сказали, чтоб «средним и молодчим людем пива варить и меду ставить отнюдь никому не давать, а вина горячаго и лутчим людем курить не давать». Вино велено было покупать на кабаке. Сначала народ и духовенство просили снести кабаки, потому что «подле государева кабака жить не мочно», и кабаки сносили; но потом уже никто не просил и рядом с кабаками для вина, пива и меду заводились квасные кабаки: в 1628 году во Пскове, в 1673 году в Астрахани и так далее, пока, наконец, в 1705 году везде отданы были на откуп сусленые, квасные и уксусные промыслы. До 1655 года в Калуге квас и сусло были на откупу у Тиличейки Карева, но в этом году по указу из Владимирской

четверти велено посадским и всяким жительским лю-
дям квас и сусло на продажу держать.

Крестьянину, таким образом, было запрещено все, кроме царева кабака, который крестьяне же должны были «ставить на свои деньги». Ставя чужие кабаки и не имея возможности приготовить свои питьи, они в то же время курили вино и варили пиво и для царя, и для монастыря, и для помещика, да еще собирали на царя кабацкую прибыль, ибо питейное управление было повинностью. И вот крестьяне пишут к своему помещику и плачутся: «Государю Федору Ивановичу бьютъ челомъ и плачутся бѣдные и беспомощные сироты твои, вотчины твоей костромской, села Есипова и изъ деревень, не имянами, всѣми своими головами, милости у тебя, государя, просимъ объ винномъ сидѣньѣ. По указу твоему, государь, насъ, сиротъ, приказной человѣкъ и староста въ винномъ сидѣньѣ сутки держали, в сѣновнѣ и на привескѣ (пытке) были, а намъ, сиротамъ, вина сидѣть нечѣмъ, а пить-ѣсть стало нечево».

Высший надзор за продажей вина в кабаках поручен сначала был царским наместникам, а потом находился в ведении приказов, управляющих областями, упоминаемых с 1512 года. В Москве и в причислявшихся к ней городам для этого существовало особое учреждение – Новая четъ, или четверть, известная с 1597 года и по указу 1678 года переименованная в Приказ новой четверти. При Алексее Михайловиче все это управление, разбросанное по отдельным ведомствам, стягивается в Приказе большого дворца и в Приказе большой казны.

Вино готовилось казной на винокурнях, находившихся при кабаках, или поставлялось в кабаки от подрядчиков – торговых людей и помещиков, или шло от откупщика, взявшего на откуп кабак, и поэтому в одних кабаках продавали вино *верные целовальники*,

а в других – *откупщики*. В указах, посылаемых в конце года об отдаче кабачных сборов на следующий год, предоставлялась полная власть отдать кабаки «на веру» или «на откуп», а потому, смотря по обстоятельствам, то одна форма управления действовала, то другая. Заводя кабаки, отдавали их земству и поручали продавать вино целовальникам, избранным *на вере*. В Новгороде целовальниками назывались присяжные – люди, которые пользовались всеобщим уважением; но когда это звание перешло в Москву, когда целовальник стал присягать для продажи царского вина, когда к слову *целовальник* прибавилось *кабашный*, народ тотчас же заклеил это имя тем презренным значением, с каким оно дошло до нашего времени. В кабацкие выборные никто не шел, в откупщики мог пойти любой из московских жителей, но откупщики хоть и выгодны были для казны, но ненавистны народу, и поэтому московское правительство до самого конца XVII века старалось освободить питейное дело от откупщиков и сосредоточить его в руках выборных людей. Уложением 1649 года кабаки отданы на откуп; в 1651 году откупа уничтожены и везде введена казенная продажа; в 1663 году решили, чтобы кабакам быть на откупу и на вере; в 1619 году патриарх на соборе восставал против откупов в подмосковных селах; в 1681 году подгородные откупные кабаки уничтожаются и вводится продажа на вере; в 1681 году откупа окончательно уничтожены. Но к началу XVIII века выборное начало, которым держалась еще Древняя Русь, совершенно ослабло, откупа возникли с новой силой и с тех пор развивались спокойно вплоть до нашего времени.

Люди, выбранные для торговли в кабаках на вере и называвшиеся поэтому верными людьми, были головы и целовальники. Сначала они избирались из местных жителей, а в Москве – из торговых людей, составлявших

гостинные и суконные сотни и слободы; от выбора освобождались только те, которые жили на монастырских землях по тарханским грамотам. По закону они должны были избираться по очереди, но скоро всякая очередь была нарушена, и хотя целовальников выбирали еще из местных жителей, но головы для большей верности посылались из Москвы, вообще со стороны. Так как в государстве не было еще резко отдельных сословий, то головы бывали из боярских детей и выбирались всяких чинов людьми. В дворцовых селах и черных волостях головы вместе с целовальниками выбирались из местных жителей; но господские крестьяне этого права были лишены: целовальников к ним присылали из городов. Вообще старались всеми силами удалить крестьян от продажи питей. По Уложению 1649 года, пашенным людям в Москве и в городах, «буде у них объявятся погреба с иностранными винами, велено их продавать государевым тяглым людям, и, кроме их, никому погребов не держать». В селах же и деревнях крестьянам, которые «наперед сего в посадских не бывали, впредь в погребах не сидеть и кабаков не откупать под страхом смертной казни». Исключение, как увидим, делалось крестьянам, находившимся во владении Воротынских, Ромодановских, Собакиных. Здесь случалось, что крестьяне откупали кабак всем миром, и он писался «за всеми крестьяны».

Было общим правилом – выбирать в головы людей первых статей, богатых и, если можно, грамотных; в целовальники же – людей вторых статей, молодых, средних и мелких. Но обыкновенно делалось так, что воевода да богатые люди, которые, опираясь на московских дьяков, все больше и больше забирали в свои руки общественные дела, «собрався одни», по недружбе на мелких людей писали их без очереди в службу. Как и

было в 1665 году во Пскове, когда мелкие люди вынуждены были жаловаться на богатых. Так делалось в течение всего XVII века и в начале XVIII-го, когда старинное выборное начало не было еще уничтожено. Посошков в книге своей «О скудости и богатстве» (1724) писал: «Выбираютъ въ цѣловальники самыхъ бѣдняковъ, то какъ ему правду дѣлать, что если ему не украсть, то и хлѣба ему добыть негдѣ». Головы и целовальники – это были как будто закрепощенные кабацкие служители. Оторвут его от дома, посадят в кабак собирать питейную прибыль, а чем ему питаться – того не спрашивают. Посошков – человек, хорошо знакомый с питейным делом, предлагал выдавать выборным не только годовое жалованье, но еще со всякого рубля по гривне. Но Москва XVI–XVII веков ничего знать не хотела, кроме государственной службы, а потому одни бежали от выборов, чтоб не разориться, а другие, которым терять было нечего, а, напротив, представлялась возможность нажиться, шли в кабак и разоряли народ, и таким образом день от дня, год от году, все более и более складывался и крепнул в Москве тип кабацкого целовальника.

Народ, как мы сказали, всеми силами старался отделаться от выбора в кабацкие должности. Получали в городе царский указ о выборах, и лучшие люди отписывали в Москву, что им не из кого выбирать голов и целовальников, ибо одни отлучились на промыслы, другие заняты делами, а выбирать им из других городов, как велит государь, опасно, потому что тех людей они не знают. На это им обыкновенно отвечали: как хотите, а выбирайте, но отнюдь не смейте, по стачке семьями, очередными службами от выборов отбиваться; а буде явится остановка какая-нибудь, или выберете дурных людей, или учините какой-нибудь убыток, то быть вам в опале и во всяком разореньи.

Но вот выборы сделаны и выборные едут на место, где они должны на свой счет поставить или устроить кабак, – а кабаки вечно стояли развалившиеся, – затем на свой счет заподрядить вино и так далее. В 1619 году усольцы выбрали к Соли Вычегодской в головы кружечных дворов Мишку Леонтьева, и велено ему было заводить на кружечных дворах вино и пиво, а денег ему не дали. Хотел он подрядить для этого посадских людей на Устюге Великом, но воевода без царской грамоты курить вина не позволяет. Делать нечего, берет он на Устюге с государева двора пятьсот ведер в долг и, не зная чем расплатиться, плачется в Москву. «Выбрали меня, пашенного крестьянина, неграмотного, и непромышленного, и неторгового, и животом я, сирота твой, неприжиточен, и преж сего ни у какого твоего, великого государя, дела не бывал, и кружечных дворов дела не ведаю, а в целовальники выбраны люди молодые и недостаточные, денег нет, а вина за скудость не пьют». Из Москвы ему ответили; велели дать ему на завод двести рублей, а устюжанам посадским людям позволили подряхаться на винное куренье.

В 1640 году вся Шуя выгорела, а между тем к шуянам прислана грамота выбрать из посадских людей на Углич верного голову к таможенному и кабацкому сбору. Шуянам выбрать некого; погорели все и разбрелися розно скитаться по миру. И они пишут в Москву: «Не вели, государь, у нас, сирот своих, на Угльч верного голову имати, чтоб нам, бедным погорелым сиротам твоим государевым, в твоих государевых во всяких доходах, от такого разоренья не стояти на правеже с голоду и стужи, и достальным не погибнути и розно не разбрестися».

В 1659 году в Суздальском уезде в Ивановской слободе сидят на кружечном дворе у вина и пива в головах и целовальниках шуяне, посадские люди, сидят без

перемены пять лет и обиду и наготу всякую терпят, от частых служб обедняли и задолжали. Переносят этот кружечный двор в Ерополченскую волость, и снова приходит к шуянам грамота, чтоб они к этому кабаку выбрали голов и целовальников. Шуяне бьют челом царю избавить их от этого кабака. «У нас-де, – пишут они, – народ малолюдной, а люди скудные и должные, и от пожарого разоренья многие не построились; а тот-де новостройной кружечной двор от нас верст за сто. И великому государю пожаловать бы, от того новостроенного кружечного двора их отставить, а вместо их собирать прибыльные деньги суздальским посадским людям». Просьбу их удовлетворили. В 1666 году послана суздальцам грамота, чтоб бирючи кликали по многим торговым дням, не захотят ли посадские люди и крестьяне держать за собой кружечные дворы «в откупехъ», и такие люди, взяв добрые поручные записи, записывались бы в съезжей избе и ехали к Москве. «А буде никто не похочет взять кабаки в откуп», то велят земскому старосте и всем посадским людям выбрать в головы тотчас самого «лучшего и пожиточного и правдивого человека», которого бы на такое великого государя дело стало; также выбрать «в ларешные и рядовые целовальники к такому делу знающих людей, которые б великого государя казну собрали с немалою прибылью. И буде выборные против откупа чего не доберут, и те недоборные деньги велеть управить на них выборных».

Вступая в управление кабаком, выборные опутывались целой системой обязательств и надзора. С выборных брали записи за подписью избирателей и отцов духовных. Потом они давали присягу и целовали крест, обязываясь собрать не только положенный кабацкий доход, но еще непременно с прибылью. Мы уже говорили, что это были за люди, которые шли сидеть по кабакам, и

потому понятно, что присяга на кресте была лишь формой, и, присягнув, выборные начинали грабить и казну, и народ. В Москве догадались об этом.

В 1679 году патриарх на соборе говорил, чтобы на Москве и в городах, на кружечных дворах, быть головам и целовальникам за выбором мирских людей, а к вере их не приводить, «чтобы клятвы и душевредства не было»; если же окажутся недоборы, то их взыскивать с имущества выборных и тех, которые их выбирали, чтоб им впредь неповадно было таких непристойных людей выбирать. При этом было предложено установить высокую пеню. Бояре на это возражали, что и за верой у голов и целовальников было воровство многое, а без подкрепления веры (присяги) опасно: воровство будет больше прежнего. Решено было, чтоб выборных к присяге более не приводить, а недоборы и убытки взыскивать с избирателей. Бояре хорошо знали купцов и мужиков, торговавших по кабакам. Два года не было присяги, и объявилось многое воровство, и питейной казне кража, и во многих городах большие недоборы. Другой причиной этому выставляли то, что в подгородных кабаках откупщики продавали вино гораздо дешевле. В 1681 году снова была восстановлена присяга, но с условием, что если впредь на кружечных дворах будет сборов меньше прежнего, а за верными целовальниками не будет никакого порока, то недоборов с них не править, потому что они выбраны за крестным целованием. Но все шло по-старому, и недоборы взыскивались по-прежнему.

Выборные и откупщики, вступая в должность, принимали от своих предшественников по описи все кабацкие запасы – посуду, питье, винокурню, кабак, – и за все это платили по оценке земских людей. Откупщики иногда не хотели сдавать кабака и тянули дело, несмотря на все предписания из Москвы, несмотря даже на то, что

новый голова начинал об этом дело. Но не лучше откупщиков были и верные головы. В 1622 году угличанин Пашин, вздумал ли он нажиться от своего города, или выместить над посадскими людьми свои старые счеты, только он вызвался перед Михаилом Федоровичем и перед отцом его, Филаретом, что он может в Угличе «надъ откупщиками, надъ москвичи», учинить прибыль и собрать таможенной и кабацкой казны 1300 рублей. Царь согласился и послал углицкому воеводе грамоту, чтоб посадские люди выбрали к этому сбору государеву, к таможенной и кабацкой казне в целовальники, к Ивану Пашину в товарищи известное число человек. Приехав в город, Пашин стал грозить: «Чего деи не наберу, сидя городом, и я деи напишу тое недоборную казну на посадских людей, на тех деи, которые по государеве грамоте даны мне в товарищи». Видно, что он «сидѣль городомъ» хорошо, ибо на следующий год угличане жаловались царю, что он «въ досталь разориль ихъ».

В 1673 году жалуется новгородский посадский человек Солодовников на кружечного голову Тихонова и на ларечного Клукина с целовальниками в том, что по указу великого государя прислана была память к голове и велено им принять у него, Степана, подрядного вина на кружечном дворе тысячу ведер. И голова с целовальниками приняли вино сполна и с наливочными кружками, но в приемном вине расписки не дают, а им «волотчат и убытчат» многое время, и за «тое их распискою» ему, Степану, из приказной палаты за то вино денег не выдают, а ему от этого «проторы и убытки» большие чинятся: «А того-де вина они приняли по счету мерников двадцать три, да он же, Тихонов, имал своим самовольством у всякого мерника вина по ведру и по полтора, да у того ж мерника у его, Степана, были воском края навощены, чего предь сего не бывало».

Всякий расход кабацких сумм производился не иначе, как с разрешения воевод и по царским грамотам, причем всегда делалась оговорка: держать денег на расход вполвину против прежнего и даже меньше, «чтоб государевой казне порухи не было». Разрешая расход на заготовление питей, приказывали произвести его по самым выгодным и дешевым ценам «с великим сбережением для казны». О подряде на поставку вина выборные могли уговариваться с людьми всяких чинов; «а в которые кружечные двory вино ставить никто не похочет», то они должны были подряжать уговорщиков в других городах с условием, как говорит грамота 1682 года, чтоб ценой дешевле и не выше московских цен. Когда же случалось, что подряд отдан был за высшую цену, то посылались новые грамоты «разыскивать про то накрепко».

При сборе и хранении кабацких сумм были приняты всевозможные предосторожности. Было сказано «великое подтверждение подь смертною казню», чтоб головы на кружечном дворе питейную прибыль собирали мелкими деньгами. Деньги должно было класть в ящики, а мимо ящиков в мошны, и карманы, и под блюда, и под ставцы, и никуда не клали б, «и въ питье не метали бь», а ящики печатать голове своей печатью, а вынимать деньги понедельно или помесечно и писать в книги. Для пущего наблюдения за денежной прибылью и для записки прихода и расхода сумм велено было на кружечных дворах у денежных сборов быть подьячим, выбранным миром; но потом оказалось, что на кружечных дворах сидят подьячие без мирских выборов, по воеводским подписным челобитным «и по накупомь», чинят людям налоги и теснения, «и уѣзды пустѣют». Толпы кабацких подьячих записывали в книги каждую мелочь. Записывали кому продано полведра, или четверть ведра, или даже кружка, а потому при большом

кабаке было нечто вроде канцелярии, помогавшей головам и целовальникам опустошать уезды. Собранные по кабакам деньги отвозились в Москву помесечно или раз в год, как пригоже; но с 1660 года велено было во всех городах, подчиненных Приказу большого прихода, высылать в Москву кабацкие сборы один раз в год к первому сентября, для того, как наивно признается грамота, чтоб выборных и целовальников не подвергнуть лишний раз «въ московской волокитѣ и проѣсти». С 1668 года велено было высылать кружечные сборы два раза в год, в феврале и августе, а самих кабацких голов «для счету» высылать в Москву после Семенова дня вскоре. Всякий кабацкий голова был обязан двойным отчетом: и местному воеводе, и Москве. Поэтому сибирские воеводы, чтобы по дальности расстояния не подвергать голов слишком большим издержкам, посылали отчеты в Москву прямо от себя; но в 1696 году, вследствие злоупотреблений, велено было высылать к отчету самих голов. Было объявлено, чтоб сборщиков, приезжавших в Москву, отпускать вскоре, без задержания, «чтобы имъ, волочась по приказамъ многое время, напрасныхъ убытковъ и проѣстей не было, и оттого бѣ въ убожество не впадали, и приказные бы люди съ вѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ ничего не брали и тѣмъ ихъ не тѣснили». Но тесноты были страшные, ибо недаром по всему царству славилась московская волокита. Один целовальник рассказывал: «Будучи у сбору на кружечном дворе, воеводам в почестъ для царского величества, и для высылки с казною к Москве, и для долговой выборки (напойные деньги с питухов), и за обеды харчем и деньгами носили не по одно время; и как к Москве приехали, дьяку в почестъ для царского величества харчем и деньгами носили не по одно время, да подьячему также носили, да молодым подьячим от письма давали же, а у

отдачи денежной казны для отписки, для отпуску дьяку да подьячему харчем и деньгами носили же не по одно время; а носили в почесть из своих пожитков, да что брали с товарищей своих целовальников в подмогу, из государевых сборных денег, и носили по воле, а не от каких нападков». Выборных высылали в Москву «съ цѣлымъ причтомъ». Кабацкого голову Орлова города, внесшего сборные кабацкие деньги в Белгороде, куда воевода посылал его с провожатыми, потом велели выслать в Москву со всем причтом. «И ты б, – писали воеводе, – Орлова городка таможенного и кружечного голову, и целовальников, и дьячка таможенного и кружечного двора с сборными запасными тетрадьми, каковы даны им для записки за приписью дьяка, и с белгородскими отписями, и с росписными списки, выслать в Москву в разряд к отчету к первому числу ноября нынешняго 1676 года». Грамота писана была в октябре, а в декабре ее снова подтверждали. В 1678 году орловские кружечные сборы приказано было высылать в Москву; но на следующий год опять велели высылать их в Белгород. Если б воевода не выслал в срок голову, то на нем правили пеню. В 1658 году белгородскому воеводе было объявлено, что за невысылку в Москву кабацкого головы «быть ему в опале», и кроме того на нем будет доправлено пятьдесят рублей бесповоротно. Но сами воеводы вносили еще больше беспорядка в управление. Они делали различные налоги и притеснения и «наровили откупщикамъ».

Псковские челобитчики в 1650 году писали царю, что воеводы на указанные сроки жалованья не выдают, норовя откупщикам, чтоб жалованье ложилось у кабацких откупщиков. В 1677 году в Перми учинился недобор, стали расспрашивать голов и целовальников, и они сказали: учинились те недоборы от воеводских налогов и приметов. В 1663 году воеводам запрещено было считать

голов и целовальников, а в 1677 году головы и целовальники окончательно были изъяты из ведомства воевод и подчинены надзору земских старост.

На каждый кабак был положен оклад, определяемый доходами предыдущих лет, откупными суммами и другими обстоятельствами. Главным и постоянным правилом при этом было то, что головы и целовальники должны были собрать кабацкие деньги с прибылью против прошлых лет. Для этого целовальникам было позволено действовать «бесстрашно», за прибыль ожидать его государевы милости, и «въ томъ приборѣ никакого себѣ опасенія не держать», а главное «питуховъ не отгонять». Целовальники так и поступали. «Я, государь, – доносил Михаилу Федоровичу в 1618 году Андрей Образцов, – никому не норовил, правил твои государевы доходы нещадно, побивал на смерть». Но если случался недобор, то казна не принимала никаких оправданий: «А о недоборах пишешь воровством, хочешь воровать – велим недобор доправить вдвое». Всякий недобор ставился в нерадение, и выборные должны были идти на правез. Когда с выборных нечего было взять, то правез обращался на земских людей, на избирателей, посадских и крестьян, которые обязаны были наблюдать за кабацкими выборными, и, пользуясь этим, выборные сами старались свалить на них свою вину. Попался кабацкий голова в недоборе и грозитя земским людям: «И я-де напишу тое недоборную сумму на посадских людей, на тех, которые-де по государеве грамоте даны мне в товарищи». Мирские люди обыкновенно предупреждались насчет взысканий, которые их ожидали, следующим образом: «А которой голова будетъ уличенъ какою хитростію или нерадѣніемъ въ недоборѣ, а мірскіе люди того не усмотрятъ, и те недоборы доправить на нихъ, на мірскихъ людяхъ, да имъ же будетъ учинено наказаніе безо всякой пощады».

Взыскание прежде всего обращалось на людей достаточных, изможенных, но они раскидывали недоборные деньги на бедных, приволакивая их к обыску и силой вынуждая от них поручные записи. В июле 1685 года средние и мелкие люди города Пскова жаловались на посадских, на прожиточных людей, на Сергея Поганина, Никиту Иевлева и Мокея Сигова, «как после году, у которого их выборного головы или у целовальника учинятся государевой казне недоборы, а те прожиточные люди бьют челом великому государю на Москве об обысках, и теми обысками те недоборы в государевых сборах отбывают, и сами государевою казною корыстуются, потому что те обыски мы, сироты, заручаем по нужде, что волочат стрельцами нас, сирот, из домишек наших за батогами, а сказывать велят в сказках, что их же братья, прожиточные люди, сказывают, и во всяких недоборах те изможенные, прожиточные люди нас, бедных сирот, выдают, и ставят, и бьют на правеже ж большим боем, и мы, бедные, те недоборы платим из своих домишек и из станчишков». При недоборах, как было сказано, казна не принимала никаких оправданий – ни того, что народ пить не хочет, ни того, что пить ему не на что, – и настоятельно требовала недоборной суммы. Народ переставал пить, и целовальники доносили царю: «Въ твоихъ, государь, царскихъ кабакахъ питуховъ мало». А царь на это им отвечал: «Вамъ бы гдѣ искать передъ прежнимъ прибыли, а вы кабаки хотите оставить, чего прежде не бывало». В 1681 году в Орлове-городке перед прошлыми годами сделался недобор в восемь рублей, потому что мужикам не на что было пить: не родился хлеб, скотина померла и воры грабили. Донесли об этом в Москву. Там, без сомнения, не верят этому, и приходит повеление дознать, правда ли это, и не делали ль головы и целовальники каких-либо хитростей, и допросить всех вме-

сте и порознь всеми способами, и узнать «меж себя целовальники чем-нибудь не упрекались ли»: «И буде кто из стороны про голову и товарищей скажет, и сыщется то допряма, то этим людям дано будет царское жалование по рассмотрению, да им же того головы и целовальников будут отданы животы и промыслы». На белозерском кружечном дворе в 1677 году против 1651 года недобрано было 537 рублей 20 алтын полпяты деньги, и голова Симошка объяснял: «Недобор-де у них учинился против окладу 1651 года от того, что-де в том году питье продавали на кружечном дворе и на многих стойках, и в уездах на праздники, и на ярманки с питьем ездили и продавали, и в долг, и под заклад в том году питье давали, а хлеб был дешевле»; а они в 1677 году питье продавали на одном только кружечном дворе, и в долг и под заклад питья не давали, а белозерцы посадские люди оскудали, и питухов на кружечном дворе мало было. В Москве велели сыскать про то большим повальным обыском, вникая в малейшие подробности. Но бывали и такие случаи, что головы, пропив и прогуляв казенные деньги, отправлялись в бегство. В 1637 году чердынский воевода доносил, что таможенный голова пил, бражничал, за целовальниками не смотрел и, украв много казенных денег, бежал в Соликамск. Делался ли недобор, или голова убежал с кабацкими деньгами, или что-нибудь другое случилось в кабаке, во всяком случае производился обыск, но на обыске город, посад, село говорили в один голос, что они ничего знать не знают, ведать не ведают.

Когда же кабацкие деньги собраны были с прибылью, то воеводу за это похваляли, а голову награждали милостивым словом. В 1698 году в Сибири головы и целовальники находились в таком положении, что им приходилось или помирать с голоду, или воровать, а из Москвы им писали: «Буде явится, что перед прежними

(выборными) у него, у головы и у целовальников, радение было, и прибыль не малая есть, и им на пропитание дать небольшое, как пристойно, чтоб они и иные головы и целовальники охотнее и прилежнее, без повреждения своей души, о делах великаго государя всеусердно старались и сбор кабацкий умножали». Иногда голову дарили дорогим ковшом, сукном и тафтой, смотря по прибыли и по человеку. В конце XVII века в Ярославле жил купец Кучумов, происходивший, как видно, из татар. Он был кабацким головой, в 1684 году доставил казне прибыль 1551 рублей 1½ деньги и награжден за это был серебряным вызолоченным ковшом, который, переходя из рода в род, дошел до известного богача-заводчика Ивана Кучумова и теперь хранится у любимовского купца Нила Сторожева. На дне ковша – двуглавый орел; на носу – женщина в хитоне, которая держит на голове козла; у ручки ковша изображены женщины во весь рост, в одежде наподобие стихаря; в правой руке они держат книгу с надписью: «Тако верую», а в левой – ветвь древесную. Над нею надпись: «Сивилла Европа». Затем кругом ковша обычная надпись, что он дан такому-то и прочее. В Ярославле в приходской церкви Федоровской Божией Матери хранится ковш, пожалованный в 1686 году ярославскому посадскому человеку Еремину от государей Ивана и Петра Алексеичей за прибылые деньги по кружечному двору. На дне ковша высечен двуглавый орел, на отгубе ручки вырезан пеликан, терзающий грудь свою и кормящий детей (!), а снаружи, вокруг ковша, надпись: «1686 года генваря въ 25-й день пожалованъ симъ ковшомъ посадскій человекъ Родіонъ Леонтъевъ сынъ Ереминъ за службу его и за приборъ ярославского кружечнаго двора 1686 года». В 1707 году пожалован ковш в два фунта соликамскому посадскому человеку Андрияну Жданову, что он, будучи в Сибири якутским кабацким

головой, с 12-го ноября 6026 по 1-е число 1704 года учинил против прежних годов (прибыли) «у вина и у карть, и у мены соболей 11 721 рубль два алтына».

Таким образом, главная обязанность выборных, сидевших в царевом кабаке, состояла в том, чтоб собирать питейную прибыль и явочные пошлины. Мы уже видели, что в кабаках были заведены пиво и мед и народу запрещено было приготавливать домашние напитки. Но если б крестьянину пришла нужда сварить пивца к празднику или к свадьбе, или к родинам, или к крестинам – словом, как выражался сам народ, – помолиться, он должен был идти в съезжую избу или к кабацкому голове и целовальникам и платить явку, впоследствии подавать им челобитные, да те челобитные подписывать именно, на сколько дней того питья дадут, и печатать те челобитные великого государя печатью. В 1705 году в знак явки в Москве давали позволительные виды из ратуши, а в городах и уездах из земских изб на гербовой бумаге ярлыки. Явку брали в 1654 году с четверти вина московской меры по два алтына, с пуда меду по алтыну, с пива с четверти по 4 деньги, с браги пьяной по 2 деньги. В Верхотурье в 1697 году с четверти – по 4 деньги, с пуда меду – по 6 денег. В Москве в 1705 году с четверти – по 10 денег и с медовых ставок – по 10 денег. Вино курить запрещено было крестьянам без всякого исключения: безо всякой явки, безо всякой милости; но народ тайно все-таки курил вино и в XVII веке. В 1660 году предписано было: «А будет крестьяне учнуть вино курить и продавать, и у тѣхъ крестьянь съчь руки и ссылатъ въ Сибирь».

Все эти установления, вдруг возникшие в Московском царстве, весь этот быт с кабаками и целовальниками, с подьячими в кабаках, с явкой питей, с записыванием в книги, сколько и когда выпить пива, – все это было ново для народа, привыкшего жить в течение длинного

ряда веков при свободном пользовании напитками, составлявшими такую же насущную потребность жизни, как и хлеб. Народ никак не мог помириться с этим новым положением дел и принимал все меры жить своей старой корчемной жизнью, хотя этот порядок жизни считался уже противозаконным, сделался преступлением, не допускающим никакой милости. Поэтому вдруг вся русская земля оказалась повинной в корчемстве и казнь за корчемство несла в течение почти трехсот лет. Корчемство в XVII веке распространялось как зараза, и там, внизу, у народа, оно было совершенно понятно и естественно, ибо вызывалось нуждой, а вверх оно сделалось средством наживы и грабежа. Итак, вторым делом кабацких выборных было преследование корчемства и взыскание корчемных пошлин.

Глава VIII

Развитие корчемства и преследование корчемников

Кабацкие выборные должны были смотреть, чтобы мимо кабаков вина не курили, пив не варили, медов не ставили, и виновный в этом считался корчемником. Поэтому кабацкие головы и целовальники, а потом с XVII века корчемные сыщики, получали право надзора над общественной и домашней жизнью народа, право входить в его семейную жизнь с обыском, насилиями, производя срам и оскорбление нравственного достоинства человека.

По городам в каждый торговый день на площадях появлялись бирючи и кликали, чтоб продажного и неявленного питья никакие люди у себя не держали и вина не курили. Но народ не слушал ничего, а продолжал по-прежнему варить пиво, курить вино, заводил тайные

корчмы, а в кабаки не шел – там собирались одни лишь питухи. Продавцы вина ходили тайно с кувшинами, плошками и ковшами, продавали вино со дворов скляницами или развозили в бочках. Дворовые люди, крестьяне и дворники крадут вино у бояр и торгуют им; корчемствуют архиерейские служители, монахи, монахини. Мы уже видели, что собор запрещал десятильникам держать корчмы. Царская грамота двинскому воеводе 1623 года извещает, что «новгородского-де митрополита дети боярские на монастыре ставятся сильно, корчму и женок держат, а городской-де приказчик Иван Багачин в монастыре ставится сильно же, корчму и женок держит, и на монастыре-де у них святому месту и царскому богомолью чинятся позор великий и продажи». Никон, не в силах будучи сладить с монахами Печенского монастыря, писал царю, что «к тем старцам приезжают нарочно на кораблях немцы, и те старцы, хотя твое государево богомолье видеть в пусте, монастырскую соль и рыбу на кораблях им, немцам, на вино, и на водки, и на романею, и на ренское, и на всякие немецкие питья меняют, и с теми ж с воеводами, и стрельцами, и с посадскими людьми заодно пьют, и бражничают, и монастырь разорили, и все пропили вместе». Корчемствовали ямщики, стрельцы, солдаты и всякие служилые люди.

По словам Корба (1698), Прозоровский, желая прекратить торговлю вином по домам ямщиков, потребовал у Гордона пятьдесят солдат и с писарем послал их отобрать у ямщиков водку, но они, собравшись гурьбой, стали солдат отгонять; трое солдат пало, многие ранены. Но ямщики угрожали притом, что будет и хуже, если еще раз назначат подобное преследование.

Коломенского кружечного двора голова Микифор Прохоров с товарищами доносил в 1653 году: велено ему с кружечного двора государеву казну, сборные деньги,

«сбирати на государя на веру, в правду, а питье велено продавать в указанные дни и часы, а о Великий пост, и о Святой недели, и в Успенский пост же, и в воскресные дни во весь год; а Рождественского и Петрова постов в среды и пятки с того кружечного двора питья продавать не велено, – но в те запрещенные дни солдатского строя служилые люди приходят на коломенский кружечный двор и продают вино из фляг в чарки явно, а в некоторые-де дни кружечный двор бывает отперт, и в те дни солдаты, ходячи около кружечного двора, на торгу, и по рядам, и на посаде, в слободах, на дворах и на улицах вино продают беспрестано, и маер-де их от той винной продажи не унимает, и во всем им сам норовит, потому что многожды, с вином имая, к нему солдатков приводили, и он их освобождает без наказания, а по дворам-де те солдаты, где кто стоит, на продажу варят и продают пьяные браги, а на выемку они, Микифор с товарищами, к ним ходить не смеют, потому что похваляются убить до смерти. Да солдаты же по вся дни собираются на государеве коломенском кружечном дворе в избах, и играют зернью и карты, и о том-де он, Микифор с товарищи, не одно время маеру извещал, чтоб он их от того унял, и маер-де их не унимает; а как-де они учнут их с государева кружечного двора сбивать, чтоб зернью и карты не играли, и они-де их, Микифора с товарищами, бранят, и хотят бить, и с кружечного двора нейдут, чинятся сильны. Да в нынешнем же 1653 году декабря в 6-й день солдатского ж строю служилые люди собрався на государев кружечной двор человек с двести и больше, учили в избах ломать подставы, и питье кабацкое лить, и целовальников волоча из изб, бить кольем и дубинами до смерти, и они-де, Микифор с товарищи, видя над собою смертное убийство, учили бить в колокола и едва государеву казну отстояли, а в то-де время те солда-

ты целовальника Абакумка Ременникова да работника Ивашка Долгова убили, только-де и живы будут ли, пробили им головы до мозгу и руки и ноги переломали. Да того ж числа, в полночь, кружечного двора целовальник Викулка Ильин прибежал к нам в государеву казенную избу, испужався и сказал, что капитан (имя не ведает, а в лицо знает), собрав с собою солдатов человек с пятидесяти и больше, перелезли к нему на двор через ворота, поставили меж государева кружечного двора и казенной избы на дороге солдатов в день и ночь в перемене человек по двадцать и больше, с мушкеты и с пиками; и те-де солдаты на государев коломенский кружечный двор никого питухов не пускают и продают им питье сами, да на всякой-де день приходит к ним немчин, на кружечный двор к избам, по трижды и четырежды в день, а с ним солдатов человек по пятьдесят и больше с барабаны, и с мушкеты, и с пиками, и с копыи, а для какого умыслу приходит, того им неведомо, и, видя-де такой страх, коломняне и коломенского уезда люди, которые придут купить питья, с кружечнаго двора бежат врознь, – и солдаты-де, которые стоят с мушкеты, у питухов питье отымают и разливают».

Точно так же поступали и стрельцы и не допускали вынимать корчемные питья. В 1614 году послали на Белоозеро в кабацкие головы Иева Карпова и велели ему «беречи накрепко, чтоб в городе на посаде дворяне, дети боярские, иноземцы, и стрельцы, и пушкари, и посадские люди мимо кабака питей на продаже не держали»; но Карпов доносил, что стрельцы «чинятся сильны» и не дают вынимать у себя продажного питья. Войско в конце XVII века получило новое устройство, и явились новые корчемники из урядников и солдат. Однажды в Москве узнали, что в Немецкой слободе в известном доме солдаты держат вино. Подьячий с отрядом стрельцов явился

на выемку и нашел вино, хотя солдаты успели спрятать его в саду. Стрельцы взяли вино, захватили и несколько солдат; но прибежали другие солдаты, освободили товарищей, отняли вино и протолкали стрельцов до городских ворот. Тут к стрельцам пришла подмога, и солдаты, в свою очередь, принуждены были бежать; но скоро и они получили подкрепление, солдат набралось восемьсот человек, стрельцов было семьсот, и произошел бой. Корчемством занимались солдаты Преображенского, Семеновского, Выборного и Бутырского полков вместе с женами и детьми. Солдатских жен и детей, уличенных в корчемстве, велено приводить к розыску в Преображенский приказ, бить кнутом и ссылать в ссылку; но при этом оговорено, что за работу или мастерство какое можно давать солдатам ведро вина или меньше; но кто даст больше ведра, того считать наравне с корчемником.

Не меньше других занимались корчемством и те, которым поручен был надзор за питейными сборами. В 1664 году на Холмогорах уничтожены были все кабаки, и вместо них заведен один кружечный двор, но воевода доносил, что в Холмогорах на посаде кружечных дворов голова Надея Коровинской с товарищи вино русское, и немецкое, и водки продает с винного подвала, да на холмогорских же посадах в шести местах и не только за деньги, но и в долг вино отдает, и в записях пишут винную отдачу деньгами в оржаной солод на винное куренье, а не вином. В 1698 году приставники по сибирским питейным делам воровали знатно, покрав себе немалое число, в вино воду примешивали; также провозатые провозили вместо доброго вина смешанное с водой. В 1692 году для выемки питей установили бурмистров, выборных из купеческого чину, а с 1699 года – кабацких бурмистров; но и бурмистры воровали. Узнали, что корчемству потворствуют сами приказные дьяки, и поэто-

му с 1703 года выемку питей велят ведать по-прежнему в ратушах, «не ссылаясь ни с которыми приказы, где всяких чинов люди корчемное вино, пиво и табак сами, и крестьяне по их приказу, продают, или в том им, людям своим и крестьянам, совершенную понаровку чинят, или приказным или мастеровым людям за работу и всякие вещи вином платят».

Воровали сами воеводы. На мангазейского воеводу Кокорева доносили, что к сыну его промышленные люди ходят ежедневно продажное вино пить: кто принесет гривну, тому даст чарку, кто принесет две гривны, то даст две чарки, и так дальше по расчету; и как эти люди, напившись, пойдут от того двора, то люди его, крестьяне, перстни и пояса с них оберут, а с иных и все платье снимают в заклад. Из наказа 1692 года видно, что сибирские воеводы, и дьяки, и письменные головы провозили с собой из Москвы и из иных городов в Сибирь вино и мед и, будучи в сибирских городах, «теми своими запасы сами и дети их торговали, продавая на деньги, и меняя на соболи и лисицы». В 1698 году воеводы друг на друга в провозе и продаже многого вина, меда, пива и квасу доводили, и посторонние люди извещали, а во многих делах явилось, что «те воеводы сверх указанного числа многое вино в Сибирь провозили, и дорогою едучи, в Тобольске и Туре продавали, и на своих дворах посторонним и многим тутошним людям продавать велели». Обширная корчемная торговля вином заводится, наконец, в московском Кремле, возле самого царского двора, в Земском приказе, где ведались московские посадские люди, белые и черные слободы, московские разбойные дела, а также мощение улиц и очистка их во время царских выходов. Царю Алексею Михайловичу было подкинута письмо, в котором говорилось: «Вестно тебе, государь, будет, что у тебя, государя, близ твоего царского дворца великое

воровство чинится на земском дворе. Многие ведомые воры из ссылок собрались, записываются в метельщики, и многие беглые рейтары, и солдаты, и всякие служилые люди, збегши с твоей великого государя службы, живут для воровства, *торгуют вином и табаком* во всех избах ортельми, вино продают в чарки, и в ковши, и в скляницы и под заклады дают, а заклады принимают татинные и разбойные и сами пьяных грабят. А деньги они делят помесячно, а достается им на месяц рублей по пятнадцати и больше, да они ж нарядчикам с артели дают рубли по три и по четыре на месяц. А всего у них винной и табачной продажи сходится на месяц рублей по тысяче и больше. А зерною, государь, они, запоя пьяных, все заговором оговаривают и даром отнимают и грабят, кости и карты поддельывают, а Земского, государь, приказу начальные люди про то их воровство про все ведают, да покрывают, потому что они и с ними во всем делятся, и они их во всем покрывают да из стороны оберегают. И ныне их, воров, собралось на Земском дворе больши тысячи человек, и от того их воровство твоей великого государя службе великая спона, и многие, государь, от них дома разорились. Да они ж, метельщики, держат у себя молодых робят и чинят с ними содомский грех, и беззаконие от них многое чинится».

У архангельского порта и по всей юго-западной границе торговлей вином (корчемством) занимались немцы, польские купцы и черкасы (южноруссы). Польские купцы (1636) подмосковными проселочными дорогами провозят вино горячее и табак. Приехали они в Оскольский уезд, и оскольский воевода Пущин их ограбил. Двое литовских купцов пробрались в Тверь с вином и табаком и были высланы вон, а для береженья послан с ними пристав; но они, отъехав от Твери пять верст, пристава от себя отбили и поехали самовольно к

Ярославлю, многие города объезжая воровством; когда приехали они в Ярославль, то их из Ярославля выслали, и они начали по деревням с вином и табаком ездить. За такое воровство они посажены в Ярославле в тюрьму и потом из тюрьмы выпущены, «а заповедного товара, бочка с вином, у них рассечена, а табак сожжен». В 1645 году два московские священника – один от церкви Николы на Столпах, а другой от Кузьмы и Дамиана – подали челобитную, что вдовы немки держат у себя по дворам *всякие корчмы*. Вообще в Москве корчемство стало какой-то общественной заразой.

Вся тяжесть корчемных выеомк падала на крестьянина. Крестьянин, нуждавшийся в вине по случаю праздника и не желавший идти в кабак из стыда или из опасения, что его там споят, или ограбят, или потому, наконец, что кабак отстоял далеко, покупал где-нибудь винца и подвергался разграблению. Если, случалось, воевода узнает, что в таком-то месте есть вино, или квас дрожжаной, или даже сусло, он тотчас едет туда большим повальным обыском или посылает, вместе с головой, и целовальниками, и стрельцами, дворян и детей боярских «вынять, что будет найдено». В 1615 году дошел слух до воеводы, что поставлено в Заболоцкой волости в деревне Демине вино, а привезено то вино с Вологды. Сотник стрелецкий с рассыльщиком, да с ним стрельцов пять человек, поехали вынять то вино и привезли к съезжей избе, к воеводе да к дьяку крестьянина Мартюшку Тянухина, да крестьянку Марьицу, да малого Первуньку, а с ними привезли две насадочки вина, всего ведра с четыре, а взято то вино в коровнике. Стали их допрашивать, и все они, даже маленький Первунька, сказали одно, что приехал к ним какой-то неизвестный человек, оставил вино на время и не возвращался. Воевода с дьяками приговорили: то вино от-

дать на кабак чумаку, в печатное ведро, а за то вино по государеву указу, по кабацкой цене, в государеву казну взять по 2 рубля по 10 алтын, а на Марьице да на Мартюшке и даже на малом Первуньке доправить заповедных два рубля за то, что они неведомых людей пускают к себе на двор с вином. Наехавший воевода имел право тут же и бить виновного как корчемника. За пойманного вступался народ. Боярские дети и стрельцы поймают корчемника, увидят лавочные сидельцы и отбивают его, а народ отбивает табачников и питухов. Когда же нельзя было отбить, то за пойманного давали поручные записи, что такому-то, «живучи за нашими поручками, вина не курити и не продавати, а учнет он это делать, то на нас монастырская пеня (дело шло с Тихвинским монастырем), а в пени, что укажет игумен с братиею». Тому же Тихвинскому монастырю посадские люди дали поручную запись за посадскую жилицу Анну Кузмину да за сына ее за Ивана, что им «живучи в посаде, вином и пивом не кучити, и зерни, и бл... не держати и никаким воровством не воровата». Но когда не удавалось отбить или выручить пойманных с вином, то вино у них отбирали, а их самих били кнутом и ставили на правеж, доправлять с них заповедные пошлины, а если дело было с монастырем, то виновных смиряли еще монастырским смирением.

Люди черных сотен и слобод тяглых для выемки выбирали меж себя десятских, которые должны были смотреть за корчемством и извещать в Новую четверть. Но, во всяком случае, преследование корчемства и наблюдение за выемкой возложены были на воевод. Царская грамота 1661 года делает крепкий заказ вологодскому воеводе, чтоб он смотрел за неявленным питьем: «А буде ты и дьяк корчемного, продажного питья, для своей бездельной корысти, выимать не велите, то, когда

случится недобор, – он будет доправлен на вас». Прошло восемь лет, действительно, явился недобор, и в 1669 году новая грамота идет в Вологду: «Ныне мы услышали, что чинятся на кружечном дворе недоборы большие и вы корчемником норовите, – то буде у кого корчемное питье объявится, тем быть в жестоком наказании безо всякой пощады и сослану в Сибирь, а поместья их взять бесповоротно». Не зная, какие уже принять меры к прекращению корчемства, Москва приказывала воеводам подслушивать и выведывать тайно. Та же грамота 1669 года продолжает: «И вам бы однолично о том корчемном питье заказ учинить крепкой объезжим и кружечных дворов головам, целовальникам, стрельцам и приставам, чтоб они проведывали всякими мерами, и подсылкою для покупки корчемного питья велели б есте подсылать, а тем людям, по извету которых питье будет вынято, велели б давать из опальных животов по рублю человеку и больше, *чтоб ему впредь проведывать и извещать было по-вадно*». В 1681 году назначены были в Москве объезжие головы из дворян добрых пятнадцать человек, да стрельцов для выемки и посылки сто человек. В наказе объезжему голове 1699 года велено быть ему в объезде, где ведает, кроме стрелецких слобод, и ездить ему по улицам и переулкам беспрестанно и проведывать накрепко, чтоб ни у кого корчемного питья не было, а у выемки над солдатами смотреть, чтоб никого не били, не грабили и не устрашали, и корчемным бы питьям не подметывали, и клепать никого ничем не учили, и, взяв кого с корчемным и с неявленным вином или на улице пьяного, к себе по подворьям не водили. Назначали для управления питейным делом и для выемки питей земских бурмистров и в 1700 году предписывали им, чтоб меньше указанных цен вина не продавали, исключая порубежных мест, куда зарубежные питья подвозят по малой цене; «там-то про-

давать дешевле, *только б питухи мимо государевых питейных сборов для дешевых цен за рубеж не ходили*, а которые после сего будут ходить за рубеж, с теми поступать, как с корчемниками». Выемным головам приказывают править деньги с корчемников, «а буде с них взять нечего» – со старост и выборных; изветчикам из несвободных и рабов обещают свободу и, кроме того, часть поместий и вотчин корчемников. Но оказывается, что и сами кабацкие бурмистры, «*по замерзлomu своему противству*, наготовя вина число многое и продав, писали, крадучи излишние себе деньги продажею, в книги с убавкою и цену продажам записывали неравную; тако ж и от целовальников тех продаж многие чинятся общие с теми городовыми бурмистры воровства, о чем по нынешним розыскным в Ратуше делам явно; а в иных городах и сами бурмистры и целовальники винулись, что ради себе многого прибитка так воровски чинили, и те вымышленные воровством краденые деньги по себе делили, и, привозя к Москве, приказным людям себе же для пользы давали. И для того, что многими их великих государей указами то корчемство запрещено и истребиться доселе не может, то ведерную, полуведерную и четвертную продажу вина производить только с отдаточного двора и записывать ее в книги, а с кружечных дворов не покупать, а буде которые купят вино не в указаном месте и в книгах покупки не явится, таковой в том будет истязай, а паче *приказные и купеческих чинов люди*».

В Москве по всем слободам и улицам выбрали старост и десятских, изветчикам снова обещали десятую часть из имущества, а несвободным рабам и работникам свободу. Но доносы были редки. В 1705 году винный подрядчик Куньевской волости Григорий Некошев пишет донос, что в Московском уезде курят вино разных сел и деревень крестьяне, по именам тридцать человек,

да дьякон, дьячок и пономаревы дети, – курят на пятьдесят пять кубов. Для выемки вина и взятия у них кубов посланы из ратуши подьячие Федор Карандашев да выемной Иван Андреев и для подлинного при тех выемках известия дворцовой канцелярии подьячий Василий Овсянников; но кубов они ни у кого не нашли. И вот из Москвы рассылаются указы и особые посланные разыскивать везде винокуренную посуду и ломать ее на месте или отбирать в казну, потому что – говорит указ – «как отберут где винную посуду, так в кружечных дворах тотчас же сказывается прибыль». По указу 1711 года корчемников ссылают на каторгу, а тех, которые знали о них и не донесли, подвергают жестокому штрафу; но, заметив потом, что через это многие лишаются имения и иные под наказание подпали, в 1751 году велят всех, обвиненных по корчемным делам до 1749 года, простить и имения им возратить, содержащихся в губерниях, провинциях и городах под караулом освободить. И все-таки корчемство распространяется более и более, обхватывая все области, присоединяемые к Москве: инородцев, белорусов и украинцев.

Глава IX Инородцы

Читая позднейшие описания быта инородцев, постоянно встречаешься с одним и тем же известием, что они все страшно преданы горячим напиткам. Но если мы обратимся к судьбам их истории, то эта пресловутая страсть инородцев к пьянству получит совершенно иное значение.

Пермь, печора (зыряне) и югра с древних времен вели значительную торговлю с Великим Новгородом и

с Дальним Востоком, вплоть до Индии. Обширная торговая деятельность могла принести этим народам цивилизацию; но, с одной стороны, грабежи разнuzданной новгородской вольницы, а с другой – московский кабаk – стугбили судьбу северных народцев, вымирающих теперь на наших глазах. Инородцы с незапамятных времен пили пиво, брагу, кумышку. Новгород Великий с этой стороны не стеснял их ничем, а Москва ввела к ним кабаки. Как вводился и распространялся у них московский кабаk – это можно видеть из истории города Верхотурья.

В 1597 году верхотурский житель Бабинов нашел, прочистил и вымостил дорогу из Соликамска в Сибирь, и здесь, в Пермской земле, где было старое чудское городище Неромкур, велено было в 1598 году сделать город и острог, а для строения взять денег, между прочим, у Сарыча Шестакова из земских и кабацких сборов; но Сарыч и земские люди в деньгах отказали; сказали, что на кабаке в Чердыни денег нет. Из Москвы на это отвечали, что если в Перми денег не дадут, то взяли бы сами. Поставлен был город и назван Верхотурье. Здесь люди воинские, казаки литовские и малороссийские сталкивались с вогулами и остяками и вели с ними меновую торговлю. Проезжающих было много, так что инородцы не в силах были исправить ямскую повинность, и поэтому в 1660 году высылают сюда из разных мест крестьян и освобождают их от податей с тем, чтобы они исправляли ямскую повинность и даром гоняли казенную почту. В то же время вызывают охочих людей из Перми, Вятки и из других мест. В 1660 году устроен в Верхотурье обширный двор для склада европейских и азиатских товаров, и заведена таможня. Через восемь лет город уже был тесен для жителей, и занимаемое им пространство теперь удвоилось. Чем далее шло время, тем знаменитее делалось Верхотурье. Воеводами в нем все были люди

известные – Годуновы, Барятинские, Нарышкины, Лопухин – тесть Петра. Наконец, город удостоился получить и свою собственную святыню: в 1615 году открыты были мощи святого Симеона Верхотурского.

Цветущее состояние города, продолжавшееся два с половиной века, необходимо должно было отразиться и на кабаках. Москва всегда избирала для кабаков бойкие и торговые места, и потому несомненно, что и верхотурский кабак явился вскоре после основания города и долгое время не переставал возбуждать всеобщее недовольствие и собирал около себя пьяниц. Верхотурские воеводы Барятинский и Языков в 1623 году пишут в Москву, что с тех пор, как по указу царскому устроен на Верхотурье кабак, то верхотурские служилые люди, стрельцы, и казаки, и ямские охотники, и пашенные крестьяне на верхотурском кабаке многие пропились, а ямские охотники, пропивая, разбрелись, а пашенные крестьяне от того кабака одолжали и обнищали. Воеводы же унимать их не смеют, боясь кабацкого недобора. Царь им на это отвечает: «То вы пишете к нам, не радея о нашем деле, что кабак хотите оставить. Кабак ведь заведен не вчера, а давно, задолго до московского разорения; и до вас много воевод перебыло на Верхотурье, но никто из них о том кабаке нам не писал, а вы вместо того, чтоб искать пред прежним прибыли, хотите и старое растерять. Все, что вы пишете к нам, не поделом: это – от лености, или, может быть, смотрите на Тобольск, где кабаки велено снести, и то не образец. В Тобольске кабак был заведен недавно, а Тобольск в Сибири – первый город, и тобольские служилые и всякие жилецкие люди учили пить беспрестанно, и в Тобольске потому велено снести кабак, чтоб сберечь наших служилых и торговых людей. А у вас на Верхотурье не одни служилые люди пьют, а есть много приезжих из разных мест Сибири, и поэто-

му кабак уничтожить нельзя. И как к вам наша грамота придет, вы бы заказали крепко, чтоб служилые люди, ямские охотники и пашенные крестьяне не пропивались, а и опричь тутошних служилых людей, и ямских охотников, и пашенных крестьян пить на кабаке будет кому. А затем поручаем смотреть накрепко, чтоб доходы с кабака пред прежними годами собраны были непременно с прибылью. Прежде, – продолжал царь, – для кабацкого сбора присылали в Верхотурье из Тобольска худых тамошних людей¹, которые все ссорились с верхотурскими воеводами, да и то постоянно были прибыли, и никто не писал, чтоб снести кабак. А теперь верхотурский кабак отдан вам, а для сбора присылают голов из Казани и из Чебоксар выборных лучших людей, так как же не быть у вас прибыли? – и вам бы однолично порадети, чтоб нашей казне была прибыль».

Проходит несколько времени. Воеводу Языкова сменяет князь Пожарский, а этого – князь Семен Гагарин. 12 декабря 1628 года Гагарин пишет в Москву, что при Бярятинском и Пожарском для верхотурского кабака «вино сидели и пиво варили уговорщики, посадские люди (служилые и крестьяне). Сидели они вино у себя по домам, в деревнях и по селам, на Тагиле и на Невье, и, сдав часть вина на кабак, другую часть пили сами, и за это многие служилые, и посадские люди, и пашенные крестьяне стоят на правеже». За такое усердие Москва благодарила Гагарина и предписывала ему у всяких людей отобрать винные котлы в казну, запретить всем частным людям курить вино и варить пиво для казны, а вместо того устроить винную и пивную поварню в остроге, где и заготавливать казенное питье. Предписание это послано было с казаком Туликовым, но, к счастью сибиряков, казак этот куда-то пропал, и воевода, прождав отве-

¹ Это продолжалось с 1620 по 1623 год.

та до июля следующего года, пишет в Москву, что ответа на свой донос он не получал. Москва, прописав ему все вышеприведенное, снова наказывает позаботиться, чтоб *«нашему верхотурскому кабаку и нашей казне недобора не было*, а казака Ивашку за утерю указа велеть бить батогами». Получив указ, воевода тотчас же принялся за дело. Котлы отобраны, строго запрещено варить пиво и курить вино и велено всем пить на кабаке.

Новопостроенная казенная винокурня ложится новой тягостью на народ, и верхотурские крестьяне пишут царю челобитную, что устроили у них казенную поварню для варки пива и вина, и от этой поварни «им не вмочь стало жить». «Пашем мы, – говорят они, – на казну десятинные пашни, ставим казенные анбары на свои деньги, возим дрова на винокурню по полтора рубля, а нам платят по 20 алтын, да нас еще выбирают в целовальники к винокурне, и мы вконец погибли и запустели». Усердие воеводы идет дальше – на него начинают жаловаться головы и целовальники, и в 1635 году верхотурскому голове предписывают не давать воеводам вступаться мимо указов в таможенное и кабацкое дело, чтобы тем не произвести убыли в казне. Все эти обращения к Москве скоро умолкают. В Верхотурье, как и в других больших городах, появляется уже несколько кабаков, пьянство и азартные игры. В 1668 году тобольский воевода отдал на откуп охочим людям игры в карты и зернь. Узнал про это воевода в Верхотурье и Сургуте и пишет в Москву, чтоб и ему позволили отдать на откуп карты и азартные игры; но ему не только не позволяли этого, да и в Тобольске велели откуп отставить.

В Верхотурье начали присылать голов со стороны. От головы, присланного со стороны, нечего было ждать милости. Сначала присылали голов из Тобольска, потом из Чебоксар и Казани, а в наказе верхотурским воеводам

1687 года велют выбирать в кабацкие головы из устюжан добрых посадских людей, но потом уж голов выбирают в Москве и на Ирбитскую ярмарку для сбора винной продажи посылают Сибирского приказа оружейника Василия Шишелова, который и прежде этого был кабацким головой. Должно думать, что, приехав в Москву, он хорошо поклонился дьякам, и вот, посылая его теперь в Ирбит, пишут: «Тамошные головы, устюжане, оказались не радивы, а он, Шишелов, оказал царской казне радение, а поручной записи по нем не собирать для того, что в сказке он, Василий, сказал, что по нем из Ирбитской слободы, в тамошнем сборе, никто не ручается».

В 1692 году опять в Москве выбирают для верхотурского кабака голову устюжанина – посадского человека Григория Скорнякова, приводят его к вере по святой евангельской непорочной заповеди, а в товарищи ему приказывают выбрать верхотурцам целовальников, самых лучших людей. Скорнякову поручают учинить в кабацком сборе перед прежним прибыль, которая бы была «прочна и стоятельна и всяким людям не в тягость». В 1695 году головой снова выбран был устюжанин. В 1698 году заведены были в Сибири казенные винокуренные заводы. Воеводам предписано было купить хлеба, выкурить вина, а если по смете окажется это выгодным, то продолжать это дело непрерывно и на покупку припасов держать рублей по триста, или по четыреста, или больше. С конца XVII века массы беглых людей направляются в Сибирь. Дорога шла через Верхотурье, а потому здесь вместо одного существовавшего доселе кабака возникло несколько. Но в 1753 году уничтожена была верхотурская таможня, и Верхотурье стало незначительным уездным городишком с несколькими кабаками.

Так точно распространялся и укоренялся кабак по всей северо-восточной окраине Московского цар-

ства. Палицын доносил на мангазейского воеводу следующее: «Приедут, – говорил он, – самоеды с ясаком, воевода и жена его посылают к ним с заповедными товарами, с вином, и они пропиваются до нага, пропивают ясак, который они привезли, собак и бобров и платят ясак оленьими шкурами; иные с себя и с жен своих снимают платки из оленьих кож и отдают за ясак, *потому что все перепились и переграблены*»¹. Руководствуясь этими целями, воеводы, отправлявшиеся в Сибирь, возили за собой целые обозы вина. Якутскому воеводе Голенищеву-Кутузову в 1638 году велено взять с собой «для иноземных ясачных расходов сто ведер вина горячаго». В 1644 году якутскому воеводе Пушкину велено взять в Верхотурье и Тобольск «на ленских ясачных людей» сто ведер вина горячаго. Путивльский воевода Ухтомский, назначенный в 1597 году воеводой в Пустозерском остроге у самоедов, просил позволения взять с собою триста ведер вина по подрядной цене, но ему позволили взять только пятьдесят ведер.

В грамоте царя Василия Ивановича 1606 года Лопского погоста крещеным и некрещеным лопарям сказано: «Питья к ним в лопские погосты, вин и медов, на продажу из Великого Новгорода не привозить». Грамота эта подтверждалась в 1615, 1648, 1659 годах. Но запрещение это не мешало заводить у лопарей кабаки. Царь Алексей Михайлович в 1658 году пожаловал Никону в Новый Иерусалим и в Крестный монастырь в Каргопольском уезде *на пропитание* реку Еколгу в Еколгском уезде, и «с той реки Еколги оброк и пошлины и таможенный сбор и кружечнаго двора прибыль» велено было выложить из оклада и не брать в царскую казну. Несмотря на это, в 1665 году наехал на лопарей посадский человек Звягин,

¹ Соловьёв С. М. История России с древнейших времен. Т. 9. М., 1859. С. 140.

стал их грабить, и Никон жаловался на Звягина царю, ссылаясь на указ, которым у лопарей «кабацкаго питья наметывать и насильства чинить не велено». В жалобе своей Никон умалчивал, в чью же пользу шла теперь отложенная прибыль с кружечного двора. В 1686 году семь лопских погостов снова били челом, что с олонецкого и иных кружечных дворов в лопские погосты с вином, и с пивом, и медом целовальники ездят и тем чинят убытки и разорение крестьянам. Из Москвы пришла новая грамота: «Не ѣздить съ виномъ въ лопскіе погосты». Царь Михаил Федорович писал к сибирским воеводам: «А которых наших людей посылаете к татарам, вогуличам и остякам собирать казну нашу, и те люди татарам, вогуличам и остякам чинят всякое насильство и посулы берут великие, а нашей казне ни в чем прибыли не ищут; *в пьянстве у вас многие люди бьются и режутся до смерти*». Пушкин и Супонев доносили на воеводу Петра Головина, что торговые и промышленные люди ходят к нему на двор человека по два и по три ночью, а сходят-де от него со двора пьяны.

Воеводы, говорил указ 1695 года, забыв их государей крестное целование и презря жестокие указы, каковы в наказах написаны, многое вино и разные товары через указ в Сибирь провозят, и сверх того в Сибири вино курят, и тем вином многую корысть себе чинят, и на кружечных дворах вина на продажу записывают малое число, «въ годъ индѣ по двадцать и по десять, а индѣ написано въ продажѣ одно ведро, а в иной годъ ни единого ведра продать не дали. И отъ того то государево вино оставалось, истекало и пропадало безденежно; да они жъ, воеводы, провозять вино и всякіе товары беспошлинно». В 1698 году послано было в Сибирь следующее наставление: «А которые питухи озадорятся и напьются пьянством безобразным, и учнут деньги, пла-

тье, товары, мягкую рухлядь своего промыслу в заклад или в мену пропивать, и таких унимать, и, обрав его всего, в особый чулан, чтоб проспался, положить. А как проспится, по вине смотря, наказав его словами или высесть батожьем, все ему отдать в целости, а взять только по правде, сколько он пропил, а лишняго, чего он не помнит, отнюдь не иметь, и в государеву казну не класть, и гораздо смотреть, чтоб никто через свою силу не пил, и от бессмертнаго питья до смерти б не опился, и душу свою навеки не погубил».

Как видно из грамоты 1627 года цивильскому (Казанская губерния) воеводе Матюшкину, черемисы в это время платили еще *медвяный оброк* и *оброк с бортных ухажьев*, и ни слова еще не было о запрещении питей. Но потом татарам, мордве, черемисе, точно так же, как самоедам и якутам, приготовление домашних напитков было запрещено, а велено было им покупать вино и пиво на кружечных дворах тех городов, куда они причислены. В наказных статьях нерчинскому воеводе 1696 года было сказано, чтоб князцы и служилые люди были под его царского величества высококой рукой в вечном холопстве и не смели бы держать у себя иноземного кумыса. В 1653 году велено было кликать в якутском остроге, чтоб служилые люди пив, браг и кваса хмельного безъявочно не варили и на продажу не держали, а когда нужно сварить, брали бы явку; «чтоб банные откупщики безъявочно меду не ставили, пьяного кваса дрожжеников, б<лядей> и корчмы не держали; а буде служилые, торговые, промышленные и всякие люди учнут у себя по подворьям или в торговой бане зерню, и карты, и всякую проигрышную игрою играть, и корчму и б<лядей> держать, – тех людей брать я съезжую избу». Тюменскому воеводе в 1699 году велено было поступать с корчемниками со всей жесточью.

Таким образом, к концу XVII века мы находим московские кабаки, а следовательно и преследование корчемства, в Енисейске (основан в 1619 году), Якутске, Иркутске, Ишме, Мангазее (основана в 1600 году), Томске (основан в 1604 году), Кузнецке (основан в 1618 году), Нарыме (основан в 1595 году), Кети, Сургуте (основан в 1593 году), Березове (основан в 1593 году), Тюмени (основана в 1586 году), Пельше (основан в 1592 году), Туринске (основан в 1601 году) и так далее.

Глава X

Правеж – спутник кабака

За корчемство установлены были самые жесткие наказания. По Уложению 1649 года, с тех людей, у кого корчму вымут, правили от 5 до 20 рублей, а на питухах (кто пьет) от полтины до рубля; кроме того, их били кнутом и пытали. В 1654 году брали пеню с правежом по 10 рублей и по торговым дням били кнутом нещадно. В 1699 году велено было «всякое неявленное и продажное питье, и суды винные, котлы, и кубы, и горшки, и трубы вынимать с понятами, да с тех, у кого питье вымут, и с питухов имать великаго государя заповеди, за первый привод по 25 рублей, и на питухах по 2 рубля, и давать их на крепкия поруки, чтоб им впредь вина не курить; а кто приведен будет во второй раз, пени брать по 50 рублей, а на питухах по 4 рубля с человека, да им же за то учинить наказание – бить кнутом, и отдавать на крепкия поруки; а буде кто приведен будет в третьи, пени имать 100 рублей с человека и, бив их кнутом, ссылать в низовые сибирские города, куда пристойно, или сажать на пашню или на работу, а на питухах пени имать втрое».

За извет в корчемстве давали из описных поместий, и вотчин, и из дворов, и из животов четвертую долю или со всякого ведра по 10 алтын, а за посуду с пуда меди по две гривны. В 1681 году положено было, чтобы с тех сел и деревень, где корчма объявится, брать с крестьян и бобылей, которые в тех селах и деревнях живут, а на соседей не известят, по рублю с крестьянского и бобыльского двора, с десяти дворов того десятка, где открывалось корчемство, и чинить десятским и тому десятку жестокое наказание, а корчемников ссылать на Яик, в Сибирь или в иные дальние города на пашню. Помещикам и вотчинникам велено доносить на крестьян в корчемстве; но если бы крестьянин стал говорить на помещика, то его оговорам не верить. Приводным людям чинили жестокое наказание, били их кнутом и ссылали их в ссылку. Крестьян боярских, уличенных в корчемстве, бив кнутом, отдавали назад господам, которым вменялось в обязанность строго смотреть за поведением своих людей. Если же они попадались в другой раз, то с господ взыскивалось 10 рублей пени, а крестьяне, после наказания кнутом, оставались в тюрьме до государева указа. У крестьян за корчемство отсекали руки.

Вся тяжесть корчемных выемок ложилась на народ, ибо знатные люди, избличенные в корчемстве, платились только своими вотчинами, а от правежа были освобождены – тогда как все остальные должны были идти на правеж. Правеж, заимствованный от татар, распространен был по всему Московскому царству и служил в разных случаях орудием казни и денежных взысканий и средством мести и насилия. Иван Васильевич в Новгороде бьет на правеже монахов и монахинь; Годунов, сделав начет на дьяка Смирнова, выводит его на правеж и засекает до смерти; Горн бьет на правеже хутынско-го архимандрита Киприана; архимандрит Леонид (1512)

ставит на правеж своих певчих за то, что они не ходят в церковь; на правеже, по новому судебнику, бьют воров; московские послы на правеже вымучивают запасы и подводы; посредством правежа собирают подати, и вот целые волости, осужденные на правеж, нанимают людей, которые бы стояли за волость на правеже. На правеже присутствуют праветчик и воевода, и люди, согнанные на правеж, говорят воеводе с большим невежеством, чтоб на них не правил, а иногда взбунтуются, разбегутся с правежа, отобьются от приставов и пойдут на двор к воеводе, грозясь ему всякими неподобными делами, а посадский и всеуездский староста кричат: «Ты, воевода, вор, а вы править не смейте!»

Но правеж укоренялся более и более, и к нему, как к конечной цели, после различных тревог сходились все жертвы питейного дела. На правеже стояли головы и целовальники, и выбиравшие их мирские люди, с которых правили недоборные деньги; тут были и самые жертвы кабаков – кабацкие пьяницы, с которых правили долговые напойные деньги, и тут же ждали своей участи тысячи мужиков, сваривших к празднику пивца, – это корчемники, с которых правили корчемные пошлины. На правеж гнали всех, и светских, и духовных, гнали их целыми селами, деревнями, с которых нещадно правили деньги. В 1618 году велено было белозерским властям производить из кабацких сборов содержание шведским послам, но белозерцы отвечали: «А на Белоозере, государь, только и питья, что на твоём государевом кабаке вино да пиво, а медов, государь, на твоём государевом кабаке не держим; а посадские многие тяглые люди с правежов разбеглись, а на достальных правим мы, холопы твои, хлебных и за кабацкие двory, и кабацких же недоборных денег, по твоим государевым грамотам, 970 рублей 11 алтын с деньгой; да из Ямского приказа недель-

щики правят на них же ямских денег 683 рубля 11 алтын с деньгой; да с патриаршего двора сын боярской Григорий Малыгин правит на них же запросных денег 200 рублей. А правим мы, холопы твои, твоих государевых всяких доходов через весь день от утра и до вечера».

Особенной ревностью в правеже отличались монастырские приказчики. Стрелец Семен Иванов, служивший в Троице-Сергиевой лавре сборщиком податей, 6 мая 1679 года, напившись пьян, приехал в монастырскую деревню править поворотные деньги, и, собрав мир и сборных целовальников, поставил их на правеж, и целовальника, Моисея Федорова, стал бить поленом без милости, и, сбив его с ног, «влежач», обходя кругом, всего избил до самого увечья; причем говорил: «Дай мне полведра вина, а не дашь – прибью до смерти, не что-де мне не сделаешь». Избив его, он украл у него рубль денег. Целовальники жаловались Троице-Сергиевой лавре. Был сделан обыск, все подтвердили показания целовальников, и монастырский собор решил: «А как бы они, крестьяне, не чинились сильны, и платежи платили, тогда бы и посыльщиков не посылали, и на правеже б крестьяне не стояли».

Правеж совершался следующим образом. Являлись стрельцы с батогами, брали несостоятельного должника, и босого ставили у приказа перед приездом туда судей, и отпускали не прежде их выхода. Праветчик, стоя возле должника, бил его по голой ноге без всякого милосердия, как свидетельствует Флетчер: «*Flagris baculis que per surgas et crura pedum graviter absque ulla misericordia caeduntur...*» По словам Маскевича, перед разрядом всегда стояло по утрам больше десяти таких праветчиков, которые, разделив между собой виновных, ставили их в ряд и, начав с первого, били тростью, длиной в полтора локтя, поочередно ударяя каждого по икрам и таким образом

проходя ряд от одного края до другого. За расправой наблюдал судья, глядевший из окна. Расправа производилась ежедневно, кроме праздников, от восхода солнца до десяти или одиннадцати часов утра, и каждый должник подвергался правежу по часу в день, пока не выплачивал долга, и велено было держать его на правеже *не более месяца*. Правежи отсрочивались по случаю поминовения царей, цариц и царевен. Но, невзирая на закон, устанавливавший срок правежу, иногда били должников «через весь день от утра и до ночи». Издатель записок Желябужского справедливо замечал, что сначала, вероятно с примера татар, несчастных должников терзали до тех пор, пока они не издыхали, а поэтому московский царь, внося правеж в русское право, делал оговорку, что должники – дворяне и бояре – могли выставлять на правеж вместо себя людей своих. Что же касается до нещадного бития батогами, то Нейбауер описал его так: батоги, жидкие палки длиной в аршин, берут служители в руки, раздевают человека, кладут его наземь, садятся ему на руки и на ноги и бьют его палками до тех пор, пока двадцать или тридцать из них не изломаются; потом наказываемого переворачивают и бьют его по животу, наконец по бедрам и по икрам. Наказанных батогами отвозили в телегах. Олеарий, бывший в Москве в 1633 и 1639 годах, приложил к описанию своего путешествия картинку, изображающую правеж и битье батогами и кнутом. Картинка эта, перепечатанная с издания Олеария 1656 года в книге Тромонина «Достопримечательности Москвы», изображает московский Кремль, перед которым обширная площадь и на ней множество людей, которых, по словам того же Олеария, «бьют по коленям гибкими палками, толщиною в мизинец, так сильно, что несчастный, изнемогая от жестокой боли, испускает громкие крики и стоны; или же бьют кнутом по обнаженной спине, спу-

стив руки несчастного на шею палача, а ноги вытянув за привязанную к ним веревку».

От кнута больше всего доставалось корчемникам, и казнь над ними совершалась, по словам Олеария, следующим образом: «Тем, кого уличат в запрещенной продаже нюхательного табаку, привешивают на шею пачку табаку, а занимающемуся запрещенной продажей водки – фляжку с водкой, и таким образом водят попарно от площади до Кремля и обратно в сопровождении двух помощников палача и все это время бьют кнутом». Народ крепнул от правежей, и бывали люди, которые умели *отстаиваться* на правеже и денег не платили; для таких праветчики имели наказ: «Если посадские на правеже начнут отстаиваться и денежный доход платить не станут, у таких дворы их, лавки и имущества отписать на великого государя».

Народ не забыл этого правежа и до сих пор еще поет о нем в песнях:

Били добраго молодца на правеже.
На Жемчужным перехрестычке¹,
Во морозы, во хрешшенские,
Во два прутика железные.
Он стоит, удаленькой, не тряхнетя,
И русы кудри не шелохнутя,
Только горючи слезы из глаз катютя.
Уж как бьют-то добраго молодца на правеже,
Что на правеже его бьют,
В одних гарусных-то чулочках без чеботов;
Правят с молодца казну да монастырскую.

Правеж жил рядом с кабаком до самого XVIII века. Указом 1717 года велено бить всех людей, находивших-

¹ Снегирев указывает в Москве урочище, именуемое Жемчужным перекрестком (см.: «Прибавление» к «Московским губернским ведомостям». 1842. № 119).

ся под взысканием по откупам, по питейным сборам, а если они помрут, то поручителей по ним, жен их и детей, на правеже не держать, а отсылать их всех *на каторгу*. Но правеж все-таки не прекратился. При Бироне, когда недоимки возросли до нескольких миллионов, тогда, по словам Болтина, лучших людей забирая под караул и каждый день ставя разутыми на снег, били по щиколоткам и по пяткам палками: сие повторяли ежедневно, пока не выплатят всю недоимку. По деревням, продолжает он, слышен был стук ударов палочных по ногам, крик сих мучимых и плач жен и детей, томимых голодом и жаждой. Даже при Екатерине казенные деньги, растраченные казначеями, взыскивались посредством правежа.

Глава XI Ордын-Нащокин и Крижанич

Кабаки распространялись, равно ненавистные и народу и лучшим людям общества. Из последних нашлось двое, которые в XVII веке подали голос за свободную продажу питей. То были Юрий Крижанич – серб из Хорватии – и А. Ордын-Нащокин, псковский уроженец.

Юрий Крижанич – сербский католический священник, около 1655 года прибыл в Московское государство и, конечно, не мог не заметить печального положения народа, пившего по кабакам. Вот что он писал, сосланный уже в Сибирь (1660–1668): «Об пьянству нашем что треба говорить! Да ты бы весь широкий свет кругом обошел, нигде бы не нашел такого мерзкого, гнусного и страшного пьянства, яко здесь на Руси. А тому причина есть корчемное самоторжие (монополия), или кабаки. По милости этой монополии люди не смеют варить себе напитков без приказного позволения, и в этом последнем пишется

им, чтобы они выпили все в три или четыре дня после изготовления и дольше в домах не держали. Чтобы выпить скорее этот наваренный напиток, люди пьют через силу и упиваются; а соседи, которым нечего выпить дома и негде купить напиток, сидят без стыда и не отходят от этого пива, пока чают хоть одну каплю его. Дальше люди мелкого счастья не в состоянии изготовить дома вина или пива, *а корчмы нет*, где бы они могли иногда выпить, кроме корчмы царской, где и место, и посуда хуже всякого свиного хлева, и питье самое отвратительное (питие само пребрідко), и продается по-бесовски дорогой цене. Кроме того, и эти адские кабаки не под руками у народа, но в каждом большом городе один или два только кабака. Поэтому, говорю я, мелкие люди чуть ли не всегда лишены напитков и оттого делаются чрезмерно жадны на питье, бесстыдны и почти бешены, так что какую ни подашь большую посуду с вином, они считают за заповедь Божию и государеву выпить ее в один дух. И когда они соберут несколько деньжонок и придут в кабачный ад, тогда сбесятся в конец и пропивают и рухлядь, какая есть дома, и одежду с плеч. Итак вся злости и неподобие, и грехоты, и тщеты, и остуды всего народа исходят из проклятого корчемного самоторжия». Так писал Крижанич в Сибири, и то же самое, вероятно, он говорил, живши в Москве. Слова его должны были показаться богопротивными, и он был сослан.

Не лучшая участь постигла и старания Нащокина уничтожить кабаки и ввести свободную торговлю питьями. Просвещеннейший из русских людей XVII века, Афанасий Лаврентьевич Ордын-Нащокин в 1665 году назначен был воеводой во Псков. Псков был город порубежный, куда иностранцы привозили тайком *множество горелого вина и немецких питей*, и псковичи совсем не покупали вина с казенных кружечных дворов. Силь-

но развивалась потаенная корчемная продажа, которой занимались иностранцы, жилецкие люди и дворники, в казне были великие недоборы, а в недоборах, когда год отойдет, «извыкли челобитьем и сроками отбывать». Завелось воровство, стали ходить по ночам из своих подвожий, и объявлялись разные рухляди в ночных приносах. Чтоб положить конец этой безурядице, Нащокин предложил ввести вольную продажу вина с платой в казну с рубля по две деньги и по гривне. Мнения псковичей, вызванные этим предложением, разделились: меньшие люди, то есть собственно народ, стали за вольную продажу, а лучшие, богачи-горланы, как было и в 1470 году, как это бывало всегда, стали за свою личную выгоду, за кабаки, за так называемую старину. Но потом между обеими сторонами последовало соглашение, и введена была вольная торговля питьями на следующих основаниях: «В посадах торговых людей положить за вино и за всякое питье во всякой год, сметя против продажи его в указные сроки. А кто теми питьями больше торговать учнет иных товаров, и того в земской избе остерегать, и в сотнях у жилецких людей в домах не может утаить, а на тех с рубля иметь по гривне, и на ремесленных посадских же людях против явки годовые, как преж сего являлись, держать про себя на праздники и на урочные дни, а корчмы не держать. И на церковный чин положить против явки потому ж, и на казаков, и на стрельцов, и на пушкарей за явку положить в год по меньшей явке. А с красных заморских питей с продавца иметь с рубля по гривне ж. А в уезде на всех на пашенных людей покотельщина с винного и пивного котла порознь, – а питье в города подвозить учнут подрядом, и то объявлять, а за бочку пива или меду что цена, то и пошлин взять».

Во Пскове получен царский указ о вводе этого нового порядка продажи питей, и указу этому не хотят

верить. Лучшие люди, делая с него списки, посылают три челобитных к царю, и просят у него нового указа, а младшие жалуются на лучших, что они царского указа не слушаются. Наконец, свободная продажа питей введена, и Псков как будто переродился: «И явные о том знаки во Пскове, как учала быть питейная пошлина в домах с большим укреплением, и хлеб во Пскове учал быть к торгу дешевле, и всяким людям от выемок и от разоренья свободнее, а что кабацкие избы, где всякое безчиние и смрад был, а ныне в тех местах устроены обиталища убогим, а те избы всякого благочиния исполнены».

Нащокин был во Пскове с марта 1665 по октябрь 1666 года, когда его сменил Хованский – враг всяких нововведений. Этим воспользовались лучшие люди, подали ему челобитную о нововведенных порядках, вследствие чего Хованский и написал царю, что «ныне во Пскове учинены вновь шинки, и в тех шинках пьют безвременно, и оттого смотреть доброго опричь всякого дурна не из чего, и что казне великого государя питейной прибыли перед прежним сбором будет недобор большой, а прежний-де оклад 9000 рублей, а ныне на откуп дают 6000 рублей, а чаёт-де сберетца и 7000 рублей, а шинкари-де в два месяца, на сентябрь да на октябрь, принесли только 600 рублей, а того-де сберетца на год 3600 рублей, а как тем шинкарям питейная прибыль отдана на веру ли, или на откуп, того в отписке имянно не отписано». Поэтому он просил шинки отставить, и быть по-прежнему кабакам по старым местам, и отдать их на откуп, а если откупщиков не найдется, то собирать на веру *лучшим людям*...

К этому прибавлен был донос на Нащокина: «И в челобитной, государь, писано слагательно, некто писал умной человек, а мужикам было так не сложить, а многие, государь, статьи в нее писаны к нынешним волям,

что было заведено не делом, без твоего государева указа, от своих вымыслов, а будто в нынешнем 1666 году присланы из съезжей избы памяти, питейной промысл отставить и быть кабаку в одном месте, а то солгано: кабаку быть не в одном месте, а где прежде бывали. И посадские, государь, *лучшие люди*, и сказки за своими руками многие дали, *что они от тех шинков разорились*». Откупщик нашелся, Кузьма Андреев Солодовников, и заплатил за месяц более чем вдвое против той прибыли, какую казна получала от продажи. Узнал про это Нащокин и написал царю: «Казано всяким делам быть по-прежнему, и разорен, государь, совет Божиих и твоих, великого государя, людей, а пущены во вражду и разоренье, в чем преж всего разорены напрасно». Но Хованского скоро сменил Великого-Гагин, и при нем вольные питейные промышленники, Давид Бахарев со товарищами, прислали в Москву челобитную, в которой объявили, что выборные люди, Семен Меншиков со товарищами, дружа друг другу и видя, что будет казне великого государя сбор большой, «питейную прибыль отдали на откуп товарищу своему, выборному человеку Кузьме Андрееву, заводом, и, забыв страх Божий и крестное целование, назвали наши оброчные дома шинками». Пришла и другая жалоба в Москву на откупщика Кузьму Андреева и его приятелей, которые устроили ему откуп, что откупная сумма очень мала и что, несмотря на то, откупщик и товарищи его, лучшие люди, притесняют маломочных людей, не дают им готовить у себя хмельных напитков в известных определенных законом случаях, корыстуются с кабаков, провозят товары, прокрадывая. Челобитная была принята во внимание, и пришел с Москвы указ, чтоб выборные, Меншиков со товарищами, за то, что маломочным людям не помогали, а решали дела без городского и мирского ведома, платили б в год за кабаки 9336 рублей. Но осенью

1668 года пришла новая челобитная от земского старосты Котятникова и всех псковичей, чтоб от *кабацких продаж* была учинена полная свобода, как в Смоленске.

Лучшим людям в Москве мирволили, и челобитчикам было отказано. Царь не знал, что и делать, и спрашивал совета у Нащокина: «Как тому кабацкому сбору пристойно быть и доимочныя деньги на ком взять, чтоб кабацкая прибыль напрасно не пропала, а людей бы не ожесточить». Нащокин счел нужным объяснить ему все дело. «В 1668 году, – говорил он, – я устроил Псковское государство с примера сторонних чужих земель к великой прибыли твоей государевой казне и Псковскому государству к полноте и расширению. Я сделал это, ни на что не прельщаясь, только видя вашу государскую премногую милость, исполняя свой долг и надеясь получить отпущение грехов в будущем веке. Но мое дело, государь, возненавижено немилосердными людьми, приказною мздою. Отказали Стеньке Котятникову в питейных сборах, но думные зачем забыли мою вину: я и в Смоленске то же самое сделал! А Псков важнее Смоленска, лежит на рубеже двух чужих земель; жители в городе и уездах пришли в последнюю нищету, и без такого устава помочь им нечем. Всячески приводя в согласие людей Божиих и государевых, я наговаривал и писал во Пскове, и ко мне из Пскова писал дьяк Мина Гробов, что усердно радеет, как бы прекратить разделение между псковичами, и на ком довелось кабацкую недоимку доправить, то у них уже решено; решено и то, чему во Пскове быть прочнее. Надеюсь на твою государскую милость, я в Смоленске твоим указом пример учинил, товарищи мои, думные дьяки, это знали, и если, государь, в Смоленске в питейном доме зла не сделалось, и как теперь там дело идет – в Посольском приказе известно, то во Пскове было бы горздо больше прибыли, чем в Смоленске».

Царь решился спросить всех жителей Пскова, чего они хотят и что выгоднее для казны: *питейные дома* (шинки, вольные дома) или *кабаки*. Архимандрит Арсений, как святую панагию носит, во всякой правде сказал, и архимандрит, игумны и строители, игуменьи и строительницы подтвердили, что «питейным домам быть нельзя», потому что народ не обогатится, а пьянство будет большое. Из крестьян одни сказали, что «питейным домам можно быть по-прежнему, а кабакам быть непристойно»; другие же 670 крестьян, вместе с дворянами, казаками, стрельцами, пушкарями и воротниками, которых всего было 2115 человек, сказали, что «они не знают». В Москве последовало решение – отдать кабаки на откуп! Стали вызывать откупщиков, но откупщиков не нашлось. Нащокин долго еще боролся с московской приказной мздой, потакавшей кабацким откупам. «На Москве, – писал он к царю, – не радят о государевых делах, – эй, дурно! Царь, думные дьяки занимаются хитростями и кружечными делами!» Но, видя потом, что это «дурно» неисправимо и идет все шире и дальше, честный гражданин вдруг оставил свет и удалился в монастырь Саввы Крыпецкого, в двадцати верстах от Пскова.

Слова Крижанича и Ордына-Нащокина погибли, не оставив никакого следа: кабаки и кабацкая жизнь распространялись по всем углам русской земли.

Глава XII

Распространение кабаков с 1552 года до начала XVIII века

Мы видели, что около 1552 года во всем Московском царстве был один лишь большой царев кабак, стоявший в Москве на Балчуге. Царь Федор будто бы ве-

лел сломать его и уничтожить, но это не помешало ему тотчас же по смерти отца пожаловать Ивана Петровича Шуйского городом Псковом *с тамгою и с кабаки*: «Государь царь Федоръ Ивановичъ, послѣ отца своего смерти, князя Ивана Петровича Шуйскаго пожаловаль великимъ жалованиемъ, въ кормленіе Псковомъ обѣми половинами, и съ пригороды, и съ тамгою, и съ кабаки, чего некоторому боярину не даываль государь». Флетчер (1588–1589) писал, что в его время уже в каждом большом городе стоял кабак: «In every great towne he hath a Caback, where is sold aqua vitae, which they cal Russe wine, mead, **beere**». **Борис Годунов (1598–1605), сделавшись царем**, вновь открыл кабак на Балчуге и завел откупные кабаки по городам. Палицын говорит: «Оскверни царь Борисъ неправеднымъ прибыткомъ вся дани своя: корчбнищи бо пьянству, и душегубству, и блюду желателне, во всѣхъ градѣхъ въ прикупъ высокъ воздвигше цѣну кабаковъ, и инѣхъ откуповъ черезъ мѣру много бысть, да тѣмъ милостыню творить, и церкви строить, и смѣшавъ клятву со благословеуіемъ и одолѣ злота благочестію». То же, по словам Карамзина, было записано в летописи: «Уставил Борис в России и пошлину имати со всяких товаров, и мыты, и перевозки, и вино продавати от казны». Но в то же время писатели хронографов не стыдились расхваливать Бориса, что он покусился корчемства, свободной торговли вином. В хронографе, бывшем у Карамзина, записано: «Государь наш царь Борис Федорович ко мздоиманию зело бысть ненавистен, разбойства и татьбы и корчемства много покусился, еже бы в свое царство таковое неблагоугодное дело искорените, но не возможе отнюдь». В то же время один иностранец, лютеранский поп, по поводу кабаков сочинил про Бориса целую романтическую историю вроде того, что «отдамъ послѣднюю рубашку». Желая истребить грубые пороки,

говорит Бер, Борис запретил пьянство и содержание питейных домов, объявив, что скорее помилует вора или убийцу, нежели того, кто вопреки указу осмелится открывать кружечный двор. «Пусть дома, – будто бы говорил Годунов, – каждый ест и пьет, сколько хочет; может и гостей пригласить, но никто да не дерзнет продавать вино москвитянам. Ежели же содержавшие питейные дома не имеют иных средств к пропитанию, пусть подадут просьбы: они получают земли и поместья». Арцыбашев, приводя это известие, справедливо заметил, что Бер не понял указа Годунова, запрещавшего корчемство, то есть вольную продажу питей.

Новозаведенные кабаки казались народу насилем; народ помнил еще свой старый быт, а потому, при появлении царева кабака, сейчас писали просьбу о том, чтобы кабак снести. Люди Вельского стана, крестьяне Бориса Годунова, в 1594 году били ему челом, чтоб кабак снести, и Борис велел снести кабак, приказав, однако, смотреть, чтоб продажного питья не было и в отвоз с вином не ездили, а «лучшие отрадные крестьяне, кому можно (?), питье держат в своих домах, и они бы держали про себя и не продавали». В Новгороде этого времени было уже два кабака, от которых нужда, теснота, убытки и оскудение учинились; поэтому царь Борис Годунов, царица, царские дети по жалобе гостей и всех посадских людей Новгорода денежные доходы с кабаков отставили, а кабакам на посаде быть не велели. Муромские богаделенные старцы, двенадцать человек, подали челобитную царю Михаилу Федоровичу и писцам Борису Дмитриевичу Бартеневу да подьячему Михаилу Максимовичу и в челобитной писали: «После **де московскаго разорения**, как приходил к Мурому пан Лисовский, дали де им муромцы, посадские люди, под богадельню пустовое место, а ныне **де подле тое богадельни учинился госу-**

дарев кабак, а им де подле того кабака жить не мочно, а государь бы их пожаловал, велел бы им дати пустое место в Муроме на посаде, и по этой челобитной дано богаделенным старцам пустое место под богадельню». В 1638 году крестьяне Устюжского уезда, Онтропьевы слободки, били челом, что у них «заводчик корчму держит сильно, а преж деи сего у них корчмы не бывало (?) в той слободке, и та де их слободка стоит на дорогах, на великопермской, и на вятцкой, и на вологодской, и с тех де дорог у них на корчму приходят всякие люди, тати, и разбойники, и костари». Царь их пожаловал, велел заводчику «корчмы в той слободке не держати и *пива ему не варити*». В 1676 году крестьяне Веницкого погоста, жалуясь на кабацкого голову и целовальников, просили уничтожить у них кабак, а сумму питейного сбора разложить на них по-прежнему в виде оброка.

Рядом с царскими кабаками распространялись по городам и кабаки боярские. Кормление тамгой и кабаком, не известное доселе ни князьям, получавшим уделы, ни боярам, кормившимся от поместий, – теперь, с половины XVI века, стало желанной целью и князей, и бояр. Еще в 1548 году Иван IV отдал боярину Игнатью Борисовичу Голохвастову в кормление город Шую «с правдою, съ пятномъ и съ корчмою». В Москве после 1552 года он построил кабак для опричников; в 1570 году немцы Таубе и Краузе, выдававшие себя за римских дворян, получили от него право продавать мед и вино. Царь Федор, вступив на престол, пожаловал кабаком Шуйского. Наступило Смутное время, и московские бояре, являясь к польскому королю, предлагали ему воспользоваться кабацкими доходами Московского царства, причем не забывали и себя, и себе выпрашивали тамги и кабаков. Михаил Салтыков со товарищами, делая в 1610 году договор о призвании на московский престол Владислава,

десятым пунктом этого договора постановили: «Пожитки, доходы господарские всякие с городов, с волостей, также с кабаков и с тамги гроши велит господарь его милость выбирать по давному». Избрав на царский престол поляка Владислава, московские сановники бросились просить у его отца, Сигизмунда III, отчин и кабаков. В длинном ряду этих искателей кабачной мзды мы встречаем дьяка Чичерина, получившего сельцо Лыжино с тамгой и со всякой пошлиной; крайчому Льву Афанасьеву даны в Новгородском уезде в Бежецкой пятине дворцовая волостка Липенская и рядом Боровичи *с кабаком, и с тамгой, и с перевозом*; окольникову князю Ф. Ф. Мещерскому дано в Новоторжском уезде село Кушалино с деревнями, тамгой и кабаком; дьяку Степану Михайлову Соловецкому в Старицком уезде дано дворцовое село Дегунино с пошлиной и кабаком; Ивану Тарасовичу Грамотину в Вологде, в Красной Слободе, в Темникове *кабак и тамга* и, наконец, Маржерету, вместо его села с деревнями и кабаком, которое от него отошло и отдано кому-то иному, пожалованы поместья в Двинском уезде. Подобным образом выдано разным лицам из бояр восемьсот различных привилегий на земли и оброки, и подобные же милости бояре не прочь были получать от Тушинского и других воров.

Раздача кабаков боярам продолжалась и в последующее время. В 1629 году боярам князю Юрию и брату его Мамеште (мирзе) Шулешевым (татарам) были даны в Муромском уезде: село Карачарово с кабаком да деревня Новая *с тамгой и кабаком*. В 1645 году боярину князю Александру Михайловичу Львову (ярославскому) пожалованы в Ярославле на посаде рыбные ловецкие слободы да *кабак*. Интересно узнать, что в числе всех этих бояр, которые, местничая между собой, чтоб не быть бесчестным, заняв место пониже, не нашлось

ни одного, который решился бы отказаться от кабака. И во множестве дел о местах вы тщетно будете искать случая, чтобы кто-нибудь счел за бесчестье сидеть или служить рядом с владельцем кабака, а между тем Хилков не хотел быть ниже Пожарского, которого родители бывали в приказах. Такова была гражданская честь, легшая в основу Московского царства.

В период Смутного времени распространение царева кабака должно было притихнуть. «Для Смутного времени, – писали в 1611 году в Пермь казанские воеводы, – кабаки заперты были по многое время». Кончилось Смутное время. Земским собором 1613 года выбран на царство шестнадцатилетний Михаил Федорович, и снова пошли по городам приказания, чтоб, опричь государева кабака, питья никто не держал. Грамотой 1614 года из Галицкой чети белозерскому воеводе велено на Белоозере «квасной и сусленой кабак завести и держати на веру, а целовальников выбирать посадских людей, а двор кабацкой поставите тем людям, кто старой кабацкой двор разволочил». Белозерцы завели сусленой и квасной кабак, и по 28 января прибыли оказалось 13 рублей два алтына с деньгой, да казаки отняли у сусляного и квасного кабака два воза солоду, посланного на мельницу, а про двор кабацкий белозерцы доносили, что его пока нет, потому что старый растаскали в литовское разоренье, и они нашли одну клетку от кабака, а ныне целовальники «квас и сусло варят для поспешенья в городе, а кабацкой двор учнут ставите, как будут прибыльные деньги». Но в грамоте следующего года опять велют поставить кабак тем людям, кто его развез.

Кабацкая прибыль по-прежнему сделалась источником для удовлетворения всяческих нужд царя, начиная от государственных и до семейных. Умерла в 1615 году в Суздале царица-старица Александра, и указом царя ве-

лено было, чтоб тотчас взяли на ее погребение из кабацких денег пятьдесят рублей. Царь и патриарх, собрав в 1620 году московских гостей для переговоров о торговле с Джоном Мериком, объявили откровенно, что нет других доходов, как от таможи и кабака: «Ведомо вам всем, что по грехам в Московском государстве от войны во всем скудость и государственной казны нет нисколько; кроме таможенных пошлин и кабацких денег государевым деньгам сбору нет». В наказе воеводам, отправленном в Новгород в 1617 году, приказано было «беречь накрепко, и избрати детей боярских сверстных, и велети им корчмы выимати у всяких людей, чтоб *опричь государевых кабаков никто питья на продажу не держал*». В 1627 и 1628 годах князь Василий Туренин да дьяк Третьяк Копнин во Пскове «поставили на государя варницу *на кабаки варити*, и церковное вино отняли на государя у торговых людей, продавати верным целовальникам дорогою ценою, их же умышлением на откуп дали квасников». В 1629 году купили на Москве кабаки псковские Ивана Никитина закладчик Хмелевский со товарищами и продавали вино по 4 алтына стопу, а стоп убавили. Другие люди откупали кабаки по волостям. «В 1639 году (говорит царская грамота) ведомо учинилось, что в городах, приписанных к Новгородской четверти, в недавнее время взяты на откуп квас, сусло, брага, батвинья, которыми в городе живут и кормятся и тягло платят посадские и всякие жилецкие люди».

В 1645 году умер Михаил Федорович, и царский престол достался Алексею Михайловичу, шестнадцатилетнему царевичу. Налоги, притеснения, грабеж бояр и откупщиков дошли до того, что вызвали в Москве мятеж. Это было летом 1648 года. В этом же году был Земский собор, созванный для устройства земли, и выборные прямо заявляли, что на Москве и около Москвы

заведены на государевой земле патриаршие, монастырские, боярские и других чинов слободы, где живут закладчики и их дворовые люди, что они накупили себе и в заклад побрали лавки, погреба, откупают таможни, кабаки и всякие откупы, а оттого служилые и тяглые люди обнищали и одолжали. И затем они просили, чтоб право винокурения и продажи вина передано было казне. А между тем московские бояре и дьяки успели составить Уложение (1649), которое предоставляло откупщикам еще большие права. Велено было «до году на откупщиков однолишно никому суда не давати, чтобы откупщиков ни от кого напрасныя продажи не было и отдавать кабаки и иные всякие откупы на откуп государевым посадским людям и дворцовых сел и волостным крестьянам, а иным ничьим людям и крестьянам никаких откупов не отдавати». То же повторялось в другой главе: «В головах и целовальниках на кабаках, которые кабаки в городах и уездах, в государевых дворцовых селах, и в черных волостях, опричь посадских людей и дворцовых сел крестьян ничьим людем и крестьяном не быти». С откупщиков, которые откупают городские кабаки, велено брать по полуосме деньги с рубля. В декабре 1651 года откупа были уничтожены, восстановлена старая продажа на вере, кабаки названы кружечными дворами (сокращенно *кружало*), и велено во всех государевых селах и городах, исключая меньших малолюдных сел, быть *по одному кружечному двору*. В 1652 году были запрещены кабаки, принадлежавшие частным лицам, боярам, дворянам, жильцам и приказным, исключая духовенство, и оставлена одна казенная продажа на вере. «С недавнего времени, – писал Олеарий, – все частные кабаки (*Kabaken*) уничтожены, так как правительство нашло, что они отвлекают народ от работы и представляют ему удобный случай пропивать зарабо-

танные деньги; теперь уже никто не получит вина на две или три копейки, шиллинг или грош. Вместо этих частных кабаков его царское величество приказал учредить в каждом городе кружечные двory (crosisnoj dwor), откуда вино отпускается во все шинки и кабаки, ими заведуют двое присяжных, которые должны ежегодно вносить в казну его царского величества известную сумму денег. Несмотря на это, пьянство не уменьшается... В настоящее время таких кружечных дворов во всем государстве считается до тысячи. Они приносят государю огромные деньги... Прежде бояре и другие знатные вельможи имели право содержать в различных местах государства свои кабаки. Все они, подобно великому князю, отдавали их в аренду известным лицам; но так как арендная плата была ими поднята очень высоко, то многие из откупщиков должны были разориться. Поэтому в настоящее время постановлено, чтоб никто из бояр или вельмож не смел держать кабаков. Все они теперь находятся в управлении великого князя. Он повелел выстроить в каждом городе особенные дома, откуда можно бы было за известную цену получать водку, пиво и мед, а деньги вносить в его казну»¹.

Несмотря на уничтожение откупов и кабаков, те и другие продолжали существовать; и снова во всех городах было сказано кабацким верным головам, и целовальникам, и откупщикам, чтобы они на 1653 год на кабаках больших запасов не припасали, потому что с этого года в городах кабаков не будет, а будет по одному кружечному двору. По случаю страшного пьянства, развившегося в Москве, было приказано, чтобы в Великий пост для постного времени и о Светлой недели (?) с кабаков кабацкого вина, и пива, и меду не продавали и кабаки за-

¹ Олгарий А. «Путешествия». В издании «Чтения в имп. Обществе истории и древностей Российских». 1868. Кн. 1. Гл. 4, 12.

печатать; а что в это время продажного питья бывало, и то им, кабацким головам и откупщикам, зачесть одним в сбор, другим в откуп. В июле 1652 года был избран в патриархи Никон. 11 августа в его присутствии был в Москве *собор о кабаках*, и на пятый день (16 августа) была уже написана грамота в Углич, в которой царь говорил: «11 августа советовав мы с отцом своим и богомольцем святейшим патриархом Никоном, и со всем освященным собором, и с бояры, и с окольными, и со всеми нашими думными людьми о кабаках, и указали: во всех городах, где были наперед сего кабаки, быти по одному кружечному двору, а в меньших, где малоллюдно, в тех селах кружечным дворам не быть. Всем кружечным дворам быть на вере, и которые кабаки были на откупу, а урочные годы не отошли, и те кабаки у них взять, а за заводы кабацкие и за запасы платить им, но только те, которые надобны будут к кружечным дворам, а за лишние заводы и запасы не платить. Продавать вино по одной чарке одному человеку, а больше той указанной чарки одному человеку не продавать, и на кружечных дворах и близко двора питухом сидеть и питье давать (им) не велено, а ярышкам (кабацкие ярыги), и бражникам, и зернщикам на кружечном дворе не быть. По постам вина не продавать, священнический и иноческий чин на кружечный двор не пускать и *вина им не продавать*; пива и меду не припасать и не продавать, а что пива и меду останется, то продать до сентября 1653 года». Таким образом, на кабаках осталась одна лишь водка... Затем в грамоте шли обычные наставления головам и целовальникам, и, как бы по привычке, снова говорилось о кабаке: «А то им головам и целовальникам сказать, чтоб им с того кабака (углицкого) и с тамги собрать перед прежним с прибылью». И грамота, выражаясь так, не ошибалась: московского кабака нельзя уж было искоренить, и тем более одной переменной на-

звания, как нельзя было уничтожить пьянства приказом продавать вино только по одной чарке.

Хуже всего было то, что запрещено было продавать в кабаках пиво и мед, но это было только на время. В уставных грамотах следующего года (на Мологу) велят пиво и мед продавать по-прежнему. Как бы то ни было, но грамота об уничтожении откупов была принята народом с радостью, и память о ней сохранялась, как увидим, до половины XVIII века. Этой грамотой запрещалось питухам сидеть близ кружечных дворов. Но в 1659 году в царской грамоте на Двину снова предписывалось головам и целовальникам стараться, чтобы «великого государя казне учинить прибыль *и питухов с кружечных дворов не отгонять*». В 1652 году по случаю того, что хлеб покупали недорогой ценой, вино продавали осьмивершковое ведро в чарки по полтора рубля, в кружки по сорок алтын, в ведра от двадцати до тридцати алтын за ведро. В 1660 году была дороговизна хлеба, и царь с боярами велел продавать вино в Москве в чарки по четыре рубля, а в кружки и в ведра по три рубля; во всех остальных городах, опричь низовских, которые ниже Казани, по три рубля ведро. При этом прибавлялось, что у крестьян, которые «учнут курить вино и продавать его, *сечь руки и ссылать в Сибирь*». Но во всех городах вино продавали не по три, а по четыре рубля. В 1661 году цена вину увеличена и велено продавать его по пять рублей ведро.

Проходит со времени уничтожения откупов одиннадцать лет, и в 1663 году велят для пополнения казны великого государя во всех городах и пригородах, в помещиковых и вотчинниковых селах, в слободах и деревнях с 1 сентября 1664 года «кабакам и кружечным дворам быть на откупу и на вере». В 1664 году велено в Холмогорах на посаде мелкие кабаки свести, а быть одному кружечному двору; но, несмотря на запрещенье, выбор-

ные все-таки продавали вино в шести местах. В том же году послан был указ во все города Новгородской чети, чтоб везде, где были кабаки сведены и велено быть по одному кружечному двору, впредь кружечным дворам быть не велено, *а кабакам, где они были наперед сего, на тех же на всех местах быть по-прежнему.* Так-то мудрили московские подьячие, наживавшие от кабаков, которыми торговали, большие деньги! Мы уже видели, что в 1668 году Ордын-Нащокин приписывал приказной мзде все эти потачки кабаку и откупу, столь ненавистным народу. «Эй, дурно!» – писал к царю честный гражданин, и слова его сбылись¹.

Начались мятежи, поднимаемые толпами кабацкой голи. За бунтом московской черни 1648 года последовал мятеж в Сольвычегодске и Пскове *от худых людишек*, которые и в село Коломенское приходили *с большим невежеством*, и, наконец, громадный бунт Стеньки Разина. Народ был озлоблен против бояр. 26 мая 1648 года во время мятежа, вызванного Плещеевым и Траханиотовым, в Китай-городе загорелся кружечный двор. В одиннадцать часов вечера иностранцы смотрели, как он горит. Вдруг увидели они вдалеке монаха, который тащил что-то с неимоверным усилием. Поравнявшись с ними, монах стал просить, чтоб они помогли ему бросить в огонь труп злодея Плещеева, которого он влачил за собой. Монах утверждал, что только этим средством можно унять огонь. Иностранцы отказали ему в помощи, а он начал их клясть. Пришли к нему на подмогу люди, бросили труп в огонь, и, действительно, пламя стало ослабевать (свидетельство Олеария).

Остановимся здесь на последних днях царствования Алексея Михайловича и посмотрим, как в XVII веке рас-

¹ Судьбу А. Нащокина мы видели. Сын его жил в Литве, потом съездил в Москву, увидал, что дурно, и бежал к Данциг, а отсюда во Францию.

пространялись по городам кабацкие откупы и что это были за кабаки... Возьмем для примера город Шую.

Мы уже встречались с Шуей в 1548 году. Кабаков тогда еще не было, и в Шуе была корчма. К концу Смутного времени, в 1611 году, в Шуе уже был кабак; кабацким целовальником – Иван Павлов Завьялов. Польские и литовские люди приходят в Шую воевать ее, посадские людишки скитаются по миру, *меж двор*, а тут еще с Москвы от бояр и воевод и от стольника и воеводы князя Д. М. Пожарского прислан с наказом Василий Ртищев, и ему велено взять с посаду тридцать пудов меда да двадцать ведер вина, и Ртищев доправил их, а шуяне плачутся: «Государь, смилуйтесь пожалуйста!» В 1614 году шуяне жаловались на сыщика Кузминского и на суздальских и шуйских губных старост, что они «питье из кабака емлют силою». В 1628 году в Шуе кабацким откупщиком москвитин Мишка Никифоров со товарищами, сменивший верного голову Ивана Володимирова. В пятнадцати верстах от Шуи стояло село Дунилово (178 дворов, 37 лавок, 7 амбаров, 40 навесов, 6 полков, 3 солодовки), в нем в 1632 году был кабак за пашенным крестьянином за Михаилом Васильевым со товарищами, да еще были две харчевни. Оброку с кабака платили 590 рублей 4 копейки на год. Село это, как видно, было богаче Шуи, где в следующем году кабак платил только 200 рублей. На шуйском посаде по писцовым книгам считалось 154 двора, и в том числе 32 – запустелых. В 1640 году случился пожар, сгорело 82 двора, осталось 40 разломанных дворишек, да сгорел еще кабацкий двор, нужно было ставить его; но несмотря на пожарище, шуяне стоят на правеже в недоимочных дворовых деньгах за запустелые дворы. А тут еще с Москвы приходит царская грамота: «В Шуе из посадских людей выбрать на Углич верного голову к кабацкому сбору». Шуяне пи-

шут челобитную, чтоб государь смиловался, не велел бы выбирать в Углич кабацкого голову, и чтоб шуянам «от такого разорения, стоячи на правеже, от голоду и стужи не погибнуть». Это было зимним временем. Спустя год в Шуе опять был кабак – а недельщик Андрей Мантуров сыскивал в Шуе про попа Антипа, и шуяне дали сказку, что тот поп «на кабак ходит и пьет, и с кабака покупаючи пьет, и к себе на двор носит». В 1643 году шуйский кабак – на вере, кабацким головой – суздалец, посадский человек Никитин Жилин; а кабацкими целовальниками – шуйские посадские люди Тихон Иконник со товарищами. На них бил челом царю шуянин Ивашко Тихонов, что его отец пьет у них на кабаке безобразно, а голова и целовальники кабацкого питья дают ему в долг «не по животом и промыслу». В то же время земский староста Мишка Осипов, от себя и во всех шуян посадских место, бил челом царю на шуянина Короба, что он пьет и бражничает безобразно, и зернью и карты играет, и жену свою бьет и мучит не по закону.

Но в других кабаках самим целовальникам приходилось жаловаться на обывателей. Жители соседнего с Шуей города Лухи в 1654 году всем городом били челом царю, что приказчик села Мыту князя Репнина Петр Шибаев собрался «со многими людьми, и с пищальми, и с рогатины, и с бердыши, поехал в город Луху, чтоб избить воеводу, а от съезжей избы поехал на луховский кабак, и на кабаке у стойщиков стал чуланы разбивать и питья даром прошать, и стойщики все разбежались, покинув питье». В 1630 году шуяне жаловались, что у них в городе более тридцати человек «сидят по выборам, да из них же сидят в Суздальском уезде у таможенного сбора, да в Ивановской слободе на кружечном дворе, и сидят без перемены пятый год, а Ивановская слободка – Суздальского, а не Шуйского уезда, а прежде там

были суздальские выборные». В 1660 году они послали новую жалобу на воеводу Боркова, что 26 сентября он избил, заперши у себя на дворе, выборного посадского человека, кружечного двора голову Ганку Карпова до полусмерти, и ныне тот голова от его «воеводских побой изувечен, а на кружечном дворе *питуру* нет и промысл остановили, и сборным целовальникам стало не в мочь». На Ганку Карпова пошел особый донос от воеводы, что у него в кабаке беспорядки. Из Москвы пришло повеление сыскать, правда ли, что голова Карпов на воскресенье и в воскресенье во весь день продавал вино по стойкам; правда ли, что он воеводе Боркову учинил непослушание и питье в стойках печатать не давал и прочее. Шуяне сказали, что они того не ведают, знают только, что у воеводы Боркова с головой Карповым была ссора. Пришли к церкви Божией на паперть священники и шуйский земский староста и призвали туда воеводу и голову, и голова Карпов говорил воеводе Боркову, что «убил де ты меня, Иван Иванович, напрасно». А он на это сказал: «Ты де, голова, меня бранил и невежливые слова говорил». И священники с земским старостой, выслушав ту ссору, их помирили.

В кабаках пропивались люди всех сословий, светские и духовные. В 1678 году по указу архиепископа Суздальского был розыск про диакона Лариона, и шуяне показали, что «Шуи города соборные церкви диакон Ларион на кабаке и по улицам валяется, и по харчевням скитается, и, приходя пьян к соборной церкви, в колокола бьет и градом всем возмущает, и в церковь Божию не ходит, всегда по улицам ходя, по ночам и в день кричит». В 1677 году опять по указу архиепископа Суздальского был розыск про попа Григория, и спрашивали у шуян: «А пономарь все пьян валяется ли? Да поп Григорей в беседах напивается ли пьян и озорничает ли? Всякого ска-

редною бранию, мужской пол и женский, бранит ли? Ст... у... на беседах и по улицам ходя, выставляя, показыва-ет ли?» Шуяне сказали: «Ей же, ей». Архимандрит Шуйского монастыря с братией били челом царю на старца Саватея, что живет не по монашескому чину: на кабаке пьет, и иноческое с себя пропивает, и зернью играет.

В 1690 году шуйский кабак стал разваливаться; изба, выход винный и ледники пивные от ветхости обвалились, а кубы винные, и бражные, и пивные, и бочки, и колоды – все сгнило и обвалилось. И нововыбранный кабацкий голова Якушка Голятин доносил, что быть в кабаке «никоими мерами не мочно». На следующий год был выбран новый голова Лука Котельник, и ему велено было починить кабак под наблюдением земского старосты и посадских людей. В 1710 году во время пожара в Шуе сгорели на кружечном дворе выход винный большой, пивные два выхода и новостройная питейная изба, да еще две избы, да приемного у купчин вина 750 ведер, пива 3260 ведер, меду 10 ведер 3 четверти, 3 амбара хлебных и запаса в них, приготовленного для кружечного двора: ржи 150 четвертей, овса 200 четвертей; и осталось только «на кружечном дворе в отхожем погребе (в отхожем малом выходе) вина малое число – ведер 300». И шуяне доносили, что «без земской, и таможенной, и долговой изб, и кружечного двора быть и пошлины собирать невозможно (а на продажу вина вскоре будет оскудение)». Шуйский кабак, видно, торговал хорошо, и скоро вместо одного кабака явилось несколько, явилась даже целая кабацкая улица, называвшаяся Кабацкий десяток. Но в 1738 году был новый пожар: сгорели два кабака, *большой* и *заверняйка*, два выхода откупщика Зубкова с запасным подставным вином, одна питейная изба, одна стойка и кружечный двор. В соседнем селе Иванове также было несколько кабаков. В 1775 году в Иванове сгорело два ка-

бака, *большой и подпушенный*, и выгорела целая улица кабацкая. В 1795 году доход с шуйского кружечного двора и с кабаков дошел до 1631 рубля 16 алтын 4 денег.

Из примера города Шуи видно, что кабаки были то на вере, то на откупу. Так было и по другим городам. В 1667–1678 годах пошлину на вере собирали в кабаках: в Великом Новгороде, в Старой Русе, во Пскове и пригородах, на Вологде, в Нижнем Новгороде и в Нижегородском уезде, на кабаках на Великовражеском, на Юркинском, на Вельдемановском, на Пожаровском, на Столбицком, на Терюшеве, в Константинове да в Новом.

Вот одна из записей, связанных с откупами: «В псковском пригороде во Гдове питейная прибыль в откупу за псковитянином посадским человеком за Куземкою Андреевым. В псковском же пригороде, на красном, кабак в откупу у псковитина посадского человека Опашки Лодейникова. У Архангельска квасная продажа у бани в откупу за колмогорским посадским человеком Ивашком Игнатьевым. В Нижегородском уезде в селе Грида-не Торжок и кабак в откупу за вязниковцем за Ларкою Кириловым. Да в селах Ватраское, Ананьинское, Андосовское, Шихмановское кабаки и торжки в откупу за нижегородцем, посадским человеком за Андрюшкою Михалевым. В селе Троицком шелокшенский кабак в откупу за кадашевцем за Ондрюшкою Луковниковым. В селе Лопатицах да под деревнею Слоспинцом торжок и кабак на откупу за ярополчанином за Федькою Суворовым. В селе Ключицах кабак в откупу за нижегородцем посадским человеком за Бориском Белобородовым. Да в Нижнем же на посаде уксусный промысел в откупу за нижегородцем посадским человеком за Андрянком Михалевым. В Вятском уезде в Шестакове таможня и кабак, да в Котельниче кабак в откупу за вятчанином за Федькою Зверовым, и откупщик Федька те кабаки отка-

зал. В Арзамасском уезде в вотчине боярина князя Ивана Алексеевича Воротынского в селе Никитине кабак и торжок на откупу того ж села за крестьяны. В том же уезде в селе Гагине торжок и кабак в откупу за садовником за Ортюшкою Хвасливым. В вотчине бояр князя Федора да князя Григория Григорьевичев Ромодановских в селе Лопатине торжок и кабак на откупу. В вотчине окольных Василья и Григорья Микифоровичев Собакиных в селе Круглом кабак в откупу того ж села за крестьяны. На Олонце на посаде кружечный двор в откупу за олончанином за Сидорком Заветного. В Олонецком уезде шуйский кружечной двор на откупу за олончанином за Савкою Ларионовым. В Каргопольском уезде устьмошской кабак на откупу тое ж Устьможской волости за всеми крестьяны. В Старой Русе таможня и кабак на откупу за новгородцы, посадскими людьми за Васильем Проезжаловым со товарищи. В Приказе Володимирской чети в городах: в Володимире на Посаде и Володимирском уезде, в деревнях Лаптеве, да в Хорышовке; в Переславле Рязанском, в селе Путятине, в Печерниках, в Пронску, в Калуге, на Михайлове, в Ржеве Пустой и в Заполье, в Твери, в Торусе, на Туле, в Боровску, в Верее, в Волхове, на Кропивне, в Луху, в Торжку, в Печерниках, в Ряском, в Зарайску таможенную и питейную прибыль собирают на вере тех же городов жилецкие люди. В Вологодском уезде, в селе Гуском погост (!), торжок и кабак Басманной слободы (в Москве) за тяглицом за Кондрашкою Алексеевым. В деревне Липне кабак в откупу огородной слободы за тяглицом за Данилком Павловым. В Переславском уезде Рязанского в Перевицком стану кружечный двор в откупу за переславским рыболовом за Демкою Колмаковым. В Воротынску кружечной двор в откупу за кашашевцем за Лучкою Аргуновым. В Волоколамском кружечной двор в откупу гостинной сотни за Петром

Исаевым. В Торуском уезде на Оке-реке, да на устье реки Поротвы перевозки и рыбные ловли и кабаки в откуп по нынешний по 186 год (1678), а в 198 году те перевозки, рыбные ловли и кабаки велено собирать на вере. В Сапожке кружечный двор в откупу села Дединова за крестьянином за Петрушкою Кислым. В Тульском уезде на Упской гати кабак на откупу за тулянином, посадским человеком за Трошкою Душкиным. В Боровском уезде в селе Ростунове кабак на откупу за Петром Исаевым. В Зарайску кабак в откупу гостиные сотни за Петром Исаевым. Приказу галицкия чети в городах: в Суздале, в Галиче да в галицких пригородах, у Соли Галицкой, на Унже, в селе Корцове, в Шуе, в селе Солтанове, на Колмине, на Кошире, в Ростове, в Юрьеве-Польском, в Колшне кабацкия прибыли собирают верные головы и целовальники. В Суздальском уезде в селе Островцове на откупу стольника князь Ивана княж Михайлова сына за крестьянином за Якушком Рамининым. В Галицком уезде в селе Столбове кабак в откупу за крестьянином князь Ромодановского за Якушком Дементьевым. В Коломенском уезде в селе Малине кабак в откупу боярина князя Юрья Алексеевича Долгорукова того ж села за крестьянином за Ивашком Наумовым, да за кадашевцем за Петром Исаевым. В Коширском уезде в селе Люблине кабак в откупу за кадашевцем Петром Исаевым».

К 1677 году относится одна опись, указывающая на кабацкую прибыль по некоторым городам. Сборов с таможен и с кружечных дворов шло с Устюга с уездом 6782 рубля, с Сольвычегодска 3662 рубля, с Тотьмы 2350 рублей, с Вязьмы 1196 рублей, с Можайска 1196 рублей. Одних кружечных сборов шло с Рузы 175 рублей, со Ржева Володиминова 328 рублей, со Старицы 292 рубля, с Бежецкого Верха 477 рублей. В 1651 году городенский кабак в Устюжской четверти был обязан выбрать окла-

да 674 рубля 22 алтын 2 деньги, по 56 рублей по 7 алтын в месяц и по рублю по 28 алтын с полуденьгой в день. В 1670 году с кружечного двора в Устюге Великом сходило 4530 рублей. Вино на кружечные дворы доставлялось в большом количестве. В 1683 году с московского отдаточного двора послано было в Соликамск на усольские кружечные дворы десять тысяч ведер, в Чердынь две тысячи ведер, в Кайгород тысяча ведер. Олеарий (1639–1643) записал, что «прежде в Новгороде каждый из находящихся там трех кабаков ежегодно приносил до 2000 рублей, а все вместе до 12 000 рейхсталеров. Но когда боярские кабаки были запрещены, сумма эта увеличилась; в настоящее время таких кружечных дворов (хотя и не каждый из них приносит одинаковые доходы) во всем государстве считается до тысячи». По Штраусу, доходы от кабаков были несколько меньше; но зато кабаков в Москве, по его словам, было бесчисленное множество. По словам Коллинса, жившего в Москве в 1659 году, от иных кабаков в Москве получали ежегодно от десяти до двадцати тысяч рублей.

В 1676 году умер Алексей Михайлович и московским царем сделался Федор Алексеевич. Ему было четырнадцать лет от роду. Посоветовавшись с патриархом и поговорив с боярами, новый царь в 1677 году опять запретил в малых селах продажу питей и на откуп, и на вере, а в больших селах запретил отдавать кружечные дворы на откуп. Денежную прибыль велено было собирать из Приказа новой четверти. Но, несмотря на запрещение, в селах, близких к Москве, откупные кабаки оставались по-прежнему. В 1681 году на откупщиках оказалась многая недоимка, а у верных голов большие недоборы. В кабаках на вере, находившихся вблизи откупных, продажа остановилась, и в казне учинилась большая «истеря». Приказано было, чтоб все кабаки по-прежнему были

на вере, а откупу отнюдь нигде кружечным дворам не быть. Кабаки бояр, помещиков и вотчинников, которые были за крестьянами их в поместьях и вотчинах, приказано свести и вновь не заводить. Цену вина уменьшили до полтины за ведро, наказав при этом, по обычаю, кабацким головам добыть во что бы ни было к 1682 году прибыли против прежних лет, и за то «к себе ожидать его государевы милости, и чтоб в том приборе, что собрано будет против прежних лет, голова и целовальники никакого опасения себе не держали». Явки были очень затруднительны, потому что нужно было ссылаться с теми приказами, где ведались крестьяне, и вот, чтоб в тех пересылках «с приказы корчемной выемке мотчания и порухи не было, явке питей и выемке велено быть из Приказа большой казны».

Для оптовой и розничной продажи вина учрежден в Москве отдаточный двор: «А быть на Москве одному отдаточному двору, а вино и всякое питье продавать по местам, на которых местах для продажи вина и всякого питья наперед сего избы построены, или вновь где построить и продавать. Московским жителям всяких чинов людям, сколько кому вина про себя понадобится, покупать на московском отдаточном дворе, а мимо московского отдаточного двора, в иных городах, и в уездах, и в корчемных местах ни у кого вина не покупать. Продавать с московского отдаточного двора в ведра, и в полуведра и в четверти, в ведра по полтине, а в четверти и чарки по 20 алтын, и для того такую малою ценою продавать, чтоб в корчмах отнюдь нигде продажи вину не было». Отдаточный двор был поручен выборным на вере, но выборным только по имени, ибо головой туда назначили гостя Игнатия Могутова не по очереди, а в целовальники к нему велели выбрать хоть кого и не по очереди же, «опричь тех, которые были в службе в по-

следние четыре года». То же велено было сделать и в других городах, выбирая хоть кого и не в очередь: «А буде в котором городе и не из кого выбрать, то выбирать из других городов, а в малолюдных городах выбирать целовальников из стрельцов, казаков, драгунов, пушкарей, затинщиков». Чтоб сосредоточить главную продажу вина и все выгоды от нее на одном московском отдаточном дворе, в 1682 году велют с кружечных дворов, которые от Москвы во 150 верстах и ближе, продавать вино по московским ценам для того, чтоб приезжие с Москвы и всяких чинов люди «мимо московского отдаточного двора вина не покупали»; а которые кружечные дворы от Москвы более 150 верст, там продавать вино «вольною ценою, почему приведется». Но на следующий год в дальних городах по вольной цене продавать запрещено, а велено продавать по московским ценам. Несмотря на все эти предосторожности и все эти меры прекратить корчемство, усчитать выборных и увеличить потребление вина, на деле вышло то, что в Москве никто не хотел покупать казенного вина даже по полтине, на отдаточном дворе продажа остановилась и «явился недобор многий».

Умер Федор Алексеевич (1682), и после некоторого времени сделался царем десятилетний Петр. Сначала все шло, как будто царь и не менялся: кабаки по-старому плодили кабацкую голь, по-старому шли мятежи. «И в Московском государстве, – пишет Желябужский, – время было лихое, и шатание великое, а в людях смута». В 1685 году снова подтверждали о непродаже вина ниже указной цены, дабы не уменьшалась продажа его на отдаточном дворе. В том же году подтверждено московским жителям покупать вино непременно на отдаточном дворе и вина в Москву не привозить. А для того, чтоб не привезли вина, всяких чинов городовым и уездным лю-

дям въезжать в Москву через Земляные ворота, в Земляном городе, у которых сделать надолбы, из Пушкарского приказа поставить караул из стрельцов и смотреть им, чтоб торговцы не провозили корчемного вина.

Закон об уничтожении откупов никем не исполнялся, московские дьяки продолжали продавать откупа, и в 1690 году опять велено было отданные на откуп кабаки передать верным сборщикам. В 1691 году на Москве и во всех городах и уездах подтверждено питейную прибыль собирать на вере головам и целовальникам, «за выбором и досмотром мирских людей, а которые кружечные двory отданы, вместо верного бранья, московской службе, на урочные годы, и тем сборам в 1691 году быть потому ж на вере, а вино во всех кружечных дворах продавать указною ценою». В 1698 году устанавливают, чтоб явка питью была по-прежнему в Москве в Кудашове, в Садовниках, в дворцовых конюшенных и черных сотнях и в слободах Новонемецкой, Стрелецкой, Пушкарских, Воротниках и во всех московских властелинских и монастырских селах. На московский отдаточный двор вместо гостя Никифора Сырейщикова назначен головой Кирила Лобазный, а в ларечные люди гостиной сотни Ефрем Боков, Сергей Чувасов, Евстрат Носов, Иов Софронов. И новому голове велено принять у прежнего головы медные заорленные меры и фортенные (от *кварта*) все избы со всяким дворовым каменным и деревянным строением и посудой.

Петр, воротившийся в августе 1698 года из путешествия, вешал на виселицах крамольную Москву и приступал к своей реформации. Средством его реформаторским затеям по-прежнему служили кабаки, и Петр шел в этом случае по пути своих предшественников: принялся облагать питье и еду народа. С тех пор, как в северо-восточной Руси заглохли корчмы, где народ *кормился*,

получая пристанище, питье и еду, их заменили *шалаши и лавочки*, упоминаемые еще в платежной рязанской книге 1104 года: «Да за лавками избы и шелаша, в них торгуют рыбой и мясом вареным, а оброку им давать с избы и с шелаша по три олтына». Впоследствии появились харчевни, которые хотя и носили подобно *кабаку* татарское имя, но были вполне народными. По городам завелись особые харчевенные улицы, носившие иногда особые названия: в Туле в 1668 году – Харчевный ряд – оброчные места за тулянами, посадскими людьми, отданные в 1687 году по указу царя в пользу церковников; в Москве – Обжорный ряд; в Минске на Низком рынке – Смачный куток. В Соликамске по описи 1623 года – две харчевни, а с них оброку 6 алтын 8 денег. С XVII века начинают отдавать на откуп харчевни и квасные шалаши.

Последствием этого были – необычайное стеснение народной жизни, страшные насилия, «неправедное злодейство и досадительства», о которых повествует царская грамота 30 апреля 1654 года. «Невѣмы, – говорит она, – яко во мнозѣхъ градѣхъ многое злодѣйство превниде въ обычаи челоувѣческіе, еже отдавати изъ нашихъ приказовъ въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ и во всѣхъ градѣхъ на откупъ мыть и мостовщину, а на рѣкахъ перевозки, и съ людей головщину, и ядомые всякіе харчи, и иные всякіе мелкіе промыслы, – и тіи откупщики, врази Богу и челоувѣкомъ, немилосердіемъ ревнують прежнимъ окаяннымъ мытаремъ и прочимъ злодѣемъ». Рассказав о всех злоупотреблениях, происходивших от откупщиков, грамота эта уничтожила откупной сбор с харча, с кваса и сусла, запрещая продавать только квасы пьяные: «И ядомых харчей всяких, и иных мелких промыслов: квасу, суслу, хмелевой труски, сенной труски на откуп не давати, а ядомыми всякими харчмы торговати всяких чинов людям без откупа».

Но в 1676 году в Астрахани по приговору князя Одоевского наложен оброк на квасные шалаши и харчевни, а потом восстановлен был и прежний откуп на харчевный промысел. Вновь выбранный голова, Кирила Лобазный, должен был с 1699 года отдать на откуп охочим людям *харчевные всякие припасы* на московском отдаточном дворе, и около двора по Моисеевской площади на правой стороне до Воскресенья Христова, а налево с Великомученицы Анастасии, и по всем *фартинам* (по питейным домам, в которых также продавали еду), и *избам*, и в палатах шли водочные промыслы.

В этом же году появился откуп на табак, который доселе продавали верные целовальники. Королевского величества английского Перегрин лорд Марниц фон Кармартен получил право в Москве и всех городах табаком торговать и табачные немецкие трубки, и коробочки, и иные мелочи, к тому табачному курению принадлежащие, привозить. Без сомнения, тотчас же началось и корчемство табаком, и некто Жданов в 1700 году писал к царю Петру следующую любопытную челобитную: «Бьет челом великобританский и высокопочтенной господина Перегрин лорд Маркиза Фон Кармартена, учрежденного его Ивана Ивановича Фальдорта приказчик его Матюшка Жданов. Милосердный великий государь, пожалуй меня сироту своего, вели мне Матюшке на Чердыне на посаде, и в Чердынских уездах, в разных станех давать для табачной продажи стойлые дворы, и мне, сироте, в тех разных станех имать для отводу тех стоялых дворов и для табачной выимки сотских и десятников для корчемных Табаков. Великий государь, смилуйся пожалуй!» И таким образом холоп, титулованный всеми чинами своего хозяина – бродящего по свету немца, – получил право корчемной выемки в Чердыни и явился новым гонителем тамошних жителей.

В 1699 году учреждена Бурмистерская палата, и на нее возложены надежды в том, чего внутренняя жизнь не могла достичь собственными средствами: «приучать граждан к деятельности!» Бурмистры названы были земскими, и велено выбирать их целым городом. Их обязанностью было заведовать питейным делом и через выборных из посадских людей производить корчемные выемки. Городовые бурмистры, подчиненные Московской бурмистерской палате, управляемой *президентами* и *бурмистрами*, должны были высылать в нее в известные сроки все доходы, «а буде на срок каких доходов кто не вышлет, и за то иметь пятнадцатую долю против окладу; а буде в котором году каких доходов не доберут и сполна не вышлют, и те деньги иметь на выборных людях, которые их выбирали». Земские бурмистры выбирали кабацких бурмистров, которые должны были торговать по кабакам. Было приказано, чтоб у кабацких бурмистров вино было дешевле того, которое подрядчики ставят, потому что подрядчики вино курят на наемных землях и на свои деньги и за всем тем себе прибыль получают. Московской же бурмистерской палате было сказано, чтобы, «не списався, отнюдь ничего им бурмистрам (кабацким) не чинить и не для чего к ним не посылать, потому что они за выбором тех сел бурмистров и мирских людей, а не за вашим. А на кружечных дворах быть по выбору мирских людей, кого с такое дело будет». Бурмистры оказались ворами.

XVII век заканчивал собой историю Древней Руси, которая началась столь широко и благодатно, а потом как будто не сладила с собой и расшаталась. Смолкли народные веча, пропали братчины, община была мертва, и не существовало ни народной, ни общественной деятельности. Московский кабак, сменив вольные корчмы новгородской и псковской земли, перебрался теперь в Украины, слободскую и днепровскую...

XVII век заканчивал собой историю Московского царства, которое, сгубив независимые области, в самом себе не нашло никакой жизни, расшаталось и умерло среди смут, крамол и казней. Жив был один лишь московский кабак... Сменив вольные корчмы Новгорода, Пскова и Смоленска, он перебирался теперь в Украины, слободскую и днепровскую.

Глава XIII

История питейного дела в юго-западной Руси

Висла и Буг отделяли западных славян, захваченных ляхами, от славян восточных, носивших различные названия. То были кривичи, соседившие Новгороду и Литве и составившие центр литовско-русского княжества. Полочане жили по Двине, дреговичи – между Припятью и Двиной; по Бугу – бужане, прозванные после волынянами; между Бугом и Днестром – деревляне; далее на запад – Червонная Русь, а по Днестру – земля полян, заключавшая в себе княжества Киевское, Черниговское, Северское. В земле кривичей с XI века возникли независимые княжества, и в первой половине XIII века весь этот край перешел во владение Литвы. С XV века он получил одно общее имя Белоруссии. В 1320 году Гедимин, освободив Киев от татар, присоединяет к Великому княжеству Литовскому и Киевскую Русь, известную с XIII века под именем Украины, а впоследствии – Малороссии.

Входя в жизнь юго-западной Руси, мы встречаемся здесь со знакомыми нам чертами древнеславянского быта, которые давно уже исчезли на северо-востоке. Здесь питейный дом носит название корчмы и служит местом общественных собраний; здесь, как и на севе-

ре, пьют пиво, но любимым напитком народа был мед, собираемый с бортей Белоруссии и с пасек Киевской земли, упоминаемых еще в грамоте Андрея Боголюбского Печерскому монастырю 1159 года. Мед составлял богатство страны, и древнейшей поземельной податью была *дань медовая*, шедшая в казну королей, князей и духовенства православного и католического. Как на северо-востоке, так и на юго-западе жили еще пока одни и те же обычаи, справлялись одни и те же праздники (Спасов день, Вознесение, Троицын день, Успенев день, Николин, Петров и Ильин день), во время которых народ собирался на братчины около праздничного питья. На северо-восточных братчинах распивались мирское пиво, мирская бражка; на юго-западных братских пирах пили меды. Первые братства, появившиеся в первой половине XVI века, к концу его распространяются по всей юго-западной Руси и становятся орудием для поддержания веры, гонимой иезуитами и шляхтой. *Братства* эти были сначала такими же народными учреждениями, как и северо-восточные братчины, то есть «пировными собраниями» (*gildia, sech*). И в то время, когда о северо-восточных братчинах не было уже и помину, братства жили еще долго, покровительствуемые польскими королями. Виленское братство учреждено было еще в 1458 году, и впоследствии здесь было пять братств. В 30-х годах XVI столетия виленские кушнери (скорняки), по имени Клим и Якуб, с помощью других людей «зволили восстановить себе братство свое кушнерское, и за свой власный поклад меда куповали и сычивали на врочистые свята, ко дню Святого Духа, Николе Святому и ко Божему Нарожению, и оный мед рассычаной братством своим пивали». Братство скоро размножилось; оно выстроило в Вильне особый братский дом и в 1538 году получило от короля Сигизмунда I уставную грамоту, с

правом ставить меда и торговать ими в определенные праздничные дни: «Нехай они братства своего кушнерского свободнѣ и добровольнѣ вживають подлѣ давного звычайю». Прошло с лишком сорок лет, на польском престоле сидел уже третий король, многое успело измениться, но отношение короля к братствам оставалось по-прежнему дружелюбным. Стефан Баторий дал виленским православным купцам новую грамоту на учреждение братства с тем, что они могли «въ томъ братствѣ своемъ купецкомъ, водлугъ звыклости и зостановленья ихъ всей братьи, за свой властный накладъ меда купуючи, на свята урочистые осмь въ року, то есть на Великъ день, на Семую субботу, на Успенье святое, на святаго Петра, на Покровы, къ святому Миколѣ, на Рождество Христово и на Благовѣщенье, на каждое такое свято меда сытити, и по три дни на каждый таковой складъ сходячися въ дому ихъ братскомъ, тотъ медъ пити по чому на тотъ часъ старосты годовые установять». Мед, который мог бы остаться от праздников, «вольно имъ за пенязи выдати, и за то капщизны (питейная подать) и тежъ одъ медницъ помѣрного они николи давати не будутъ повинны». Преемник Стефана Батория, Сигизмунд III, в 1619 году по ходатайству и благословению полоцкого архиепископа Иосафа Кунцевича дал виленским мещанам-кормникам грамоту на устройство братства при церкви Преображения с правом завести при той церкви склады «звыклые меду шинкового и привозного, теж пивные и горелочные, к праздником святых Михаила и Семиона, – в чом арендары корчом в том месте будучие жадное переказы к шинкованью в помененных напаев задавати и трудности чинити им не мают».

В уставной могилевской грамоте 1561 года позволялось попам сыттить мед на семь праздников в году с тем, чтобы каждый раз покупать меду не больше как на

два рубля грошей широких; мещанам позволялось иметь *двенадцать складов* в году на праздники, с правом сыттить мед на два рубля грошей широких и, кроме того, курить горелку пять раз в год, к Рождеству, к Масленице и к Миколе осеннему, употребляя каждый раз не больше четверти солоду. Мещане вольны были держать для собственного употребления, а не на продажу, пиво и мед. В 1589 году могилевские скорняки, учредив братство, получили грамоту, чтобы им «водле звычаев своих мед власным накладом купуючи, на свята врочистые сыттити и по три дни сходячисе тот мед выпивати; воск от тех медов на свечи до церквей, а зыск медовый (прибыль от меда) на потребности и оправы и на слуги церковные, так теж и на милосердные учинки до шпиталя и на ялмужну убогих людей выдавати и оборочати хочуть». В 1596 году могилевское духовенство объявило, что при нападении на Могилев Наливайки истреблены огнем все привилегии на склады и сыченья медов, а именно: «Водлуг звыклого обычаю, по пятнадцати пудов меду усычати, и оный на вышинк выдавати, а тых складов уживати вечными часы, и от того некоторые капщизны и побору до скарба нашего (королевского) поборцом и арендаром нашим и никого иншого ничего давати не мають; однак же кгда тот мед сыттити будуть, первой тому, кому то належати будеть, обвестити мають, а оны за обвешением их вжо некоторых трудностей им чинити и задавати не мають». И, несмотря на то, что время было трудное, когда шляхта, пользуясь слабостию короля, напустилась на гражданские права народа, когда не успели еще изгладиться восстания Косинского и Наливайки, когда народ пел еще о сожжении Могилева Наливайкой, но Сигизмунд все-таки исполнил просьбу православного духовенства. В 1597 году он дал могилевским мещанам грамоту на учреждение братства при Спасском монастыре, с пра-

вом «в том дому братском два склады медовые вольные в кождый рок мети, а на кождый склад сытити меду на пятнадцать пудов, ваги могилевские; который мед братья в дому своем братском через четыре дни пити мають; а с того меду воск на свечи до церкви оборочати, в чом им арендары корчом могилевских перешкожати не мають». Подобные грамоты на медовые склады в 1592 году получили мещане крачевские, оршанские и так далее.

Охраняя братства от арендаторов, которых плодила шляхта, короли старались охранять их и от шляхты, не знавшей предела своему разгулу. Еще Сигизмунд I, сдерживавший шляхту, в грамоте 1516 года укорял витебского воеводу, что он на Православную Церковь перестал давать уложенные дани. Жаловался нам, говорит король, Иосиф, архиепископ Полоцкий и Витебский, что «перед тым издавна давали из села Бабинович на церковь светого Михаила два лукна меду пресного, а в лукне по десять пудов, – ино деи люди прочь ся розышли, а которые зостали й тым ты не кажешь тое дани на церковь Божую давати». По жалобе братства Мстиславских мещан, Стефан Баторий в 1579 году наказывал панам старостам, «иж бы им тых складов медовных не забороняли, и кгды они на тые три урочистые свята, на Святую Троицу и на дни Миколины у в осени и на весье, на кождо с тых свято по десять пудов разсытят добровольне, не через три дни, але покуда его вышинкують, шинковати допускали, никоторое трудности над стародавние звычаи им в том не чинячи конечно». Так живут все братства до времени Богдана Хмельницкого... потом падают одно за другим и в начале XVIII века исчезают бесследно.

Во всей юго-западной Руси производство напитков и вина горелого было *вольное*, с обязанностию давать плат в королевскую казну, *подля давняго звычаю*: «Хочемь тежь, ижь бы тое мѣсто наше цыншь съ корчмы

въ каждой годъ подля стародавнего суполна намъ давало по давному». По магдебургскому праву королевские чиновники не могли вступаться в торговлю напитками: «А въ то ся воевода и городничии и иные врьдники наши не мають вступатися, а ни ведерокъ не мають помѣривати по корчмамъ». Жители поднепровских и задвинских волостей жаловались, что писари, приезжая в волости для сбора недополнков, *корчмы сытят для своего пожитку*, и Сигизмунд I в 1511 году позволил людям по стародавнему обычаю самим относить в известные сроки в королевскую казну дань медовую, прибавив при этом: «А что перед тым по тым волостем нашим писари або державци, то есть наместники и тивунове тех областей корчмы на себе сычивали: по та места вжо, как державци, так и писари наши и тивуны, корчом сытити не мають; мы берем тые корчмы к нашей руце: где ся нам на которой волости увидит корчмы мети без шкода данников наших, там кажем корчмы сытити, и плат их до скарбу нашего носити». В Литовском статуте, составленном в 1522–1529 годах и обнародованном в 1530 году, запрещены были все тайные и шляхетские корчмы. В статуте 1529 года (раздел 3, артикул 17) сказано: «Теж уставляем и приказуем воеводам и старостам и всим державцам нашим Великого князства Литовского, абы недопускали корчом варити покутных¹ на местцех не слушных (законный, должный), а на болшей тым, которые бы данины не мели через лист наш або через урадников наших. А про то приказуем, абы каждый з вас таковые корчмы забирал, буд духовный, и светский, и панский, и всих посполите, и вси тые суды, в которых пиво варат, и давали до двора нашего господарского; бо через таковые корчмы много ся злодейства чинит и теж плат наш господарский уменшается теж и тым, кото-

¹ *Pokatny*, от *kat* (угол, изба), то есть корчмы по домам, тайные корчмы, или заугольные шинки, как они называются в других памятниках.

рые мают данину через лист наш». В Уставе о волоках Сигизмунда II 1557 года (об управлении королевскими волостями во всем Литовском княжестве) установлены пошлины с напитков, одинаковые для всего королевства: «Капщызна однакова по всему Великому князьству Литовському мает быти брана, то есть: од меду копа грошей, от пива чотыры пенези, от горельки два пенези, от волоки двенадцати пенезей. А хъто шынку и волоки не маеть, тот от ворот два пенези. А обачывши лепгышы пожиток знаймованья шынку волно будет кому хотя нанята, або тым же мешчаном за ведомостью подскарбего нашего». Снова запрещались корчмы тайные и панские, а также и беспошлинное варение пива: «Корчмы покутные конечъне по селам абы не были для злодейства и иньших збытков, што врад забороняти маеть водле статуту. Также пиво абы нихъто с подьданных варити не съмел под виною копою грошей, бо с того многие з них в распустность и в убожество прыходять. Ведже в каждом войтовстве а слушном селе, звлаща пры гостиньцу, может быти корчма за ведомостью в раду, альбо ревизора посътановлена, одно так, якобы капъщызна наша не гинула; с которое подьданным нашим грунтов шынковных уживати не заборонъно». При этом было оговорено: «З волостей русских меды и иньшие доходы мають быти по старому браны и потому, яко на сесь час, до иньшое науки и постановленья нашего». К статье о корчмах было добавлено лично от короля: «Доложыти его королевъекая милость росказати рачыл: корчмы покутные кнезские, панские, звлаща где не на гостинцу, або были гамованы и забираны от ураду его королевское милости, хотя ж бы и листы его милости господарские мели, – бо таковыми покутными корчмами не одъно шкода его милости господару, а и Речы Посъполитое дорогость в живности и зънищенье убогих людей». Таким образом, города и

местечки были обложены питейной пошлиной и, платя ее, свободно торговали вином. Мещане города Городны сначала платили «капщизну от вина горелого в год по 60 коп грошей», но сумма эта была велика, и «никто з мещан городеньских не хотел, а ни ся подъял того вина горелого держати, и тое суммы шестидесят коп до скарьбу давати». Продажа вина поэтому оставалась беспошлинной, и королева Бона, жена Сигизмунда I, видя в том убыток королевской казне, запретила городенским жителям торговать горелкой и капщизну от вина горелого обратила на городеньскую ратушу, уменьшив прежнюю сумму до 50 коп. грошей. Сигизмунд I в 1541 году дал грамоту, чтобы «тую капщизну от вина горелого на ратуш войту, бурмистром и райцам места городеньского на оправу местскую надати и привлоцати рачил под тым способом аж они, тое вино горелое у своей моцы держащи, с того всего до скарбу господарского в кождый год по пятидесят коп грошей давати мают на час певный, на Громницы свято урочистое». Грамота была подтверждена Сигизмундом II в 1589 году.

Таким образом, мещане (граждане) в своих отношениях к королю, к шляхте, руководились литовским правом; в отношении же к городу, у них было особое право, называемое магдебургским (город Магдебург – славянский Девин, на Эльбе – славянской Лабее). Право это, выработанное на западе могущественными городскими общинами (гильды, цехи), предоставляло городу полную власть самоуправления, избавляя его от насилий средневековой шляхты. С XIII века оно является в Польше (в Кракове с 1257 года; с XIV века в литовской Руси; в Вильне с 1387 года). Литовский великий князь Сигизмунд, наследовав брату своему Витовту, в 1432 году дал городу Вильно новую грамоту на магдебургское право. Продажа напитков переходила во власть города: «А так-

же даем изнову первьяйржеченному месту нашему вагу, на которой воск весят, и инне речи крамные, и ка-кольвек товар имут важити. А шинкованье и зложенье вина, меду и пива, што польским языком словеть шротарство, с их пожитки и приходы тому жь месту нашему первореченный ужитож, а полешенье нашего места Вилни, и с полна моц владати мают. А также хочем первореченные мещане плат корчомный на каждый рок нам и хто по нас будет нашим наместником имают платити, как первый издавна тот истый плат давали и платили». Александр, сын и преемник Казимира IV, наследовав Литву, в 1498 году дал магдебургское право Полоцку: «В моц войтовскую переданы бышо *вси горелого вина делатели*»; городу дано право иметь в году три ярмарки; чужие купцы (рижские) могли продавать вино «кольве какое и пиво немецкое не иначе, как целою бочкою». В следующем 1499 году дана была подобная грамота *месту Менскому* (Минску). «В моц войтовскую» назначались две корчмы вольных, с платою четырех коп грошей¹; в пользу города поступал и восковой вес: «Допущаем теж в том месте нашем мети важницу, а теж капницу, и весь воск тамжо стопленный печатию их мают знаменовати и с того ужитки ку посполитому доброму мают ховати». Грамота подтверждена была Сигизмундом II в 1552 году. Преемник Александра, Сигизмунд I, в 1531 году дал месту Воинскому магдебургское право на основаниях еще более свободных: «Бровары мають мещане по месту волные мети, и от чотырех солянок солоду (древняя питейная подать) мають нам давати по три гроши, а войт з радцы маеть солод выбирати, а со зчачок плат маеть теж в кождый год на двор наш даван быти, а с корчом своих капщизны не мають давати». Напротив, в грамоте

¹ 1 грош польский – 4 коп. серебром; 1 грош литовский – 5 коп. серебром; копа грош литовская – 3 руб.

сеневским мещанам 1534 года установлены были подати с корчом: «Который мещанин дерьжати в себе будет корчму медовую и пивную, тот маеть дати на нас плату у год копу грошей, а который держати будет едно корчму пивную, тот маеть давати двадцать грошей, а хто корчму медовую без пива будеть держати, тот маеть давати у год пол копы грошей; а которые мещане корчом в себе мети не будут, и жадным шинком не будут ся обходити, тыи повинни будут давати в год от дому по шесть грошей». Некоторые особенные подробности в питейных сборах, развивавшихся без всякого насилия со стороны власти, мы видим в грамотах на магдебургское право, данных мещанам дисеньским (Виленская губерния): «Корчмы медовые, пивные, горелчаные, солодовки, бровары, от того всего как и плат маеть с того места нашего Дисеньского ити до скарбу нашего вечными часы потому, яко и в иных местах наших упривильеванных заховывається. Ведь же, што се дотычет корчом пивных, о тые они нам господару били чолом, абы им волно в домех своих без даванья капей и иных платов пива держати, поведаячы, же и мещане полоцкие вольны были от капи пивное в домех своих шынк пивный вольне держати, тогды и мещане дисеньские потому ж мають быти заховани вечно з кгрунтов местских, которые им з ласки наше господарское приданы и назначоны будут, а которые вжо на сесь час держат, с тых цынып мають давати. Братство, кануны праздники годовые – тые мають мети два разы в рок на годовые праздники, коли сами межы собою постановят, – ведь же тым обычаем, яко бы тыми накупами корчмам а пожиткам нашим шкоди не было». По некоторым случайным обстоятельствам, жители города или места иногда совершенно освобождались от питейных податей. Мещанам замка Озерища, возвращенного Польше в 1583 году, даны были вольности от всяких кап-

щизн на восемь лет: «Меда, пива, горелку и иншые всякие речи шинковати, продавати и торговати, от всяких платов, цыншов, капщизн вольны будучи». Точно так же мещанам возобновленного города Василева в 1586 году позволено было иметь «корчмы вольные, мед, пиво, горелку и иншое всякое питье в них держати и шинковати и добровольне всякими торгами и куплями торговати».

Не то уж было к концу XVI и в XVII веке, когда разгул шляхты, требовавшей одних лишь денег, помог жидам заарендовать всю Украину, и город, доселе самоуправлявшийся, кланялся теперь жиду. Сигизмунд III, несчастный преемник Стефана Батория, в 1594 году дает мещанам оршанским грамоту на магдебургское право и вместе с тем ставит город в полную зависимость от Шимана Шлинича, жида-арендатора. Грамота говорит: «Волно теж мещанам пива, меды, горелки на свои потребы варити и мед сытити, и горелки курити, ведже на продажу, одно на веселье девки або сына своего, на хрестьбины и на богомолье; вшакже маеть таковой кождый арендаром, або хто аренду корчомскую держать будет, або в том скарбу короля его милости някое шкоды не было, – а на таковые сватьбы, хрестьбины и на богомолья мещанские ништо з козаков, альбо драбов, до мещан свовольне, не будучи прошоными, ходити не маеть. А тые вси цынши и доходы пеняжные будутъ повинни мещане оршанские отдавати до скарбу короля его милости в кождый год о светом Михаиле свята римского, так з волок, як и с пляцов и огородов, и иншии повинности, а хто бы не отдал того децкованого гроша одного с корчом местцких оршаньских, в которых мед и пиво шинкуют, и от горелки, которую теперь держит жид Шимон Шлинич, платит за нее в кождый год аренды по коп триста пятьдесят».

Грамоты на магдебургское право больше уже не соблюдались, и города жаловались королям и проси-

ли о подтверждении грамот. Так было при Сигизмунде I, несмотря на то, что он сдерживал еще неистовство шляхты. В 1527 году мещане полоцкие приносили жалобу «на кривды, утиски, ограбежи и озломанье права их Майтборского, что ся им стало от его милости воеводы полоцкаго, старосты дорочинскаго, пана Петра Станиславича Кишки». Кроме его милости пана Кишки, мещане жаловались и на «всех князей, и панов, и бояр полоцких, и на игуменью, и на бернардыны». Наконец, иногда совершенно запрещались вольные корчмы. Великий князь литовский Александр, получивший польский престол в 1501 году, грамотой 1505 года оставил смольнянам вес медовый, но корчмы запретил: «А корчмы въ городе Смоленску не держать». Василий Иванович, возвратив его в 1514 году, тоже дал грамоту, чтобы «намѣстникамъ, и окольничимъ, и княземъ, и бояромъ, и мѣщаномъ корчемъ не держати». Зато Сигизмунд, снова овладев Смоленском, грамотой 1611 года позволил смольнянам иметь за городом винокурню, готовить дома и продавать всякие напитки. Жиды-арендаторы изгонялись из города.

Чтобы с большей ясностью представить положение южнорусского города в отношении экономических судеб, которые постигали его в разное время, проследим для этого историю корчемных учреждений Киева.

Глава XIV Киевские корчмы

Насельниками Киева были поляне, «мужи мудри и смыслени». Из положительных сведений о Киеве, доходящих до нас от половины IX века, известно, что Киев был средоточием, к которому тянулись люди из Рязани, Ро-

стова, Мурома, из Волынца красна Галичья; куда сходились немцы и венды, чехи и морава. Киев был в близкой племенной связи с придунайским славянством, и певцу о полку Игореде слышались песни дев на Дунае, которые вились *через море до Киева*. Киев хорошо был известен скандинавам, германцам и грекам. Константин Порфирородный (X век) упоминает, что у Киева сходились суда из Новгорода, Смоленска, Любеча и Вышгорода; Дитмар (конец X века) и Эдинггард (под 1018 годом) говорят, что в Киеве было восемь торжищ; Адам Бременский (XI век) приравнивает его Византии: *aemula sceptri Constantino-politani*. Иностранные свидетельства подтверждаются и русскими летописями, из которых видно, что в X веке Киев заключал договоры с соседями, в XI веке Ярослав построил новый город – *город велик Киев*, с Золотыми воротами (1037). Предания о Золотых воротах, о тогдашней жизни, о тогдашней славной киевской женщине, сохраненные в памяти народа, дошли до настоящего времени. Благосостояние города возрастало. В 945 году Подол был еще ненаселен (на Подольи не седяху людье), а в 1067 году там было *торговище*, куда кияне собирались на вече. Город, богатый и роскошный, соблазнявший дикаря Болеслава, несомненно имел корчмы, или гостильники, и гостиньницы, стоявшие по гостиньцам (большие дороги), но монахи, писавшие летописи, не оставили об них никаких сведений. Осталось известие о жидах, издавна живших в Киеве и в XII веке захвативших в свои руки торговлю солью.

Мати градом Русьским, Киев стоял на перепутье кочевых масс, то и дело надвигавшихся с востока, и, терпя от дикого кочевника, он не меньше терпел и от князей, закладываявших на северо-востоке новый порядок русского мира. Андрей, именуемый Боголюбским, в 1169 году грабил два дня весь город, Подолье и Гору,

и монастыри, и соборы, «и не бысть помилованія ниоткуду же». В 1240 году Киев разрушен Батыем, и остается неизвестным до 1320 года, когда, освобожденный от татар, он присоединен был к княжеству Литовскому. Контарини, бывший в Киеве в 1474 году, говорит о нем как о богатом городе, куда съезжалось множество купцов с Великой России. Жители города утром занимались делами, а потом отправлялись в корчмы (caverne), где оставались вплоть до самой ночи и нередко, напившись допьяна, заводили между собой драки. Городом управлял поляк. Киев пользовался *правом свободной продажи питей*, которое утверждено было грамотами Казимира, Витовта и подтверждено в 1494 году уставной грамотой Александра. По этой грамоте город был обязан платить: «От капи с корчмы давати им по полтрети копы грошей, а писчего грош; а взяти капъ на Божье ж Нароженье, и опять на Божье ж Нароженье заплатити капъ, а рок минет, ино в децкованьем взяти». Продолжались ночные попойки по корчмам, замеченные Контарини, и одна из грамот Сигизмунда I (1506 года) говорила, что «въ корчомныхъ домехъ, лѣтъ, коли вжо ночи малыи бувають, ненадобѣ никому съ огнемъ пити». Король Александр (1501–1506), «жалуючи спустѣлому краю земли русской лучшаго поведенія і даби мѣсто Кієвъ ширилося», дал ему грамоту на магдебургское право, подтвержденную Сигизмундом I в 1544 году. По этой грамоте киевским мещанам (гражданам) позволено было «вшелякий склад в месте их имети, пивом, медом, вином и горелкою шинковати, и с того приходи на потреби меские оборочати; так же померное медовое, то есть ведерко медовое, которым мед мерится, ятки все резничие, полки и лавки, воскобойню, где воски забиваются, со всеми приходами». Грамота повторяла запрещение, чтобы в *домах шинковных* по ночам огня не держали. Сигизмунд II грамотой 1545 года, под-

тверждая Киеву магдебургское право, освобождал город «от прав польских, литовских и русских (?), от всех звичаев, к тому праву послушних и противних», и увеличивал плату за корчмы: «Толкож з кождой корчми, кождого году, по две копи грошей повинни нам платити».

В это время через Киев шла торговля востока с западом, севера с югом; киевские корчмы переполнены были проезжими гостями, город богател. Михалон (1550) описывал его с увлечением: «Крепость Киев с своею областью, лежащая при реке, окруженная со всех сторон полями и лесами, до того плодородна, что пашни, вспаханные один раз, дают богатую жатву, деревья с прекрасными плодами, виноградные лозы с большими кистями». Но на этой почве, благодатной и до сих пор, не удалось развиваться соответственной жизни: поперек ее развития стала польская шляхта. К половине XVI века шляхта уже гуляла по всей Украине, попирая права народа; Киев делался городом польским, а украинская жизнь стягивалась в Батурине и Чигирине. Из грамоты Сигизмунда 1558 года видно, что «войт, бурмистры и радци киевские» от себя и от всех киевских мещан жаловались королю, что от него и от его предков «надани и управилиовани вси корчми у месте киевском ку пожитку их мескому»; но король отдал эти корчмы воеводе киевскому, подкоморию, державцу кормоловскому, пану Григорию Ходкевичу. Граждане киевские поэтому показали королю *листы и привелеи* и били челом, чтоб король устранил все эти «шкоди и втиснения», воротил бы корчмы на пользу города, за что они обязывались платить «певную суму пенязей осм сот коп грошей кождого году». Представленные ими листы велено было рассмотреть воеводе виленскому (вот его титул!), маршалку земскому, канцлеру Великого княжества Литовского, старосте берестенскому, державцу бороговскому и шовленскому пану Миколаю

Радивилу. По рассмотрении воеводою киевских листов, король приказал возвратить корчмы в пользу города и дал новый «привилей», что «панове, воеводи и ротмистрове, и теж десятники, товарищи рот их, и митрополии бискуп и архимандрит корчом ку пожитку своему устанавляти не мают, – однако ж ротмистром волно будет в замку для себе трунок держати и збудовати им бровар свой подле того ж меского бровару». Прошло одиннадцать лет, мещане снова просили о подтверждении привилегий, и Сигизмунд в 1569 году снова подтверждал их, радуясь, что воеводство киевское до «корони польской привернено, и яко члонокъ от натурального тѣла своего оторванній, зновъ до того же королевства прилученній!» Но, сплетая эти слова, бедный король не знал, что кругом него делалось, не знал, что киевский воевода пан Мишцеварковский, не признавая никаких прав и привилегий, делал «великіи и необикновенніи грабежи и обиды, витягаючи непомѣрніи и незвикліи подати и повинности», и, кроме четырехсот коп грошей, следующих за корчмы, требовал еще двести коп за прошлый год, уплаченных в свое время. Узнал король про это и в 1570 году предписал воеводе, чтобы его милость «не дерзал того чинити».

Вступил на престол Стефан Баторий. 7 июля 1576 года он подтвердил Киеву все его привилегии и 17 ноября того же года, по жалобе киевской старшины на воеводу, снова посылал грамоту об охранении городских прав, а 22 ноября особой грамотой подтверждал городское право на корчмы, чтоб кроме киевских мещан посторонние люди (шляхта) не держали городских корчом. В 1581 году пошла к королю новая жалоба, что наместники киевские, уничтожив сроки для уплаты денег за корчмы, «по воле своей, когда только хотят, прежде сроков те деньги доправляют, и за то-де грабят безвинно, и кривды и обиди им немаліе чинят». Столь «благородное» и

свободное поведение шляхты вызвало волнение по всей Киевской Руси. В Киеве, в Черкасах, в Переяславле казаки побили жидов, забрали вино, и был слух, что хотели убить короля. Преемник Батория, Сигизмунд III, в 1588 году подтвердил Киеву привилегию 1576 года; но через шестнадцать лет новой грамотой короля немалая часть города Киева, с корчмами и шинками, отдана была ксендзу, епископу Киевскому, отчего произошли убытки в «корчмахъ певнихъ, медовихъ и виннихъ». Поэтому киевские мещане (граждане) в 1604 году просили короля уменьшить плату за корчмы; но король предварительно велел рассмотреть, «яко великое уменьшение доходов в корчмах певнихъ», и поручил это земскому писарю Лозце и судье градскому Салтанову. В 1606 году Киеву еще раз были подтверждены все привилегии 1558 года, а в 1619 году издано распоряжение, чтобы с этих пор жида в Киеве не селились, не занимались арендами, с проезжими купцами не торговали и не жили б в городе больше одного дня. В отпор нестерпимым насилиям шляхты народ стал учреждать церковные братства, появившиеся еще в XV веке и распространившиеся в последних годах XVI и в начале XVII веков. В 1629 году учреждено было киевское братство, положившее начало знаменитой Киевской академии. Владислав IV, наследовавший отцу своему Сигизмунду, в 1633 году подтвердил Киеву все старые привилегии и город снова получил право иметь свои вольные корчмы, но уж было поздно. Петр Могила, печерский митрополит, умирая, благословлял Хмельницкого на восстание, а в 1649 году преемник Петра Могилы, митрополит Сильвестр Коссов, окруженный духовенством, вышел за город встречать этого Богдана Хмельницкого как победителя поляков.

В 1654 году Киев со всей Малороссией присоединен был к Московскому царству и снова на некоторое

время стал центром южнорусского края. В том же году Киев, по ходатайству Хмельницкого, получил от царя грамоту, подтверждавшую все его права и вольности, с тем только, что три тысячи злотых польских (1800 рублей) за право продажи питей, которые доселе город платил воеводе, теперь велено было платить в царскую казну. На следующий год вместе с другими малороссийскими городами и Киеву подтверждено было магдебургское право. Грамотой Алексея Михайловича 1660 года жида снова изгнаны были из Киева; разоренный доминиканский монастырь обращен был в православную церковь, но мещане поспешили устроить в нем шинок. Страсть заводить шинки, завещанная поляками, сделалась теперь общественной болезнью, и, видя это, Хмельницкий универсалом своим 1654 года о сычени канунов ограничил у киевского духовенства право приготовления питей. В универсале 4 августа того же года он говорил: «Позволили есмо капитуле киевской каноны сытити; теды и теперь того не изменяем; однак помеченные священники меду не по десяти, альбо по пятнадцати кадей сытити, але ведлуг звычайю по кадей две сытити мають, а не большей; з которых Кононов воск на хвалу Божую ити маеть». Спустя восемь месяцев (16 апреля 1655 года) он повторял то же самое, с угрозой наказания: «Священницы мають по две кади меду сытити, и то в бровару местском ратушном; а ежели бы который священник мел где инде канон сытити и больш неж две кади, теды от того наданыя певне отпадут». Гетман Самойлович в 1672 году подтверждал киевскому братству право сытити мед по шести раз в год (на свечи и на содержание учителей), строго приказывая, чтоб никто из старших и меньших в войске запорожском в рассычении меду не делали братству никакого затруднения.

Права города оставались пока прежние, но Москва входила уже в Киев со своими обычаями: по росписи Киеву 1682 года упоминается один кружечный двор. Киев, снова перешедший к Польше и потом оставленный за Москвою по Андрусовскому договору 1667 года на два года, 6 мая 1686 года окончательно был присоединен к Московскому царству. Возвращение его поставлено было условием договора, и, говорят, что Собеский, бывший во Львове, зарыдал, подписывая этот договор. В 1693 году гетман Мазепа подтверждает киевскому братству право «меды сытити и онии продавати, а не внутр монастыря, але в яком колвек з дворов монастырских, за монастырем будучих, онии продавать свободно». Теперешний Киев, как видно из записок старообрядца Леонтия, бывшего в нем в 1701 году, разделялся на две очень замечательные части, из которых одна была московская, а другая – казацкая, одна жила в самом Киеве, другая теснилась на Подоле, одна пила в *кружале*, а другая – в *корчмах* и *шинках*. Леонтий писал: «Генваря в 27 день пошли к преславному городу Киеву. Приехали в корчму (под Киевом) – только жонка одна, и та к<урва>, а мы тут с нуждою великою ночевали, всю ночь стереглися; стали к полю, и пьяные таскаются во всю ночь... Все бы хорошо к Киеву, да шинки их весьма разорили в конец, да к<урвы>, – из того у них скаредно сильно, и добрый человек худым будет. В Верхнем городе живут воевода, полковники и стрелецкие полки, а в Нижнем (на Подоле) все мещане, *хохлы*, все торговые люди; тут у них и ратуша, и ряды, и всякие торги. А стрельцам не дают хохлы в лавках сидеть, только на себя всякие товары в разность продают. Утре стрельцы все с гор сходят на Подол, торговать, а в вечер перед вечернями, так они на горе, в Верхнем городе, торг между собою (ведут), а ряды у них свои, и кружало у них свое». Здесь-то, на По-

доле, гуляло «товариство», когда возвращалось с битвы или, отправляясь затвориться от мира в стенах Межигорского Спаса, прощалось с братьями.

Дальнейшая судьба Киева идет теперь за судьбой Московского царства. В 1708 году учреждена Киевская губерния, в которую сначала входила и восточная Украина. В 1722 году учреждена в Киеве Малороссийская коллегия, и на нее велено собирать всякие сборы. Коллегия, отписывая в Петербург, спрашивала, что в ратуше на основании привилегий принадлежат разного рода сборы, и те сборы в казну собирать ли? Коллегии велено было доставить копии с привилегий и сведений, на что идут расходы. Коллегия в 1724 году донесла, что между другими доходами от шинков, принадлежащих ратуше, прибыли считается 2765 рублей 64 копейки. Привилегии были оставлены по-прежнему. В 1723 году умер киевский войт, и в числе кандидатов на его место был представлен от гетмана Апостола некто Козьма Кричевец; и в то же время генерал Вейсбах (помощник Голицына, управлявшего Украиной) назначил на это место бунчукового товарища Василия Быковского. В июле 1734 года Сенат утвердил Кричевца; но в сентябре того же года именным указом велено было Кричевца в войты не определять, а выбрать «инаго добраго и неподозрительного человека». И хотя в 1735 году выбран был войтом и утвержден киевский мещанин Павел Воинич, но беспорядки, производимые посторонним вмешательством, не прекратились. В сентябре того же года Бярятинский представлял в кабинет, «что ему рассудилось права, привилегии и грамоты (у киевской старшины) отобрать, дабы оныя по продолжении времени из памяти у них выйти, и не имели впредь на что ссылаться». Сенат на это отвечал: «В том Сенат никакого наставления дать ему не может, ибо оно состоит в высокой ее императорского

величества воли». В декабре того же года Генеральная войсковая канцелярия доносила Сенату, что-де Козьма Кричевец, которому по универсалам гетмана Апостола 1731 и 1733 годов велено считать киевские приходы и расходы, теперь извещает, что киевские бурмистры «кормятся магистратскими добрами». По исследованию, произведенному Сенатом, оказалось, что Кричевец якобы неправильно определен универсалом гетмана в помощь войту, что Генеральная канцелярия посылала в магистрат многие указы о том, чтобы Кричевцу выдать все счета, но магистрат не слушал, и теперь Сенат велел «счета приходам и расходам, как Кричевец показывает, освидетельствовать губернатору, а при этом быть и доносителю». Затем еще раз подтверждены были Киеву все городские привилегии, но с тем, чтоб город состоял в ведомстве губернатора. В 1736 году, ссылаясь на давно забытое магдебургское право, приказывали, чтоб у счета прихода и расхода киевского магистрата опять был Козьма Кричевец; но киевские радцы отказались дать ему отчет, и «многая неудобная войсковой канцелярии представления имели». В 1740 году киевским казакам позволено шинковать только медом, пивом и брагой; установлена пошлина с вина, отпускаемого в Киев для питейных домов, и в городе появились уже сборщики и откупщики и стали добираться до городских доходов. В 1751 году в Киеве всем людям мирским, и духовным, и казакам шинковать запрещено, исключая киевского Михайловского монастыря, и с тех пор это запрещение не переставало повторяться. Сначала за мещанами оставлено еще было право иметь винокуренные заводы, но в 1787 году вся винная продажа передана городу, и потом, как увидим, право винокурения стало принадлежностью одних лишь польских и ополяченных украинских панов. Наконец, в 1815 году винные сборы в Киеве веле-

но отдавать в казенной палате с публичных торгов, с обращением дохода в городскую казну; жителям запрещено ввозить со стороны нужное для них количество вина. В 1835 году уничтожено забытое давно магдебургское право, городу не на что уже было ссылаться, и жизнь в Киеве потекла так же, как и в других русских городах. В 1856 году в Киеве считалось: медовых и пивных поварней – 2, питейных домов деревянных – 59, трактиров и погребов каменных – 17, деревянных – 4. В 1863 году трактиров – 17, гостиниц – 8, харчевен – 8, ренсковых погребов – 29. Мы не знаем, сколько теперь считается в Киеве питейных домов, но число их легко определить относительно. В Кременчуге, например, в 1864 году считалось 16 штофных лавок, 9 ренсковых погребов, 7 русских погребов, 13 трактиров, 1 портерная, 107 питейных выставок и 180 питейных домов.

Глава XV

Юго-западные корчмы до 1659 года

Несмотря на все усилия польских королей поддерживать свободные права городов, свободу их попирала шляхта. Следуя ее примеру, духовенство, казацкие старшины – все бросились заводить свои корчмы и шинки, и вся Украина явилась заарендованной жидами.

В Польше еще с XII века монастыри владели корчмами. Грамотой 1145 года Требицкому монастырю были пожалованы корчмы со всеми доходами: *tabernae cum omnibus utilitatibus*. Грамотой 1161 года Болеслав IV пожаловал монастырю *villam Zuzelam cum tabernariis et transitu*. Из последующего времени до нас дошли известия, что в 1491 году княгиня Кобринская Федора передала Спасскому монастырю в Кобрине: «Село Корчи-

че зо всіми дачками, з медовыми и грошовыми, а две корчмы вольных в Кобрине». Данная эта подтверждена была князем Иоанном Семеновичем в 1497 году и королями: Сигизмундом в 1512 году и Владиславом IV в 1633 году. В 1529 году виленский воевода отдал «в промен» киевскому епископу свое дворовое место в Вильне: «Плац наш отчизный з будованьем и з корчмою волною, на котором пляцу от предков наших з давних часов тую корчму маемь, и князь бискуп майон будет тот пляц з корчмою волною дароваты, заменити и продати и на костел записати».

Подобно московским боярам, добывавшимся поместий «с тамгою и кабаком», и польские аристократы пользовались всеми случаями приобретать староства и замки «с мытами и корчмами». Староства, как известно, переходили в руки немногих аристократов, и некоторые из них, захватив себе более десяти староств, продавали их и уступали служившей у них шляхте. Фамилия Казановских имела 15 староств, Зборовских – 16, Мышковских – 16, Ян Замойский – 10, Вишневецкий – 10, Станислав Потоцкий – 10, Опалинский – 15. Имена жаловались со всеми землями, и пашными, и бортными, с платы грошовыми и медовыми. На замок господарский староства Луцкого шли дани: «С села Чернчего-городка, с Колка, с Рудник, с Забороля, с Голешова и с пруда Голешовского, с села Родомысля» и др. Ежегодно собирались дани медовой 74 ведра, а деньгами полторы копы и шесть грошей; на старосту медовой дани 23 ведра меду, 4 дежки и 17 возовцев, а деньгами 19 коп и 40 грошей, да еще грош на старосту же. С города Владимира шли пошлины. Первая пошлина – верховщина. С каждого дома тот, кто не держит корчмы, дает по 20 грошей в год; вся эта пошлина составляет 40 коп грошей. Другая пошлина, называемая капщизной – с каждой корчмы, которая ва-

рит мед и пиво, копа грошей, всего тридцать коп грошей. Та корчма, которая не сытит меду, а варит пиво, платит полкопы грошей, всего 30 коп грошей. Третью пошлину называют подворной: ежегодно во время ярмарки собирается 40 коп и 40 грошей. Еще пошлина, называемая весовым воскобойным, – двадцать коп грошей. Объявляя эти доходы, староста владимирский прибавлял: «А из Смедина выходило 23 копы грошей; но когда Семашко (Богдан Семашко, староста ковельский) безо всякого права захватил землю, то теперь дают только по осьми коп грошей; меду давали шесть колод, а теперь дают полторы колоды. Этот Семашко отобрал в Смедине живых пчел 834 улья, и с них выбрал более 10 колод меду, и ни одной ложки не дал на его милость короля и королеву, но все отослал в свое имение в Мосор».

Завладевая землями, паны вместо вольных корчем ставили свои панские и передавали их арендаторам. Корчмы, упоминаемые в актах с XII века, были вольными и принадлежали земству. Так, в 1507 году *земляне* киевские, житомирские и овруцкие продали (отдали в аренду) семи человекам мещанам вруцким корчму вруцкую на один год за сто коп грошей. По случаю татарского нашествия – аренда отсрочивалась на некоторое время, и королевский лист с отсрочкой дан был в Кракове 15 мая на имя наместника овруцкого – Семена Романовича. Но вслед за тем этот наместник пишет к королю и, «поведаючи свой недостаток», просит у него «абыхмо дали ему корчму вруцкую на поживень до часу», и королевским листом октября 14-го дня, писанным в Троках, дают ему корчму вруцкую на год после бояр киевских, житомирских и вруцких, с условием содержать двух пушкарей, давать порох и оправлять пушки. В 1510 году половину овруцкой корчмы держал наместник пан Сенко Полозович, а другую держали бояре

овруцкие, но в этом же году бил челом королю дворянин Сурин Путятин, «абыхмо и ему дозволили корчму мети там в Овручом». И этому дворянину за его службу также позволили корчму в Овруче держать на год! В 1540 году каким-то образом вруцкая корчма снова перешла к землянам киевским, вруцким и житомирским и двум пушкарям вруцким с платой в год по 16 коп.

Так мало-помалу все вольные корчмы переходили в руки панов. В 1526 году Сигизмунд дает подчашему Яну Радивилу «в имении его в Кудушниках торг и корчмы мети у четвер». Одним корчмы раздавались от королей, а другие просто-напросто сами захватывали их, и число таких державцев и хватателей увеличивалось. По жалобе жмуди на своих тиунов Сигизмунд в 1527 году писал: «А теж, кто будет без данины нашой позабрал, або торги и корчмы у своих именьях уставлял, о таковых важных речах писали есьмо до пана старосты жомойтского, абы его милость на то всем вам, всей земли положил и казал пред собою стати и месты данины на земли и на люди положити – и справедливость вчинил, а нам объявил». В 1528 году старостичу берестейскому даны были королевские замки Мстиславль и Родомль и с корчмами с тем, чтобы он одну половину дохода брал себе, а другую давал князю Мстиславскому. На следующий год замки эти переданы были пану Зеновичу, и ему же *на выхованье слуг (!)* были даны мыта и корчмы Мстиславские и радомские и половина даней медовых. В 1540 году пожаловано дворянину королевскому Данилу Дедковичу право на владение двумя корчмами в Черкасах, за его издержки на службе в орде татарской, и мещанам послано было предписание: «И вы бы в тую корчму не вступалися и сами корчом там не мели».

Собираясь на сеймы, шляхта начинала предъявлять королям самые алчные требования. На сейме 1547 года

она жаловалась на мещан (граждан), что они за работу берут непомерные цены. Король отвечал: хорошо, я справлюсь. На втором Виленском сейме 1551 года вся шляхта Литовского княжества предъявила требование, чтоб ей вольно было ставить корчмы: «Што теж есте просили короля его милости, абы шляхте было вольно в своих именьях, на гостинцах, корчмы будувати и их уживати» (*używać – пользоваться*). На это отвечали им от короля: «На то его королевская милость казал вам поведати, аж то з многих слушных и певных причин быти не может, хиба олиж за особливою ласкою и зволением его королевской милости». Шляхта просила еще у короля: «Абы для счету збоец, в местех, в ночи у корчмах не было шинковано и прихожим гостем питья не давано; а естли бы шинковано, нехай бы гостей не выпушано, аж в день». – Да, отвечал король, я велю, чтоб так это и было, но мне также хотелось бы, «абы кождый з вас служебанком своим то рассказал, иж бы в ночи, в домах шинковых ворот, окон, дверей не выбивали». Так, вымаливая себе корчем, кланяясь жиду и возбуждая этим глубокую ненависть народа, шляхта носилась со своей шляхетной гордостью и требовала еще, «иж бы простых холопов (народ) над шляхту не повышано, и врядов так простой холоп, яко теж и подозренный шляхтич же бы не держали». До сего времени Великое княжество Литовское соединено было с Польшей федеративно. Поляки на Руси считались людьми чужеземными и не имели права занимать должностей и приобретать поземельную собственность. Но в 1654 году с разрешения Варшавского сейма польская шляхта получает право приобретать собственность одинаково как на Литве, так и на Руси. И с правом на земли она приносит с собой и право на корчмы. Наперерыв друг перед другом спешила теперь шляхта вынуждать у слабых королей привилегии на основание местечек. Не-

сколько десятков хат, населенных жидами и немногими бедными людьми, соблазнив пана, получали *звание местечка*; местечко жаловали пану с правом завести корчму, и тотчас же появлялась *жидовская корчма*.

Жида, издавна поселившиеся в южной Руси, постоянно возбуждали против себя общее негодование и народа, и властей. Вислицкий статут Казимира IV (1397) говорил, что «лихва жидовская не имеет нигде насыщения». В статуте Владислава (1420–1423) также заявлено было, что «превратность жидовская на то идет как бы христиан никто и не думал», и жида получили возможность заарендовать всю Украину (исключая Запорожье) спокойно, безо всякого препятствия:

Властное наше добро в очах перед нами
Арендуют, и в своем не вольни мы сами.
(Драма, приписываемая Прокоповичу)

Но жид-корчмарь, арендатор, нисколько не был созданием польского государства; жид ничем не был связан с польскими учреждениями, и в то же время он состоял в наитеснейшей связи с польской шляхтой, был продуктом шляхетского разврата. В свободной Украине, которая доселе красовалась множеством городов и местечек, обогащаемых торговлей и промышленностью, теперь сельское народонаселение было доведено до нищеты. Хозяйство требовало от пана издержек, и пан принужден был только и думать о том, как бы получить деньги, а для этого распространение откупного корчемства представляло самое лучшее средство. Но для пана и шляхтича немислимо было спуститься до занятия каким бы то ни было промыслом, а тем паче корчемным. Женщина, занимавшаяся продажей напитков в шинке, по силе статута становилась якобы неблаго-

родной и *лишалась вознаграждения за побою*. Шляхтич, державший шинок, лишался шляхетского достоинства. В то самое время ничто, никакая нищета не могли заставить народ держать шинки, шинковать ради панского обогащения, и вот на помощь шляхте явилось жидовское племя. В 1594 году в Оршанске держит аренду жид Шиман Шлинич; в Речицке в 1596 году арендует жид панский Лазарь и так далее по всей Руси. Заключая условия с панамы, жидаы брали в аренду землю и народ. В 1517 году князь Александр Пронский и жена его милости, княжна Федора Сангушковна, выдали арендное условие благородному пану Бурнацкому и славному пану Абрамку Шмойловичу, жиду турийскому, по которому они получили в аренду город и замок Локачи (в повете Владимирском) на три года за двенадцать тысяч злотых, со всеми доходами, со всеми людьми тяглыми и нетяглыми, со всеми жидами и получаемыми от них доходами, с корчмами и с продажей всяких напитков, с правом судить крестьян и наказывать виновных и *непокорных* по мере вины, даже смертью. Григорий Сангушко Кошерский с женой отдают все свои имения, ничего себе не оставляя, славному пану Абраму Шмойловичу, и жене его Рыкле Юдинне, и его потомкам со всеми доходами, с корчмами, шинками и продажей в них напитков, с данью медовой, деревом бортным и с правом наказывать непокорных денежной пеней и «горлом карати». Вольная славянская корчма обращалась повсюду в жидовскую корчму или жидовский шинок, принадлежавшие панамы и даже паньям. О положении, которое тогда постигло Украину, свидетельствуют, во-первых, летописи. «В городах, – говорит летопись Самовидца, – зась от жидов тая была кривда, же не волно Козакове в доме своем жадного напитку на потребу свою держати: не тилко меду, горелки, пива, але и браги». Во-вторых,

записки современников. Юрий Крижанич, неотступно преследуемый мерзким образом московского кабака, находил, что положение дел в Украине было еще хуже. «Аще ся на Руси, – говорил он, – тяжки ся чинят корчемны откупы и самотерство (монополия) единого великого государя: у ляхов и в Литве обретают ся еще тяжа самотерства в градех и селех боярских. Або везде или жиды откупщики седять, или боярин сам смердяще пиво раздает хлопам, кое они на гной вылевают, а еднако же платить торают (должны). Жиды по Ляшской земле и по Литве, взяша на откуп вся корчмы, и мыта, и мельницы, и многие отчины. Рассужай, каково там может быть житие бедным христианам! И Ляшское королевство, яко рекохом, для ради людодерства есть *пришло в конечную распусту*, да и теперешнему погрому, коим есть разорена русская, ляшская и литовская земля, една причина была людодерство, кое ся чиняше от ляхов и от жидов на поднепровской Украине, а второму злу тая же причина постановление проклятых кабаков. Проклятых мовлю кабаков: або ся на них ни от рода несть толико вина, колико ся есть для ради них крови проляило».

Об этом положении, наконец, рассказывают украинские думы, помнят до сих пор народные песни. Взяли, говорит дума, в аренду жиды все козацкие дороги и на одной миле становили по три шинка. Становили они шинки по домам, ставили шести по высоким курганам:

Як од Кумівщини да до Хмелнищини,
 Як од Хмелнищини да до Брянщини,
 Як од Брянщини да й до сего ж то дня.
 Як у землі кролевській да добра не було:
 Як жиди-рандари
 Всі шляхи козацьки зарандовали,
 Що на одній милі

Да по три шинки становили.
Становили шинки по долинах,
Зводили щогли по високих могилах.

Южнорусская песня, вчера только записанная, представляет это положение Украины так ясно, как будто это совершилось теперь:

Зайшов мужик до корчемки:
Здоров, арендару!
Напыймося ж хардаману,
Пане арендару!
Напившися хардаману,
Зхочу я гуляты;
Капеллиста не захоче
Мні даремно граты.
«Ой муй же ты, капеллиста,
Заграй же мні гарно!
Я ци гарно заплачу,
Тулько не дремаймо!
Заграй же мні о так дрібно,
Як то ріжуть січку;
Нехай же потанцюю
Гей по старовіцку!»
На Волині вітер віе,
На Полицьси тыхо,
Щоб ты видав, пане брате,
Що у нас за лыхо.
Ой як булы стары паны,
Добре на работу;
Цілый тіждень робыть собі,
Панщина в суботу.
Як насталы молодые,
То зле на работу –
Цілый тіждень на панщины,
Шарворок в суботу.

Щоб не тьи окономы,
Був бо мужик паном,
Через тебе, вражій сыне,
Що зовут Иваном.
Дожидаем мы недиленьки,
Як самого Бога,
Хочь тежь мы в недиленьку
Започинем дома.
А в неділю ще раненько
Во всі звони звонять,
Окономы и з вуйтамы
На панщину гонять:
Старых мущин молотыты,
А жіночок прясты,
Малых дітей до тютюну,
А папуши класты.
У нашого оконома
Сыни ногавици;
Всі паробки на панщины,
Пойдуть й молодыці!
У нашого оконома
Шовковая хустка;
Не одна в нашум селі
Стоит хата пуста.
У нашого оконома
Хорошая борва,
Чужим людям заплат дае
Свои робят дармо.

Польша приходила в *конечную роспусту*, шляхта проплясывала последние свои дни, и с рокового 1659 года она уже прямо шла к своей гибели. Минута эта столь видна в истории польско-русских отношений, что мы считаем за нужное остановиться здесь и указать на судьбы польского народа.

Глава XVI Польша

История ляхов в первое время появления их в Европе покрыта глубокой тьмой. Это племя как будто не имевшее у себя детства. Хотя начальный русский летописец и говорил, что ляхами прозвались *словени*, седшие на Висле, но даже в самой польской историографии, как ни жидка она, а уже поставлен вопрос, принадлежат ли ляхи к славянскому племени? Куник сообщает за *исторический факт*, что польско-чешские славяне некогда покорены были неславянским племенем лингов (Lancas, Lyncas, Lencas, Lengyel), **иначе ляхов, лехов. Судя по карте**, составленной Л. Ходзько и приложенной в «Истории Литвы» Лелевеля, ляхи в VIII и в IX веках относительно славян занимали самое ничтожное место. В их руках была верхняя и средняя Висла и Варта, на которой, собственно, и сидели ляхи. Окруженные славянами, они и сами носили на себе славянский характер, были братьями других славян: «Пяст (половина IX века), взятый от плуга на трон, стоит рядом с чешским Премыслом и русским Микулой Селяниновичем». Русский летописец замечает под 848 годом, что в то время был еще один язык у чехов, ляхов и у полян-руси, и память об этом племенном братстве жила еще в XIII веке в предании, записанном у Богухвала (1250) о трех братьях Лехе, Чехе и Руси, прародителях трех славянских племен, которое доселе еще известно у карпатов около Загреба и у лужицких сербов.

Но на этом и кончается славянская история ляхов. Позволив впоследствии, чтоб часть славянской земли, касавшаяся Балтики, онемечилась, ляхи тогда обратились за силами и даже за поэзией в Литву и Русь и думали открыть здесь русло своей истории. На приобретение Руси были обращены все силы, а между тем оскорби-

тельное вымирание балтийских славян шло и идет своим чередом до настоящей минуты, когда дети-немцы не понимают больше языка своей матери-славянки, когда, хороня мужика, кладут к нему в гроб и славянскую книгу. С половины IX века лядская земля начинает принимать латынскую веру, получившую у самых поляков имя лядской веры, и с тех пор мало-помалу отделяется от остального славянского мира, включая сюда и близких к ней чехов. Чехи потеряли свою независимость по милости содействия, оказанного ляхами немцам (1620). Под наплывом латинства из памяти ляхов вдруг исчезает вся эта старина эпоса, преданий и обычаев, на которой у остальных европейских племен воспиталась культура всего народа, а не одного какого-нибудь сословия. Смолкают даже девичьи песни (*cantilena puellaris*), слышанные еще Мартином Галлом в начале XII века, и сменяются латынскими виршами, которые сочиняло католическое *nabożeństwo*. Существуют достоверные свидетельства, что земля ляхов сначала была православной, употребляла кириллицу и что до XIII века ею пользовались бенедиктинцы; но потом, под влиянием других монашеских орденов, кириллица вытесняется латынью, кирилловские рукописи исчезают и в XV веке истребляются католическим духовенством *все до одной*. В XIV веке из Чехии проникает к ляхам протестантизм и делает орудием своим народный язык. С протестантизмом сближается Православие, и была великая минута, когда, казалось, судьбы всего славянского мира лежали в руках ляха. Но все это гибнет, сменившись иезуитизмом, побратавшимся с шляхетчиной, и затем в целой истории ляхов слышится одно вечное зловещее слово — измена общенародному делу.

История не помнит, чтоб когда-либо ляхи были в дружеской связи с русским народом. Но между князьями

южной Руси и королями ляхов связи эти начались давно и были очень близки. Князья бились за ляхов против чехов. Об одном из таких походов Мономах с негодованием вспоминал в своем завещании: «Та посла мя Святослав в Ляхы: ходив за Глоговы до Чешьского леса, ходив в земли их 4 месяца». Князья бегали в *ляхи*, ища там убежища от внутренних княжеских коромол, выдавали дочерей своих в ляхи. В 1043 году Ярослав выдал сестру свою за Казимира, получив в вено 700 русских людей, полоненных Болеславом; в 1102 году Сбыслава вышла в ляхи за Болеслава. Ольгерд женат на княжне витебской Юлиане, бывшей матерью Ягайлы, знаменитого главы дома Ягеллонов. Иного рода были отношения ляхов к Руси, к русскому народу. В X веке они овладели Галицкой Русью, но в 981 году выгнаны оттуда Владимиром. Воротив Перемышль, Червень и другие города, бывшие под властью ляхов, Владимир перенес границу русской земли с Буга на Сан, и с тех-то пор, быть может, живет на Руси пословица, гордая верой в будущее: «Не тронь, ляше, по Сан наше!» В 1016 году Святополк (Окаянный) бежал в ляхи и привел оттуда на Киев Болеслава. Летописец рассказывает с особой подробностью, что толстый Болеслав был «такъ великъ и тяжекъ, яко и на кони не могы сѣдѣти». Вышел воевода Ярослава, Будый, и начал смеяться прямо ему в глаза: «Да то ти прободем трескою череву твое толстое». Оскорбленный Болеслав обращается к дружине: «Аще вы сего укора не жаль, аз един пожну!» – и бросается в битву. Одолев Ярослава, он вошел в Киев. Богатство города, мягкость жителей, красота женщин соблазнили, по словам Нарушевича, сарматского дикаря, и он предался разврату, не церемонясь даже с дочерьми Володимира. Между тем ляхи, распущенные в Киевской области «на покорм», стали невыносимы, и Святополк вынужден был дать приказание: «Елико же

ляхов по городу избивайте я!» – «И избиша ляхи», – прибавляет летопись. Но потом сам Святополк, разбитый Ярославом и преследуемый виденьями, «пробежа лядскую землю, гоним гневом Божиим, прибежа в пустыни *межи ляхи и чехи*». Выражение «межи ляхи и чехи» было пословицей у народа, означавшее неизвестное дальнейшее место, куда привыкли бегать русские князья. «Се же, – продолжает летописец, – Бог показа на наказание князем русьским, да аще сии еще сице же створять, и слышавше, ту же казнь примут». Но в 1068 году Изяслав опять приводит в Киев ляхов, опять распускает их на покорм, и их бьют из-за углов: «Избиваху ляхы отай». Таким образом, ляхи, разбойничая в русской земле, разжигали насмерть народную ненависть, возбуждали желание мстить за русскую землю. Василько говорил в 1097 году: «Боюсь, чтобы Давыд не выдал меня ляхам, аз бо ляхам много зла творих, и хотел есмь створити, и *мстити руськей земли*». – «Я думал, – продолжал он, – на землю лядскую наступлю на зиму и на лету, и возму землю лядскую, и мьшу руськую землю». В 1249 году в Ярославовой битве, ругаясь, шли ляхи на Русь. «Ударим на большие бороды!» – лаяли они. Как выражается летописец: «Ляхом же лающим, поженем на великия бороды!» – «Бог нам помощник!» – отвечал русский князь, толкнул коня и ляхов обратил в бегство. Ляхи мutilи Русь, насильовали в ней женщин, служили у князей палачами. Ляшко (Лешко) был одним из участников в убиении Бориса, совершившемся, как видно, под влиянием ляхов, издавна опытных в цареубийстве. Все это делалось на глазах народа, и он начал представлять себе дьявола в образе ляха. Печерский инок Матвей раз видел в церкви «обиходяща беса в образе ляха». Так все шло до самого конца независимости южной Руси. Казимир, овладев в 1471 году Киевским княжеством, назначил ему воеводой Мартина Гоштоль-

да, но киевляне не приняли его, «яко ляхъ бѣ». «И отселе, – продолжает летопись, – киевские князи престаша быти, а вместо князей воеводы насташа».

Литовский период юго-западной Руси носил на себе чисто русский характер: право и язык были русские; русские области, Новгородская и Тверская, охотно вступали в союзы с Литвой; литовцы мирно переселялись во Псков, а русские – в Литву, и русская народность, развиваясь свободно, видимо, жила сильной жизнью и шла вперед. Южная Русь, присоединенная к Польше во второй половине XVI века, делает ее одним из могущественных государств. Имея под руками Литву и Русь, лях является передовым в Европе и начинает промышлять, как бы ему стать на место русского народа. Случай для этого нашелся в Москве.

Татарщина, убив в Москве самобытную народную деятельность, ввела в жизнь рабство и деспотизм. Несмотря на богатства, которые стекаются в нее из областей, несмотря на груды золота, дорогих камней и парчи, переполнявших царскую казну, монастырские ризницы, боярские сундуки, – Москва не знает ни блеска словесности, ни света просвещения и сначала побирается крохами из Ростова и Новгорода и потом рабски бежит за поляками и немцами. В расшатавшемся государстве на другой день после введения кабаков возникло страшное Смутное время, нашедшее опору себе в Польше. Пословица, знакомая еще начальному летописцу, что «за наши грѣхи надходят ляхи», сбылася. По-видимому, казалось бы, что свободомыслящая Польша, которая твердила миру о золотой воле (*złota wolność*), которая знакома была с республиканскими формами жизни, непременно внесет в Москву хоть какие-нибудь начала свободы, но у ляхов не оказалось никакой свободы, кроме шляхетской. С Григорием Отрепьевым являются в Москве ляхи,

и тогда как в Польше говорят, что те, которые ушли с Димитрием в Москву (польская шляхта), хуже татар для своей собственной земли, – в несчастной Москве этих самых людей встречают с хоругвиями и образами, с хлебом и солью, и все ликует. Доходит до того, что на троне московского царя – польский королевич; то перед ним, то перед его отцом ползают московские бояре, прося поместий с тамгой и кабаком, забыв, что народ и земля отданы ляхам на разграбление.

Как прежде киевскому народу, так теперь и московскому пришлось отбиваться от ляха, и ляхи были выгнаны вон; но общество, но высшие классы, давно уже чуждые народу, не в силах были уйти из-под соблазна шляхтой и бились теперь из-за того, чтоб как-нибудь походить на поляков, как-нибудь уподобиться шляхте. По словам Олеария (1639–1643), знатнейший из московских бояр, Никита Романов, большой любитель немецкой музыки, сшил себе польское платье и ходил в нем, не обращая внимания на патриарха, который этому противился. Жена царя Федора, польского происхождения (умерла в 1681 году), уговаривала мужа снять *позорные женские охабни* и вводила в употребление сабли и кунтуши польские – словом, *ляцкую веру*, как выражались приверженцы Матвеева. Затем дворяне начинают именоваться *шляхетным сословием*, учатся в *шляхетных корпусах*. Под влиянием польского соседства, как заметил Валуев¹, и у нас готовилась та же гибельная аристократия со всеми ее гибельными и страшными последствиями для государства. Мужчины ходили в *венгерках*, женщины в *кунтушах*, появились *музыка и танцы польские* (мазурки, полонезы, *польские*, польки), *польское мыло*, *польские ботинки*, а в дворянских домах *учителя из поляков*, и, наконец, к удивлению мира, все граждане или посадские

¹ См. Валуев Д. А. Синбирский сборник. М., 1845.

люди всех городов Великороссии вдруг, забыв свое имя, приняли польское имя мещан, которое до этих пор совершенно не было известно на северо-востоке.

А в это самое время южная Русь вела кровавую борьбу против шляхты...

Под влиянием немецких разбойнических дружин у чехов и ляхов очень рано образовались привилегированные сословия (*nobiles secundi et primi ordinis, milites et barones*), и все они были из рода ляхов. Поляки думали, что имя ляхов сохранилось в слове *ш-лях-та, s-lach-ta, szlachta*; тогда как шляхта перешла к ним по прямому наследству от немцев: готское *slahan*, немецкое *schlahen*, древневерхненемецкое *slahta-genus*¹. Взяв таким образом свое родное имя у немцев, шляхта, по словам Микуцкого, чтоб скрыть свое хлопское, то есть русское, происхождение и дабы походить на каких-то итальянцев, стала коверкать свои фамильные названия, и из *Лапа* (лапа) вышел *Ланно*, из *Пчелки* (пчелка) – *Пицолко* и так далее. Это бешенство, дополняет Зубрицкий, простерлось до того, что каждый выдавал свой род ежели не от королевского или княжеского колена, то, по крайней мере, от иноземного; считалось честью доказывать свое происхождение от римлян, греков, галлов и так далее, лишь бы не быть русином, славянином, поляком. Шляхта стала передовым сословием Польши, вечно была ненавистна народу, и шляхтич стал притчей во языцех. «Шляхтич, – говорит пословица, – з перевареной сирватки, шабелька на личку, перевеслом пидперазаний. – То ти такой шляхтич: по три акахвиста

¹ Шафарик ошибочно принимал, что *шляхта* образовалась из корня *лех*; нарицательное – *дворянин, помещик*. Другие производства еще более несостоятельны. У Микуцкого: *шляхта* от *latinus, лятин, шляхта*. У Соловьева *шляхта* от *шляг* (дорога): Соловьёв С. М. История России с древнейших времен. Т. 1. М., 1851. Прим. 342.

читаешь, а по чоловіку глимаешь». Весь пропитанный гордостью, развитой иезуитизмом, шляхтич не нашел себе брата ни в русском, ни в немце. Русского человека шляхте нужно было или охолопить, или искоренить. «Если не можете досягнуть самых казаков, – писал Коцеполюский, – то карайте их на их женах и детях, а дома их обращайтесь в ничто: лучше пусть растет на том месте крапива, чем будут плодиться изменники его королевской милости»¹. Но чувствуя хорошо, что украинца нельзя было ни искоренить, ни охолопить, лях в бесильной злобе твердил: «Доки світъ світомъ, доти ляхъ русину братомъ бути не може». То же самое говорили они о немцах: «*Jak świat światem, nie będzie Polak Niemcowi bratem*». Исковеркав слово *respublica* в какую-то *Rzecz Pospolita szlachecka*², шляхта измыслила и свою золотую волю, которую один из лучших поляков (Нарушевич) изобразил в следующем отвратительном виде:

Bo w Polsce złota wolność pewnych reguł strzeże:
Chłopa na pał, panu nic, szlachcica na więź³.

Если уж лях, так непременно пан: ляха не пана не существовало на свете, ибо народ – это была масса холопов, окруженная гулявшим панством: «Панівъ, якъ

¹ *Okolski*. Dyaryusz transactey wojędzy wojskiem koronnem i zaporoskiem w r. 1637 miesiąca grudnia przez Mikołaja Potockiego zaczętej i dokończoney (Zamość), 1638.

² Иначе *démocratic nobiliare*, как удалось выразиться Лелевелю. «La Pologne, – говорил он, – **avait conservée depuis des siècles son organisation communale** (?)... cette organization reparut (?) avec plus d'éclat dans la démocratie nobiliare (?). Pendant que cet élément, Slave par excellence (?), préparait les matériaux pour la république de la Pologne... (*Lelew. Hist. de la Lith.* 34).

³ Ведь в Польше золотая вольность следует нерушимым правилам: холопа – на кол, пану – ничего, а шляхтича – на башню (перевод стихотворной фразы Нарушевича).

псів!» Ненависть к пану всасывалась в человека с первых минут детства: «Мамо, закрой мені очі, нехай не дивлюся на того негідного ляха!» – «А щоб же я трічі ляхом стал!» – клялся кто-то, а другой, удерживая его: «Сті, чоловіче, чи то вже зкрутився? Не губи душі!» Если уж лях – то ханжа; но тут бывали исключения. Шляхтич Белецкий при Стефане Батории уехал в Турцию, принял магометанство, но, считая себя поляком, вернулся на родину. Стефан Баторий награждал его городом...

Сварить с кем-нибудь пиво значило найти человека, с которым можно было сблизиться, жить; но народ говорит, что раз «черт с паном пиво варил, и молоту (пивной гущи) отрекся». Вот эта-то самая шляхта, по единодушному признанию всех историков, польских и русских, и сгубила польское государство. «Шляхта, – говорил один из них, – живя на счет хлопов, не знала ни физического, ни умственного труда. Где было этой продажной и разучившейся шляхте мыслить, чувствовать и честно управлять страной? Неумение правительственных сословий осчастливить народ, деморализация высших классов – естественное последствие крепостного права, которое всегда лишает владетельные классы нравственной силы и упругости, а у низших отнимает последние качества человека – вот причины падения Польши». Идея о могуществе шляхты возникла из немецкого права. По Вислицкому статуту 1347 года, кмет уже не имел никакого значения перед шляхтичем, а Казимир Великий (1333–1370) за то, что не давал воли шляхте, награжден был титулом хлопского короля (król chłopów).

Идут столетия, идет вперед могущество государства, а вместе идет вперед и неистовство шляхты. Хлоп (народ), наконец, стоит как будто вне закона. За служилой шляхтой – полные личные и имущественные права, но только тогда, когда шляхтич не ведет хлопской жизни,

то есть не работает, не трудится, хотя и может жить у магната в кучерах, в конюхах, в холопах. По Уставу о волках 1557 года, кмет и все его имущество принадлежат господарю. Крепостное право называется здесь *вечным правом*; дети, родившиеся от *невольного*, именуются *невольниками*. Крепостное право, начавшееся собственно с 1554 года, в конце царствования Сигизмунда I доходит до того, что все польское дворянство громко требует права жизни и смерти над хлопами. Варшавская конференция 1573 года предоставляет помещику право наказывать крестьян *in secularibus et spiritualibus*.

В 1569 году постановлением Люблинского сейма Украина соединена была с польской короной. Трудно, говорит Соловьев, найти в архивах какой-нибудь страны такой бесчестный акт, в котором история была так дерзко поругана. Со стороны Украины соединение совершалось на праве людей равных с равными (*jako równych do równych i wolnych do wolnych ludzi*); со стороны польской шляхты – на праве насилия над Украиной. «Але вижу, – говорит князь Константин Острожский, – иж то к остатной сгубе всее короны польское идет; бо за тым ниhto своего права, ани вольности беспечен уже не будет».

Многим было обязано шляхте и южнорусское дворянство, которое, ополячившись, изменило народу и стнило самым постыдным образом. Русскому народу пришлось наконец жаловаться не на одну польскую шляхту, но и на русское дворянство. Каштелян смоленский Иван Мелешко в 1589 году на Варшавском сейме в присутствии короля бросал в глаза русских дворян следуюшую горькую правду. «Кажучи правду, – говорил он, – не так виноват король, як гетые радные баламуты, што пры ним сидят да крутят. Много тута гедаких есть, што хоть наша костка, однако собачым мясом поросла и воняет; тые-то нас деруть, а за их баламутня-

ми наши не поживятся. Речь посполитую губят, и Волынь с Подлясьем пропал! Знаю, нам приступило, што ходим как подвареные, бо ся их боимо. А коли б гетакого беса кулаком в морду, забыв бы другой мутыты». Так говорил Мелешко. И что ж! Проходит несколько лет, и он сам окатоличивается и строит базилианский монастырь! Боплан, посетивший Украину в половине XVII века, писал: «...и русское дворянство походит на польское и стыдится, по-видимому, исповедовать иную веру, кроме католической, которая ежедневно приобретает в нем новых приверженцев, несмотря на то, что вельможи и князья ведут свой род от русских»¹. Русская земля таким образом оставалась как будто без высшего сословия, русское Православие теряло своих членов дворянского происхождения, и к XVII веку опорой Руси оставался один лишь южнорусский народ.

Глава XVII

Малороссия. Корчмы в Малороссии с Хмельницкого и до XVIII века

Со времени отделения южной Руси от северной в первой возникла, сложилась и окрепла совершенно новая жизнь, какой история еще не встречала. Украина, несмотря на всю невыработанность своего государственного строя, поражает нас своим юридическим бытом, возникшим из глубоких основ русской народности, и высокой чистотой своего христианства, не ведавшего, как известно, ни расколов, ни скопчества. Украинский народ, умный и сосредоточенный, постоянно вдумывался в жизнь, в которой никогда не переставал быть главным деятелем, всматривался в комизм окружающих его

¹ Боплан Г. Описание Украины. Спб., 1832. С. 9.

обстоятельств. Унаследовав от древних киевских летописцев любовь к русской земле, он вырастил среди себя историков (летописцев) – граждан, любивших матку свою Малую Россию, создал думы, полные высокой исторической правды, и положил начало народной комедии. Владея необычайно поэтическим и свежим языком и щедро наделенная красотой своих женщин, Украина дала русскому народу и музыку, и песни, и, наконец, благодаря крепкому складу народной личности, она до сих пор не перестает высылать в Россию лучших государственных мужей и ученых. В Украине, по прекрасным словам Головацкого, «душа русска була середь словянщины якъ чиста слёза дівоча въ долони серафима».

Весь южнорусский народ, сберегший древнее имя народа русского (руський народ) и отличавший себя от великорусского населения (москалей), составлял военное братство, которое разделялось на две главные части – на Днепровскую Украину, или Гетманщину, и Запорожье. Первая была создана судьбами всего южнорусского края, вторая же – насилиями ляхов. «По довольном же времени, – говорит «Летопись» Самовидца, – ляхи, владеющие Киевом и Малою Россиею, усоветовали в работе и подданстве людей малороссийских и украинских держать. Но которые не приобыкли невольничей службе, обрали себе место пустое около Днепра, ниже порогов днепровских на житло». «Запорожье, – говорит Кулиш, – служило точкою опоры казацкой силе, и случай, вроде счастливой войны казаков с турками, мог бы превратить Сечь в столицу украинской республики, а окружавшие ее пустыни населить вольными казацкими слободами, и тогда шляхетное господство в Украине пало б с развитием громадской юрисдикции на счет юрисдикции шляхетской».

На Запорожье все было свободно. Вином мог торговать всякий, заплативший пошлину старшинам. Ког-

да привозили из Польши, из Малороссии, из Крыма вино горячее и виноградное, то с каждой куфы брали для старшин по одному рублю. Если привозили вино, скупленное казаками, тогда с каждых десяти куф давали кошевому ведро, судье другое, писарю третье, есаулу четвертое, довыбушу пятое, на церковный доход шестое и на атаманов куренных седьмое. Затем уже от войска устанавливалась цена, почем продавать кварту вина. Шинкари в Запорожье составляли нечто вроде цеха, как мясники и калашники, и на праздники ходили к старшинам с поклоном (на ралец). Кроме этого дохода куренные атаманы получали еще за куренные лавки, которые отдавались шинкарям, и этим содержались курени. По куреням казаки свободно варили пиво, меды, браги; денег было много, и, приходя в Сечь, казаки многие дни гуляли. Идет казак, а за ним несут мед, вино, и он поит каждого, кто б ни встретился. Как привезут бывало водку в Запорожье, вот и приходит запорожец покупать и тотчас берет волочок (цилиндрическая склянка на снурке), опускает ее в бочку, пьет сам и потчивает товарищей и всякого, кто б ни случился. И уж торговец не говори ни слова. Выпьют запорожцы из бочки пальца на четыре, тогда и говорят: «Ну, панове молодцы, заплатимо теперь за водку». Купят всю водку и уж хорошо заплатят. Но если б перед этим продавец сказал им что-нибудь неприятное, так у него никто и не купит. «Не покупайте, – скажут, – у вражьего сына: он и чарки водки жалеет». Запорожье поэтому не знало ни жидов-арендаторов, ни всех панских проделок по поводу корчем; диким и безбожным казалось ему положение дел на Украине, заарендованной жидами, и вот, когда назрело восстание, Запорожье сделалось центром, откуда в течение целого столетия выходили мстители за свободу русской земли, поруганную ляхами.

Никогда, ни с какой стороны, никакая уния немислима была между Украиной и Польшей. «Ото-ж уния! – лежит Русь с поляками!» – острил Конецпольский, указывая на поле битвы под Переяславом. То была правда: единственным исходом всяческих уний было желание передушить друг друга, и напряженная жизнь ждала первого к тому случая. Поляк Чаплинский отнял у Хмельницкого хутор с пасекой в Суботове – случай самый обыкновенный, повторявшийся каждый час, каждый день, но он «всей зімлѣ полской начинилъ бѣды». Поднялась вся Украина, и, по словам Потоцкого, дело дошло до *самой субстанции панов*: «*Że nie było tej wieśi, tego miasta, w którym by na swawolą nie wołano i nie myslono o zdrowiu, o substancjach panów swoich i dzierżawców*». Поднялась Украина, чтоб избавиться от всего, что давило ее, что мешало ее свободе:

Да не буде лучче,
 Да не буде краще,
 Як у нас на Україні,
 Що немає жида,
 Що немає ляха,
 Не буде унії!

Поднялось все, чтоб заставить ненавистную шляхту испить ту чашу зла, которую сама ж она наварила:

Ой пійте, ляхи, води калюжи,
 Води калюжи, болотяні.
 А що пивали по тій Вкраїні
 Меди то вина ситніі.

Участь шляхты братски разделили жида, которых резали теперь тысячами. «*По folwarkach też co było ро-*

brano. *Żydów wszystkich wyścinano, dwory i karczmy porało»*, – как доносил в 1648 году брецлавский воевода своему коронному гетману. «Итак, – замечает «Летопись» Самовидца, – на Украине жадного (ни одного) жида не осталось». 5 апреля того же 1648 года под *Жовтими Водами* были разбиты поляки. «Хлопе! – говорил Потоцкий Хмельницкому. – И чим же зацному рыцерству орд татарских заплаатишь?» – «Тобою, – отвечал Хмельницкий. – И иншими з тобою».

В мае – новая победа под Корсунем. Потоцкий, роскошный обжора и пьяница, потерял битву, поляки бежали, а казаки бранили их, что они не хотят допивать их пива:

А козаки на ляхів нарікали:
Ой ви, ляхове,
Песьки синове!
Чом ви не дождидаете,
Нашого пива не допиваете?

После ряда битв Украина, еще раз поверив шляхте, склонилась на мир, и одним из главных условий его было облегчение в приготовлении питей. В пактах зборовских 1650 года между поляками и Хмельницким было положено: «Козаки как вина, так и иных всяких напоев продавати не имеют, только для нужды своей, как што сделать вольно, такоже и местным делом продавати не имеют им заборонять... Вина врознь козаки не имеют, кроме того про себя скурит или местным делом вольно им продавати. Такоже пиво продажное и мед против обычаю быти имеет... Жида державцами, откупщиками и закупщиками христиан и жителями не имеют быти в городех украинных, где козаки свои полки имеют».

Но и этот убогий договор почти был уничтожен новыми условиями под Белой Церковью в 1651 году. Было положено, что «жители воеводства Киевского, Брянского и Черниговского до местностей своих, тако же старосты сами собою и в уряды свои приходяти вскоре и оные приимати имеют, и всякие промыслы, корчмы и откупа восприимут. Жидаы как прежде были обывателями и арендаторами в именьях его королевской милости, и в именьях шляхты, и теперь должны быть». И вот, говорит украинская дума, вельможные паны-ляхи стали у казаков и у мужиков на постое, овладели ключами их, сделались хозяевами в их хатах. Украинец, терпя всякое поругание, идет в корчму выпить с горя за восемь грошей; но лях идет вслед за ним, словно немытая свинья, настораживает ухо и слушает: «Не осуждает ли его казак или мужик?» Казаки жалуются Хмельницкому, и он отвечает: «Погодите немножко, обождите от Покрова до Светлого тридневного воскресения». Так и было. На Пасху 1652 года совершилось избиение польских жолнеров; в июне того же года поляки были избиты под Батогом.

Между тем в 1651 году Хмельницкий начал переговоры с Московским государством и с Оттоманской Портой о соединении с одним из них, с которым было бы выгоднее, и 6 января 1654 года вступил со всей Малороссией в подданство к московскому царю, «зъ такимъ монаршимъ подъ клятвою словомъ и упевненемъ, же держати онъ пресвѣтлѣйшій монархъ россійскій Малую Россію, зо всимъ войскомъ запорожскимъ, в своей протекціи при ненарушимомъ захованю старовѣчныхъ ея правъ и волностей маеть». Отправляя в Москву послами Богдановича и Тетерю, Хмельницкий писал, чтобы царь московский «изволил милостиво принять и нас, Богдана Хмельницкого, и все войско запорожское, и уставить правилаи и всякие свободы и державы добр духовных

и мирских всякому чину и преимуществе сущих, елико кто имяше от веков и от князей и королей полских: таково бы государское твоего царского величества слово нам той же ближний твоего царского величества боярин обещал». Первой статьёй договора с Москвой было постановлено подтверждение «прав и волностей войсковых, как из веков бывало в войске, что своими правами суживались и волности свои имели в добрах». Была выговорена и свободная продажа в своих домах горячего вина. Король польский, узнавши, что наделала его верная шляхта, лишившая его Украины, плакал, но было поздно. *Лихолетье*, как обозвал народ весь этот период с 1569 года, кончалось, и Русь навеки соединялась с Россией, прося лядское племя поступиться назад.

На следующий год (1655) возвращен был Смоленск; через два года при содействии казаков присоединена к Москве Белоруссия. По жалобе смоленских бурмистров, что прежде пивная продажа и помер были за ними на откуп, царь их пожаловал, велел на 1656 год владеть важней и поварней без откупы и про себя держать мед и пиво, «а как 1656 год пройдет, и важню, и пивоварню, и помер, и про пошлины объявить в съезжей избе, и лишних дней их не держать, пивом, и медом, и вином не торговать».

Умирает Хмельницкий. Кругом его сотники, старшина, все представители поднявшейся на ноги Украины, и он (по словам думы) завещает им братство, единодушные, говорит им: «Тим-то и сталась по всему свиту страшная казацкая сила, что у всех у вас, панове молодци, была воля и душа едина». Но *единой души* уж больше не было, и весь период от Хмельницкого до Мазепы стал известен под именем *руины*.

Малороссия разделяется на правую и левую сторону Днепра, и одна склоняется к Москве, а другая тянет к Польше. Выговский считался уже гетманом и в 1656 году

в универсале мещанам города Чернигова, которые жаловались «на не малую перешкоду как в аренде, яко в иных приходах од козаков и самого полковника», приказывал, чтоб «и полковники, и товариство до аренды месной жадного приступу не мели, а ни горелок шинковали, опрочщо захочут гуртом продати, то не мает быти зборонно». Под Конотопом разбиты московские войска, и в Гадяцких пактах (16 сентября 1659 года), заключенных Выговским с поляками, казакам по-прежнему предоставлялась вольная продажа вина. Под влиянием Москвы гетманом избран был Юрий Хмельницкий, и в статьях 1659 года, при приеме его в московское подданство, в статье пятой постановлено: «Да реестровым же козакам держать вино, и пиво, и мед, а продавать вино бочкою на ранды, и кто куда похочет, а пиво и мед вольно же продавать гарнцом, а кто вино будет продавать в кварталы, и тех карать». В дополнительных статьях было сказано: «И гетман, и все войско запорожское, и чернь на раде, выслушав сию статью, приговорили: быть сей статье так, как она написана». То же самое повторялось в пунктах, объявленных московскому государю послами Хмельницкого.

С этих пор положение дел, устроенное Б. Хмельницким, начинает изменяться. В Малороссии, развращенной польским шляхетством, теперь все стремилось к порабощению друг друга; освобожденная Б. Хмельницким, она не знала свободы, угнетаемая со стороны и подорванная смутами честолюбцев. Раз в 1660 году Юрий Хмельницкий пировал в своем замке, окруженный приятелями, и с хохотом слушал рассказы татар об их удалстве над украинцами. Несколько казаков стояли у дверей и тоже слушали, потом бросились на него, на татар. Татар изрубили, а израненного Хмельницкого вывели на площадь, долго мучили и издыхающего бросили собакам. Казаки мстили за погибавшую Ма-

лороссию. Гетману Иоакиму Сомку в 1662 году опять пришлось разбирать мещан черниговских с казацкой старшиной. «Дошла до нас, – говорит он, – скорга от мещан маестрату черниговского на тех, которые в рынку горилки межи крамами шинкуючи, тым шинком всяким людем купецким великое уприкрене и доuku чинят, и у торгов попившися и биючисе перешкажают», а потому приказывал, чтоб мещане и казаки «от сего часу тех шинков горилчанных в рынку поперестали, а от сего часу не важились шинковати». Всякий, кто бы после сего стал шинковать на рынке, повинен был «до скарбу войскового тисечу таляров битых заплатит мает, яко и особливе сурового войскового не уйдет караня».

В 1663 году в Нежине выбран в гетманы Иван Брюховецкий, который еще недавно, под именем Мартынца, был слугой у Юрия Хмельницкого. К нему снова является войт черниговский с бурмистратами, показывает грамоты на магдебургское право, универсал Б. Хмельницкого, данный в таборе под Переяславлем, и гетман снова приказывает войсковой старшине черниговской, чтобы «млинов, шинков и инших меских доходов спокойне без жадной ни од кого перешкоды заживали», а иначе «строго карата без одпущу будемо». В Батуринских статьях, постановленных с Брюховецким в 1663 году, было предъявлено в Малороссии давно уже известное в московских областях запрещение, чтоб жители малороссийских городов с вином и табаком в Московское государство и украинные города не ездили, и у «виновных вино и табак имать на великого государя безденежно». Гетман и старшина на это условие согласились, и Брюховецкий подписался: «Его царского величества холоп гетман Брюховецкий». С этих пор условие это постоянно повторялось: в Переяславских статьях 1667 года, в Глуховских 1669 года, при избрании гетмана Много-

грешного и в Переяславских статьях с гетманом Самойловичем. Но из малороссийских городов по-прежнему возили вино в Московское государство, и в 1683 году вышел указ, чтоб у черкас, приезжающих из Малороссии с вином и табаком, вино и табак отбирать, а природных черкас и иностранцев высылать из русских городов. Это повеление вошло и в условия при избрании гетмана Мазепы в 1687 году. Брюховецкий, не находя в Гетманщине никакой поддержки, поехал в Москву *ударить челом великому государю всеми народами малороссийскими*. Там его ждали; по дороге делали ему великолепные встречи, смотрели на него, как на владетельного князька, идущего отступить от своего наследства. В октябре 1665 года Брюховецким подписано было обязательство доставлять ежегодно в государеву казну поборы с малороссийского народа, и самому их выбирать; причем гетман бил челом, «чтобы примером иных начальнейших малороссийских городов, и по меньшим всем городам *кабаки* на одну горелку только были, которые *приходы кабацкие* винные в государеву казну обретатися мают». И великий государь его пожаловал, и милостиво за это похвалил, и по его челобитью обещался послать в малороссийские города своих государевых воевод. Сам же Брюховецкий был пожалован боярином, а все бывшие при нем старшины и полковники – дворянами, и даны им жалованные грамоты. Брюховецкого оженили на царской родственнице, на Дарье, переженили и всех неженатых старшин.

В это же время было подтверждено данное разным городам магдебургское право. Как оно соблюдалось теперь, это видно из жалобы нежинских мещан, доведенных в 1682 году до «остатней наготы». Они говорили: «Грамотами утвержденные доходы на ратушу, весовое, померное, подводное, дехтевая торговля, также мельницы овдеевские, о пивном доходе, хто на шинк похочет,

по осьмачки солоду и золотому грошей повинен дата, также по две копейки от ведерка повинен платить хто на шинк похочет сытить мед, и от шинковных дворов хозяйских, как и от прочих приходящих всех в годы, и от их погребов по полуполтине с погребца давать. А те все доходы по королевским привилеям, и по подтвержденным грамотам великого государя нашего, его царского величества, света нашего, смиренно упадаючи до лица земли, милости просим, чтоб по прежним жалованным грамотам те все доходы при ратуше нежинской и магистрату того ж ненарушимы и невредны были для многих грацких расходов». Государь пожаловал их, «велел быть по их челобитью».

К внутренним неустройствам Украины присоединялись отголоски московской стрелецкой смуты. В южном Переяславе перестали слушаться воеводы, овладели кабаком, в приказной избе посадили простого стрельца, отставили своих пятисотенных и десятников, одного пятисотенного чуть не убили, а на их место выбрали других.

Но корнем зла, заедавшим теперь Украину, была ополяченная казацкая старшина, эти *шляхетно-урожденные казаки*, как величал их Богдан Хмельницкий. В шляхетство тянулся теперь всякий простолюдин; гетманы раздавали войсковую землю старшине и рядовому товариществу, и посполство, жившее на такой земле, становилось в обязательные отношения к землевладельцу. «Вот, – говорили в 1729 году жители одного села, – тогда можнейшие пописались в казаки, а подлейшие остались в мужиках». Характер этой новой шляхетчины прекрасно определен словами «Летописи» Самовидца о Самойловиче, что «той попovich зразу барзо покорным и до людей ласкавим был, але як разбогател, юж барзо гордый стал, у церкви негди нейшол дары брати, але свя-

щенник до него нашовал». Детей своих он поделал панами, «а здырства вшелякими способами вымышляли так сам гетман, яко и сынове его, зостаючи полковниками, аренды, стацие великие зотяговал людей кормлением, барзо на людей трудность великая была от великих вымыслов». Дошло до того, что с 1723 года стали издавать указы *об удержании* казацкой старшины от крепостного права, в которое она втянулась, и об освобождении казаков, записанных в неволю и подданство. Войсковая канцелярия в 1745 году доносила, что все эти казаки, требующие освобождения, это простые мужики и что «онные мужики домогаются казачества по упрямству своему, ак из подданства отбыть, а паче чтоб завладеть грунтами владельческими, на которых они за владельцами живут». Из этих записок Марковича мы видим, как жили тогда украинские господа. У каждого из них своя винокурня, свои *склепы*, где хранятся вина; торгуя вином, они высылают его в судах в Крым; у всех свои корчмы, и из-за владения корчмами они грызутся...

Заводя корчмы, казаки нарушали этим права магистратов. Самойлович в универсале 1684 года говорил казацкой старшине: «Жалостне скаржилися перед нами панове майстратове киевский на вас (старшин и казаков), же вы просторные себе пивные и медовыя заведши в Киеве шинки, при тых не мал в каждом дому и горелку держит продажную, и тым великую ратушным шинкам чините перешкоду. Применяючися до обыклости войсковых волностей (мы) позволили есьмо вам, до дальшого нашего зданья, шинки мети медовии и пивные, але горелкою шинковати не тылько не позволяли, леч и заказали, под стратою добр и волностей ваших». Казалось бы, что с восстанием Хмельницкого и с гибелью жидов-арендаторов аренды должны были прекратиться навеки; но при Самойловиче снова восстановлена была

аренда на шинки. В универсале 1686 года Самойлович говорил, что «для обороны отчизны наше Украины, за позволением их царского пресветлого величества, наше рейментарское зо всею старшиною войсковою постановленьє стало на том, а бы для забранья на тые потребы грошового скарбцу аренды во всей Украине были утверждены. Лечь доходит нам ведати, же многие змежи посполства люде, а снать тые, которые з шинков призыски собе мают, на тое о арендах постановленьє наше неуважне шемруют, нарекаючи, будто им через тые аренды пожитки уймутся, ведаем же бы, и кажди тое признает, же слушней быти арендам, а нижли поборам, и подымным, якие певне людей бы розагнали. А про тож, як войск пехотных и комонных охотницких, дотуль пока война ся не успокоит, не держати нельзе, так нолят тые з шинкову горелчаных зыски на посполитую всего нашего народу оборочатися потребу, а нижли в самотный и приватный шинкаров пожиток приходити. А так з прошлорочного звычаю, и теперь тое постановленьє приводячи до skutку, пустили есьмо во всех местах и селах полку лубенского аренду, то есть шинки горелчаные, дехтевые и тютюнныє, з млынами того ж полку лубенского всим вполне обывателям на сей рок 1686, а то за певную сумму 17 000 злотых. Якую ту сумму они обывателе лубенские о Святой неделе всю зуполне, без розделку, до скарбу войскового повинны будут отдати. А к тому прилучаем скопщину (с посполитого человека, а не от казаков) от варенья пива по ползлотому, поведерковое и скопщину горелчаную. Однак докладаем тое, же бы горелка простая, кварта, справедливою мерою на раздроб шинкована была по пяти осьмаков, а на весельє и на христини таньшою ценою продавана, альбо з стороны оной потребу добути не збороняли. Мед, зась пиво, брагу вольно каждому козакови и посполитому

человеку так в местах, яко и в селах до них належных шинковати; от того жадного датку арендующие особы не повинны в них вимогати. Варуем жеды и сурово приказуем, або жаден яко казак, так и посполитый, хто тылько горелку курит (оприч того, що гуртом сто кварт вольно ему продати) квартою шинковати ся не смел».

Но на следующий год (1687), во время похода царских войск под начальством Голицына в Крым, старшина казацкая, есаул и писарь войсковой и иные, видя непорядок гетманский у войску и *кривды козацкие же великие дроти и утиснения арендами*, написали челобитную до их царских величеств и подали ее Голицыну, прося его сменить гетмана. Зараз принявши, Голицын скорым гонцом послал ее в Москву; и пришел указ, и гетмана *отдали Москве*. Но пока не выбран был другой гетман, порядок войсковой поручен был Борковскому, «где почалися бунты у войску на старших, але зараз тое Москва ускромилла, а некоторые от войска оторвалися в города своеволею, о многие двory погробавали арендаров и иных людей значних и приятелей гетмана бувшого, которых напотом имано, вешано, стынано, яко злочинцев». Полковники враждовали с гетманом, попы с другими попами; «межи посполитыми свары, по звы, а знову зась *корчмы, шинки* немал в кождом дворе, а при шинках бесчестности и частые збойства, а за вшетечность жадной карности не чинено, але тое в жарти оборочано»...

Избран был гетманом Мазепа, «роду шляхетского, повету белоцерковского, старожитной шляхты украинской и у войску значной»... В 1688 году он снова запрещал держать шинки «горелчаные, которые чинили перешкоду ратуше», и приказывал бросить это шинкование как неприличное для рыцарского звания и наносящее убытки городским доходам, которые киевский войт с мещанами «повинны кождого году з ратуши своей

на верхний город киевский до казны великих государей за шинки отдавати». Затем прибавлялось: «А если бы не тылько з товариства, але хочай бы и сам сотник смел горелчаными шинками мещаном в том перешкожати, теды не тылько на шкуре своей строгое понесет каранье, и худобы позбудет, але и для горшей неславы, з реестру козацкого будет вымаран». Не слушая ничего, казаки продолжали заниматься «тою потайною и очевистою горелок своих продажею», и в 1691 году гетман опять грозился им жестокими карами. «Если кто з вас, – говорил он, – указу нашего, дале упорным будучи, не слушал, того повелеваем майстратовым постерегши забирати и грабити». Но казаки опять не слушали, напротив, «в таковые шинки як старший, так и меньший товариство пустилися». Между посполитыми и казаками возникли столкновения; распоряжениям ратуши противились силой. Универсалом 6 июня 1694 года гетман объявлял: «Теперь знову пан войт з майстратом скаргу свою заносили, же посылаючи людей своих трусити (обыскивать) в дворах ваших горелок, теды вы перед ними ворота запираете и отпорно им с погрозками ставитесь; и на сих свежих часах райцею с приданными ему людьми горелку, в бойдаку и в иных местцах вытрушенную и до ратуши несенную отбилисте, а тех посланных под страхом битья рогазналисте».

Нововведенная аренда возбуждала волнения. Петрик, родственник Кочубея, бежал в Запорожье, чтобы поднять его против Москвы и против казацкой старшины. И в 1672 году на Украине пошли слухи, что он соединяется с ордой, чтоб искоренить арендаторов и богачей. Отовсюду стекалась к нему «голота», и Петрик, рассылая грамоты, обвинял московское правительство в установлении аренды и винных откупов. В Москве на это обратили внимание и отписали гетману Мазепе.

Мазепа отвечал, что, действительно, аренда тяжела, и от лица всего запорожского войска предложил уничтожить ее. Затем, ссылаясь на то, что «меж народом посполитым вопль и пререкания, а особо от запорожцев произносимые голоса к шатности склонные», он сделал распоряжение, «дабы варень... был от старшины чинен дозор, чтоб досады людем не делалось, то есть, чтоб всякому человеку на крещенье детей и на действо новобрачных случаев вина с потре... в доме выкурите или ми... арендовых шинков, где хотя оное купите, не возбрано было». В том же году, в универсале к гадяцкому полковнику и старшине гетман Мазепа подробно описывал притеснения арендаторов. На раде в Батурине, собранной в следующем году большинством было положено, что «аренда есть речь ненавистная, издавна пререкание и ропот за собой ведущая», и решено, чтоб аренде не быть, а быть бы поборам с шинков и винокурен и с больших винных продаж, и решение это было подтверждено московским правительством. Но по уничтожении аренд доходы городские уменьшились, и на раде в Батурине 1694 года старшины предложили опять ввести аренду. Гетман возражал, что опять пойдут крики из Запорожья, а ему отвечали, что запорожцам от аренды никакой тягости нет; тягостнее народу их запорожская аренда, которая в Сечи заведена, именно «изо всякой куфы вина берут на старшину и на куренных атаманов третью долю», остальное же вино велят продавать по той цене, какую они же наложат, а не вольной ценой. И вот, по совету всех городов, решено было, чтоб вместо увеличения налогов ввести аренду.

В 1695 году жителям Переяславля (южного) дана была грамота на *майдубурское право*, с тем чтобы «козакам, якие в городе Переяславле жительство имеют, горелкою отнюдь не шинковати, кроме ситним медом

и пивом, а быть той продаже в одном магистрате Переяславском». В 1698 году мы опять встречаемся с враждой черниговской старшины и мещан. Иван Молявка публично ругал войта и *увес маестрат* недобрими словами и толберами называл за то, что они городские доходы на свой приватный расход оборотили». Назначен был в Батурине громадский суд, и на суде свидетели сказали про войта то же самое. Подобную вражду городских жителей мы уже встречали в Киеве.

Но пока шли споры, чему быть, аренде или шинкам, пока все, и казаки, и посполитые, думали только о себе, в юго-западную Русь мало-помалу входили кабаки. Все враги Москвы, собиравшиеся в южной Руси, давно уж толковали народу, что вот «возьмут вас царь и Москва, тогда и кабаки введут, горилки и меду нельзя будет делать всякому». Петрик, волнуя народ, говорил против кабаков; Лжепетр, обещая народу волю, «освобождение от бояр и бороды», прибавлял, что и винное куренье будет вольное. Нежинский протопоп Максим Филимонович в 1657 году писал в Москву к окольниковому Ртищеву: «Хотя старшина о той власти (царской) радуют *для своего пожитку*, и так посполство страшат, что уж как царь возьмет в свои руки, то невольню будет крестьянам в сапогах и суконных кафтанах ходить, и в Сибирь или на Москву будут загнаны; для того и попов своих нашлет, а наших туда ж поженут, – только им не хочется *кабаков* и панства своего отстать, купецтва ради, а не посполитого добра. И царское б величество да изволил, чтоб козаки привращены были, и в Чернигов бы воеводу доброго прислать». Кабаки проникали теперь в Малороссию из соседних украин, московской и слободской, где они уж давно заведены были по городам: в Воронеже (с 1624), на Короче (1663), в Харькове, в Севске, в Белгороде и так далее.

Глава XVIII

Кабаки в Слободской Украине

Убегая от ляхов, жители западной Украины покидали свою «батькивщину» и переселялись на левый берег Днепра, в не занятые никем земли нынешних губерний Харьковской, Воронежской и Курской. Величко, проходя с казаками от Корсуня и Белой Церкви на Волынь, плакал над безлюдьем западной Украины: «Поглянувши паки, видех пространные тогочные украино-малороссийские поля и розлеглые долины, леса и обширные садове, и красные дубравы, реки, ставы, озера запустелые, мхом, тростием и непотребною лядиною зарослые, – видех же к тому на разных там местах много костей человеческих, сухих и нагих, тильки небо покров себе имущих, и рекох в уме: Кто суть сия?» На новые жилища или, как говорили тогда, *на слободу* (на свободу) шли они со своими думами, со своими обычаями, шли небольшими партиями или многочисленными громадами, и на новых землях, под покровительством московского царя, мало-помалу возникла Слободская Украина, составлялась новая Гетманщина. Рядом с ней лежала другая Украина, московская, в которую входили города: Воронеж, Белгород и другие, давно уже знакомые с кабаками.

Воронеж, или Воронож, один из городов Рязанской области, известен был еще в конце XII века и, должно думать, жил до начала XVII века не зная ничего московского: ни губных старост, ни пятой деньги, ни тамги с кабаком. По грамоте Михаила Федоровича 1624 года, «на Воронеже *кабак* и *тамга* в откупу боярина князя Ивана Борисовича Черкасского за крестьянином Ивашкой Офремовым». В 1625 году велено брать с питей, приготавливаемых для себя, с чети пива алтын, а в 1642 году

четыре деньги; с чети пьяной браги в 1642 году брали две деньги, с пуда меду – алтын; в 1625 году крестьянам позволялось еще курить вино для платежа оброка помещикам в размере до четырех четвертей в год без явки. Корчемники подвергались взысканию и битью кнутом. В 1639 году кабак вместе с тамгой отдан был на веру и верным головой избран Покидка Полозов, у которого в этом году доходу с тамги и кабака было 2135 рублей и 8 пудов воску. Из целовальников при Полозове упоминаются Толмачев и Колесников. В 1641 году на воронежскую Украину пришли казаки из Малороссии, им отвели хорошие места, а воеводам приказали обращаться с ними «с береженьем и ласкою, чтоб от жесточи не пришли в сумненье». В 1642 году на Воронеже кабацкий и таможенный доход собирают на веру голова – воронежец сын боярский Иван Шишкин, да с ним десять человек целовальников, а оклад того дохода против откупа 1641 года 2221 рубль 32 алтына с деньгой. В 1645 году велено было послать из Воронежа голову в Елец для кабацкого и других сборов, и «чего недоберут они, то доправить на воронежцах, а голов для Воронежа велено было выбирать в Ельце». В 1651 году головой на Воронеже опять воронежец Толмачев, который вместо положенного оклада 1765 рублей полчетверти деньги успел собрать только 1397 рублей 2 алтына полпяты деньги и, несмотря на оправдания его об оскудении земли, все-таки был присужден к уплате 183 рублей 32 алтына, то есть половины недобора. Оправдание его состояло в том, что по осени 1651 года на Дон, «в бударах, для промыслов и с запасы, ходили небольшие люди, а по зимнему пути из городов с солью, и с хлебом, и со всякими товары на Воронеж приезде не было, потому что всяких чинов промышленные люди из городов с солью, хлебом и со всякими товары ездили в новые города – в Сокольской, на Усмань, на Урыв, на

Коротояк, на Олшанск, а город Воронеж пред прежними леты всем оскудал, и люди обнищали и стало безлюдно, и на кабаках питухов стало мало, не против прежнего». В 1652 году было объявлено, чтоб кабаков и винокуренных поварен, «оприч тех поварен, на которых сидят подрядное вино на московский отдаточный двор и в города на кружечные дворы, не было, а быть в Воронеже одному *кружечному двору* с продажным вином, а оприч кружечного двора в Воронеже, в уезде, в поместьях и вотчинах бояр, и окольных, и стольников, и прочих кабакам и винокурням быть не велено». В 1665 году решили воронежский кабак и таможенню отдать на откуп, а не возьмут – отдать выборным на вере; и они отданы были голове Михневу, но на следующий год нашелся откупщик кадашовец Лазарь Елизарьев. Елизарьев сначала платил доходы исправно, но потом стал платить худо, притеснял народ, и казна вынуждена была возвратиться к верным головам, обложив их окладом в 1900 рублей полшесты деньги. Воронежские люди сами били челом на откупщика и просили отдать им, воронежцам, «всяких чинов людям на веру, ибо они от откупа терпят всякое насильство и убытки напрасные». Выбрали двух голов, Сеньку Петрова и Струкова, но что они могли сделать с откупщиком, которого поддерживали и воевода, и московские подьячие? Елизарьев не только успел скрыть указ о сдаче кабака головам, но еще предъявил подложный указ белгородского воеводы Ромодановского о взыскании с воронежских людей, в том числе и с выбранных голов, разных явочных денег и мыта и этим удержал у себя откуп на всю зиму 1688 года; потом сдал кабак головам, но без винокуренных заводов, кабачной посуды, так что у Петрова и Струкова явился недобор. Верный голова 1669 года Никита Полозов донес об этом в Москву, откупщика Елизарьева вызвали туда, а вместе с ним вызвали и Сеньку

Петрова со Струковым, и возникло целое дело, запутанное московскими подьячими. Поэтому в Воронеж были посланы с Лазарем Елизарьевым Разрядного приказа подьячий Емельянов да сын боярский Поддубской для правезу таможенных и кабацких денег, и те деньги велено доправить приказному человеку Василью Уварову, а напойных денег велено Лазарю на воронежцах искать судом. Но градские люди с ним, Лазаркой, в суд не шли, «чинились сильны» и приносили многие челобитные и сказки заручные, где писали, что Лазарь их «клеплет». Василию Уварову велено было непременно доправить те деньги, а за медленность взять пени двести рублей. Прошел срок службы верного головы Полозова, и на Воронеже снова явился откупщик Дмитриев. С 1693 года тамга и кабак находятся у назначенного от казны таможенного головы с товарищами и пищиком и вводится нечто вроде казенного управления. В 1782 году Екатерина предписывала начальнику Воронежской губернии поспешить вызовом сидельцев в казенные питейные дома на основании указов Сената и спросить у них, не согласятся ли они на точных правилах, в указе изображенных, принять на откуп с 1783 года те казенные питейные дома, коим в сидельцы определиться желают. Сидельцам назначали 5% прибыли с каждого ведра за вычетом из продажной цены, во что вино в казну обошлось, или 4% со всей суммы, вырученной через продажу.

В 1646 году в Воронежском уезде в Усманском стану поставлен был Орлов-городок, и в 1652 году в нем уже заведен был кабак. Боярские дети, поступавшие в драгуны, обязаны были в этом году «корчмы и б<лядей> не держать и на кабаке не пить». С 1668 года на кабаке откупщиком посадский человек Ивашка Семенищев; в 1671 году с него велено взять откупных и пошлинных денег за три года по 47 рублей 31 алтын по 5 денег на год.

В 1674 году на кабаке сидит уже целовальник, и в следующем году велют произвести новые выборы. В 1678 году велют на следующий год в Орлове в таможду и на кабак голову и целовальников орловцев. В этом году мы находим московские кабаки по всем городам и местечкам, окружающим Воронеж. Пишут грамоту в Козлов, в Доброе, в Сокольский, в Бел-Колодез, на Усмань, в Костенки, на Урыв, на Воронеж, в Коротояк, в Острогожский, в Ольшанский, на Усерд, в Верхососенский, в Новый Оскол, в Яблонов, в Нежегонский, на Волуйку, в Чугуев, Царев-Борисов, на Мояк о высылке с тех городов таможенных и кружечных сборов и об уведомлении, сколько будет собрано с каждого города. Городовым делом заведывали драгуны. Велено беречь накрепко, чтоб у драгунов «корчмы, и б<лядей>, и продажного вина, и табаку не было, а питье драгунам держать браги да квас бесхмельной, а пиво им варить по невелику, по полуосмине, и по осмине, и по четверти, смотря по человеку, а то пиво пить в урочные дни, а оставшееся питье записывать».

В приходной книге 1679 году записано: «В Орлове таможде и кружечному двору оклад против откупу 1668 года 47 рублей 31 алтын 5 денег». Кабак предписывалось отдать на откуп, а «буде откупщиков не найдется, выбрать голову и целовальников». В 1687 году велют в Орлове-городке выбрать голову и целовальников «изо всяких чинов людей, кто похочет, а в которых городах на кружечные двory ставить вино никто не похочет, то выборным подряжать уговорщиков на вино в иных городах». И так как сделалось известно, что лучшие люди обходят выборы, и те головы, в которых городах «нелутчие люди выбраны, для своих корыстей подряжают, на те кружечные двory подрядчиков на вино дорогою ценою против цен московского подряду, что ставят уговорщики на московской отдаточный двор, а на отдаточном двory

уговаривались ставить недорогою ценою, а в города на Каширу и на Орел уговорились поставить по шти алтын и по семи алтын ведро». В 1671 году таможенные пошлины и питейную прибыль собирали орловцы Якушко Варварин со товарищами и перед прошлым годом недобрали 8 рублей 20 алтын. И Якушко в Приказе большой казны сказал, что тот недобор случился оттого, что «де у них в Орлове-городке хлеб не родился третьей год, и скотина-де у них вся померла, и татары приходили, и от татар и от частых караулов люди оскудели, и на кружечном дворе питухов перед прошлыми годами гораздо было мало». Велено было сыскать про то, «допрашивая всяких чинов людей порознь, а голову на это время выслать, куда пригоже». Но воевода розыска не производил. В 1684 году снова подтверждали ему о розыске, угрожая «доправить с него недоборные деньги», но деньги эти не были доправлены и в 1691 году. К началу XVIII века накопилась на Орлове-городке на таможенных и на кабацких головах прошлых лет многое число недоборных и иных доимочных денег. В 1682–1694 годах в Орлове-городке считалось в сборе таможенной и питейной прибыли по 28 рублей по 7 алтын на год. В 1695 году питейный голова не приезжал в Москву с отчетом, и велено было надсматривать над ним голове гостиной сотни Борису Полозину. То же подтверждалось другой грамотой, посланной в августе этого года.

В числе слободских городов, поступивших в ведомство Московского разряда, была Короча на верховьях Донца, куда к концу XVI века подвинулась граница Москвы. С 1643 года на Короче облагаются денежным оброком лавки, полки, бани и мельницы и всякие другие промыслы, заведенные корочанскими людьми. С 1646 года является налог на соль, но о кабаке еще не слышно. В 1663 году, как видно из отписки Шереметева, там был уже кабак и выбран был в кабацкие (и таможенные) го-

ловы Терентий Плещеев; но его велено было отправить в Яблонов для письма государевых полковых дел, а вместо него выбрать другого голову. В 1668 году на Короче кабацким откупщиком Давыдка Лубенцов. В августе этого года его велено было выслать в Москву, и в ноябре следующего года еще раз напоминали об этом воеводе. В 1675 году опять писали воеводе о высылке в Москву корочанских таможенного и кружечного двора голову и целовальников и дьячка со сборными книгами, но воевода их не высылал по декабрь. И в следующем году снова писали ему о высылке головы к первому ноябрю к отчету, но воевода по-прежнему его не высылал.

«Знатно, – писали ему из Москвы, – ты в высылке им наровил для своих прихотей». 25 ноября снова напоминали об этом воеводе. Воевода не высылал их, и 8 декабря еще раз напоминали ему. В Приказе большой казны в доимочной книге вели счет деньгам, которые обязаны были внести кабацкие головы, и в 1685 году оказалось, что на голове корочанского кружечного двора, на Наумке Гомове, со товарищами считается недоборных денег 16 рублей 2 алтын 2 деньги, которые и велено было воеводе доправить. В 1667 году опять насчитывали недоимку с таможи и с кабака на короченце Пушкаре 166 рублей 13 алтын полпяты деньги. В 1683 году на кружечном дворе велено было питейную прибыль собирать серебряными мелкими деньгами и польскими деньгами чехами; а «буде которые люди учнут чехи менять на серебряные деньги из прибыли, тех людей имая, приводить в приказную избу и розыскивать накрепко». В 1683 году на кружечном дворе у питья прибыльные деньги собирали на вере корочанские жители Пронка Глазунов со товарищами. Нужно им было собрать против предыдущего года 273 рубля 3 алтына 2 деньги, но они недобрали 36 рублей 25 алтын 2 денег и сказали «тот-де недо-

бор учинился у них для того, что зима была студеная и торговых людей с товарами из иных городов приезде не было и пошлин имать было не с чего». Велено было произвести об этом следствие, но воевода молчал, хотя и напоминали ему отписками в 1686 году. В это время узнали в Москве, что на Корочу приезжают из малороссийских городов черкасы и иные иноземцы с вином и табаком, да во многих городах и уездах посадские и крестьяне варят браги и квасы пьяные и продают, и оттого на кружечном дворе чинятся недоборы. И потому велено было привозимое вино отбирать на кружечный двор, а за корчемство брагой и квасом брать пени по царским указам. Население города было вполне украинское, и таким оно оставалось еще в XVIII веке. Как в остальной Малороссии, так и здесь украинские и польские паны становились откупщиками. Служилый сотник корочанской сотни Ефим Лазаревич со товарищами в 1783 году держал на откупу Корочу со всем уездом и платил за это семь тысяч рублей ассигнациями. Теперешний откуп, замечает при этом Кохановская, держит ту же самую Корочу за сто пять тысяч рублей серебром.

Слободские полки сначала пользовались полной свободой винокурения, и хотя по белгородскому окладу 1665 года на жителей была положена подать с винного котла по рублю, с пивного по четыре, но в 1670 году Алексей Михайлович дал грамоту полкам Сумскому, Харьковскому и Ахтырскому: «За осадное сиденье велеть им вместо своего государева годового жалованья отдати оброки, которые на них довелось взять с промыслов и с шинков по белгородскому окладу, и впредь такими промыслами промыслять безоброчно и беспошлинно». В 1669 году городам Острогожского полка за оказанную верность во время черкасских смут дано право безоброчного и безъявочного шинкованья вином, пивом и медом,

и, несмотря на то, что на следующий год острогожцы вместе со своим полковником изменили, данное им право все-таки подтверждалось жалованными грамотами 1672, 1678, 1700 и 1716 годов. Но кабак уж был заведен по всем слободским полкам. В 1683 году в полках Северском и Белгородском торгуют на кабаке московские головы, которым в этом году предписывают собирать прибыль мелкими серебряными деньгами.

Но в Харькове в 1684 году головами и целовальниками были русские люди, то есть малороссы, и казацкая старшина жалуется, что по указу царя вместо царского жалования пожалован им сбор различных пошлин и, между прочим, с котлов винных, и пивных, и с шинков, а теперь черкасы у них головы и целовальники, и, кроме того, торгуют приезжие из Малороссии из Сумского и Ахтырского полков. Просьба казаков была услышана, и в Харькове велено торговать казакам беспошлинно и из других полков вина к ним не ввозить. В 1685 году острогожским черкасам позволяют шинковать и питья продавать в домах своих, а к кружечному новому двору питей не подвозить и у того двора и на торгу питьями не торговать. Петр в 1700 году дает харьковцам грамоту «шинки держать безоброчно, вино курить беспошлинно по их черкасскому обыкновению». Генерал-аншеф Апраксин, возвращаясь в 1712 году из-под Азова, проезжал через Воронежскую губернию. Апраксин по должности считался генерал-адмиралом, но в то же время почему-то занимался и кабаками. Остановился он в Острогожске, где население по преимуществу было украинское, и узнал, что народ мало пьет водки, потому что у украинцев все шинки, а у русских кабаков нет, и вот, чтоб получить возможность завести там кабаки, он приказывает ландрихтеру Клокачеву черкасов с Коротоякской слободы переселить на Урал, а русских, которые живут на

Урале, переселить на Коротояк, для того чтоб «питейная продажа без черкасских шинков лучше наполнилась». Хотя переселение это и не совершилось, но приказание ввести кабаки было отдано, и черкасы вместе с русскими разбежались в разные стороны, жалуясь на кабацких бурмистров, что они, запрещая им держать шинки, чинят забойство и разорение. Дело о переселении шло до 1724 года, когда по докладу генерал-фискала Мякинина все казаки-черкасы переселены были с Коротояка в Острогожск, а посадские русские люди из Острогожска на Коротояк, и *кабацкий сбор* в Острогожске велено отдать с торгу на откуп, кто больше даст.

Елизавета в 1743 году в грамотах всем полкам подтвердила «шинки держать, вино курить и шинковать беспошлинно». В 1764 году учреждена Слободско-украинская губерния, главный город – Харьков, и введен был подушный оклад с казенных войсковых обитателей: с тех, которые пользовались правом свободного винокурения, 95 копеек, а где курение вина было запрещено – по 85 копеек, с подданных же владельческих черкас – по 60 копеек с души. Но еще до этого народ жаловался на невиданные стеснения. В Белгородском уезде один сельский священник говорил другому: «Бог знает, что у нас в царстве стало. Украина наша пропала вся от податей, такие подати стали уму непостижимы, а теперь и до нашей братьи священников дошло, начали брать у нас с бань, с пчел, с изб деньги, этого наши прадеды и отцы не знали и не слыхали; никак в нашем царстве государя нет». Появилось *корчемство* и, распространяясь из слободских губерний, подрывало откупа белгородский и воронежский.

Еще в 1648 году хотмыжский воевода Сенко Волховской прислал в Москву с хотмыжским казаком Степкой Мишуровым челобитную, в которой писал, что

«польские и литовские люди с вином и табаком в хотмыжский гостиный двор не ставятся, а ставятся, не доезжая города версты за три, и за пять, и верст за десять, в лесах, в крепких местах и за лесами, и вина и табаку те литовские купцы у себя не сказывают, а сказывают те литовские купцы про вино хотмыжским людям тайно, и те служилые люди вино покупают тайными обычаями и *проживаютца*. Да в нынешнем году, декабря 27, проехали с московской стороны дорогою к хотмыжским посадкам, и с дороги переехали воровским тайным обычаем через заповедные места и через реку Ворскол по льду на шести телегах неведомо какие люди, и поехали к муравской сакме, и те литовские люди (когда были пойманы), сказали, что они – города Гадеча торговые люди: Яцко Лучченко, да Яцко Булыга, да Степанка Матюшенка, да с ними челядников три человека; и у тех литовских людей на шти телегах восемь бочек вина да три пуда табаку». Задержав их, Волховской писал в Гадеч полковнику Станиславу Броневскому, и по требованию последнего люди эти были отпущены. Броневский поэтому отвечал Волховскому. «Пишу, – говорил он, – к твоей милости, княже Семионе Волховской, что твоя милость даешь мне знати о людях, которые будто не прямою дорогою ехали, и ваши ратные люди их поймали. А что ты пишешь, чтоб я заказал торговым людям непрямою дорогою не ездить, и я о том твоей милости объявляю, что не только заказать, чтоб непрямою дорогою не ездили, но закажу под смертною казнию всем тем торговым людям, которые есть в местностях моего милостивого пана (Конецпольского), чтоб в его царское величество не ездили ни с каким товаром. А ныне прошу, княже Семионе Волховской, отдай мою горелку, а имянно две тысячи».

Подобное же столкновение за вино вышло в 1649 году между вяземским воеводой князем Прозоровым и до-

рогобужским капитаном Храповицким. Коронные поверенные Хотмыжа, Карпова и Мирополя доносили, что воеводская канцелярия делает послабление корчемству; жители, «невзирая на данные из канцелярии инструкции, на выемках везде служителей и поверенных бьют, и для обезопасения выемок просили дать Военной коллегии из отставных, с положенным жалованьем и мундиром из их кошту, при одном офицере рядовых двадцать человек». Напротив того, слободская канцелярия представляла в 1772 году, что с 1765 года ни один человек в слободские присутственные места приведен не был, а забираются такие люди в великороссийские воеводские канцелярии, где и «следствия происходят, и налагают штрафы на одних воеводских обывателей, а великороссийские, живущие на том же месте, от этого изъемятся; а какие великороссийские люди пойманы будут в корчемстве в том же селении, где жительствоют слободские, то налагается и на слободских равный штраф, а при том и такие примеры оказались, что великороссийские люди одни другому вина подбросят, а штрафы за то равные с слободских войсковых обывателей, живущих с ними в одних селениях, взыскиваются, прописывая за несмотрение, а в самом деле и к смотрению великороссийские к себе слободских жителей не допускают, в содержании заставы никакого вспоможения не чинят, а через учрежденный от слободских обывателей караул пропускают насильствен». На это последовало замечательное решение.

Вообще слободские полки были отягощены незаконными поборами, а потому понятно, что появились люди, которые нарушали покой вредными толками, как, например, житель Ахтырки по имени Яготинец, сосланный в Сибирь. Указом 1783 года велено было винную продажу устроить в пользу городов с тем, чтоб магистраты давали отчет правительству; в деревнях казенного ведомства

велено было стараться об умножении казенных доходов посредством отдачи на откуп и содержания на вере, не делая, однако, никакого стеснения помещикам и казакам, «кои к сему промыслу право имеют, первые в деревнях и хуторах, а последние в домах своих». С обывателей, имеющих право курить и продавать вино, вместо прежних 95 копеек положено по 1 рублю 20 копеек. Указом 1791 года утверждено право винокурения и продажи за дворянами в их поместьях и право одной продажи – за казаками в их домах, состоящих в селениях, но не в городах. Мещанам запрещено курить и продавать вино, и все городские винокурни, как «несвойственные городам», велено уничтожить. Эти последние права были отменены в 1817 году, при введении Устава о питейных сборах.

С 1751 года началось переселение в Новороссию австрийских сербов с их вольными корчмами. Новороссия доселе пользовалась свободой винокурения. Новопоселенным сербам указом 1751 года было предоставлено иметь торговые промыслы беспошлинно, а насчет кабаков глава сербов – полковник Хорват – должен был представить свои соображения. По рассмотрении просьбы Хорвата, Сенат в 1754 году определил: подати с винных промыслов идут на полковые надобности, но в местах пребывания полковника доход с корчем следует на его обиход; винокурение свободно. Началось новое переселение сербов и болгар под предводительством полковника Шевича, и при рассмотрении их просьбы о вольном промысле вином оказалось, что «в Бахмуте и во всей Бахмутской провинции, где находилась Славяно-Сербия, не было ни казенных кабаков, ни казенной продажи вина; в самом же Бахмуте продажа была вольная, но с платою по гривне с ведра, а в уезде были самые малые откупа». В Славяно-Сербии было оставлено свободное винокурение с платою по гривне с ведра вина. В 1764 году из но-

восербских поселений учреждена Новороссийская губерния, опять с вольной продажей вина; но к 1775 году пошлина с вина возросла уже до 30 копеек с ведра, а в 1777 году в Новороссии был уже откуп, приносящий казне 20 100 рублей.

Глава XIX Юго-западные корчмы в XVIII веке

Из Слободской и Московской Украин кабаки пытались перейти и в Малороссию, но укорениться здесь не могли: корчма и шинок до последней минуты остались коренным отличием южной Руси от северо-восточной, Малороссии от Великороссии. В 1710 году велено было у черкас (украинцев) киевских и в Азовской губернии «варниц винных и котлов не переводить, а быть у них варницам и котлам по-прежнему», а «перевести котлы только у русских людей». Под этим именем, вероятно, разумели жителей Великороссии. Но явились усердные люди, которым хотелось завести кабаки и в Малороссии. Гетман Скоропадский в прошении, поданном в 1718 году в Коллегию иностранных дел, требовал в первом пункте, «чтоб киевский губернатор никаких указов о делах к нему, господину гетману, не присылал, от которых чинятся великие тягости; тако ж в Чернигове, в Нежине и в Переяславле тамошних жителей на дворах и ратушных землях велено построить *кабаки*, и по указу ль то учинено?» Незадолго до смерти Скоропадского – последнего гетмана с независимой властью, ибо власть его преемника Полуботка была уже связана Малороссийской коллегией, – Петр послал ему указ (1722) о том, что полковники берут к себе казаков в подданство, чинят казакам и посполитым великие тягости «накиданьем для прода-

жи своих, как питейных, так и съестных припасов, со всего малороссийского народа собирают со всякой куфы по два рубли, которых надлежало было в сборе немалое число, и сколько тех в приходе в котором году было, и что из того числа, и на какие дачи тые в расход и за тем в остатке, о том нам неизвестно». Указ этот был подкреплен прибытием в Глухов бригадира Вельяминова с шестью штаб-офицерами, чтоб чинить там все, как определено в договорах Хмельницкого. Скоропадский, получив этот указ, на другой же день поехал к адмиралу Апраксину посоветоваться с ним, «чинить ли отвѣтъ противъ монаршого листу», и Апраксин, «при зичливой своей перевазии, совѣтоваль ясневельможному просити черезъ писаніе свое о перѣмену милостивую того монаршого указу». Скоропадский листом, по-московски переписанным, отвечал, что все донесение о беспорядках сделано «по ненависти», что козаки по-прежнему остаются козаками и «въ подданство ни къ кому нейдутъ»; что же, продолжал он, «отъ куховъ вина в Малой Россіи, з волѣвашого величества у шинкаровъ берется по два рубля денегъ, – то они идутъ на войско и на разные войсковые надобности». Касательно же поборов, которые Петр основывал на договоре с Хмельницким, то Скоропадский прямо говорил, что таких сборов прежде не было, а это только по смерти Богдана отмена учинилась при Юрии и Брюховецком; но потом он же, Алексей Михайлович, эти статьи отставил и восстановил договоры с Хмельницким, которые «знову Демьяну Многогрешному, а по ним наставшему Ивану Самойловичу еще с придатком милостиво подтверждени зостали, и до моего уряду гетманского ненарушимо были содержаны». Но Скоропадского не слушали. Петр на его возражение отвечал лаконически: «Пункты вами подписаны, также и указ о сочинении для суда коллегии при вас».

Через два месяца Скоропадский умер. Указом 1723 года малороссийским обывателям оставлено было свободное винокурение, но, во-первых, «сборы с куф и казанов, которые прежде сего собирались на полковников, сотников и прочую старшину, с казаков убогих и посполитых людей, а старшина и знатные казаки этих сборов не платили», теперь велено брать со всех, не исключая никого; во-вторых, малороссийским обывателям продавать вино в великороссийские города куфами, «с платежом кроме скатного по 20 и 25 копеек и покуфных денег, как берется с шинкарей вышинкованных куф». В то же время были отставлены разные «непотребные сборы», как, например, «записное от казанов, что мед сытят». Но в 1726 году вышел новый указ, которым велено собирать на Малороссийскую коллегия, кроме доходов с куф и казанов, и прочие тому подобные. В 1724 году в шинке кварта горилки стоила 4 гроша. В 1725 году в Сулаке ведро горилки продавали по 6 рублей, в Астрахани же мелкой мерой по 3 рубля. В 1726 году прислан в Малороссию указ *продавать в кабаку вино* по 1 рублю 40 копеек. Чихирь белый в *государевом кабаке* продавали по 8 гривен, а красный по рублю; половина куфы горелки оковитой стоила 21 рубль 16 алтын.

В 1727 году умерла Екатерина, и на престол вступил двенадцатилетний Петр II. В этом году вышел указ Коллегии малороссийской, чтобы сборы, сбравшиеся определением коллегии по доношениям Вельяминова, были отставлены; и велено собирать только те, «которые подлежат по пунктам Богдана Хмельницкого и какие за бытностью других гетманов собирались». Но этим милости не ограничились. Другими указами велено «к удовольствию народа учинить по-прежнему гетмана и прочих старшин», великороссийским людям запрещено покупать земли в Малой России; сделано распоряже-

ние «о нечинении жадных (никаких) обид казакам и посполству». В 1730 году скончался Петр II и наступило страшное время бироновщины... В 1736 году велено было собрать в Малороссии и слободских полках 525 537 четвертей разного хлеба, и, пока он не будет собран, печатать на заводах кубы и винокурение запретить в Севске, в Рыльске, в Путивле, в Трубчевске, в Орле, в Кромах, в Курске, в Воронеже и в других городах. Но оказалось, что с запрещением винокурения в Малороссии в Велико-россии явится недостаток в вине и упадут кабацкие сборы, и тогда дозволили курить в тех местах, откуда будет доставлена в магазин положенная часть провианта.

В 1737 году малороссийские заводчики подрядились поставить 169 620 ведер вина; но к 1738 году потребовалось уже 540 006 ведер, и вследствие такого обширного требования, которое при прекращении винокурения нельзя было удовлетворить, было дозволено имеющим заводы курить в Белгороде и Воронеже и вообще в Малороссии, но только для поставки в Петербург, Москву и Новгород. Маркович¹, прочитав этот указ, писал жене своей в Глухов: «Чтоб горелки на порции и прочие мелкие расходы не употреблять, а вместо оной пиво давать; на шинки же отпускать вдвое дорожшею ценою и, если случится, купить горилки на 100 и 200 рублей, для чего и ключик от моего баула послан; нового винокуренного завода в Тулиголове не строить; а буде сей указ на Велико-россию не относится, то приискать купить место для винокурни за Клевенью, в Курской губернии».

Через несколько времени вышло новое распоряжение – дозволить в Малороссии употреблять на винокурение только третью часть хлеба. Кухва горилки стоила в это время около 30 рублей. В 1738 году опять было ска-

¹ *Маркович Я. М.* Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях. Т. 1–2. Спб., 1798.

зано, что вино курить дозволяется только тем, которые вполне поставят провиант в казенные магазины или кто заплатит за каждый казан по 50 четвертей ржаной муки. По указу войсковой канцелярии переписывали в Малороссии дворы, в дворах – хаты, а в хатах – семьи, чтобы обыватели с места на место не переходили, а наипаче за рубеж не бежали. Все это причиняло необычайную тягость народу, и в церквах читали указы, чтоб никто нынешних тягостей в тяжесть не ставил, ибо за все не только плата будет произведена, но по окончании войны иным образом «высокое его величества призрение явлено будет». Подрядчиков, обязанных поставить в 1739 году в Великороссию до 540 000 ведер вина, не явилось, и было донесено, что безнадежно, «чтобы за вышеозначенным запрещением 1738 года на такую сумму могли сыскаться подрядчики, а хотя и сыщутся, да не много, и те будут возвышать цены, отчего в подряде может произойти неудача». Так доносил коллегии бунчуковый товарищ Григорий Покорский и при этом просил «о позволении ему в курении вина для домашнего расхода, ибо за непокормлением скотина его пришла в худобу, а другая и пала». Вышло разрешение: «Запрещение курения вина отставить, если в пропитании армии никакой нужды не будет». В 1740 году Сенат разрешил живущим в Киеве казакам в домах своих шинковать пивом, медом и брагой, а вином шинковать запретил, как это и прежде было определено Коллегией иностранных дел в 1733 году. Но Генеральная войсковая канцелярия ходатайствовала и о шинковании вином, ссылаясь на указ 1721 года «О шинковании казакам всякими питьями». Сенат отвечал, что «оный (указ) следует точно на малороссийских казаков, но не киевских».

Несмотря на то, что люди вроде Тепловых рассказывали, что будто бы всякий казачий двор – шинок,

что казаки пропиваются и обращаются в мужиков, но Елизавета все-таки сочла нужным дать малороссийскому народу некоторые облегчения. С окончанием в 1741 году бироновщины вышли указы, чтоб «никто из великороссов никого из малороссийского народа ни под каким видом не крепил себе в вечное ходатайство»; во всех свободных имениях в Малороссии запрещено допускать посторонних шинкарей; наконец, для того, чтоб «тягость и облегчения все равно чувствовали, разрешено впредь на два года курить вино на половину казанов, как духовенству, шляхетству, старшинам казаков и их подсосудникам, так и мещанству, и посполитому народу». Были прекращены все внутренние таможенные пошлины, какие бы они ни были, и по городам народ стекался в церковь служить молебны.

Так навсегда погибла *тамга*, но кабацкие откупы не погибли... По городам, с согласия гетманов, появились откупщики. Жители Кролевца жаловались в 1764 году гетману Разумовскому, что с его гетманского согласия майор Яков Скоропадский и бунчуковый товарищ Долинский взяли на откуп право «продавать собственные их напитки в имеющихся в Малой России свободных войсковых местностях, местечках и деревнях», с платой вдвое больше получавшегося прежде, и поэтому просили: «Освободить их, бедных, от откупу Скоропадского и Долинского». Подобные паны-откупщики были теперь не редкостью в Малороссии. В 1741 году ведро горилки простой полувыгорной стоило 37 копеек. В марте 1742 года в Ромнах продажная цена горилки лучшей, смотря по величине бочки, от 18 до 20 рублей за кухву, а полувыгорной – от 14 до 18 рублей за кухву; но давали за лучшую по 16 рублей, а «за подлѣйшую в гурть» по 10 рублей 50 копеек за кухву. В 1745 году в Нежине горилку отдавали на веру до Покрова 4 кухвы по 20 рублей, а ведерко – по руб-

лю без пятака, кварту¹ – по 5 копеек, а дают (на наличные деньги) ведерко по 4 золотых с пятаком, а кварту по 4 копейки. За оковитую большую кухву дают 25 рублей, а на ведерко по 2 талера и по 3 копы. В 1754 году в Киеве от магистрата покупали горилку по 30 копеек ведро, а в монастырь Михайловский давали кухву по 14 рублей, а после торговали в кабаки по 4 копейки ведро. В том же году в Киеве за горилку, в том числе и оковитую, платили по 23 рубля, а за простую – по 16 рублей 20 копеек за кухву. В 1756 году в Киеве горилку продавали огулом, кухву по 17 рублей 20 копеек; в Стародубе кварту вина волошского по 16 копеек, а крымского по 12 копеек. В 1751 году в Киеве продали в монастырь Никольский горилки по 35 копеек ведро, 6 кухв на ведро монастырское, а всех ведер на ведро монастырское 310.

В 1764 году Екатерина задумала Комиссию о сочинении нового уложения, и в эту Комиссию Малороссийская коллегия избрала депутатом коллежского советника Наталина, не преминув сообщить ему для руководства приличное наставление. Осьмой пункт этого наставления касался вопроса о винном промысле в Малороссии. В нем было сказано: «По прежним гетманским статьям реестровым казакам дозволено продавать вино на аренды бочкою, а квартами под казнь запрещено». Грамотой же 1721 года велено шинковать всякому, имеющему в том промысле свободу; полковникам и старшинам продавать в собственных своих местностях и дворах, а казакам в домах, «заплатя покуховное, следовательно, не генерально старшинам и козакам, но имеющим в том свободу; а ныне сей промысл учинился генеральным и беспредельным, так что в одном городе Глухове, не весьма великом, 160 шинков находятся, и к предосуждению святости, едва не все церкви под именем своим

¹ В ведре государевом кварт 28%.

шинки имеют». В правах же малороссийских, «заугольные шинки искоренить по причине происходящих в них своевольств и только при больших и проезжих дорогах корчмы иметь, *держа в них притом и съестные припасы*», предписано. Таковое заключение в пределах сего промысла весьма основано было на благоразумии, ибо через то «отнимался способ к беспримерному пьянству; в нем обращаясь, здешний простой народ не токмо теряет *охоту к трудолюбию*, но часто и жизни безвременно лишается, умалчивая, что множество пьяных во сне и в бешенстве по дорогам, в городах и поселениях *к омерзению (!)* всегда видеть можно». Итак, «к отвращению вышеизображенных вредительных следствий надлежит сей промысл ограничить таким образом, чтоб тот, который не имеет тридцать четвертей ржи сеvu и лесу в своем владении, отнюдь вино не курил; продаже же вина быть в городах, как в Киеве, и во владельческих местностях и хуторах, на дорогах выстроенных корчмах, прочим же всем, противу права и во вред собственной и общенародной шинкующим, продажу запретить».

Столь благодушная, по-видимому, заботливость об удержании украинского народа от пьянства и о *приучении его к трудолюбию* нисколько не помешала депутату Григорию Полетике указать на настоящее значение винного промысла в юго-западной Руси, хотя Полетика и смотрел на дело со стороны чисто шляхетских интересов. «Промысел вином и прочими напитками, – говорил он, – есть одна из важнейших малороссийскому шляхетству и казакам дозволенных привилегий. Шляхетство имеет на оный право по общему статутскому праву, самый же промысл дозволен был казакам издревле, во время бытности их под Польшею; то доказывает конституция 1659 года, в которой между прочим сии точно упоминаются слова: *Сверх сего всякие напитки, тако ж звериные и рыбныя*

ловли и прочия казачия пользы, по силе древних обыкновений, при казаках оставаться имеют. Правда, что статьями гетмана Юрия Хмельницкого ограничен был сей промысл тем, что разведены были аренды, то есть откупы шинков, на которые велено казакам продавать вино бочкою, а квартою запрещено; при гетманах же Самойловиче и Мазепе еще более стеснен был размножением аренд; но что оныя аренды введены были в противность прежних обыкновений и вольностей и ради собственного гетманов обогащения, что доказывается грамотою Петра Великого октября 31-го 1708 года за собственноручным его императорского величества подписом, во всех малороссийских городах обнародованною, которую повелевается как те аренды и прочие поборы отставить. Грамотою же 1721 года уже точно и ясно сей промысл *дозволен и утвержден всем вообще, как старшинам, так и казакам, имеющим в том свободу*. Что ж коллегия, вступив в изъяснение, говорит, что сей промысл *не генерально старшинам и казакам, но имеющим в том свободу дозволен*, то я не знаю, какое оная слову *свободность* толкование и разум дать хочет, а я чрез слово *свободность* то же разумею, что и право, которые в винном промысле малороссийское шляхетство и казаки всегда имели и которые им напоследок подтверждены и от ее императорского величества, нашей все милостивейшей государыни указом от 6 октября 1762 года. Почему неудивительно, что промысл сей размножился и беспредельным сделался в такой земле, где многие на оный имеют право, и от онаго получают себе пропитание, и службу без жалованья отправляют и где, уважая это, владеющие государи не заблагорассудили полагать сему промыслу какие-либо пределы, ибо Малая Россия, не имея почти средств производить сей промысл хлебом, употребляет оный на винную сидку и тем хотя малый по-

лучает прибыль и награждает свои труды. Для такой же точно причины и в России Петр Великий указом от 3 декабря 1723 года дозволил вино курить в таких местах, *отколь хлеб водою никуда нейдет*. Итак, представляемое от Малороссийской коллегии ограничение курению и продаже вина не токмо противно правам и привилегиям Малой России, но вредно и заразительно как для шляхетства, так и для казаков, ибо премногие сыщутся, как из тех, так и из других, которые не только тридцати, но ни десяти четвертей в засеве ржи иметь не могут, а, напротив того, имеют довольно леса, как-то: в Стародубском, Черниговском и Киевском полках, но хлеб тот дешевою ценою получить могут из российских, украинских, из полевых малороссийских мест и из Польши. Итак, я не вижу, для чего бы винокурение ограничивать тем людям, которые на то способ и право имеют, а неимеющие способов и без ограничения курить не будут. Продажу вина, если ограничить так, как коллегия представляет, то есть чтоб по городам производить оную, как в Киеве, а не во владельческих местностях и хуторах по корчмам, то следует казаков вовсе лишить сего промысла, ибо в Киеве продажу вина производит один магистрат, по исключительным привилегиям, а казакам продавать оное не дозволено. Другие же города таковых привилегий, что казакам не продавать вина, не имеют; напротив того, имеют привилегию, чтоб торговать оным везде в своих домах, а по мнению коллежскому, уже им не в городах, не в селах сим промыслом пользоваться не будет средства. Что ж коллегия приводит права из книги Статута, которым повелевается заугольные шинки истреблять, то оное право установлено на мужиков государевых и помещичьих, яко никакого права по сему промыслу не имеющих, а не на таких людей, которые к тому неоспоримое право и утверждение имеют, как-то казаки и их

старшины. Я опять и в сем с Малороссийскою коллегиею не согласен, чтоб оное ограничение положить для того, чтоб отвратить от пьянства, в котором, по ея усмотрению, малороссийский простой народ обращается, ибо не токмо в Малой России, но и во всех землях, где только есть такие напитки, *простой народ тем самым же упражняется*, и еще больше там, где больше ограничена продажа оных. Таковые пороки истребляются не ограничением и принуждением, но просвещением и вольностью народов, с которыми приходит к ним и благонравие. Осталось еще сказать, что хотя коллегия и говорит, что в Малой России, к предосуждению святости, едва не все церкви под своим именем шинки имеют, но я таких шинков не знаю, а знаю только то, что так называемые церковные шинки принадлежат не к церквам или церковным причетникам, но братству или прихожанам тех церквей, имеющих на то право, которые получаемые из оных прибыли употребляют на всякие церковные нужды и благолепие».

Но жалобы на пьянство украинского народа продолжали доходить до Петербурга, и Разумовский обнарудовал универсал, в котором говорил, что малороссы, пренебрегая *земледелием и скотоводством*, вдаются в непомерное винокурение и истребляют леса для винных заводов, почему винокурение было всем запрещено, исключая, без сомнения, шляхты. Но в самом деле, свобода винокурения никогда не доводила украинский народ до того несчастного и подчас дикого пьянства, какое мы встречаем на северо-востоке, где народ даже и память потерял, что у него некогда тоже было свободное винокурение. «Простой народ, – писал Шафонский в 1787 году, – употребляет вино с малолетства; но в вине предполагается образ дружеского их обхождения и угощения, а не единственно непомерного пьянства. Половину праздничного дня просидят пятеро человек, пьючи

между тем полосьмухи вина. Они пьют медленно и малыми мерами и больше разговаривают, однако и тогда, как допьяна напиваются, буйанского шума и вздорного шума мало между ними случается, а до брани в то время мало доходит». То же впоследствии подтверждал и покойный Пассек: «Редкие из малороссиян предаются пьянству, хотя пьют все без исключения – мужчины, женщины, девушки и дети».

Пока шли все эти разговоры о непомерном пьянстве южнорусского народа, а шляхта опять завела свои *корчмы* и, распивая «пива та меди ситни», ругалась над народом, соединившимся с Москвой, Украина, *домученная до конца*, решила навсегда расплатиться с ляхами и 20 июня 1768 года отпраздновала *уманьскую победу*. «Вот, на украинской почве, – говорит Кулиш, – столь раз облитой кровью, опять один в виду другого жизненные элементы: народности польская и русская. С некоторого времени открытый грабеж стал в Украине явлением обыкновенным, он совершался в смысле некоторой как бы праведной мести убогого над богатым, козака над ляхом, который теперь, не сдержанный более Речью Посполитою, делал, что хотел». Скальковский, указывая на памятники, свидетельствует, что с 1733 года, то есть со времени присоединения Запорожья к Московскому царству, не проходило ни одного года, чтоб поляки не повесили или не изрубили одного или многих запорожцев. Они собирались для этого в гайдамацкие партии и, набегая на Украину, совершали грабеж и казни¹. Тем же отвечали и казаки. Между тем в Польше – сейм, составляются конфедерации с знаменем Wolność i Wiara

¹ См.: *Шафонский А. Ф.* Описание Харьковского наместничества [б. м., б. г.]. С. 93; *Пассек В. В.* Очерк Харьковской губернии [б. м., б. г.]. С. 73; *Кулиш П. А.* Записки о Южной Руси. Т. 1. Спб., 1856. С. 90–93; *Скальковский А. А.* Наезды гайдамак на Западную Украину в XVIII столетии. Одесса, 1845. С. 50.

(Свобода и вера), и конфедераты отправляются резать народ. Вся Украина опять в последний раз восстала. Получив благословение священников и освятив ножи, народ стал вырезать ляхов и жидов. Ляхи хорошо знали, где им можно спастись, – спастись на время, – и обратились за защитой к русскому правительству, распуская между тем слухи, что оно само возбудило эту резню. Усердный Кречетников является к казакам как друг Гонты и Железняк и выдает их головой полякам. С казаков с живых сдирали кожу, ходило предание, что игумена, благословлявшего ножи, посадили на кол, совершились тысячи чудовищных казней, и рейментарь украинской партии, указывая на людей, замученных в пытках, повторял: «Дивитися, люде! Хто ся тильки збунтовав, то всим тее буде!» Граф Румянцев-Задунайский в июле 1768 года писал полковнику Протасову: «Оные (манифесты) в самой скорости обнародуйте во всех тех местах в Польше, куда только своими сообщениями достигнуть можете, и паче где своевольные гайдамаки произвели уже свои грабленія и насилия и где не престають сами польские обыватели от возмутительных свирепых наглостей против своих господ. Вы уже мне объявили, что от *польских шляхтичей* были к вам просьбы об усмирении взбунтовавшихся крестьян». И с тех-то пор русский народ уж больше не бунтовал против ляха: лях теперь стал бунтовать против русского правительства...

Умер последний (по имени) из гетманов, Кирила Разумовский; в Украине в 1765 году введено генерал-губернаторское правление, а спустя десять лет уничтожена и Запорожская Сечь. Братства, служившие доселе опорой народности, исчезали окончательно; старинные меды сменялись питьем горилки. Оставался еще мед, называемый воронком, но и он в 1807 году найден сильным, как и самое горячее вино, и запрещен повсеместно.

Свобода винокурения становилась теперь правом одного лишь ополяченного дворянства, для которого, по его собственным словам, винокурение было единственным продовольствием, служило единственно для удовлетворения необходимых потребностей жизни. Помещики, и прежде падкие на откупа, теперь откупали целые города. В 1801 году в записке депутатам, благодарившим Александра I за утверждение во всей силе дворянской грамоты, украинские дворяне снова повторяли, что на основании таких-то параграфов Статута «малороссийское дворянство почти единственный для содержания своего на службе и государственные надобности доход имеет от винокурения и продажи вина», и поэтому просили уничтожить сделанное в прошедшем году распоряжение Сената, «чтобы горячего вина продажи не чинить русским людям на 150 верст от границ прикосновенных губерний», угрожая против дворян, что допускающих такую будут судить, «яко корчемников и ослушников». Указом 1763 года велено было продажу вина по городам обратить в пользу магистратов; но в городах и около них находилось много помещичьих имений, и вот дворяне жалуются теперь, что городские думы, «имев препорученность взять в свое распоряжение винную продажу, в пользу городов предоставленную, заключенными с откупщиками контрактами, без изъятия помещиков и им принадлежащих имений, отъемлют всю свободу и *вольность* живущим в оных пользоваться в полной мере собственностью своею». То же заискиванье в пользу своей шляхетской вольности повторилось, как мы увидим, в 1863 году при уничтожении откупов.

В Белоруссии указами 1772 и 1782 годов сидка вина, а также производство пива и меда предоставлены одним помещикам. Все корчмы, принадлежащие дворянам, оставлены на тех местах, где они находились;

новые же корчмы позволено заводить с разрешения губернаторов, «наблюдая при этом, чтоб она были при больших дорогах и при церквах». В городах введены откупа, и откупная система была распределена так, чтобы с каждой головы, внесенной в поголовный список, казна получала не менее 1 рубля 50 копеек, и затем уже магистраты назначали сами, за сколько и как дозволить продажу. Указом 1783 года право продажи вина в селениях казенных предоставлено казне, а в частных — помещикам. Во всей юго-западной Руси за польско-русскими помещиками утверждено *право пропинации*, продолжавшееся до наших дней и уничтоженное волей царствующего государя¹.

Бывшая Слободская губерния пользовалась свободой винокурения до 1805 года. В 1805 году в Киеве винные сборы отданы на откуп, а на следующий год откуп распространен был и на соседние губернии. Манифестом 1810 года подтверждаются все помещичьи привилегии на свободное винокурение, и юго-западные губернии поэтому получают название привилегированных (Черниговская, Полтавская, Харьковская, Ковенская, Гродненская, Виленская, Минская, Могилевская, Витебская, Волынская, Подольская, Киевская, Екатеринославская, Таврическая, Херсонская и Бессарабская области). В городах и селах заведены откупа. Одна, относящаяся к этому времени, записка говорит, что тюрьмы городов, пограничных с Финляндией, с Остзейскими и от Польши возвращенными губерниями, переполнены были корчемниками: «Их дерзость доходила до того, что они сотнями с огнестрельным и холодным оружием вступали в драку не только с откупщиками, но и с воинскими командами». Наконец, в 1815 году все *черкасы* оставлены во владении тех помещиков, за кем они были записаны

¹ «Русское слово». 1861. № 5. С. 1.

по ревизии 1782 года. В Украине появилось крепачтво, то есть крепостное право, тем более страшное, что рядом с рабовладельцами из поляков были и жиды, и иезуиты... В одной Гродненской губернии 46 жидов имели в своем владении 19 438 душ обоего пола, называвшихся теперь крестьянами. Иезуиты владели в Белоруссии именьями с населением в 13 500 душ.

Польско-русские помещики пустились в откупа, настроили себе винокурен: народ в пользу помещика пропивал все, что имел, а помещики пропивали все, что получали от народа. Еще Маркович (1696–1770) в своих записках аккуратно отмечал все подробности этого разгула, охватившего всю юго-западную Русь, отмечал ежедневно: «подпяхомъ, гораздо подпяхомъ, зѣло подпяхомъ, праздновали съ шумомъ пьянственнымъ, лики со тимпаномъ были – насилу ушоль, разь охотившись – подпяхомъ, подпяхомъ до утра, подпяхомъ съ дамами, подпили больше прежняго, куликали, были подпили, куликовали, подпяхомъ отчасти, водковали зѣло, подпяхомъ жестоко зѣло» и пр. и пр. Так текла помещичья жизнь с конца XVII века и до наших дней. Чужбинский рассказывал следующее о жизни полтавских помещиков в 40-х годах текущего столетия: они составили общество пьянства под названием *общество мочемордия*. Члены, смотря по степени заслуг в пьянстве, носили титулы *мочемордия*, *высокомочемордия*, *пьянейшества* и *высокопьянейшества*. Наградями были у них: *сиволдай в петлицу*, *бокал на шею* и *большой штоф через плечо*. Все горячие напитки считались достойными питья, но существовало условие, что чистый *мочеморда* для поддержания чести общества никак не должен употреблять простой водки, а непременно хоть какую-нибудь настойку Старшиной в одно время был В. А. 3-ий, носивший титул *высокопьянейшества* и имев-

ший большой штоф через плечо. Из сведений, объявленных Правительствующим Сенатом на откупных торгах 1858 года, видно, что во всех привилегированных губерниях в 1852 году оплачено акцизом вина 18 376 876 ведер, спирту 453 279 ведер, доходу получалось ежегодно от акцизного откупа 10 271 674 рублей, от чарочного – 5 363 326 рублей, всего – 15 635 000 рублей.

Как бы то ни было, а Украина отстояла свою стародавнюю корчму (в Гетманщине – *шинок*, за Днепром – *корчма*), а между тем на северо-востоке кабаки распространялись все дальше и дальше.

Глава XX

Распространение кабаков в XVIII веке.

Откупная система

Московскому государству, лишённому народной опоры, идти было некуда, и оно расшатывалось, как выражаются современные памятники. Это заметил еще Иван Грозный. Уничтожив вольные общины Новгорода и Пскова, он думает восстановить падшие давно общины великорусские, велит в городах и волостях определить старост, сотских, пятидесятских и десятских и полагает «заповедь страшного и грозного запрещения, чтоб им, выборным, судить разбой, воровство и всякие дела, а бояр и вельмож и всех воинов устраивает кормлением и уроками праведными». Но ни земские учреждения Ивана Грозного, ни даже его позволение *откупаться* от властей не подняло упавший дух русской земли. Дела шли хуже и хуже. Начало царствования Петра (1702–1719) также ознаменовано было обращением к выборному началу, в первый раз в 1699 году в поручении всего земского управления земским *бурмистрам* и потом – в определении

дворян в приказные избы по выборам для решения всяких дел вместе с воеводой. Народ между тем продолжал нести жестокое крепостное право, завещанное Московским царством. Петр в 1722 году укорял мелкое шляхетство, что оно продает людей «врознь, как скотов». Народ обращен был в скотов еще в Москве. Описывая московскую жизнь, московские люди замечали между прочим и ругательство над народом: «Всякъ лѣнится учиться, вси шапать торгованія, вси бѣгають рукодѣлія, вси поношаютъ земледѣлателямъ». Эти поносители учили прямо, что «рѣчь народная безчестить рѣчь книжную». Древнеславянский *муж* получает в Москве бранное имя *мужика*, которое переходит в это время и в Малороссию, и брань *Подлинный ты мужик*, повторяясь чаще и чаще, сокращается в новое, модное в XVIII веке слово *подлый*, прилагательное ко всему народному: народ – *подлые люди*, речь народа – *подлая речь*. «Пьянство, – писал Болтин, – вовсе истребишася въ обществѣ людей благородныхъ, а *подлые люди* и понынѣ пьяныхъ напитков употребляютъ». Имя *человек*, высокое по понятию народа (малороссийское *чоловік* – *домохозяин*), спускается до названия холопа, лакея: общественное название *лакеев* – *человек, люди*. Вообще слово *люди*, служившее некогда названием всего народа, получило с этого времени какое-то злое значение: «Люд! Экой люд!»

Общество, отвернувшееся от народа и покинутое им, разделяется на несколько групп. Одна, скинув с себя татарские *ферязи* и *кафтаны*, сначала ополячивается (шляхетство), потом французится; другая – измышляет себе новую антихристову веру, говорит, что мощеная улица – антихристов путь, и что Петр и митрополит – антихристы, и что вне двуперстия нет никому спасения... Под этими влияниями слагается на Руси так называемый XVIII век.

Осьмнадцатый век и в деле кабаков открывается подражанием польскому: через Польшу переходят *бурмистры*, управлявшие кабаками, и *фартины* (от *кварти*) – питейные дома. Харчевни, заменившие корчмы, были отданы на откуп. Теперь дело дошло до постоянных дворов. В 1704 году велено было описать в Москве постоянные дворы; но в том же году вышел новый указ: «Постоялые дворы все отписать на великого государя и, оценив, отдавать на откуп, а хозяевам деньги за те дворы дать... по оценке». Как видно, при исполнении этого указа встретились затруднения, и в следующем году велено было «постоялым дворам быть по-прежнему за хозяевами, а имать с них с постоя четвертую долю». В этом же году в Москве и во всем государстве, в городах и пригородах, на торжках и ярмарках отданы были на откуп «всякого чина охочим людям» сусленые, квасные и уксусные промыслы. Этот новый откуп доставлял казне самую ничтожную прибыль. Так, в Новгородской губернии с 1727 по 1731 год квасные, сусленые и уксусные промыслы были на откупу за 194 рубля; в 1735 году в Новгороде – за 74 рубля, а в Вологодской провинции – за 75 рублей $\frac{3}{4}$ копейки. Откупщики, не находя прибыли, отказались от откупа, и новгородская губернская канцелярия велела собирать оные сборы верным сборщикам; но новгородское купечество подало жалобу, что за отлучками-де к тем сборам в дальние места, «купцы от домов и от торгов отстали, и пришли во всеконечное разорение, и что во всем Российском государстве, кроме Новгорода, квасу и суслу везде имеется вольная продажа, отчего купечество, а паче скудные и малотяглые, получают себе прокормление». Получив эту жалобу, стали справляться с законами и нашли, что 30 апреля 1654 года всякие съестные и харчевные промыслы, и в том числе сусло и квас, на откуп отдавать не велено, а потому сбор

с сула и кваса уничтожили, и запрещено было продавать одни квасы пьяные. Несмотря на это ограничение, квасной сбор продолжался. В 1741 году в Нижнем Новгороде и в Нижегородском уезде квасных и уксусных сборов, собираемых верными сборщиками от купечества, было 506 рублей 43 $\frac{1}{2}$ копейки. В 1741 году эти сборы велено было отдать на откуп.

В 1700 году всем питейным делом заведывают бурмистры, которым приказывают, чтоб частные винокуренные заводы были описаны и у тех, кто курит вино без указов, отписывать винокурни в казну. Бурмистры, несмотря на то, что выбирались целым городом и считались земскими, в отписках своих к государю называли себя не иначе, как холопами, и вот им послан был указ: «Как смеете вы писаться *холопами*, тогда как наперед сего писались *сиротами*, и кто после этого будет писаться холопом, того *будем бить нещадно*». Бурмистры в то же время знатно воровали казенную прибыль. Известный Курбатов, сам воровавший не меньше других, в октябре 1706 года писал государю: «За градскими *бурмистры* премное воровство чрез мое бедное усердие сыскано. В одном Ярославле украдено 40 000 рублей, а на псковичей Никифора Ямского и Михаила Сарпунова доносят, что во время шведской войны украдено ими пошлин и питейной прибыли 90 000 рублей и больше». Другой фискал, Нестеров, тоже доносил в 1712 году, что от бурмистров и ларечных «с прочими служителями явилось многое воровство и кража казны и взятки». Между тем строгости были немалые, доходившие до того, что по кабакам заведены были *дестевые тетради*, и в те тетради велено было записывать поденно и понедельно винные браги, и сколько в какую брагу какого хлеба и иных припасов изойдет, и сколько ведер вина выйдет, и по чему в ведра, и в полуведра, и в четверти, также в кружки и чар-

ки продано будет. Приближавшемуся всеобщему откупу в 1705 году на вино предшествовали откупа на рыбные промыслы, на соль, на табак. В 1708 году уничтожены частные винокуренные заводы в Московском уезде. В 1707 году по всему Поморью у приходских церквей, и у церковных приказчиков, и у всяких людей велено отписывать винокуренную посуду, кубы, котлы, казаны, вообще приказано было уничтожить частное винокурение со всякой жесточью, чтоб сторонними воровскими тайными продажами не было государю помехи и убытка. И в самом деле, целовальники доносили, что с отбором посуды в важенских и устьянских волостях питейной казне учинилось немалое пополнение.

Питейный откуп открывал свое действие с сел и деревень. В 1705–1708 годах в волостях и селах питейные сборы, где их было от 100 до 1000 рублей, отданы на откуп купеческого чина людям, с платой в казну и в ратушу за таможенный ящичный сбор против больших сборов вдвое, за питейный сбор новоуравнительные, и с винной продажи поведерные пошлины, и иные сборы, против больших же сборов, с торгу и с наддачи на год, и на два, и на три года, *а в откупе давать торг на Москве*; вино, пиво и мед продавать по указным ценам, а в новозаведенных торжках, где доселе вино в ведра не продавали, и теперь не продавать для того, чтоб «от той ведерной продажи в настоящих городах на отдаточных дворах умаления не было».

Откупщики, которые также назывались бурмиистрами, лишались права запрягать вино, а должны были покупать его из казны. Когда распоряжение это получило всеобщую известность, то дворцовые, монастырские и архиерейские крестьяне (господские не имели уже никакого значения) били челом об отдаче им на откуп питейных сборов. Челобитье крестьян не было принято, и

велено было отдавать сбор с торгу знатным и правдивым и зажиточным людям. Приходит роковое время завести откупа во всем государстве, и для этого в указе 1712 года предлагают способ ввести их постепенно, мало-помалу... «Как вино, – говорит указ, – так и прочие вещи надлежит отдавать на откуп, однако ж сие главное дело надлежит делать помалу, дабы не потерять сборов, таким образом, что сперва один или два города, которым отдать на подряд, то есть что собирается с кабаков и таможен, чтоб те сборы они платили и ведали сами, и продавали, и на откуп давали (во вторые руки), как они знают. И когда так в одном или в двух местах оснуются, то и в прочих по сему поступать, а между тем ведение со всего государства»... В декабре того же года по случаю свейской войны в Московской губернии во всех городах, селах и волостях питейные сборы отданы на откуп знатным Московской губернии купеческого чина людям.

Но в 1714 году по случаю тягостных военных нужд велено было Сенату: «Кабацкие и оброчные сборы положить в каждом городе на купечество по большому окладу, а откупы и счета отставить, и от дворового, и с крестьян, и с купечества сбору отличить и собирать особо». Фискал Нестеров предлагал в это время произвести уравнильный набор в следующем виде: «Собрав в одно место списки наличных людей всех губерний, выложу от них особо таможенные, кабацкие и другие оброчные, *всегда, кроме народа, надежные сборы*, остаточный, положенный по табелям оклад росписать, почему из того оклада достанется по расположению во всякой губернии на всякого человека». В 1715 году еще раз многие частные винокурни обращены в казенные и те, которые остались в руках владельцев, подверглись подробной описи; но на следующий год снова дозволено было свободное винокурение.

В конце 1717 года учреждена Петром Камер-коллегия, или (Коллегия) казенных сборов; президентом ее назначен был киевский губернатор князь Дмитрий Михайлович Голицын. В ведомство Камер-коллегии поступило питейное дело.

В это время жил еще знаменитый крестьянин подмосковного села Покровского Посошков (род. 1670), занимавшийся питейным делом и писавший политико-экономические сочинения о нуждах России. В 1719 году он подал просьбу князю Голицыну о позволении построить винокуренные заводы и взять водку на подряд; но ему отказали, да еще посадили его в тюрьму. Потом он занимался водочным делом в Москве на Каменном мосту, но здесь наделал долгов и опять стал просить позволения *делать водки* в Санкт-Петербурге и Ингерманландии. На докладе об этом ландрихтера Корсакова 21 марта 1708 года Меншиков написал, что Посошков «причинился в ратуше в воровстве». Клевета ли это была Меншикова, который и сам был нечист на руку, или отчасти правда, как можно было б догадываться из предсмертных распоряжений Посошкова, во всяком случае это не помешало ему в 1710 году сделаться в Новгороде *водочным мастером из жалования*. Жизнь его кончилась тем, что, просидев долгое время в Петропавловской крепости, он там и умер 1 февраля 1726 года и, по распоряжению Тайной канцелярии, погребен у церкви Симеона Странноприимца.

Главное управление питейными сборами перешло из ведомства полицейской канцелярии в Камер-коллегию в Петербург с 1719 года, а в Москве с 1722 года. «Камер-коллегия, – писал в 1776–1777 годах князь Щербатов, – находится в Москве и имеет свою контору в Петербурге. Должность сей коллегии состоит в сборе с винных откупов. Сия коллегия учреждена Петром Великим и никогда

на хорошую ногу поставлена не была, да сие и неудивительно, ибо большая часть ее президентов более старались показать государю приумножение доходу и тем выслужиться, а притом и себе прибыли от откупщиков получить, мало прилагали попечения о приведении ее в добрый порядок». В 1719 году было объявлено, что кто захочет в 1720 году в Санкт-Петербурге, и в Москве, и в губерниях, и в городах «ставить на кабаки подрядом вино двойное и простое, и водку без усушки и без утечки, мед, солод и хмель, и оные бы являлись и подрядные свои цены объявляли в Санкт-Петербурге в Камер-коллегии, а в губерниях – губернаторам, воеводам и камергерам». Губернаторам позволено отдавать таможни и кабаки на откуп на четыре года суммой до 3000 рублей. 13 апреля 1722 года вышел указ о бытии целовальникам из бородачей. Питейный доход в 1722 году представлялся в следующем виде: с кубов – 11 512 рублей, от винной регалии – 956 970 рублей и с кабацких и таможенных сборов, отдаваемых откупщикам, – 226 468 рублей.

В 1722 году кабаки отданы на откуп на четыре года. Брать откуп позволено только знатым людям купеческого чину, помещикам и иностранцам (грекам), а крестьянам запрещено на том основании, что из них набираются драгуны, солдаты и рекруты и, кроме того, они нужны для построения Петербурга. Крестьяне были уволены даже и от выборов в кабацкие должности и заменены драгунами и дворянами. До 1726 года в Белозерском уезде было 34 стойки, на которых собирали деньги выборные крестьяне, а так как велено было заменить их драгунами и солдатами, а эти еще не явились туда, то сделано распоряжение, чтобы пока к кабацким сборам, как в городах, так и уездах, на кабаки и на стойки, где отставных офицеров, солдат и дворян не определено, определять из купеческих людей и только в крайней нужде выбирать

дворцовых, черносошных и монастырских крестьян. Исключение было сделано для крестьян в Поморье, где в 1738 году за умалением в Олонце и Архангельске купечества, обязанного заниматься питейными сборами, некому было собирать питейную прибыль. В 1731 году еще раз подтверждали, чтобы крестьян ни в откупы, ни в подряды никуда не допускать, «кроме найму подвод и судов и каких-либо работ». Только в 1770–1771 годах сделано было исключение, что крепостные могут вступать в откупа по поручительству своих владельцев.

Еще при Петре (1716), потом при Анне Иоанновне (1731), при Елизавете (1755) и, наконец, при Екатерине постоянно подтверждали, что право винокурения принадлежит одним помещикам, великорусским и малорусским, русским и полякам. Помещики занимались в деревнях приготовлением наливок и продавали их. В 1765 году это им было запрещено и потом опять дозволено, но с 1767 года право наливки окончательно перешло к откупщикам и было подтверждено целым рядом указов и постановлений. До сих пор и у господ, и у крестьян наливки были необходимой потребностью жизни. Откупа, стесняя пивоварение, медоварение, ввели в употребление водку (пенник), которую пили, настояв ее ягодами и травами, и отсюда возникли травники, настойки и наливки. Употребление *травников* было общеизвестно на севере и на юге. С 1726 года сделался известным травник *ерофеич*, названный так по имени цирюльника Ерофея, который вылечил этим травником графа Орлова. Маркович упоминает (в 1726 году), что он составлял рецепт на *декокт посполитый*, и во время похода в 1737 году он заметил: «Елексирь секретный на разные болѣзни с ингрѣдиенціей составил, наливши можжевеловою водкою». Подобным образом лекарь Трофимовский, живший в Полтавской губернии

на правом берегу Псла, оставил народу в память о себе целебную настойку из трав, названную по имени его *трофимовкой*. Наконец, еще недавно пользовались известностью: в Лубнах – настойка *августиновка*, составленная медиком Августиновичем; в Ромнах – настойка помещика Новицкого, в Нежине – помещика Гжемайла.

Но с 40-х годов текущего столетия исчезают и последние следы домашнего приготовления травников, наливок и настоек, сменившихся так называемой *очищенной*... Винокурение иногда совершенно прекращалось, как, например, в Воронеже в 1736 году и в Малороссии в 1738 году. В 1750 году вовсе запрещено было курить вино в губерниях Московской, Смоленской, Новгородской, в которых в тот год мало родилось хлеба, но вскоре опять было разрешено, с условием привозить хлеб для винокурения из других хлебобродных губерний. Подобное распоряжение сделано было в губерниях Могилевской и Полоцкой. Для иностранцев, распоряжавшихся тогда русским народом, доход с вина составлял нечто вроде награды или милости. Знаменитый Миних в своих *кондициях* 1727 года, на которых он решался служить России, униженно просил императрицу, чтобы ему дан был знатный чин фельдцейхмейстера и чтоб за работы по Ладожскому каналу ему даны были прибыли *с вина, с табаку и кабаков* и так далее.

Развитие откупов, стеснение пиво- и медоварения вызывало по-прежнему увеличение корчемства. Курбатов, донося в 1705 году, сколько кем украдено казенных денег, прибавлял: «Моим бедного усердием в нынешнем году в Москве одной над все годы от новопостроенных аптек, и что *истреблены корчмы многия*, со 100 000 рублей питейныя прибыли будет». Он вынул корчемное вино у первого разрядного подъячего Топильского, который находился у боярской книги: подъячий торговал

вместе с женой в ведра и скляницы, продал до 400 ведер, и много еще успели запечатать. Вино это он добывал от дворян вместо взяток за разные обделанные им дела и таким образом в два года получил с них до 1500 ведер вина. При Камер-коллегии учреждена была *корчемная команда*, перешедшая потом в ведомство полицейской канцелярии. Около Петербурга и на Ладожском озере для искоренения корчемства учреждены были заставы, охраняемые воинскими командами. С этой же целью Москву окружили *надолбами*, но их скоро растаскали, и в 1740 году предложено было Камер-коллегии окопать город валом. Вал сделали, назвали его Камер-коллежским, и с наступлением следующего откупа откупщики, называвшиеся с 1732 году *компанейцами*, приняв вал в свое заведывание, прозвали его Компанейским и по всему протяжению его расставили солдат. Наши деды и даже отцы помнили хорошо, как, бывало, всякого, кто бы ни перешел через Камер-коллежский вал, тут же раскладывали и пороли плетью. Даже на наших глазах, когда этот вал не имел уже большого значения в откупных интересах, казаки все-таки продолжали ловить всякого, кто только через него переедет, и драли его нагайками или же брали с него контрибуцию. В 1776 году Камер-коллежский вал развалился, и откупщики Бородин, Семенов и Устинов обратились к правительству с просьбой о починке вала, обязавшись вносить для этого по тысяче рублей. Вал починили, а с откупщиков взяли подписку о взносе этих денег и на будущее время, и с тех пор московские откупщики с каждым новым откупом должны были вносить губернатору по тысяче рублей на поправку вала.

Верховный тайный совет, учрежденный в 1726 году, составлял нечто вроде старой Боярской думы, вмешивался в питейное дело и таким образом, отнимая власть у Сената, вносил в коллегиальное управление новую пута-

ницу. И Камер-коллегия, имевшая прежде обширное значение, теперь должна была сократить свою деятельность и сделалась только сборным пунктом доходов. Указом Верховного тайного совета 24 февраля 1727 года велено было кабацкие сборы отдать на магистраты, чтоб они известный оклад с откупов платили по третям года безо всякой доимки, и к тем сборам определять им, кого знают, а если определенной суммы не выберут, то взыскивать ее на магистратах и бургомистрах; лишнее же, что выберут сверх оклада, оставлять им на общую пользу городовую; магистраты же по-прежнему подчинить губернаторам и воеводам. Но один магистрат доносил, что кстати поручить бы воеводам и питейные дома или же передать их в Камер-коллегию. Было решено тем, что в Петербурге питья и прочие припасы подряжать Камер-коллегии, а в провинциях – магистратам и бургомистрам, *«под смотрением губернаторов и воевод; и которые кабаки на откупах, и ежели те кабаки пожелают взять другие откупщики, и то оставлять на волю магистратов»*. В Москву на 1728 год требовалось вина 250 000 ведер, и сенатской конторе предписано было, чтоб при подряде она смотрела за Камер-коллегией и акцизной камерой. В октябре 1728 года велено было в Москве *пивную и медовую продажи* в тех кабаках, где до того производилась казенная продажа, отдать на откуп или на ратушу, и чтоб для продажи вина откупщики и ратуша определили в каждой улице известное число домов (всего триста), *«дабы излишних сверх довольства не было»*.

В Петербурге при торгах на откупа на 1731 год питейные сборы, как и в Москве, велено было возложить на ратушу и купечество, и чтоб устроить это дело как можно ловчее, вызван был в Камер-контору некто Медовщиков, бывший в 1728 году бургомистром. Этот Медовщиков, когда после его бургомистерства в 1729 и 1730 годах были

недоборы, доносил на новых откупщиков «в упущении питейного сбора и в помешательствах». Теперь призвали его, чтобы «там в собрании к тому сбору купечества показать свое прилежное старание, ища его императорскому величеству прибыли, как он уже в помянутом годе в питейном сборе немалый приход учинил». В 1732 году питейные сборы отданы в компанию охочим людям и откупщики стали называться компанейцами. Московские компанейщики обязаны были «за водочный, винный и пивной сборы отдавать против оклада 1723 года по 249 175 рублей в год, а кроме того что приберут в казну половину, а другую взять себе за труд и смотрение».

Продолжал еще существовать *отдаточный двор*, зависевший от Камер-конторы и получавший вино от подрядчиков; но вина в нем было немного. В 1740 году, за малым имением здесь, на отдаточном дворе, в наличности вина, велено было отпустить для дворцовой конторы вместо двух тысяч ведер только пятьсот. Управителем на петербургском отдаточном дворе был подпоручик Болкошин, при котором со двора тайно вино провозили, якобы взятое из казны для продажи на кабаки. Вино показывалось в усушке и в утечке – словом, велось корчемство. Таким образом, казна собирала питейную прибыль сама, посредством выборных, сидевших в ратуше, и посредством откупщиков; последние для казны были выгодны и скоро должны были сделаться полными господами питейного дела.

Всеобщее негодование, возбуждаемое откупщиками, сказалось в замечательном доносе, поданном Анне Иоанновне на откупщиков и компанейщиков, *расхищающих казну и спаивающих народ*. «Петр Первый, дядя ваш, – говорил донос, – по примеру других государств завел, чтобы таможенные и питейные сборы отдавать охочим людям на откупы, и то-де весьма не усмотрено,

но паче же утрачены великие интересы, по силе российских таможенных уставов, понеже внутри российского великого государства наполняются таможенные сборы и питейные продажи своими природными российскими народами, а не яко в пример тех государств малых владельцев или во указательство от них великому российскому таможенному уставу, понеже в тех немецких землях наполняются таможенные сборы и питейные продажи иностранными народами, которые, проезжая, обогащают откупа, без вреда народу, и в тех государствах своему природному народу никакого разорения и обиды не бывает, а те таможенные сборы и питейные продажи всегда собираются в вольности. А ныне великого российского государства, между откупщиками и верными присяжными людьми, учинилось в сборах великое помешательство и трата великая интересу; неусмотрением Высокого сената *продано все земледельчество и купечество* без положенных цены, первое – на расхищение великого интересу Вашего императорского величества, второе – *на разорение и великое разграбление всего народу* откупщикам и компанейщикам. Похищают явно великий интерес Вашего императорского величества злодейственными своими и воровскими умыслами, наносят на оные города великие сборы, вражеством своим приводят народ к душевредству и великому непостоянству, отчего имеется в купечестве великая безторжица. И оные откупщики и компанейщики являются своим промыслом, якобы великие доброхоты и исполнители интересу Вашего императорского величества, а они злодейством своим и великим пронырством делают великие ущербы Вашему императорскому величеству, вникнули в народ, яко ядовитые змеи, пресыщающие лестию, гоняще народ к великой нищете и вечной гибели такими видами; как в Москве, так и во многих городах расширяют и умно-

жают множество кабаков, так в селех и в деревнях для своих плутовских и великих прибытков. Первые язвы от того – пьянство: обленилися множество народу, вступили в блуд, во всякую нечистоту, в тяжбы, в убийство, в великие разбои и ослепота пребесконечно, начаша творити блуд содомской, не знающе ни воскресного дня, ни господских праздников, и от того уродися и умножися семя нечестивое, от того многая тысячи дельных и годных людей на всякие службы смертию казнены, а других множество народа бьют кнутом и посылают на вечную работу; иных множество простого народу в пьянстве умирает безвременно; простого народу и всяких чинов люди в компаниях великих пьянствах невежествы своими поздравляют Ваше императорское величество, наливают покалы великие и пьют смертно, а других, которые не пьют, тех заставляют силно, (патриоты) и многих в пьянстве своем проговариваются, и к тем праздным словам приметываются приказные и прочие чины, и от того становятся великие изьяны... Стало между всеми городами в сборах великое помешательство: где откупы – тут необычные приборы; где верные города – тут великие недоборы, и от того всему купечеству великая вреда и крайняя нищета, и со оными откупщиками и компанейщиками во всяких службах Вашему императорскому величеству великое несогласие». Затем донос ссылался на царскую грамоту 1654 года апреля 30 об уничтожения кабацких откупов, положенную в соборной церкви Успения Пресвятой Богоматери под престолом Господним, которая «таковых откупщиков и компанейщиков, воров и злодеев, хищников и миру досадителей проклиняет». Поэтому доносчик просил государыню ввести старинную продажу вина на вере. То было запоздалым требованием: сборы на вере, вместе со всей старой жизнью, выходили из обычая. От них оставалось одно лишь те-

плое предание народа о грамоте 1654 года, положенной под престол храма Успения Богородицы.

Погибшее навек право собирать на вере сменилось теперь повсеместным откупом на самых выгодных кондичиях. В Клину и уезде питейный оклад был 599 рублей 72 $\frac{1}{2}$ копейки. В 1715–1718 годах клинские откупщики платили таможенных и кабацких денег по 1659 рублей 56 копеек; в 1718–1721 годах – по 1876 рублей 62 $\frac{1}{2}$ копейки; в 1725–1729 годах за одни кабацкие сборы платили уже 1506 рублей 29 копеек; с 1729 по 1739 годы кабацкие сборы находились в ведении верных сборщиков, и у них явился недобор, даже против оклада, и в 1739 году московские купцы Иван Алексеев, Степан Яцкий и Афанасий Колесников взяли клинские кабацкие сборы за 892 рубля 85 $\frac{1}{2}$ копейки. Для исправления Ладожского канала с 1727 года отданы на откуп ладожские кабацкие сборы, и по всему каналу, на всякую сторону, считая по одной версте, велено быть кабакам и состоять в ведомстве канальной канцелярии. Пиво, мед и буза отдавались на откуп отдельно от водки. В 1742 году Долгов взял в Ладогe и в Шлиссельбурге по каналу винную питейную продажу в откуп на четыре года по 1457 рублей в год, надав против бывшего откупа 50 рублей, а против оклада по окладной в Камер-коллегии книге 1633 рублей 48 $\frac{3}{4}$ копейки в год. Но товарищ Долгова, купец Раков, от откупа отказался, и откуп был оставлен за прежним откупщиком Пановым со товарищами – купцами Истоминым и Солодовниковым.

Из дел доимочной комиссии оказалось, что чиновники распоряжались откупами, как хотели, что суды, секретари и прочие канцелярские служители «откупы противу указов чинили», откупщикам из казны деньги по контрактам и вексялям неосторожно выдавали, и на чиновниках поэтому оказались большие недоимки;

но они сложены по всемилостивейшему указу 15 декабря 1741 года. В ноябре 1741 года малолетний Иван VI (Антонович) свергнут с престола и Елизавета была провозглашена императрицей. Она застала откуп в полном ходу и довершила его развитие. Откупами занимались даже церковнослужители. Казенные откупа, отданные ратушам и от них уже переданные откупщикам, были освобождены от вмешательства губернаторов и воевод, судей и приказных. Петербургские питейные сборы отданы на откуп на семь лет. Питейный доход в 1749 году, при различной в разных местах цене на вино, доходил до 1 786 955 рублей, а с 1750 года, при одинаковой цене в 1 рубль 88¹/₂ копейки серебром за ведро, дошел до 2 666 909 рублей. Опять стали замечать, что слово *кабак* производит омерзение, и 18 ноября 1746 года велено на выставленных при кабаках досках надписывать: *питейный дом*, именуя его *казенным*. Если откуп мог действовать с такой свободой в центре государства, то что же делалось где-нибудь в Сибири? Откупа в Сибири состояли в ведении сибирской губернской канцелярии, которая объявляла торги, заключала условия и заведывала выборными целовальниками, которые оставались еще по городам. В 1745 году в Сузгунском и Кундушском заводах вино простое и двойное курили ларешные Лапин и Мухин; в Березове в 1744 году винная продажа отдана на три года в откуп Михаиле Корнильеву с платой каждый год по 1536 рублей 89 копеек.

Корчемство продолжалось, и вот после угроз конфискациями и ссылкой, объявленных в 1749 году, пробуют действовать милостью. В 1751 году велят корчемникам *вины отпустить*, разрешают всякого звания людям варить у себя в домах пиво и браги для домашнего употребления, «хотя бы и несколько человек сложились хлебом в один котел». В это время Елизавета

для того, чтоб окончательно уничтожить корчемство и соединенные с ним многочисленные следственные дела, а также чтоб доставить дворянству как сословию, преимущественно имевшему право участвовать в откупах, – вводит в государстве один всеобщий откуп, существовавший с тех пор в течение ста двадцати лет. Указом 1756 года дозволено было дворянам курить вино для домашнего употребления, но по чинам: чинам первого класса по тысяче ведер в год, второго – восемьсот, третьего – шестьсот и так далее до четырнадцатого, которым позволялось курить по тридцать ведер. Таким образом, подьячий, получивший классный чин, в экономическом отношении имел больше прав, чем любой городской житель или крестьянин! Питейный доход простирался до 3 450 043 рублей.

В Москве откупщиками были Михаила Гусятников и Сава Яковлев со товарищами. Ради уничтожения корчемства с 1751 по 1758 год позволялось помещикам и крестьянам варить пиво для домашнего употребления без платежа пошлин; но потом снова восстановлена была пошлина и в 1770 году отдана на откуп. Указом 7 июля 1758 года дозволено гофмейстерине, статс-дамам и фрейлинам, доколе они будут при дворе, выкуривать на свои домовые расходы по тысяче ведер вина в год. Правительству сделалось известным, что откупа приносят государству вред, и Екатерина в 1764 году учредила под председательством графа Фермора особую комиссию с целью приискать способы к улучшению питейных сборов; но комиссия сочла за нужное, по обстоятельствам времени, продолжить откупное содержание с тем только изменением, что подряд на поставку вина будет принадлежать самому правительству. Затем в предварительном указе 1 августа 1765 года о предстоящих откупах во всей империи, исключая Сибирь, ку-

рить вино дозволялось только дворянам, а больше никому. Всем же остальным позволено было покупать вино с питейных домов и запрещено торговать пивом, медом, пьяной брагой и квасом. Приглашают в откупщики охочих людей из купечества, обещают им монаршее покровительство, дают им шпаги, и государственный герб, и полную свободу «столько кабаков иметь, сколько сами захотят», а кабаки велят называть питейными домами, потому что «от происшедших злоупотреблений название кабака сделалось подло и бесчестно».

В видах уничтожения корчемства в том же году издан новый указ о винокурении. Несмотря на значительное увеличение цен на напитки, потребление их по кабакам увеличивалось год от году: в 1765 году доход от питейной продажи был 4 294 610 рублей, в 1766 году – 5 767 067 рублей, в 1767 году – 5 085 064 рублей. 1766 год был ознаменован одним необыкновенным событием. 13 декабря вышел наказ Екатерины, сзывавший всех на собор для сочинения нового уложения. «Дабы, – как говорила Екатерина, – потомки узнать могли, к какому великому делу они участниками были». Но издание Наказа несколько не изменило судеб русского народа. На следующий же год введен был в Сибири откуп на правила великороссийских губерний. Устроены были казенные заводы на четыреста тысяч ведер, и, кроме того, в этом же 1766 году сто семьдесят четыре поставщика поставили 1 853 456 ведер. Спустя некоторое время количество производимого казной вина оказалось недостаточным, почему винокурение было увеличено еще на двести тысяч ведер, а в 1789 году – на полтора миллиона ведер. Питейный доход в 1771–1775 годах простирается до 6 643 760 рублей в год; с 1775–1779 год – до 6 887 350 рублей. Откупщиком в Москве был в 1765 году надворный советник Роговиков.

В 1775 году уничтожены коллегии и введено новое Учреждение о губерниях. Питейное дело перешло в ведение казенных палат, где и оставалось в течение последующих восьмидесяти восьми лет. Сенат стал совершать контракты на подряды и откупа, а высший надзор за питейным делом сосредоточился в областях – в руках царских наместников, а в Петербурге – в ведомстве генерал-прокурора. В 1787 году учреждены *винные пристава из магазинных сержантов*, а в Тобольской губернии – из купцов и мещан; приказных служителей и сторожей в пристава определять не велено. Откуп охватывал Сибирь с ее инородцами, Белоруссию и весь Новороссийский край. В Тобольске и Таре с уездами питейные сборы с 1730 года содержат магистраты; в Тобольске кабачные сборы идут за пятнадцать тысяч рублей. Но в 1750 году являются в Сибирский приказ тобольский купец Павловский и тарский купец Шильников и просят об отдаче им в Тобольске и Таре с уездами всех кабацких, таможенных и канцелярских сборов в вечное содержание; а откупщики, тобольские купцы Корнильев с товарищами, просят эти сборы на откуп на четыре года. Приказ отдает Тобольск и Тару Павловскому и Шильникову, первый город за 25 207 рублей 95 копеек в год, а второй за 1895 рублей 11 копеек в вечное содержание. Кабак по-прежнему колол глаза, и в 1779 году еще раз велено было по кондициям с держателями питейных сборов вместо кабаков именовать их питейными домами. С 1779 по 1783 год откуп в Петербурге и Москве с «подсудственными местами», кроме Ладожского уезда, отдан за 2 320 000 рублей. Откупщиками в Москве были Голиковы. Питейный доход составляет 9 258 275 рублей. В Уставе о вине 1781 года поручают казенным палатам произвести во всех наместничествах торги на 1783 год. Вино должны запод-

рядить казенные палаты на казенных и частных винокуренных заводах и продавать его из винных магазинов; розничную питейную продажу производить из казенных питейных домов за узаконенную цену; казенные питейные дома заводятся в государственных имениях с разрешения директора экономии, а в помещичьих и владельческих – с согласия помещика и с дозволения казенной палаты; продажа в питейных домах на вере и на откупу; и в первых торгуют водкой, пивом и медом казенные сидельцы. На откуп отдается или один питейный дом, или несколько. Откупщики обязаны продавать питья за узаконенную цену. Но откупщики не довольны были этим уставом и просили о постройке вновь питейных домов, об отдаче им подвижных продаж в таких местах, где их прежде не бывало, об отпуске им сверх договорного добавочного вина и пр. Сенат признал эти требования несправедливыми и заметил, что откупщики, осмелев предложить столь несообразные ни с чем требования, обнаружили сим желание недозволенного обогащения. Питейный доход с 1783 по 1786 год увеличился от семи до десяти миллионов. С 1787 по 1791 год питейные сборы в Москве с уездом – на вере, а во всех других городах – на откупу. Казна отпускает откупщикам одно вино по три рубля за ведро, а пиво и мед, приготавливаемые нанятыми по договору пивоварами, продает из казенных питейных домов.

С 1795 года окончательно утверждена одна откупная система для всей империи, устроенная по проекту купца Кандалинцова, представленному Екатерине, по которому откупщики кроме выручки от продажи питей брали в свою пользу и выручку от продажи в питейных домах харчевых припасов. Дворянам дозволено выкуривать для собственного потребления по девяносто ведер в год. В четырехлетие от 1765 до 1769 года питейный доход

с великороссийских и сибирских губерний простирался до 16 899 917 рублей в год.

Таково было положение откупов в царствование Екатерины. Откупщик этого времени пользовался неограниченным правом, делал все, что угодно. В великороссийских губерниях, где до сих пор еще по старине пробавлялись пивом и брагой, а теперь была одна водка, вдруг появилось страшное пьянство, и в мире народных поверий возник и сложился образ Ярилы, бога водки, великороссийского Бахуса. Действительно, праздник Ярилы, почти неизвестный до половины XVIII века, теперь разом появляется в губерниях: Тверской, Костромской, Владимирской, Нижегородской, Рязанской, Тамбовской и Воронежской. 30 мая 1765 года в понедельник Петрова поста и в последний день празднования Ярилы в Воронеже на площади стояли бочки с вином, валялись пьяные, в это время является на площади епископ Воронежский Тихон, начинает кротко поучать любимый им народ. Народ его слушает, потом разбивает бочки с вином, и с тех пор праздник Ярилы навсегда прекращается в Воронеже. Но преосвященному Тихону подвиг этот даром не прошел. Откупщики донесли, что он смущает народ, учит его не пить водки и тем подрывает казенный интерес, а вследствие этого доноса в половине 1767 года Тихон должен был отправиться на покой. Народ, благодарный за доброе слово, проводил своего епископа со слезами, и впоследствии святой Тихон является одним из угодников, наиболее близких народному сердцу.

Вообще тогда было правилом, что при нарушении по какому-нибудь случаю питейного интереса не принимались никакие оправдания и следовали кары. В 1776 году архангельский магистрат был отдан в неволю военной команде за казенные на архангелогородском посаде долги питейного сбора и за штрафные деньги за не-

причащение Святых Тайн. Вся земля была усеяна корчемными конторами для преследования корчемников; пытать корчемников было запрещено. В 1751 году было поймано в корчемстве много нижних чинов, они были приговорены к наказанию кнутом, но Сенат велел остановить исполнение приговоров и сослать их в Оренбург. Корчемников то миловали, освобождая их от пыток и приказывая чиновникам взыскивать истину «следствием чрез сыски, доказательства и обыски», то жестоко преследовали, приказывая «чинить корчемникам пристрастные допросы и наказывать их плетьюми и палками, если они противу сделанных на них показаний станут запыряться». Корчемным сыщикам давали подробнейшие инструкции, учреждали в разных местах корчемные заставы, в том числе между Украиной и Великороссией, но корчемство не прекращалось: корчемствовали в каждом городе и селе, в каждом доме, в помещичьих и казенных селениях, в трактирных заведениях и ренских погребах. Екатерина в секретном наставлении Вяземскому признавалась, что в корчемстве столько виновных есть, что и наказывать их почти невозможно, «понеже целые провинции себя оному подвергли». Поэтому преследование корчемников обращалось в настоящую войну: полковые и съезжие двory получали предписания чинить «вспоможения откупщикам для поимки корчемников». При выемках совершались смертоубийства и раны. Общество XVIII века, по-видимому столь просвещенное и либеральное, обходило все это молчанием, и мало того, некоторые передовые люди того времени подсмеивались еще над простыми людьми, которые с самого начала враждебно взглянули на откупа. Один Щербатов с прискорбием заявлял, что винные сборы в Петербурге и Москве, простиравшиеся при Елизавете до 700 000 рублей в год, при Екатерине возросли уже до десяти миллионов. Знали

об этом и враги государства, и, например, Бениовский в 1771 году в объявлении, посланном в Сенат, указывал, что «служащий к общему пропитанию народному промысел вином и солью отдан на откуп немногим лицам».

Наступило царствование Александра I, получившее в наследство 259 958 неоконченных дел Камер-коллегии по питейным сборам. В 1810 году были учреждены министерства, и в Министерство внутренних дел перешло заведывание казенными палатами и вообще предметами государственного хозяйства. Откупщики поручены были особому покровительству губернаторов, и кроме старых льгот им предоставлено было право надзора за винокурными заводами, полная свобода открывать вновь кабаки, и даже кабаки негласные, по произволу переносить их на более выгодные места и вместе с тем дозволено учреждать при питейных домах в особых покоех харчевную продажу, а чтоб не было ей подрыва, «герберги низких разрядов уничтожить». Вследствие этого кабаки плодились неимоверно, и даже помещики стали жаловаться, что откупщики ставят кабаки «чуть не против барского дома».

По настоянию Департамента уделов в 1803 году были закрыты все питейные заведения в удельных имениях. Дошли слухи о непомерном размножении кабаков и пьянстве, и для рассмотрения дела был составлен комитет, который нашел, что «при допущенном размножении кабаков, *соблазн и развращение* происходят в них главнейше от заведения в особых этажах или комнатах под именем харчевен настоящих трактиров», и потому было положено для *обращения питейных домов к первоначальному их назначению (?)* содержать их не иначе, как в нижних этажах; и для того, чтоб откупщики *могли наблюдать* друг за другом, сделать два откупа, пивной и винный. Продажа того или другого напитка, говорил

устав, долженствует быть в одном питейном доме, «в разных токмо покоях, таким образом, чтоб вход в оные был один». Харчевная продажа должна производиться в самом питейном доме, а не в особых этажах или отделениях. Число питейных домов ограничивалось тем количеством, какое было в 1803 году при последней отдаче откупов в четырехлетнее содержание, и затем все прочее, с того времени вновь заведенные питейные дома и выставки, какого бы рода они ни были, уничтожались. Вследствие этого стали искать списки кабаков 1803 года, но их не оказалось в наличности. С 1807 года, с которого начинался новый откуп, запрещалось не только в казенных, но и в удельных и помещичьих селениях, даже по добровольным с помещиками условиям, заводить вновь питейные дома и выставки. Крестьянам позволено было для их обихода самим варить пиво, мед и брагу, а солдатам запрещено было ходить в кабаки и торговать водкой в казармах. Но, с другой стороны, не упустили из виду и интересы откупщиков. Откупщикам в каждой губернии велено состоять в особом покровительстве у губернаторов и во всех своих по делам откупа нуждах, не уклоняясь, впрочем, от установленного порядка, относиться прямо к губернатору, который, при каждом таковом случае, по долгу звания обязан был подавать откупщику руку помощи и доставлять справедливость.

Состоялись откупа с 1807 по 1811 год, и цены на торгах поднялись: винный откуп отдан был за 27 913 555 рублей, пивной за 1 273 172 рубля, портерные лавки за 149 118 рублей, всего же за 29 336 145 рублей. В марте 1809 года по представлению государственного канцлера Голубцова учрежден новый комитет для раскрытия злоупотреблений откупщиков, который и нашел, что «откуп портерных лавок, за исключением столиц, давал только 20 000 рублей, а между тем подрывал главный пивной

откуп, производя незаконный торг простым кабацким пивом». В 1809 году, объявляя откуп на срок с 1811 по 1815 год, оставляли по-прежнему два откупа, пивной и винный, и откупщики по-прежнему получали особые права. «Мы совершенно удостоверены, – говорил указ, – что дворянство и купечество, имеющие, по изданным от нас и предков наших узаконениям, право вступать в содержание винных откупов, первое же и поставлять в казну и откупщикам вино, на заводах и в поместьях оногo выкуриваемое, приняв новым опытом наши благоволения, даруемые ныне от нас обеим сим состояниям, столь знатные в промышленности сей выгоды, по представлению залогов и по ограждению прочих их имуществ и самой личности их от разного рода стеснений, обратят, при наступающих на винные откупа торгах, общие усилия к умножению польз государственных». На торгах откупная цена возросла с двадцати девяти до пятидесяти трех миллионов рублей. В это четырехлетие во многих губерниях питейные сборы, а вместе с тем и томские и тобольские винокуренные заводы содержал откупщик Евреинов, на котором к 1818 году накопилось недоимки до четырех миллионов. По делу оказалось, что он виновен в умышленном накоплении недоимок, но что имущества у него никакого не оказывается, кроме показываемого им, которое или ограблено, или сожжено, или в споре находится. Всего к 1818 году накопилось недоимок 18 400 000 рублей. На торгах 1815–1819 годов хотя и оставлено было старое число питейных заведений, но откупщикам дозволено было из существовавших тогда в окладе выставок обратить третью часть в питейные дома, «буде откупщики пожелают».

Одним из первых последствий этой меры был упадок пиво- и медоварения. Пивоварни, которые возникли уже по учреждении откупов, теснимые откупщиками

прекращали свои действия, и держались одни лишь немецкие пивоварни, явившиеся в начале этого столетия – Даниельсона, Казалета, Крона, Пелевана. По откупным делам возникали бесчисленные жалобы и споры, следствия и разбирательства, и откупщики продолжали позволять себе всевозможные злоупотребления. По сведениям, находящимся в Министерстве внутренних дел, откупщики Калужской и Орловской губерний, взимая при отпуске вина лишние деньги, продавали вино с обмером, примесью воды, в сосудах меньшей меры. Издавна заведено было, что в вино подмешивали дурман и другие ядовитые примеси, и вот теперь в Пермской губернии найдена в вине вредная примесь из мыла, меди и медной окиси. Дело о беспорядках по калужскому откупу восходило до Сената. Граф Гурьев восстал против откупов, и по его настоянию манифестом 1817 года откупа были уничтожены и введена казенная продажа вина. В кабаках установлено продавать: *вино* не ниже полугара по установленной продажной цене, *ерофеич* и *наливки*, без вредной примеси, с надбавкой на каждое ведро по 2 рубля; *водки*, *пиво* и *мед* – по вольным ценам; распивочная продажа в ренсковых погребах запрещена. Указом 9 мая 1819 года по представлению министра увеличено число питейных домов и выставок: в Московской губернии положено питейных домов 408, выставок 366, в Новгородской – питейных домов 511, выставок 92, в Смоленской – питейных домов 482, выставок 226. В Курской губернии при торгах на откупа с 1811 года было назначено питейных домов 1174, выставок 300. И теперь курская казенная палата предлагала увеличить число их, но министр решил оставить 1174 кабака и 298 выставок. На Владимирскую губернию казенная палата назначила питейных домов 351, выставок 1000, но министр уменьшил их до 500. *Размещение питейных домов возложено было*

на казенные палаты. Кабакам давали простор, а рестораны и харчевни стесняли (указ 1821 года). С содержания харчевни, занявшего в ней более того числа покоев, какое назначено, за каждый излишний покой (комнату), «хотя бы она занята была хозяином харчевни», взыскивалось сто рублей. В Москве с продажи в питейных домах закусок велено было в 1823 году взимать сбор, подобный установленному в Петербурге, то есть вполовину акциза с харчевен, а именно: в Белом городе – 375 рублей, в Земляном – 250 рублей, за Земляным городом – 200 рублей. Несмотря на увеличение числа кабаков, продажа водки упала, потому что пивоварение, освобожденное от гнета откупщиков, распространилось и считалось уже 877 пивоваренных заводов. В два года по введении казенной продажи вина открыто было 736 портерных лавок вместо 70, бывших при откупах.

Но выборных на вере, чтоб вести казенную продажу вина, давно уже не было в помине, и отставленные откупщики сменились теперь приказными и чиновниками. Чиновники стали заводить особые подвалы для корчемного вина и торговали им, а сами преследовали корчемство. В 1825 году во все земские суды прибавлено было по одному корчемному заседателю. Год назад снова сделано было распоряжение, чтоб воинские начальства оказывали пособия в поимке корчемников. Питейные чиновники через подставных лиц брали себе лучшие питейные дома, раздачу кабаков обратили в торговлю, и сидельцы по кабакам, обремененные поборами, совершенно заменили собой откупщиков. Народ пьянствовал по-прежнему. Карамзин, посетив в это время деревню, припоминал, что еще недавно жизнь народа текла более или менее по-прежнему, а новомодного пьянства этого еще не было. «Живо помня лета своего детства, – писал он в 1824 году, – помню и то, что прежде в одни большие

годовые праздники крестьяне веселились и гуляли, угощая друг друга домашним пивом и вином, купленным в городе. Ныне будни сделались для них праздником, и люди услужливые под вывескою орла везде предлагают им средство избавляться от денег, ума и здоровья: в редкой деревне нет питейного дома. К чести некоторых дворян, соседей моих, скажу, что они отвергают выгоды, предлагаемые им откупщиками, и не дозволяют заводить у себя питейных домов; но другие не так думают – особливо те, *которые сами в откупах участвуют*. Смею думать, что сей легкой и модной способ умножать свои доходы не согласен с достоинством благородного и великодушного патриота: ибо вижу многих почтенных людей, которые прибегают к нему без зазрения совести и хвалятся искусством в сем важном промысле.

Грабеж казны и народа, производимый чиновниками, и уменьшение питейных доходов обратили на себя внимание. Член Государственного совета князь Куракин говорил, что желательнее было бы уничтожение казенного управления питейными сборами, столь сильно расстроившего нравственность чиновников питейного сбора, кои, вопреки званию своему, участвовали неприличным для них занятием, по которому могли быть полезны в отечестве настоящей государственной службе и занимать приличные по чинам и званию места. Мордвинов, также недовольный казенной продажей вина, предлагал в 1826 году завести вольную продажу вина и «вывести из употребления слово *кабак*, или *питейный дом*, и заменить оные *лавкою продажного вина*». «С уничтожением кабаков, – говорил он, – мест сборных для развратных людей и с воспрещением чарочной продажи гнусный порок пьянства в значительной степени уменьшится, без уменьшения, вероятно, казенного дохода, и тогда вино делается важною для продажи потребностью и отрас-

лью для иностранного торго, а не упоением до бесчувствования и соединением пьяниц в скопища». Автор сочинения «Мечты о благе Отечества», представленного государю, писал в 1828 году: «Казенная палата старается усилить продажу горячительных напитков, и чем более распоит вина и водки или чем более (народа) сидит в кабаках, тем ей более чести и славы, тем щедрее посыплются награды на винных чиновников». И так, в 1827 году снова были восстановлены откупа. Граф Канкрин писал: «Хотя при казенном управлении доход казны и усилился (с 52 до 67 миллионов), но казенное управление показало то важное неудобство, что все злоупотребления по этой части обращались непосредственно в упрек правительству, и *сословие чиновников развращалось*». На торгах 1827 года откупная сумма дошла до 72 миллионов рублей. Откупщики получили привилегию выделывать водки и пиво низших сортов безакцизно и иметь свою стражу, и вслед за тем на заставах явились знакомые нам солдаты с железными щупами. В Великороссии стража охраняла только границы откупной местности, но в Малороссии, Новороссии и западной России стража нужна была для каждого города и селения. В Украине в 1835–1839 годах откупщики получили право *проводить каждого проезжающего через город* от одной заставы до другой на двухверстную дистанцию за заставой; а если проезжающие останавливаются на обед или ночлег, то *иметь за ними наружный надзор*. По отчетам Министерства внутренних дел за 1855 год видно, что с 1843 года на границах привилегированных губерний усилилось корчемство, сопровождавшееся буйством и даже убийствами, почему в 1850 году учреждена особая корчемная стража из 450 человек, содержание которой (90 000 рублей в год) отнесено было на счет земства. Корчемство ослабло, и в 1854 году стража была уменьшена на сто

человек, а в 1855 году совершенно упразднена и только до времени оставлена в Смоленской губернии в числе семидесяти пяти человек, упраздненных окончательно в 1856 году. Здесь встретился только один случай корчемства, сопряженного с буйством, именно за два ведра корчемного вина, провезенного в Смоленскую губернию. «Все содержание корчемной стражи, – говорит отчет Министерства внутренних дел за 1856 год, – установленной для ограждения частных выгод откупщиков, обошлось в продолжение семи лет почти в полмиллиона, взятых из земских сборов». Между тем в остальных частях государства корчемство не прекращалось, и сотни тысяч людей, признанных за корчемников, наполняли тюрьмы или шли в Сибирь, ибо, по словам Аверина, не было достаточной безопасности от поклепа корчемством. В откупных условиях на 1835–1839 годы откупщикам предоставлено взимать акциз с пива и меда (восемьдесят копеек с ведра пива и шестьдесят копеек с ведра меда). Такой же акциз положен на брагу, сусло и медовый квас. С портерных лавок установлен акциз от трехсот до тысячи рублей с каждой. Число питейных заведений увеличено. В это время откупщики снова подняли головы, стали жаловаться *на подрыв*, который делают им трактиры, и просили о допущении различных *удобств* в питейных домах, с целью, как говорили они, *отвратить народ от трактиров и гостиниц*, где он привыкал к роскоши, к чаю, к виноградным винам во вред нравственности и в разорение семейств. На торгах 1835–1839 годов откупная сумма достигла 91 936 000 рублей.

Положение народа было неудовлетворительно. Киселев, заступаясь за государственных крестьян, указывал на повсеместное пьянство, обеднение, разврат, которые развивались по милости откупщиков, стеснивших пивной промысел и получивших разрешение об-

ратить штофные лавочки в кабаки. Но самое пагубное влияние, говорил он, приносят кабаки в тех селениях, где находится сельское или волостное управление. Кабаки обыкновенно помещаются возле волостных управлений, и мирская сходка по необходимости собирается перед кабаком. Часто эти сходки собираются не для дел, а по проискам целовальника, и ни одна сходка не обходится без пьянства, и такое пьянство тем вреднее, что тут пьянствует не частный человек, а *административное собрание, облеченное властью!* Муравьев доносил из Восточной Сибири о распространении пьянства и злоупотреблениях откупщиков.

Обнищальный, замученный польскими панями, опутанный сетью жидовских шинков, белорус в грустных песнях высказывал утрату своего благосостояния «у новой корчомце»:

Сини салавейко, чем ты не спеваешь,
 Чы ты, салавейко, голосу не маешь?
 Патраціу я голос на зеліоном гаю,
 На зеліоном гаю, на цихом Дунаю.
 Чему ты, малады, чому не гуляешь,
 Чы ты, малады, шастыя-доли не маешь?
 Патраціу я долю, не раз свою волю,
 У новай корчомце на горькой горелце,
 Цеперь же мне некуды павернуц-це,
 Усіо мае село у Баруха на водце.
 Тут мае конікі, тут мае волікі,
 Тут мая адзешка, тут маі грошыкі...
 Сиви голубочку седзі на дубочку,
 Выклікала матка сына с корчмы до домочку.
 – Ой хадзі, мой сынку, с корчмы до домочку,
 Забіраюць арэндары усю твою худобу!
 – Я сам того бачу, што худобу трачу,
 За дробнымі сліюзункамі я света не бачу...

Гордый украинец восклицал с лирическим смехом:

Гей корчмо, корчмо княгине!
Чом то в тобі казацького добра багато гине!..

На русской Украине, тощий и невеселый конь стоял
и оплакивал пьянство донского казака:

Не тяжело мне седельце черкесское,
Не тяжел ты и сам на мне,
А тяжел-то мне твой царев кабак.
Как и часто ты зелена вина напиваешься,
Да садишься на меня, на добра коня,
На обои боки мои ты вихляешься,
Мною, добрым конем, выхваляешься,
Оттого-то я худ и не весел стою...

Великорусский мужик не плакал и не восклицал,
а только пил:

Как на горке, на горе,
На высокой на крутой,
Стоит новый кабачок,
Сосновенький чердачок,
Как в этом чердачке
Пьет голинькой мужичок...

У великорусского народа мало-помалу сложилось новое правило жизни, что *не пить – так и на свете не жить*. Но, испивая да испивая, не могли не заметить, что подчас и водка не помогает, и, ухмыляясь на свою судьбу, прибавляли: «Пьем как люди, а за что Бог не милует – не знаем». Иные шли еще дальше и сознавались открыто: «Пьем – людей бьем, чем не живем!» И как все они ни бились, а в конце концов убеждались, что все спасение

в аптеке, где излечиваются все болезни, и шли туда гурьбами хлебнуть сиротской слезы, завить горе ремешком. Испивая да запивая, человек начинал пить горькую, непробудную чашу, запивал на век, до самой могилы, проносился по селу отчаянный вой жены: «Чоловик пье!», и вставал на ноги страшный, чудовищный, нигде в Божьем мире неслыханный *запой*, и шел он по всей русской земле, поднимая всеобщее пьянство, то тихое, разбитое и понурое, то лихое и дикое! Кабаки вызывали пьянство, пьянство вызывало *запой*, а от *запоя* лечили.

Из инородцев одни по-прежнему пили *кумышку*, *бузу* и *кумыс*, а другие начинали уж сживаться с русскими обычаями, варили пиво, заводили братчины. Зыряне, убравши с полей хлеб, пировали на братчинах, распивая молодое пиво, и при этом условливались о будущих промыслах. Здесь было начало новой культурной жизни инородческих племен. Вотяки с 1770 года пользовались правом варить *кумышку*; право это было подтверждено им в 1802 и 1806 годах. В Уставе о питейных сборах на 1807 год сибирским инородцам позволено было делать *кумыс* и *кумысное вино*, а вотякам Вятской губернии – курить *кумышку* с условием, чтоб под видом *кумышки* не курили вина, за чем, сверх полицейского надзора, могут откупщики и сами иметь надзор на установленном о том порядке. Но в 1818 году, по предложению князя Лобанова-Ростовского, у вотяков отнято было право курить *кумышку* с предоставлением им другого права – пользоваться, наравне с казенными крестьянами, варением обыкновенного пива и браги. Сделано же это было на том основании, что вотяки сие дозволение курить *кумышку* обратили в выделку настоящего хлебного вина, и если при введении с 1819 года в действие Устава о питейном сборе оставить вотякам курить *кумышку*, тогда они, освобо-

дьясь от предприимчивого и на корысти основанного преследования откупщиков, без сомнения, усилят свое корчемство, половина многолюднейшей губернии будет как бы на особом праве, а большая часть питейного сбора делается жертвой мнимого обычая вотяков. Кумышка была строго запрещена, и за этим должны были наблюдать вся земская полиция, корчемный заседатель, окружные и волостные правления и одиннадцать кордонов, каждый из поверенного и трех стражников.

Запрещение объявлялось следующим образом. Назвал суд и давал правила, каких градусов должна быть кумышка, какие должно иметь для нее кадки, как надо ее пить и прочее. Вотяки решительно ничего не понимали. Новые правила о том, чтоб не курить кумышку – водку, с перспективой ссылки на каторгу, для них равносильны были полному запрещению готовить какую ни есть кумышку, и вотяки с горя стали вешаться. Почти то же было и с пермяками, когда их лишили права варить брагу. Тех же, которые и после этого решались варить кумышку, ссылали в Сибирь, если только они не успевали вступить в сделку с откупщиком. Откупщики обязывали вотяков в течение года выбрать известную пропорцию вина и тогда уж не стесняли их в варении кумышки. Везде, где только жили инородцы, были заведены кабаки, инородцы спивались. Кастрен, путешествуя в 1838–1844 годах по северной полосе России, приехал на Мезень и стал отыскивать себе учителя самоедского языка, но не мог найти. «На все селение, – пишет он, – напала страсть к пьянству. Я выбрал трезвейшего из всех, но и он оказался решительным пьянюшкой; попробовал взять самоедку, но и она не выдержала дня. Вызвав из кабака всех бывших там самоедов, я объяснил им содержание моих бумаг и требовал, чтоб мне представили в учителя самого трезвого человека. Его при-

вели ко мне, но выведенный им из терпения, я вытолкал его за двери, и вскоре затем я увидел его близ кабака лежащим на снегу в бесчувственно пьяном положении... Он лежал здесь не один: все снежное поле вокруг бахусова храма было усеяно павшими героями и героинями. Все они лежали ночью, полузанесенные снегом. Здесь царствовала тишина могильная, тогда как в кабаке раздавались неистовые крики, но отнюдь не брани и не драки, напротив, все находившиеся там были в самом веселом и дружелюбном расположении. По временам из кабака выходили полупьяные мушкетеры с кофейником в руках, с величайшей осторожностью бродили по снегу, боясь пролить драгоценный напиток, и внимательно осматривали каждого из спавших товарищей, очевидно отыскивая мать, жену, невесту или кого-либо из дорогих сердцу. Отыскав желанную особу, они ставили кофейник на снег, повертывали лежавшего навзничь, всовывали рыльце кофейника в рот своего любимца и выливали упоительную влагу в его горло. Затем они снова обращали его вниз лицом и тщательно укрывали сие последнее, чтоб обезопасить его от мороза.

«Когда мы приехали на свадьбу, – продолжает Кастрен, – все уже были угощены порядочно. Многие лежали на открытом воздухе без чувств, с открытою головою, уткнутою в снег, и ветер обсыпал их снегом. Здесь нежный супруг ходит от одного лежащего к другому, ищет свою супругу, находит, берет ее за голову, оборачивает ее спиной к ветру и ложится рядом с нею, носом к носу. Там другой ходит с кофейником в руках, ищет свою возлюбленную и, найдя, вливает ей в горло несколько водки; третий наталкивается на своего недруга, дает ему несколько тузов и бежит. Далее бедного опьяневшего кладут на сани, привязывают его к ним, а его оленя к задку своих саней, и уезжают. Между тем в чуме, среди

совершенно опьяневших, лежал и жених, и была уж немало пьяна и сама невеста, ребенок лет тринадцати»¹.

Спустя двенадцать лет проезжал по этим же местам другой путешественник, Максимов, и нашел то же самое. «В жалких и печальных городах Поморья, – говорит он, – первое место принадлежит разбитным усатым господам с размашистыми лошадиными манерами, с волосами, стриженными в кружок по-русски. Это – винные управляющие и ревизоры! В спаивании инородцев им помогает русское население с нечеловеческими и с нехристианскими чувствами». Максимов рассказывает со всеми подробностями, как зырянин спаивает самоеда, и потому, куда бы он ни приехал, везде находил одну лишь вопиющую бедность и повсюду слышал одно и то же:

– Где ваш отец?

– На кабак пошла».

Переехал Кастрен в Сибирь и у сибирских самоедов нашел то же самое страшное пьянство. 5 марта 1846 года он писал из Томска: «Масленицу я провел в деревне Молчановой, где меня поместили в верхнем этаже обыкновенного кабака. Здесь в продолжение всей разгульной недели я ни днем, ни ночью не имел покоя от шумливых пьяниц. Молчаново – небольшая деревня, окрестная страна бедна и редко заселена самоедами, но, несмотря на то, продажа вина производилась в таких огромных размерах, что кабак в один день выручал почти 1800 рублей. Поэтому можно составить себе понятие о пьянстве в Сибири».

Новым положением 1863 года кумышка вотьякам была разрешена с условием, чтобы они перегоняли ее только раз и чтоб посуда для перегонки оставалась старая, без всяких улучшений. Вотьяки были совершен-

¹ Имеется в виду «Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири». М., 1860.

но счастливы. «Неужели, – говорили они, – кордонный больше не приедет! Кордонный ушел, что это такое!» Но винокуренные заводчики не преминули сделать доклад, что-де от этого позволения курить кумышку казна должна лишиться по крайней мере 150 000 рублей, ибо если б вотяки Вятской губернии не варили кумышку, то они должны были бы покупать ежегодно по ведру водки, а у вотяков, кроме того, пьют и женщины.

Глава XXI

Последние времена откупов. Общества трезвости

По всему государству слышались жалобы на откупа, которые наконец приняты были в соображение, и в Петербурге была наряжена следственная комиссия; но на торгах 1850–1859 годов откупные цены поднялись с 52 до 160 миллионов. По отчетам Министерства юстиции, число подсудимых по нарушению Устава о питейном сборе только по делам, бывшим на рассмотрении уголовных палат и равных им мест, в десятилетие от 1840 по 1850 год простиралось до 60 480 человек, то есть по 6048 человек ежегодно. В некоторых губерниях (Смоленской, Орловской, Курской) число виновных против питейного устава составляло около трети числа всех подсудимых. В Вятской губернии в 1853–1858 годах число подсудимых по питейным делам доходило до 13 420 человек, то есть по 2237 человек ежегодно. По отчетам Министерства внутренних дел, в 1858 году из арестантов, содержащихся в тюрьмах, только 226 человек были виновны в корчемстве, но из книги «Сведения о питейных сборах» видно, что в 1858 году общее число подсудимых по питейным делам простиралось до 110 976 человек,

и собственно по нарушению Устава о питейных сборах и акцизах – 5421 человек. Сообразно этому увеличению числа корчемников и нарушителей питейного устава, а вместе с тем пьяниц и бедняков, увеличивалось и общее число арестантов. По отчетам Министерства внутренних дел, в 1845 году арестантов считалось 176 239, а в 1855 году уже 324 391 человек. В Комитет министров Киселев подал мнение об откупах, и вследствие этого приняты были следующие меры: так как пивоварение у крестьян производится в размере несколько большем только в храмовые праздники и во время полевых уборок, то на сей раз ограничиться дозволением варить пиво в котлах только на эти случаи; запрещено держать в питейных домах по уездам кушанья, кроме холодных закусок; предоставлено местному начальству не дозволять казенным крестьянам вход в питейные дома в неуказанное время и иметь наблюдение за исполнением со стороны откупщиков правил о продаже питей и так далее.

В 1841 году для рассмотрения откупных дел был учрежден новый комитет под председательством князя Меншикова, а в 1844 году еще другой секретный комитет под председательством графа Орлова, а между тем откупщики продолжали делать свое дело. Хлебное вино продавалось во всех лавках: в мелочных, портерных и сбитенных и даже в банях, что сильно содействовало к порче нравов и к умножению преступлений.

В июле 1844 года купеческий сын Кокорев, управлявший одним из откупов, составил проект, которым доказывал, что откупа идут невыгодно от дурного устройства их хозяйств, и поэтому же часть денег остается невыбранной из капитала, изобильно обращающегося в народе, и предлагал новую систему сборов. Система его, как изложена она в книге «Сведения о питейных сборах», состояла в том, чтобы:

1) продать более разлитых питей и в особенности водок как продукта более многоценного;

2) заменить всех сидельцев и поверенных такими людьми, которые «трудятся из насущного лишь хлеба», а доходы их обратить в откуп;

3) вообще «дать делу утонченно-торговый вид и уничтожить соперничество, встречаемое откупами от некоторых торговлей».

Положено было испытать эту систему купеческого сына Кокорева на практике, и для производства опыта отдан был Кокореву город Орел, и затем уже по многим губерниям введено кокоревское акцизно-откупное коммиссионерство. Но, говорит книга «Сведения о питейных сборах», из донесений некоторых местных начальников видно было, что коммиссионеры при управлении своим явно нарушали установления откупных правил. Орловский губернатор князь Трубецкой извещал, что неправильные действия Кокорева вынуждают ропот и жалобы, что цены на продаваемые напитки возвышены, так что травной постой вина по пяти рублей серебром, а чарочная продажа вина, отпускаемого с большим недогаром, производится по 4 рубля серебром за ведро; что хотя такие действия в ограждение жителей от излишнего налога требовали бы преследования законным порядком, но Кокорев словесно объяснил ему, губернатору, в кабинете, что при отправлении его на должность управляющего предоставлена будто бы ему от высшего правительства власть не стесняться в своих распоряжениях и действовать по его усмотрению к выгодам откупа. Почему князь Трубецкой, в отклонение от себя могущей быть ответственности, представил о том министру финансов, который на сие уведомил губернатора, что «управляющему откупом внушено принять зависящие меры к устранению про-

дажи вина по возвышенной цене, если таковая действительно существует».

Подобные жалобы шли и от калужского губернатора, который, в свою очередь, получал их от помещиков, предводителей дворянства, исправников, городничих и от Палаты государственных имуществ. В Курской, Смоленской и Орловской губерниях появились целые шайки корчемников, иногда более 100 человек, нападали на корчемную стражу и воинские отряды, а откупщики и стража их пользовались этим, обвиняя невинных в корчемстве и в то же время приготавливая оправдание на случай неисправного платежа откупной суммы. В 1847 году на границах Могилевской и Смоленской губерний партия корчемников из 200 человек на 115 подводах напала на корчемную стражу с оружием в руках, а другие партии, из 35 и 30 человек, схватились со стражей, но все были отбиты и удалены.

Корчемство особенно усилилось на границах привилегированных губерний. Министерство послало туда своего чиновника, и он доносил, что корчемство страшное, что «в 277 деревнях Краснинского, Рославльского, Ельнинского и Поречского уездов Смоленской губернии почти все жители без исключения участвовали в корчемстве, провозили вино, большую частью многочисленными партиями, вооруженные кольями и ружьями, в сопровождении беглых и бродяг, и не только силою сопротивлялись действиям корчемной стражи и военной команды, но нередко входили с ними в перестрелку и сами на них нападали». Страсть к корчемству имела губительное влияние и на самих блюстителей порядка: потворство местных полиций становилось во многих случаях очевидным. Но откупщики ждали себе еще больших выгод, например, от проведения железных дорог, от освобождения крестьян, от передвижения войск,

от войны, холеры, от празднеств, от обеднения целых уездов, увеличения нищенства и, согласно официальным известиям, довели до крайних пределов злоупотребления при продаже питей в ущерб общественной нравственности и народного благосостояния.

Подошли торги 1859–1862 годов, и откупная сумма возросла до 127 769 488 рублей 32 копеек, что составляло 40% в общей сумме государственного дохода, тогда как, например, в Англии, где главный питейный доход составляется из громадной подати на солод, и там он не превышает 23,5% общей цифры государственных доходов. По исчислению Киттары, питейный доход казны в 140 лет существования откупов увеличился в триста тридцать пять раз¹. Сколько же при этом наживали откупщики – этого определить невозможно. По приблизительному исчислению Бабста, ежегодный доход откупщиков простирался до 600 миллионов, и в одной Великороссии от 182 до 202 миллионов. По Илишу, от 500 до 600 миллионов, а по Закревскому – до 781 250 000 рублей серебром ежегодно. Сюда не входят громадные суммы, украденные откупщиками. Так, Гарфунгель, бывший откупщиком, задолжал казне 1 125 000 рублей серебром, бежал за границу и сделался французским подданным.

Всех откупщиков, заведовавших питейным делом среди семидесятимиллионного населения в 1859–1863 годах, насчитывалось двести шестнадцать человек (в Великороссии – 147, в привилегированных губерниях – 29, чарочных – 37, по Сибири – 3). Тут были греки, русские купцы и господа². Взяв откуп, откупщик

¹ Киттары М. Я. Публичный курс винокурения... Вып. I. Спб., 1862. Лекция 1.

² Жизнеописания знаменитых откупщиков автор постарается приложить ко второму тому «Истории кабаков».

прежде всего старался задобрить чиновников и одних угощал пирами, другим в виде жалованья в известное время высылал деньги и водку. Из подлинного откупного учета в одном из небогатых городов с уездом в Новгородской губернии оказывается, по свидетельству Киттары, что в этом откупе в 1856 году было роздано чиновникам натурой 836 ведер. Кроме того, откупщики платили жалованье чуть ли не всей полиции.

В сведениях по питейному делу, изданных Министерством финансов, находится следующий реестр экстраординарных расходов откупщика:

	По губернским откупам	По уездным
Губернатору на улучшение города или детских приютов	–	3000 руб.
На канцелярию его	1200	–
Полицмейстеру	1200	–
Городничему	–	420
Секретарю полиции	300	200
Частным приставам	(трём) 720	240
Квартальным надзирателям	(шести) 360	(двум) 120
Исправнику	600	420
Окружному	500	420
Становым	(трём) 720	(трём) 540
Непременному заседателю	300	240
Секретарю земского суда	300	240
Председателю казенной палаты	2000	500
Советнику питейного отделения	600	500
Столоначальнику и на стол	500	500
Винному приставу	600	420
Итого	13000 руб.	3700 руб.

Еще 30–40 лет назад всякий мало-мальски зажиточный человек и представить не мог себе, что такое *очищенная*, и находил возможность покупать хороший пенник; но теперь водку сменила мутная жижа, получившая название по цвету своему *сивухи, сиволдая*, а по своему характеру: *сильвупле; французская четырнадцатого класса; царская мадера; чем тебя я огорчила; пожиге воды; пользительная дурь; дешевая; продажный разум; сиротские слезы; подвздошная; крякун; горемычная; прильпе язык; чистоты не спрашивай, а был бы пьян; водка – вину тетка: рот дерет, а хмель не берет* и так далее. Цена сивухи доходила до 8–10 рублей за ведро, и народ, живший поблизости столиц, стал вместо водки покупать ром.

– До какой цены может дойти водка? – спрашивали у откупщика.

– Да до цены шампанского, – отвечал он, потирая руки.

Бешеная азартная игра, ознаменовавшая последние откупа 1859–1862 годов, началась еще в 1858 году. Старые откупщики решились *залить* новый откуп и спустили вино до трех и двух рублей за ведро. Нижегородский откуп, смежный с ардатовским, выставляет на границе кордон, который начинает хватать всякого встречного, и, схватив человека, если можно с него взять что-нибудь, то обирают его – иначе начинают над ним ругаться. Едут сани поверенного на рысях пары лошадей; за санями же рысью бежит на веревке мужик, пойманный с водкой, а на плечах у мужика, как в чехарде, сам поверенный. Словом, откупщики делали, что хотели, и начальник Самарской губернии прямо объявлял, что чиновники смотрят на распоряжения, касающиеся откупа, как на одну лишь формальность, не требующую действительного исполнения.

Из Харьковской губернии сообщали, что предводитель ватаги кордонщиков, дюжий трехаршинный мужик Москальцев, поступал так: в мешок, наполненный овсом, клал он большую склянку корчемной водки и бросал его поодаль от кордона на проселочной дороге. Едет на базар мужик, видит, что валяется мешок с хлебом, поднимает его и, остановленный стражей, должен платиться своими животами. Не так счастливо прошла этому Москальцеву другая штука. Была в селе свадьба, и бедняк-крестьянин, пользуясь суматохой, пробрался на гумно, чтоб набрать там намолоченного зерна. Слышит он, что несколько человек остановилось возле хлебного скирда, и один из них говорит: «Ну, братцы, зароем этот бочонок в скирде, а завтра в обед дадим знать расправе». Бедняк, спрятавшийся в клуне, пошел и рассказал все хозяину, который решил: спрятанную водку распить, а обыщиков, если придут, ни под каким предлогом не пускать, разве согласятся заплатить пятьсот рублей, когда водка не будет найдена. Явились питейные чиновники, хозяин им и говорит: «Не дамось ни за що, хиба заплатите 500 рублив, як не найдете водки. Найдете, мы вам заплатимо». Кончилось тем, что деньги с той и другой стороны отданы были нарочно избранным для того посредникам; хозяин дома получил деньги. Москальцев был отдан под суд; чем кончился суд, никому не известно.

Такое дело нисколько не было случайным, как это можно видеть и из заявления Министерства внутренних дел в 1844 году *о подбрасывании откупщиками вина в дома зажиточных поселян*. В отчетах Министерства внутренних дел постоянно печатались подобные указания на злоупотребления откупщиков. Из отчета за 1857 год видно, что в привилегированных губерниях, после того как в 1851 году там был введен акцизный откуп,

сами откупщики стали заниматься корчемством. Между откупными и помещичьими питейными заведениями явилось соперничество, дворяне стали жаловаться, а потому корчмы в казенных имениях отданы были с торгов в содержание самому дворянству. Отчет за 1860 год свидетельствовал, что в 1859 году происходили в разных местностях волнения и беспорядки вследствие злоупотреблений откупщиков, отпускавших вместо вина грязную, разведенную разными примесями жидкость и продававших ее под именем полугара по цене от двенадцати до двадцати рублей серебром за ведро.

Судя уже по одному этому заявлению самого министра внутренних дел, можно судить, до чего дошло положение народа к началу 1859 года. В это-то время проносится по всей земле мысль о воздержании и трезвости¹. Когда откуп достиг крайнего своего предела, когда для того, чтобы сподать народ, были употреблены всевозможные изобретательные средства и слухи, что по целковому с ведра пойдет на выкуп земли и на уплату недоимок, а цена вину все возрастала, народ стал требовать водки по указной цене. Еще в 1858 году в Литовском крае устроилось общество трезвости, и еще прежде там же цехи сапожный и столярный сделали между собой добровольное условие, чтобы перестать пьянствовать. К этому обществу в конце года пристала почти вся Ковенская губерния; через три месяца к ней присоединились три четверти Виленской губернии, а в феврале 1859 года вся Гродненская. И в то время, когда в Ковенской губернии образовывалось общество трезвости, подобное же общество возникло в Сердобском уезде Саратовской губернии, на расстоянии с лишком 9500 верст от Койно. В половине января 1859 года слышно сделалось о зароке пить вино в Зарайском уезде Рязанской губернии,

¹ Добролюбов Н. А. Соч. Т. 4. Спб., 1862. С. 65–108.

а 7 января – в Никополе Екатеринославской губернии, где священник (протоиерей) Иоанн Королев публично говорил о воздержании. В Нижнем, на крещенском торгу, где собирается до десяти тысяч народа, народ не пил вина, предлагая пить его самим целовальникам, и то же самое делалось в соседних губерниях.

Главной причиной отказа пить была дороговизна вина. Пробовали заставить откупщиков понизить цену, но оказалось, что тягаться с откупом опасно. И вот без всяких уговоров, без всякой стачки, без всякого постороннего вмешательства народ сам собой перестает пить вино. Жалобы на недобор слышатся даже и там, где о трезвости совсем и не думали, но скоро и здесь начинают появляться общества трезвости. В половине января было известно о попытке образовать общество в Курской губернии, а к концу месяца дошли подобные слухи из Саратова, в половине февраля – из Тулы, а в конце месяца общества уже существовали во Владимирской, Пензенской, Екатеринославской, Тверской губерниях и так далее.

И все это – должно теперь признаться – делалось по одной лишь инициативе народа. Газеты то и дело сообщали мирские приговоры, которыми за всякое излишнее употребление вина налагался штраф и телесное наказание (до 25 ударов). Половина штрафа шла в мирскую сумму, половина – в приходскую церковь. Для надзора за трезвостью в каждом селении выбирали старшину. В других местах не составлялось никаких обществ, а просто народ собирался на сходки, толковал между собой и клал зарок не пить. В редких случаях, когда без вина нельзя было обойтись, покупали виноградное вино¹. Меньше всего было трезвости вблизи

¹ Мы видели выше, что подмосковские крестьяне давно уж вместо водки пили ром.

столиц, больше всего – вдали от них. Последствия этого были самые благодатные: пили только тогда, когда нужно, пьяных не было, цена жизненным припасам понижалась, повинности уплачивались исправно.

Сначала все утешали себя тем, что трезвость долго не продержится. «Опять запьют!» – говорили благодетели. Но, как назло, обеты соблюдались строго. В местечке Лукниках Шавельского уезда один государственный крестьянин, несмотря на данный им обет, напился пьян, и крестьяне, узнав об этом, схватили его, приклеили ему на спину вывеску «Пьяница» и с барабаном обвели его два раза вокруг села. В Виленской губернии стали продавать вино по восемь грошей за кварту вместо прежних четырнадцати; потом вино подешевело в шесть раз, наконец, стали выставлять перед корчмами даровое вино, – и никто не пил. В Воронеже выставили даровую водку. Вышли шалуны-ребята, выпили водки, поблагодарили за угощение и объявили, что они все-таки покупать водки не будут. В Серпуховском уезде Московской губернии крестьяне отказались пить водку; откупщик заплатил за них недоимки восемьдесят пять рублей, чтоб только пили, но все-таки никто не пил. Недовольство разрасталось, а откупщикам только того и нужно было, только того они и ждали; и вот они начали поджигать волнение. В Пензенской губернии и в Спасском уезде Тамбовской губернии разнесся слух, что в кабаках будут продавать вино по 15 копеек за одну двадцатую часть ведра. Крестьяне этим были довольны, пошли в кабак, но им по этой цене вина не отпустили. Тут явились подстрекатели, толпа снова нахлынула в кабак и, получив отказ, начала бить посуду, ломать избу. Дали знать полиции, и на место поехали земский суд и жандармские штаб-офицеры. Дошли известия до Петербурга, что дурное

вино, продаваемое по дорогой цене, возбуждает всеобщее неудовольствие, и, по предложению министра, как извещали об этом в 135 номере «Московских ведомостей», крестьянам прочитан был публично циркуляр, что они имеют право требовать во всех кабаках простого полугарного вина надлежащей крепости по три рубля серебром за ведро. Начальник Самарской губернии рядом циркуляров вменял в обязанность полиции, чтобы «улучшенное полугарное вино отпускалось покупателям по цене, определенной откупными условиями». И вот, 31 мая крестьяне, приехавшие на большую ярмарку в Иосифо-Волоколамском монастыре, требуют такого полугара, а им подают в незапечатанной посуде какую-то серую жидкость. Они просят дать им водки в запечатанной посуде, чтоб представить ее, куда следует, а им отвечают, что в запечатанной посуде продается одна специальная. Начинается ропот, поверенный прибегает к силе, в окна полетели камни, прибыла полиция, и крестьян связали и взяли; а управляющий, забрав деньги, поспешил убраться поскорее восвояси.

Во многих селах не запрещали пить водку, но только требовали, чтоб пили ее дома, а не в кабаке. В других местах не зарекались, чтоб никогда не пить водки, а только на известное время, например, на год. Сделав запись, говорили в ней: «Все эти положения хранить нам свято и ненарушимо в продолжение года, по истечении которого снова собрать сходку и с общего согласия устроить новый порядок, на годовом опыте основанный». Одни делали зарок словесный, другие составляли письменные обязательства и подписывались целыми деревнями, целыми селениями, целыми волостями. В некоторых местах для этого приходили во храм Божий, служили молебен, целовали крест и писали обязательство. Там же, где не было никаких обязательств, дела-

лось так: придут мужики в кабак, приценятся к водке, и вон. В селе Карамышеве Медынского уезда, принадлежавшем князю Меншикову, считалось 1880 душ, и водки у них продавалось в год на сорок тысяч рублей. Вдруг мужики перестают пить; откупщик в отчаянии едет лично в село и предлагает вино по три рубля серебром за ведро, но ему отвечают единодушно, что будут пить в таком только случае, если будут продавать вино по полтора рубля. При таком положении дел откупщики стали задабривать народ благочестием, стали жертвовать на храмы и так далее, но должны были убедиться, что с народом ничего не сделаешь.

Откупщики обратились к доносу. Прежде всего они шли поклониться исправнику. Исправник приезжал и начинал прицепляться, нет ли беспаспортных, все ли внесены повинности, отчего дурна дорога, и потом мало-помалу дело шло дальше. Вот мужики не пьют вина, а Масленая приближается. Откупщик едет опять объяснить с исправником. Исправник, не желая действовать прямо в пользу откупа, передает дело во временное отделение, снабдив его надлежащими советами. Временное отделение, прибыв в имение одного графа, начинает убеждать мужиков, чтоб они пили водку. Начальство собирает крестьян при управляющем питейными сборами и спрашивает, почему это они не пьют вина.

– Так, не желаем, – отвечают крестьяне.

– Отчего же не желаете?

– Очувствовались, – отвечают крестьяне. – Это вино – один раззор хозяйству! Шутка сказать: восемь рублей ведро!

– При том же, – замечает другой, – вино-то больно плохо, хуже нашей хоперской воды.

– Как плохо? – восклицает управляющий, подступив к крестьянину.

– Да так плохо, как бывает плохо: живот больно пучит.

– Как смеешь это говорить, – кричит управляющий, и бац мужика; мужик – тем же, и произошло смятение.

После уже управляющий предлагал деньги мужикам, чтобы все было шито и крыто, но денег у него не взяли. Убедили управляющего выставить даровую бочку вина. Он выставил, но никто до нее не дотронулся, – так назад и потащили.

В апреле 1859 года виленский акцизный откупщик ходатайствовал у министра внутренних дел, чтоб обязать ксендзов объявить публично, что данные народом обеты относятся только к пьянству, а умеренное употребление вина необходимо; но министр нашел такое требование неуместным. В июле того же года откупщики жаловались министру внутренних дел и на православных священников, удерживающих народ от пьянства. Министр на этот раз сообщил обер-прокурору Святейшего Синода, который и отвечал, что «он благословляет священнослужителей ревностно содействовать возникновению в некоторых городских и сельских сословиях благой решимости воздержания от употребления вина». Но откупщики не унялись и снова просили отменить указ Святейшего Синода, ибо при содействии его общества трезвости разведутся повсеместно. И министр финансов сообщил обер-прокурору Святейшего Синода, «что совершенное запрещение горячего вина посредством сильнодействующих на умы простого народа религиозных угроз и клятвенных обещаний не должно быть допускаемо, как противное не только общему понятию о пользе умеренного употребления вина, но и тем постановлениям, на основании которых правительство отдало питейные сборы в откупное содержание». Затем уже министр финансов сделал распоряжение, чтоб при-

говоры городских и сельских обществ о воздержании уничтожить и впредь городских собраний и сельских сходок для сей цели нигде не допускать.

Чтобы указать теперь, как именно и где развивалась трезвость, пройдем день за днем всю историю обществ трезвости. Прежде всего, в разных местах начались волнения. В 1850 году в Архангельске на Масленице в некоторых казенных селениях Холмогорского и Онежского уездов разбивали и грабили кабаки. То же было и в Пензенской губернии; но потом народ одумался и принялся за трезвость. Общества трезвости начались в Ковенской губернии, где народ особенно был стеснен польскими панами. Там зимою 1858 года из 278 винокурен закрыто было 88; свидетельств на питейные заведения в 1857 году было взято 2207, в 1858 году – 2797, а в 1859 – только 1899. Общества распространяются по губерниям Гродненской и Виленской. Одновременно с этим обнаруживается движение в Поволжье и в центральных замосковских губерниях. За Рязанью, где образовалось одно из первых обществ в Великороссии (в уездах: Зарайском, потом Данковском, город Чернь со слободами, Ряжском, Сапожковском и других), идут: Тула (уезды: Каширский, чернские ямщики, Ефремов и ефремовские ямщики, уезды: Крапивинский, Новосальский), Владимир (Гороховский уезд), уезды Московской губернии (Московский, Звенигородский, Подольский, Серпуховский), Орел (Волховской, Мценский, Елецкий, Карачевский) и Калуга (Тарусский, Калужский, Медынский, Масальский, Лихвинский, Перемышльский, всего в 52 помещичьих и 21 казенных селах). С другой же стороны, в Поволжье из Саратова (уезды: Балашовский, балашовские мещане, рабочие на барках, уезды: Сердобский, Аткарский) трезвость распространяется по губерниям Самарской (Николаевский, Бузулукский), Ка-

занской, Пензенской (Чембарский, Нижнеломовский), Нижегородской, Костромской (Чухломский, Галицкий, Солигацкий), Ярославской (Мологский) и Тверской (Старицкий и Корчевский), несколько позднее – в Екатеринославской (Александровский), Харьковской (Старо-Бельский), Курской (Щигровский), Тамбовской (Кирсановский) и Воронежской (Коротоякский, Острогожский, Бирючевский). Тогда же на западном крае движение обнаруживается в губерниях: Подольской, Смоленской, Новгородской, близ Петербурга, в самом Петербурге, где плотничьи артели отказываются от вина, и, наконец, были известия из Перми и Сибири.

Таковы газетные известия о распространении трезвости, в которых не сообщено и четвертой доли всего, что происходило в народе, по всему пространству русской земли, случайно вызванной к жизни. Многие откупщики оказались несостоятельными, и нужно было послать чиновников для сбора акциза хозяйственным образом. Дело было трудное. Управляющий акцизными сборами в Гродненской губернии, коллежский асессор Макаров за особую заботливость и усердие, оказанные им в возвышении питейного дохода во время хозяйственного управления питейными сборами, получил награду пять тысяч рублей серебром.

Между тем подошло 19 февраля, и откупщики вполне были уверены, что народ, получив волю, совсем сопьется. Народ, отпущенный на волю, обманул всех и не спился, ибо все цели его, все его помышления были направлены на устройство его нового быта. То была великая минута, которую когда-либо история предлагала русскому народу! Один хуторянин писал тогда из Украины: «З того часу, як померзла злюща пані неволя, той паскудна нахлібница горілка богато поваги сбулася. Частують и куштують її так для закону, а вже п'яним бути

на честним весіллi не годитця, п'ють її по-прежньому – нахильцем хиба тілки де яки ледачи городянске міщане, та сердяги ремесницькі робітники».

Глава XXII

Введение новой питейной системы и ее последствия

Уничтожение откупа составляет лучшую страницу настоящего царствования. Еще в 1858 году стали ходить слухи об уничтожении откупов, но откупщики утверждали, что все это неправда, и действительно, в 1859 году откупа продолжены были еще на четыре года. Сделалось известным мнение Государственного совета, утвержденное 26 октября 1860 года, о введении акцизной системы; но откупщики твердили по-прежнему, что откупа останутся. Явилось окончательно утвержденное положение 4 июня 1861 года, и все еще не было веры, что откупа когда-нибудь прекратятся. Стали уже ходить слухи, что правительство склоняется на сторону откупщиков, и начали поговаривать о составлении компании для застрахования акциза с питей.

Компания не удалась, откупа ускользали из рук, и откупщики, страшая государство банкротством, явились с новым предложением проекта агентства по питейному сбору и товарищества железных дорог – проекта, как оказалось, имевшего целью подорвать последние силы государства, а себе нажить миллионы. «Для сохранения питейного сбора в целости, – говорил проект, – предлагается агентство на продажу вина сроком на 11 лет. Агентство отвечает за поступление питейного дохода (свыше ста миллионов) только при помощи развития в народе капиталов, а поэтому принимает на себя

обязанность построить 2800 верст железных дорог». Говорили, будто смысл этого проекта был таков, что агентство, истратив на дороги 224 миллиона, надеялось получить на них в пятьдесят лет 1100 миллионов, то есть с лишком миллиард рублей серебром. Все это дело уж больно было некрасиво, и имена создателей проекта были опубликованы по повелению государя. Все это были преимущественно купцы-откупщики и затем промышленники, собравшиеся с целого мира. В числе их главными руководителями были Бенардаки, отставной поручик; В. Кокорев, коммерции советник; Капгер, Санкт-Петербургский 1-й гильдии купец; Исаак Утин, коммерции советник; и Каншин, коллежский регистратор. Затем шли, во-первых, евреи: Раих, Евзель Гинцбург, Зискинд Гинцбург, Герцель, Горвиц, Лохвицкий; во-вторых, греки: П. Скараманга, К. Комнино, Варваца, С. Карали, Кондоянаки, Маразли и, в-третьих, русские: Громов, Сазиков, И. Асташев, П. Ненюков, Н. Тарасов, Н. Акатьев, И. В. Лихачев (полковник), А. Кокорев, А. Башкиров, Д. Нечаев, А. Милюков, Д. Корнеев, В. Рукавишников, А. Мясников (поручик), М. Горбов, М. Мамонтов, И. Иконников, В. Иегов, А. Клипин, И. Кононов, И. Первушин, И. Мамонтов, Г. Медынцев, И. И. Барыков (статский советник), А. Воронин, В. Каншин, Н. Рюмин (действительный статский советник), Ф. Рюмин, И. Протасьев (поручик), Власов (статский советник), П. Молчанов, М. Якунчиков, Быков, Д. Кузнецов, И. Кононов, Д. Карпович, А. Пастухов и некоторые другие, подписавшиеся впоследствии.

Агентство не удалось, и откупщики решились воспользоваться по крайней мере тем, что у них пока было в руках. Откуп пришел в неистовство. Вместо водки стали продавать по дешевой цене мутную воду и водку отпускали только тем, кто возьмет закуски на две копейки.

В Херсоне толпа пьяных солдат и мужиков в количестве десяти человек, предводимых питейными поверенными Гершкой Штейманом, Захарием Варвинским и одним из полицейских, ворвались в дом господина Иванченко, рассыпались по комнатам, стали переворачивать мебель, мять и рвать платье, бить посуду, и, все переломав и не найдя водки, толпа ушла. Было принесено в жертву все, даже целовальники. Месяца за два до конца откупа тамбовский откупщик вывесил объявление: «Гуляющие сидельцы получают жалованье наравне со служащими». Подписано: управляющий откупом А. Немцев. Сидельцы начали гулять, с ними гуляли другие, вина выпита целая бездна, но пришло время расчетов, и гулявшие сидельцы жалованья не получили ни гроша. Буйствуя таким образом, откуп отходил на покой и оставлял государству недоимку с лишком в пятьдесят миллионов. Народ соблюдал глубокое молчание.

История перехода откупов к сменившему их новому порядку начинается высочайше утвержденным мнением Государственного совета 26 октября 1861 года. По мнению Государственного совета, акцизу должны были подлежать, между прочим, «портер, пиво, полпиво всех сортов, мед, брага и сусло». На это министр государственных имуществ заметил: «Слово *сусло* исключить из § 5 и 174». Министр финансов написал объявление: «Слово *сусло* внесено в проект на основании существующих постановлений, впрочем, к исключению его из проекта препятствий не имеется». От акциза были освобождены уксус и медовый квас. Право винокурения оставлено только за теми сословиями, которым оно принадлежит ныне. Но комиссия предполагала предоставить право винокурения не только дворянам, но и чиновникам, и думала, что можно было бы распространить это право на все сословия и звания. В Сибири пра-

во винокурения предоставлено лицам всех сословий. Учреждение пиво- и медоваренных заводов дозволено лицам, записанным в торговые разряды, и помещикам в их имениях. Продажу вина производить распивочно и на вынос (теперешняя вывеска на кабаках) из питейных домов, выставок и шинков, не назначая для них ни числа, ни места. Министр государственных имуществ предлагал исключить из проекта слова без ограничения числа оных, на что министр финансов отвечал: «Слова сии внесены в проект на основании положения Государственного совета о том, что число заведений для продажи питей не ограничивается; это же правило принято и в новом положении о трактирных заведениях». К заведениям для продажи питей только на вынос отнесены мелочные, съестные и тому подобные лавки. Комиссия признала нужным исключить из этого разряда съестные лавки, так как назначение их состоит в продаже дешевой пищи для простого народа, а если дозволить в них продажу напитков, то они будут иметь большее преимущество, нежели питейные дома, в которых предложено воспретить продавать даже холодные закуски.

Из истории старинного корчемного быта мы видели, что в первоначальных корчмах продавались кушанья и питья, и когда потом на северо-востоке корчмы сменились кабаками, которые в одно и то же время были местом оптовой и розничной продажи вина, то, без сомнения, при кабаках продавали и закуски, потому что *невозможно же пить водку, не закусывая*. Когда же потом откупщики завели при кабаках соленые закуски, возбуждавшие жажду, они были запрещены. С новым акцизно-откупным положением закуски тоже отменены были, и для народа не оставалось уже ни одного места, где можно было бы есть и пить, ибо в *трактиры* мужикам вход был запрещен, а в *черных харчевнях* была за-

прещена водка. Обставлено было так, что народ никак не мог обойти *кабака*. Комиссия, соединив все разнообразные трактирные заведения и харчевни под одним общим названием трактира, не могла не прибавить, что «независимо от заведений собственно *трактирных*, необходимо допустить такой род заведений, который удовлетворял бы первейшим потребностям простого народа в отношении приюта и продовольствия», и поэтому допустила в городах вместо *харчевен*, с которыми народ свыкся уже, – *постоялые дворы* и *съестные лавочки*, а в уездах – одни *постоялые дворы*. Таким образом, несмотря на уничтожение откупов, народу опять негде было есть, ибо в городах, как известно, постоянные дворы только по окраинам города, а в так называемых съестных лавочках ни стать – ни сесть, и прибежищем народа опять остается один кабак, а не харчевня, могущая удовлетворить первейшим потребностям народа.

Питейными заведениями, по словам проекта Положения о питейных сборах, называются «все торговые заведения, которые занимаются исключительно продажей питей, и притом непременно распивочно, под каким бы наименованием такие заведения открыты ни были». Поэтому кабак, питейный дом, корчма, шинок, ренсковой погреб, выставка, портерная лавка, постоянные дворы одинаково подошли под название питейных домов, несмотря на то, что каждое из них имеет свою историю и свое общественное значение; например, никто и никогда не восставал против юго-западной корчмы. Слово *корчма* не заключало в себе ничего бранного, не имело в себе ничего зловредного; тогда как само правительство не раз старалось искоренить название кабака. Народ всегда был рад случаю разбить кабак (или питейный дом), потому что кабак был местом пропинации, а *корчма*, или назовите ее как хотите – харчев-

ней или кабаком, служила местом народных собраний, была и кофейной, и клубом народа. Подобное отличие кабака от корчмы (или харчевни) небезызвестно было и комиссии. В ее «Трудах» сказано: «Сколько известно, в привилегированных и прибалтийских губерниях корчмы далеко не имеют того безнравственного и непристойного характера, какой, собственно, принадлежит питейным домам в Великороссии». Итак, корчма есть заведение более нравственное и приличное, чем кабак; но что это за заведение, какое его назначение – этого из «Трудов» комиссии ясно не видно. На одной странице «Трудов» говорится, что под именем корчмы разумеется *постоялый двор* (?), а на другой сказано, что «по местным обычаям привилегированных губерний корчмы совершенно (?) заменяют питейные дома». Но как бы то ни было, *корчма* отделена от *кабака* или *питейного дома* и, несмотря на то, оставлена в значении питейного заведения.

Что же такое *кабак*, или *питейный дом*? О нем в «Трудах» комиссии мы можем найти совершенно ясное и положительное представление. Мы уже видели сейчас, что, по словам «Трудов», питейные заведения Великороссии отличаются *безнравственным и неприличным характером*. «Ренсковые погреба, – продолжают «Труды», – суть места, посещаемые лицами, которые считают для себя неприличным входить в питейный дом». – Питейные дома – это *притоны бесчинства и разврата*. – «Ныне питейные дома, как уже дознано на опыте, нисколько не соответствуют стремлениям правительства предотвратить вредное влияние питейной продажи на общественную нравственность».

Но не одна комиссия так дурно думала о кабаках. Например, циркуляром тобольского губернатора объявлялось, что «в питейных заведениях находятся це-

лые семьи с малолетними детьми, которых нравственность должна немало страдать от всматривания на те картины морального зла, которые неизбежны в подобного рода заведениях». Для исследования степени безнравственного влияния кабаков наряжена была при тобольском губернаторе целая комиссия, которая пришла к заключению, что «допущение в питейные заведения многочисленных семейств обоюбого пола с малолетними детьми должно влечь разврат (?!) со всеми его грустными (!) последствиями».

В «Трудах» говорится, что кабаки обязаны своей дурной репутацией действиям нынешних откупов, и между тем они оставлены в том же виде, в каком были при откупах. Как и прежде, в кабаках запрещены закуски и мебель. В кабаках оставлена одна водка. Запретили открывать их возле богоугодных заведений, христианских храмов, монастырей, кладбищ. От их соседства велено было охранять даже учебные заведения, казармы, тюрьмы, золотые прииски в Сибири, соленые озера Перекопские и Генические, госпитали, железные дороги. Запрещено было открывать возле кабаков волостные суды, а должностным лицам сельских управлений содержать кабаки. Не велено пускать в кабаки нижних чинов армии и флота. Словом, от кабака приказано охранять все и всех. Мы видели уже, что кабак, как и прежде, получил преимущество перед съестными лавками. Мнение Государственного совета было таково, чтоб ренсковым погребам дозволена была продажа водки только на вынос; но комиссия ходатайствовала, чтоб им продавать и распивочно. На основании циркуляра министра финансов 1 марта 1865 года питейные дома в селах открывались с разрешения помещика; но с 13 мая того же года они стали открываться «без согласия на то мирского схода и без разрешения помещика», и, по справедливому замечанию

органа Министерства финансов, штофные лавочки сделались местами даровой выпивки членов сельской полиции. Вследствие всего этого число кабаков должно было увеличиться, а пивоварение – упасть.

Было некогда время, когда во всяком доме было пиво (пиво на северо-востоке, а мед – на юго-западе), когда около пива или меда собиралась всякая народная беседа. Было время, когда народ по возможности мог еще обходиться и без водки. Было, наконец, время, когда баба, сварив пивца, шла с ним на рынок и продавала его кому угодно. И от этого времени, как диковинка, дошел до нас единственный случай, что женщины с мотовилихинского завода в Перми еще недавно каждый день являлись в город с молоком, зеленью и с пивом. В течение долгого времени пиво доступно было народу и в кабаках. Цена кабацкому пиву и меду назначалась, применяясь к запасным ценам. В 1674 году пиво в вариве стоило 7 денег ведро и в продаже два алтына ведро. Пуд меду покупали по рублю; из пуда выходило 7 ведер меду, ведро продавалось по 6 алтын по 4 деньги. В 1696 году пиво по 4 алтына, мед – по 8; мед вареный тоже по 8 алтын ведро. В 1696 году мед красный – 12 алтын, белый – 8, пиво – 4 алтына ведро. В 1701–1702 годах в Шуе пиво обходилось казне по 9 денег, продавалось по 3 алтына; мед обходился по 4 алтына по 3 деньги, продавался по 9 алтын. К началу XVIII века пивоварение упадает и Петр выписывает из Англии пивоваров. В 1719 году, по торговому уставу, мед вареный – уже 36 копеек, мед белый – 24 копейки, пиво – 12 копеек ведро. В 1755 году в контрактах цена пиву в Санкт-Петербурге 20 копеек, в Москве – 24 копейки, мед в обеих столицах по 40 копеек ведро.

В 1751–1758 годах дозволено было крестьянам варить пиво и браги для домашнего употребления; но по-

том в городах на пиво налагается пошлина в 20 копеек с ведра. В Москве откупщик Роговиков продает пиво по 33 копейки, мед по 53 копейки ведро. Пиво, как мы сказали, было еще в каждом доме, и в 60-х годах этого столетия после *помочи*, столь обычной у народа, в кабаки еще не ходили, а выставляли на дворе кадки с пивом, в кадках были опущены ковши. В 1770 году пошлины с пива отдаются на откуп, но в следующем году уничтожаются, зато с 1795 года пивоварение окончательно переходит во власть откупщиков и начинает падать. Были уничтожены откупа, пивоварение вдруг поднялось, продажа водки упала; но с восстановлением откупов пиво и мед вместе с брагой и суслом платят акциз по 80 копеек с ведра, а медовый квас по 60 копеек. Портерные лавки платят откупщикам по тысяче рублей в год; с крестьян же за вариво пива откупщики собирают по десять копеек с души. В 1807 году цена пиву и портеру по 19 копеек, полпиву по 10 копеек за бутылку (в ведре $13\frac{1}{2}$ бутылки указной меры). В 1815–1819 годах штоф кабацкого пива стоил $22\frac{1}{2}$ копейки, штоф меда – $37\frac{1}{2}$ копейки, полпива узкая бутылка – 15 копеек ассигнациями.

В 1844 году откупщики просят возвысить акциз на пиво, потому что продажа водки подрывается еще оставшимися пивоварами, которым они, откупщики, должны были платить большие суммы за то только, чтоб пивоваренные заводы оставались без действия. Один из откупщиков предлагает увеличить число питейных заведений до одного на 490 жителей и наложить акциз на дрожжи в деревнях. По проекту Кокорева, утвержденному в 1855 году, кроме возвышенного акциза, откупщик брал еще себе за право пивоварения по 5 рублей с каждого крестьянского дома, и пивные лавочки дозволены были только в столицах. В Москве в два года, в 1847 и 1848, закрылось десять пивоваренных заводов и пятьдесят пять

портерных лавок; и в 1848 году девятнадцать губерний не знали другого напитка, кроме сивухи. В 1835 году оплачивалось акцизом пива 2 081 053 ведра, а через двадцать лет – только 927 525 ведер: 4% пошли на сивуху. В 1787 году, несмотря на откуп пошлин с пива, в одной Москве было 236 пивоварен. В 1821 году в великороссийских губерниях считалось 877 пивоваренных заводов и открыто было (во время казенного управления) 876 портерных лавок вместо семидесяти, бывших во время откупа. По Положению 1823 года о доходах и расходах Москвы, велено было думе взимать по-прежнему с каждого котла по пятьсот рублей с тем, чтобы дума не входила ни в какие учеты пивоварению.

Управлению питейными сборами вменялось в обязанность, чтоб оно отнюдь не дозволяло пивоварам начинать варку пива, пока они не предъявят свидетельства, что следующие с них за число котлов деньги заплачены. В 1830-х годах требовалось для Москвы пива до двух миллионов ведер; в 1855 году при высоком откупном акцизе – 484 600 ведер пива и 26 160 ведер меда, а в 1858 году – только 300 000 ведер пива. Заводов пивоваренных в 1859 году в Великороссии было 248, в западных губерниях, в Малороссии и Новороссии – 1092; но в Сибири уж не было ни одного завода. В 1840 году пивоваренных заводов в Москве – 24, а в 1863 году (при новой акцизной системе) – 14 (емкостью посуды в 6517 ведер) и в 1865 году – 10 заводов (емкостью в 8256 ведер).

Это окончательное падение пивоварения совершилось по случаю высокого акциза, наложенного на пиво; но кроме казенного акциза в столицах наложен был новый акциз со стороны городских дум. При конце откупов число портерных лавок в Петербурге доходило до четырехсот, а питейных домов было триста; с введением новой системы число портерных лавок упало

до трехсот, а число кабаков увеличилось неизмеримо. Число пивоваренных заводов уменьшилось по всей империи. В Перми, еще недавно богатой пивоварением, в 1864 году не было ни одного пивоваренного завода, и тамошнее акцизное управление вызывало к себе пивоваренных заводчиков. Ошибку, к счастью, скоро заметили, и акциз понижен был до 20 копеек с ведра; но пивоварение все-таки не могло подняться. Петербургские заводчики 21 января 1864 года явились с предложением сделать торговлю пивом свободной, как в Германии, и говорили, что ничтожное пожертвование 20 000 рублей патентного сбора в Петербурге принесет всем сословиям большие выгоды и благодарность народа.

В то же время в Твери собрались на съезд акцизные чиновники и пивовары и постановили решение, что для распространения пива, этого полезного для крестьян напитка, нужно поощрить заводчиков, особенно мелких помещиков, и уничтожить поэтому право безакцизного варения пива в деревнях, для домашнего употребления! Высокий акциз на пиво принес казне самую ничтожную прибыль, и вся сумма питейного сбора составила, как и при откупках, от продажи одной лишь водки. При введении положения о питейных сборах предполагалось выбрать с народа до 100 000 100 рублей, и в том числе на долю акциза с пива приходилось только 1 250 000 рублей.

Позволим здесь, как и в начале нашего исследования, прибегнуть к сравнению. В Англии в 1863–1864 годах подать с солода составляла более 38% всего питейного дохода; у нас же доход с пива составлял только 1% всего питейного сбора. Пиво, издавна известное всему индоевропейскому племени, в текущем столетии сделалось господствующим народным напитком в большей части европейских государств, и особенно там, где не растет

виноград или где виноградные вина дороги. И в последнее время употребление его распространилось до того, что крепкие спиртовые напитки, а местами даже и виноградные вина, более и более вытесняются пивом. «В тех странах, – говорит Ватт, – где народ привык к пиву, как в северной, средней и невинодельной части южной Германии, в Англии, Шотландии, Ирландии, Голландии, Бельгии, северной Франции, Дании, Норвегии, Швеции и так далее, потребление пива значительно увеличилось и продолжает постоянно возрастать». – «Между владельцами пивоваренных заводов, – продолжает Ватт, – я встречал членов палат, депутатов, членов государственных советов, докторов философии, ученых, писателей и так далее». Перейдем в Северо-Американские Соединенные Штаты. Весь народ, населяющий штаты, пьет преимущественно пиво, и если выпьют водки, то сейчас же запивают ее водой. Ни один из граждан не знает, что такое значит напиться водкой допьяна, и только негры да нищие ирландцы упиваются водкой.

Совершенно обратное происходит в России. В 1858 году в таможенном Германском союзе потреблялось пива 3,42 ведра, в Австрии – 2,17, в царстве Польском – 1,55, а во всей России только – 0,15 ведра, а теперь еще меньше. А кабаки плодятся! Около 1552 года во всем Московском царстве, на всей русской земле, был только один кабак, стоявший в Москве на Балчуге. В конце XVII века в каждом городе было по одному кружечному двору. В XIX столетии кабаки распространяются по селам и деревням. В 1852 году кабаков – 77 838, в 1859 году – 87 388 и, наконец, после 1863 года число их, увеличившись, как мы это увидим в своем месте, примерно в шесть раз, перешло за полмиллиона¹.

¹ Быт и распространение кабаков должны были войти во второй том «Истории кабаков».

Так было на северо-востоке. Переходим на юг. В губерниях привилегированных, в число которых входили и остзейские, при акцизе 1 рубль 15 копеек пивоварение освобождено было от налогов, и потому употребление пива было весьма распространено и, как говорили, вошло уже в народные привычки. Это важное обстоятельство было в виду комиссии, и в привилегированных губерниях пивоварение по-прежнему осталось свободным, а поэтому в местностях, окружающих эти губернии, осталось корчемство и установлена даже была корчемная пошлина в 20 копеек с ведра. Вместе с этим в юго-западных губерниях наложен был акциз на мед, и медоварение, как мы это видели, столь важное в быту украинского народа, должно было прекратиться. К 1863 году в Могилеве остался только один медоваренный завод, да и тот после двух варов закрылся. Доселе в Украине мед был двух сортов, красный и белый. Красный мед приготавливался домашним порядком, а не на заводах, и был одним из любимых напитков народа, преимущественно женщин, и продавался по 25 копеек за ведро; белый мед варился исключительно в городах и стоил от 60 копеек до 1 рубля серебром за ведро. Назначили акциз по 60 копеек с ведра, и производство меда прекратилось; сократили срок медоварения, но пользы не было; уменьшили акциз до 50 копеек с ведра – то же самое. Таким образом, с одной стороны, казна не получила никакого дохода, а с другой – народ лишился возможности пользоваться медом, варенухой, воронком.

Вместе с этим питейный налог в Малороссии и Новороссии в 1863 году возвысился вдвое и втрое. В 1859 году этот налог средним числом составлял: в Херсонской губернии – 5 рублей 1 копейка, в Таврической – 8 рублей 33 копейки, в Екатеринославской – 3 рубля 72 копейки, в Киевской – 2 рубля 16 копеек, в Харьков-

ской – 2 рубля 32 копейки, Черниговской – 1 рубль 75 копеек, Бессарабской – 2 рубля 3 копейки, Полтавской – 1 рубль 63 копейки, Подольской – 1 рубль 73 копейки, Волынской – 1 рубль 64 копейки, Минской – 1 рубль 52 копейки, Гродненской – 2 рубля 41 копейка, Могилевской – 1 рубль 43 копейки, Витебской – 1 рубль 59 копеек, Виленской – 1 рубль 79 копеек, Ковенской – 1 рубль 12 копеек. Но в 1863 году налог был везде в 4 рубля 20 копеек и все-таки казна понесла потерю. Потребление спирта уменьшилось против 1862 года на 14%.

Мы уже знаем, что с XVIII века поляки сделали настоящими владельцами крестьян и городов. В Польше до последнего времени сохранялись феодальные обычаи и из 452 городов 238 принадлежали частным лицам. Кроме разных доходов с имений, владельцы их пользовались еще правом пропинации. Это право поляки перенесли и в Малороссию. Рядом узаконений с 1783 по 1846 год за помещиками привилегированных губерний было утверждено *пропинационное право*, то есть право одним им курить и продавать питья. Едва лишь приступлено было к составлению нового положения об акцизе, как тотчас же явились и ходатаи о сохранении за помещиками права пропинации. Отставной полковник Злотницкий в докладной записке 8 марта 1861 года, ссылаясь на постановления королей литовских и польских и государей: Екатерины, Павла, Александра, Николая, говорил: «В Западном крае находятся поместья, а особенно местечки, как, например, в Подольской, Волынской и Киевской губерниях: Бердичев, Белая Церковь, Тульчин, Немиров, Острог, Дубно и другие, которые по расположению на больших дорогах, по средоточию больших оборотов, по населению в них по большей части промышленников, мастеровых и разночинцев и по отсутствию тем самым преобладания хлебопашества доставляют главную и,

можно сказать, непосредственную отрасль дохода из пропинации, и не менее как от 25 до 1 000 000 рублей ежегодно». – «Это, – продолжал он, – факт, не подлежащий никакому сомнению. Лишить собственников подобных поместий такого дохода, основанного на правах родной наследственной собственности, значит убить их материальное существование».

О том же хлопотали *эксперты* из привилегированных губерний и предводители дворянства губерний Виленской, Минской и Киевской. Такими *экспертами* были: Антон Злотницкий, граф Эдуард Чапский, Доминик Лаппа. Не переставая доказывать, что казна и дворянство в привилегированных губерниях с давних времен (мы видели, какие это *давние времена!*) пользуются пропинацией, просили дать им денег за уничтожение этого права. И вот, со введением нового Питейного устава, пропинация осталась по-прежнему, хотя и не в тех размерах, каких желала бы польско-русская шляхта. Новый устав говорил: «В губерниях западных (Киевской, Подольской, Волынской, Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Витебской, Могилевской) и в Бессарабской области, в тех владельческих городах и местечках, в коих право продажи питей принадлежало доселе исключительно их владельцам, право сие сохраняется за ними». Вследствие этого помещики начали вступать в договоры с крестьянами о сохранении за собой права пропинации на 11, 12, на 24, на 25 и даже на сорок девять лет. Около городов снова появилась стража, вооруженная железными остроконечными палками, и начала делать осмотры. Но все это продолжалось недолго, и сначала у шляхты отнята была пропинация, а потом и столь дорогие им *местечки*.

Мы видели выше, что жида в Украине, захватив в свои руки все корчмы, легли тяжелым камнем на на-

родонаселение. Когда Белоруссия и Украина присоединены были к Московскому государству, Москва к себе жидов не пускала, но в Белоруссии и Украине позволяли им торговать и жить. По указу 1725 года кабаки Смоленской губернии отданы были на откуп жидам Борху и Лейбову, хотя через два года велено было сделать с ними расчет и выслать их из России. В 1727 году запрещено отдавать жидам кабацкие сборы; в 1739 году последовало общее по всей Малороссии запрещение отдавать им корчмы. Запрещение это, повторявшееся несколько раз, вошло и в новое Акцизное положение 1863 года, но потом было уничтожено. Мера очень почтенная, но интересны два обстоятельства, которые открылись по этому поводу. Это, во-первых, то, что украинский народ ни за что не решается *торговать в шинках*, и, во-вторых, что дворянство *от закрытия шинков несет убытки*. По поводу запрещения 1863 года, за жидов восстало все польско-русское дворянство Малороссии. Чернский предводитель дворянства, указывая на важное значение жидов для благосостояния губернии, ходатайствовал о допущении их торговать в шинках, тем более потому, говорил он, что *украинский народ отказывается брать в аренду шинки*, и представлял на вид, что с освобождением крестьян *некому будет содержать шинки*, кроме жидов, а с воспрещением этим последним шинковать шинки должны будут закрыться, и тогда *дворянство понесет убытки*. Предложение это было принято, и жидам дозволено в местах их оседлости заниматься питейной продажей повсеместно на общем основании. «Число шинков, – говорит черниговское земское собрание, – возросло в страшной пропорции, и конкуренция их стала выражаться разбавлением водки и примесью к нее всяких вредных вещей для крепости». Малороссийский сельский шинок сделался кабаком чарочных откупов.

Значение новой системы уяснилось скоро. Когда приступали к введению ее, то в бюджете на 1863 год валовой доход с акциза определен был в 98 миллионов вместо 104 миллионов, которые давали откупа в 1852–1862 годах, то есть новая система должна была, по-видимому, оставить в кармане народа до шести миллионов рублей. Уменьшение на шесть миллионов было предположено в видах недобора казне. Но в действительности же оказалось, что требования на вино превзошли ожидания, и общий валовой итог собственно на 1863 год дошел до 113 577 066 рублей, что превышало откупную сумму на девять миллионов, а бюджет 1863 года – на пятнадцать миллионов. Чистого дохода было получено 106 453 194 рублей, то есть более откупного на 2 321 477 рублей, или на 2,2%, и против бюджета больше чем на один миллион, то есть с лишком на 7%. Имея в виду эти цифры, господин Корсак стал вычислять, сколько *в кармане народа* осталось прибыли за первый год новой системы, и пришел к следующему результату. «У этого (то есть у русского) народа, – говорил он, – сохранилось шестнадцать миллионов рублей серебром, а может быть, и несколько миллионов более». Но над этой политико-экономической игрой в цифры подсмеялась сама судьба, и вместо шестнадцати миллионов, по ошибке наборщика, было поставлено шестьдесят шесть миллионов. Составляя нашу летопись, мы внесем в нее и подлинные слова господина Корсака, который писал: «Как бы ни усилилось потребление вина, но оно все-таки не могло усилиться в такой степени, в какой понизилась цена на вино. Это обстоятельство в то же время имеет весьма важное *нравственное* и экономическое значение: у народа сохранилось 66 миллионов, которые прежде шли на вино». Господину Корсаку отвечали тоже на основании цифр, что народом издер-

жано в 1863 году более чем на триста миллионов против 1862 года. В Тамбовской губернии, сравнительно с 1862 годом, в 1863 году выпито водки на 215% более; в Пензенской на 281%; в Пермской на 171%; Саратовской на 108%; Иркутской на 151%; Орловской на 150%; Якутской на 151%; Ярославской на 150%; Воронежской на 127%; Рязанской и Тобольской на 119%; Тамбовской на 116%; Казанской на 115%; Московской и Вятской на 111%; Симбирской на 105%; Архангельской на 90%; Нижегородской на 98%; Петербургской на 93%; в пяти губерниях на 72–79%, а в четырех на 61–72%; в Новгородской на 55%; в Екатеринославской и Псковской на 49%; Олонецкой на 15% и Таврической на 5%. В губерниях великороссийских в 1862 году выпито 7 218 191 ведро безводного алкоголя (или 19 154 ведер полугара), а в 1863 году – 14 681 714 ведер алкоголя (или 39 636 089 ведер полугара), то есть на 101% более. В 1863 году вся Сибирь выпила 1 170 000 ведер алкоголя вместо 500 000 ведер, выпитых в 1864 году, то есть на 134% более.

Всеобщее пьянство обратило на себя внимание правительства, и 18 сентября 1864 года высочайше утверждено было мнение Государственного совета о возвышении патентного сбора. В 1865 году была учреждена комиссия для пересмотра правил о торговле крепкими напитками с целью ограничения пьянства народа. Член этой комиссии князь Васильчиков, по его собственным словам, вынес из нее следующее впечатление: «Впечатление то, что комиссия эта была не серьезная: она открыла свои действия заявлениями и чтениями записок, составленных чиновниками питейно-акцизного управления, в коих оспаривался, отвергался самый факт распространения пьянства, и все жалобы на это печальное явление приписывались партии прежних откупщиков,

и чиновники утверждали, что народ пьет не более, как и прежде». Комиссия эта пришла к следующим мерам:

1. оптовая продажа питей допускается повсеместно *без всякого разрешения*;

2. все места раздробительной продажи, в том числе и на вынос, *с небольшими исключениями*, в городах могут быть открываемы не иначе, как с разрешения общества, владельцев земель, городских учреждений и других ведомств;

3. должно быть обращено *строгое внимание* на личность виноторговцев, от которых требуется *полная благонадежность (?)*;

4. патенты на питейную продажу выдавать только годовые, с возвышением цены оных, по мнению некоторых членов комиссии;

5. увеличить установленное расстояние питейных заведений от сельских церквей и ввести в законодательство *некоторые другие учреждения*, близ которых не может быть терпима продажа;

6. определить ближе внешнее устройство питейных заведений, не допуская в оных никакой мебели, кроме полов и стойки;

и 7. допустить в питейных заведениях продажу *известного качества холодных закусок*¹.

Наконец, одними из последних мер против пьянства были, во-первых, решения городских дум обложить питейные заведения новым акцизом в пользу города, а Санкт-Петербургская дума даже учредила особый комитет для наблюдения за кабаками. Во-вторых, меры, принятые земскими собраниями многих губерний, но о результатах их мероприятий мы ничего не знаем, исключая того, что они, подобно думам, хотели еще раз обло-

¹ В московских кабаках до сих пор нет других закусок, кроме маленького кусочка хлебца величиной в семитку. В винных погребах – везде закуска.

жить налогом патенты для увеличения земских сборов. Правительство совершенно основательно сочло такое обложение излишней роскошью, а земские учреждения на это отвечали, что «мера эта будет иметь следствием то, что приход (земских учреждений) не покроеет предполагаемого расхода и земские учреждения принуждены будут отказывать правительству в удовлетворении той или другой потребности».

В то же время меры против пьянства принимал и сам народ. Еще в 1864 году на заводах нижнетагильских, северском, верхнеисетском и ревнинском восемь сельских обществ открыли у себя общественные городские питейные заведения, в которых продажа должна была производиться на капитал общества и в пользу его. В 1866 году в Уфимском уезде на железном заводе Белосельских-Белозерских также состоялся приговор не давать никому разрешения на продажу напитков, и если не будет препятствия от акцизного управления, то открыть три питейных заведения от имени общества. Устройство дела возложено было на собрание выборных. Таким образом, сама жизнь пыталась еще раз выработать себе общественные питейные дома, в которых несколько веков назад зародилась культура русского народа.

Ранним утром первого января 1863 года открыла свои действия новая акцизная система, и дешевая водка, оставшаяся от откупа, окрещена была именем «дешевки». Народ был счастлив, что дешева водка, столь для него необходимая, и, собравшись перед домом одного откупщика, пропел ему анафему, а своему государю возгласил многолетие. В Шуе на Святках кто-то ходил по трактирам, замаскировавшись в надгробный памятник откупу. Ходячий памятник представлял большой четырехгранный столб, широкий снизу, узкий кверху,

по сторонам его были написаны приличные эпитафии, оплакивающие откуп. На все, что делалось теперь перед глазами народа, он отвечал своими лубочными картинками: «Похороны откупа, или Славный был покойник!» – «Дешевка забирает ловко!» – «Пить до дна – не видать добра!» и так далее. А общество между тем кричало, что народ спился, что непременно сопьется. Но и теперь, как и всегда прежде, далеко не весь народ пьянствовал, а потому хлеб сеялся по-прежнему, портной и сапожник по-прежнему шили платье, и весь мир шел своим порядком. Но дело в том, что с годами в народе накопилась достаточная сумма надломленных сил, что у многих из народа появилось денег больше, чем прежде, *а девать их некуда*, как только пропить, и, с другой стороны, оказалось много людей или готовых выпить, или убедившихся, что *легче напиться, чем наесться*, и вот к кабакам потянулась целая вереница разного люда:

Да, шумно и пьяно!
Кабак – без изъяна!

Придут они в кабак, выпьют, а закусить нечем, и закусят или ржавой селедкой, которая продается тут же у самого входа в кабак, или вместо закуски выпьют еще раз, во всяком случае выпьют довольноно. А в такой стране, где ни в одном простом трактире не найдешь другого чаю, кроме подкрашенного, водка не хороша; по воскресеньям и праздникам еще хуже, так что сделалось правилом по воскресеньям водки в кабаках не покупать. В иных местах, как нам хорошо известно, водка попадалась с дурманом. Даже «Биржевые ведомости» заявляли, что «некоторые личности разносят по кабакам какие-то разнообразные примеси». Между тем по случаю земских и других учреждений, вновь вводимых,

то и дело сзывали народ на сходки, а сходки – около кабаков: соберется народ, потолкуют и выпьют, а когда нет денег, то придумают штраф какой-нибудь с мужика или с бабы. Последствием всего этого было увеличение числа умерших от употребления вина и опившихся до смерти. В 1842 году умерло от употребления напитков, или, по выражению одного отчета, захлебнулось вином, 939 человек; больше всего в Москве и ни одного в Астрахани. По исчислению Заблоцкого, опившихся в 1842–1852 годах считалось в 55 губерниях 7562 человека, больше всего в Москве и меньше всего в Малороссии, где водка была лучше и дешевле и не было кабака.

По сведениям за позднейшие годы оказывается, что умерших от пьянства в 1855 году было 1423 человека, в 1856 году – 1535 человек, в 1857 году – 1713 человек, в 1858 году – 1774 человека, в 1859 году – 1713 человек. Опившихся в 1863 году и счесть трудно. В Костроме на пространстве 1842–1853 годов опившихся было больше всего в 1850 году, именно 37 человек. Затем были годы, как, например, 1852-й, когда опившихся было только 7, в 1853 году – 8; но в 1863 году число их дошло до 179. По отчетам самарского статистического комитета, опившихся в Самаре в 1862 году было 48 человек, а в 1863 году – 192 человека. В Тверской губернии опившихся в 1860 году – 35 человек, в 1862 году – 48 человек, а в 1863 году – 125 человек, в 1864 году – 132 человека; мертвых тел найдено в 1863 году 158 человек, в 1864 году – 204 человека. Опившихся в Вятке в 1863 году мужчин – 205, женщин – 20, всего – 285 человек. Из них государственных крестьян – 216, женщин – 5; удельных мужчин – 11, женщин – 1; временнообязанных, мужчин – 7; солдат и солдаток: мужчин – 12, женщин – 3; мещан: мужчин – 9, женщин – 2; заводских рабочих, мужчин – 4; чиновников – 3; духовного звания – 3.

В Рязанской губернии число умиравших от пьянства в 1854 году – 17 человек, в 1855 году – 24 человека, в 1856 году – 26 человек, в 1857 году – 28 человек, в 1858 году – 32 человека, в 1859 году – 23 человека, в 1860 году – 29 человек, в 1861 году – 45 человек, в 1862 году – 48 человек, в 1863 году – 98 человек и в 1864 году – 117 человек, то есть в последний год умерло столько же, сколько в первые пять лет. По сведениям «Северной почты» о происшествиях только за первую половину 1863 года, число жертв преждевременной смерти было 7155 человек, и в том числе от пьянства ежедневно умирало 7 человек. В Курляндии (где свободное пивоварение) и в Украине (в губерниях Полтавской, Екатеринославской и в Бессарабской области) умерших от пьянства не было. В Москве, по отчету обер-полицмейстера за 1842 год, взято за пьянство мужчин – 6405, женщин – 1319, всего – 7224 человека; по отчету же за 1863 год: мужчин – 10000, женщин – 2128, всего – 21 794 человека. Сколько из них и из массы тех, слух о которых не достиг до полиции, умерло от пьянства, – неизвестно; но судя по ежедневным известиям в «Московских полицейских ведомостях» о людях, явно умерших от пьянства, – число их страшно велико.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ КАБАЧЕСТВА

НАША ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

После того как на матушке Руси *кабаки* размножаются не по дням, а по часам, когда что ни шаг, то кабак, когда поистине можно сказать: «питейных тысячи¹, а школы ни одной», – в это время у всякого честного человека невольно рождается вопрос: что ж это такое «*кабак*», откуда взялась эта черная немочь, сдавившая Русь в своих нежных объятиях?

Было время, когда русский народ жил по *обычаям своим и по закону отцов своих*. Весь народ, с князем и епископом, составлял одно целое, жил одной общей мирской жизнью, представлял один *русский мир*. Важнейшей общественной связью служило *братство*; у народа были свои *русские песни*, свои *пляски*, своя *музыка*, свои *пиры*, пиры бывали *княжеские*, братские (братчины) между несколькими семьями, между одними мужчинами и отдельно между девицами (складчины). На пирах, на праздниках, при обрядах свадебных и погребальных народ пил свои истаринные напитки *брагу*, *пиво*, *квас* и *бархатный мед*, каждая семья непременно варила к празднику *хмельную бражку*. Люди достаточные, князь, епископ, пили виноградные вина. Вообще все пили питье домашнее, почти даровое, здоровое, а

¹ Читай: миллионы.

хотя не могли не встретиться случаи неумеренного употребления питей, но пьянства совершенно не было, пьянство было немислимо: ряды кабаков, вечно переполненных пьяным людом, не возмущали еще светлого потока народной жизни.

В XIII веке являются татары, господствуют два с половиной века и томят народ разного рода податями, и вот татары, наконец, уходят, но подати (тамга) остаются. С XIV века, усиливаясь все более и более, появляются налоги на *брагу, пиво, мед*, на *квас*, а с конца XIV века, когда в России в первый раз появилась *водка*, и на *водку*. До сих пор напитки в больших городах продавались в корчмах. В XIV и в XV веках корчмы мы встречаем в Новгороде, в Твери, в Смоленске, в Пскове. В других городах корчем не было, а в селах и по-давно, но и в упомянутых городах было не больше, как по одной или по две корчмы. Но когда появилась водка, корчмы стали размножаться, и явилось кое-где пьянство. Для свежей и здоровой земли явление пьянства было не по нраву; со всех сторон поднялись против него голоса духовных владык и князей.

Случалось, князь, чтоб ослабить пьянство в *тайных корчмах*, уничтожит их, а заведет свою *казенную корчму*, но узнает про это владыка и пишет ему: «Князь, не хорошо: снеси прочь корчму», – и князь корчму сносит... Так дело шло до второй половины XVI века, когда в русской жизни вдруг возник новый отпрыск татарщины... кабак, которым мы обязаны татарам вместе с тамгой, правежом и другими подобными благами. *Кабаком* (слово татарское) у татар называлось сначала *село, имение* и потом *постоялый двор*, где, кроме съестных припасов, продавались и напитки, употребляемые татарами до 1389 года, когда, приняв магометанскую веру, они должны были отказаться от вина. В Казани во время взятия ее Иваном

Грозным, в 1552 году, упоминаются *кабацкие врата*. После казанского похода Иван Грозный заболел, потеряв царицу, и потом, отдав управление земщиной касимовскому татарину, окружил себя опричниной, для которой за Неглинной, между Арбатом и Никитской, он построил дворец, а на Балчуге завел избу, где бы опричники могли пить и гулять, сколько им угодно, и назвал эту избу *кабаком*. В этот кабак приходили другие люди, покупали там *водку*, кабак тотчас же оказался делом выгодным, и вот наместникам областей предписывается уничтожить везде вольную торговлю напитками и заводить *царские кабаки*. Но чиста и здорова еще была народная жизнь, и царев *кабак* на Балчуге, по выражению современных памятников, возбудил многое нареkanie и погибель. Царь Федор Иванович, как рассказывают, велел сломать этот кабак, но зато тотчас же по смерти отца пожаловал Ивана Петровича Шуйского великим жалованьем, отдав ему город Псков с пригородами и с *тамгою* и с *кабаки*. Сделался царем Борис Годунов и, по словам Бруссова, запретил употребление вина и содержание корчем и в то же время вновь открыл кабак на Балчуге, который и получил название *большого царева кабака*. Место этого знаменитого прапращура российских кабаков указывают у Каменного моста, где теперь винный двор. До сих пор пьянство в нашем теперешнем смысле было редким исключением, и народ, заплатя явку за пиво и мед, варил его дома и пил его у себя дома, сколько ему угодно. Но когда варить пиво и мед и курить вино было запрещено, когда все эти напитки стали продаваться от *казны*, когда к слову *кабак* приложился эпитет *царев* – народ поневоле потянулся к кабаку, и пьянство увеличилось. Зараза входила в жизнь мало-помалу; появление *царева кабака* в каком-нибудь месте сначала пугало народ, и он писал к царю: «Царь, вели снести кабак». И царь кабак сносил. В глазах наро-

да кабак сделался чем-то проклятым. «*Кабак*, – говорил народ, – *прóпасть*, – тут и *пронáсть*». Явилось поверье, что церковь, поставленная на месте кабака, непременно провалится. В Новгородской губернии в Грузинском погосте в 1681 году появился кабак, а монахи соседнего монастыря пишут к царю, что тут кабаку быть нельзя, ибо это место святое, здесь апостол Христов Андрей Первозванный посох свой водрузил, и благочестивый царь посылает грамоту, чтоб кабак снести.

Лучшим доказательством того, как туго кабак прививался к жизни и какие надо было употреблять усилия, чтоб сделать его необходимым и пр., может служить история распространения кабаков.

Кабак еще с самого начала оказался вещью выгодной, и были употреблены всевозможные меры, чтоб распространить его, но кабак не шел. Цари жаловали кабаками князей и бояр и даже татар, всякий мог приехать в Москву и *купить* там себе кабака, т. е. право поставить его там, где ему хотелось, а вместе с кабаком брались на откуп и все напитки, даже сусло и квас, народу нечего было пить – но кабак все не шел вперед, а, напротив, появилось множество *тайных корчем и ропат*, которые по милости того, что были скрыты от общественного надзора, скоро сделались местами разврата. Народу сделалось противно самое имя кабака, и велено называть их *кружечными дворами*, и очень часто случалось, что отдают кабака на откуп, и в целом округе не оказывается *ни одного откупщика*. В деревнях кабаки строго запрещались (до конца XVII века), и еще в 1665 году существовали честные русские люди, вроде Ордына-Нащокина, который, замечая зло, распространяющееся от казенных кабаков, хлопотал о прежней вольной продаже напитков.

В Москве в начале XVII века было, кажется, не больше двух-трех кабаков, но к концу века они увели-

чились неимоверно (по тогдашнему понятию). Кабаки начинались с самого Кремля. Здесь при царе Алексее Михайловиче, на Земском дворе, возле самого государева дворца, с ведома Приказа начальных людей были заведены кабаки, где разные ведомые вары, собравшись в артели, торговали вином. Всех этих варов было больше тысячи, и артель их получала большие выгоды. В XVIII веке в Кремле были известны два кабака: один духовный, другой подъяческий. Первый помещался на Красной площади, под известной царь-пушкой, и назывался: *«Неугасимая свеча»*. Здесь после вечерень обыкновенно собирались соборяне, пили и пели «Пасху красную». Подъяческий кабак стоял ближе к дворцу, перейдя туда вместе с Приказами, – он стоял под горой, у Тайницких ворот, и назывался *«Катон»*. При Анне Ивановне кабак этот заметили, и в 1733 году велено было из Кремля вывести его немедленно вон и вместо того одного кабака поставить, где надлежит, несколько кабаков, а в Кремле отнюдь бы его не было. Из других московских кабаков славились Каменноостровский кабак, служивший притоном всяким ворами, и *«Красный кабак»* (Таннер), куда собиралось все, что только было тогда в Москве разгульного. Из особенно замечательных старых кабаков упомянем о кабаке у Воскресенских ворот, где нынче свечные лавки. Сюда, еще на памяти старожилов, собиралось после присутствия все подъячество. Между Моисеевской площадью и Никитской был кабак, называемый *«Каменный скачок»*, ныне просто *«Скачок»*. Против Моисеевского монастыря стояло *«Тверское кружало»*, а где ныне Воронин трактир, там был *«Стекланный кабак»*. В XVIII веке всю Россию обнимает откупная система, распространившаяся потом на Сибирь, на юг, где до тех пор московских кабаков не знали. Домашнее пиво и медоварение прекращается, и

начинается пьянство в кабаках. Кабак делается местом сбора для бесед, местом отдыха от трудов, где мужик, испивая *сиротские слезы*, имеет счастливую возможность забыться на минуту от своей тяжелой участи (это было в XVIII веке: теперь дело другое).

Раз уже поставленный где-нибудь, кабак тут уже навсегда и остается, делаясь спасительным маяком для всего округа и обрастая народными воспоминаниями. «Тверское кружало», стоявшее в Охотном ряду, в XVIII веке заменяется «Цареградским трактиром», который завел какой-то грек (теперь это гостиница «Париж»). Идя от «Цареградского трактира» далее по Тверской, на углу Газетного переуллка мы находим «Старый кабак», прославленный августиновским кучером. На Саввинском подворье жил Августин, у него был кучер из духовного звания, Илья. Этот Илья иногда до того пил, что его забивали в колодку и приковывали цепью к стулу. Проспавшись на цепи, он вставал, брал в руки стул и со стулом, с колодкой и с цепью на шее снова плелся в кабак на углу Газетного переуллка. В 1862 году в Москве считалось, по отчетам откупщиков, 215 кабаков, большая часть их идет от XVIII века. Голь кабацкая – главные посетители кабаков – проводила там время с женщинами, и за минуты буйного веселья среди этих женщин голь почтила их благодарной памятью, соединив их имена с именами кабаков, которые они посещали. Таков известный кабак «Танька», получивший имя от Таньки, известной разбойницы, хотя другое предание говорит, что местом посещения ее было «Петровское кружало».

Шла Татьяна пьяна
Из Петровского кружала,
Обидели ее солдаты...

Более или менее подобным образом получили свои названия кабаки: «Татьянка» (Мясн. ч., 1 кв., каз. д.), «Агашка» (Хамов. ч., 4 кв., 374), «Эколка» (Леф. ч., 3 кв., 372) и «Аринка» на Девичьем поле. Многие кабаки получали имена от местностей, где они находились, и от других случайных причин: «Синодальный кабак» (Город. ч., 3 кв., 94, 96), «Казенка» (Яким. ч., 1 кв., каз. д.) знаменитая некогда «Старая изба» (там же), «Роушка» (Пят. ч., 1 кв., 71), «Ленивка» (там же, 2 кв.), «Веселуха» (там же, 1 кв., 71), «Каковинка» (Арб. ч., 2 кв., 203), «Щипок» (Серп. ч., 2 кв., 315), «Подберезка» (Пресн. ч., 5 кв., 681), «Варгуниха» (Срет. ч., 4 кв., 559), «Разгуляй» (Басм. ч., 3 кв., каз. д.). Кабаки по окраинам города назывались прощами или росстанями, как, например, существующие до сих пор Тверские росстани (Суц. ч., 1 кв., каз. д.). Явилось множество кабаков, называвшихся по имени бань, около которых они стояли как необходимая принадлежность: кабак «Новинские бани», «Сиверские бани», «Денисовы бани», «Девкины бани», «Барашевские бани», «Ирининские бани», «Елоховы бани», «Петровские бани», «Вишняковы бани», «Крымские бани». От XVIII же века явился кабак «Истерия» (Гор. ч., 2 кв., каз. д.), напоминающий нам о внесенной к нам тогда цивилизации. С этого же века появляются *фартины, трактиры, герберги, рестораны, ренсковые погреба*, и число их в столицах росло все больше и больше, удовлетворяя вновь развившимся в народе потребностям, как поют об этом в Самаре:

Что за славная столица,
Славный город Питербург,
Испроезда всю Россию,
Веселее не нашел.
Там трактиров, погребов
И кофейных домов,

Там таких красоток много,
Будто розовый цветок...
(«Самарские песни». С. 256)

Кабаки начинают появляться по селам и деревням, чего прежде не было. Зуев в своем путешествии по России в 1787 году говорит, что в средней и южной России он не нашел ни одного города, где бы не было нескольких кабаков; встречались ему такие села, где не было ни одного дома, в котором не торговали бы водкой. Но почти во всяком городе была пивоварня. В Москве в начале нынешнего века существовали еще сотни пивоварень. Но откупная система увеличивается более и более, откупная сумма доходит в 1850 году до 106 000 000 рублей серебром, употребление пива уничтожается, исчезают наливки, настойки, травники, делаются преданием старинные квасы и меда, и народ поневоле налегает на одну водку. Мы дошли до нашего времени и говорить бы больше не следовало: *имеющий очи видети да видит*. Но скажем два слова. 215 московских кабаков 1862 года в 1863 году разрастаются, говорят, до числа 3000. Пиво, цена которому в 1698 году была 12 копеек за ведро, в 1765 – 33 копейки за ведро, в 1862 – 10 копеек серебром за бутылку, теперь 8 копеек, и пива теперь уж больше никто не пьет¹. Как отцы и попечительные наставники, высятся над кабаками тысячи гостиниц, трактиров, ресторанов, харчевень, и везде народ, музыка, волчки, разные игры, девы, песни, и тысячами помирают опившиеся...

Руину славы Рим пропивав,
Тризну править.....

¹ В 30-х годах требовалось для Москвы до двух миллионов ведер пива, в 1858 году – только 300 000; интересно знать, выпивается ли теперь хотя 25 000 ведер?

КАБАЦКИЕ ЦЕЛОВАЛЬНИКИ

У славян южных (сербов и болгар), западных (чехов) и у всего немецкого племени, при свободном и своеобразном развитии народностей, выработались в разное время различных названий питейные заведения, куда не стыдятся заходить честные люди, где нисколько не стыдится торговать честный торговец. Туда свободно входят женщины и дети; там художники и артисты пьют вместе с мастеровыми; известные писатели сидят вместе с каменщиками и портными. В то же время у нас в России вырабатывались в жизни *кабаки*, назначенные для одного лишь народа¹, да хозяева этих кабаков, называемые *целовальниками*, – тип истинно московский, неизвестный во всем Божиим мире.

Несмотря на то, что начала, вызвавшие на свет кабаки, были совершенно чужды народной жизни и кабаки вводились силой, но управление кабаками и всем, что относилось до продажи напитков, уже никак не могло существовать вне общих оснований народного права. В государственной, общественной и народной жизни России половины XVI века, когда в первый раз появился *кабак*, везде более или менее действовало *выборное начало*. Это же начало легло в основание первых установлений о торговле напитками. Царь Иван Васильевич Грозный заводит кабак, и надо собирать на кабаки деньги, но кому? Послать ему туда боярина, дворянина, гостя торгового – царь и представить этого не мог: он поручил надзор за кабаками всему обществу, всему народу, он отдал сбор кабацких денег на веру выборным людям. Да дело было

¹ Известно, что солдатам запрещено входить в питейные заведения, равно как и женщинам. Недавно запрещение это распространилось и на нижних чинов морского ведомства.

в том, что кабаки были ненавистны народу, и, без сомнения, нельзя было и ожидать, чтоб для управления кабаками пошли лучшие люди. Народу было сказано, чтоб он выбрал лучших людей, т. е. людей достаточных и верных, которые бы, дав присягу и поцеловав крест, собирали бы кабацкую прибыль на вере.

Но лучшие люди не шли на служение кабаку, шли только те, которым терять было нечего. Таким образом, кабацкие выборные становились в глазах народа людьми низкими и презренными, и особенно те из них, которые заведовали самой продажей напитков. При каждом кабаке выборных было двое: голова кабацкий и его помощник; голове поручен был высший надзор за кабаком, а продавали напитки и *сидели* по кабакам его помощники, и хотя голова и его помощник одинаково целовали крест служить казне честно и верно, и, следовательно, оба были *целовальниками*, но народ оставил это имя за одними сидельцами, назвав их *целовальниками*, а со слов народа этим именем стало называть их и само правительство. С именем *целовальника* народ соединил то постыдное, позорное и бранное значение, с которым оно дошло до нашего времени, и история подтверждает справедливость народного приговора.

Казна требовала все больших и больших кабацких прибылей, и, чтоб вернее достигнуть этого, она в отношении казенного сбора связывала выборных самыми тяжелыми правилами и в отношении к народу, к потребителям напитков, не стесняя выборных в произволе действия. Вместе с этим в Москве того времени, славившейся своим *Шемякиным судом*, своей *московской волокитой*, воспитывался особый разряд людей, готовых за деньги служить всякому нечистому делу. Люди эти, отовсюду сбиравшиеся в Москву, знали, что казна смотрит сквозь пальцы на кабачное дело, и, сойдясь

с московскими подьячими, покупали через них места *кабацких голов и откупщиков*, давая при этом обязательство выбрать с кабака сумму, несравненно большую перед прежними годами. Но как ни дурны были кабацкие выборные, как ни велико было зло, приносимое ими народу, – владельческие и господские крестьяне лишены были даже и этой благодати: целовальников к ним присылали из городов.

Целовальники и откупщики жили вне суда, имели право действовать бесстрашно, только чтоб они к новому году представляли большую прибыль перед прошлыми годами. Москва только и писала к целовальникам, чтоб они торговали, как бы *нашей казне* было прибыльнее, а питухов (которые пьют в кабаках) *не отгоняли бы*. Доносили целовальники, что народ не пьет в кабаках и кабаки пусты, а им на это отвечали, что они доносят неразумно, и как хотят они, а чтоб непременно собрали кабацкую прибыль. Доходят жалобы, что целовальники обмеривают и народ поэтому перестает ходить в кабаки, и приходит позволение самим *питухам* мерять вино при покупке для того, чтоб им впредь приходиться в кабаки было поведено. Меряя напитки неполными и неверными (незаорленными) мерами, целовальники, кроме того, примешивали в водку иное какое-либо питье, подливали воду. На *питухов* они смотрели как на самый подлый народ, с которым можно делать все, что хочешь. В 1643 году шуянин Аксенов бьет челом царю на Шуйского *верного* голову и на кабацких *верных* целовальников, на посадских людей, на Тихона Иконнина с товарищи, что отец его, Аксенова, пьет у них на кабаке безобразно и голова и целовальники кабацкого питья дают ему в долг много, не по животам и промыслу, и «чтоб мне, государь, – продолжает сын, – в том кабацком отца своего долгу не погибнуть и не дойти до того, что и откупить его будет нечем». Поэтому устав-

ными грамотами определяется [количество] напитков на *кружечном дворе*, запрещается целовальникам давать вино в долг и в кабалу, чтоб питухи, как поучает уставная грамота 1653 года, «в напойных долговых деньгах, стоя на правеже и сидя за приставы и в тюрьме, напрасно не помирали». Велят также смотреть, чтоб крестов и образных окладов и книг и всякой церковной утвари и татинных и разбойных рухлядей в пропое под заклад ни у кого не имали. Написывая на питухах лишние напойные деньги, подводя их за это под палки, сажая их в тюрьмы, целовальники, кроме того, давали и деньги займы, как обыкновенно делали это жида-корчмари в Малороссии. Так, шуйский откупщик в 1646 году роздал шестнадцати человекам 55 рублей 50 копеек, каждому от рубля и до восьми. В кабаках, говорит Флетчер, существовали самые низкие и бесчестные средства к наживе, совершались самые низкие преступления. По кабакам заведены были азартные игры, табак, женщины. Там, продолжает Флетчер, работник и мастеровой часто проживали все имущество жены и детей... Пока сидели они в *царевом кабаке*, никто и ни под каким предлогом не смел вызвать их оттуда, чтоб не нанести этим убытка казне. Пили до того, что все пропивали с себя и выходили из кабака буквально *голыми*, как свидетельствуют об этом, кроме Флетчера, и старинные лубочные картинки. Петр Власов, содержащийся под началом в 1686 году, заложил на кружечном дворе свой шейный крест.

Обыкновенно случалось так, что пойдет человек в кабак, думая, что *кабаком-то горе избудется*, встречали его там верные целовальники, называли его братцем, говорили ему:

Испей ты, братец мой названный.

В радость себе и в веселье и во здравие,

Испей чару зелена вина,
Запей ты чашею меда сладкого,
Хоть и упьешься, братец, допьяна,
Ино где цил, тут и спать ложися.
(Стих о Горе-Злосчастии)

Заходил один, заходил другой, пили, начинались драки и «ножовое резание». Целовальники же, виновники этого буйства и драк, возьмут, бывало, обвостренный кусок дерева, вложат его в рот буяну и завяжут на затылке. Обыкновенно же в кабаках делалось так, что напьется человек и уснет; сонного его ограбят и оденут в *чуйку кабацкую* или же убьют. Убить кабацкого пьяницу считалось в Москве делом очень обыкновенным. Память об этом народ сохранил в былине про жену боярина (княжеского богатыря) Дуная, которая, узнав, что мужа ее ведут на казнь, бежит на широкий двор и кричит зычным голосом:

Ой, вы еси палачи немилостивые,
Возьмите-тко казны да колько надобно,
А спутите-тко Дуная во чисто поле,
Да подите-тко ише на царев кабак
И напойте, палачи, да пьяницу кабацкого,
Да отсеките-тко ему вы буйну голову.

И послушались ее палачи немилостивые, выпустили из тюрьмы мужа ее, а у кабацкого пьяницы отсекли буйну голову. Убьют пьяницу, а на другой день свезут его в Приказ, и кому какое дело до него! Или выкинут на улицу пьяного, и все обходят его, боясь к нему подойти. По свидетельству Коллинса, жившего в царствование Алексея Михайловича, такой был страх в народе, что знакомые, видя пьяного, валявшегося на улице сре-

ди жестокой зимы, не смели подать ему помощь, боясь ответственности в случае, если б он умер. «Пьяные, – говорит Коллинс, – замерзают, и никто не подаст им помощи, боясь иметь дело с Земским приказом. Жалко видеть, – продолжает он, – как человек по двенадцати замерзших везут на санях; у иных руки объедены собаками, у иных лица, а у иных остались только голые кости. Человек двести или триста привезено было таким образом во время поста». Не нужно говорить о том, что страх прикоснуться к пьяному, замерзающему на улице, не прошел и до настоящей минуты.

Кабак делался мало-помалу местом страшным и скверным. Мать, провожая сына, предостерегала его от кабака да от дружбы с целовальниками:

Не ходи, чадо, к костарем и корчемником,
Не знайся, чадо, с головами кабацкими.

Под влиянием ужасных сцен, совершавшихся в кабаке, – и вино, и кабак, и кабацкие пьяницы, – все это приняло дьявольское, темное, нечистое значение. Не перекрестивши рта, не перекрестивши стакана с вином, нельзя было выпить – иначе вместе с вином вскочит в рот и дьявол, сидящий в стакане. Дьяволы лично являлись в кабаках и спаивали народ. Опившиеся в кабаках или убитые там считались уже нечистыми, их не погребали, а зарывали в лесу. Патриарх Адриан повелел, чтоб всех, которые, играя, утонут или вином обопьются, не отпевать, а класть в лесу или на поле. Отсюда-то распространилось злое, суеверное народное мнение, что если на общем кладбище похоронят опийцу, то быть неурожаю или засухе. Недавно еще в одной деревне во время случившейся засухи народ вырыл из могилы

труп крестьянина, умершего от пьянства, и, изуродовав его, бросил в реку («Спб. ведомости». 1861. № 175).

Несмотря на то, что прежние целовальники как люди выборные часто сменялись, несмотря на то, что при введении откупов в прошлом веке уже не было *верных целовальников*, но имя их, их значение сохранилось в названии кабашных сидельцев *целовальниками*, они остались навек памятны в позорной брани: «Целовальник!» С развитием откупов к целовальникам присоединились целые массы откупных чиновников, агентов, приказчиков, надсмотрщиков, безнаказанно-дерзко употреблявших все средства спойть народ. Целовальники, служившие в откупах, получали прежде жалованья от 6 до 8 рублей в месяц, и только те получали 25 рублей, у которых продажи было не менее как на 2000 рублей.

И несмотря на то, что из этого скудного жалованья целовальники должны были платить за утечку, за освещение кабака, за бой посуды, кроме того, платить штрафы, угощать полицию и пр. и пр., – желающих служить целовальниками была целая бездна. Целовальники в Москве и жида-шинкари на юге наживались, богатели и делались *откупщиками-миллионерами*, как некоторые в Москве и десятки жидов-откупщиков. Значит, кроме миллионов, получаемых казной за откупа (в 1859 году эта сумма выросла до 127 769 488 рублей 32 копеек серебром), кроме сотен миллионов, наживаемых откупщиками (по вычислению Бабста, до 600 миллионов ежегодно), сколько еще миллионов наживали целовальники! Да и как им было не наживать! Целовальник находился как бы вне законов: полиция не могла ничего сделать с ним без откупщика. Целовальник знал одну власть – откупщика, имел одну цель – обирать народ. Он обмеривал, обсчитывал, обкрадывал народ, торговал краденными вещами, торговал даже

мелкой монетой, извлекая ее из народного обращения, и за все это продавал водку, разбавленную водой, известью, сандалом, куркумом, суриком (*Китмара*. О винокурении. I. С. 38). Нахальство и насилие дошли до того, что у одного откупщика вместо пробок затыкали посуду жеваной бумагой, которая размокала и обращала водку в какой-то грязный настой.

Пример кабаков действовал соблазнительно. Виноторговцы вместо виноградного вина стали продавать пойло из бузины, винных ягод и разных красок; пивовары стали вместо хмеля класть в пиво ягоду куклеванец, — чем отравляют рыб и что строго запрещено, — и вдруг развилась обширная торговля куклеванцем («Инвалид». 1862. № 263). Зараза и нравственный разврат проникали в народную жизнь все глубже и дальше. Сначала в целовальники шли одни гнусные промышленники, развращавшиеся в городской жизни, потом в разных местностях сделалось обычаем вместо заработков ходить в города в целовальники, и, наконец, появились целые села, откуда на всю Россию выходили целовальники. Таковы богатые села Рязанской губернии, Зарайского уезда: Беломут, Ловцы, Любичи и знаменитое государственное село Дедново («Русская беседа». 1857. С. 49).

Одновременно с размножением на севере целовальников, в Малороссии и Белоруссии распространились повсюду жида-шинкари. Усилением жидов на счет умного, доброго и честного украинского народа Украина обязана сначала полякам, а потом Москве, которая народу не давала водки, а жидам и полякам позволяла делать все, что угодно. До последнего времени вся Малороссия и Белоруссия стонали и стонут еще под игом поляков. Украинский народ был для польского пана низким *хлопом*. Народ панам поставлял *меда* да *вина ситни*, а паны за это усеяли всю Украину шинка-

ми, отдав их вместе с народом в аренду жидам. Украинская дума описывает подробно, как с давних времен не было добра в королевской земле, как «жиды-рандари зарандавали» всю Украину:

Як жиды-рандари
Всі мляхи козацьки зарандавали,
Що на одній мши
Да по три шинки становили.
Становили шинки на долинах,
Зводили щогли на високих могилах.

Идет казак, продолжает дума, мимо кабака, с ружьем на плече, идет убить, на реку утку, чтоб покормить свою жинку с детьми, а жид глядит из кабака в форточку и говорит своей жидовке:

Эй, жідівочко ж моя Ряся,
Що сей казак думає, що він у кабак не вступить,
За денежку горілки не купить,
Мене, жида-рандаря, не перепросить,
Щоб позволив ему на речці утя вбити,
Жінку свою с дітьми покормити.

И не одна нужда выпить, не одна нужда угодить жида, заправлявшему всеми делами, заставляла человека пить в кабаке, – часто тянуло его туда присутствие жидовки-корчмарки, которая ласкала и приглубливалила человека, чтоб потом его вернее обобрать. Но было время, когда круто приходилось и жидам. По указу 26 января 1725 года кабаки Смоленской губернии были отданы на откуп жидам Борху и Лейбову, но они действовали так хорошо, что через два года велено было сделать с ними расчет и выслать их вон из

России и вперед не пускать. Гонение на жидов продолжается до 1764 года, но, к несчастью, без всякой пользы для народа, потому что народное благосостояние нисколько от того не увеличивалось. Наконец, после долгих колебаний за и против жидов закон 1845 года окончательно запрещает жидам торговать в шинках по деревням, селам и хуторам. Запрещенье это остается и в положении 1863 года. И тут-то, среди глубочайшего всеобщего молчания о пользах народа, начинают снова раздаваться голоса за жидов-корчмарей, поднятые в видах народной пользы («Биржевые ведомости». 1862. № 208 и др.). Один предводитель дворянства, указав на важное значение жидов для благосостояния губернии, ходатайствует о допущении их торговать в шинках, — тем более потому, что украинский народ *отказывается* брать в аренду шинки, — и свидетельствует, что с освобождением крестьян некому будет содержать шинки, кроме жидов, а с воспрещением этим последним шинковать — шинки должны будут закрываться, и тогда *дворянство понесет убытки* [Sic!] («Биржевые ведомости». 1863. № 60). Предложение это было принято, как видно из циркуляра от 23 мая 1863 года № 333, и дозволено жидам в местах их оседлости заниматься питейной продажей повсеместно, на общем основании... Народ в Украине дал дорогу жидам-корчмарям, сам же совершенно отстранялся от участия в торговле вином. «Отчего вы не торгуете вином?» — спрашивают тамошнего крестьянина. «Боимся проторговаться». — «Да отчего ж жиды не проторговываются?» — «Да у жиды, — отвечает народ, — бачьте, и жидовска натура, а у нас натура мужицька, христианска» («Московские ведомости». 1863. № 54). Но кроме украинского народа, в южной России живет много староверов, и, кажись,

они могли бы взяться за торговлю вином; но неслыханное дело, чтоб старовер или молокан был когда-либо откупщиком или целовальником. Не то мы видим в России (т. е. Великороссии). Здесь народ думал, что со времени нового питейного устава всякий, взявший патент, может торговать где угодно, – но вышло иначе. Можно торговать всем свободно, исключая крестьянина, который не может открыть питейное заведение без согласия Палаты государственных имуществ или помещика, да еще своего общества. И слава Богу! Будь иначе – вся Великороссия обратилась бы в один обширный кабак, потому что «цивилизация» успела уже захватить и села и деревни. Но обернем медаль на другую сторону. Написано, что откупы уничтожены, что торговля вином свободна, но, несмотря на это, спокойно отдаются в селе Иванове и в деле Васильевском все трактирные заведения, ренсковые погреба и кабаки в откуп винному сидельцу Сидорову на четырехгодичный срок («Московские ведомости». 1863. № 16).

Шинок, несмотря на всю его мерзость, все еще сносен для украинца, потому что к нему привыкли, но ничто не могло приучить южнорусский народ к кабаку. На человека, который решился бы идти в кабацкие целовальники, в Украине смотрят как на хриstopродавца. Кабаков великое множество, и буквально ни один честный и добросовестный человек не пошел в целовальники: целовальниками сделались бывшие сидельцы в кабаках и множество подобных им людей, воспитанных в городском разврате и вышедших теперь на свет вследствие явившегося на них запроса. Нет надежды, чтоб когда-либо исчез с лица русской земли тип целовальника, сложившийся с такой крепостью в московском государстве!

ГОРОДСКИЕ ПЬЯНИЦЫ

«Подлые люди и поныне пьяных напитков употребляют, может быть, более, нежели где инде, однакож нельзя назвать всех пьяницами».

Болтин. «Прим. на лексикон». II. С. 243.

Так отзывался о народе один из русских историков прошлого века. С тех пор много утекло воды, много переменялось. На народ уж больше не глядят как на подлого пьяницу, и пьянство в народе представляется уже не как безусловный порок, а как печальный факт, обусловленный историческими судьбами. Народ не мог не пить, не мог не пьянствовать. С XVII века и до окончательного введения откупов курить вино и варить пиво дозволено было черному духовенству, дворянам, детям боярским, приказным людям, людям гостиной и суконной сотни – словом, всем, исключая народа: народу определено пить водку в кабаке. Мы видели, что такое «кабак», что такое «верные целовальники», мы знаем, что терпел народ, знаем, что единственным счастьем его было «завить горе ремешком, хлебнуть сиротской слезы». Совершенно в другом положении было общество, на стороне которого были и всевозможные права, и довольство, и большая свобода, и просвещение, но общество пьянствовало и пьянствует несколько не меньше народа. Попробуем войти в кабак XVII века.

Судя по описанию орловского кружечного двора, в 1679 году кабак представлял следующий вид. Войдя на двор, огороженный дубовым тыном, мы видим сосновую избу в три сажени, при ней клеть с приклетом такой же меры и погреб с выходом, построенный из дубового де-

рева. Двери и ворота запираются железными цепями и крюками. Кроме шести таких цепей, есть еще цепь о двенадцати звонах с ошейником – для пса или для человека – для кого случится (Белев, библ. II. Прилож. С. 14). В избе на стене висит светец, уши железные, у печи лежат топор и рогачи, и где-нибудь на полке хранится клин, который пьяным вставляли в рот и завязывали сзади. Кроме ставцов и ковшей, в кабаках находится разная посуда: яндова, осьмуха, полуосьмуха, воронка большая медная, а для мелкой продажи *крюки* – чарки с крючком вместо ручки, висевшие по краям яндовы¹. За стойкой сидит целовальник, и если кабак казенный, то в углу сидят подьячие, которые пишут, сколько и кому продано вина, выдают кабачные *памяти*, собирают явочные пошлины и пр. Летом кабак пуст, но зимой и по праздникам, особенно на святой и на масляной, полон с утра и до ночи. Гости кабацкие разделяются на два главные рода – одни придут, выпьют и уйдут, другие вечно сидят и пьют. Пьющие на кабаке опять разделяются на два рода: одни – пьяницы из народа, так называемая *голь кабацкая*: это нищие, беглые, бродяги, воры, мастеровые. Между ними мужчины и женщины. Другие же – пьяницы, вышедшие из городского общества, называемые *кабацкими ярыгами*. Это – духовные, бояре и подьячие. Здесь преимущественно мужчины, ибо женщина в «обществе» загнана и лишена даже права пойти в кабак. Пользуясь актами, изданными правительством и частными людьми, мы имеем самые подробные известия о городских пьяницах.

С самого XVI века идет непрерывный ряд обличений против «запойственного жития» духовных особ. Курбский, «Стоглав», дополнения к Судебникам, все Соборы, Иван Грозный, Алексей Михайлович, Духов-

¹ Изгнанные из употребления откупщиками *крючки* в настоящее время снова вошли в жизнь: столь живуча сила обычая.

ный Регламент – все твердят об одном и том же. Выписью 1552, данной царем Иваном Васильевичем Берсеневу и Хованскому, запрещается в Москве «священническому и иноческому чину в корчмы входить и в пьянстве упиваться, празднословить и даяти, а которые учнут по корчмам ходити и учнут в пьянстве упиватися и по дворам и по улицам скитаться пьяными, таких ловить и брать с них заповедь, как и с “простых бражников”, и потом рассылат в монастыри». Судебником 1552 года запрещается «попам по корчмам ходити и в пьянстве упиватися»...

...К посетителям кабаков присоединялись толпы подьячих и приказных. Кабак был и отчасти остался до сих пор единственным народным присутственным местом. Здесь писались жалобы, доносы на помещиков, здесь впоследствии составлялись фальшивые пачпорты, здесь – есть предание – подьячий писал мужикам просьбу об уничтожении «волостей» (Худяков. Материалы для изучения народной словесности. С. 10). К подьячим присоединялись более и более и нередко и дворяне, и другие горожане, которые, по свидетельству иностранцев, целые дни проводили в кабаках, и из этих-то городских пьяниц выработался мало-помалу замечательный тип «кабацких ярыг», существующих благополучно до сих пор («Нищие на святой Руси». С. 160). Это были круглые нищие и отъявленные пьяницы. Толпясь у кабаков, они выглядели человека, которого могли бы спить и обобрать, останавливали проходящих и униженно вымаливали у них «чарочку винца Христа ради». Целовальники делали с ними что хотели. В 1628 году в Шуе был откупщиком «москвитин» Мишка Никифоров с товарищами. Эти откупщики бьют челом царю, что у них в Шуе на «государевом кабаке» ночью 18 декабря учинился грех: упала свеча от поставы с огнем и загорелась на полу рогожа, а в то время в кабаке валялся на полу «в ярыжных князь Иван Гундо-

ров». Вскочил князь и учал тое рогожу гасить, и на нем, князе Иване, порченки загорелись, и ноги от тех порченков потлели. А на князе Иване, продолжает челобитная, есть «черная немочь», и он «ныне (?) тою немощию болен лежит, что ведают многие посадские люди и отец его духовный», а князь Иван «по многим городам на кабаках валяется», то вели, государь, явку тому записать, и если князю Ивану на твоём, «государеве кабаке» случится смерть, то чтоб нам, государь, от тебя в пене не быть. Так торопились донести царю шуйские откупщики, хотя Гундоров, сгоревший (сожженный) в кабаке, тут же на месте и умер. Начинается дело, из которого открываются многие печальные подробности тогдашнего отношения Москвы к областям. Мы уже видели, что в Шую откупщиком был «московитин», т. е. родом из Москвы. Откуп он получил, вероятно, по милости московских подьячих и, приехав в Шую, стал безнаказанно совершать всякие злодеяния. 8 декабря он привез из Москвы грамоту, по которой велено было отдать ему шуйский кабак, бывший до того по вере у выборных людей, именно у головы Ивана Володимерова, которого велено было во всем счете «и долговые, и напойные» (т. е. что должны были пьяницы, что они напили в долг) отдать ему, Мишке, в откуп и ему же отдать запасы и питье, и всякий кабацкий завод, и кабацкий двор, оцепив все это посадскими людьми, и взять за все деньги, и выслать их в Москву, а Володимерову выдать расписку в получении. Воевода, боясь казни, тотчас же сдал новому откупщику кабак со всем кабацким заводом, верного голову Володимерова счел по приходным и расходным книгам и стал требовать у откупщика расписки, но он расписки не давал, а 14 декабря уехал в Москву жаловаться на бывшего верного голову, а вместо себя оставил своих товарищей, Постничка Семенова с четырьмя человеками, которые даже и в откуп не были записаны.

Воевода, боясь ответственности, стал требовать у Постничка с товарищами отписи в принятии кабака и отписи опять не получил, а между тем откупщик, живший все еще в Москве, подал новую жалобу уж на самого воеводу, что он 16 декабря Постничка Семенова с товарищами на привязи мучил и в тюрьму сажал, «в кабацких дворовых денгах», а в заводных и кабак с амбарами запечатан стоял и пития не было, а Постничко с товарищами три недели (?) сидели в тюрьме, да еще вымучил с них двадцать рублей денег, да ведро вина, да приставы и людишки воеводы взяли у них полсема денег». Воевода отвечает, что все это неправда, и с своей стороны доносит, что Постничко Семенов с товарищами 18 декабря ночью сожгли в кабаке до смерти князя Ивана Гундорова, «обертя его в рогожину». Я, прибавляет воевода, писал уже об этом в Москву (да не получил ответа), а князь Гундоров, пролежав у откупщиков в анбаре *одиннадцать* дней, 29 декабря взят был отцом своим князем Иваном Гундоровым. Царь приказал исследовать это дело губному старосте, Флору Кишкину. Кишкин также норовит откупщику и тянет дело до мая месяца, а 29 мая воевода жалуется на него, что он написал ложный обыск, а писал тот обыск дьячок Ивашка Семенов, ведомый вор. Чем кончилось это дело – неизвестно. Должно думать, что дело о сожжении повелено предать забвению, а откупщик с губным старостой стали распоряжаться в Шуе, как у себя в доме. В 1635 году шуяне жаловались царю, что поймали они у Флора Кишкина разбойника Федора Заявецкого, который, чтоб выпутаться, стал клепать посадских людей разбойничьими покупками, а Кишкин начал печатать у них дома. Около этого же самого времени (1634) существовал другой знаменитый «кабацкий ярыга», князь Федор Пожарский. Дяди его, князя Михайло и Дмитрий Пожарские, жалуются на него царю и пишут, что племянник

их «на государевой службе» в Москве заворовался, пьет беспрестанно, по кабакам ходит, пропился донага и стал без ума, а дядей своих не слушает, хотя они всеми мерами его унимали, били «и на чепь и в железо сажали». «Поместье твое, государь, – пишут они, – царское жалованье давно запустошил, пропил все, и ныне, государь, в Можайске с кабаков нейдет, спился с ума, а унять его не умем. Вели, государь, его из Можайска взять и послать под начал в монастырь, чтоб нам, «холопом твоим», впредь от тебя, государь, в опале не быть». Царь написал об этом можайскому воеводе и велел прислать Пожарского в Москву, в разряд. Вместо прекращения подобных кабацких ярыг, с течением времени они все больше и больше увеличивались. Случалось, и дворяне пропивали имения, и одни из них шли промышлять по кабакам, другие – в клубы, третьи делались сводчиками, стряпчими. Пропив все с цыганками, они сами становились цыганами и начинали торговать лошадьми. К подобным дворянам присоединялись толпы «чиновников», сменивших старых подьячих и приказных, и целая армия цеховых и мещан, для которых кабак сделался единственным убежищем в жизни. Между тем, исключая кабаков, выросли притоны кутивших господ, «трактиры» с клубами табачного дыма, с дикими криками, стуком киев «в отдельной» комнатке, где маркер обделывает какого-нибудь господчика. Барство развратило все трактиры и гостиницы; никуда нельзя войти без того, чтоб тебя не приняли за «барина», т. е. за человека, способного кидать даром деньги. Но видно мало было трактиров с одними «машинами». Вся Москва с прошлого года усеялась «трактирами» с арфистками, русскими и немецкими, с танцами, с хорами музыкантов. Эка, подумаешь, веселятся. Но *сволочь*, пившая, как мы видели, некогда в одних кабаках с Пожарскими и Гундоровыми, давно уже живет особняком, сделав кабак

как будто какой-то собственностью людей своего класса. Число городских пьяных увеличивается неимоверно. У них явился даже новый праздник – «понедельник». По понедельникам, как и по воскресеньям, все кабаки набиты битком. Число кабацких пьяниц определяется лучше всего числом кабаков. Кабаков в Москве в 1847 году было 206, в 1862 – 218, а вместе с трактирами и другими питейными заведениями – 371, а в 1863 – кабаков 919, а вместе с другими питейными заведениями – 3168. Экая роскошь, подумаешь! Великое благодеяние для людей, которые, по их же словам, «хлебают сиротские слезы, завивают горе ремешком!»

КОРЧМА

Исторический очерк

История корчмы – это история ополячения, онемечения, отатарения – словом всего, чего хотите, только не развития славянской жизни из славянских начал.

Один из главных признаков сложившейся народной жизни – это следы социального ее устройства, которое проявляется в организации городских общин (гильды-братчины, цехи-артели) и в заведении питейных домов. Общественные питейные заведения делаются известными на Западе со времени Карла Великого. Здесь сходятся все, и светские, и духовные, и в капитуляриях Карла Великого и его преемников не раз повторяются предостережения благоразумной администрации, «*ut monachi et clerici tabernas non ingredientur edendi vel bibendi causa*»¹. С тех пор эти питейные дома живут и развиваются вместе с остальной жизнью Европы вплоть до настоящей

¹ То есть «чтоб монахи и духовные лица не ходили в корчмы для еды и для питья».

минуты (*Delvau. Cafes et cabarets de Paris. Paris, 1862*). Древнеславянские общественные заведения, куда народ собирался для вершения общественных дел, для бесед и попоек, назывались корчмами. «Корчма» вместо «кормча» (*Микуцкий. Отч. по II отд. Ак. н. Отч. 6-й. С. 25*) от. серб. «крма», церковнослав. «кръма» – нища, русск. «корм», откуда серб. «крмача», родител. – «крмача». От славян корчма перешла к эстам (**Korts, Kortsmit**) и к финнам. Корчмы, следовательно, были питейными и съестными домами. Здесь, в корчмах, приставы передавали народу постановления правительства; здесь судились и разбирались возникавшие между приезжими и гостями споры, и корчмы долго заменяли позднейшие ратуши и были гостинными дворами (*Погодин. Исторический сборник. IV. С. 225*). Начиная с XI века мы встречаем корчмы на Руси киевской, у новгородских славян, у болгар, сербов, в Чехии (*Mater Verborum*), в Польше, в Жмуди (Устава земли Жомойтской) и у славян прибалтийских. В Сербии, как и везде, продажа напитков вольная. Душан (1336–1355), подтверждая дубровницким купцам свободную продажу питей, говорит: «и крьчму да носе» (*Майков. История сербского языка. С. 90*). Впоследствии именно в наше время, под влиянием неметчины, корчма у сербов исчезает (*Вук. Кар. Срп. рјечн. С. 309*), но остается еще у болгар, где она сохраняет свое старинное народное значение и отличается от «механы» (гостиница, городской трактир, питейный дом), заимствованной от венгров или от турок. Южнославянская крчмарица, крьчмарка (корчмарка) – это не теперешняя великорусская целовальничиха, а, напротив, один из лучших членов сельского мира. В песнях южных славян корчмарка постоянно является лучшим другом народных героев. У каждого из них есть своя посестрима-корчмарица, которая ухаживает за своим милым, спасает его от гибели.

В корчмах проводит время за вином знаменитый герой южнославянского эпоса Кралевич Марко¹:

Вино пию Кралевиче Марко,
Вино пию у'ладна ме'ана².

Так начинаются почти все песни о Марке Кралевиче, и в одной из них корчмарка Ангелина спасает своего побратима Марка Кралевича от врага его, Гина Арнаутина; в другой песне она отправляется в Софию и сватает за Марко дочь болгарского царя Шишмана (*Попов*. Путешествие в Черногорию. С. 49, 58). Теперешняя болгарская корчма обыкновенно состоит из одной комнаты; посреди ее – огнище, где пылает огонь; в крыше сделано отверстие для дыма; вокруг огнища стоят столики и стулики, на которых сидят гости – старики, собирающиеся для бесед, певцы, которые рассказывают о старине, нищие и постоянные члены корчмы – портной, обшивающий всю окрестность и знающий все новости, поп как один из главных членов сельской общины и дьячки. В углу корчмы приделана лавочка, где продают веревки, орехи, фасоль, пшено, и тут же стоят бочки вина и ракии (водки). К бочке приделана втулка (канелка), заткнутая чепом; из бочки вино наливают в жестяную кружку (ока) или в глиняный кувшин (пукал), откуда оно разливается в чаши. Древнеславянские напитки – квас, пиво и мед – совершенно исчезли у болгар, сменившись виноградным вином, доступным на юге всякому человеку, и водкой, употребляемой только людьми богатыми. У шопов, где больше сохранилось остатков старины, существуют еще истые славянские корчмы с девушками-корчмарками. Корчмы

¹ См. гл. IV «Истории кабаков в России в связи с историей русского народа».

² В холодной, прохладной корчме.

западных славян являются уже центрами общественно-го, финансового и юридического управления (*Preusker. Blicke in die vaterlandische Vorzeit. С. 1, 121 и др.*). Сначала они, как и везде, были вольными учреждениями, куда народ спокойно собирался по торговым дням; потом делались княжескими, казенными или вместе с землей переходили в наследственную собственность арендаторов (шульцов), получавших право заводить *libera taberna* (*Балуев. Симбирский сборник. I. С. 31*), или к духовенству, к епископам, монастырям, и тогда народ стал заводить себе тайные корчмы, *taberna occulta*, известные с XII века (*Погодин. Исторический сборник. IV. С. 222*). В винодольском законе хорватов, по рукописи XIII века, упоминаются уже немецкие «товерна» и «товернар», но на полях рукописи, для означения корчмы, изображен стол, а на нем ведро, кружка и жмуль (Чтения. 1846. IV. С. 27. 41). В Померании корчма, находившаяся в зависимости от жупана, стояла непременно на каждом рынке, в каждой жупе и была центром финансового управления округа. В Колобреге при двух жупанах было и две корчмы (*Гильфердинг. История балтийских славян. LIX*). В польских городах везде, на площади или рынке, среди города стояла корчма, также называемая таверной. В Богемии и Польше, начиная с XI века, известны корчмы вольные и казенные. В иных городах было от двух до четырех корчем: «*in Bitom targowe duae tabernae; in Siewor novum targowe, una taberna; ad magnum sal quatuor tabernae*» (*Szczygielski. Tinecia. II. С. 138; Погодин. Исторический сборник. IV. С. 225*). Свободные корчмари подлежали ведомству и дворовому суду (*curia*) того господина, на земле которого находилась корчма. В юго-западной Руси доселе еще удержалась древнеславянская корчма, и в разных местах Белоруссии встречаются остатки старинных огромных корчем, превращенных теперь в заездные дома и составляющих

как бы кварталы местечка (*Шпилевский*. Путешествия по Полесью и Белорусскому краю. С. 160). И если в Воронежской губернии народ по праздникам собирается уже около кабаков (Этнографический сборник. I. С. 226), то в Виленской губернии еще по-прежнему все общественные дела решаются в корчме (Там же. С. 290), и во всей Белоруссии и Украине, несмотря на все усилия обратить корчму в шинок или кабак, она доселе еще служит обычным местом собраний для дел, бесед и гульбы. В Белоруссии бабку после крестин ведут в корчму; свадьба, отправляясь в церковь, заезжает в корчму. Двор корчмы или сто-дола (сарай при корчме) служит местом собраний парней и дивчат, которые собираются сюда плясать под музыку (Этнографический сборник. II. С. 241; «Вестник Европы». 1828. Кн. 5–8, С. 77). «Що божої; неділі, чі праздника, після обіду, хлопці та дівчата сходютьця до корчми оттанцювать, а хозяїни и жінкі збираютьця до їх додивитись та побалакать де о чім, а під час и чарку горілки випить. От зібралось біля корчми людей вже чи мало, музики грають, парубокъ с дивкою танцюе, а старійши, люльки запаливши, посідали собі на приспі тай балакають» («Основа». Январь 1862). «Да не всіжь и пьяницї, – **рассказывает** дру-гой. – Одні приходять сюда побачитись з добримы людь-ми да побалакать, а другї – так, як оце й я – щоб послухать розумних людей и почуть що робитця у світі» («Основа». Июль 1861). В праздник, когда нет дела, «чоловік» с утра уже идет в корчму и говорит жене: «Нада схадзиць на часок в карчму», – и идет, вполне уверенный, что останется там до обеда или до вечера. Жена обыкновенно отвечает: «пайдзешь на часок, а прасядзишь да начи; виць в карчмы смаянны лавки: как сядзишь, так и паралипнешь» (Этнографический сборник. II. С. 242). Итак, корчма Южной Руси представляется нам коренным народным учрежде-нием, из которого, при движении народной жизни, мог-

ло б вырасти то, что у нас именуется клубами и собраниями, но только в более приличном виде. Тогда как из нашего собрания, пожалуй, выведут человека, к нему не принадлежащего, из свободной народной корчмы не выведут никого, и тогда как у нас женщина стыдится войти в кабак или в трактир, а членами клуба – одни мужчины, в корчму входят все: и мужчины, и девушки. Здесь-то, в корчме, гуляла и прекрасная благородная Бондарувна, жертва польских насилий и один из лучших женских образцов украинской поэзии...

Но совсем уже не то местами, где корчма успела обратиться в кабак или шинок, куда теперь и дівчата частуют («Основа». 1861. X, XVI. С. 85, 60, 61; XIX. С. 130), но уже к позору нашей современности, столь неприлично гордой своими успехами... **дівчата, ночные собрания которых разгоняют для «порядка», собираются в корчмы пить...**

Так как в корчме продавались питья, то отсюда и самое продажное питье получило название корчмы (кръчма), с каким оно постоянно встречается в памятниках Древней Руси (*Miklošich. Lex. Fasc. II. С. 318*); у сербов «продаје на крчму» – значит продавать по мелочи. Слово «кръчъмница» встречается в древнейшем переводе пророчеств Исаяи (Описание славянских рукописей. М., 1855–1869. Т. I. С. 88). В древнеболгарском языке «кръчъмница» – *taberna*, «кръчъмник» вместо «кръчъмник» – *χατηλος*. И с тех пор, вслед за древнеболгарским языком, во всех древнерусских сочинениях кабаки и питейные дома всегда называются корчемницами и как будто облагораживаются этим в сознании духовного писателя. «Приключился, – говорит одна легенда, – яко нѣции челоувѣцы честнїи по мїрскому в корчемницѣм пїяху, и глаголюще с собою о разных вещах» (Памятники старинной русской литературы. I. С. 141). Корчму знает «Русская Правда», составленная около XII века, может быть, в Нов-

городе, и, подобно сербам, употребляет слово «корчмствовать» в значении мелкой, розничной продажи. На северо-востоке Руси, где общественная жизнь развита была гораздо слабее, чем на юге, корчмы не имели никакого значения. Суздаль, Владимир, Москва совершенно не знают корчем; напротив того, в Киеве, удивлявшем в XI веке своим народонаселением, своими восьмью рынками и несметным множеством товаров, в не менее богатом Новгороде, в Пскове и Смоленске корчмы составляли важное городское учреждение. В уставной грамоте смоленского князя Мстислава 1150 года упоминаются «мыта и корчмити» как подать с приезжих торговцев (Дополнения к «Актам историческим». I. 4). В Новгороде и Пскове корчмы – собственность городских общин. Князь, на основании договора, по которому он принят, не имеет в корчмах никакой воли: «а свободъ ти ни мыть на новгородской волости не ставити». По псковской грамоте, которую относят к 1397 году, запрещалось «княжим людем корчмы по дворам не держать ни на Пскове, ни на пригороде, ни ведра, ни корец, ни бочкою меда не продавати» (*Карамзин*. V. Примеч. 404). Это право города не уступали даже соседям. В 1474 году князь-местер Ризский прислал посла к великому князю воеводе, князю Данилу Дмитриевичу, и к князю псковскому Ярославу Васильевичу, и ко всему Пскову и говорил: «Аз князь великой Илифляшской и Ризской повествую, чтобы ми есте мир дали; и яз князь-местер с воды и с земли оступаюся дому Святыя Троица, и всего Пскова, моих сусед, да и за то маюся, что ми к вам в Псков из своей волости корчмы пива и меду не пуцати, а колода отложити по всей моей державе, а на том пишу грамоту и крест целую за всю свою державу и за вси города а опроче пискупа юрьевского и всех юрьевцов». Узнав об этом, юрьевские послы также дали обязательство: «им во Псков корчмы не возити, ни торговати, ни колоде (за-

ставы) у костра не держати» (Памятники старинной литературы. IV. С. 248–249). Вольные корчемники платили подати. В 1417 году псковские посадники, «наймитов наняша и поставиша костер на Крому от Псковы, а поимаша то серебро на корчмитех» (*Карамзин*. V. Примеч. 254). Не то было, не то начиналось в городах, которыми владели князья. Облагая пошлинами напитки, заводя свои княжеские корчмы и преследуя, чисто из корыстных выгод, вольное корчемство, князья вызывали этим появление тайных корчем и пьянство. Звание корчемника, честное в течение нескольких веков самобытного, свободного народного движения вперед, унижалось, делалось преступным. В Паисиевском сборнике XIV века, лист 92, в исчислении занятий, за которые отлучают от Церкви, рядом с чародеями и наузотворцами упоминается и *корчемник* (корчмить). Точно так же и корчемника, поставленного от князя, стали считать наряду с разбойником и мытарем. Так мы понимаем следующее место Никоновской летописи. Здесь, под 1399 годом, сказано про Михаила Александровича Тверского: «во дни убо княжения его разбойницы и тати и ябедники исчезоша, и мытари и корчемники и торговья злыя тамги истребишась» (Никоновская летопись. Изд. 1786 г. IV. С. 287). Кирилл, игумен Белозерского монастыря, около 1409–1413 годов писал можайскому князю Андрею Дмитриевичу: «...и ты, господине, внимай себе, чтобы корчмы в твоей отчине не было; занеже, господине, то велика пагуба душам; крестьяне ся, господине, пропивают, а души гибнут» (Акты исторические. I. 16). Великий князь Василий Иванович запретил смольнянам ставить корчмы, а сын его, Иван Грозный, вдруг ставит в Новгороде восемь царских корчемных дворов. «1543 года, ноября 21, на Введенъев день, прислал князь великий Иван Васильевич в Великий Новгород Ивана Дмитриевича Кривого, и он устроил в Новгороде 8 корчемных дво-

ров» (Памятники старинной литературы. III. С. 200). В Новгороде поэтому заводится страшное по тому времени пьянство, и новгородский владыка Феодосий плачется за несчастный народ: «Бога ради, государь, – пишет он московскому царю, – потщися и помысли о своей отчине, о Великом Новгороде, что ся ныне в нее чинит. В корчмах беспрестанно души погибают без покаяния и причастия» (Вивлиофика. XIV. С. 238; Дополнения к «Актам историческим». I. 41). И, может быть, вследствие этих жалоб 27 января 1547 года уничтожены были в Новгороде все княжеские корчмы: «пожаловал царь и государь великий князь Иван Васильевич, в своей отчине, в Великом Новгороде, отставил корчмы и питье кабатцкое¹: давали по концам и по улицам старостам, на 30 человек, две бочки пива, да шесть ведер меду, да вина горького полтора ведра на разруб» (Памятники старинной литературы. III. С. 153). В Новгородской второй летописи добавлено: «в лето 7056 (1548) генваря в 10 день, князь Иван Васильевич отставил в Новгороде корчмы, и двory развозили» (Там же. С. 201). Должно думать, что корчмы встречались иногда и по другим городам Московского царства и питейные дома Москвы, о которых упоминают иностранцы, также, может быть, носили название корчем. В 1548 году, по жалованной грамоте царя, город Шуя был отдан в кормление боярину Голохвастову «с правдою, с пятном и с корчмою». В выписи 1552 года, данной по приказу Ивана Грозного Андрею Берсеневу и Хованскому, велено было им беречь крепко во всей Москве, чтоб священнический и иноческий чины в корчмы не входили, в пьянстве не упивались, не празднословили и не лаяли (Акты исторические. I. 54). В корчмах и по домам народ пил свои истаринные ячные и медвяные питья: брагу (*санскр.* bgr, bhraj, *нем.* brauen,

¹ Летописец выражается языком своего времени: в 1547 г. кабаков еще не знали.

brût – варительница пива, невеста, *франц.* brasseur), мед (*санскр.* madh, mauth – **сбивать мутовкой**, madhu – **медвяный напиток**, *сканд.* mjodhr), пиво, эль (олуй, оловина), квас – напиток чисто славянский, который соседи-скандинавы олицетворили в образе вещего Квасира; и, наконец, с конца XIV века – водка. Так, из седой, незапамятной старины, когда славяне выходили из своей прародины на Гималаях, они несли с собой напитки и пили их в течение длинного ряда веков, вырабатывая свою культуру. Жизнь шла таким образом до половины XVI века. Воротившись из казанского похода, Иван Грозный запрещает жителям Москвы пить водку – позволяет это одним лишь опричникам и для их попок строит на Балчуге¹ (*татар.* «грязь», «топь») особый дом и называет его кабаком. Кабак – также слово татарское (*Линде.* Материалы для сравнительного русского словаря. Варшава, 1845; Вивлиофика. V. С. 7, 141, 143; *Татищев.* Лексикон исторический; Русские достопамятности. Ч. II. С. 9; сравни: *Гримм.* Deutsches Wörterbuch. V. С. 6). Единственный на всей Руси царев кабак, существовавший в Москве в половине XVI века, распространяется скоро по всему Московскому царству; кроме кабаков, для вина, пива и меду заводятся квасные кабаки, и корчемник, доселе вольный промышленник, человек всеми уважаемый, получает значение контрабандиста; и положительно весь русский народ обвинуен в корчемстве. Каждый торговый день бирючи выходят на площадь и кличут, чтоб крестьяне вина не курили, пива не варили, медов не ставили, а народ, по «замерзлому своему противству», заводит «тайные корчмы, воровские пристани», и по всей русской земле начинается преследование корчемников, продолжавшееся безустанно в течение 300 лет. Псковитянам, простым лю-

¹ Балчугом и теперь в Москве называется место между Москворецким и Цепным мостами.

дям, кабак казался невыносимым злом: Ордын-Нащокин ввел во Пскове вместо кабаков вольные корчмы, и из Пскова писали: «что были кабацкие избы, где всякое бесчиние и смрад были, а ныне в тех избах всякого благолепия исполнено». То была последняя вольная корчма на великорусской земле! Одно уже слово «кабак» было ненавистно народу, и, употребляя его в разговоре в течение 300 лет, он, однако, никогда не решался изобразить его буквами на вывеске. Поэтому в 1651 году царевы кабаки велено было называть кружечными дворами, и хотя народ сократил это длинное название в более сподручное – кружало, но кружало по-прежнему оставалось кабаком. В 1765 году еще раз увидали, что от *злоупотреблений*... (?) название кабака сделалось подло и бесчестно, и его переименовали в питейный дом. Между тем к началу XIX века кабаки распространяются по селам и деревням, и распространение это неудержимо тянется вплоть до нашего времени. В 1852 году – в России 77 838 кабаков; в 1859 – 87 388. «Питейные дома – это притоны бесчинства и разврата», – говорится в «Трудах» Комиссии нового акцизного уложения, и вслед затем громадное число кабаков, существовавшее в последнее время откупов, увеличившись *в шесть раз, переходит* теперь за *полмиллиона*... На кабаке одна лишь сивуха, иначе – сиротские слезы...

Opfer fallen hier
Weder Lamm, noch Stier:
Aber Menschenopfer unerhort¹.

Повторим, чем начали: что история корчмы – это история всего, чего хотите, даже отатарения, только не развития русской жизни из свойственных ей, родных ей русских начал.

¹ «Жертвы падают здесь: не овечьи, не бычачьи, но неслыханно человеческие» (Гёте).

БЫТ РУССКОГО НАРОДА

ИЗ ДЕРЕВНИ

Отрывки из письма

27 апреля 1861 г.

При первой возможности бежать от наслаждений городской жизни, от всех чудес ее науки и просвещения, от всей этой жалкой комедии, которую считают за драму, я бежал. В Великую субботу, 22 апреля, почтовый поезд унес меня от Москвы до Крюкова, где я должен был своротить влево – на проселочную дорогу. Было серо, сыро и холодно. Отличная тройка, с колокольчиком и бубенцами, едва тащилась по дороге, где лежали еще пласты льда, изрытые потоками, или была непроездная грязь. Кореннику все еще можно было идти посередине, но бедным пристяжкам, правой и левой, приходилось плохо. Увязая и проваливаясь в рыхлом снегу, они часто шли где-то внизу или блуждали где-то высоко, ломая кусты и сучья. Но мертвая зима заметно уже оставляла поля и давала место жизни. Овражки, речки шумели и, пенясь, неслись вперед, чуть проглядывало солнце, и вился уже жаворонок; местами зеленела травка. И вот, наконец, я в Середникове, где решил провести праздник. В деревне все было тихо, как будто спали, и только дымок из труб говорил, что идут приготовления к наступающему дню. Мой колокольчик нарушил этот покой. Один из тамошних

жителей после мне говорил: «Как вы испугали меня! Я думал, что это становой: вот когда вздумала его принести нелегкая!» Я остановился у кузнеца Ефима Иваныча. Радостно приняли меня хозяин, хозяйка, дети, которыми я не налюбуюсь. Сын его, Сеня, лет пяти, смотрит малюткой, убежавшим с картины старинного итальянского мастера, и уж бегаёт через дорогу к маленькой девочке, дочери Родивона. Они очень любят друг друга. Девочка эта теперь лежит в лихорадке, но и больная она вспоминает о своем милом Сене и просится к нему у матери...

Хозяин мне показал свое хозяйство. Сперва кузницу, потом двор, коровку, лошадку, садик, где у него три-четыре старые яблони, и свою большую собаку – Серку. Эта Серка забежала на барский двор, где лакеи избили ее и полумертвую бросили в овраг. «Пришли к нам, – рассказывает хозяин, – и говорят, что собака валяется в овраге, вся избита. Поехали, потужили мы, потому что собака была хорошая: зимой так целую ночь на улице и ночует, а глядь, она и пришла. Долго хворала, теперь совсем поправилась, только одного глаза нет да и на шее видны раны». Чтоб спасти собаку от несчастий, которые могли бы ей встретиться в жизни, чтоб сбереечь собаку, хотят посадить ее на цепь. Таким образом, обстоятельства на свете делают, что цепь и ошейник становятся спасением для собаки, как в древнерусских городах терем-тюрьма был спасением для женщин, как острог есть уже милость для бесприютного нищего... Через два дня мы с Серкой уже были друзьями: куда я – туда и она, и я уж без нее никуда не ходил.

Народ в Великую субботу ничего не ест и чаю не пьет, а есть и такие, которые ничего не едят с четверга. Я попросил поесть, и они, со всем радушием добрых людей, дали мне яиц и творога со сливками и, как ис-

тинные христиане, не сделали при этом ни малейшего намека на то, что я ем скоромное. Я был хуже их. Мне совестно было спросить скоромного и нарушить этот порядок их жизни, а они давали мне его без всякой совести, со всей русской веротерпимостью. И на каждом-то шагу такие братские отношения, но, к несчастью, не развитые, а существующие, как природа. Вот вошли в избу чужие мальчики и девочки. «Зачем они?» – спросил я. «Да посмотреть на барина», – отвечают. И ходят они по чужой избе, садятся, где хотят, как будто они были дома. Я в Москве позабыл табак и, мимоходом сказать, должен был три дня пробавляться махоркой. После я рад был, что хоть в махорке живу одинаково с народом, но когда приехал, то спросил, нет ли близко где лавочки. «Нет, – отвечали, – заводили прежде лавочку, да разберут весь товар в долг, и нечего продавать». Известно, что в городах не клади плохо в церкви ни шляпы, ни шубы – стащут. А народ в деревне придет в церковь и навалит на окошко целую кучу шапок старых и новых; кончилась обедня, и всякий выбирает свою шапку, и неслыханное дело, чтобы у кого-нибудь пропала шапка.

Хозяин пошел в баню; хозяйка и дети тоже. Я сел почитать. До заутрени не спали.

Часов в одиннадцать растворили иконостас, зажгли лампы, поставили у образов свечи и потом поплелись к заутрене. Ни зги не видно было, а надо было идти в гору, чуть не по колено в грязи и снегу. Ефим Иваныч почти донес меня на руках. Церковь была полна, ибо известна пословица на этот счет. Спрашиваешь у мужика: «Что, у вас люди богомольны?» – «Очень богомольны, – отвечает, – как в церковь ни приди, все “Христос воскрес” поют». После заутрени кто отправился домой, кто к дьячку, кто к пономарю. И я туда же

пошел. Несмотря на то, что народ несколько уклоняется от причта, он все-таки предпочитает дьячка и пономаря и у них всегда собирается перед службой. У пономаря было битком набито. Меня приняли как старого знакомого, хотя совсем и не знали, и мы не видали, как прокалякали о том о сем часа три-четыре до обедни, и даже захватили подольше. Было уже известно, что сын священника, кончалый, будет говорить проповедь. И вот поставили налой, он вышел, перекрестился и говорит: «Христос воскресе». Весь народ ему отвечает: «Воистину воскресе». Но проповедник на это: «Погодите, я сам отвечу: “Воистину воскресе”». Это, видите, было у него текстом. Все же развитие текста ограничилось объяснением, откуда произошел обряд христосоваться яйцами. Но независимо от этой нравоучительной речи, построенной согласно всем правилам риторики и преисполненной мудростью, недостижимой для мужика, в моей душе на сказанный текст развивалась иного рода проповедь. Мне хотелось скорее сказать свободному народу: «Христос воскресе!», мне хотелось на свободе скорей обнять первого, который мне встретится, и ответить ему со слезами на глазах: «Да, воистину воскресе. Приходит время, когда брат узнает брата, мертвые встают из гробов, и все земнородные радуются». В окна церкви уже пробивался свет утра, а проповедь еще шла; наконец кончилась. Я увольняю себя от описания, как благословляли пасхи, потом резали их, что при этом говорено было с обеих сторон и пр.

Вышел я из церкви и спешил домой, чтоб разговеться с хозяином и выпить, за здоровье его и других, чарку водки, напиться, если это будет нужно, и потом от избытка радости кувыркаться, плясать вприсядку и на чистом-то воздухе запеть песню... Московский господин не увидит, как я кувыркаюсь на улице, и не рас-

славит по городу о таком позоре и званию моему, и мундиру, и тому подобное, и я не буду принужден извиняться в этом печатно... Итак, к веселью!

Первые дни праздника народ проводит благочестиво, и, пока образа не обошли, никто не может спать с женой, хороводы не водят; а только что образа обойдут... Все ожидают образов. Изба чисто выметена, прибрана, иконостас растворен, свечи зажжены. На столе стоят два ржаные хлеба, один на другом, сверху соль, корзина с овсом, а под столом сено. Приносят образа, а священник над приготовленными дарами природы служит молебны. За каждый общий молебен, т. е. всем образам, берут 15 копеек, за одиночный – пятачок, за «воспетая мати» пятачок да на попадью пятачок. Затем причет берет нижний ржаной хлеб, половину корзинки овса, половину соли, для чего за священником носят мешки и корзины, а иногда ездит лошадь. Часто, если священник не может забрать всего хлеба, то оставляет у крестьян, и хотя иногда хозяин неохотно отдает хлеб, но, лежи все оставленное священником еще хоть два года, им не воспользуются и возвратят в целости. Набранный хлеб священник тотчас же отдает бедным взаймы с условием платить через месяц, через два, и таким образом он целый год может питаться крестьянским печеным хлебом. А нарезанные и набранные пироги идут свиньям, яйца же солят. С причтом ходят, и также собирают яйца, богоносы и дьячиха; дьячихе, кроме того, дают три копейки. Причет и прочие в каждом доме угощаются водкой, ромом, вином. В деревню приносят образа богоносы, личности очень замечательные, из дому же в дом носят образа девушки; они же относят их обратно в церковь. Когда они относили образа, я их провожал вместе с народом до реки, потому

что дальше никак нельзя было идти в гору, на которой снег от дождя во время ночи разрыхлел, а где его не было, там глина расплылась. И вот по пустынной-то горе, почти покрытой снегом, взбираются, извившись линией, с образами в руках девушки; одна, впереди, высоко держит крест, и он резко отделяется на белом фоне снега; робко ступая, прокладывают они трудный путь; пение их едва доносится, а народ на этом берегу, провожая их взорами, молится...

Потом выгоняли скотину. Первый выгон скотинки – это всеобщий праздник в деревне, о котором говорят несколько дней, которого ждут не дождутся. Пастух вышел на середину села и заиграл – и бегут ребяташки по домам, крича: «Мама, мама, скотинку выгонять!» Пастух продолжает играть, скотинку все еще не выгоняют, и она мычит нестерпимо. Но вот вышли коровки из одного двора, вышли из другого. Увидя Божий свет после долгой неволи, скотинка, даже старая и опытная, начинает прыгать, скакать: поднимаются мычанье и блеянье. С телятами же нет никакого ладу. Не зная, что делать, не узнав еще друг друга, отвыкнув в долгом одиночном заключении от дружеского характера стада, скотинка начинает бодаться: бодаются коровы, бодаются овцы. Пучками святой вербы гонят девушки скотину вплоть до пастуха, у которого в руках образок и свечка. Старушки христосуются с ним и дают ему яйца и просят его, кто о своей буренке, кто о пестренке, потому что все эти буренки были их кормилицами целую зиму. «Да где же, бабушка, упомянуть мне все имена, – отвечает пастух, – буду любить всех». Ребята приготовили нарочно длинные кнуты для неугомонной скотинки. В поле высыпали все хозяева, весь народ. Девушки, каждая охраняя свою скотину,

смотря за маленькими барашками, чтобы кто-нибудь из них не утонул в воде, провожают стадо до самого поля. Весело, шумно, живо, радостно... Барашки все перемечены, но ребята знают своих и без всяких помет. Так все это близко и дружно живет с природой.

Пока не было еще хороводов, гуляли на улице. Улицы в Середникове уже к одной стороне, на другой же расширяются в площадь или просто в луговину. И множество малюток-детей, мальчики в красных рубашках, девочки в красных платочках, усеяли луг, будто цветы. Играют они в старинные игры, отцы сделали для них качели.

Дня три стояла хорошая погода; и тут вдруг все ожило: и речка, и воздух, и роща. Щука играла; с полной воды несло свежим воздухом; вспорхнул кулик. В селе много охотников. Зимой они бьют волков, лисиц, зайцев, летом ходят за вальдшнепами и другой дичью. Стреляют отлично. «Стреляй в яйцо», – говорит один другому и кидает вперед яйцо, и вот другой выстрелил, и яйцо разлетелось. Речка весной полна рыбой. Несмотря на холодную воду и что на дне реки лед, здоровый народ идет в воду босиком и заводит невод, а выйдет из воды – только жарко, и водки даже не выпьет. Неводом мы вытаскивали десятки щук, по аршину длины, и отличных линий. А раз в заводях поймали щуку пять четвертей длины, два вершка во лбу. Щучки попадались все молошнички: пожмешь, и сочится из нее молоко, а икрянку пожми – сочится икра. На третий день праздника мы пошли ловить рыбу наметкой. Шли мы левым берегом реки, – а река называется Горетовка, – и закидывали, но поймали мало, потому что вода была чиста. Подошли к плотине. Направо просторно разлилась вода и блестит словно гладкое стекло, и вода как будто стоит,

но она не стоит, а возле плотины с двух сторон со всей силой рвется в указанные для ее прохода дырочки.

В последние дни вода была высока, и на плотине караулили день и ночь, чтоб она что-нибудь не нашалила. Чуть увидят, что стало просачивать, то и положат навозу. Тихо стоит спертая вода, залив оба берега, и не на чем остановить глаза. Но зато с другой стороны плотины совершенно другая картина. Из указанных для прохода воды дырочек вырываются желтые пенистые волны, вырываются пятью-шестью фонтанами и свободно несутся вдаль среди самой пейзажной местности. На том берегу с горы приветствует свободные волны великолепный лес; на этом берегу дрожит от них утлая мельница. Любуясь с народом на воду и удивляясь силе, которая могла нас унести вместе с плотиной, – а между тем мы стоим, – я объяснял, как эта сила слаба, когда она разделена, когда она в отдельных капельках, и что могут сделать эти капельки, когда они дружно соединяются в море воды...

Становилось поздно, а рыбы все-таки у нас было мало. Идут охотники на тягу вальдшнепов на закате солнца; мы пошли с ними, да вместо вальдшнепов попали в гости и вернулись домой уже под утро.

Между тем начались хороводы. Дюжины две девушек, одна другой лучше, парни – молодцы. В хороводе нет ни малейшего стеснения, не соблюдается никакого приличия, но все прилично в лучшем значении этого слова. Пьяного, например, выводят, дурачиться не позволяют. Две красавицы-девушки – славные песельницы: это дочь моего хозяина, Праня, и Матреша Миронова. Около хоровода, кругом, стоят матери и любят свои детьми; ребята играют. Вбегут двое в середину хоровода и борются. Все они одеты уже по-вечернему,

кто в длинной шубейке, кто в отцовском большом картузе. Вот милушка-девочка, но она в каком-то белом фраке с пуговицами.

Когда мы не ловили рыбу и не водили хоровода, то пировали. Пирывали каждый день то у одного, то у другого. Пирывания называются беседами. Женщин тут не бывает, но по каким-нибудь особенным случаям на пириваниях являются и женщины. Один из гостей, рассказывая что-то, говорил: «Была беседа, чтоб всем, а жены не пришли, вот он и посылает, чтоб жены были». На столе является большой самовар: пьют чай с молоком. Потом поднимают с самовара крышку и воду накрывают полотенцем, в которое впускают яйца, чтоб они сварились всмятку. Так во всяком доме. Потом опять покрывают крышку, и через несколько минут яйца готовы, и кто-нибудь голыми руками лезет в самый кипяток и таскает оттуда яйца, также несколько не морщась, как если б он по шею в полой воде заводил невод. С яйцами подают водку, но ее мало пьют, больше всего пунш с чаем. Бедные, без сомнения, пьют одну водку. Кроме рому, на столе красное вино, херес, лиссабонское. Вино от Гренсмяля. Пить никого не заставляют, но просят вот так: «Вы хоть не пейте, да рюмочку опростайте». Беседа мало-помалу оживляется. Один затянул песню, потом другой; разгульные звуки увлекают за собой остальных гостей – и гремит хоровая песня. Тут только и позавидуешь счастьем народа: у него есть песня. Мы, образованные люди, песен у себя не имеем. Представьте, что кому-нибудь из вас сделалось бы весело и захотелось бы вам песни – что бы вы запели? Мы, собираясь на пиривания, танцуем, играем в карты; у народа же сохранились отцовские беседы, с песнями и плясками. И вот раздается знаменитая.

Во пиру пила

Я вечер молода
Во пиру была
Во беседушке –
Не у батюшки,
Не у матюшки...
Я была в гостях
У мила дружка
У сердешнава,
Не у здешнава,
У московскова обывателя,
У дворянскава заседателя.
Я не мед пила,
Не полпивце,
Пила-кушала
Сладку водочку,
Все вишневочку.
Я не рюмочкой,
Не стаканчиком,
Я пила млада
Из полуведра
Через край до дна;
Я пьянехонька
Напиваласа;
Из беседушки
Подымаласа;
Вся беседушка
Дивоваласа.
Темным лесом шла –
Не шаталаса,
Деревней шла –
Не стыдиласа,
Ко двору пришла –
Спошатиласа,

За вереюшку ухватиласа.
Веряя ль моя, ты, вереюшка,
Новоточена,
Позолочена,
Содержи меня,
Бабу пьяную,
Жену похмельную.
Не увидел бы
Меня лютой свекор,
Не сказал бы он
Своему сыну,
Моему мужу.
А уж как мой-от муж
Горькая пьяница.
Он вина не пьет,
С воды пьян живет,
А с квасу беситса,
Только не повеситса.
Надо мною, младой,
Надругаетса.
Как придет домой,
Разувай его,
Распоясывай.
Как у его, чада,
Ноги грязные,
Как у меня, младой,
Руки белые;
На руках кольца
Все серебряны;
Белы рученьки
Замаралиса,
На руках кольца
Переломалиса.

На беседах занимаются разными забавами, например, борются по-цыгански. Двое лягут на пол рядом, головами в разные стороны, и поднимают одну правую, а другой левую ногу и, зацепившись ногами, стараются один другого пригнуть к полу. Беседа наша идет своим порядком; но вот, отправив образа, заходит дьячок, и все переменяется. Это было у меня. Я ему говорю «пожалуйста» и наливаю рюмку вина. А у него рюмку отнимают, говорят, что ему ничего не стоит давать, кроме водки. Но дьячок, ничего не слушая и не обращая ни на кого внимания, продолжает без умолку говорить свое, читает нескончаемые стихи вроде следующих:

Сем-ка лучше от безделья,
На бумаге я пером
Напишу дьячка с похмелья,
Как он пьян был вечером.

Наконец, его выпроваживают очень неловко. И пусть он примет от меня извинение и сожаление, что я лишился его беседы; мне было жалко его и совестно перед ним.

Но не одни песни, пляски и забавы занимали наши беседы. Лучшее в них было то, что у народа распахивалась душа, просыпалось все, что когда-либо попадало на сердце, и в рассказах о старине восставало все прошедшее села Середникова. Помнят еще Всеволодского. Он в селе построил барский каменный дом, великолепный скотный двор, который теперь в развалинах, насыпал гору сажень в семь вышины, чтоб поставить на нее беседку, и насадил на горе сосновую рощу. Беседку эту помнят еще некоторые. Для реки вырыл другое русло, а из старого сделал пруды; через реку построил мосты, у самой реки – мыльню, которая стоила до 30 000 рублей, а на этом берегу развел великолепный английский сад.

По концам села стояли башни, словно церкви, а в середине рядами тянулись оранжереи. Мыльная потом была обращена в крахмальный завод, где бабы руками терли картофель; но и завод недолго стоял, а от сада остался дикий старый лес, который до сих пор слывет у народа английским садом. По смерти Всеволодского имение перешло к Нестерову, управляющим у которого был жид... Жадность была страшная – прутика не сломи: «ты мой и все мое», – говорил барин. Милости не было. Весь народ, бабы, девки, ребята с утра до ночи работали на барщине; придут домой, а дети еще ничего не ели, и отправятся собирать милостыню по соседним селам. Вся округа так и знала, и если постучатся ночью, то вставали и подавали. В пример своей тогдашней бедности они ставят теперь соседних крестьян покойного фон-Дребуша. Это – село Медведко и Рожково, где до сих пор большая часть – нищие... Теперь это имение принадлежит господину Р. Он человек богомольный, ходит в церковь и своим крестьянам подает милостыню по три копейки серебром.

«Вот как разорил Нестеров крестьян, – сказывал мне один старичок, – да и говорит: “Я вас продам”. И вот достались мы графу Салтыкову. Барин был добрый, и мы встрепенулись, словно в светлое воскресенье».

Потом они перешли к Малышеву, а от него к нынешнему владельцу, Аркадию Дмитриевичу Столыпину. Сам он не жил в имении, а вместо него управлял его родственник опекун Б., которого барин почитал вместо отца...

Мужики, между тем, жили спокойно, и только, бывало, когда напьются на беседе, то запускают приказчикам волчка в волосы. Возьмут лучок и свяжут концы веревочкой и, как бывает у столярных пил, палочкой завертят веревку туго-натуго да лучок и пустят в волосы, он их и дерет; никак от него не отвяжешься. Вот это и называлось «волчок». Оброку платили 30 рублей; бар-

щина – две недели, когда самые красные дни для покоса, или же найми за себя работника за 6 рублей; бабе – выжать десятину ржи и овса, пахать три дня. Но три года уж, как все это кончилось, и теперь платят 37 рублей оброку с подушными да рубля два-три сойдет на то на се.

Середниково стоит в 25 верстах от Москвы, от крюковской станции верст семь, а известно под тремя названиями. Село, где церковь, называется Середниково. Тут только живет причет; тут оранжереи да развалины скотного двора. Церковь строил мой дед, бывший церковным старостой, который тут и похоронен. Барский двор и дом называется Алешино в честь Всеволодского; самая же деревня – Лигачево. Народ считается зажиточным, и теперь все желают поселиться у них. Мы уже говорили о рыбной ловле и охоте. У многих есть пчелы, но, кажется, плохо ими занимаются. Были пчелы и у моего хозяина. Купив себе пчел, он добыл и учителя и ухаживал за ним, как за родным отцом, слушал каждое его слово, подарил ему кафтан; но пчелы все-таки не пошли да еще чуть не погубили самого хозяина их. Он измучился, думая о них. Не спит он по ночам, встает, а тут жена сердится, куда это муж бегаёт... Зимой пойдет слушать: если в улье глухой шум, то благодать Божия, а если тыр-тыр-тыр, то, значит, матка умерла, и пиши пропало!

Главное же богатство села составляет столярное мастерство, представителем которого служит семейство Зениных. У Всеволодского было в Тамбовской губернии, при городе Кадоме, имение. Он его продал, но с тем, чтобы из него вывезти в Середниково несколько семейств; и вот тогда-то были вывезены Зенины.

«Жили мы в бедности, – рассказывал мне старший из Зениных, – братья у меня малые. Вот сделался я мастером, думал завестись домком, а меня взяли в барский дом. Работаю я в барском доме, а братьев учить

некому, и нечего им делать, и пошли они по миру. Вижу я, что дело плохо, и пошел я к Б. “Две недели хлеба нет; пустите на оброк”. – “Этого нельзя сделать”. А я опять в ноги. Ходил-ходил, да и говорит: “Ты вот что сделай. За себя в господский дом найми мастера, а сам плати оброк”. А я ему: “Батюшка, поверьте, я буду лучший вам работник, только пустите на оброк”. – “Ну, ступай. Двести рублей оброку”. А я опять чебурах: “Батюшка, спасибо; только отпусти”. Вот мы начали жить да мало-помалу и разжились».

Года два назад, когда Зенины еще не делились, они шибко торговали. Вместе с средствами подняться у них оказались и деятельный ум, и хорошие способности к мастерству. Упомянем об одном из братьев, о Пахоме Семеныче. Нужно было им завести пильную машину, и наняли они мастера за 1000 рублей в год, но по прошествии года отпустили его, и Пахом Семеныч стал с тех пор устраивать машины и для себя, и на продажу и вдруг оказался и машинистом, и столяром. Теперь у них на двух плотинах действует несколько лесопильных машин. Торговые обороты целого села исчисляются сотнями тысяч.

Василий Семеныч Зенин имеет дело почти на 300 000 рублей; у него 15 рабочих и 20 учеников.

Далее идут, по степени производства:

Пахом Семеныч Зенин	–	9	рабочих,	25	учеников
Петр Семеныч Зенин	–	7	»	14	»
Николай Семеныч Зенин	–	5	»	20	»

От Зениных уже пошли следующие мастерские:

П. И. Буткина	–	5	рабочих,	15	учеников
С. Ф. Миронова	–	2	»	2	»
Е. О. Полторацкого	–	3	»	4	»
Н. Г. Шилова	–	4	»	4	»

В Середниково работает отличная мебель, которая идет в Москве за так называемую немецкую. Здесь делают лучшие вещи по заказу Блехшмита, Шмидта и т. п.

Я нашел готовыми: у Василья Семеныча – орехового дерева: кровать двуспальную – 45 рублей, односпальную – 25 рублей, ширмы – 50 рублей, великолепный гардероб карельской березы – 65 рублей. У Пахома Семеныча – орехового дерева: кровать – 40 рублей, гардероб – 60 рублей ($2\frac{1}{4}$ и 1 аршин), комод – 40 рублей. У него же теперь продаются две лесопильные машины: одна в 500, другая в 600 рублей. Построены машины самым экономическим образом. Рабочие были свои, работали общими силами: свой кузнец, свои плотники, а потому делали крепко и прочно. Кузнец, например, выбирал железо, куда какое придется, куда потверже, куда помягче и т. п., а потому он готов отвечать за свою работу. Когда машины были готовы, то их пробовали следующим образом. Пустят машину во весь ход, и если выдержала, то, значит, годится. Машины выдержали, и вот одна уже пилит несколько лет, а другая – два года. Их постоянно можно видеть в ходу и, кому нужно, приобрести покупкой.

Скажу два слова о нравственном состоянии жителей. На стенах в разных домах я нашел лубочные картины духовного содержания, потом портрет Рашели, карты Европейской Турции и Крыма; гравюры: Эсмеральду с козой, купающихся женщин и тому подобные соблазнительные вещи. Многие крестьяне служили прежде и служат теперь натурщиками в школе живописи и ваяния, а потому в деревне известны и школа, и ее выставки; во многих домах хранятся масляные портреты натурщиков и разные лепные фигуры. Люди богатые знакомы с театром. Большинство грамотно, но, несмотря на то, чувствует хорошо, что им одной грамоты мало, что им чего-то недостает; все же остальные неграмотны и горюют об этом.

Отдавали они прежде детей своих учиться к священнику, но это оказалось невыгодным: во-первых, потому что он учит церковной, а не гражданской грамоте, и потом заставляет детей работать у себя вместо батраков. Сын Родивона лежит больной в лихорадке. «Отчего это», – спрашиваю я. «Да вот учился у священника он, а у священника ушла собака, он и послал малого искать ее за пять верст. Собаку он отыскал, а сам-то захворал... А за выучку его взято было 15 рублей серебром». «Мы до сих пор жили за барскими руками, – говорят мужики на сходке, – и ни до чего сами не доходили, а теперь велют самим действовать. Что мы знаем. Что мы будем делать?» «Мы дураки», – прибавляет один из почтеннейших и уважаемых людей в деревне. И вот они просят меня отыскать им учителя, честного человека. Буткины говорят: «Мы дадим ему под квартиру целый верх»; другие: «Мы обложим в пользу его каждого мальчика и девочку»; третьи: «Мы дадим ему хлеба». «Эх, батюшка, – говорил мне кузнец Ефим Иванов, – кабы выучили вы мою девочку!»

Любезные братья! Мы живем в такое время, что хорошего учителя трудно достать. Но если б отыскался такой, то определение его к вам зависит от начальника. Ваше благородное желание я публикую в газетах. Может быть, оно заставит чье-нибудь сердце сжалиться над вами, может быть, и отыщется нужный вам человек.

ИЗ-ПОД НОВИНСКОГО, ЧТО В МОСКВЕ

Толпы народа тянутся со всех сторон под Новинское, и, увлекаемые толпами, зайдемте и мы туда посмотреть, как это веселится православный русский народ в наше

просвещенное время... С какой стороны ни зайдете на гулянье – первое, что вам встретится: кабак. Вместо прежнего «колокола», выставявшегося откупом на гулянье, единственного места для продажи водки – места отвратительно грязного и гадкого – теперь на гулянье до тридцати кабаков, из которых многие стоят рядышком, по два и по три; но, несмотря на все это, прежнего грязного пьянства в десять раз меньше. Вообще надо заметить, что с появлением «дешевого» особенно пьянствует у нас лишь одна городская чернь: мещане, цеховые и уличные женщины, народ же сильно воздерживается. За кабаками гулянья идет целый ряд увеселений. Прежде всего, большие балаганы с различными увеселениями и с балконами, на которых издавна представляется одна и та же безобразная штука: как хозяин-немец, одетый в трико, лупит паяца – русского мужика, обучая его солдатству или фокусам. Как ни постыдно это зрелище, но оно постоянно привлекает толпы народа, которые, не умещаясь перед балаганом, спираются на бульваре, выходящем на улицу; экипажи останавливаются, и дети с маменьками смеются тому, как славно дует немец русского...

Столь же поучительны и другие представления – восковых фигур, панорам, несчастного слона и пр., где, кроме нахальства немца-промышленника, нет ничего. Более самостоятельным духом отличаются самокаты. Самокат – это двухэтажное здание, в котором внизу помещается кабак или публичная лотерея, как бывает на Святой, а вверху собирается молодежь обою пола, для занятия которой приглашаются «девицы», играет музыка и поют русские песенки, получившие особое развитие в последнее время, с появлением какого-то Кольцова, имя которого красовалось нынче под Новинским на двух вывесках. Песенки эти набираются из промотавшихся и пропившихся купцов, мещан и цеховых. Прежде они гнездились

по винным погребам в Замоскворечье и у дальних застав, теперь же получили известность в больших трактирах и в праздничных балаганах. И эти полупьяные «певцы», число которых все увеличивается, и их площадные, часто крайне безобразные песни, привлекающие постоянно многочисленную публику, – лучше всего говорят вам о той степени нравственности, до которой доходит наше среднее сословие. Из чисто народных увеселений заметим качели под управлением артели крестьян, которые в будни – землекопы и возчики, а в праздники вертят качели, лихо поддавая «на бузу», а потом лихо прогуливая все, что ни наберут под качелями. Затем *раек* – местопребывание убийственно злой и меткой народной сатиры, но подчас крайне безнравственной, особенно когда явятся к райку «господа», любители грязного и скандального. Тем же духом народной сатиры отличаются и марьонетки с неизменным Петрушкой. Но исчисленными удовольствиями народ большей частью не пользуется. Коньки, раек и Петрушка привлекают больше детей, на самокатах катаются только горожане да загулявшие, в балаганы ходит купечество да господа, и собственно для народа остаются качели да глазенья по балконам, где немец дует мужика, охрипшего от холоду, да еще... азартные игры.

Да, господа, мы созрели: днем, при свете, при всем честном народе и при всей полиции у нас на площадях происходят азартные игры, да еще какие! Азартные игры – порождение лотерей. Из Благородного собрания (дворянского), издавна занимавшегося лотереями для бедных детских приютов и евангелического общества, да из театральных маскарардов, разыгрывавших лотереи и аллегри уж неизвестно для кого и для чего, лотереи и аллегри перешли на улицу и сделались общенародным достоянием.

В 1860 и 1861 годах, когда особенно плохо шла торговля и промышленность, торговцы прибежали к более

легкой наживе денег – лотереями. В городских рядах разыгрывались галантерейные вещи, у немца на Петровке – конфеты, в книжных лавках – книги, в других же местах – духи, папиросы с сюрпризами, и, наконец, всю эту широкую лотерейную игру дополнили лотереи австрийские и французские. Из лавок и магазинов лотереи выходят на улицу.

В 1861 году под Новинским, на Святой, явились целые толпы различных торговцев, стоявших возле своего товара с билетиками в руках и предлагавших копейки за три выиграть пряники, конфеты и галантерейные вещи. Дело оказалось выгодным больше, чем ожидали, и в 1862 году на Святой, под Новинским, чуть не под каждым балаганом явились лотерейные лавки, где публично, безнаказанно-дерзко предлагалось за цену от 5 до 25 копеек выиграть все что угодно, начиная от самоваров и чемоданов до запонок, браслет, серег, шалей и всевозможных платков и платочков. Тут же явились и азартные игры, нечто вроде парижской рулетки. В первый день праздника, только лишь окончилась обедня и не все еще балаганы были открыты, с первыми толпами народа, нахлынувшего на гулянье, – народа с непочатыми еще карманами, – явились и огромные столы. Это, обыкновенно, складной надвое стол, чтоб, при случае, его можно было в минуту схватить и унести. На столе из кожи или картонной бумаги нарисованы два ряда кругов с изображениями козерога, льва и других знаков. Хозяин-игрок стоит у стола и кричит: «За копейку – 6 копеек, за копейку 12 копеек, за копейку – 24 копейки!» Чуть заметил, что подошли люди богатые или подгулявшие, он тотчас же меняет ставку и кричит: «За копейку – 40 копеек, за копейку – восемь гривен, за копейку – 1 рубль 60 копеек!» В одну минуту все кружки уставлены копейками. Игрок пускает из деревянного стакана шарик; он катится

по столу между двумя рядами кругов, и перед которым остановится, тот и выигрывает. Обыкновенно бывает так, что раз-два выиграют посторонние, а двадцать раз выиграет сам владелец игорного стола, и это тем более незаметно, что игра идет быстро. В первый день праздника, утром, было не больше пяти столов. Полиции не было заметно: она, может быть, делала визиты. В тот же день, вечером, явилось 10–15 столов, а к концу праздника – больше сотни. Решительно все промежутки между балаганами были заняты игрой. Шла страшная игра. Пишущий эти строки долго отыскивал полицию, и когда нашел, то полиция ему отвечала: «Не ваше дело, иначе я вас самого возьму в часть», и он вынужден был обратиться к г. Воейкову, полковнику жандармов, и к одному из адъютантов московского губернатора (так называли это лицо гулявшие вместе с г. Воейковым). Они отправились смотреть. Подойдя к игравшим, г. Воейков взял первый попавшийся ему стол и изорвал его; игроки разбежались, народ бросился ломать и все остальные столы и собирать рассыпанные деньги. Из-под Новинского игорные станки распространились по всем летним гуляньям.

1 мая в Сокольниках мы насчитали более десяти лавок с лотереями, а игорным столам и счету не было. В настоящую Масленицу под Новинским игры не было до среды, когда, собственно, начинается гулянье. В среду явилось столов пять. Играли сильнее, чем в прошлом году. Пишущий эти строки отыскал квартального надзирателя, который взял одного игрока со столом в пресненский частный дом, а городской из будки под № 230 (если не ошибаюсь), что возле церкви св. Иоанна Предтечи, взял в будку, по нашему настоянию, игорный стол – в настоящее время, может быть, единственную улику в страшной заразе, развивающейся между народом. В пятницу играли, по крайней мере, на 50 столах, и тут же

рядом разыгрывались в лотерею корзины пряников и конфет. Пишущий эти строки, после долгих поисков и разных столкновений отыскал г. частного пристава, который сначала долго отшучивался – отчего ж, дескать, им и не играть! – а потом поручил разузнать об этом деле квартальному надзирателю. Квартальный надзиратель – пусть он примет от нас знак глубокого к нему уважения – взялся за дело со всем усердием честного человека, но успел взять в часть только одного игрока, остальные разбежались, потому что караульные, расставленные игроками, зорко смотрели как за приближением полиции, так и за моей смушковой шапкой. В то же время толпа, окружавшая столы, или играла, или, успев уже освоиться с делом, также ожидала полицию, чтоб после набега ее броситься подбирать рассыпанные деньги.

Таковы-то, господа, у нас в Москве народные забавы. Народ, тысячами посещающий старую столицу (как, вероятно, и молодую), не найдет в ней ни школ, ни театров, которые он мог бы завести сам для себя и по-своему; но зато найдет сотни гостиниц, трактиров и харчевень, где, несмотря на все запрещения, есть и музыка, и девицы, и цыгане; выйдет он на гулянье – и тут найдет новые сети, расставленные ему услужливой нашей цивилизацией. Скажите ж, как после этого честному мужику не ценить по заслугам нашего просвещения?

ОН И ОНА

(Посвящается М. А.....ой)

- ...Полно, подними голову, выпьем коньячку!
- Моя голова не опущена, а так, немного склонилась: от известий, которые ты мне сообщил, какая голова

не склонится!.. но дело не в этом, а в коньяке, благо ты напрашиваешься на слово. Пить – дело не мудреное, – ты это видишь на сорока миллионах русского народа. Но вот что мудрено: среди этого всеобщего бражничанья, среди этого отчаянного запоя сохранить трезвый смысл, оглядеться кругом и найтись... – вот это мудрено! По городам – я проехал до двадцати городов – мальчишки лет десяти-двенадцати пьют теперь водку как простую воду, и я гляжу на это спокойно. Им это простительно: будь уверен, что они делают свое дело, *делают историю*... Но ты знаешь не хуже меня, что должны быть и есть другого сорта люди, у которых и помимо коньяка и водки есть чем *делать историю*... Мой друг, уйдем отсюда. Здесь, у вашего Турина, среди этой развеселой компании пахнет нравственным растлением... уйдем!

Дико было слышать такие слова в трактире у Турина, и в то же время трудно было выдумать приличное возражение, и мы ушли на свежий, вольный воздух, который скоро разогнал всякие нечистые помыслы... Но прежде чем мой рассказ пойдет дальше, я должен познать вас с моим добрым другом. Пожалуйста, не думайте, чтоб я назвал его вам настоящим его именем, – этого не будет; я назову его просто Ивановым. Он был сын тульского мещанина, кузнечного мастера. Раз его отец, вздумав нажить копейку, сам приехал в Москву, а с собой взял и сына. Купец взял у него весь товар на чистые деньги, а кстати выпросил у него и сына: «Отдай-ка его мне, мальчик-то шустрый, я его выучу, сделаю человеком!» А мальчик, надо сказать, только спал и видел, как бы попасть в Москву. Он был один из тех миллионов честных, здоровых созданий, которые издавна смотрят на столицу как на рай, где можно *пройти всякую науку*, смотрят долго и пристально, пока жизнь не унесет их в другую сторону... Из школы Иванов по-

ступил в гимназию, где мы и сошлись с ним. Он думал идти в университет, сделаться словесником, как и я, но, оставя гимназию, тотчас же женился и взял себе место уездного учителя, и теперь, вероятно, не променяет его ни на какое профессорство...

Мы вышли на воздух, и первым его делом было заговорить о жене.

– Жена кланяется тебе, велела тебя звать к себе. Надеюсь, что ты оценишь это по достоинству, потому что теперь, весной, от нее трудно ждать, чтоб могла вспомнить о чем-нибудь другом, кроме цветов. Мало того, что она завела себе садочек и буквально набила его всякими цветами, – она пристроила к дому галерею и ее всю украсила цветами, и весь у нее дом в цветах. Да вот погляди, она и теперь, когда я отправлялся в Москву, не нашла никакого другого поручения, как только о цветах, как будто это ее родные, и написала целый реестр семян и корней... – И Иванов вынул из полушубка пол-листа, латинских ботанических названий, написанных рукой его жены, крупным отчетливым почерком.

– Как, твоя жена знает по-латыни?

– Да, насколько ей нужно, чтоб удобно читать сочинения о ботанике и сельской медицине, которых у нее целая библиотечка.

– Ну, расскажи, как вы устроились там, как вы жили до сих пор: мы ведь с тобой не виделись давно...

– Я, право, не знаю, что на это тебе сказать. Мне еще в голову никогда не приходило оглянуться на свое прошедшее, потому что все дни наполнены до дна, и с каждым днем жизнь тянет все дальше и дальше... Прошедшее расскажет тебе жена, а я буду говорить тебе о настоящем... По утрам мы оба заняты, я в своей школе с мальчиками, жена – в своей с девочками. В час обедаем, и редко одни. У нас так уж заведено, что к обеду, когда мы

оба бываем без дела, наверно зайдет к нам кто-нибудь из соседей: или священник, или кто-нибудь из крестьян, а по праздникам привалит голосистая толпа девушек просить цветов на венки. Должно тебе сказать, что виновница всех этих связей – жена: у нее вечно дела в каждом доме, в каждой семье. В одном месте она лечит старуху, помогая ей покойнее умереть, в другом повивает, а как лечит сибирскую язву – просто чудо! Я говорю «чудо» с крестьянской точки зрения, потому что для леченья этой простой болезни не надо никакой мудрости, кроме здравого смысла. По милости вечных своих хлопот с народом она иногда пропадает на целый день, и раз я думал, что она совсем уж пропала. Был праздничный день, мы рано отобедали, и жена, собрав ребят и девушек, пошла в соседнее село на именины к дьяконице. Село от нас в двух верстах. Она хотела воротиться домой к вечерням, но прошли вечерни и всенощни, наступила ночь, а ее все нет. Я об ней нисколько не заботился, зная, что она под охраной тысячи глаз, под охраной любящего ее народа, и, уложив детей спать, вышел на улицу покалякать с соседями. Была роскошная летняя ночь: я сидел у ворот на скамейке. Далеко на дороге слышались песни и делались все громче и разгульнее: слышались шум, и смех, и топанье отчаянной пляски, и скоро показалась целая ватага ребят, девушек, крестьян и бурлаков, предводимых моей женой. По справкам оказалось следующее:

Придя в гости, первое, что она услышала, – это было известие о бурлаках, которые причалили к берегу. «Ну, будет теперь гульба!» – говорила дьяконица. Жена знала хорошо, как дорожу я бурлацкими песнями, и сейчас же отправилась к бурлакам в надежде что-нибудь от них записать. Тогда еще бурлаков она видела в первый раз в жизни, и какво было ее отчаяние, когда она увидела их разбитые, окровавленные ноги, увидела их глаза,

налитые кровью от натуги, и вместо сильных и могучих людей увидала создания, изможденные и разбитые. Тут уж было не до песен!.. «Что вы теперь будете делать? – спросила она у бурлаков. – Ужинать, что ли?» – «Ужинать?! – зарычал шишка – главный мученик, который тянет лямку впереди всех. – Ужинает купчиха в Москве (они ее приняли за купчиху), а для нас довольно и кабака!» – «А когда вы в путь-то отправитесь?» – «Завтра. Ждем приказчика».

Но пока она вела этот разговор, в голове ее созрел уже план, а уж если она что-нибудь задумала, то – будьте уверены – доведет до конца. «Нет, братцы, – говорит она бурлакам, – в кабак-то вы успеете сходить, а теперь вот что надо сделать: у меня истоплена баня, вы сходите в баню, да попаритесь, да ноги натрете салом, а поесть и водки выпить найдется, Бог даст, и у меня, помимо вашего кабака».

Ты можешь поверить, как это озадачило бурлаков. Сначала они сочли ее за полоумную. Нет, видят – не полоумная, да и не похожа ни на купчиху, ни на попадью. Что бы это значило? – думали они. И пока они думали, привязывали барки, перекликались, складывались на артельное вино, а у старосты взята уж была баня, грелась вода, и ребятишки тащили бурлаков: «Дяденька, голубчик, пойдём!» И бурлаки пошли. После бани каждый из них получил по чистой рубашке (тоже схлопотали ребята у матерей), потом поели порядочно и выпили, а между тем успели уж разузнать от ребят, что это за купчиха. Жена стала с ними прощаться и сказала при этом, какая была ее цель знакомства с бурлаками, уж хотела идти, но они ее не пускали. «Нет, голубушка наша, – говорили они, – так от нас не уйдешь! Мы проводим тебя до самого дома и душеньку твою утешим песней – только слушай, милая!»

Толпа бурлаков привалила к дому, и жена, растроганная впечатлениями и заплаканная, бросилась ко мне на шею... «Милый друг, – говорила она мне, – спасибо тебе за наслаждение, спасибо за этих добрых людей, которых без тебя я бы никогда не знала!..»

И с тех пор каждую весну и осень навещают бурлаки свою *бурлацкую мать*, как они прозвали мою жену, и с каждым приходом их я записываю по две, по три бурлацкие песни, и вот, если ты посетишь нас, то этот сборник великолепных песен получишь в подарок. Поедем к нам! Теперь лето, ты у нас отдохнешь, оживешь, – поедем!..

Вчера Иванов уехал домой, а я остался в Москве... Встреча с ним напомнила мне лучшие минуты нашего детства, мне вспомнилась его жена, бывшая тогда еще девушкой, и первые их любовные связи, и я теперь расскажу о них тебе, любезный читатель.

Выйдя из гимназии, мы с Ивановым целый год жили на одной квартире, пока Иванов не получил урока в одном богатом доме. Хозяйкой этого дома была богатая вдова, лет девятнадцати-двадцати, у нее было двое братьев, которых Иванов и приготавливал в университет. Это была вдовушка действительно миленькая, при этом очень умненькая, довольно либеральная. Она знала наизусть «Мертвые души», любила Байрона, Жорж Занд и Барбье, страстно любила музыку и пение. В то лето, когда произошла история, которую я рассказываю, она жила на даче. Задний фасад дома оканчивался обширной галереей, убранной цветами, и выходил в сад; по ночам в галерею выдвигалось роялино, и по саду разносились музыка и песни. Такова была *она*; не дурен был и *он*, т. е. Иванов. Проведя детство в кузнице отца, между горном и накопальной, которая обсыпала его искрами, он вынес оттуда железное здоровье и – странно сказать – нежность и женственность души. Он был высок ростом, недурен собой,

но кроток, робок и застенчив, как девочка, а потому в компании товарищей он являлся чем-то вроде женщины, смягчавшей своим присутствием всю грубость веселья. Перед Ивановым стояла будущность, университет, известность, а что он кузнец – того никто не знал, и нет сомнения, что он не мог не обратить на себя внимания вдовушки. Она влюбилась в него. С этих пор Иванов сделался в ее доме домашним человеком. Общество, посещавшее вдову, всегда тяготило Иванова. Ему всегда казалось неловким присутствовать на празднике чуждых ему людей, и, когда наезжали гости, он или брал детей и уходил с ними гулять, или же тихонько ускользал в комнату, которая, по старине, носила название девичьей, и играл здесь в дурачки. В девичьей тогда собирались: горничная вдовы, молодая девушка, полногрудая и хохотунья, старик-лакей Васильич, молодой лакей Петр, а иногда и старый кучер Яков Иваныч, отец горничной. Одна особа сейчас же замечала отсутствие Иванова и, выйдя в девичью, делала шуточный упрек:

– Что это, Николай Петрович, готовитесь к завтрашним урокам?

– Да, – отвечал Иванов, – готовлюсь... – и продолжал прерванную игру в дурачки.

Странность своей компании с прислугой Иванов объяснял тем, что в невинной игре с этими простыми и добрыми людьми ему очень удобно обдумывать уроки, которые он должен преподавать на другой день.

Но скоро и вдова, в свою очередь, стала тяготиться обществом, чаще стала оставаться наедине с Ивановым, стала принимать у себя его товарищей, в том числе и меня. С Ивановым она больше беседовала о серьезных вещах, со мной больше смеялась... Я ел вообще немного, но она, воспитанная на миниатюрном французском столе, по справедливости считала меня ужасным обжорой,

и когда я обедал у них, то пирожки к супу не были уж пародией на пирожки, а артишоки совсем не подавались... Вдовушка между тем все хорошела.

– Иванов, уступи мне твои уроки у вдовы, – шутил я с ним, – я заплачу вдвое, чем ты получаешь...

– Нет, не уступлю, – отвечал строго Иванов и, краснея, опускал глаза. Тут я умолкал, ценя скромность доброго друга и замечая про себя, что дело идет неладно. В самом деле неладно или уж ладно не в меру... По вечерам они долго гуляли. Подает он руку своей вдовушке, – лицо ее все вспыхнет румянцем, и он побледнеет... Иванов похудел. Чаще стал он заходить ко мне; придет, сядет – и думает. Я стал таскать его с собою, а вдовушке это было хуже ножа.

– Мне не нравится ваш приятель, – говорила она ему про меня. – Молодость ли его виновата в этом или общество, где вырос он (она хотела сказать: кутейник!), но только все его манеры и привычки ужасно грубы... Вы знаете, я люблю свободу обращения, но вольность его доходит до неприличия. Я просто горела как на огне (действительно я раз ее немного поджарил!), когда – помните – князю Петру Сергеевичу – этому почтенному старичку, что он сказал...

Словом, вдова была мной недовольна, и таким образом и мое положение в их кругу становилось неловким. Всем было неловко, и развязка близилась...

Это было на Святой. Заутреня в светлый день, когда женщины и девушки, все в белом, как будто встречают воскресшее слово правды, когда братский поцелуй соединяет всех людей в одну близкую, родную семью, – заутреня эта сильно подействовала на Иванова. Он видно ожил, стал смеяться и что-то думал, смотря как-то двусмысленно... Так он провел первые шесть дней праздника. В субботу он встал рано, забегал ко мне, видимо,

расстроенный, но будить меня не велел и ушел. Встала вдовушка и вышла пить чай, а он уж ждал ее и, подойдя к ней, поцеловал у нее руку, что еще не бывало, и сказал:

– Здоровы ли вы? А у меня до вас дело... я жду вас вот уж целые два часа. Мне надо с вами поговорить.

– Меня вы ждете?.. Зачем не велели меня разбудить?..

И она взглянула на него, взглянула так, чтоб причесать в его глазах все... Притворив поскорее дверь, она села за стол. Когда-то в минуту излишней откровенности Николай Петрович говорил, как он желал бы, чтоб его жена носила на шее янтарные бусы, и расписывал, как эти бусы красивы на хорошей шее женщины, и вот теперь с голой шеи вдовы спускались на грудь янтарные бусы. Она была в белом, широком пеньюаре, корсета не было. Свалился наперед локон, она его откинула назад, вместе с другими; откидывая, выставила всю руку, белую и прекрасную... Она была хороша и с откинутыми назад волосами, как будто готовилась к чему-то...

– Вы, Николай Петрович, хотели со мной поговорить, – сказала она, поправляя платье.

– Да, я вас ждал...

– Бога ради, говорите скорее, вы знаете, что я к вашим услугам. Не сделалось ли чего-нибудь с вами?

– Нет, еще ничего не сделалось, но вы... простите... я... может быть... но вы... я знаю. – И слова свои он как будто вытягивал из себя.

– Да что такое? Я, право, Николай Петрович, ничего не пойму...

– Вы... – опять он затянул, – я... полон надежды; не будь ее, я не пришел бы к вам, я б не смел... Я помню, вы мне как-то сказали...

Действительно, вдовушка что-то вспомнила. Яркий румянец разлился по ее лицу, и в десятый раз она

оправила платье... А Николай Петрович, боясь взглянуть на нее, сидел понурый и весь розовый и ломал сигару на мелкие кусочки...

– Вы прекрасный человек, Николай Петрович, – сказала она, – но вы ребенок, и в этого ребенка я, кажется, напрасно старалась влить энергию и могущество духа... Дитя мое! говорите... – И она к нему подвинулась.

– Вы знаете, но, может быть, вы знаете, что я... давно уж... но вы, пожалуйста, не подумайте, чтоб это было простое увлечение, нет, это больше и выше любви, – страдание по блаженстве, это все, что хотите... но вы не осердитесь?

– Вот вам моя рука! Говорите! – И она подала ему свою руку. Рука была горяча.

– Не сердитесь же и не думайте, чтоб это была детская шалость. Бог вам свидетель, что я несколько не думал отступать от закона, от брака, который вы... вы ангел доброты, вы были первой женщиной, которая встретила меня в жизни и с которой я мог говорить, которая дала мне первые уроки чувствовать по-человечески, дала понять высокое обаяние, нераздельное с образом женщины, вы...

Вдовушка сидела, склонив голову и боясь взглянуть на Николая Петровича. Что в ней происходило – это никому неизвестно... Он продолжал:

– Вы поймете поэтому, сколько уж обязан я вам... и теперь одну, последнюю услугу, и слышите – я вас благословлю, как мою святыню...

Вдова приподняла голову. Он продолжал:

– Я люблю, люблю Лизу, вашу горничную. Отдайте мне ее, благословите нас, – закричал он и упал на колени...

Ошеломленная ударом, вдова сначала не знала, что делать, что сказать, но кровь зажглась уже новым пламенем.

– А, так-то! – взвизгнула она. – Это все происки вашего негодяя товарища (т. е. будто бы мои, читатель)! Я вас, милостивый государь, не знаю! Я не желаю вас видеть в моем доме, – и... чайный сервиз, задетый платьем, с грохотом рассыпался по паркету. С двух сторон разом отворились двери, в одну вбежал Петр, в другую Лиза, и столкнулись с взбешенной барыней. Гордо оттолкнув Лизу, она убежала в спальню... в другую дверь убежал Иванов.

В это утро я проснулся поздно. Мне сказали, что часов в восемь приходил Николай Петрович, такой расстроенный. «С ним что-нибудь случилось, – думал я. – Дай схожу», – и, одевшись, пошел.

Вхожу в переднюю – ни души. Я через коридорчик в девичью, и только лишь отворил дверь, как расплаканная Лиза бросилась ко мне, умоляя меня уйти:

– Уйдите, Бога ради, уйдите, я погибла! – И она зарыдала.

– Я уйду, но скажите, где Иванов? Что с ним?

– Он ушел, ушел! – и новые рыдания.

А между тем по комнатам кто-то ходил и хлопал дверьми: видно было, что произошло семейное Ватерлоо...

Во всей этой истории и я ровно ничего не понимал и побежал домой, думал найти там Николая Петровича.

Действительно, он был у меня, рассказал все подробно и просил содействия.

– Все это пустяки, но скажи вот что, самое главное: говорил ты с Лизой? Она-то согласна ли быть твоей женой?

– Нет, не говорил... да я уверен в ее согласии... мы раз вместе плакали...

– Значит, с этой стороны опасаться нечего; но дело все-таки скверное: она крепостная, и мало ли что может случиться... надо торопиться.

Мигом был отправлен посланный за отцом Лизы. Пришел он.

– Садитесь, Яков Иванович. Мы вас просили навестить нас вот по какому случаю. Николай Петрович просит у вас руки вашей дочери Лизаветы Яковлевны. Что вы на это скажете?

Яков Иванович перекрестился.

– Господи Боже милостивый, вот грех-то! По мне хоть сейчас... а как же барыня-то... мы ведь все думали...

– Вот в том-то и штука, – сказал я, заминая разговор, – что делать с барыней? Вы ведь ее крепостные – она, пожалуй, чорт знает сколько заломит за Лизавету Яковлевну...

– Помилуйте, батюшка, что вы! – отвечал он. – Какие мы крепостные? По милости Божией вот уж десять лет, как со смерти покойного родителя нашей барыни мы стали вольные.

– А коли так, можно и по рукам. – И ударили по рукам.

С тех пор прошло двенадцать лет. Ты видел, читатель, какая из Лизы вышла благородная женщина. Будьте же счастливы, друзья мои, Лиза и Николай Петрович, идите своей честной дорогой до глубокой старости, до гроба, и тем же путем пойдут за вами новые поколения...

КУПЕЦ-ЛАВОЧНИК

Приехал я домой на извозчике, у извозчика сдачи не было, а деньги разменять негде было, я говорю ему:

– Вот тебе, голубчик, вместо сорока копеек – рубль, – завтра поедешь мимо, так завези сдачу.

– Будьте спокойны, батюшка, – отвечает извозчик и, как известно, сдачи не привез.

Таков наш мужик: пока он живет *в миру*, на глазах мира, еще свято хранит и совесть, и душу. Самый дурной из крестьян еще хорош, ибо боится мирского срама, мирского суда. Выходом из крестьянства служат – не школы, не нравственное развитие, не благородство души, не гражданские заслуги в улучшении жизни, даже не труд, а деньги и деньги, а как добывать деньги – тому учит жизнь, указывая на пословицу: *«правдой ничего не наживешь»*. Словом, всякий мужик лишь только отшатнется от крестьянства, лишь только увидит, что уж нет *мирского суда*, что дело, которому он служит, не мирское дело, а дело *общества*, уже готов обмануть. Здесь-то возникают и обрываются: иные личности нашего *купечества*, наши *«ваши степенства»*, наши *дуроломы*, наши *аршинники*, наши и пр. и пр.

Было время, когда гости торговые и купцы стояли в числе передовых деятелей общества; но уже триста лет назад иностранцы и сами русские люди стали жаловаться, что русский купец не может не обмануть, и ты, читатель, хорошо знаешь, что значат теперь слова: купить в *городе* или *городской товар*; ты знаешь, что *лавочник* есть такое же слово, как *целовальник*. Но мы теперь говорим только о купце-лавочнике.

Среди своеобразных условий жизни вырастают, жиреют и благоденствуют *кулаки*, *скупщики*, *сельские приказчики* и тысячи *лавочников*, сельских и городских. Можно еще, пожалуй, простить лавочнику, если он обдует барчонка, захавшего в магазин, но если у лавочника – не магазин, а съестная лавка для народа, и бедного мужика обдувают еще хуже, чем барчонка, то картина явится неутешительная. Попробуйте обойти некоторые мелкие овощные лавки и харчевни, и вы не

найдете другого чаю, кроме спитого и подкрашенного составами, который, однако, продается по безбожной цене от 2 до 5 рублей за фунт. Этому-то темному миру лавочников обязана своим названием подделка спитого чаю, сменившего *чай-иван*. В обширной торговле спитым чаем, которая началась не вчера, есть теперь и фабрики, и оптовые, и розничные торговцы, и агенты в столицах и деревнях, и магазины с известными фирмами... Ну а хлеб, а квас? Об этом вы что скажете? В иных больших хлебнях, приготовляющих хлеб сотнями и тысячами пудов, делается так, что скупают корки, мочат и квасят их в чану, в эти чаны подбавляют муки, гущи и вот на жирных лошадях везут на рынки искусственно вздутый, поистине черный хлеб. Самое здоровое и, по-видимому, дешевое питье – квас, – и сделайте такую милость, испейте, читатель, в лавочке кваску из кадки, хоть для того, чтоб узнать, что пьют другие, платя *по копейке за ковшичек*.

Торгуя столь прекрасно в звании лавочника, приказчика и т. д., мужик разбогател, отрастил себе пузо, вышел в купцы, завел супружницу, и недавно еще молоденькая девочка через год, через два хочет уж лопнуть от жиру. Заметьте, что есть страны, где торговля несравненно обширнее, чем у нас, есть в этих странах купцы, которые и просвещеннее, и богаче наших купцов, и все они люди, но нигде, в целом Божиим мире вы не сыщете таких жирных купцов и жирных купчих, какие у нас бывают, да еще гордящихся тем, что у них *жирные жены, жирные лошади, жирные кучера*. Итак, мужик вышел в купцы и уже к слову *мы* прибавляет *ста*: мы-ста не хуже других! Все к нему с почтением, с уважением, он – важный барин, которого только объезжай подалее.

Чтоб показать на практике, как все это иногда совершается, приведем здесь рассказ про одного *лавочника*, переданный нам человеком, знающим всю подноготную. Он говорил: лет восемь или десять назад жил у нас на рынке так себе дрянненький мужичонко, и ходил не в поддевке, а в каком-то камзоле, и прозвал его народ Камзолкиным. Идет он бывало, а ему и кричат: «Эй, ты, Камзолкин, где камзол стащил?» Огрызнется на них наш Камзолкин и пойдет в свою лавочку. Дело его шло плоховато. Горе его или счастье – не знаем, – но только жена ему попалась зверь-баба. Раз он вздул ее порядочно и прогнал в деревню и зажил припеваючи. Жила возле него *табачница*, баба с деньгами, он подделался к ней да и обчистил ее. Лихо дело было начать, и вот, пустив по миру табачницу, он пошел дальше.

Жили поблизости две хлыстовки, денег у них было много, а жадности еще больше. Просит у них наш Камзолкин денег взаймы, божится и клянется, обещая большие проценты. Хлыстовки и уши развесили. Дали они ему денег, а он им вместо расписки написал чорт знает что, и они судились с ним, да так и померли, не получив ни гроша. Вот наш Камзолкин купил себе домик и пустил к себе в жильцы старичка; ходил к нему чаек распивать, а сам все присматривался. Вдруг старичок умирает; бедная девушка, ходившая за ним целую жизнь, вся растерялась и скорей к хозяину, а он как добрый человек и говорит: «Дело плохо; он умер ударом, с полицией не разделаешься; бегите скорей в часть, а я тут побуду!» Она побежала в часть; а он тут взял да и обчистил все сундуки, хуже пожара. Приехала полиция, описали, что осталось, старичка похоронили, девушка осталась без всяких средств, и родные, которых он перед смертью думал наградить, уехали ни с чем. А наш Камзолкин меж тем сидит себе

в лавочке да продает мужикам лапотки, мучки, овсеца, и глядь – через год покупает себе домик в сорок тысяч. «Занял, – говорит, – деньжонок да вот домик купил!» А люди слушают да думают про себя: «Знаем мы эти займы, – как-то придется тебе расплачиваться!» И как видно, займы-то дали ему много, потому что наш Камзолкин тотчас начал строиться, поднимает этажи, выводит флигеля, а деньгами так и сыплет, голубчик. Все управление домом поручил дворнику, а сам только ходит да любит. Попросит его жилец о чем-нибудь по дому, а он скажет: «Не мое дело; адресуйтесь к дворнику!» Ну, словом, персоне удивительная! Выписал из деревни жену, и зверь-баба сделалась вдруг, ни с того, ни с сего, владельницей громадного дома. «Моя жена, – говорит наш Камзолкин, – дама благороднейшая!» Но люди пока еще не ведают того благородства и жену его также насмех прозвали *камзольчихой*. Оба, муж и жена, ужасно боятся *чертей*, и чуть кто из работников произнесет его, сейчас со двора долой. Жила собака на дворе, а собака есть *творение нечистого*, и вот послали работника удавить собаку, и собаку удавили. Чуть забежит на двор собака, и работники бегут с баграми бить собаку. Довели до того, что собаки обходят дом на версту, лая на него и огрызаясь. А хозяин не пьет, не ест – все в лавке, где по-прежнему торгует лапотками да овсецом, с тем отличием, что прежде каждого мужичка обсчитывал копейки на две, на три, а теперь на десять-двенадцать. «Ты, борода, – говорит он мужичку, – гляди, какой у меня дом-то; небось не обсчитаю», – и продолжает обсчитывать, а мужики-то и верят ему. Словом, человек словно сыр в масле купается, и деньги к нему так и текут! Недурна и его домашняя жизнь. Недавно еще жил он в кухне, а теперь хочет занять квартиру в бельэта-

же: парадное крыльцо, раззолоченное, и направо вход, прямо к Камзолкину: «Пожалуйте, милости просим!» Заболела у него дочь-ребенок: мать и отец кинули ее кухарке и знать ее не хотят, и если б не жилица, если б не ее участие, вызванное добрым женским сердцем, которому просто больно было глядеть на страдание, ребенок погиб бы хуже червя. Да и то, бывало, жилица даст лекарства, а мать увидит да выкинет: «Что, – говорит, – за лекарства!» Дворник у него и землю роет, и камни бьет; приказчики у него мостовую мостят, тротуары делают – словом у всех житье, словно на каторге, а все служат усердно, ревностно.

– Да, скажите, из чего ж они служат, что им за охота по доброй воле жить на этой каторге?

– Это, батюшка, их дело. Вот, видите, наш Камзолкин поживет еще годочков десять-двадцать, маленько подурачится, покуралесит, потом запьет или хватит сдуру да обанкротится, – но во всяком случае, он ли, жена ли, а запьют. А тут сынки, воспитанные на том, как били собак да как батюшка их обмеривал да обсчитывал, подросли, и те тоже загуляли, а тут еще подвернулся зятек-гуляка, за которого батюшка выдал дочку, чтоб породниться с богатой фамилией, – и то я не загулял, – и вот тут-то приказчикам, дворникам, всем в доме пожива! Разом все возместят...

– Да неужели, в самом деле, кто-нибудь да непременно пропьется?

– Пропьется!

– Да неужели для них нет никакого спасенья? Неужели ничего нельзя сделать для этих несчастных созданий, у которых есть и силы, и деньги, но нет одного – покоя совести?

– Ничего не поделаете!

– Ну, по крайней мере, будет ли это уроком другим, другие-то опомнятся ли?

– Эх, батюшка, им не до уроков...

– Скажите, наконец, что же будет с самой жизнью, когда она не видит, не думает видеть ничего лучшего, как то, что вы мне рассказали?

– Да что-нибудь будет...

СМЕШНОЕ

– Расскажи, голубчик, что-нибудь смешное, сделай эдакую милость: скука смертная!

– Да что вам рассказать-то? Вот разве про барыню. Добрая была покойница да такая нежная – дурно было одно, что уж больно мудрила. Видишь, была у нее охота давать людям имена. Вот, бывало, родится у тебя сын, и идешь к ней. Придешь, станешь у двери. «Что, Иван, – скажет она, – зачем пришел?» – «Да вот, матушка, жена сына родила». – «Как же вы назовете его?» – «Да Иванов, матушка, по отцу». – «Ну, что за Иван – у вас все мужики Ивановы, нет, ты назови его...»

Откроет это она книжечку и начнет выбирать имена. Ослушаться барыни не смеешь и зовешь ребят: одного Датом, другого Папиром. Случилось раз, что отыскала такое имя, что поп и крестить не хотел – вишь, нашли какого-то Пулона, Апулона... А то, бывало, родится мальчик, а его назовут девочкой; увидала раз барыня мужика и спрашивает: «Как зовут тебя, мильной?» – «Натальей». – «Как Натальей?» – «Да так Натальей, да и только».

Справилась барыня у себя в книжке, собрала мужиков и хоть долго твердила им: Натулий, Натоллий,

а мужичок так и остался Натальей. А то одному дали имя Ансикрита, а мы его прозвали Секретом – так так его и похоронили Секретом. Раз вот приезжает к барыне один господинчик, он маленько за барыней ухаживал, да муж-то больно строго глядел; грозился все ноги переломить... Стала барыня провожать своего гостя спать да и говорит: «Я вас велю проводить Секрету. – Пожала она эдак ему ручку, да и кричит: – Эй, Палашка, позвать Секрета!»

Пришел к этому барину Секрет, барин спрашивает: «Ты Секрет?» – «Секрет». – «Ты все сделаешь, что велят тебе?» – «Все». – «Вот тебе сто рублей, проведи меня к барыне секретно». Пришел Секрет на кухню и рассказал все, как произошло – вот смеху-то было.

Постоял немного мой Иван, видит, что я не только не смеюсь, а стал еще суровее, он и начал опять:

– А то раз поехала барыня в Москву, и чуть только вошла в гостиницу и кричит: «Иван, сходи в булочную к немцу и спроси себе три плюхи, – вот тебе рубль». Делать было нечего: подневольное было время, пошел я, а сам думаю: «Что ж, рубль получить хорошо, выпить можно, а немец-то, гляди, не то, что русский: и плюхи-то дать не сумеет»... Прихожу. Вижу, немца нет, а стоит его дочь, – ну, что твоя барышня! «Ну, думаю, слава-те, Господи, от такой-то и плюху съесть очень приятно». И говорю: «Матушка, сделайте милость, дайте мне три плюхи!» – «Сейчас», – говорит и дает мне три какие-то булочки... Понимаете ль, что у господ все не по-нашему: подчас едят и они, да не то, что наш брат. Долго мы смеялись над этими плюхами.

А вот еще, батюшка, это еще смешнее...

– Ну, – сказал я, – пока довольно и этого.

Так на днях я разгонял мою скуку, толкуя с половым в гостинице «Одесса».

ОТ МОСКВЫ ДО КИЕВА

I

Нам предстоит прокатиться по железным путям, расходящимся на юге от Москвы, с одной стороны, до Воронежа, а с другой – до Харькова и Киева; предстоит приятная надежда войти в край, которого экономические силы, почти неведомые, служат лучшим залогом будущему благосостоянию русского народа... От летописей и актов, учивших нас одному лишь историческому пониманию, мы переходим к действительности, с ее плотью и кровью, сталкиваемся лицом к лицу и с народом, и с новыми людьми, которых вызывают на свет различные перевороты, преобразования, реформы – словом, вся современность, катящаяся теперь по железному пути... К железным дорогам южной России, со всем, что к ним так или иначе прикасается, мы в особенности приложим наше посильное изучение.

15 апреля, в три часа пополудни, поезд Московско-Рязанской железной дороги унес нас из Москвы. С первым движением поезда невольно чувствуешь, какая великая разница между казенной и частной железной дорогой. На Николаевской с ее отбитыми рельсами едешь, словно по кочкам, трясешься, словно в телеге, а частная дорога катит как по маслу. Разница эта делается тем виднее, чем большеходишь в подробности. Катясь легко по Рязанской дороге, кроме того, нисколько не рискуешь сломать шею, отчего спасают добрые колеса и оси. На одной из станций нам удалось подробно осмотреть колеса Рязанской дороги. На Николаевской дороге или по милости незнания русского климата, или, может быть, по недостаточному внима-

нию к тому, что делалось, а в последнее время – вследствие крайней распушенности – колеса до сих пор из чугуна, который во время сильных морозов ломается как хрусталь. На Рязанской и на других частных дорогах введены деревянные колеса, системы Мансельса (Rowan et Co. Glasgow-Scotland) и железные с стальными шинами. На Николаевской дороге на каждой станции только и встречаешь что ломаные колеса, а на Рязанской, как нам говорили, в пять лет ее существования сломалось не больше пяти колес, а чтобы колесо ломалось во время пассажирского поезда, это совершенно немыслимо. То же самое должно сказать об осях, о буферах, предупреждающих столкновение вагонов, о винтах, связывающих крюки, которыми пристегиваются вагоны, и т. д.

Первая станция – Перово, с его знаменитым трактиром, где в доброе, старое время (до железной дороги) прокутилась нашими купцами не одна сотенка тысяч, а теперь это – мирная харчевня, питающая дачников дорогами и неудобоперевариваемыми обедами... Летом, в каждый праздник, поезд привозит сюда ряды вагонов, как говорится, битком набитых пассажирами, наезжающими гулять в Кусково, обиталище графа Шереметева. По-видимому, это должно было бы приносить большие выгоды дороге, но на самом деле этого нет. Вагон, набитый пассажирами с оплатой преимущественно по 12 копеек, даст только 4 рубля 60 копеек, а весь поезд из 30 вагонов – ничтожную сумму – 138 рублей, между тем как пустые вагоны должны идти до следующей станции, тратиться на смазку колес, топливо и пр., а поэтому-то оказывается, что для Рязанской дороги несравненно выгоднее перевозить товары, чем гуляк. С нынешнего лета приезжающие в Перово

и Кусково должны будут, кажется, отложить надежду на экстренные поезда Рязанской дороги. В расчете на более капитальные выгоды и удобства, Рязанской дороге очень важно, чтобы пассажиры, прибывающие по другим дорогам, могли тотчас же отправляться на Рязань, Моршанск, Воронеж и т. д. Время поездов, как мы слышали, с 15 мая будет изменено таким образом, что теперешний поезд в 8¹/₂ часов утра пойдет в 9 часов вечера, а поезд в 2 часа 50 минут – в 11¹/₂ часов утра.

Мы миновали станции Люберцы, Быково и песчаное Раменское, известное обширным производством картофеля, отправляемого по железной дороге в Москву и Петербург. Здесь почти у самого полотна дороги стоит бумагопрядильня Малютиных. Хозяин ее возводит новый пятиэтажный корпус. По дороге замелькали деревеньки, то одиноко стоящие среди голого серого поля, без церкви, без единого деревца, то с церковью, белеющей среди серых изб. И все-то серо, хило, убого... Было же время, думалось нам, когда народ, занимая пустые места, садился на них и расставлял все эти деревни, села, сельца, выселки и жил, должно думать, хорошо, а теперь все сгнило, дошло до того, что в иной деревне могут вырасти люди, которые и знать не знают, что такое лес... Крестьянин выехал пахать, и тощая лошаденка, давно уже не выдавшая ничего, кроме соломы с крыш, тянется по борозде, напрягая последние силы. Вдоль пути нам постоянно встречались кучи сложенных щитов из досок, которыми в зимнее время выемки и так называемые нулевые места защищаются от метелей и вьюг. Эти щиты тоже неведомы для Николаевской дороги. Но если по зимам железная дорога ведет борьбу с метелью, вьюгой и ветром, способными останавливать поезда и действие телеграфа,

то нисколько не легче ей и весной, когда ее одолевают разливы рек. Как только минуешь Раменское, то справа показывается вдалеке полоса воды с отливом матового серебра – то разлив Москвы-реки, производящий знаменитое москворецкое сено. Полоса эта все увеличивается, расширяется, образует необозримые глазом заливы, на некоторое время совершенно пропадает из виду, потом за Фаустовской станцией разливается на пространстве 60 квадратных верст и с двух сторон подходит к Рязанской дороге. Это уже не разлив маленькой речки Нерской, впадающей в Москву, а целое взморье. Море это бушует теперь от неистового ветра, который начался с 14-го числа и до сих пор еще не утихает. По необозримой темной массе воды издали несутся в разных направлениях бесчисленные темные волны с белыми гребешками, подкатываются к самой дамбе, по которой идет дорога, ударяются в нее и ползут вверх, как будто силясь ее поглотить, и тотчас же валятся назад, встретив отпор, поставленный инженером. И все это на пространстве не двух-трех сажен, а целых шести верст... Несмотря на это, дорога в полной безопасности, какой не предвиделось при блаженной памяти французских инженерах. По этому случаю нам указали вдалеке, поперек самого опасного разлива, черную полосу, носящую название памятника изгнания французов. Это – дамба на пространстве шести верст, которую построили французские инженеры, сделав Обществу убыток в 390 000 рублей, за что и были изгнаны. По дамбе, созданной ими, гуляют волны, а они сами строят теперь Киево-Балтскую дорогу.

В этот же день подобная борьба с водой происходила по всей дороге, и все заведующие ею инженеры, даже и сам управляющий дорогой, должны были

выехать на линию. На Рязанской дороге этот и следующий день прошли благополучно, – не так было на других дорогах. Слышно, что за Орлом промыло полотно, на Козловской дороге промыло трубу, с Елецко-Грязовской унесло целый бык, а в Коврове целый мост. Заглядевшись на вольный разгул воды, мы вынуждены остановиться и ночуем в Фаустове.

II

Фаустово, 16 апреля.

Наутро опять буря, с прибывкой едкой снежной метели. Из-под Рязани идет в Москву телеграмма об опасности дамбы на речке Павловке. Оставив Фаустово и миновав станцию Конобеево, встречаем новый залив, образовавшийся от разлива Москвы. Ветер утих, стала прекрасная погода, и солнце, заходя, отражалось в роскошно почившем заливе – по большей мере в 16 верст длины... Переехав по мосту через Москву-реку, во 110 сажен длины, построенному г. Струве, мы приближаемся к Коломне, к которой вода подошла под самые окна домов, и городок являлся как будто выросшим из воды. Освещенная солнцем Коломна была очень красива. У Рязанской дороги возле Коломны две станции: одна перед городом, другая сзади него. На вопрос, к чему такая роскошь, нам рассказали следующие потешные вещи. При постройке дороги было определено для удобства жителей Коломны поставить станцию перед городом. Стали у города просить для этого землю, но город земли не дает, говорит, что требуется разрешение от начальства. Начинается переписка, и Общество вынуждено поставить станцию за три версты за

городом. Город видит, что дело крайне плохо, просят правление общества сделать божескую милость поставить перед городом другую станцию и дают не только уж землю, но и денег... Вследствие сего граждане города Коломны уплатили для постройки станции 10 000 рублей и подарили 19 десятин земли да еще согласились, чтобы в течение 25 лет каждый пассажир, садящийся на этой станции и сходящий с нее, платил сверх тарифа 10 копеек...

Между двумя станциями дороги, называемыми Ново-Коломной и Старо-Коломной, при впадении Москвы в Оку, находится механическое заведение гг. Струве, существующее с 1864 года. Не знаем, помним – где-то недавно еще писалось, что этот завод ничего не делает, несмотря на то, что из него вышли все мосты южных дорог, а теперь начинается постройка 75 паровозов и 1500 вагонов, строимых из русского материала.

На Оке вчера была настоящая буря: по реке ходили волны в полсажени, а в городе с домов рвало крыши.

Оставив Коломну наслаждаться ее пастилой, переезжаем широкую Оку, опять по мосту гг. Струве в 250 сажен, стоящему на десяти быках. На том берегу встречает нас селение Щурово. По берегу вытянулся в струнку ряд не изб, а домов, некогда, вероятно, красивых, а теперь мрачных, поросших мхом, словно окаменелых. Это – деревня, построенная некогда коноводами на Оке.

Влево возле Оки лежат знакомые нам села Дедново и Белоомутово, знаменитые тем, что во время откупов они поставляли на всю Россию кабацких целовальников.

Поздно вечером подъехали мы к Рязани. Под самым городом бурлит неистово, врываясь в дамбу, речка Павловка, впадающая в Трубезь, и опять по обоим

сторонам дороги целое море воды. Трубеж, рукав Оки, разлившись, подошел под самый холм, на котором стоит рязанский кремль, запущенный, полуразрушенный... Мы хотели осмотреть древний Успенский собор, но нам сказали, что служба в нем бывает только летом, а теперь будто бы зима... На Московской улице, на конце которой стоят соборы, а немного выше театр и присутственные места или «губерния», как лаконически ответил нам рязанец, все, вплоть до соборов, немощено, все это на днях было покрыто непроходимой грязью, а где вымощено – там еще хуже... Так и кажется, что вот в известный день напала на Рязань Москва, покончила с ее независимостью, и с тех пор Рязань так и стоит, не двигаясь ни на шаг, и только по временам принимая на свои стогны, поросшие тернием, то дворянское собрание, то контрольную палату, вывеска которой красуется на одном из домов... Около Благородного собрания, куда сегодня град Рязань съехался и сбежался на спектакль любителей, стоят избы, которые, наверно, помнят Олега Рязанского, а по немощеной улице бродят коровы, овцы и свиньи. Особенно бросается в глаза, что рязанец, рязанский народ, несмотря на давнишнюю близкую связь с Москвой, несмотря на то, что он и знать не знает о бывшей независимой Рязанской области, доселе еще сохранил свой старый, областной тип. Встретив на улице крестьянина или мещанина, извозчика или лавочника, невольно говоришь: это не москвич, а рязанец с ног до головы. Подобного рода консервативность приятна. Известно, что различные исторические наслоения и особенно лжецивилизация сильно помutilа народную жизнь около столиц, но областная жизнь пока еще свежа и здорова, и надо думать, что с будущим поднятием уровня общенарод-

ного быта эти консервативные области внесут в него более свежие и здоровые силы. Для сравнения возьмем пример из самой областной жизни. Около Москвы и в ней самой каждый лавочник – кулак; каждая большая деревня или село после 19 февраля находится в полной власти кулака, мещанина из соседнего города, поставившего здесь трактир или питейный дом. В Рязани, говорят, этого нет. Подмосковский извозчик как будто прирос к своему «калиберу» и чинит его только тогда, когда прикажет полиция, а в Рязани, как и в других губернских городах, везде только пролетка и всегда крепкая, а извозчик не в той форменной одежде, какую он носит в Москве, а просто в фуражке, в обыкновенной своей поддевке...

Нам остается сказать два слова о том, что мы нашли по Рязанской дороге. От Москвы до Рязани мы встретили 14 поездов, из которых два – пассажирские, а двенадцать – товарных, каждый в 35 вагонов, следовательно, всего 385 вагонов, наполненных товаром. Цифра эта будет еще почтеннее, когда к зиме, с увеличением числа полустанков и подвижного состава, число товарных поездов с каждой стороны может дойти до 20. Поэтому, если теперь 12 поездов в 385 вагонах перетаскивают в один день 230 000 пудов, то при 20 поездах 700 вагонов будут перевозить в сутки 420 000 пудов, доставляя Обществу за раз 25 000 рублей. Но дело в том, что этого не может быть, и по очень простой причине: нечего будет возить, ибо уже и теперь недостает товара. Надо еще заметить, что дорога работает только с одного конца, то есть от Рязани, а какие бы деньги она наживала, если бы могла работать с обоих концов, как Николаевская дорога!.. Понятно, что для нее вовсе не требуется двойного

пути; здесь доброе управление дорогой доставляет то, чего не в силах были дать два пути Николаевской дороги... По нашему мнению, благосостояние дороги довершат не два пути, составляющие пока сущую роскошь, а улучшение отношений к ней Николаевской и других дорог... Николаевская сильно тормозит ее эксплуатацию, задерживая перегрузку вагонов и отправление товара, по милости чего плата за полежалое доходит иногда по Рязанской дороге до 500 рублей в день... Сумма, без сомнения, хорошая, но для дороги было бы несравненно лучше, если бы каждый день вместо старого товара являлся новый...

Рязань, 17 апреля.

ПРИМЕЧАНИЕ

ЮРОДИВЫЕ И КЛИКУШИ

Печатается по: *Прыжов И. Г.* Очерки, статьи, письма. М.-Ленинград: Academia, 1934.

26 московских пророков, юродивых, дур и дураков

Вышла отдельным изданием в 1865 г. под названием: «26 московских лжепророков, дур и дураков» (М.: «Типография Семена», 1865).

Углицкие юродивые и предсказатели

Текст по: «Спб. ведомости». 1865. № 34. Подзаголовок: «Корреспонденция Спб. ведомостей».

Двадцать шесть московских юродивых, пророков, дур и дураков

Москва, 1865, 158 с. [Авторецензия]

Текст по: «Развлечение». 1865. № 12. Статья опубликована с подписью «Преображенский».

Русские кликуши

Текст по: «Вестник Европы». 1868. Кн. X. С. 641–672.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ НИЩЕНСТВА

Печатается по: *Прыжов И. Г.* Очерки, статьи, письма. М.-Ленинград: Academia, 1934.

Нищие на Святой Руси

*Материалы для истории общественного
и народного быта в России*

Текст по книге Прыжова «Нищие на Святой Руси», с подзаголовком: «Материалы для истории общественного и народного быта в России» (Москва, 1862).

Нищенство

Текст по: «Современное слово». 1862. № 125.

ИСТОРИЯ КАБАКОВ В РОССИИ В СВЯЗИ С ИСТОРИЕЙ РУССКОГО НАРОДА

Печатается по: *Прыжов И. Г.* История кабаков в России в связи с историей русского народа. Каз., 1914.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ КАБАЧЕСТВА

Печатается по: *Прыжов И. Г.* Очерки, статьи, письма. М.-Ленинград: Academia, 1934.

Наша общественная жизнь

Текст по: «Развлечение». 1864, № 6.

Кабацкие целовальники

Текст по: «Развлечение». 1864, № 13.

Городские пьяницы

Текст по: «Развлечение». 1864. № 22.

Корчма

Текст по: «Русский архив». Вып. 7. С. 1053–1064.

БЫТ РУССКОГО НАРОДА

Из деревни

Текст по: «Спб. ведомости». 1861. № 242.

Из-под Новинского, что в Москве

Текст по: «Голос». 1863. № 56.

Он и Она

(Посвящается М. А.....ой)

Текст по: «Развлечение». 1865. № 20. Подпись «Преображенский».

Купец-лавочник

Текст по: «Развлечение». 1865. № 43.

Смешное

Текст по: «Развлечение». 1866. № 14. Подпись «Преображенский».

От Москвы до Киева

Текст по: «Современная летопись». 1868. № 13.

ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ ИВАНА ГАВРИЛОВИЧА ПРЫЖОВА

1793 – родился Гавриил Захарович Прыжов в селе Середникове (в двадцати километрах от Москвы).

1812 – состоял в ополчении против французов и сражался под Бородино.

1815 – принят в московскую Мариинскую больницу швейцаром.

1817 – перемещен на должность писаря «среднего оклада», в каковой и оставался до самой смерти (1858).

1827, 22 сентября – родился в московской Мариинской больнице Иван Гаврилович Прыжов.

1848 – кончил курс в 1-й Московской гимназии и поступил в университет на медицинский факультет.

1850, 30 октября – уволен из университета (но продолжал посещать лекции словесного и юридического факультетов).

1852, 18 января – поступил в Московскую гражданскую палату 1-го департамента на должность экзекутора и регистратора.

1867 – за закрытием Гражданской палаты отчислен от службы.

1867 (конец) – поступает в контору частной железной дороги.

1868 – занимается смотрителем работ на железной дороге между Витебском – Орлом – Харьковом – Киевом.

1868 (конец) – сближается с Успенским и другими будущими нечаевцами.

1869, 3 августа – первая встреча с Нечаевым, по поручению которого организует революционные кружки и ведет агитацию среди студентов и в народе.

1869, 21 ноября – участвовал в убийстве Иванова.

1869, 29 ноября – безрезультатный обыск.

1869, 3 декабря – вторичный обыск и арест.

1870, 5 марта – переведен в Петропавловскую крепость.

1871, 1–5 июля – суд с приговором к лишению всех прав состояния, ссылке в каторжные работы на 12 лет и вечному поселению в Сибири.

1871, 15 сентября – переведен из Петропавловской крепости в петербургский тюремный замок.

1871, 21 декабря – публичная казнь.

1872, 14 января – отправлен из Петербурга в виленскую каторжную тюрьму.

1872 (зима) – содержится в остроге в Иркутске, откуда этапным порядком отправлен отбывать каторгу на Петровский железодельный завод в Забайкальской области.

1881 – вышел на поселение.

1885, 27 июля – смерть Прыжова.

СПИСОК РАБОТ И. Г. ПРЫЖОВА, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПРИ ЕГО ЖИЗНИ

1860

Иван Яковлевич, лжепророк – «Наше время», № 34.
«Кликуши» А. Клементковского – «Наше время», № 37.
Очерки древнерусского быта – «Наше время», № 44–45.
Московские новости – «Русский инвалид», № 239.
Литературная летопись – «Спб. ведомости», № 253.
Житие Ивана Яковлевича, известного пророка в Москве – отдельным изданием (Москва).

1861

Из Москвы – «Спб. ведомости», № 113, 190, 229.
Из деревни – «Спб. ведомости», № 242.
Московские юродивые – «Северная пчела», № 125.
Петербург и Москва – «Северная пчела», № 60.
Нечто о воронежских пустосвятах и юродивых – «Воронежская беседа», с. 144–145.
Памятники народного быта болгар, т. I – отдельным изданием (вместе с Л. Каравеловым) (Москва).

1862

Юродственное племя – «Развлечение», № 4, 13, 14, 31, 46 и 48.
Юродство в Москве – «Московские ведомости», № 156.
Москва 4 октября – «Современное слово», № 112.
Нищенство – «Современное слово», № 125.

Библиографические известия – «Филологические записки», вып. 1-й; «Московские ведомости», № 241.

Новое приложение фотографии к археологии и искусству – «Московские ведомости», № 232 (перепечатано в «Северной пчеле», № 235).

По поводу заметки о религиозном и нравственном образовании в московских гимназиях – «Современная летопись», № 47.

Сказание о кончине и погребении московских юродивых Семена Митрича и Ивана Яковлевича – отдельным изданием (Москва).

Нищие на святой Руси. Материалы для истории общественного и народного быта в России – отдельным изданием (Москва. Переиздано издательством «Молодые силы», Казань, 1913).

1863

Юродственное племя – «Развлечение», № 35.

Из-под Новинского, что в Москве – «Голос», № 56.

1864

Наша общественная жизнь – «Развлечение», № 6.

Кабачкиные целовальники – «Развлечение», № 13.

Городские пьяницы – «Развлечение», № 22.

Ria desideria. По поводу книги Н. П. Бочарова – «Голос», № 277.

Лекции г. Стороженко о Шекспире – «Московские губернские ведомости», № 3.

1865

Нравы и обычаи Углича – «Спб. ведомости», № 13.

Угличские юродивые и предсказатели – «Спб. ведомости», № 34.

Библиография. Древности – «Голос», № 214.

26 московских юродивых, пророков, дур и дураков – «Развлечение», № 12.

26 московских лже-пророков, лже-юродивых, дур и дураков – отдельным изданием Н. Баркова (Москва).

Он и она – «Развлечение», № 20.

Купец-лавочник – «Развлечение», № 43.

1866

Смешное Развлечение», № 14.

Корчма – «Русский архив», № 7, с. 1053–1064.

«Русские замечательные люди» А. Суворина – «Московская газета». № 3.

1867

Лях в историческом отношении – «Голос», № 17.

Библиография. «Об историческом наслоении в славянском словообразовании», соч. Дювернуа. «Кобзарь» Тараса Шевченко – «Голос», № 207.

1868

От Москвы до Киева – «Современная летопись», № 13.

Что делалось прежде, когда голод постигал народ – «Московские ведомости», № 68.

Русские кликуши – «Вестник Европы», кн. X, с. 641–672.

История кабаков в России в связи с историей русского народа – отдельным изданием (издание М. О. Вольфа). Переизд. изд-вом «Молодые силы», Казань, 1914.

1869

Малороссия (Южная Русь) в истории ее литературы с XI по XVIII век – «Филологические записки», вып. 1-й. Переизд. в более полном виде на укр. языке: «Prawda» (Львов), № 36–44.

1881

Сибирский Никола – «Порядок», № 295.

Староверы – «Русский курьер», № 11 и 15.

1882

Записки о Сибири: 1. Охота на бродяг. 2. Староверы – «Вестник Европы», кн. IX, с. 291–325.

1908

Исповедь – «Минувшие годы». Кн. II, с. 51–71.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аввакум – 99
Августинович – 455
АвдееваЕкатеринаАлексеев-
на – 117, 165
Авраамов Михаил Петро-
вич – 181–182
Агаша – 56–57
Агриппина – 106
Адриан – 276, 535
Акимова Авдотья – 104
Аксаков Иван Сергеевич –
129, 182
Аксенов – 532
Александр – 372
Алексей Михайлович – 275,
277, 285, 306, 318, 339, 344,
352, 376, 424, 431, 526, 534,
542
Андреев Иван – 312
Андреева Авдотья – 180
Андрей (московский) – 45–47
Андрей (углицкий) – 76–77
Андрей Боголюбский – 229,
360, 371
Андрей Дмитриевич – 256,
554
Андрей Первозванный – 525
Анна Иоанновна – 454, 458,
526
Аннушка – 118
Антонушка – 64–67, 83
Аполлоний Тианский – 87
Апраскин – 431
Аршинникова – 79–80
Аскоченский ВикторИпатье-
вич – 84
Афанасьев Александр Нико-
лаевич – 145, 156
Бабст Иван Кондратьевич –
487, 536
Багачин Иван – 302
Байрон – 583
Барбье – 583
Барков Николай – 86, 612
Бартенев Борис Дмитрие-
вич – 335
Бартенев Петр Иванович –
335
Барятинские – 314–315, 378
Баршев – 528
Барыков И. И. – 500

- Баторий Стефан – 361, 363, 369, 374–375, 398
- Бахарев Давид – 331
- Башкиров. А. – 500
- Бек – 130
- Беляев Иван Дмитриевич – 259
- Берсенев Андрей – 261, 543, 555
- Берх – 180
- Бессонов Петр Алексеевич – 138, 146–148, 151
- Блехшмидт – 572
- Богданович – 405
- Боплан Г. – 400
- Болтин Иван Никитич – 327, 447, 541
- Борисов Владимир Александрович – 98
- Босая Марья – 103
- Бочаров Николай Петрович – 612
- Бочечкаров Н. И. – 132, 161, 182
- Браги – 135–136
- Бременский Адам – 371
- Броневский – 427
- Бруссос – 524
- Брюховецкий – 408–409, 431
- Букреева Федосья – 114
- Буслаев Федор Иванович – 90, 94, 137, 139, 144, 148, 264
- Бутакова Марфа – 275
- Буткины – 571, 573
- Валуев – 395, 550
- Варадинов – 112
- Варенцов Виктор Гаврилович – 147
- Василий Иванович – 257–258, 318, 370, 554
- Василис Макарыч – 76–77, 81
- Васильева Ирина – 115–116
- Васильчиков – 516
- Вельяминов-Зернов – 265
- Вениамин – 109–110
- Викулин – 63
- Владимир – 171, 174, 225, 227–228, 231, 392
- Власов Петр – 533
- Воейков – 104, 577
- Волховской – 426–427
- Вольга Святославович – 226
- Вольф Маврикий Осипович – 612
- Всеволод Мстиславич – 233–234
- Всеволод Юрьевич – 171
- Всеволодский – 568–570
- Вук – см. Караджич
- Гавриил Афонский – 40–42
- Гагарин Семен – 315
- Галл – 249, 391
- Ганешины – 39

- Гарелин Яков Петрович – 97–98
- Гарибальди Джузеппе – 131
- Гваньино – 257–258
- Гедимин – 359
- Гейне – 247
- Герберштейн – 257–258, 262
- Гете Иоганн-Вольфганг – 247, 557
- Гильфердинг Александр Федорович – 550
- Гиппократ – 87
- Гладстон Уильям – 245
- Глазунов Иван Ильич – 423
- Годунов Борис – 177, 267, 314, 322, 334–335, 524
- Голиков Иван Иванович – 101–102
- Голиковы – 465
- Голицын – 378, 413
- Голицын Дмитрий Михайлович – 452
- Голицын С. М. – 11
- Головин Иван Михайлович – 101
- Головин Петр – 319
- Головацкий – 401
- Голохвастов – 261, 336, 555
- Гольшанский Ю. С. – 270
- Горсей Джером – 93
- Григорий Богослов – 88
- Гримм Яков – 556
- Гродгар, Хродгар (Hrodgar) – 225
- Гуляев Степан Иванович – 122
- Гундоров Иван – 543–546
- Гундоровы – 546
- Гурьев – 472
- Даниил – 99
- Даниил Дмитриевич – 255, 553
- Данилов Кирша – 143, 145
- Данилова Федосья – 97
- Данилушка Коломенский – 25–29, 81
- Даниельсон – 472
- Дедкович Данила – 383
- Димитрий – 235, 395
- Димитрий Солунский – 154
- Диоклетиан – 246
- Дитмар – 371
- Долгорукий Алексей Владимирович – 14–15, 81, 351
- Донцов Венедикт – 114
- Досифея – 103
- Дребуш – 569
- Душан Стефан – 249
- Дювернуа – 612
- Евдокия – 272
- Евдокия Тамбовская – 37
- Евдокия Лукьяновна – 171
- Евдокия Алексеевна – 174
- Евпраксия – 103
- Екатерина II – 420, 436, 454, 463–464, 466–468, 512

- Елизавета Петровна – 426, 435, 454, 462, 468
 Елизарьев Лазарь – 419–420
 Еремин – 299
 Есипов Григорий Васильевич – 104
 Ефим Иванович – 559–560
 Ефимова Пелагея – 103
 Ефремов – 497
 Ефремов Иван – 25
- Жданов – 299, 357
 Желябужский Иван Афанасьевич – 325, 354
 Жорж Санд – 583
- Забелин – 94, 171
 Забелин А. – 132
 Заявецкий Федор – 545
 Зенины (братья) Василий, Николай, Пахом и Петр Семеновичи – 570–571
 Зубков – 348
- Иван III – 256, 258–259
 Иван VI – 462
 Иван Алексеевич – 174, 278, 299
 Иван Васильевич – 240, 242, 244
 Иван Грозный – 111, 167, 169, 260–261, 264, 268, 282, 336, 446? 523–524, 530, 542, 554–556
- Иван Данилович – 232
 Иван Степанович – 24, 37–38, 47–49, 59–60
 Иван Яковлевич – см. Корейша
 Иванов – 579–580, 583–585, 588
 Иванов Николай Петрович – 584, 586–589
 Иванов Семен – 324
 Иванова Арина – 104
 Иванова Федора – 108
 Иванушка Тульский – 77–78
 Игорь – 93, 138–139, 227, 371
 Иконин Тихон – 346
 Ильин Викулка – 304
 Иоаким (Савелов Иван) – 169
 Иоанн (устюжский) – 95
 Ионушка – 76–77
 Иосафат – 361
- Казановские – 381
 Калачов Николай Васильевич – 131–132, 146, 160–162, 180, 182, 212
 Каменёвич-Рвовский Тимофей – 262–263
 Камзолкин – 592–594
 Кампёнзе Альберто – 234, 257
 Кандалинцов – 466
 Каравелов Любен – 611
 Караджич Вук Степанович (Вук) – 548

- Карамзин Николай Михайлович – 132, 265, 334, 473, 553–554
- Карандашев Федор – 312
- Карл Великий – 547
- Кастрен – 125, 480–482
- Квасир – 135, 228, 556
- Кельдяев, «Ивашка» – 244
- Кирилл – 69, 173, 224, 256, 554
- Кирюша – 61–62, 67–69
- Киттары Модест Яковлевич – 487–488, 537
- Кишкин Флор – 545
- Клементковский А. – 611
- Кобринская Федора – 380
- Козмины – 180
- Кокорев – 306, 484–485, 507
- Кокорев А. – 500
- Колесников – 418
- Коллинс Самуил – 352, 534–535
- Кольцов Алексей Васильевич – 158, 574
- Колмаков – 350
- Контарини Амвросий – 256, 372
- Копнин Третьяк – 339
- Корб – 90, 302
- Корейша Иван Яковлевич – 5–22, 33–34, 57, 60, 81–82, 84–85, 611–612
- Коровинской Надея – 305
- Королев Иоанн – 492, 559
- Корсак – 515
- Корсаков – 452
- Костомаров Николай Иванович – 132, 160, 164–165, 177
- Котошихин Григорий Карпович – 131, 171, 173, 280
- Кочубей – 414
- Краузе – 336
- Кривой Иван Дмитриевич – 260, 554
- Крижанич Юрий – 327–328, 333, 387
- Кричевец Козьма – 378–379
- Крыпецкий Савва – 333
- Ксения – 110–111
- Ксенофонт Пехорский – 37–38
- Кукина Олисава Григорьевна – 105
- Кулиш Пантелеймон Александрович – 137, 140–141, 144, 401, 441
- Куник Арист Аристович – 390
- Кунцевич Иосаф – 361
- Курбановский Михаил Николаевич – 132, 166
- Курбский Андрей Михайлович князь – 542
- Кутузова – 101
- Кучумов Иван – 299
- Ларионов – 350

- Ларионов Козьма – 83
 Лелёвель Иоахим – 390, 397
 Леонид – 322
 Леонтий – 377
 Леонтьев М. – 289
 Леонтьев Р. – 299
 Лешка – 84
 Лешков Василий Николаевич – 211
 Линде Самуил-Богумил – 268, 556
 Логинова Варвара – 102
 Любимов – 127
 Львов А. М. – 337
 Ляшко (Лешко) – 393
- Маврикий – 136
 Маврикия – 110
 Майков Аполлон Николаевич – 548
 Макарий – 150, 279
 Макаров – 498
 Макаров Михаил Николаевич – 182
 Макарьевна – см. Ольга Макарьевна
 Максимов – 118, 482
 Мамай – 149–150
 Мандри (Мандрига) – 32–33
 Маржерёт (Маржерё) – 337
 Маркович – 445
 Марфа – 93, 97
 Марфа Герасимовна – 57–59
 Марфа Матвеевна – 174–175
- Марья – 126
 Матрена – 91
 Матрена Макарьевна – 36
 Матрона – 110–111
 Матюша – 35–36
 Матюшкин – 320
 Маша Бусинская – 42, 44
 Мелешко Иван – 399
 Меншиков – 452, 484, 495
 Меншикова Фекла Григорьевна – 105
 Мёрик Джон – 339
 Мещерский – 103
 Мещерский Ф. Ф. – 337
 Микуцкий Станислав Павлович – 396, 548
 Миних – 455
 Миронова Матреша – 565
 Миронов С. Ф. – 571
 Михаил Александрович Тверской – 256
 Михаил Максимович – 335
 Михаил Тверской – 242, 264
 Михаил Федорович – 242, 271, 292, 296, 319, 335, 338–339, 417
 Михаил Ярославич Тверской – 240
 Михайлов Степан – 337
 Михайлова Федосья – 97
 Михалев А. – 349
 Михалон (Михалон Литвин) – 239, 257–258, 261
 Мишуров – 426

- Мордвинов – 474
 Мстислав – 553
 Мстислав Данилович – 240
 Мстиславская Иулиания – 270
 Мстиславский – 100
 Муллов П. А. – 132
 Муравьев – 477
 Мухлинский Антон Осипович – 248
 Мячкинская – 31
 Нагой Михаил Федорович – 93
 Нарушевич – 392, 397
 Неволин Константин Алексеевич – 169
 Некрасов Иван Степанович – 119
 Немцев А. – 501
 Нестор – 139
 Нестеров – 449, 451, 569
 Нечаев – 609
 Никанор – 63–64
 Никифоров Михаил – 345, 543
 Николаша – 33–35
 Образцов А. – 296
 Обросимова Ирина – 98
 Ожималова Марфа – 97
 Окулова Евдокия – 106
 Окуловы – 275
 Олеарий Адам – 230, 235, 257–258, 325–326, 340–341, 344, 352, 395
 Олег – 139
 Олег Рязанский – 603
 Олена – 275
 Олсуфьев – 10
 Ольга Макарьевна – 30–31
 Ордын-Нащокин Афанасий Лаврентьевич – 327–328, 333, 344, 525, 557
 Орлов – 454, 484
 Острожский Константин – 399
 Отрепьев Григорий – 394
 Павел Высокий – 162
 Павел Иовий – 235
 Павлов Д. – 350
 Павловский – 465
 Палатов Иосиф Григорьевич – 99
 Панин – 98
 Парыгин Иван – 105
 Пассек Вадим Васильевич – 441
 Пекарский Петр Петрович – 182
 Петр Могила – 375
 Петр Муромский 233
 Петр (углицкий) – 48
 Петр I – 101, 114, 167, 170, 177, 179, 278, 314, 354–355, 357,

- 425, 430, 438–439, 446–
447, 452, 454, 458, 506
- Петр II – 432–433
- Петр Устюжский – 39
- Петрик – 414, 416
- Петров – 419–420
- Плавт – 222
- Платон – 87
- Погодин Михаил Петрович –
548, 550
- Пожарские – 546
- Пожарский Дмитрий – 315,
338, 345, 545–546
- Пожарский Михайло – 545
- Пожарский Федор – 545
- Полозин – 422
- Полозов – 418–419
- Полторацкий Е. О. – 571
- Попов Александр Николае-
вич – 549
- Посошков Иван Тихонович –
178, 229, 282, 288, 452
- Потоцкий – 381, 403–404
- Потвер Жанна – 89
- Прасковья Федоровна – 174
- Прокопий – 95
- Прохоров Микифор – 302–
303
- Прыжов Гавриил Захаро-
вич – 609
- Пушкин – 318–319
- Разин Степан Тимофеевич –
276, 344
- Разумовский – 435, 440
- Разумовский Кирилл – 442
- Ранк Леопольд – 211
- Роман – 139
- Романов Никита – 395
- Ртищев – 416
- Ртищев Василий – 345
- Савваитов – 265
- Салмин – 104
- Салмина Софья Сергеевна –
106
- Салмина Татьяна – 106
- Салтыков – 569
- Салтыков Михаил – 336
- Святополк – 149, 170, 392–393
- Святослав – 139, 392
- Святослав Всеволодович –
170
- Селиванов – 207
- Семен Митрич – 21–24, 29
- Семенищев – 420
- Семенов Иван – 97
- Семенов Ивашка – 545
- Семенов Постничко – 544–545
- Семенова Дарья – 97
- Симеон Верхотурский – 314
- Семион, или Симеон, Бекбу-
латович – 267
- Семион Волховский – 427
- Серапион – 266
- Серафим – см. Сидоров
- Сидоров Ермил – 72–74
- Сильвестр – 9, 93, 194, 261

- Скачкова Марья Ивановна – Турин – 579
52–55
- Смирнов – 322
- Снегирев Иван Михайлович – Уваров Василий – 420
159, 162–163, 167–169, Уварова Матрена – 115–116
180–181, 204–206, 326 Удина Евлампия – 105
Удин Феофан – 105
- Соловьев – 399 Успенский – 609
- Соловьев Сергей Михайло- Феврония Муромская – 233
вич – 84, 99, 318, 396 Федор – 70–71
- Соломония – 94–96 Федор – 168
- Софья – 100–101 Федор Алексеевич – 174, 177,
180, 277, 352, 354, 395
- Столыпин Аркадий Дмит- Федор Иванович – 275, 285,
риевич – 569 333–334, 336, 524
- Стороженко Николай Ильич – Федоров Моисей – 324
612 Федоров Семен – 260
- Строев Павел Михайлович – Федорова Дарья – 115–116
132 Федорова Федосья – 115–116
- Сторожев Нил – 299 Феодосий – 39, 130, 555
- Струве Г. Е. – 601–602 Феодосий Печерский – 91
- Струков – 419–420 Феофан – 110
- Суворин А. – 612 Филарет – 292
- Схолиаст – 136 Филиппов Иван Филиппо-
вич – 102, 156–157
- Татищев Василий Никитич – Филиппов Максим – 97
101–102, 268, 556 Филиппова Анна – 97
- Татьяна Михайловна – 174 Филиппушка – 50–51, 202
- Татьяна Степановна – 50–52 Флавий Иосиф – 96
- Тверитина Ирина – 121 Флетчер Джильс – 175, 235,
257–258, 324, 334, 533
- Тимашев – 106
- Тихон – 292, 467
- Тихонов – 292
- Тихонов Ивашка – 346
- Тулубьев – 121 Харитонов – 117, 123
- Туренин Василий – 339 Хартахай – 265

- Хованский – 261, 281, 330–331, 543, 555
- Худяков Иван Александрович – 543
- Чамов – 22
- Чичерин – 337
- Чубарев Прокопий – 105
- Чубарева Фекла Васильевна – 105
- Шамиль – 183, 204
- Шахан-Гирей (Шихин Гирей) – 269
- Шевченко Тарас Григорьевич – 158, 612
- Шевырев Степан Петрович – 119, 124–125, 266
- Шереметевы – 422, 598
- Шильдбёргер Йоханн (Шильтбёргер) – 234
- Шишман – 249, 549
- Шмидт – 572
- Шпилевский Павел Михайлович – 82–83, 551
- Шпренгер – 88
- Шуйский – 336, 532
- Шуйский Василий – 283–284
- Шуйский Иван Петрович – 334, 524
- Шулешевы – 337
- Щапов Афанасий Прокофьевич – 92, 96, 147, 177
- Щербатов Михаил Михайлович – 452, 468
- Эдингард – 371
- Ювенал – 136
- Якимов – 98
- Якимова Онтонида – 98
- Якушкин Павел Иванович – 212
- Ярослав Васильевич – 255, 553
- Ярослав Галицкий – 170
- Ярослав Изяславич – 227
- Ярослав Мудрый – 170, 229, 233, 237, 243, 371, 392–393
- Ярослав Тверской – 242

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРОДИВЫЕ И КЛИКУШИ

26 московских пророков, юродивых, дур и дураков	5
Иван Яковлевич	5
Семен Митрич	21
Данилушка Коломенский	25
Макарьевна	30
Мандрыга	32
Николаша-Дурачок	33
Матюша	35
Евдокия Тамбовская	37
Ксенофонт Пехорский	37
Феодосий	39
Петр Устюжский	39
Отец Гавриил Афонский	40
Маша Бусинская	42
Отец Андрей	45
Иван Степаныч	47
Татьяна Степановна Босоножка и Филиппушка	50
Марья Ивановна Скачкова, лечившая водой	52
Агаша	56
Марфа Герасимовна	57
Иван Степаныч, киновиарх и блюститель женской Пехорской киноии	59
Кiryюша	61
Никанор	63

Антонушка	64
Кiryуша [второй]	67
Федор	70
Отец Серафим	72
Бородатый мужик	74
Углицкие юродивые и предсказатели	76
«Двадцать шесть московских юродивых, пророков, дур и дураков». – Москва, 1865, 158 с. [Авторецензия]	78
Русские кликуши	86

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ НИЩЕНСТВА

Нищие на Святой Руси	129
Нищенство	207

ИСТОРИЯ КАБАКОВ

История кабаков в России в связи с историей русского народа	224
Предисловие	224
Глава I. Черты старинной жизни русского народа	225
Глава II. Бортничество и пчеловодство	231
Глава III. Первое появление пошрины с питей. Медовые дани. Подать с хмеля и солода	240
Глава IV. Питейные дома на Западе. Корчма – древнеславянский общественный питейный дом	245
Глава V. Москва. Появление кабака около 1555 года. Корчемство становится контрабандой	263
Глава VI. Новый характер питейного дела в отношении к духовенству, к боярам, к народу	269
Глава VII. Управление кабаками. Кабацкие головы, целовальники, откупщики	284

<i>Глава VIII. Развитие корчемства и преследование корчемников</i>	301
<i>Глава IX. Иностранцы</i>	312
<i>Глава X. Правеж – спутник кабака</i>	321
<i>Глава XI. Ордын-Нащокин и Крижанич</i>	327
<i>Глава XII. Распространение кабаков с 1552 года до начала XVIII века</i>	333
<i>Глава XIII. История питейного дела в юго-западной Руси</i>	359
<i>Глава XIV. Киевские корчмы</i>	370
<i>Глава XV. Юго-западные корчмы до 1659 года</i>	380
<i>Глава XVI. Польша</i>	390
<i>Глава XVII. Малороссия. Корчмы в Малороссии с Хмельницкого и до XVIII века</i>	400
<i>Глава XVIII. Кабаки в Слободской Украине</i>	417
<i>Глава XIX. Юго-западные корчмы в XVIII веке</i>	430
<i>Глава XX. Распространение кабаков в XVIII веке. Откупная система</i>	446
<i>Глава XXI. Последние времена откупов. Общества трезвости</i>	483
<i>Глава XXII. Введение новой питейной системы и ее последствия</i>	499

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ КАБАЧЕСТВА

Наша общественная жизнь	522
Кабацкие целовальники	530
Городские пьяницы.....	541
Корчма.....	547

БЫТ РУССКОГО НАРОДА

Из деревни	558
------------------	-----

Из-под Новинского, что в Москве.....	573
Он и она	578
Купец-лавочник.....	589
Смешное.....	595
От Москвы до Киева.....	597
<i>Примечание</i>	<i>606</i>
<i>Хронология жизни Ивана Гавриловича Прыжова</i>	<i>609</i>
<i>Список работ И. Г. Прыжова, опубликованных при его жизни.....</i>	<i>611</i>
<i>Указатель имен.....</i>	<i>615</i>

Институт русской цивилизации создан для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (подготовлено 19 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей и ученых, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния сил мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 200 томов).

Редактор Л. К. Молотилова
Корректор А. А. Полякова
Компьютерная верстка Е. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 24.08.2016 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Объем 26,3 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

**ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВЫПУСКАЕТ
БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ
РУССКОГО НАРОДА**

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

- Русская цивилизация *(вышел)*
- Русское Православие в трех томах *(вышли)*
- Русское государство *(вышел)*
- Русский патриотизм *(вышел)*
- Русское мировоззрение *(вышел)*
- Русский образ жизни *(вышел)*
- Русская география
- Русское хозяйство *(вышел)*
- Международные отношения
- Национальные отношения
- Русская литература *(вышел)*
- Русская икона и религиозная живопись в двух томах *(вышли)*
- Русская архитектура и скульптура
- Русская живопись
- Русский театр
- Русская музыка
- Русская наука
- Русская школа
- Русское воинство
- Памятники Отечества
- Русские за рубежом
- Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

- Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
- Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
- Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
- Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
- Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
- Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
- Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
- Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
- Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
- Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
- Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
- Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
- Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
- Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
- Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
- Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
- Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
- Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
- Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
- Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
- Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
- Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
- Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
- Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
- Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
- Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
- Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
- Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
- Иван Грозный. Государь, 400 с.
- Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
- Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
- Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
- Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.

- Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
- Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
- Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
- Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
- Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.
- Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.
- Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.
- Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.
- Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.
- Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.
- Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
- Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
- Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
- Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.
- Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
- Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.
- Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
- Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.
- Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.
- Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.
- Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.
- Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.; т. 2 – 720 с.
- Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.
- Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия, 720 с.
- Иларион Троицкий. Преображение души, 480 с.
- Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.
- Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.
- Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.
- Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.
- Феофан Затворник. Добротолюбие, 752 с.
- Кожин В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.
- Миллер О. Ф. Славянство и Европа, 880 с.
- Архиепископ Никон (Рождественский). Православие и грядущие судьбы России, 640 с.

Пушкин А. С. Россия! встань и возвышайся!, 976 с.
Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление, 960 с.
Святитель Игнатий (Брянчанинов). Особенная судьба народа русского, 752 с.
Нилус С. А. Близ есть, при дверех, 576 с.
Кавелин К. Д. Государство и община, 1296 с.
Белов В. И. Лад. Очерки народной эстетики, 512 с.
Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости, 736 с.
Аскоченский В. И. За Русь Святую! 784 с.
Будилович А. С. Славянское единство, 784 с.
Повесть Временных Лет, 544 с.
Преп. Серафим Саровский. Стяжание Духа Святого, 480 с.
Ростопчин Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце, 704 с.
Магницкий М. Л. Православное просвещение, 528 с.
Домострой, 448 с.
Уваров С. С. Государственные основы, 608 с.
Муравьев А. Н. Путешествие по святым местам русским, 768 с.
Панарин А. С. Православная цивилизация, 1248 с.
Говоруха-Отрок Ю. Н. Не бойся быть православным, или Русско-православная идея, 768 с.
Ушинский К. Д. Русская школа, 688 с.
Распутин В. Г. У нас остается Россия, 1200 с.
Митрополит Платон (Левшин) и его учено-монашеская школа. К чести духовного чина, 896 с.
Вельтман А. Ф. Древности и сокровища российские, 1152 с.
Вера. Держава. Народ: Русская мысль конца XX – начала XXI века, 1200 с.
Русская доктрина, 1056 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. А. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. А. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.

Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.
Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.
Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.
Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.
Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.
Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.
Шиманов Г. М. Записки из красного дома, 1024 с.
Жеденов Н. Н. Гроза врагов русского народа, 704 с.
Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом, 1136 с.
Сенин А. А. Служить правде, 416 с.
Личутин В. В. Размышления о русском народе, 576 с.
Куняев С. Ю. Русский дом, 912 с.
Замысловский Г. Г. В борьбе с ненавистниками России, 720 с.
Проханов А. А. Слово к народу, 896 с.
Хатюшин В. В. Вехи океанных лет, 608 с.
Ганичев В. Н. О русском, 832 с.
Миронов Б. С. Русский национализм, 560 с.
Шевцов И. М. Тля. Антисионистский роман. Соколы. Воспоминания о деятелях русской культуры., 816 с.
Тимофей Буткевич, протоиерей. Верю, понимаем, 704 с.
Любомудров М. Н. Каноны русского мира. Идеология. Культура. Искусство, 816 с.
Ерчак В. М. Слово и Дело Ивана Грозного, 1008 с.
Душенов К. Ю. Православие или смерть, 960 с.
Крушеван П. А. Знамя России, 720 с.
Ивашов Л. Г. Геополитика Русской цивилизации, 800 с.

Аверьянов В. В. Наш дух не сломлен, 688 с.
Бегунов Ю. К. Тайные силы в истории России, 944 с.

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»

Максимов С. В. По Русской земле, 960 с.
Зеленин Д. К. Русская этнография, 672 с.
Коринфский А. А. Народная Русь, 944 с.
Сахаров И. П. Сказания русского народа в 2-х томах, т. 1 – 800 с.;
т. 2 – 928 с.
Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах, 880 с.
Калинский И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси, 384 с.
Риттих А. Ф. Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование, 576 с.
Пассек В. В. Очерки России, 448 с.
Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, 1056 с.
Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях, 704 с.
Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия, 688 с.
Фаминцын А. С. Божества древних славян, 736 с.
Терещенко А. В. Быт русского народа в 2-х томах, т. 1 – 944 с.;
т. 2 – 864 с.
Азадовский М. К. История русской фольклористики, 1056 с.
Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи, 528 с.
Шергин Б. В. Отцово знание. Поморские были и сказания, 704 с.
Сумцов Н. Ф. Народный быт и обряды, 688 с.
Буслаев Ф. И. Русский быт и духовная культура, 1008 с.
Русские люди XVIII века, 784 с.
Токарев С. А. История русской этнографии, 656 с.
Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности, 672 с.
Орлов А. С., Пропп В. Я. Героическая тема в русском фольклоре, 864 с.
Бурцев А. Е. Народный быт великого севера, 624 с.
Богданович А. Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов, 160 с.
Нидерле Л. Славянские древности, 784 с.

- Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке, 752 с.
- Мэкензи Уоллэс. Традиции и быт России глазами иностранца. Этнографические очерки, 800 с.
- Прыжов И. Г. Очерки русского быта, 640 с.
- Август Гакстгаузен. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России, 672 с.

РУССКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

- Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. В 3-х томах, т. 1. – 1120 с.; т. 2. – 1120 с.; т. 3. – 1280 с.
- Воспоминания о Михаиле Каткове, 624 с.
- Воспоминания современников о Михаиле Муравьеве, графе Виленском, 464 с.
- Иван Аксаков в воспоминаниях современников, 544 с.
- Ягодинский В. Н. Александр Чижевский, 496 с.
- Алексей Хомяков в воспоминаниях, дневниках, переписке современников, 608 с.
- Николай Краинский. Психофильм русской революции, 624 с.
- Михаил Чижов. Константин Леонтьев, 640 с.
- Личутин В. В. По морю жизни – на русском челне, 976 с.
- Краинский Д. В. Записки тюремного инспектора, 896 с.
- Станислав Куняев. Воспоминания, 688 с.
- Константин Петрович Победоносцев в воспоминаниях современников, речах и письмах, 624 с.
- Крупин В. Н. Море житейское, 752 с.
- Славянофилы в воспоминаниях, дневниках, переписке современников, 656 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

- Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.
- Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.
- Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
- Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
- Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
- Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
- Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.

- Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
- Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
- Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
- Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
- Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
- Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
- Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
- Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
- Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
- Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
- Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
- Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
- Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.
- Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.
- Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.
- Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.
- Очерки истории русской иконы, 592 с.
- Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.
- Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.
- Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.
- Синодикъ, или Куликовская битва в лицах, 736 с.
- Русский государственный календарь, 728 с.
- Пецко А. А. Великие русские достижения. Мировые приоритеты русского народа, 560 с.
- Русская артель, 672 с.
- Русская община, 1376 с.
- Платонов О. А. Русский народ. История. Душа. Победы, 816 с.

- Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации», 1072 с.
- Минаков А. Ю. Русская партия в первой четверти XIX века, 528 с.
- Кикешев Н. И. Славянская идеология, 704 с.
- Катасонов В. Ю. Экономическая теория славянофилов и современная Россия, 656 с.
- Прохоров Г. М. Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое, 416 с.
- Катасонов В. Ю. Экономика Сталина, 416 с.
- Аверьянов В. В., Венедиктов В. Ю., Козлов А. В. Артель и артельный человек, 688 с.
- В. Ю. Катасонов, В. Н. Тростников, Г. М. Шиманов. История как Промысл Божий, 640 с.
- Колесов В. В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове, 1120 с.
- Катасонов В. Ю. Православное понимание общества, 432 с.
- Катасонов В. Ю. Россия и Запад в XX веке: История экономического противостояния и сосуществования, 736 с.
- Куняев С. Ю. Русское слово и мировое зло, 880 с.
- Кикешев Н. И. Истоки славянской цивилизации: Мифы. Гипотезы. Открытия, 912 с.
- В. Аладьин, В. Ковалев, С. Малков, Г. Малинецкий. Помни войну. Аналитический доклад российскому интеллектуальному клубу, 480 с.
- Маюров А. Н. Борьба с пьянством в России с древних времен до наших дней, 880 с.
- Большаков В. В. Сионизм и коммунизм. Корни родства и причины вражды, 1248 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЕ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»

- Юрген Граф. На пути к Апокалипсису. Что ждет коренные народы Европы? 624 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

- Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
- Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.

- Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
- Платонов О. Пролог царевубийства, 496 с.
- Платонов О. История царевубийства, 768 с.
- Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
- Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
- Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
- Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
- Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
- Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
- Платонов О. Заговор царевубийц, 528 с.
- Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

ПЛАТОНОВ О. А. СОБРАНИЕ ТРУДОВ В 6 ТОМАХ

- Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.
- Платонов О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма, 1120 с.
- Платонов О. А. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ, 1344 с.
- Платонов О. А. Разрушение Русского царства, 912 с.
- Платонов О. А. Война с внутренним врагом, 1296 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в издательстве МОФ «Родная страна» (тел. 8(495)-788-55-74, mofrs@yandex.ru, www.mofrs.ru), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова, 4, тел. 8(495)-620-36-94) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)